

Е.А. Матвиенко

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь
Общественное объединение «Белорусский республиканский союз юристов»
Государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси»
Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр»

НАСЛЕДИЕ ПРАВА

Е.А. Матвиенко

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Минск
«ЮрСпектр»
2025

УДК 34(476)(081)

ББК 67(4Бел)я44

МЗЗ

Серия основана в 2012 году

Члены научного совета проекта «Наследие права»:

директор Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь *А.А. Гаев*; *В.А. Дорошкевич*; заслуж. юрист Республики Беларусь, судья Суда Евразийского экономического союза *А.А. Забара*; зам. Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь *В.Д. Ипатов*; д-р юрид. наук, проф., заслуж. юрист Республики Беларусь, науч. консультант кафедры хозяйственного права БГУ *В.С. Каменков*; канд. юрид. наук, доц., Министр юстиции Республики Беларусь *Е.И. Коваленко*; *А.В. Конюк*; *О.Э. Кравцов*; директор Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь *А.Ф. Мательский*; д-р юрид. наук, проф., судья Конституционного Суда Республики Беларусь *Л.М. Рябцев*; начальник Департамента правового обеспечения Постоянного Комитета Союзного государства *О.Л. Слижевский*; генеральный директор ООО «ЮрСпектр» *О.В. Сломенец*; д-р юрид. наук, проф., заслуж. юрист Республики Беларусь, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин БГЭУ *В.М. Хомич*.

Координатор проекта: заместитель генерального директора по связям с общественностью ООО «ЮрСпектр» *Д.В. Римша*.

Матвиенко, Е. А.

МЗЗ Избранные труды / Е. А. Матвиенко. – Минск : ЮрСпектр, 2025. – 496 с. – (Наследие права).

ISBN 978-985-90561-8-5.

В книге представлены наиболее значимые труды известного белорусского ученого-правоведа, профессора Евгения Александровича Матвиенко (1925–1997). Избранные произведения посвящены проблемам уголовного процесса, организации работы суда, прокуратуры и иных правоохранительных органов.

Издание предназначено для ученых-правоведов, работников законотворческих и правоохранительных органов, сотрудников судебной системы, практикующих юристов, адвокатов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей учреждений высшего образования.

УДК 34(476)(081)

ББК 67(4Бел)я44

ISBN 978-985-90561-8-5

© Матвиенко А. Е., 2025

© Оформление. ООО «ЮрСпектр», 2025

Содержание

От организаторов проекта

<i>В.В. МИЦКЕВИЧ</i>	8
<i>А.Ф. МАТЕЛЬСКИЙ</i>	10

Об авторе

Евгений Александрович Матвиенко – ученый, педагог, общественный деятель, патриот	12
Иномарка	18

МОНОГРАФИИ

Судебное следствие в советском уголовном процессе	22

Уголовный процесс БССР	37

Глава V. Доказательства в советском уголовном процессе	37
§ 1. Понятие и задачи доказывания	37
§ 2. Установление объективной истины – цель доказывания	40
§ 3. Понятие доказательств и источников их получения. Относимость и допустимость доказательств	44
§ 4. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу	48
§ 5. Процесс доказывания	52
§ 6. Доказывание и процессуальные презумпции	63
§ 7. Классификация доказательств	66
Глава VI. Источники доказательств	72
§ 1. Показания свидетелей	72
§ 2. Показания потерпевшего	76
§ 3. Показания обвиняемого	77
§ 4. Показания подозреваемого	79
Глава XII. Судебное разбирательство	81
§ 1. Сущность и значение судебного разбирательства	81
§ 2. Общие условия судебного разбирательства	83
§ 3. Подготовительная часть судебного заседания	99
§ 4. Судебное следствие	105

Судебная речь	118
Предисловие	118
Глава I. Судебные прения и их роль в уголовном судопроизводстве	120
§ 1. Сущность и значение судебных прений	120
§ 2. Порядок и пределы судебных прений	126
§ 3. Этические основы судебных прений	129
Глава II. Участники судебных прений. Их процессуальное положение	136
§ 1. Прокурор, его полномочия и обязанности в суде	136
§ 2. Защитник, его функции и правовое положение в суде	146
§ 3. Общественный обвинитель и общественный защитник	162
§ 4. Иные участники судебных прений	172
Глава III. Обвинительная речь прокурора	184
§ 1. Значение обвинительной речи и ее построение	184
§ 2. Вступительная часть речи	188
§ 3. Изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела)	199
§ 4. Анализ и оценка собранных по делу доказательств	205
§ 5. Обоснование квалификации преступления	216
§ 6. Характеристика личности подсудимого и потерпевшего	222
§ 7. Соображения о мере наказания и разрешении вопросов, связанных с возмещением причиненного ущерба	225
§ 8. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступлений	229
§ 9. Заключительная часть	232
§ 10. Подготовка прокурора к выступлению в суде	234
Глава IV. Защитительная речь	238
§ 1. Значение защитительной речи и ее построение	238
§ 2. Вступительная часть защитительной речи	247
§ 3. Анализ фактических и юридических обстоятельств уголовного дела	258
§ 4. Нравственно-психологическая характеристика личности подсудимого и мотивов его поведения	269
§ 5. Заключительная часть	278
§ 6. Подготовка защитника к выступлению в суде	279
Глава V. Основные требования, предъявляемые к форме судебной речи. Техника речи	283
§ 1. Значение формы судебной речи	283
§ 2. Ясность и точность речи	285
§ 3. Простота и выразительность речи	287
§ 4. Эмоциональность речи	297
§ 5. Полнота и лаконичность речи	302
§ 6. Грамотность и культура речи	303

§ 7. Композиционная стройность речи.....	306
§ 8. Стиль и техника речи.....	308
Литература.....	312
Приговор суда и его исполнение.....	318
Глава I. Постановление приговора.....	318
§ 1. Сущность и значение приговора.....	318
§ 2. Основные требования, предъявляемые к приговору суда.....	320
§ 3. Порядок постановления приговора	326
§ 4. Законная сила приговора	335
Глава II. Исполнение приговора – завершающая стадия уголовного процесса.....	341
§ 1. Сущность и значение стадии исполнения приговора.....	341
§ 2. Порядок обращения приговоров к исполнению.....	345
Глава III. Процессуальные вопросы, разрешаемые судом при исполнении приговоров	354
§ 1. Круг вопросов, разрешаемых судом в стадии исполнения приговора.....	354
§ 2. Отсрочка, рассрочка и приостановление исполнения приговора	357
§ 3. Замена и изменение наказания	373
§ 4. Исполнение приговора при наличии других неисполненных приговоров	393
§ 5. Разрешение всякого рода сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора	410
Глава IV. Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.....	429
§ 1. Назначение дела к слушанию.....	429
§ 2. Процессуальный порядок рассмотрения судом вопросов исполнения приговора	432
Литература.....	440
СТАТЬИ	
Уголовный процесс	442
Об Уголовно-процессуальном кодексе Белорусской ССР.....	447
Спорные вопросы относимости и допустимости судебных доказательств	462
Изменение обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции	468
К разработке вопросов, связанных с исполнением приговоров.....	485
Библиографический список трудов Е.А. Матвиенко, опубликованных в настоящем издании.....	494

От организаторов проекта

Валерий Вацлавович МИЦКЕВИЧ

*Председатель общественного объединения
«Белорусский республиканский
союз юристов»,
начальник Секретариата Всебелорусского
народного собрания*

Уважаемый читатель!

Шестнадцатый выпуск серии посвящен выдающемуся человеку – кандидату юридических наук, профессору Матвиенко Евгению Александровичу.

Более десяти лет Евгений Александрович являлся заведующим кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета. За эти годы коллективом кафедры были подготовлены и изданы учебное пособие по уголовному процессу, практикум, ряд комментариев по уголовно-процессуальному законодательству.

Евгений Александрович – автор многих фундаментальных трудов. Его работы («Приговор суда и его исполнение», «Судебная речь» и другие) не утратили своей актуальности и до сих пор востребованы среди обучающихся, теоретиков права и практикующих юристов. Профессор внес значимый вклад в развитие отечественной правовой науки и формирование правоприменительной практики.

Успешно сочетая в себе лучшие качества исследователя и педагога, Евгений Александрович много сил и времени посвятил работе со студентами и аспирантами по привитию им уважения к букве и духу закона, развитию их научно-исследовательского потенциала.

Сборник предоставляет замечательную возможность оценить разнообразие научных трудов Евгения Александровича, глубину и основательность его авторской мысли.

Уверен, что знакомство с данным выпуском станет источником вдохновения для новых научных изысканий и публикаций студентов, аспирантов, ученых-правоведов, практикующих юристов и всех тех, кого искренне интересуют вопросы развития права.

Андрей Францевич МАТЕЛЬСКИЙ

*Директор Национального центра
законодательства и правовой информации
Республики Беларусь*

Уважаемые читатели!

Частью коллективной памяти народа и его национальной идентичности являются воспоминания о людях, жизненный путь которых воплощает в себе служение обществу, науке и праву. Их биографии представляют собой живые учебники истории, где личные подвиги и профессиональные достижения переплетаются с судьбой страны и объединяют целые поколения общими ценностями – патриотизмом, справедливостью, законностью.

Очередное издание в рамках проекта «Наследие права» посвящено 100-летию выдающегося белорусского ученого-правоведа профессора Евгения Александровича Матвиенко, чья судьба не только переплетена с правовой наукой Беларуси, но и являет собой пример самоотверженного служения Родине.

Евгений Александрович родился в эпоху, когда мир стоял на пороге потрясений. Трагические события Великой Отечественной войны застали будущего ученого семнадцатилетним юношей. Сражаясь в рядах гвардейского полка и авиаполка дальнего действия, Е.А. Матвиенко с честью выполнял свой долг, а его боевые заслуги были отмечены орденами и медалями.

Научный путь Евгения Александровича начался в послевоенные годы с обучения в аспирантуре Института права Академии наук СССР.

После успешной защиты кандидатской диссертации в 1951 году ученый всю свою долгую и плодотворную профессиональную жизнь посвятил кафедре уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета: много лет он работал доцентом этой кафедры, затем возглавил ее. В 1978 году Е.А. Матвиенко было присвоено ученое звание профессора.

Воспоминания коллег, сохранившиеся архивные материалы позволяют охарактеризовать Евгения Александровича как талантливейшего организатора, который твердо следовал своим принципам и предъявлял высокие требования к себе и окружающим.

Ученый является автором более 60 научных публикаций, в числе которых 7 монографий и 4 учебных пособия. Среди наиболее ярких научных произведений – монография «Судебная речь», ставшая неотъемлемой частью подготовки и повышения профессионализма многих поколений судей.

Евгений Александрович оказал существенное влияние на развитие теории доказательств в уголовном процессе. Его исследования являются собой достойный подражания пример глубокого анализа принципов и структуры доказательств, методологии их применения в уголовном судопроизводстве. В своих трудах профессор систематизировал практический опыт судебных разбирательств, что позволило ему создать инструментарий для объективной оценки доказательств и установления истины по уголовным делам. Научные направления, которые разрабатывал Е.А. Матвиенко, актуальны и сегодня: проблемы быстрого и точного исполнения приговора в уголовном судопроизводстве, понятие и процессуальное положение подозреваемого, применение в отношении него мер пресечения и иные.

Страницы этой книги свидетельствуют об актуальности идей Евгения Александровича и позволяют вести интересный и содержательный диалог с ученым сквозь время, напоминая нам, что право – это не просто тексты, а результат неустанного труда людей, вдохнувших в них жизнь.

Евгений Александрович Матвиенко – ученый, педагог, общественный деятель, патриот

Евгений Александрович Матвиенко – выдающийся советский ученый-правовед, значительная часть профессиональной деятельности которого связана с Белорусским государственным университетом, где проявился его многогранный талант ученого-юриста, педагога, оратора, руководителя научно-педагогического коллектива.

Евгений Александрович Матвиенко родился 15 апреля 1925 г. в г. Абакане Красноярского края в семье служащего. Через несколько лет семья переехала в Казахстан по новому месту работы отца. Воспитание в семье, огромные интеллектуальные способности сформировали у Евгения Александровича такие качества характера, как дисциплинированность, трудолюбие, уважительное отношение к людям. С теплотой Евгений Александрович вспоминал своих школьных учителей, прививших ему чувства товарищества, коллективизма, справедливости. Некоторые методические приемы своих школьных наставников Евгений Александрович с успехом применял в будущем в преподавательской деятельности. Он утверждал, что хорошая средняя школа – основа всей жизни человека, со временем знания забываются, но то, что заложено в школе, остается на всю жизнь. С интересом изучая все школьные предметы, Евгений Александрович

Евгений Александрович
Матвиенко. 1960

особое внимание уделял математике и мечтал после окончания школы углубить свои знания в данной сфере. Однако эти планы не были реализованы. Началась Великая Отечественная война. Миллионы советских юношей и девушек рвались на фронт. Еще будучи школьником, Е.А. Матвиенко вместе со своими одноклассниками решили самостоятельно добраться до мест боевых действий, но в пути были задержаны и отправлены назад к родителям.

В мае 1942 г. после окончания средней школы Е.А. Матвиенко добровольно вступил в ряды Красной армии и был направлен на учебу в Ленинградское авиатехническое училище (г. Магнитогорск). С августа 1943 г. до окончания Великой Отечественной войны находился в действующей армии в составе 7-го гвардейского полка, а затем III бомбардировочного авиаполка Дальней авиации в качестве механика самолета, механика по радио, радиста, техника по радио. С мая 1945 г. по апрель 1947 г. был в составе Группы советских оккупационных войск в Германии. За героическое участие в боях во время Великой Отечественной войны Е.А. Матвиенко получил многочисленные награды, среди которых орден Отечественной вой-

Старшина Е.А. Матвиенко.
1944

ны II степени, медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

После окончания Великой Отечественной войны Е.А. Матвиенко начал совмещать службу в Советской армии с учебой во Львовском государственном университете. После демобилизации в 1947 г. продолжил обучение в Алма-Атинском юридическом институте, который окончил в 1948 г.

Молодой, пытливый ум Е.А. Матвиенко требовал более глубокого знания права, и в 1948 г. Евгений Александрович поступает в аспирантуру Института права Академии наук СССР в Москве. Потребовалось немного времени для адаптации к условиям большого города и научному коллективу.

Е.А. Матвиенко (слева) с летным составом
111-го бомбардировочного авиаполка
50-й бомбардировочной
авиадивизии. 1945

Вскоре научным руководителем по подготовке кандидатской диссертации Евгению Александровичу был назначен доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Соломонович Строгович и определена тема – «Судебное следствие в уголовном процессе».

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. шли бурные обсуждения путей развития юридической науки, практики и законодательства.

Проводилось множество дискуссий, в том числе публичных семинаров, обсуждений публикаций. Непременным участником этих мероприятий был и аспирант Е.А. Матвиенко. Изучение юридической литературы, посещение судебных процессов, консультации М.С. Строговича, в том числе отчеты по заданным научным руководителем темам (что-то наподобие зачетов), приносили положительные результаты. Будучи сначала пассивным наблюдателем происходящего, Е.А. Матвиенко постепенно превратился в активного участника с аргументированными выступлениями по обсуждаемым вопросам. Именно в Институте права АН СССР Е.А. Матвиенко учился ораторскому мастерству, которое оттачивал всю свою последующую профессиональную деятельность. Выступления Н.Н. Полянского, А.Я. Вышинского, М.С. Строговича, С.А. Голунского служили образцом глубины излагаемого материала, простоты и доступности для понимания, оставив глубокий след в выработке Е.А. Матвиенко своего стиля выступлений на научных конференциях, ученых советах, собраниях студентов. Именно в Институте права АН СССР у него определилась сфера научных интересов по проблемам реализации норм уголовно-процессуального права, что впоследствии было воплощено в его научных трудах.

В 1951 г. Е.А. Матвиенко защитил кандидатскую диссертацию. После окончания аспирантуры был направлен на работу в Минский юридический институт.

Послевоенный Минск лежал в руинах. Много усилий жители города и близлежащих населенных пунктов приложили к тому, чтобы превратить город в место, пригодное для проживания. По прибытии в г. Минск Е.А. Матвиенко подключился к расчистке улиц, подготовке площадок для возведения новых строений.

В Минском юридическом институте Е.А. Матвиенко не только преподавал такие учебные предметы, как «Уголовный процесс»,

Е.А. Матвиенко (крайний справа). Польша. 1945

«Судоустройство», подготовка по которым была осуществлена в Институте права АН СССР, но и подключался иногда к преподаванию других юридических учебных дисциплин. В начале 1950-х гг. в Беларуси свои национальные преподавательские кадры еще не были подготовлены. В Минском юридическом институте, преобразованном в 1954 г. в юридический факультет Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина, учебный процесс в значительной мере обеспечивали опытные преподаватели из юридических вузов Москвы, Ленинграда, других городов СССР.

За время работы в БГУ Е.А. Матвиенко прошел все ступени своей научно-педагогической деятельности. С 1974 г. – заведующий кафедрой уголовного процесса, позже переименованной в кафедру уголовного процесса и прокурорского надзора. Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 22 сентября 1978 г. Е.А. Матвиенко без защиты докторской диссертации присвоено ученое звание профессора.

Активная публикационная деятельность Е.А. Матвиенко началась еще в 1950-е гг. Реформа советского законодательства в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в значительной мере затронула правовые аспекты организации и деятельности судов. Реформе предшествовали дискуссии на страницах юридических журналов, сборников статей. Автором многих публикаций был Е.А. Матвиенко. Некоторые положения его работ не утратили своей актуальности до настоящего времени. Так, Евгений Александрович первый обратил внимание на необходимость более широкого участия суда в стадии исполнения приговора. По его мнению, суд не должен ограничиваться лишь постановлением приговора. В его обязанности должно входить осуществление контроля за процессом исполнения решений, содержащихся в приговоре суда. Статьи Е.А. Матвиенко «Некоторые вопросы исполнения приговора в советском уголовном процессе» (Вопросы уголовного права и процесса. Вып. 1. Минск : БГУ, 1958. С. 183–200) и «К разработке вопросов, связанных с исполнением приговора» (Советское государство и право. 1959. № 9. С. 94–97) стали основополагающими не только для Уголовно-процессуального кодекса БССР, но и для общесоюзного законодательства. Евгений Александрович продолжил исследовать данную проблематику, и в 1968 г. была издана его монография «Приговор суда и его исполнение», часто цитируемая и в современной юридической литературе.

На Первомайской демонстрации. 1970-е гг.

Много научных статей, автором которых был Е.А. Матвиенко, опубликовано в таких общесоюзных журналах, как «Советское государство и право», «Социалистическая законность», «Советская юстиция» и др.

Диапазон научных интересов Е.А. Матвиенко был удивительно широк. Еще в годы учебы в аспирантуре его заинтересовали вопросы доказательственного права в уголовном процессе. Евгения Александровича не переставали волновать такие аспекты теории доказательств, как предмет доказывания в уголовном процессе, преюдициальный характер приговоров, спорные вопросы относимости и допустимости доказательств, установление объективной истины в уголовном процессе. Свою позицию по данным проблемам Е.А. Матвиенко изложил в серии статей, опубликованных в белорусской и общесоюзной юридической печати еще в 1950–1960-х гг. Его научные взгляды, адаптированные для понимания студентами, были сформулированы в учебном пособии «Уголовный процесс БССР», второе издание которого вышло в 1979 г.

Широкую известность получил фундаментальный труд Е.А. Матвиенко «Судебная речь», изданный в 1967 г. и 1972 г. (2-е изд., доп.). Глубокая научность наряду с практической направленностью, блестящий стиль изложения сделали книгу одной из самых известных, часто цитируемых современными авторами.

Кроме научных работ, выполненных единолично Е.А. Матвиенко, вышли в свет его монографии в соавторстве с другими учеными. Тематика их разнообразна. Среди этих трудов особой глубиной исследования отличается монография «Подозреваемый в советском уголовном процессе», написанная совместно с С.П. Бекешко и изданная в 1969 г. В юридической науке давно велась полемика о процессуальном статусе подозреваемого в уголовном процессе, его продолжительности, переходе в статус обвиняемого, а в некоторых случаях потерпевшего или свидетеля. Монография «Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования», выполненная в соавторстве с Н.И. Николайчиком и изданная также в 1969 г., многопланова как по своему замыслу, так и по его реализации. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела рассматривались как принцип уголовного процесса. Значение монографии состоит в особенностях применения данного принципа при расследовании уголовных дел. В 1982 г. совместно с В.Н. Бибило была подготовлена и опубликована монография «Уголовное судопроизводство по исполнению приговора» с использованием нового законодательства и практики его применения.

Е.А. Матвиенко на протяжении всей своей преподавательской деятельности оттачивал педагогическое мастерство, читая лекции студентам, проводя занятия с аспирантами. Свои представления о методике преподавания он излагал на научных конференциях методологической

направленности, в юридических журналах. Например, статья «Совершенствовать формы подготовки студентов-юристов» была опубликована в журнале «Советское государство и право» (1961. № 4).

В течение всей своей научно-педагогической деятельности Е.А. Матвиенко участвовал в работе различных юридических сообществ. Он входил в состав Юридического совета при Президиуме Верховного Совета БССР, Научно-консультативного совета при Верховном Суде БССР, Методического совета Прокуратуры БССР, Научно-методического совета республиканского общества «Знание». В 1978 г. принимал участие в работе Комитета ООН по правам человека в составе делегации Белорусской ССР.

Е.А. Матвиенко был известным популяризатором правовых знаний среди населения. Как лектор общества «Знание», он часто выступал в трудовых коллективах, вузах, школах. Умение изложить сложный материал в доступной для слушателей форме – мастерство, которым Евгений Александрович владел блестяще. Богатая лексика, эмоциональная насыщенность, актуальная проблематика устных выступлений оставляли глубокий след в памяти присутствующих. Мастерству его выступлений приходили учиться преподаватели и студенты других вузов Беларуси.

Уже многие годы Евгения Александровича нет в этом мире, но его идеи, научные позиции, выводы не теряют своей актуальности, продолжают иметь значение для развития юридической науки, практики и законодательства. Намеченные Е.А. Матвиенко пути научных исследований уточняются и углубляются с позиций нынешних достижений в развитии современного общества.

*Андрей Викторович ШИДЛОВСКИЙ,
кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета
Белорусского государственного университета*

*Анатолий Александрович ДАНИЛЕВИЧ,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и прокурорского надзора юридического факультета
Белорусского государственного университета*

*Валентина Николаевна БИБИЛО,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора юридического факультета
Белорусского государственного университета*

Иномарка

Рассказ о старшине 111-го бомбардировочного авиаполка Евгении Александровиче Матвиенко

Я вернулся на фронт из госпиталя, куда загремел по нелепой случайности. Всего-навсего упал с крыла «Бостона» и сломал ногу. Пока игрывал с медсестрами, наш авиаполк получил двухмоторные бомбардировщики Б-25 «Митчелл».

Надежность машины мы оценили быстро. Она точно умела летать на честном слове и одном крыле. По крайней мере, одном моторе. Нам говорили, что советские самолеты – лучшие в мире. А мы летали на иномарках. Ценили их.

Артиллерия ПВО нас обрабатывала плотно. Но «двадцать пятые» в дырках и дыму как-то дотягивали до аэродрома. Некоторые бились уже на посадке.

Не хватало рук. Механики не успевали латать самолеты. Мелкие пробоины от осколков и пуль никто не заделывал. Через пятак вылетов бомбардировщик выглядел как побитый оспой. Поэтому летный состав впахивал на аэродроме наравне с технарями, хотя это не положено. Я тоже, техник-радиотехник по штату, но с боевыми вылетами в качестве стрелка-радиста.

Из зимы сорок пятого больше всего запомнилось, как хотелось спать. Мы против воли дремали даже в воздухе. Что уж говорить

на земле! Помню, помог механикам перекинуть двигатель. Потом сел на колесо отдохнуть, обняв руками стойку шасси, понятное дело – заснул. Так и сидел, пока запускали и опробовали мотор. Воздушный винт вращался в метре или двух от лица, над головой гремел выхлоп, а я не слышал.

Как-то меняли двигатель, технари доложили, что ремонт затягивается. Тут на беду меня обнаружил комэск. Говорит, ты, старшина, вроде как училище стрелков кончал. Значицца, днем слетаешь хвостовым стрелком: в экипаже соседей некомплект.

Навалилось поганое предчувствие. Если самолет не гибнет весь, то у хвостового стрелка самый большой шанс загнуться. Представьте, «Фокке-Вульф» ПВО обычно заходит в хвост. Фриц закрыт мотором. У него целая батарея пушек и пулеметов. У стрелка бомбардировщика два пулемета и прозрачное остекление кабины вместо брони. Поэтому часто бывало: самолет с виду цел, а в хвосте труп. Когда подбивали, то стрелок полз к люку через весь фюзеляж и покидал борт последним. Если успевал.

Я отправил письмо родным в Федоровку, в Северный Казахстан. Мол, люблю, помню, обнимаю, не поминайте лихом.

Полетели, и как чувствовал. Не под истребителей, правда, попали, а под зенитки. Рвануло под самым брюхом. В фюзеляже дым, с обоих бортов дым. Прыгать – куда? Внизу немцы.

Командир проорал, что сбивает огонь. Кинул машину в пике – и в вираж. Дыма и правда меньше стало. Потянули на восток.

Линию фронта переползли на какой-то сотне метров, пошли над лесом, теряя высоту. Потом вдруг мягко так самолет завалился на крыло и рухнул вниз. Удар был страшный.

Очнулся, лежу на спине. Все тело – сплошная боль. Перед глазами пулеметы и разбитое остекление. Так часа два не мог выбраться. Пехота подсобила, вытащили.

Смотрю: мать честная, «бэшка» наша утонула в болоте, пробив лед. Только хвост с киями и стабилизатором над жижей торчит. Как памятник. Весь экипаж погиб. Лишь я выжил, хвостовой стрелок-смертник.

На войне часто бывало, когда живыми оставались на опасных местах, а другие гибли. Вернулся в свой экипаж и долетал до Победы без единой царапины. Значит, так суждено было.

Войны больше нет. Из постели вырывает не крик дневального, а звонок будильника. Из кухни доносится шкворчание. Отец знает, что мне сегодня рано вставать, поднялся еще раньше и греет завтрак.

Квартира залита утренним светом. Папа встречает меня с полотенцем в руках. Какой он у меня славный, энергичный и молодежавый! Вместо «доброго утра» подхожу и обнимаю его. Он в неловкости от полотенца тоже обнимает меня одной рукой. У нас тридцать шесть лет разницы. Надо ценить каждое такое счастливое утро. Сколько их еще осталось?

А нисколько.

Он умер много лет назад. Мимолетная радость прижаться к нему доступна лишь во сне.

Отец прошел войну, не погиб в рухнувшем самолете. Сделал много больших дел и одно мелкое – меня. Этот небольшой рассказ написан по его воспоминаниям.

На полке пятнистая модель «Митчелла».

Светлая память тебе, папа.

*Анатолий МАТВИЕНКО,
кандидат юридических наук,
прозаик, киносценарист, член Правления
и Президиума Союза писателей Беларуси,
член Союза писателей Союзного государства*

Монографии

Судебное следствие в советском уголовном процессе¹

Матвиенко, Е. А. Судебное следствие в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Матвиенко Евгений Александрович ; Ин-т права Акад. наук СССР. – М., 1951. – 27 с.

Интересы социалистического правосудия требуют, чтобы по каждому уголовному делу, рассматриваемому советским судом, была установлена материальная истина и в точном соответствии с законом вынесен правильный и обоснованный приговор. Все процессуальные действия, вся система процессуальных форм и институтов, вся организация судебного разбирательства подчинены этой цели, служат средством для ее достижения.

Особенно важное значение в этом отношении имеет судебное следствие. Судебное следствие является узловой, центральной частью судебного разбирательства. На судебном следствии прodelывается основная работа по проверке и исследованию всех доказательств, как собранных по делу на предварительном следствии, так и представленных сторонами или истребованных судом по своей инициативе. Именно здесь судьи непосредственно выслушивают показания подсудимых и свидетелей, знакомятся со всеми имеющимися по делу доказательствами, проверяют правильность и обоснованность предъявленного подсудимому обвинения и на основе всех этих данных выносят свой приговор, в котором разрешается основной вопрос уголовного дела – вопрос о виновности

¹ Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научный руководитель – член-корреспондент Академии наук СССР, профессор М.С. Строгович.

или невиновности подсудимого и степени его уголовной ответственности за совершенное преступление.

Вот почему от того, как будет построено судебное следствие, в какой мере оно обеспечивает наиболее полное и всестороннее исследование обстоятельств дела, в значительной мере зависят как правильность решения дела по существу, так и достижение необходимого воспитательного результата судебного процесса. Отсюда вся важность и значение теоретического исследования указанных вопросов.

Предлагаемая работа представляет собой попытку на основе марксистско-ленинского учения о суде и правосудии с использованием материалов судебной практики дать систематическое изложение основных вопросов, связанных с проведением судебного следствия, с организацией исследования доказательств на суде в советском уголовном процессе.

В соответствии с содержанием излагаемых вопросов диссертация состоит из следующих 4 глав:

1. Судебное следствие – важнейшая часть судебного разбирательства.
2. Исследование доказательств на суде.
3. Изменение обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции.
4. Судебное следствие в уголовном процессе современных империалистических государств (США, Англия, Франция).

Работе предпослано краткое введение, в котором формулируются задачи и объем предстоящего исследования.

I

1. Советский суд, как и весь советский государственный аппарат и все социалистическое право в целом, принадлежит к надстройке над социалистическим базисом. Поэтому для научного исследования всех сторон деятельности советского суда, и в частности такой важнейшей части его деятельности, какой является судебное разбирательство уголовных дел, исключительно важное значение имеет учение товарища Сталина о соотношении базиса и надстройки, о служебной роли надстройки по отношению к базису.

В своем замечательном произведении «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин указывает: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка – это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические,

правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический – свою»¹.

«Если изменяется и ликвидируется базис, – отмечает товарищ Сталин, – то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка»².

Надстройка, однако, не пассивна по отношению к своему базису. Товарищ Сталин так характеризует роль надстройки: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не означает, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»³.

В свете этих сталинских положений становится особенно ясной огромная роль советского суда как органа государственной власти, осуществляющего социалистическое правосудие. Наказывая преступников, исправляя и перевоспитывая их, оказывая серьезное и глубокое воспитательное воздействие на других граждан, советский суд активно помогает социалистическому государству в его борьбе со всем, что мешает осуществлению великих задач по выполнению сталинских пятилеток, содействует строительству коммунизма в нашей стране.

2. Советский уголовный процесс, являющийся отраслью социалистического права, права нового высшего исторического типа, построен на началах подлинного советского демократизма, который, как указывает товарищ Сталин, «...является не “обычным” и “общепризнанным” демократизмом вообще, а демократизмом социалистическим»⁴.

Эти демократические начала пронизывают весь строй уголовного процесса и находят свое выражение в системе основных принципов, которые определяют собой построение всего уголовного процесса в целом и отдельных его стадий и институтов. Такими принципами, обеспечивающими осуществление правосудия в соответствии с интересами советского государства и народа и выражающими подлинно демократический характер нашего процесса, являются: 1) принцип публичности, 2) принцип материальной истины, 3) независимость судей и подчинение их только закону, 4) гласность, 5) устность, 6) непосредственность, 7) состязательность и 8) национальный язык судопроизводства.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1950, стр. 5.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1950, стр. 6.

³ Там же, стр. 7.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11. Стр. 518.

Эти же принципы определяют собой и построение судебного следствия, как одной из важнейших частей судебного разбирательства.

Наличие указанных принципов, лежащих в основе судебного следствия, дает суду громадные возможности для всестороннего исследования обстоятельств дела, для вынесения правильного, справедливого приговора и во много крат повышает убедительность и общественно-политический воспитательный результат судебных процессов.

В диссертации подробно анализируется значение каждого из этих принципов для судебного следствия, выясняются те процессуальные формы, в которых они реализуются на судебном следствии, и те непосредственные практические требования, которые из них вытекают.

3. Судебное следствие, как важнейшая часть судебного разбирательства уголовного дела, складывается из ряда процессуальных действий, которые совершаются участниками процесса – субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Такими субъектами уголовно-процессуальной деятельности на судебном следствии являются: а) суд (состав суда, рассматривающий дело), б) прокурор как государственный обвинитель, в) подсудимый, г) защитник, д) гражданский истец и его представитель.

В отдельных случаях в суде может участвовать гражданский ответчик – лицо, несущее материальную ответственность за действия подсудимого.

Каждый из этих субъектов процесса наделен определенными процессуальными правами, несет определенные процессуальные обязанности и участвует в судебном разбирательстве дела в соответствии с выполняемой им процессуальной функцией.

Поэтому при рассмотрении всех вопросов, связанных с организацией судебного следствия, весьма важно выяснить процессуальное положение каждого из указанных участников процесса, определить объем их прав и обязанностей на судебном следствии.

А. Суд является основным органом, деятельность которого определяет направление и исход уголовного процесса, составляет его важнейшую часть. Суду принадлежит функция окончательного решения дела по существу, оценка правильности и обоснованности требований и утверждений всех других участников процесса. Только суд может признать обвиняемого виновным и применить к нему предусмотренную законом меру наказания. Только суд может дать окончательную оценку всех собранных по делу доказательств и на основе их постановить приговор, являющийся основным актом советского социалистического правосудия.

Однако процессуальные полномочия суда этим не исчерпываются. Суд не только решает дело, но и направляет его рассмотрение, руководит ходом судебного следствия. Суд не ограничен доказательствами,

представленными сторонами, не связан требованиями сторон. Он сам активно участвует в исследовании всех обстоятельств дела, допрашивает подсудимого и свидетелей, осматривает место совершения преступления, истребует необходимые документы, т. е. делает все необходимое для того, чтобы обеспечить наиболее полное и всестороннее рассмотрение дела, вынесение правильного и обоснованного приговора.

Эта активная роль советского суда, обязанного обеспечить полноту и всесторонность исследования дела, установление по делу материальной истины, не ограничиваясь доказательствами, представленными сторонами, и не ставя исследование того или иного обстоятельства в зависимость от ходатайств сторон, постоянно подчеркивается Верховным судом СССР, отменяющим приговоры по делам, по которым суд недостаточно исследовал обстоятельства дела, не вызвал и не допросил нужных свидетелей, не проверил заключение экспертов, не затребовал важных для дела документов и т. д.¹

Б. Обязанность изобличения подсудимого, доказывание его вины в инкриминируемом преступлении, или, иначе говоря, поддержание обвинения в суде, лежит на обвинителе. Основным видом обвинения в советском уголовном процессе в настоящее время является государственное обвинение, поддерживаемое прокурором.

Поддержание государственного обвинения в суде является одной из основных функций прокуратуры, вытекающей из ее задач как органа, осуществляющего надзор за социалистической законностью. Выступая в суде в качестве государственного обвинителя, изобличая подсудимого – нарушителя советских законов, прокурор тем самым в определенной процессуальной форме осуществляет в суде свою функцию надзора за социалистической законностью, ведет борьбу с нарушителями советских законов.

В судебном заседании прокурор занимает процессуальное положение стороны. Выступая как сторона в процессе, прокурор ни в малейшей мере не перестает быть органом надзора за социалистической законностью, блюстителем закона.

Вся работа государственного обвинителя по поддержанию обвинения в суде складывается из трех основных частей: участия прокурора в подготовительной части судебного разбирательства, участия в проведении судебного следствия и выступления в прениях сторон.

В диссертации указывается на ошибочность встречающегося иногда мнения о том, что основная обязанность прокурора по поддержанию обвинения в суде сводится к произнесению обвинительной речи, и подчеркивается особо важное значение активного участия прокурора в проведении судебного следствия, в исследовании всех доказательств по делу.

¹ См.: Судебная практика Верховного суда СССР. 1950, № 6, стр. 11; 1950, № 3, стр. 17 и др.

В. Процессуальное положение подсудимого на судебном следствии является сложным. Будучи субъектом уголовно-процессуальной деятельности, подсудимый в то же самое время – это лицо, которое судят, которое обвиняют, действия которого служат предметом судебного исследования.

Все это накладывает определенный отпечаток на процессуальное положение подсудимого. Но это вовсе не означает, что подсудимый становится в каком-либо смысле «объектом исследования».

Подсудимый – субъект процесса, сторона в процессе. Как сторона в процессе, он наделен равными с другими сторонами процессуальными правами, необходимыми ему для охраны и защиты своих законных интересов. К числу этих прав относится прежде всего право подсудимого возбуждать разного рода ходатайства, давать свои объяснения как по существу всего дела, так и по поводу отдельных обстоятельств, участвовать в допросах свидетелей, экспертов и исследовании других доказательств, представлять суду новые доказательства, присутствовать при осмотре места совершения преступления, а также участвовать в прениях сторон, если по делу не выступает защитник.

В диссертации дается подробный анализ каждого из этих прав подсудимого, рассматриваются те процессуальные формы, в которых они реализуются на судебном следствии, и указываются те процессуальные последствия, которые влечет их нарушение.

Г. Важным процессуальным правом подсудимого, обеспеченным ему законом в соответствии со ст. 111 Конституции СССР, является его право иметь защитника в суде. В диссертации рассматривается значение участия защитника в судебном процессе, его процессуальное положение на суде, а также те непосредственные задачи, которые лежат на нем при проведении судебного следствия по делу.

Д. Потерпевший, понесший от преступления материальный ущерб, вправе предъявить к подсудимому и к лицам, несущим материальную ответственность за его действия, гражданский иск, который согласно ст. 14 УПК РСФСР подлежит рассмотрению совместно с уголовным делом. Рассмотрение и разрешение в советском уголовном процессе гражданского иска является одной из форм охраны государственного и общественного имущества и личной собственности граждан.

Гражданский истец и гражданский ответчик, как субъекты уголовно-процессуальной деятельности, наделены в процессе определенными процессуальными правами, необходимыми им для защиты своих интересов. В диссертации дается анализ этих прав и рассматривается процессуальное положение лиц, которые могут участвовать в процессе в качестве гражданских истцов и гражданских ответчиков.

4. Одной из особенностей отправления правосудия по уголовным делам является то, что исследование фактических обстоятельств дела в целях установления события преступления и лиц, виновных в его совершении, проходит в уголовном процессе два этапа: предварительное следствие (или дознание) и судебное следствие. Только по некоторым делам возможно непосредственное рассмотрение в суде без их расследования до суда.

Как предварительное, так и судебное следствие имеют свои непосредственные задачи, свои особенности, проводятся различными органами в различных условиях и различными методами. Поэтому правильное выяснение особенностей того и другого, определение объема проводимых исследований и конкретизация задач, стоящих перед ними, или, иначе говоря, установление соотношения предварительного и судебного следствия, является важным условием правильной организации как предварительного, так и судебного следствия.

На предварительном следствии в советском уголовном процессе лежит весьма важная задача. Эта задача, как правильно указывают авторы «Настольной книги следователя», заключается в том, чтобы «раскрыть преступление, уличить виновных в совершении преступления, всесторонне и объективно исследовать относящиеся к преступлению факты, собрать и закрепить необходимые доказательства»¹.

Органы предварительного следствия должны до суда и для суда выяснить, какое было совершено преступление, кто это преступление совершил, и подготовить все необходимые материалы для разрешения дела в суде по существу.

На судебном следствии суд, при активном участии сторон, проверяет и оценивает все доказательства, собранные по делу на предварительном следствии, проверяет правильность и обоснованность выводов, сделанных из них органами предварительного следствия.

Однако задачи судебного следствия этим не исчерпываются. Судебное следствие – это новое, вполне самостоятельное исследование, обладающее рядом значительных преимуществ по сравнению с предварительным следствием. Проводя исследование по делу, суд не может ограничиться простой проверкой материалов предварительного следствия. Если в ходе судебного следствия будет установлено, что то или иное имеющее значение для дела обстоятельство на предварительном следствии не выяснено, суд сам обязан принять все меры к его выяснению, пополняя имеющиеся в деле доказательства вызовом новых свидетелей, истребованием документов, назначением экспертов и т. д.

¹ Настольная книга следователя. Под ред. Генерального Прокурора СССР Г.Н. Сафонова. М., 1949, стр. 66.

Поэтому суд вправе направить рассматриваемое дело на исследование лишь в том случае, когда допущенные на предварительном следствии пробелы в исследовании фактических обстоятельств дела не могут быть восполнены на судебном следствии. Если же соответствующие действия могут быть совершены на судебном следствии, суд обязан рассмотреть дело, не возвращая его к исследованию.

Согласно ст. 23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик приговор суда может быть основан исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании.

Из требования ст. 23 Основ уголовного судопроизводства следует, что суд не вправе основывать свой приговор на материалах предварительного следствия, не проверенных на судебном следствии.

Как бы полно и всесторонне ни были собраны материалы дела на предварительном следствии, как бы ни казалась ясной виновность обвиняемого, все эти материалы подлежат обязательной проверке, а в случае необходимости, и дополнению на судебном следствии.

Верховный суд СССР придает большое значение этому требованию закона. В постановлении Пленума от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» Верховный суд СССР счел необходимым специально указать, что «согласно ст. 23 Основ судостроительства СССР и союзных республик суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании». Пленум Верховного суда СССР особо подчеркнул, что данные предварительного следствия должны быть обязательно рассмотрены и проверены в процессе судебного следствия, и только такие данные могут быть положены в основу приговора. Вынесение приговора на основе материалов предварительного следствия, которые не были предметом рассмотрения суда, является процессуальным нарушением, влекущим за собой обязательную отмену приговора¹.

5. Процессуальный порядок судебного следствия.

Судебное следствие, являясь важнейшей частью судебного разбирательства, в свою очередь, складывается из ряда процессуальных действий, которые проводятся в определенном порядке.

Установление порядка ведения судебного следствия, и в частности определение той последовательности, в которой будут исследоваться доказательства на суде, является не простым техническим вопросом, а имеет большое процессуальное значение. От того, как будет построено судебное следствие, в какой последовательности будут проверены доказательства на суде, в значительной мере зависит как успешность всего рассмотрения дела, так и убедительность судебного приговора.

¹ См.: Судебная практика Верховного суда СССР. 1950, № 9, стр. 2–3.

В диссертации подробно рассматриваются возможные варианты порядка исследования доказательств на суде, указывается на зависимость этого порядка от конкретных особенностей и обстоятельств разбираемого дела. В работе отмечается, что для успешного проведения судебного следствия весьма важное значение имеет не только установление той или иной последовательности проверки отдельных видов доказательств, но и проверка доказательств в пределах одного источника, например порядок допроса свидетелей, подсудимых и т. д.

II

Перед судом, разрешающим конкретное уголовное дело, стоит определенная задача – установить, имело ли место в действительности событие рассматриваемого преступления, виновен ли подсудимый в его совершении и какова степень его уголовной ответственности за это преступление. Дать правильный ответ на эти вопросы – это значит разрешить дело в соответствии с тем, что имело место в действительности, вынести приговор, отражающий материальную истину. Отыскание этой материальной (объективной) истины и составляет задачу судебного исследования.

Как уже отмечалось, по своему содержанию судебное исследование заключается в проверке и оценке всех доказательств, как собранных по делу на предварительном следствии, так и представленных сторонами или истребованных судом по своей инициативе. Рассматривая дело, исследуя все имеющиеся по делу доказательства, суд должен допросить подсудимого и свидетелей, заслушать заключение экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить имеющиеся в деле документы, в необходимых случаях осмотреть место совершения преступления, т. е. совершить ряд следственных действий, необходимых для исследования всех обстоятельств дела и выяснения конкретной вины каждого из привлеченных по делу лиц. Осуществление таких действий и составляет содержание судебного следствия.

1. *Допрос подсудимого.* Допрос подсудимого является одним из важнейших процессуальных действий, совершаемых судом и сторонами во время судебного разбирательства дела. Такое значение допроса подсудимого определяется прежде всего тем особым положением, которое занимает подсудимый на судебном следствии, тем значением, которое имеют показания подсудимого в процессе.

Согласно ст. 58 УПК РСФСР показания (объяснения) подсудимого являются одним из видов доказательств по делу и, как и любые доказательства, подлежат обязательной проверке и оценке судом на общих основаниях. Невыполнение этого требования, недостаточная тщательность в проверке показаний подсудимого, равно как и огульное

недоверие к ним, могут привести и иногда приводят к неправильному решению дела, к судебной ошибке.

Однако значение показаний подсудимого этим не исчерпывается. Показания подсудимого не только являются доказательством по делу, но и служат одним из средств защиты подсудимого в процессе. Давая свои показания (объяснения) по делу, подсудимый в то же самое время разъясняет те или иные обстоятельства дела, излагает свои соображения по существу всего обвинения в целом или отдельных его элементов, указывает суду на доказательства, опровергающие обвинение или смягчающие ответственность за совершенное преступление. Поэтому советский закон считает право подсудимого давать показания и объяснения на суде одним из основных процессуальных прав подсудимого, а его допрос – безусловным требованием по каждому делу. Рассмотрение дела без допроса подсудимого на судебном следствии означает ущемление процессуальных прав на защиту и имеет своим последствием отмену приговора¹.

Процессуальный порядок допроса подсудимого на суде регламентируется ст. 280 и 282 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик.

Согласно ст. 280 и 282 УПК РСФСР, а также исходя из смысла ст. 277 и 285 УПК РСФСР допрос подсудимого на судебном следствии состоит из двух частей: сначала подсудимому предлагается изложить суду все, что известно ему по делу, и дать свои объяснения по предъявленному ему обвинению; затем приступают ко второй части допроса, заключающейся в ответах подсудимого на вопросы, задаваемые ему судом и сторонами.

Содержание допроса подсудимого, техника и тактика его проведения во многом зависят от отношения подсудимого к предъявленному обвинению, от того, признает ли он себя виновным или не признает.

В зависимости от отношения подсудимого к предъявленному обвинению, от полноты данных показаний меняется содержание допроса подсудимого, способы его проведения.

В диссертации подробно рассматриваются особенности допроса подсудимого в каждом таком случае и указываются те приемы, которые должны применяться судом и сторонами для получения наиболее полных показаний подсудимого и их проверки на судебном следствии.

2. *Допрос свидетелей.* Показания свидетелей являются одним из наиболее распространенных видов доказательств в уголовном процессе. Судебная практика почти не знает уголовных дел, в которых бы в качестве доказательств не использовались свидетельские показания.

¹ См.: Определение судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Гончаренко (Судебная практика Верховного суда СССР, 1949, № 8, стр. 46–47 и др.).

Это и понятно, ибо «живое слово непосредственного очевидца события, спокойно и объективно повествующего следствию и суду об обстоятельствах этого события, о преступнике, об обстановке преступления и т. д., не может не иметь громадного значения для судебного решения»¹.

Свидетельские показания играют большую роль в установлении самого факта совершения преступления, в выявлении и изобличении лиц, виновных в совершении преступления, в выяснении действительных взаимоотношений между участниками процесса, в установлении причин и мотивов преступления, а также ряда других обстоятельств, необходимых для правильного решения дела. Нередко показания свидетелей являются основным доказательственным материалом, на основе которого суд строит свои выводы по делу, выносит приговор.

Поэтому изучение всех вопросов, связанных с организацией допроса свидетелей на суде, с оценкой свидетельских показаний, приобретает особо важное значение.

Допрос свидетеля на суде представляет собой процессуальное действие, заключающееся в получении от свидетеля сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для правильного решения рассматриваемого дела. Путем допроса суд и стороны имеют возможность выяснить у свидетеля все, что известно ему по делу, получить определенные данные, необходимые для проверки правильности его показаний, а в случаях, когда свидетель дает заведомо ложные показания, изобличить его во лжи. Иначе говоря, допрос свидетелей является тем процессуальным средством, с помощью которого суд и стороны получают показания о фактах, подлежащих установлению в данном деле, и проверяют достоверность этих показаний.

Процессуальный порядок допроса свидетелей на судебном следствии регламентируется ст. 284–293 УПК РСФСР.

Как сказано в ст. 285 УПК РСФСР, допрос свидетеля начинается с предложения рассказать суду все лично известное ему по делу, избегая изложения сведений, источник которых им не может быть указан; по окончании свободного рассказа свидетеля стороны и суд задают вопросы свидетелю по тем пунктам, которые они хотят выяснить (ст. 286).

Право задавать вопросы свидетелям принадлежит каждой стороне, и лишение ее этого права является процессуальным нарушением, которое может служить поводом для отмены приговора. То обстоятельство, что в рассмотрении дела участвует защитник, который производит соответствующий допрос свидетеля на судебном следствии, не лишает подсудимого права задавать свидетелю те вопросы, ответы на которые он желал бы получить.

¹ А.Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. 1950, стр. 268.

3. *Экспертиза в суде.* Согласно ст. 63 УПК РСФСР эксперты вызываются в суд в тех случаях, когда при рассмотрении дела возникает какой-либо специальный вопрос, для разрешения которого необходимы специальные познания в соответствующей области науки, искусства или ремесла.

Закон устанавливает определенный круг случаев, для которых производство экспертизы по делу является обязательным (примеч. к ст. 63 УПК РСФСР).

В тех случаях, когда обязательное назначение экспертизы по делу законом прямо не предусмотрено, суд должен внимательно разобраться во всех обстоятельствах дела, прибегая к помощи экспертов всякий раз, когда суд сталкивается с вопросами, требующими для своего разрешения специальных знаний. Верховный суд СССР в своих решениях по уголовным делам неоднократно указывал, что суд не вправе отказаться от вызова экспертов и производства экспертизы по делу, если таковая имеет существенное значение для правильного решения рассматриваемого дела¹.

Большое значение, которое имеет экспертиза в судебной практике, обуславливает необходимость тщательного выбора лиц, вызываемых органами следствия и суда в качестве экспертов.

Закон предъявляет к эксперту следующие требования: во-первых, он должен быть квалифицированным специалистом в той области знаний, которой будет касаться экспертиза, во-вторых, он не должен фигурировать по данному делу ни в какой другой процессуальной роли, и в-третьих, он не должен быть ни прямо, ни косвенно заинтересован в исходе дела (ст. 43 и 48 УПК РСФСР).

Назначая экспертизу по делу и оценивая заключение экспертов, суд должен прежде всего проверить, соответствует ли эксперт тем требованиям, которые предъявляются к нему законом, обладает ли он теми знаниями, которые необходимы для производства квалифицированной и полноценной экспертизы.

Вызов экспертов в судебное заседание производится тем же порядком, что и на предварительном следствии, т. е. порядком, предусмотренным ст. 130 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик. Эксперт обязан явиться по вызову суда и за отказ или уклонение от такой явки без уважительных причин отвечает по ч. 2 ст. 92 УК.

Права экспертов в судебном заседании значительно шире тех прав, которыми они располагают в стадии предварительного следствия. Эксперт имеет право присутствовать на судебном разбирательстве дела

¹ См.: Определение судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Брагиных (Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, 1948, стр. 221 и др.).

в течение всего судебного следствия или той его части, на которой исследуются обстоятельства, относящиеся к предмету экспертизы. Эксперт может задавать вопросы подсудимому и свидетелям, участвовать в осмотрах вещественных доказательств и места совершения преступления, делать заявления, высказывать свои замечания по делу, а также знакомиться с материалами дела, в том объеме, в каком это необходимо для дачи заключения (ст. 298 и 171–173 УПК РСФСР).

Содержание производимых экспертом исследований на суде различно: оно может заключаться в освидетельствовании людей, испытании и анализе вещественных доказательств, исследовании письменных документов и т. д. Результаты такого исследования представляются суду в виде письменного заключения, в котором содержится ответ эксперта на поставленные ему судом и сторонами вопросы.

Заключение экспертов, как и всякое иное доказательство, подлежит свободной оценке судей по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела и их совокупности.

Согласно ст. 298 и 300 УПК РСФСР заключение экспертов не является обязательным для суда. Суд не связан имеющимся по делу заключением экспертов и в случае своего несогласия с ним может либо назначить производство новой экспертизы, либо решить соответствующий вопрос вопреки заключению экспертов. Однако и в том и в другом случае суд согласно ст. 298 УПК РСФСР обязан подробно мотивировать свое несогласие с выводами экспертизы, указать, почему он считает заключение экспертов неправильным.

III

В процессе исследования доказательств на суде могут выявиться новые факты и обстоятельства, которые не были известны предварительному следствию и которые так или иначе изменяют фактический и юридический состав предъявленного подсудимому обвинения, а равно могут быть выявлены другие лица, которые должны нести ответственность за совершенное преступление. В этих случаях суд оказывается перед необходимостью в определенном, законом установленном порядке изменить первоначально предъявленное подсудимому обвинение и привести его в соответствие с результатами судебного следствия или привлечь к уголовной ответственности новых лиц.

Процессуальный порядок изменения обвинения в суде регламентирован ст. 312 и 313 УПК РСФСР, а привлечение новых лиц – ст. 314–316 УПК РСФСР.

1. Согласно ст. 312 УПК РСФСР суд, обнаружив во время судебного следствия совершение подсудимым другого преступления, не связанного с тем, о котором слушается дело, и влекущего для подсудимого более

тяжкое наказание, чем то, которое могло быть назначено по первоначальному обвинению, должен вынести определение о выделении дела по новому обвинению, а слушающееся дело довести до конца и постановить по нему приговор.

В тех случаях, когда обнаруженное на судебном следствии преступление не влечет за собой повышения наказания и обвинение в этом преступлении достаточно доказано материалами судебного следствия, суд может продолжить рассмотрение дела и по новому обвинению совместно с тем обвинением, по которому подсудимый был предан суду (ч. 1 ст. 312 УПК).

Если же новое обвинение находится в тесной связи с разбираемым делом и раздельное рассмотрение их невозможно, суд приостанавливает слушание дела и направляет его на доследование и дальнейшее рассмотрение в общем порядке (ч. 2 ст. 312 УПК).

2. На судебном следствии может выясниться также ряд новых обстоятельств, которые влекут изменение первоначальной формулировки обвинения и тем самым юридической оценки (квалификации) вменяемого подсудимому преступления.

Порядок дальнейшего движения дела в таком случае следующий:

а) если подлежащая применению статья Уголовного кодекса предусматривает более тяжкое наказание, чем оно было возможно по ранее предъявленной статье УК, и если при этом будет заявлено ходатайство какой-либо из сторон, суд приостанавливает слушание дела и направляет его для доследования (ч. 1 ст. 313 УПК РСФСР);

б) если же новая формулировка обвинения повышения наказания не влечет, то суд, не откладывая дела, должен довести его до конца и постановить приговор согласно новой формулировке обвинения (ч. 2 ст. 313 УПК РСФСР).

3. На судебном следствии может выясниться, что кроме того подсудимого, дело которого рассматривает суд, преступление было совершено также другими лицами, к уголовной ответственности еще не привлеченными.

При этом возможны два случая: а) когда преступление, совершенное новыми лицами, не связано с рассматриваемым делом и б) когда обвинение новых лиц находится в прямой связи с рассматриваемым делом.

Действующий УПК РСФСР регламентирует оба эти случая следующим образом:

а) суд, установив во время судебного заседания ряд обстоятельств, указывающих на совершение преступления кем-либо из лиц, не привлеченных по данному делу в качестве обвиняемых, выносит мотивированное определение о привлечении этих лиц к уголовной ответственности,

выделяет материалы дела, относящиеся к этим лицам, и направляет их на расследование в общем порядке (ст. 315 УПК РСФСР);

б) если же обвинение вновь привлеченных лиц находится в тесной связи с разрешаемым делом и отдельное рассмотрение их невозможно, суд приостанавливает слушание дела и направляет его в полном объеме на дополнительное расследование (ст. 316 УПК).

Определение суда о привлечении к уголовной ответственности новых лиц в процессуальном отношении равнозначно предъявлению обвинения.

IV

Четвертая глава диссертации посвящена разоблачению реакционной, антинародной сущности судебного следствия в уголовном процессе современных империалистических государств – США, Англии и Франции.

В диссертации показывается, что в эпоху империализма, и особенно после того, как мир разделился на два лагеря, лагерь демократии и социализма во главе с Советским Союзом, с одной стороны, и лагерь империализма и реакции во главе с США – с другой, когда классовые противоречия обнажились до самого основания и империалисты пытаются ввергнуть человечество в пучину новой мировой войны, буржуазный суд совершенно потерял облик органа, осуществляющего «правосудие» даже в буржуазном смысле этого слова, и полностью превратился в прямое орудие террористической расправы, в послушный придаток к полицейскому аппарату.

В этих условиях вся судебная процедура – это только внешняя оболочка, в которой под видом «правосудия» оформляются те состряпанные до суда, сфальсифицированные в полицейских застенках обвинения и доказательства, с помощью которых реакционная буржуазия пытается расправиться с передовыми борцами за дело рабочего класса и всех трудящихся, задушить все возрастающее движение за дело мира во всем мире.

Уголовный процесс БССР

Публикуется по книге: Уголовный процесс БССР : учеб. пособие для юрид. вузов / С. П. Бекешко, Н. Н. Гапанович, А. С. Кобликов, И. М. Мартинович, Е. А. Матвиенко [и др.] ; под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 1979. – 543 с. (гл. V; § 1–4 гл. VI; § 1–4 гл. XII).

Глава V

Доказательства

в советском уголовном процессе

§ 1. Понятие и задачи доказывания

Чтобы правильно разрешить уголовное дело, необходимо установить все его фактические обстоятельства в полном соответствии с действительностью. Органы расследования и суд по каждому конкретному делу обязаны выяснить, имело ли место преступление, кем оно совершено, какова степень вины и ответственности лица, привлеченного в качестве обвиняемого, какие правовые последствия должны наступить вследствие признания факта совершения преступления.

Дать ответ на эти вопросы можно лишь в результате глубокого и всестороннего исследования фактических данных и установления юридически значимых по делу обстоятельств, т. е. путем доказывания.

Доказывание – одна из важнейших составных частей уголовно-процессуальной деятельности, органически присущее ей свойство. Оно осуществляется на всех этапах уголовного судопроизводства, во всех его стадиях, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая исполнением приговора. Без доказывания нет и уголовного судопроизводства, ибо доказывание является необходимым условием и предпосылкой установления любых фактов, имеющих значение для дела и принятия любого решения по делу. Конечно, объем, пределы и характер доказывания на различных стадиях процесса неодинаковы. В зависимости от особенностей того или иного этапа движения дела доказывание может приобретать больший или меньший удельный вес, выступать на первый план или оставаться в тени, но в своей основе не меняется. Оно остается неотъемлемым свойством процессуальной деятельности на протяжении всего уголовного судопроизводства.

По своему характеру доказывание – акт познания, разновидность мыслительной деятельности человека, частный случай гносеологического процесса. При расследовании и разрешении уголовного дела органы расследования и суд воспринимают не само преступление, а определенные данные о нем, различные сведения относительно фактов, которые предшествовали или сопутствовали преступлению либо наступили после его совершения. Оценка полученных данных, выработка суждений и формулирование на их основе выводов относительно подлежащих установлению по делу обстоятельств составляет логическую сторону доказывания. Оно протекает в соответствии с законами мышления, в присущих ему специфических формах.

Однако доказывание в уголовном процессе не исчерпывается лишь логической, мыслительной стороной. Оно включает в себя практическую деятельность органов расследования и суда по обнаружению, закреплению, проверке и исследованию фактических данных, используемых в качестве доказательств, по обеспечению их полноты и доброкачественности. От того, насколько тщательно и полно будут собраны и исследованы доказательства, насколько своевременно и квалифицированно будут проведены соответствующие следственные и судебные действия, зависит правильность установления фактических обстоятельств дела, вынесение законного и обоснованного решения. Поэтому ошибочным представляется высказанное в литературе мнение, согласно которому сущность доказывания в уголовном процессе состоит в логическом оперировании доказательствами, сводится к логике суждений. Что касается практической деятельности по собиранию и проверке доказательственных данных, то она якобы не входит в судебное доказывание, а является лишь фактической предпосылкой к мыслительному, логическому процессу¹.

¹ См.: Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. М., 1958, с. 19–20.

Такое одностороннее определение содержания доказывания по уголовному делу искусственно разрывает, разобщает его рациональную и практическую сторону, умаляет значение последней. Между тем деятельность органов расследования и суда по отысканию, закреплению и проверке доказательств – не второстепенный процесс, а объективная основа доказывания. Прежде чем судить о чем-то, надо иметь материал для суждения. Отыскание, накопление и проверка такого материала составляют важнейшую часть доказывания, его неотъемлемое свойство. Лишить доказывание этого свойства – значит выхолостить его процессуальную суть, свести сложную, кропотливую и многообразную доказательственную деятельность органов расследования и суда лишь к одному из ее компонентов – оценке доказательств.

Столь же несостоятелен и противоположный взгляд, согласно которому доказывание рассматривается как исключительно практическая деятельность, как совокупность процессуальных действий, не включающих в себя логическую, мыслительную сторону доказывания, оценку доказательств¹.

Доказывание невозможно без глубокого осмысливания совершаемых действий и их результатов, без логической обработки и оценки доказательственной ценности собранных по делу данных, без формулирования определенных выводов, опирающихся на объективно истинные знания.

Доказывание в уголовном судопроизводстве всегда включает в себя как поиск, накопление и проверку доказательственной информации путем совершения предусмотренных законом следственных и судебных действий (процессуальный аспект), так и анализ и оценку этой информации, использование ее для обоснования выдвигаемых тезисов и формулирования выводов (логический аспект). Оба эти аспекта взаимно переплетаются, дополняют друг друга, образуют единый доказательственный процесс. В нем органически сочетаются эмпирическое и рациональное, мыслительная и практическая деятельность.

Именно такое сочетание позволяет рассматривать доказывание в уголовном судопроизводстве как деятельность правовую, которая осуществляется: а) в строгом соответствии с требованиями процессуального закона; б) уполномоченными на то органами и должностными лицами; в) путем собирания, исследования и оценки доказательств. Его задача – достоверное установление фактических обстоятельств уголовного дела, необходимых для принятия правильного решения.

Таким образом, *доказывание можно определить как осуществляемую в соответствии с предписаниями процессуального закона деятельность*

¹ См.: Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969, с. 29–32.

управомоченных на то органов и должностных лиц по установлению юридических значимых обстоятельств, необходимых для разрешения уголовного дела.

Нормы процессуального права, регламентирующие содержание, направление, формы и цели доказательственной деятельности, составляют доказательственное право. Наука, изучающая и разрабатывающая проблемы доказывания и доказательственного права, называется теорией доказательств¹.

§ 2. Установление объективной истины – цель доказывания

По каждому уголовному делу органы расследования и суд обязаны провести глубокое и всестороннее исследование, выяснить все юридически значимые обстоятельства, отыскать по делу истину. Установление объективной истины в уголовном процессе – непосредственная задача и цель доказывания, важная гарантия законности и обоснованности принимаемых решений.

В противоположность различного рода идеалистическим и агностическим взглядам марксистско-ленинское учение исходит из того, что в любой теоретической и практической деятельности человек способен отыскать объективную истину, иметь о ней правильное представление. «Быть материалистом, – указывал В.И. Ленин, – значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств»².

Истина – категория гносеологическая. Под истиной понимается правильное отражение в сознании человека объективной действительности, т. е. соответствие человеческих знаний, суждений, представлений об объектах познания самим этим объектом. Иначе, объективная истина – это такое содержание знаний, которое адекватно отражает сущность и свойства познаваемых реалий: вещей, явлений, процессов, отношений и т. п.

В уголовном судопроизводстве объективная истина – это соответствие выводов органов расследования и суда об обстоятельствах дела тому, что имело место в действительности. Установить по делу истину – значит с несомненностью выяснить все то, что составляет предмет исследования, что должно быть положено в основу принимаемого решения. Лишь достижение по делу объективной истины позволяет привлечь к уголовной ответственности и осудить только виновных в совершении преступления лиц и только в меру их вины. Вот почему отыскание по делу истины, постижение ее служат необходимой

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, с. 4–5.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 134.

предпосылкой правильного разрешения каждого уголовного дела, важным условием надлежащего отправления социалистического правосудия. И наоборот, всякое отступление от истины, неполное или неточное ее выявление ведут к серьезным ошибкам, ущемляют права и законные интересы советских граждан, ослабляют борьбу с преступностью.

Установление по делу объективной истины – задача в равной мере обязательная как для суда, так и для органов дознания и предварительного следствия. К моменту окончания предварительного расследования все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, должны быть выяснены с полной несомненностью, отражать объективную истину таким же образом, как и результаты судебного разбирательства при постановлении приговора. Различие между истиной, устанавливаемой на предварительном следствии и в суде, заключается не в ее характере, не в степени ее доказанности, а в тех правовых последствиях, которые она влечет: для органов дознания она служит основанием к направлению дела в суд, а для суда – основанием к вынесению приговора.

Относительно содержания объективной истины в уголовном процессе в нашей юридической литературе нет единства мнений. Одни авторы полагают, что понятием объективной истины охватываются достоверные выводы органов расследования и суда о фактических обстоятельствах уголовного дела, на основании которых делается вывод о наличии или отсутствии преступления, виновности или невиновности обвиняемого, степени его вины и ответственности, обоснованности гражданского иска и т. д. Другие считают, что в содержание объективной истины включается также и правовая оценка установленных по делу фактов, квалификация совершенного деяния. Третьи – что в предмет объективной истины, кроме фактических обстоятельств дела и их правовой оценки, входят также выводы суда о наказании: его виде, размере, условиях отбывания и т. п.¹

Возражения, приводимые в литературе против включения в содержание объективной истины по уголовному делу юридической оценки (квалификации), установленных фактических обстоятельств и назначения наказания, сводятся к следующему.

В уголовном судопроизводстве установление фактических обстоятельств дела представляет собой акт познания, который осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими любой познавательной деятельности людей. Правовая же оценка фактов – волевой акт, означающий применение права, правоприменительную деятельность, которая подчиняется иным психологическим закономерностям.

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 113–138.

Ошибка в доказывании ведет к недостижению истинного знания, к познавательной ошибке. Ошибка в квалификации означает неправильное применение права, неверное исполнение закона.

В процессе познания главным является момент отражения в сознании субъекта объективной действительности. Спецификой оценочных суждений является отношение субъекта познания к объекту познания. Такие суждения носят ценностный характер. Факты же, если они правильно установлены, всегда истинны, независимо от того, какую оценку они получили.

Конечно, между установлением фактов и их оценкой в уголовном деле существует тесная связь. Достоверное установление фактов является необходимой предпосылкой правильных юридических выводов по делу, как и верная правовая оценка фактических данных определяет пределы исследования, круг тех обстоятельств, которые необходимо выяснить. Однако тесная связь между указанными сторонами процессуальной деятельности не дает оснований ни для их смешения, ни для их отождествления¹.

Особенно сомнительным является утверждение, что в содержание объективной истины включаются выводы суда о наказании. Назначение наказания представляет собой не познавательную деятельность, а предписание, повеление, приказ. Наказание может быть целесообразным, обоснованным или необоснованным, справедливым или несправедливым, но никак не истинным или ложным. Это – категория долженствования².

При назначении наказания суд преследует цель исправления и перевоспитания осужденного. Но достижение этой цели зависит от многих факторов, которые лежат за пределами судебного процесса и, естественно, не могут быть учтены при назначении наказания (например, характер микросреды в исправительно-трудовом учреждении, в котором будет отбывать наказание осужденный, педагогическое мастерство воспитателей, восприимчивость осужденного к воспитательному воздействию и т. п.). Поэтому суд определяет наказание в известной мере усредненно, в каких-то оптимальных границах, чтобы оно выполняло и функцию кары, и функцию исправления, и функцию предупреждения. Но можно ли такое наказание назвать истинным и где объективные критерии того, что только назначенное судом наказание способно наилучшим образом обеспечить достижение его целей?

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 323; Уголовный процесс. М., 1972, с. 151; Матвиенко Е.А. Объективная истина в стадии исполнения приговора. – Вопросы государства и права, вып. 2. Минск, 1970, с. 155–160; Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, с. 16–21 и др.

² См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, с. 117–118; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978, с. 62.

Необходимым свойством любого истинного суждения является его проверяемость (верификация). Выводы суда о наказании таким свойством не обладают, поскольку достижение или недостижение целей наказания во многом зависит от факторов, лежащих вне пределов самого наказания.

Правильное установление по делу объективной истины – основа основ советского правосудия. Но для осуществления задач уголовного судопроизводства важно не только то, чтобы по каждому делу была обнаружена истина, но и то, чтобы она была несомненной, бесспорной, неопровержимой, подтвержденной конкретными данными, т. е. достоверной. Если истинность означает верное отражение в сознании субъекта познания объекта познания, выражает результат познания, т. е. носит гносеологический характер, то достоверность – категория психологическая. Она включает в себя не только объективно верные знания, но и отношение к ним, убежденность в их правильности или ложности, уровень их доказанности, способы и средства их получения и т. п.

Суждение «А убил Б» может быть объективно истинным, но не достоверным. Достоверным оно становится тогда, когда вытекает из полученных данных с несомненностью, когда исключает всякую иную интерпретацию этих данных, когда оно переходит в твердое убеждение. Иначе говоря, *достоверность – это не только доказанная истинность, но и истинность, признаваемая доказанной в силу ее убедительности, безусловности, неопровержимости*. Это – истинность «вовне», убедительная как для того, кто ее доказывает, так и для тех, кто ее воспринимает. Установление объективной истины в уголовном деле – сущность доказывания. Обеспечение достоверности выводов по делу – способ выражения данной сущности, вытекающей из специфики правосудия и безупречной по своему характеру.

В отличие от достоверности, *вероятность означает предположительное, гипотетическое суждение, истинность которого проблематична*. Поэтому органы расследования и суд, формулируя обвинительные выводы относительно виновности обвиняемого, не могут довольствоваться вероятными знаниями, ибо они, сколь бы ни была высока их степень, остаются предположением, которое лишь в некоторых случаях может соответствовать действительности. Суд не вправе признать гражданина виновным и подвергнуть его наказанию, основываясь только на предположении. Приговор суда должен опираться на факты достоверные, бесспорно установленные, не вызывающие сомнения в своей истинности.

Разумеется, при исследовании обстоятельств уголовного дела нельзя отказываться от учета вероятности события преступления и виновности того или иного лица. Но значение вероятности ограничивается тем, что она лишь указывает путь, направление расследования, служит

рабочей гипотезой (версией). Решение же по делу может быть вынесено только на основании достоверных данных.

Достоверные выводы органа расследования и суда формируются в процессе проверки с помощью доказательств различных версий, возникающих по делу. В результате одни из них отпадают, а другие получают свое подтверждение.

Построение и проверка версий – необходимая ступень в процессе исследования обстоятельств дела. До тех пор, пока все они не проверены, следствие по делу не отвечает требованиям полноты, всесторонности, объективности. Поэтому ни одна версия, ни одно предположение, имеющее объективное основание, не может быть отброшено, если оно не опровергнуто материалами дела. В равной мере ни одна из версий не может быть положена в основу обвинительных выводов следствия и суда, какими бы убедительными доказательствами она ни подтверждалась, до тех пор, пока не будут опровергнуты все другие, противоречащие ей версии, объективно возможные по обстоятельствам дела. Достоверность выводов по делу исключает вероятность какого-либо иного, т. е. противоречащего этим выводам, объяснения обстоятельств дела, а если иное объяснение не исключается, то, следовательно, достоверность не достигнута.

Таким образом, процесс исследования фактических обстоятельств дела и установления истины проходит путь от предположительных суждений, возникающих на основе имеющихся в деле материалов на том или ином этапе производства, к достоверным выводам через всестороннюю и объективную проверку посредством доказательства всех версий.

Но когда мы говорим о необходимости исследования *всех версий*, имеются в виду, конечно, только обоснованные, опирающиеся на определенные фактические данные, исходящие из них предположения. Выдвижение и проверка необоснованных версий, сконструированных умозрительно, без каких-либо фактических оснований, влекут за собой усложнение исследования, напрасную трату сил и времени, дают возможность преступнику скрыть следы преступления, уклониться от ответственности, затруднить расследование и разрешение дела.

§ 3. Понятие доказательств и источников их получения. Относимость и допустимость доказательств

События и действия, составляющие предмет расследования и рассматривания по уголовному делу, всегда являются фактами прошлого и не могут быть непосредственно восприняты следователем или судом. Они устанавливаются посредством доказывания, с помощью доказательств.

В соответствии со ст. 63 УПК доказательствами являются «любые фактические данные, на основе которых в определенном законом

порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Что же следует понимать под фактическими данными, какой смысл вкладывает в этот термин закон?

Некоторые авторы полагают, что доказательствами по делу являются лишь реальные факты объективной действительности, на основе которых органы расследования и суд делают вывод об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу¹. С таким мнением согласиться нельзя. Доказательственная деятельность – это деятельность мыслительная, познавательная. Человеческое сознание оперирует не реальными фактами объективной действительности, которые существуют вне познающего субъекта, а их отображениями, мысленными моделями, построенными на основе сведений о фактах, доказательственной информации. Каждое доказательство – носитель информации, совокупность которой составляет содержание доказательства.

Таким образом, под фактическими данными как доказательствами по делу понимаются прежде всего сведения о фактах, доказательственная информация относительно подлежащих установлению по делу обстоятельств. Эти сведения содержатся в сообщениях и показаниях людей, документах, вещественных доказательствах и фиксируются в соответствующих процессуальных актах.

Но фактические данные – это не только сведения о фактах. С помощью полученных сведений могут быть установлены определенные факты, которые сами являются средством установления других фактов. Например, выяснение наличия неприязненных отношений, угрозы убийством, приискания оружия и т. п. может служить доказательством причинения смерти. Такого рода факты называются доказательственными. Они специфичны для доказывания с помощью косвенных доказательств.

Следовательно, под фактическими данными как доказательствами по делу надо понимать: а) сведения о фактах, полученные из предусмотренных законом источников; б) установленные при совершении следственных и судебных действий различные факты, подтверждающие или опровергающие важные для дела обстоятельства (т. е.

¹ См.: Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, с. 23–24; Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с. 79.

доказательственные факты). Будучи выясненными достоверно, они сами служат средством доказывания других фактов, выступают доказательством последних.

Определяя доказательства как фактические данные, закон предусматривает ряд условий, которым они должны отвечать, чтобы служить доказательствами в уголовном процессе. К их числу относятся правила об относимости и допустимости доказательств.

Относимость – объективное свойство доказательств, означающее их способность освещать имеющие значение для дела (т. е. существенные для него) обстоятельства. Эта способность выражается в возможности извлечь из доказательства определенные сведения, определенную информацию, на основе которых органы расследования и суд смогут сделать достоверный вывод относительно подлежащих разрешению фактов.

Правила об относимости – это правила отбора фактических данных, используемых в качестве средства доказывания, по их значению для установления искомых фактов. Относящимися к делу признаются только такие доказательства, посредством которых прямо или косвенно устанавливаются юридически значимые для дела обстоятельства.

Как справедливо отмечается в литературе, для решения вопроса об относимости того или иного доказательства к делу в каждом случае необходимо выяснить: а) входит ли тот факт, в подтверждение которого привлекается данное доказательство, в предмет исследования по делу; б) способно ли исследуемое доказательство этот факт устанавливать¹.

Относимость доказательств определяется наличием объективной связи между доказательством и доказываемым (искомым) фактом, в силу чего первый служит процессуальным средством установления последнего. Доказательства, с помощью которых выясняются юридически значимые для дела обстоятельства, признаются относящимися к делу. И наоборот, фактические данные, которыми не устанавливаются и не опровергаются какие-либо обстоятельства, подлежащие доказыванию, являются не относящимися к данному делу.

При различном содержании доказательственных данных связь их с подлежащими установлению фактами всегда выступает в качестве необходимого элемента доказательств. Эта связь – важнейший признак или критерий относимости доказательства к уголовному делу. Если такая связь налицо, доказательство используется в качестве средства доказывания искомых фактов. Если ее нет, фактические данные теряют доказательственное значение, так как не обладают способностью устанавливать или опровергать имеющие значение для дела обстоятельства.

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 247.

В отличие от правил об относимости доказательств, которые касаются информационного содержания доказательственных данных, правила о допустимости доказательств определяют процессуальные условия и способы получения и закрепления доказательств. Их целевое назначение – обеспечить доброкачественность используемых доказательственных данных как средства доказывания.

Доказательства признаются допустимыми, если они получены: а) из предусмотренного законом источника; б) уполномоченными на то органами и должностными лицами; в) в установленном законом процессуальном порядке, т. е. путем совершения следственных и судебных действий с соблюдением всех прав и гарантий, предоставленных участникам процесса, и если они надлежащим образом процессуально закреплены и оформлены.

Не имеют доказательственного значения данные, полученные непроцессуальным путем (сведения оперативно-розыскного характера и др.), из непроцессуального источника (от лица, не подлежащего допросу) или с существенным нарушением процессуальных правил (путем применения угроз, насилия, обмана, провокаций или иных незаконных методов).

Некоторые авторы полагают, что доказательствами по уголовному делу являются не только фактические данные, но и источники их получения (т. е. показания свидетелей, потерпевших, подозреваемого, обвиняемого и др.), так как они неотделимы друг от друга, образуют диалектическое единство¹.

Действительно, понятия доказательства и источника его получения тесно связаны между собой. Показания свидетеля о том, что он видел пятна крови на одежде обвиняемого, являются источником сведений о доказательствах. Сообщенные же свидетелем сведения о факте наличия крови на одежде обвиняемого, как и сам этот факт, являются доказательствами. Допрашивая свидетелей, потерпевших, обвиняемых и других лиц, заслушивая заключения эксперта, знакомясь с протоколами следственных и судебных действий и иными документами, органы расследования и суд устанавливают фактические данные, имеющие значение для дела, т. е. доказательства.

Получение доказательственных данных из предусмотренных законом источников – необходимое условие использования этих данных в качестве доказательств. Но от этого сам источник доказательственных сведений не превращается в доказательство, не становится его органической составной частью.

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 212–215; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 291–294 и др.

Источники доказательств – это носители доказательственной информации, объективная форма их существования и передачи. Доказательствами же являются те данные, те знания и информация, которые заключены в этих источниках.

Один и тот же источник может содержать сведения различного характера: имеющие значение для дела и безразличные для него, уличающие обвиняемого и говорящие в его пользу, бесспорные и сомнительные, согласующиеся с другими данными и расходящиеся с ними и т. п. Поэтому любые выводы и решения органов расследования и суда должны быть подкреплены ссылками не на какие-то источники доказательств, а на фактические данные, содержащиеся в этих источниках либо установленные при их посредстве.

Закон не отдает предпочтения каким-либо одним источникам доказательств перед другими. Вопрос о доказательственной ценности того или иного источника решается в конкретном случае сообразно с обстоятельствами дела, причем каждый из указанных законом источников может быть использован в уголовном процессе для установления любых фактов, имеющих значение для дела.

§ 4. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу

Для правильного разрешения уголовного дела важно четко определить рамки его исследования. Как чрезмерное сужение их, так и неосновательное расширение отрицательно сказываются на ходе и результатах исследования. В случае значительного сужения объема исследования выяснение существенных для дела обстоятельств неизбежно окажется неполным, поверхностным, односторонним, что ведет к подмене достоверных выводов вероятными, принятию необоснованного и незаконного решения. При неосновательном же расширении границ исследования предварительное расследование и судебное рассмотрение дела неоправданно затянутся, дело окажется загроможденным ненужными, не относящимися к нему материалами, что затруднит их оценку. Все это увеличивает вероятность ошибочных выводов, снижает эффективность борьбы с преступностью, поскольку отвлекает впустую значительные силы и средства. Вот почему правильное определение таких понятий, как предмет доказывания, предмет исследования и пределы доказывания по уголовному делу, имеет несомненное теоретическое и практическое значение.

Под *предметом доказывания* в уголовном процессе понимается круг тех фактических обстоятельств, которые должны быть установлены по делу для принятия по нему законного и обоснованного решения.

В соответствии со ст. 61 УПК при производстве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовного дела доказыванию подлежат:

- а) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- б) виновность обвиняемого в совершении преступления;
- в) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;
- г) характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Органы расследования и суд обязаны также по каждому делу выяснить причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 62 УПК).

Приведенный перечень дает лишь общее, родовое обозначение предмета доказывания, определяет его структуру, указывая на основные группы обстоятельств, которые должны быть исследованы по любому уголовному делу. Эти обстоятельства конкретизируются органами расследования и судом применительно к находящемуся в их производстве уголовному делу с учетом его особенностей и индивидуальных черт.

К предмету доказывания относится прежде всего событие преступления, т. е. предусмотренное соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса преступное действие или бездействие в его конкретном выражении (например, факт похищения имущества, причинение смерти и т. п.). Исследуя его, необходимо установить место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления, наступившие последствия, причинную связь между действием и преступным результатом и т. п.

Если по материалам дела возникает вопрос о наличии обстоятельств, устраняющих противоправность или наказуемость деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, истечение срока давности уголовного преследования и др.), то эти обстоятельства также должны быть исследованы.

По каждому делу необходимо установить, кем совершено преступление, подлежит ли оно вменению совершившему его лицу, форму виновности (умысел или неосторожность).

При умышленном преступлении должны быть выяснены мотивы и цель его совершения. В тех случаях, когда у суда или органов расследования возникают сомнения по поводу психического состояния обвиняемого, в предмет доказывания входит выяснение вменяемости обвиняемого.

Для некоторых составов преступления (воинские, должностные и др.) важна проверка наличия или отсутствия признаков, характеризующих специальный субъект.

В целях индивидуализации обвинения по каждому делу должны быть выяснены обстоятельства, смягчающие или отягчающие

ответственность обвиняемого, усиливающие или уменьшающие его вину (ст. 37 и 38 УК БССР). Одни из этих обстоятельств являются признаками отдельных составов преступления или влияют на квалификацию преступления, другие – на характер и размер наказания.

В предмет доказывания входит выяснение характера и размера ущерба, причиненного преступлением, что необходимо как для разрешения вопроса о степени вины и ответственности обвиняемого, так и для взыскания с него суммы ущерба.

Все перечисленные обстоятельства, составляющие предмет доказывания, тесно связаны между собой. Так, исследование степени и характера ущерба, причиненного преступлением, имеет значение для выяснения всех других обстоятельств, ибо событие преступления, виновность обвиняемого и обстоятельства, влияющие на степень его вины, не могут быть выяснены со всей полнотой, если не установлен характер и размер ущерба, причиненного преступлением. В свою очередь, смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства связаны с обстоятельствами самого события преступления и с виновностью в нем обвиняемого.

Выявлению и обсуждению по делу подлежат также данные, характеризующие личность обвиняемого: род его занятий, возраст, образование, семейное положение, отношение к служебным обязанностям, поведение в быту, уровень развития, условия жизни и воспитания, морально-психологические и индивидуально-характерологические свойства и качества, его прошлое и связи, наличие или отсутствие жизненного и профессионального опыта и т. п.

В необходимых случаях исследуются данные, относящиеся к личности потерпевшего.

Важным элементом предмета доказывания является выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления. В условиях социалистического государства применение мер уголовного наказания никогда не рассматривалось как единственное средство борьбы с преступностью. Для того чтобы эта борьба была успешной, необходимо вскрывать и устранять все те факторы, которые приводят к преступлению либо облегчают его совершение, проводить широкую разъяснительную и профилактическую работу.

С этой целью органы расследования и суд обязаны по каждому уголовному делу выяснить: а) непосредственные причины формирования у виновного антиобщественных взглядов и привычек, приведших к совершению преступления; б) обстоятельства, содействовавшие зарождению у лица преступного намерения и послужившие конкретным поводом к его реализации; в) условия, облегчившие совершение и сокрытие преступления.

Выявив указанные обстоятельства, органы расследования и суд должны принять необходимые меры к их устранению.

Следует отметить, что предмет доказывания по уголовному делу не является чем-то неизменным, статичным. Намеченный в начале расследования конкретный круг обстоятельств, подлежащих выяснению, может в дальнейшем изменяться и дополняться по мере обнаружения новых данных, опровержения одних версий и возникновения других, выявления новых лиц, причастных к преступлению, и т. п. Такой же динамизм свойствен и судебному разбирательству.

Очерченный законом предмет доказывания охватывает обстоятельства, относящиеся к преступлению, виновности и ответственности лица, причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления. Однако этот перечень не исчерпывает всех обстоятельств, подлежащих выяснению по делу. Во многих случаях возникает необходимость исследовать и другие существенные для дела обстоятельства. Они могут быть разного характера:

- а) имеющие значение для проверки доброкачественности и достоверности доказательств (компетентность и правомочность эксперта, заинтересованность свидетеля в исходе дела, его способность правильно воспринимать и воспроизводить сведения, подлинность документов и т. д.);
- б) имеющие значение для решения вопроса о возможности участвовать в процессе тому или иному лицу (основания для отвода следователя, прокурора, судей и др.);
- в) имеющие значение для законного и обоснованного применения мер процессуального принуждения;
- г) имеющие значение для правильного исполнения приговоров и других судебных решений;
- д) имеющие значение для охраны прав и законных интересов граждан (выяснение оснований для признания лица потерпевшим, гражданским истцом и т. д.).

Все эти обстоятельства не входят в предмет доказывания, но вместе с ним составляют предмет исследования по уголовному делу.

С предметом доказывания по уголовному делу тесно связаны пределы доказывания. Эти понятия близкие, но не равнозначные, не совпадающие. Если под предметом доказывания, как отмечалось, понимается круг обстоятельств, подлежащих выяснению по уголовному делу, то под пределами доказывания – круг доказательств, которые необходимо исследовать, чтобы с достоверностью установить эти обстоятельства. Если первое отвечает на вопрос: что подлежит установлению, т. е. характеризует объект исследования, то второе указывает на глубину и границы познания, т. е. определяет объем доказательственных средств, используемых для выяснения обстоятельств, входящих в предмет

доказывания, и их обоснования. Иначе говоря, пределы доказывания – это такие границы доказательственной деятельности, которые обеспечивают полноту и глубину исследования подлежащих установлению по делу фактов, необходимый объем доказательств и их источников, достаточных для несомненного выяснения указанных фактов и обоснования выводов по делу¹.

§ 5. Процесс доказывания

Пользование доказательствами при производстве дознания, предварительного следствия и в суде связано с совершением ряда процессуальных действий. Из их совокупности складывается процесс доказывания, т. е. процесс установления существенных для дела обстоятельств.

В основе этого процесса лежат демократические принципы, которые присущи советскому уголовному судопроизводству в целом. Он подчинен его целям и задачам, служит средством их осуществления.

Процессу доказывания, как деятельности познавательной, свойственны общие для всех областей познания закономерности. Представляя собой единый процесс отражения в сознании человека явлений объективной действительности, познание идет от чувственного восприятия к абстрактному мышлению, а от него к практике, причем чувственное и логическое неразрывно связаны между собой, находятся в диалектическом единстве. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности», – указывал В.И. Ленин². Это положение проявляется и в процессе доказывания по уголовному делу, где на основе исследования сохранившихся на предметах и в сознании людей данных о расследуемых событиях и действиях органы расследования и суд путем умозаключений восстанавливают картину прошедших явлений.

Но исследование фактических обстоятельств дела в уголовном процессе имеет специфические черты: носит правовой характер, направлено на раскрытие преступления и изобличение виновных лиц, связано с применением мер государственного принуждения. Оно отличается также своими условиями и способами, проходит в особом, установленном законом процессуальном порядке.

Процесс доказывания осуществляется на всех стадиях производства по уголовному делу, различаясь лишь объемом и характером

¹ См.: Советский уголовный процесс. М., 1975, с. 121; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976, с. 65–67.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152–153.

доказательственной деятельности в зависимости от конкретных задач, выполняемых на данной стадии процесса.

Доказывание производится определенными органами и лицами – субъектами доказывания. Соответствующие органы и лица признаются субъектами доказывания, если: а) доказывание служит для них средством выполнения процессуальных функций или средством защиты своих законных интересов; б) доказывание играет существенную роль в выполнении их функций, а не представляет собой эпизодическую деятельность.

В соответствии с этими критериями к числу субъектов доказывания относятся:

1) органы и должностные лица, обладающие государственно-властными полномочиями и участвующие в уголовном судопроизводстве: суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание;

2) участники уголовного процесса: обвиняемый, подозреваемый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, общественный обвинитель и общественный защитник.

Субъекты доказывания первой группы осуществляют свои функции путем производства следственных и судебных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств; обоснования и мотивировки сделанных выводов; принятия соответствующих решений.

Субъекты доказывания второй группы осуществляют свои права путем представления доказательств; участия в действиях по собиранию и исследованию доказательств; заявления ходатайств об истребовании доказательств; дачи показаний и объяснений (за исключением общественного обвинителя, защитника и общественного защитника); обсуждения собранных по делу данных во время судебных прений.

В процессе доказывания, кроме названных органов и лиц, принимают участие и иные лица – свидетели, эксперты, специалисты. Однако они не являются субъектами доказывания, поскольку не отвечают приведенным выше критериям.

Процесс доказывания складывается из определенных структурных элементов, образующих его конкретное содержание. Эти элементы иногда не совсем удачно называют этапами процесса доказывания. Такое название предполагает наличие расчлененных во времени самостоятельных отрезков доказывания. Между тем доказывание по уголовному делу – это единый процесс, отдельные элементы которого взаимно переплетаются, дополняют друг друга, взаимообуславливают друг друга.

Относительно характера и числа элементов, составляющих содержание процесса доказывания, в юридической литературе высказаны разные суждения. Наиболее традиционным является представление, согласно которому процесс доказывания состоит из собирания, закреп-

пления, проверки и оценки доказательств¹. Следует, однако, согласиться с Ф.Н. Фаткуллиным, который считает, что процесс доказывания по уголовному делу не исчерпывается этими элементами. Он значительно шире и включает в себя:

- 1) построение (выдвижение) версий по делу и их развитие;
- 2) собирание доказательств;
- 3) проверку доказательств;
- 4) оценку доказательств;
- 5) обоснование выводов по делу².

Выдвижение версий и их развитие. Прежде чем собирать доказательства, надо хотя бы в общей форме представить, чему могут служить те или иные данные, какое значение они могут иметь. Иначе говоря, необходимо наметить предположительное объяснение каких-то фактов, событий, отношений, т. е. построить версию. Между выдвижением версий и собиранием доказательств существует тесная и динамическая связь: в основе любой версии должны лежать определенные фактические данные; в свою очередь, эти данные собираются и оцениваются под углом зрения наметившейся версии (или версий). *Версии* помогают ориентироваться в фактических данных, придают доказыванию целенаправленный характер, составляют логическую основу планирования исследования доказательств. Это как бы своеобразный «компас» в процессе доказывания.

Версии могут быть общими и частными, следственными и судебными. По мере накопления доказательств намеченные ранее версии могут видоизменяться, уточняться, отпадать вовсе, возникать новые. При этом изменяется направление исследования, его объем, пределы, характер собираемых данных.

Было бы ошибочно думать, что версии имеют значение только на начальных этапах производства по делу, когда выводы опираются на ограниченный объем доказательственного материала. Версии сопровождают доказывание на всех стадиях процесса.

Собирание доказательств. Собрать доказательства – это значит в установленном законом порядке: а) отыскать, обнаружить источники доказательственной информации; б) извлечь из них нужные сведения; в) процессуально закрепить (зафиксировать) их.

Доказательства собираются путем совершения указанных в законе следственных и судебных действий: вызова и допроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, проведения экспертизы, производства осмотров, освидетельствований, обысков, выемок,

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 298; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 302; Уголовный процесс. М., 1972 и др.

² См.: Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания, с. 11–13.

истребования документов и т. д. Доказательства могут быть представлены также заинтересованными лицами (юридическими и физическими) – ст. 64 УПК.

Все полученные данные должны быть зафиксированы в соответствующих процессуальных документах: протоколах допроса, осмотра, обыска, выемки и т. д.

Успех доказывания во многом зависит от умения находить доказательства, сохранять их, извлекать из них необходимую информацию, осмысливать ее. Доказательства никогда не существуют сами по себе и ради себя. Они собираются и используются для установления юридически значимых обстоятельств, для решения практических вопросов по уголовному делу.

Закон наделяет соответствующих субъектов доказывания необходимыми полномочиями по собиранию доказательств. Согласно ст. 64 УПК лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе по находящимся в их производстве делам вызвать любое лицо для допроса или для дачи заключения в качестве эксперта; производить осмотры, обыски и другие предусмотренные законом следственные действия; требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, которые могут установить необходимые по делу фактические данные; требовать производства ревизий.

Доказательства могут быть представлены подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями.

Собирание доказательств производится главным образом в стадии предварительного расследования и в определенной мере во время судебного разбирательства. На последующих стадиях процесса доказательственный материал пополняется за счет его представления суду участниками процесса либо истребования доказательств судом в пределах своей компетенции как по собственной инициативе, так и по ходатайству заинтересованных лиц.

Проверка доказательств. Все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда (ст. 64 УПК).

Проверка доказательств состоит в выявлении доброкачественности и объективной истинности тех данных, которые используются в качестве доказательств.

Доброкачественность – необходимое условие допустимости доказательств. Последняя, в свою очередь, является процессуальным выражением их доброкачественности.

Доказательства признаются доброкачественными, если они отвечают правилам о допустимости, т. е. если они получены из надлежащих процессуальных источников уполномоченными на то лицами, в установленном законом порядке и соответствующим образом закреплены. Так, не может быть признано доброкачественным и пригодным к использованию свидетельское показание, которое дается лицом, не подлежащим допросу в качестве свидетеля, либо сам допрос был произведен с существенным отступлением от требований закона. Равным образом лишены доказательственной силы данные, сообщаемые свидетелем, если он не может указать источник своей осведомленности либо этот источник не может быть проверен.

Заключение эксперта не отвечает требованиям доброкачественности, если оно исходит от лица, недостаточно квалифицированного или подлежащего отводу по мотивам заинтересованности в исходе дела, либо при производстве экспертизы эксперт не располагал нужными материалами, применил неверный метод исследования и т. д.

В случаях, когда при получении или закреплении доказательств имели место нарушения процессуального регламента, органы расследования и суд должны решить, являются ли эти нарушения существенными, в какой мере они отразились или могли отразиться на достоверности полученных данных. Если нарушения не являются существенными, а полученные данные не вызывают сомнения в их истинности и никем не оспариваются, эти данные могут быть использованы в качестве средства доказывания¹.

Помимо доброкачественности, каждое доказательство подлежит проверке с точки зрения его объективной истинности, несомненности. *Для признания доказательства объективно истинным необходимо, чтобы содержащаяся в нем информация соответствовала действительности, правильно отражала ее, была верной по существу.*

Недостоверность сообщаемых сведений может быть как следствием ошибки, допущенной субъектом при восприятии, запоминании или передаче фактических данных, имеющих значение для дела, так и результатом преступного умысла, направленного на создание препятствий к правильному разрешению дела. В первом случае налицо добросовестное заблуждение, вызванное определенными причинами, во втором – заведомо ложное сообщение, рассчитанное на достижение противоправной цели. Поэтому важнейшей задачей органов следствия и суда является проверка каждого доказательства с точки зрения объективной истинности, выяснение того, насколько собранные по делу данные соответствуют действительности.

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 239–245.

Проверка доброкачественности доказательств осуществляется путем выяснения законности источника, способов и порядка получения доказательств и их закрепления. Проверка объективной истинности – путем их анализа, сравнения с другими имеющимися по делу данными, сопоставления с известными фактами или бесспорно установленными обстоятельствами, путем отыскания новых данных, подтверждающих или ставящих под сомнение проверяемые доказательства. Объективную истинность доказательств можно также проверить совершением специальных процессуальных действий (следственного эксперимента, обыска, экспертизы и др.), направленных на выяснение и уточнение необходимых данных.

При проверке доказательств органы расследования и суд выясняют, нет ли противоречий между полученными данными, устанавливают их причины (если противоречия имеются), принимают меры к их устранению.

Оценка доказательств. Важнейшую роль в доказывании играет оценка доказательств, которая служит необходимым условием целенаправленного ведения расследования и судебного рассмотрения дела, законности совершаемых действий и обоснованности принимаемых решений, правильности применения уголовного закона и норм уголовно-процессуального права. Оценка доказательств подводит итог исследования фактических обстоятельств дела на данной стадии процесса, а ее результаты кладутся в основу выводов органов расследования и суда.

Оценке подлежит каждое доказательство в отдельности и все в совокупности.

На основании ст. 65 УПК доказательства оцениваются судом, прокурором, следователем, лицом, производящим дознание. Это правомочные субъекты оценки доказательств, поскольку от их выводов зависит движение дела, принятие по нему того или иного процессуального решения. Оценку доказательств проводят и иные участники процесса (обвиняемый, защитник, потерпевший и т. п.), но их оценка не носит официального характера, а влияет лишь на определение ими собственной процессуальной позиции, на выбор средств, способов и приемов ее отстаивания.

В советской процессуальной литературе существуют различные определения понятия оценки доказательств¹. Представляется, что *суть оценки доказательств заключается в том, что органы расследования, прокурор и суд, анализируя собранные по делу данные, осмысливая их, определяют доказательственную силу и значение каждого*

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 428; Мухин И.Н. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, с. 99; Ульянова И.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, с. 93; Белкин Н.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, с. 66 и др.

доказательства в отдельности и всех их в совокупности, выясняют их взаимную связь и согласованность и на основе такого анализа приходят к выводам о существовании или несуществовании подлежащих установлению фактов и обстоятельств. Эти выводы отражаются в соответствующих решениях.

Оценка доказательств – не изолированный процесс. Она тесно связана с другими частями доказывания, пронизывает их. Собирая и проверяя доказательства, органы расследования и суд одновременно оценивают их, приходят к определенным выводам. Без этого они не могли бы судить о полноте, достоверности и доказательственной ценности собранных по делу данных, не могли бы решить, что еще нужно выяснить, каким путем это следует сделать. В свою очередь, оценивается только то, что обнаружено, найдено, проверено и закреплено. Таким образом, оценка доказательств не только сопутствует другим этапам процесса доказывания, но и направляет их, вносит свои коррективы, воздействует на них.

В соответствии со ст. 65 УПК БССР доказательства оценивают суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Внутреннее убеждение – это глубокая уверенность, твердая убежденность в правильности сделанных выводов, в истинности полученных результатов. Оно не может быть произвольным, безотчетным, бесконтрольным, а должно опираться на бесспорно установленные факты, быть логическим выводом из них. Формируясь в результате тщательного анализа и осмысливания всех собранных по делу доказательств, внутреннее убеждение должно верно отражать их качества, свойства и связи. Ошибка в оценке доказательств неизбежно влечет принятие неправильного решения.

Предусмотренный законом принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению является гарантией отыскания по делу объективной истины. В силу этого принципа:

1. Суд и органы расследования свободны в оценке доказательств. Они не связаны какими бы то ни было формальными предписаниями, заранее устанавливающими ценность и доказательственное значение собранных по делу данных. Закон не содержит норм, определяющих достаточность и достоверность доказательств в зависимости от каких-либо количественных или качественных признаков, не предусматривает условий, при которых отдается предпочтение одним доказательствам перед другими. «Никакие доказательства, – говорится в ст. 65 УПК, – не имеют заранее установленной силы».

2. Оценка доказательств по внутреннему убеждению предполагает также недопустимость постороннего вмешательства при вынесении решения. Содержание выводов органов следствия и суда должно определяться исключительно характером имеющихся по делу данных, их доказательственной ценностью. Ни должностные лица, ни вышестоящий суд не вправе предрешать исхода дела, давать по поводу оценки собранных материалов обязательные указания. Не связывают суд в оценке доказательств ни выводы предварительного расследования, ни решение о передаче суду, ни мнения, высказанные представителями обвинения и защиты в судебном заседании.

3. В силу принципа всесторонности, полноты и объективности исследования ни одно доказательство, имеющееся в деле, не может быть оставлено без внимания, отвергнуто без достаточных к тому оснований. Равным образом ни одно доказательство, каким бы убедительным оно ни казалось, не может быть положено в основу решения, если оно противоречит другим объективным данным, не согласуется с бесспорно установленными фактами.

4. Для формирования внутреннего убеждения большое значение имеет объективность в оценке доказательств. Быть объективным – значит быть беспристрастным, непредвзятым, подходить к оценке собранных по делу данных без всякого предубеждения.

Основой познания истины в уголовном процессе служат факты, их объективные, независимые от нашего сознания свойства, качества, связи. Выяснить их, правильно понять – такова обязанность суда и органов следствия. Не «создание» доказательств, произвольный подбор их, игнорирование того, что не согласуется с мнением следователя или судьи, а добросовестное искание всех имеющих значение для дела доказательств, их глубокая проверка и оценка – вот та исходная база, которая определяет суть объективного подхода к рассмотрению дела, к оценке собранных по нему данных¹.

Внутреннее убеждение – достаточно сложная категория. Оно имеет объективный и субъективный моменты, представляет собой процесс и состояние.

Отправным моментом формирования внутреннего убеждения являются знания, т. е. та доказательственная информация, которая содержится в деле. Чем полнее знания, чем глубже они осмыслены, тем тверже убеждение, тем достовернее результаты, точнее выводы. Именно знания, совокупность собранных по делу доказательственных данных составляют объективную сторону внутреннего убеждения, его рациональную основу.

¹ Более подробно об этом см.: Николайчик Н.И., Матвиенко Е.А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск, 1969, с. 143–147.

Но не всякое знание превращается в убеждение. Необходимым элементом убеждения является отношение к содержанию знаний, отбор фактов, их интерпретация, которые всегда носят субъективный характер. Основываясь на знаниях, внутреннее убеждение зависит от позиции субъекта, его интеллектуального уровня, нравственных принципов и взглядов, житейского и профессионального опыта и т. п. В этом заключается субъективная сторона внутреннего убеждения.

По своему характеру внутреннее убеждение есть состояние уверенности в правильности сделанных выводов, готовность действовать соответственно с убеждением. Такое состояние вырабатывается в процессе познания обстоятельств уголовного дела, исследования доказательственных данных. По мере накопления знаний сомнения сменяются чувством уверенности, которая превращается затем в твердую убежденность.

Уверенность в истинности своих суждений, в правильности сделанных выводов служит источником волевых усилий, обуславливает волевое поведение, побуждает активно действовать и принимать решения в соответствии с убеждениями.

Однако процесс формирования внутреннего убеждения не всегда характеризуется прогрессирующим нарастанием уверенности. Может быть так, что первоначальная уверенность в наличии преступления и виновности лица под воздействием вновь полученных данных начинает ослабевать, возникают сомнения, затем они устраняются новыми сведениями, которые приводят к глубокому убеждению в правильности первоначального мнения или его ошибочности, ложности.

Формирование внутреннего убеждения – не пассивный процесс. Оно предполагает активную и целенаправленную деятельность по выявлению доказательств, по получению необходимых сведений, по накоплению знаний. Одновременно идет процесс осмысливания новых данных, определения их истинности и доказательственной значимости.

С увеличением объема доказательственного материала, углублением его исследования крепнет уверенность в наличии или отсутствии искомых фактов, устраняются сомнения, созревает готовность действовать соответственно сложившемуся убеждению. И наоборот, отсутствие такой готовности, нерешительность и колебания свидетельствуют о незавершенности формирования внутреннего убеждения, о незаконченности процесса доказывания.

Внутреннее убеждение складывается под воздействием доказательств. Оно не может быть бесконтрольным, интуитивным, иррациональным. Поэтому законодатель, заботясь об обоснованности принимаемых решений, требует обязательной их мотивировки, исходя из предпосылки, что суд и органы расследования в состоянии проследить процесс формирования внутреннего убеждения, объяснить,

почему они пришли к тем или иным выводам, какие объективные факты лежат в их основании¹.

Во внутреннем убеждении следует различать гносеологический, психологический, правовой и нравственный аспекты.

В гносеологическом отношении внутреннее убеждение представляет собой отражение в сознании субъекта доказывания фактов объективной действительности, из которых складывается объект познания, т. е. конкретные знания относительно фактических обстоятельств уголовного дела, составляющих предмет исследования.

С психологической стороны оно является определенным состоянием субъекта, характеризующимся его отношением к полученным знаниям, уверенностью в правильности сделанных выводов и готовностью действовать в соответствии с этими выводами.

В правовом отношении это способ оценки доказательств, необходимое юридическое условие для принятия решения по делу.

Наконец, в моральном отношении наличие внутреннего убеждения является нравственной основой вынесения решения, нравственной гарантией его продуманности и справедливости. Обоснованная уверенность в правильности сделанных выводов дает моральное осознание оправданности своих действий, их социальной ценности, предостерегает от поспешности и непродуманности, повышает чувство ответственности. Решение, принятое без убеждения, не только незаконно, но и аморально, безнравственно².

Внутреннее убеждение, будучи способом искания истины, не служит и не может служить критерием истинности сделанных по делу выводов. Таким критерием является общественная практика – универсальное средство проверки качества и уровня наших знаний, их достоверности.

Марксистско-ленинская теория рассматривает практику не только как основу, инструмент познания, но и как мерило истинности наших знаний об объективной действительности. Посредством практической деятельности человек получает определенные исходные данные, необходимые ему для познания тех или иных явлений, для выявления их связей и закономерностей. Эта же деятельность служит и средством проверки полученных знаний, критерием правильности сделанных выводов.

В.И. Ленин, указывая на решающее значение практики в процессе познания, подчеркивал, что она является единственным критерием, позволяющим отделить «для всех и каждого иллюзию от действительности»,

¹ См.: Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судебного убеждения. Харьков, 1975, с. 129–130.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 478; Карпеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности (законность и обоснованность). М., 1971, с. 127–131.

доказать «соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем»¹.

В уголовном судопроизводстве проверку практикой проходят как отдельные суждения, так и общие выводы органов расследования и суда относительно подлежащих решению фактов. Такая проверка осуществляется в течение всего процесса доказывания, на всех его этапах.

Но проверку практикой нельзя понимать в упрощенном виде, как повторение каких-либо действий или воспроизведение каких-либо обстоятельств. В марксистском понимании практика – это обобщенный коллективный опыт, сумма накопленных знаний, то интеллектуальное богатство, которым располагает общество. Практика всегда выступает в виде определенных представлений, умений, навыков, проверенных и закрепленных коллективным и индивидуальным опытом людей.

При оценке доказательств судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, используют свои знания, как основанные на личном опыте, так и приобретенные путем изучения теоретических положений, обобщения материалов следственной и судебной практики. Большое влияние на оценку доказательств оказывает общественно-политический, профессиональный и житейский опыт указанных лиц.

Одновременно органы следствия и суд могут пользоваться непосредственной практической проверкой своих выводов и суждений, производя различные процессуальные действия: следственный эксперимент, обыск, выемку, осмотр и др. Результаты этих действий сравниваются, сопоставляются с добытыми ранее данными, что позволяет составить более четкое и точное представление об исследуемых фактах, избежать ошибок.

Оценка доказательств, формирование внутреннего убеждения судей, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, всегда тесно связаны с социалистическим правосознанием, являющимся частью идеологии, составным элементом общественного мировоззрения.

В содержание правосознания входят представление людей о должном, обязательном, законном, их правовые взгляды и убеждения, отношение к праву и правопорядку, осознание их социальной ценности, понимание недопустимости правонарушений, стремление к справедливости, отвращение к произволу и незаконию.

Правосознание включает в себя как правовую идеологию (понимание задач права, его регулирующего воздействия, знание категорий права), так и правовую психологию (отношение к праву, к его требованиям и предписаниям, совокупность чувств, привычек, настроений, вырабатывающихся под воздействием права, и т. п.).

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 142.

Высокоразвитое правосознание не только позволяет глубоко проникнуть в социальный и юридический смысл исследуемых фактов, но и помогает правильно оценить их, индивидуализировать применение закона с учетом конкретной ситуации, подчинить субъективные чувства и желания требованиям права, подойти к разрешаемым вопросам с позиций интересов общества и государства, объективированных в нормах права.

Убеждение следователя, прокурора, судьи относительно доказанности тех или иных фактов, определение их доказательственной ценности, как и сама необходимость выяснения этих фактов, находятся в прямой связи с их взглядами на цели и задачи правосудия, на формы и методы его осуществления. Вот почему и собирание доказательств, и оценка их всегда проходят сквозь призму правосознания, соотносятся с ним.

§ 6. Доказывание и процессуальные презумпции

Непосредственную связь с доказыванием, с оценкой доказательств имеют процессуальные презумпции. *Презумпция – это предположение, которое признается истинным, пока не будет доказано обратное.* Она имеет место в тех случаях, когда при наличии постоянной связи между двумя фактами (или группой фактов) предполагается, что если существует один факт, то существует и другой, объективно с ним связанный и из него вытекающий. Например, всякий нормальный взрослый человек способен отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Иными словами, если нет особых причин, то каждый нормальный человек должен осознавать свои поступки, контролировать их и отвечать за них.

Презумпции не являются исключительно правовым понятием. Презюмирование, как логический прием, свойственно познавательной деятельности человека вообще и широко применяется во всех областях мыслительной деятельности. Даже большинство народных пословиц и поговорок – это, по существу, выработанные народной мудростью презумпции. «Яблоко от яблони недалеко падает», «Рука руку моет», «Молчание – знак согласия» и многие другие.

Правовое значение презумпция получает лишь в случае, если закон придает высказанному предположению правовой характер, закрепляя его в правовой норме или санкционируя его.

Всякая презумпция имеет структуру так называемого гипотетического суждения, т. е. такого предположительного суждения, при котором с определенными основаниями связывается определенное следствие. В качестве основания презумпция может предусматривать либо определенный факт, установленный по делу, либо определенное правовое решение, выраженное в соответствующем правовом документе. В качестве

же следствия всегда предусматривается только факт – положительный или отрицательный.

Так, например, если вступившим в законную силу решением суда по гражданскому делу у должностного лица будет установлена недостача вверенных ему материальных средств, то при рассмотрении в суде уголовного дела по этим основаниям последний должен признать наличие недостачи без специального исследования, поскольку в силу закона (ст. 12 УПК) признание судом по уголовному делу факта недостачи является следствием вступившего в законную силу решения суда (презумпция истинности и обязательности вступившего в законную силу приговора и решения суда). В этой презумпции основанием является судебное решение, а следствием – факт недостачи. В других случаях в качестве основания, влекущего определенное следствие, презумпция может содержать определенный факт.

Поскольку презумпция – это положение, формулирующее наиболее обычное, наиболее часто встречающееся (т. е. типичное) отношение, то установление (или отрицание) одного факта влечет за собой признание (или отрицание) другого факта, связанного с ним. Процесс доказывания облегчается, упрощается. При наличии той или иной презумпции уже не нужно доказывать все факты, требующие установления. Достаточно выяснить лишь тот факт или то решение, с которыми презумпция связывает определенные последствия, чтобы без доказывания принять их за истинные.

Следует отметить, что значение презумпций состоит вовсе не в том, что положения, сформулированные в них, очевидны. Этим свойством презумпции вообще не обладают. Они используются в процессуальной деятельности потому, что содержащиеся в них положения отражают порядок явлений наиболее обычный, наиболее вероятный. Презумпция – это известного рода предположение, условно принимаемое за истину. Оно может быть принято без доказывания, но может быть и отвергнуто в процессе исследования обстоятельств дела.

Однако тот факт, что презумпция может быть отвергнута, не колеблет самой ее основы как логического приема, имеющего правовое значение. Опровергать можно не презумпцию, а лишь применимость положения, сформулированного в ней, к конкретному случаю, к конкретному лицу. Сама же презумпция, как некое суждение, выражающее наиболее типичные отношения, остается верной и неизменной. Это суждение учитывает реальные связи и зависимости, дает объективную, хотя и вероятностную, их характеристику¹.

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 344–345; Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1947, с. 10 и др.

Использование презумпций в уголовном процессе, наряду с достоинствами, имеет и определенные недостатки. Поскольку презумпции содержат правила, с которыми закон заранее в общей форме связывает обязательные последствия, это в известной мере стесняет свободу внутреннего убеждения как способа оценки доказательств.

По этим соображениям советское процессуальное право знает ограниченное число процессуальных презумпций, важнейшими из которых являются презумпция истинности и обязательности вступившего в законную силу приговора или решения суда, презумпция знания закона и презумпция невиновности.

Наибольшее значение в доказывании имеет презумпция невиновности, согласно которой лицо, обвиняемое или подозреваемое в совершении преступления, признается невиновным, пока его виновность не будет с несомненностью доказана в установленном законом порядке.

Презумпция невиновности – это объективное правовое положение, правило, действующее на всех этапах уголовного судопроизводства. Его конкретное значение заключается в тех правовых последствиях, которые из него вытекают. Главные из них следующие:

1. Обвиняемый не есть еще виновный, его вину нужно доказать.
2. Недоказанная виновность в юридическом отношении равнозначна доказанной невиновности. Как доказанная невиновность, так и недоказанная виновность влекут одинаковые правовые последствия: полную реабилитацию лица, восстановление его прав.
3. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Такая обязанность лежит на органах расследования, прокуроре, суде. Именно они должны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, установления объективной истины, отыскания правды. Выводы этих органов о виновности обвиняемого, характере вины, степени ответственности могут быть основаны только на бесспорно установленных фактах, несомненных данных.

Закон запрещает перелгать обязанность доказывания на обвиняемого (ст. 15 УПК). Ему предоставлены широкие права для защиты своих интересов, и в частности для доказывания обстоятельств, говорящих в его пользу. Органы расследования, прокурор и суд должны обеспечить обвиняемому реальную возможность осуществления его прав. Но доказывание, как и вообще защита своих интересов, есть право обвиняемого, которым он может воспользоваться или не воспользоваться, но не его обязанность. Поэтому разрешение вопроса о доказанности обвинения нельзя ставить в зависимость от того, пожелал ли и сумел ли обвиняемый воспользоваться своим правом представлять доказательства, говорящие в его пользу. Если обвиняемый почему-либо

не воспользовался этим правом или воспользовался им неумело, то это не может быть обращено против него. Следовательно, обвинительные выводы органов расследования и суда не могут быть обоснованы тем, что обвиняемый не опроверг обвинения, не представил доказательств своей невиновности. По тем же причинам не может служить доказательством виновности обвиняемого его отказ от дачи объяснений.

При исследовании и оценке доказательств на любой стадии процесса лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд исходят из предположения о невиновности обвиняемого до тех пор, пока имеющимися в деле фактическими данными не доказано обратное. Основанием для обвинительных выводов может служить лишь наличие фактических данных, опровергающих предположение о невиновности обвиняемого, т. е. положительно подтверждающих обвинение, но не отсутствие доказательств, опровергающих обвинение и удостоверяющих невиновность обвиняемого. Если же в результате полного и всестороннего исследования обстоятельств дела не были собраны доказательства, подтверждающие обвинение, то дело должно быть прекращено органами расследования, а в судебном заседании вынесен оправдательный приговор.

Иначе говоря, обвинительное решение по делу может быть принято лишь при условии полной и несомненной доказанности виновности лица.

4. Всякие сомнения, не устраненные органами расследования и судом, несмотря на все меры, принятые к их устранению, толкуются в пользу подсудимого, влекут принятие благоприятного для него решения. Разумеется, речь идет не о любом сомнении, а лишь о неустранимом, когда исчерпаны все возможности его проверки. Сомнения могут касаться различных сторон дела: преступления, виновности, ответственности, а также отдельно взятых обстоятельств.

Презумпция невиновности – важная гарантия социалистической законности, социалистического правосудия, прав и интересов советских граждан.

§ 7. Классификация доказательств

Классификация доказательств имеет целью систематизировать доказательства согласно присущим им внутренним объективным свойствам и качествам. Она способствует более глубокому выявлению особенностей различных групп доказательств, помогает правильно их использовать, обеспечивает однозначность применяемых терминов и понятий.

В теории и практике уголовного процесса принято классифицировать доказательства следующим образом:

- 1) по отношению к предмету обвинения – на обвинительные и оправдательные;
- 2) по характеру источника доказательственной информации – на первоначальные и производные;
- 3) по отношению к доказываемому факту – на прямые и косвенные;
- 4) в зависимости от механизма формирования – на личные и вещественные (предметные).

Доказательства обвинительные и оправдательные. *Обвинительными являются доказательства, которые подтверждают обвинение, устанавливают виновность обвиняемого или усиливают степень его вины и ответственности.*

Оправдательными считаются доказательства, которые опровергают обвинение или ставят его под сомнение либо устанавливают обстоятельства, смягчающие степень вины и ответственности обвиняемого.

Иначе, обвинительные доказательства – это те, которые говорят против обвиняемого, оправдательные – которые свидетельствуют в его пользу.

Необходимо иметь в виду, что деление доказательств на обвинительные и оправдательные не носит абсолютного характера. Во-первых, такое деление зависит от предмета дела. Изменение предмета дела (содержания обвинения) меняет доказательственный характер, доказательственное значение собранных по делу доказательственных данных. Во-вторых, далеко не всегда в ходе расследования и рассмотрения дела представляется возможным со всей определенностью сказать, является ли то или другое доказательство обвинительным или оправдательным. Нередко значение его в этом смысле становится ясным лишь после исследования всех обстоятельств дела, когда дается окончательная оценка всем собранным по делу данным. В-третьих, из одного и того же источника доказательств можно почерпнуть сведения различного порядка: обвинительного и оправдательного.

Закон обязывает исследовать обстоятельства дела всесторонне, полно и объективно (ст. 15 УПК). Соответственно, при собирании доказательств и при их оценке органы расследования и суд должны выяснить и взвесить все доказательства, как подтверждающие обвинение, так и говорящие в пользу обвиняемого. Этим и определяется практическое значение деления доказательств на обвинительные и оправдательные. Не имеет значения, кем представлено доказательство – обвинением или защитой. Каждое из них оценивается судом по существу.

Доказательства первоначальные и производные. В основе этого деления лежит наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации между первоисточником сведений и адресатом их получения (органами расследования и судом).

Под первоначальными доказательствами понимаются сведения, полученные из первоисточника, т. е. от лица, непосредственно воспринявшего исследуемое событие, либо из подлинника документа, либо из подлинного вещественного доказательства.

Производными являются доказательства, полученные не из первых рук, а из опосредствованного источника (например, сведения, сообщаемые свидетелем со слов другого лица, или данные, содержащиеся в копии документа, и т. п.). Производные доказательства – это как бы ретранслируемые сигналы информации, полученные не в результате непосредственного контакта с соответствующим событием, явлением, процессом, отношением, а из промежуточного источника.

При известной информационной сходимости первоначальных и производных доказательств они никогда не идентичны. В последних всегда содержится вероятность утраты части информации, ее искажения. При этом чем больше промежуточных звеньев в передаче информации, тем больше опасность как утраты, так и искажения ее либо внесения в нее новых данных, новых сведений, которые не содержались в первоначальном доказательстве.

Поэтому теория и практика уголовного процесса отдает предпочтение первоначальным доказательствам перед производными, требует получения первоначальных сведений всегда, когда это возможно. Вместе с тем уголовно-процессуальное право не исключает возможности использования производных доказательств. Оно допускается: 1) в случаях невозможности получения первоначальных доказательств в связи с утратой их источников; 2) для отыскания первоначальных доказательств; 3) для проверки первоначальных доказательств (например, свидетельскими показаниями, данными со слов другого лица, может быть проверена достоверность показаний последнего – нет ли противоречий между сообщаемыми им сведениями и теми, что он рассказывал допрашиваемому свидетелю. При помощи копий документа в некоторых случаях проверяют его подлинник: если копия документа была снята раньше, чем его подлинник представлен органам расследования и суда, то благодаря ранее снятой копии могут быть обнаружены внесенные в подлинник изменения); 4) для восполнения первоначальных доказательств, когда их недостаточно для безошибочных выводов (например, непосредственно наблюдавший определенное событие забыл отдельные детали, а лицо, которому он об этом рассказывал, хорошо помнит их).

Доказательства прямые и косвенные. Деление доказательств на прямые и косвенные основано на логическом отношении между доказательством и доказываемым тезисом. Если заключенная в доказательстве информация прямо устанавливает доказываемый факт – это доказательство прямое. Если доказательство не указывает прямо на доказываемый

факт, но позволяет сделать вывод о нем на основе промежуточных фактов, такое доказательство считается косвенным. Иначе говоря, *доказательства признаются прямыми, если доказываемый тезис совпадает с содержанием доказательства, соответствует ему, прямо вытекает из него. Если же доказываемый тезис не однозначен заключенной в доказательстве информации, а выводится из нее через промежуточные тезисы (доказательственные факты), то такое доказательство будет косвенным.*

Косвенные доказательства, как правило, содержат сведения о побочных, частных фактах, отдельных деталях исследуемого события, которые, будучи установленными, в свою очередь, позволяют сделать вывод об искомых фактах. Если прямые доказательства приводят к установлению события преступления и виновности лица непосредственно, без промежуточных звеньев, то косвенные доказательства устанавливают их посредством других фактов, лишь косвенно относящихся к ним. Вот почему в теории уголовного процесса косвенные доказательства часто называются доказательственными фактами.

Обстоятельства дела могут устанавливаться как при помощи прямых, так и при помощи косвенных доказательств. Нет никаких оснований для противопоставления их друг другу, отдачи предпочтения одним перед другими. Прямые доказательства, как и косвенные, могут быть верными или ошибочными, доброкачественными или недоброкачественными. Поэтому любые доказательства, в том числе и прямые, подлежат тщательной и всесторонней проверке, испытанию на «прочность», выяснению того, насколько они согласуются с другими имеющимися по делу данными, с бесспорно выясненными обстоятельствами.

Итак, доказательство непосредственного тезиса есть доказательство прямое. Доказательство более отдаленного, опосредованного тезиса через непосредственный есть доказательство косвенное. Но что считать доказываемым тезисом и, следовательно, по отношению к чему проводить разграничение доказательств на прямые и косвенные? По этому поводу в нашей литературе высказаны разные суждения. Одни авторы полагают, что такое деление должно производиться по отношению к событию преступления и виновности лица, образующим главный факт¹. Другие авторы проводят разграничение доказательств на прямые и косвенные по отношению к любому из элементов предмета доказывания по уголовному делу². Представляется, что вторая точка зрения является более последовательной и точной.

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 376–377; Советский уголовный процесс. М., 1975, с. 143 и др.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе, с. 271.

При пользовании прямыми доказательствами решение вопроса о том, относятся ли они к делу, не может обычно вызвать затруднений. Оценка их состоит в определении достоверности данных об обстоятельствах расследуемых действий, об участии в этих действиях обвиняемого. При этом неправильное решение вопроса о достоверности прямого доказательства влечет за собой неправильный вывод следствия и суда по делу в целом.

Доказывание посредством косвенных доказательств обычно более сложно. Трудность состоит в том, чтобы обнаружить, найти все те данные, которые могут служить косвенными доказательствами. Это не всегда легко сделать, потому что связь между косвенными доказательствами и обстоятельствами дела не выступает так отчетливо, как в прямых доказательствах. Они могут казаться не имеющими значения для дела, отвлеченными, мелкими. Поэтому их труднее обнаружить, мимо них можно пройти, не обратив внимания, не придав им значения. С другой стороны, их труднее свести в систему, правильно оценить, сделать верные выводы. Но несомненно также и то, что с помощью косвенных доказательств можно устанавливать обстоятельства дела с бесспорностью, с полной достоверностью, можно успешно разрешить все вопросы, возникающие по делу.

При доказывании с помощью косвенных доказательств необходимо соблюдать ряд правил:

а) тот или иной факт может служить косвенным доказательством по делу лишь тогда, когда он сам достоверен, когда он установлен с несомненностью;

б) должны быть собраны все доступные следствию доказательственные данные, имеющие значение для правильного решения дела. Одно косвенное доказательство, насколько бы достоверным оно ни было, не может быть положено в основу обвинительных выводов («одна улика – не улика»). Для принятия решения требуется совокупность косвенных доказательств, исследованных со всей полнотой. При этом не имеет значения количество косвенных доказательств. Решающим является качественный фактор;

в) совокупность косвенных доказательств должна представлять собой не арифметическую сумму разрозненных данных, а систему, цепь, состоящую из взаимосвязанных между собой и доказываемым фактом звеньев. Каждое звено такой цепи должно быть столь обоснованным, надежным, чтобы оно не могло быть расшатано иными данными, выбито противоуликами;

г) доказательственные факты, устанавливаемые посредством косвенных доказательств, должны находиться в причинной связи с исследуемыми обстоятельствами дела. Эта связь может быть различной.

Доказательственные факты могут быть либо причиной, либо следствием доказываемого обстоятельства, либо условием его возникновения и существования. Возможно, что доказательственный факт и доказываемое обстоятельство являются следствием одной и той же причины;

д) вся совокупность собранных по делу доказательств должна приводить только к одному выводу, только к одному объяснению расследуемых фактов и исключать всякую иную версию. Если это не достигнуто, органы следствия и суд не могут считать исследование обстоятельств дела законченным, а выводы достоверными.

Доказательства личные и вещественные. Личные доказательства – значит исходящие от лица, передаваемые лицом. Ими являются устные или документальные сообщения людей. Они носят «знаковый характер», облечены в словесную форму – устную или письменную. *Личные доказательства представляют собой мысленное отображение запечатленной в сознании человека информации, имеющей значение для дела.*

К личным доказательствам относятся сведения, содержащиеся в показаниях свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, заключениях экспертов, протоколах следственных и судебных действий и иных документах.

Вещественные доказательства представляют собой материальные объекты: а) несущие различные следы-отображения (например, отпечаток обуви, пальцев и т. д. на каких-либо предметах); б) свидетельствующие об изменении состояния объекта или отдельных его свойств в результате воздействия на него, неправильного его изготовления, хранения, транспортировки и т. д.; в) выполняющие определенную функцию в совершении преступления (орудия преступления, объекты преступного посягательства и т. д.); г) характеризующие отдельные элементы механизма преступления (способ, цель, условия и др.).

Конкретные виды вещественных доказательств перечислены в ст. 78 УПК.

Глава VI

Источники доказательств

§ 1. Показания свидетелей

Свидетельские показания – один из самых распространенных источников доказательств, одно из наиболее важных процессуальных средств доказывания. Пожалуй, нет таких уголовных дел, по которым в качестве источников доказательственной информации не использовались бы показания свидетелей.

Сообщаемые свидетелем сведения являются доказательствами по делу. Закон устанавливает, что эти сведения должны быть либо восприняты свидетелем непосредственно, либо он обязан указать источник своей осведомленности (ст. 68 УПК). Данные, сообщаемые свидетелем без указания источника их получения, а также различного рода предположения и догадки свидетеля относительно обстоятельств, подлежащих установлению по делу, не имеют доказательственного значения.

В качестве свидетеля для дачи показаний может быть вызвано любое лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по расследуемому или рассматриваемому судом делу (ст. 66 УПК). Закон не устанавливает каких-либо возрастных ограничений для вызова и допроса лица в качестве свидетеля. Свидетель незаменим, так как никто, кроме него, не может быть допрошен об известных ему по делу фактах. Закон не знает ограничений в привлечении в качестве свидетелей родственников обвиняемого или потерпевшего. Они допрашиваются в обычном порядке, а следователь или суд учитывают при оценке их показаний наличие родственных отношений и заинтересованность в исходе дела.

Не могут допрашиваться в качестве свидетеля:

1) защитник обвиняемого – об обстоятельствах дела, которые стали ему известны от подзащитного;

2) лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Для разрешения вопроса о способности лица правильно воспринимать происходящее и давать показания в необходимых случаях приглашаются эксперты (ст. 66 УПК).

Ограниченная возможность восприятия (из-за отсутствия слуха, зрения и т. д.) или затруднения в воспроизведении воспринятых сведений (например, немота) не являются препятствием к вызову и допросу лица в качестве свидетеля. В таких случаях оно может быть допрошено в тех пределах, в которых оно могло воспринять определенные данные,

а для облегчения воспроизведения сведений о них во время расследования или в суде приглашаются переводчики.

Не могут выступать по делу в качестве свидетелей судья, прокурор, следователь, переводчик, эксперт, секретарь судебного заседания, выполняющие указанные функции по данному делу. Однако участие в деле законных представителей потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого не исключает возможности допроса этих лиц в качестве свидетелей.

Дача свидетельских показаний является не правом, а обязанностью и моральным долгом гражданина СССР. В соответствии со ст. 67 УПК каждое лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться к следователю, в орган дознания, к прокурору или в суд и дать правдивые показания: сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы.

В случае неявки свидетеля по вызову органов расследования или суда он может быть подвергнут приводу. Для этого лицо, производящее дознание, следователь или прокурор выносит постановление, а суд – определение, которые направляются для исполнения в органы милиции.

За отказ или уклонение от дачи показаний свидетель несет ответственность по ст. 178, а за дачу заведомо ложных показаний – по ст. 177 УК БССР. Привлечение к уголовной ответственности по ст. 177 УК может иметь место только в тех случаях, когда свидетель умышленно, осознанно сообщил неверные сведения о тех или иных фактах, а не тогда, когда он добросовестно заблуждался.

Уголовное дело в отношении свидетеля, давшего заведомо ложные показания, возбуждается одновременно с вынесением приговора или постановления о прекращении расследовавшегося дела, так как разрешение вопроса о лжесвидетельстве связано с необходимостью окончательной оценки всех собранных по делу данных.

Лицо, осужденное за совершение преступления, может быть допрошено в качестве свидетеля по другим уголовным делам, в том числе и по делам о соучастниках, выделенных в самостоятельное производство. На такое лицо распространяются все положения, относящиеся к свидетелю.

Однако если это лицо дает показания, касающиеся тех фактов, за которые оно было привлечено к уголовной ответственности и осуждено, то в этой части оно сохраняет прежние привилегии: оно не может быть привлечено к ответственности за лжесвидетельство, так как в противном случае создавалась бы угроза использования полученных сведений против самого осужденного.

За лицом, вызываемым в качестве свидетеля, сохраняется средний заработок по месту его работы за все время, затраченное им в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору

или в суд. Свидетелю, не являющемуся рабочим или служащим, выплачивается вознаграждение за отвлечение от обычных занятий. Кроме того, он имеет право на возмещение связанных с вызовом расходов в размере, установленном Советом Министров БССР (ст. 103 УПК).

Свидетель вправе давать показания на родном языке, если он не владеет языком, на котором ведется судопроизводство (ст. 12 УПК). При производстве дознания или предварительного следствия свидетелю по его просьбе должна быть предоставлена возможность написать свои показания собственноручно, а также требовать дополнения и внесения поправок в протокол допроса (ст. 160 УПК). Свидетель вправе также приносить жалобу на действия органа дознания или следователя, нарушающего его права (ст. 218 УПК).

Согласно ст. 68 УПК свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними.

Содержанием свидетельских показаний являются определенные данные, определенные сведения, известные свидетелю, на основе которых могут быть установлены имеющие значение для дела обстоятельства. Доказательственное значение имеют только сообщаемые свидетелем факты, а не его предположения и догадки по поводу этих фактов. Разумеется, в показаниях свидетеля могут содержаться не только «голая» информация, не только сведения о фактах, но и суждения о них, проявление своего отношения к ним.

Наличие таких суждений – необходимый компонент любого показания, форма речевого сообщения. Исключить их из содержания показаний – требование невыполнимое. Суждения несут информацию оценочного порядка и могут иметь доказательственное значение при отсутствии строгих количественных и качественных характеристик сообщаемых фактов, процессов, событий, явлений. Сюда относятся, например, показания о чертах и свойствах личности подсудимого или потерпевшего, условиях совершения тех или иных действий, их характере и т. п.

Когда свидетель говорит, что в момент совершения преступления было темно и такие-то детали было трудно различить, или заявляет, что слышимость была плохой, что у такого-то лица было хорошее или плохое настроение и т. п., то он высказывает оценочные суждения, которые при определенных обстоятельствах могут иметь несомненное доказательственное значение.

Если суждение свидетеля основано на фактических данных, им непосредственно воспринятых, вытекает из них и если передать сведения в другой форме, помимо суждений, невозможно, суждение становится формой сообщения этих данных, приобретает характер доказательства. Если же суждение на такие данные не опирается, а представляет собой

догадку, предположение, произвольное мнение, оно лишено доказательственной силы и может быть использовано лишь в качестве материала для выдвижения версий.

Показания свидетелей, как и любой другой источник доказательств, подлежат тщательной и всесторонней проверке, а содержащиеся в показаниях свидетеля доказательственные данные – объективной оценке.

При проверке и оценке свидетельских показаний необходимо установить, имеются ли у свидетеля причины для умолчания или сообщения неверных сведений, проанализировать процесс формирования показаний, учесть те объективные и субъективные факторы, которые могли отразиться на их полноте, точности, правдивости и объективной достоверности.

К числу таких факторов относятся: особенности восприятия (физиологические пределы его, дефекты органов восприятия, избирательность и направленность восприятия, восприимчивость к различным раздражителям, психологическая установка на восприятие, понимание воспринятого, отношение к нему и др.); условия восприятия (психологическое состояние лица в момент восприятия, продолжительность и обстановка восприятия, параметры воспринимаемого объекта, физические условия восприятия – освещенность, расстояние, слышимость и др.); специфика запечатления и свойства памяти (новизна событий, их повторяемость, продолжительность сохранения информации, особенности памяти и ее дефекты, возможность искажения или подмены информации и др.); характер и условия воспроизведения воспринятых сведений (обстановка и мастерство допроса, умение допрашиваемого точно излагать мысли, нежелание давать правдивые показания по личным мотивам или из-за боязни мести со стороны обвиняемого и других лиц, правильность фиксирования сообщаемых сведений и т. п.).

Показания свидетеля оцениваются лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом по их внутреннему убеждению. При оценке свидетельских показаний, как и при оценке других данных, недопустимы предвзятость, формальный подход. Естественно, что свидетель в силу состояния своего здоровья, уровня подготовки и других причин не всегда достаточно полно и точно сообщает о наблюдаемых им событиях и фактах.

При допросе и оценке показаний свидетеля лицо, производящее расследование, прокурор и суд обязаны учитывать психологическое состояние свидетеля, его заинтересованность в исходе дела, отношения с потерпевшим и обвиняемым или их родственниками, должностное положение и ответственность за те действия, которые вменяются в вину обвиняемому, опасения мести со стороны обвиняемого за сообщение о нем сведений. Органы расследования и суд должны также сопоставить показания свидетеля с другими данными по делу, проанализировать их.

Обвинение не может быть основано на показаниях свидетелей, если эти показания противоречат другим неопровергнутым по делу доказательствам. Равным образом в основу обвинительного приговора не могут быть положены противоречивые показания свидетелей, не подтвержденные другими объективными данными.

§ 2. Показания потерпевшего

В соответствии с действующим законодательством показания потерпевшего являются самостоятельным источником доказательств. Они служат средством установления существенных для дела обстоятельств, а также способом защиты потерпевшим своих законных интересов.

Потерпевший – это лицо, понесшее от преступления моральный, физический или имущественный ущерб. В ряде случаев он сам подвергался преступному воздействию со стороны обвиняемого или был очевидцем преступления. Поэтому он может указать на лиц, совершивших преступление, опознать их, сообщить приметы для розыска. Он может сообщить и иные ценные для органов расследования и суда сведения о деталях совершенного преступления, личности преступника, указать, как хранилось похищенное имущество, какие средства использовались при совершении преступления и т. д.

Предмет показаний потерпевшего по своему содержанию близок к предмету свидетельских показаний. Однако в отличие от свидетеля потерпевший вправе касаться не только конкретных обстоятельств уголовного дела, но и высказывать свои соображения по поводу собранных данных. В соответствии со ст. 59 УПК потерпевший дает показания об известных ему обстоятельствах по делу, о своих взаимоотношениях с обвиняемым, а также об имеющихся в деле доказательствах.

К потерпевшему еще в большей степени, чем к свидетелю, относится положение о его незаменимости.

В силу публичного характера правосудия участие потерпевшего в уголовном процессе не только служит целям защиты им своих интересов, но и призвано содействовать глубокому и всестороннему исследованию дела, правильному его разрешению. Поэтому закон возлагает на потерпевшего обязанность являться по вызову органов расследования и суда и давать правдивые и полные показания: сообщить все, что ему известно по делу, и ответить на поставленные вопросы. В случае отказа или уклонения от дачи показаний, а также дачи заведомо ложных показаний потерпевший несет ответственность по ст. 177 и 178 УК БССР.

При оценке показаний потерпевшего необходимо учитывать, что он всегда так или иначе заинтересован в определенном исходе дела, не может быть

безучастным к решению по делу. Давая показания, потерпевший не только сообщает факты, интересующие органы расследования и суд, но и добивается удовлетворения своих интересов, подчиняет им сообщаемые сведения, вольно и невольно придает им соответствующий оттенок.

Между потерпевшим и обвиняемым могут существовать неприязненные и даже враждебные отношения. Не исключено, что в силу определенных эгоистических или иных побуждений потерпевший хочет выгородить виновного, избавить его от ответственности.

На потерпевшего подчас оказывают воздействие другие лица, заинтересованные в осуждении обвиняемого или, наоборот, в недопущении такого осуждения. Следует также учитывать возможность ошибки со стороны потерпевшего, его добросовестное заблуждение относительно тех или иных фактов. Поэтому показания потерпевшего нуждаются в тщательной и всесторонней проверке, чтобы выявить неточности, ошибки и преувеличения, вызванные добросовестным заблуждением или субъективным отношением потерпевшего к исследуемым событиям.

Однако было бы неправильно относиться к показаниям потерпевшего с недоверием, рассматривать их как сомнительный источник доказательств, отдавать предпочтение другим сведениям.

Показания потерпевшего – не только важный источник доказательственных данных, но и средство защиты законных интересов, средство, с помощью которого потерпевший добивается удовлетворения своих правопритязаний.

Наличие тех или иных дефектов, неточностей, вкрапившихся противоречий не исключает само по себе доказательственного значения показаний потерпевшего, а лишь требует их углубленной проверки и взвешивающей оценки.

§ 3. Показания обвиняемого

Показания обвиняемого занимают особое место среди других имеющихся в деле показаний. Во-первых, они исходят от лица, которое привлекается к уголовной ответственности и для которого дача показаний служит одним из главных средств доказывания своей невиновности или меньшей степени ответственности. Показания используются обвиняемым также для отстаивания иных своих интересов: личных, имущественных, жилищных и т. п. Во-вторых, они исходят от лица, которое (при условии его действительной виновности) лучше всех знает фактические обстоятельства совершенного преступления, его причины, мотивы, обстановку и многое другое. Добросовестные и полные показания обвиняемого могут значительно облегчить исследование и разрешение рассматриваемого дела.

В тех случаях, когда обвиняемый причастен к преступлению, его показания могут помочь восстановить картину совершенного преступления, выявить соучастников, найти место, где находятся вещественные доказательства, спрятаны похищенные ценности и т. п. Если обвиняемый не причастен к преступлению, его доводы и аргументы вызовут необходимость более тщательной проверки имеющихся данных, их сравнения и сопоставления, истребования дополнительных доказательств, выявления тех причин, которые привели к ошибочным выводам.

Таким образом, показания обвиняемого, с одной стороны, источник доказательств, а с другой – средство защиты, средство отстаивания обвиняемым своих законных интересов.

Показания обвиняемого по своему содержанию имеют определенные отличия от показаний других допрашиваемых по делу лиц: свидетелей, потерпевших. Они состоят из трех переплетающихся между собой частей. Во-первых, обвиняемый отвечает на вопрос следователя или суда о своей виновности, признавая или отрицая ее полностью или частично. Во-вторых, дает объяснения по существу предъявленного обвинения и сообщенных ему фактов, выдвигает свои доводы и соображения, заявляет ходатайства о проверке тех или иных фактов, об истребовании доказательств. В-третьих, сообщает известные ему фактические данные по делу. Согласно ст. 71 УПК обвиняемый вправе дать показания по предъявленному обвинению, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу и имеющих в деле доказательств.

По своему характеру показания обвиняемого могут быть следующих видов: а) признание обвиняемым своей вины (сознание обвиняемого); б) отрицание вины; в) показания обвиняемого в отношении других лиц.

Советское процессуальное право, следственная и судебная практика исходят из того, что любое из указанных разновидностей показание обвиняемого, при условии его достоверности, имеет одинаковое доказательственное значение. Поэтому все показания обвиняемого, независимо от их характера, подлежат обязательной проверке и объективной оценке.

В следственной и судебной практике немало случаев, когда обвиняемый, совершив преступление, глубоко раскаивается в нем, добросовестно рассказывает о случившемся органам расследования и суду, дает правдивые показания, помогает правильно разобраться в деле. Закон рассматривает чистосердечное признание обвиняемого как обстоятельство, смягчающее его ответственность.

Однако признание обвиняемым своей вины далеко не всегда является свидетельством его виновности. В силу тех или иных причин возможно ложное или ошибочное сознание. Известны случаи самооговора, вызванные стремлением освободить от ответственности близких лиц,

применением недозволённых методов расследования, стечением неблагоприятных обстоятельств, заблуждением относительно фактических обстоятельств исследуемого события, наличием психического расстройства, боязнью огласки каких-либо компрометирующих сведений, желанием получить вознаграждение от заинтересованных лиц и другими причинами.

Советскому законодательству чужда переоценка доказательственной силы сознания обвиняемого. Значение имеет не столько признание им своей вины, сколько те фактические данные, которые он сообщает. Органы расследования и суд обязаны тщательным образом проверить показания обвиняемого, сопоставить их с другими доказательствами по делу. Одного признания обвиняемого, не подкреплённого другими доказательствами по делу, недостаточно для вынесения обвинительного приговора.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства обвиняемый может изменить свои показания. Органы расследования и суд обязаны в таком случае выяснить, почему он изменил их, какими мотивами при этом руководствовался, является ли такое изменение добровольным или вынужденным.

Показания обвиняемого, как и всякое другое доказательство, оцениваются по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела в их совокупности. Эти показания должны быть тщательно проверены и сопоставлены с другими данными по делу независимо от того, признаёт обвиняемый себя виновным или не признаёт. Они могут быть приняты во внимание или отвергнуты только после глубокого исследования, сопоставления со всеми обстоятельствами дела, после допроса свидетелей, потерпевших, назначения и производства экспертизы и совершения других следственных действий.

Особенно тщательной проверке подлежит показание обвиняемого, данное им против других лиц, поскольку часто в основе такого показания лежит стремление выгородить соучастника преступления, избавить его от ответственности либо, наоборот, отомстить другому лицу, возвести на него ложные обвинения, вызванные ненавистью, гневом или иными низменными побуждениями.

§ 4. Показания подозреваемого

Подозреваемый – это особый участник процесса, который появляется на непродолжительное время в ходе дознания или предварительного следствия. Он может быть допрошен по делу.

В соответствии со ст. 70 УПК подозреваемый даёт показания по поводу обстоятельств, послуживших основанием для его задержания

или применения к нему меры пресечения, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу.

В показаниях подозреваемый определяет свое отношение к возникшему подозрению, объясняет мотивы своего поведения, приводит доводы и соображения, подкрепляющие это объяснение, ссылается на источники, из которых могут быть почерпнуты дополнительные сведения, указывает на необходимость проверки тех или иных обстоятельств.

Для подозреваемого, как и для обвиняемого, дача показаний является не обязанностью, а правом. Он не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

В случае, если подозреваемый по каким-либо соображениям не воспользовался своим правом на дачу показаний, это обстоятельство не может быть обращено против него, не может рассматриваться как доказательство его виновности.

Показания подозреваемого являются как источником доказательств, так и средством его защиты. Подозреваемый может признавать или не признавать выдвинутые против него подозрения и давать свои объяснения. Его показания могут содержать фактические данные об известных ему обстоятельствах дела, объяснения по поводу задержания, а также ссылки на доказательства, опровергающие возникшее подозрение о его причастности к преступлению.

Последующее привлечение подозреваемого к уголовной ответственности в качестве обвиняемого не исключает его допроса в качестве обвиняемого относительно тех же обстоятельств, которые изложены в показаниях подозреваемого. В случае, если подозрение не будет подтверждено, лицо может быть допрошено в качестве свидетеля. Однако данные им ранее показания не теряют своего значения в качестве источника доказательств и подлежат оценке в совокупности со всеми собранными по делу данными.

При оценке показаний подозреваемого необходимо исходить из того, что подозреваемый, как и обвиняемый, заинтересован в исходе дела. Поэтому сообщаемые им сведения должны быть тщательно проверены, сопоставлены с другими имеющимися по делу данными. Но факт заинтересованности подозреваемого не может вести к огульному недоверию к его показаниям, умалению их доказательственной значимости, игнорированию их при принятии решения.

Глава XII

Судебное разбирательство

§ 1. Сущность и значение судебного разбирательства

После предания обвиняемого суду дело подлежит рассмотрению в судебном разбирательстве. Судебное разбирательство – важнейшая и наиболее ответственная стадия уголовного процесса, на которой уголовное дело разрешается по существу. Именно на этой стадии процесса суд при активном участии субъектов уголовно-процессуальной деятельности тщательно исследует все собранные по делу материалы, проверяет правильность и обоснованность выводов органов предварительного расследования и на основе полученных данных выносит приговор, являющийся основным актом социалистического правосудия.

Рассматривая конкретные уголовные дела, применяя меры наказания к виновным лицам, суд осуществляет борьбу с преступлениями, содействует укреплению социалистической законности и правопорядка, оказывает предупредительное воздействие на неустойчивых граждан. Всей своей деятельностью суд воспитывает трудящихся в духе высокой коммунистической сознательности, бережного отношения к социалистической собственности, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития.

Публичный характер судебной деятельности, ее конкретность и наглядность, глубокая нравственная направленность превращают судебные процессы в огромную силу, делают их проводником социалистической законности и морали, важным средством борьбы с пережитками прошлого в сознании людей, укрепления дисциплины и самодисциплины трудящихся, создания атмосферы нетерпимости к правонарушениям и правонарушителям.

Судебное разбирательство является также тем каналом, который используется для пропаганды советского права, для формирования и закрепления социалистического правосознания граждан, повышения уровня их правовой культуры и грамотности, развития и углубления их правовой идеологии и правовой психологии.

Таким образом, каждое судебное разбирательство выполняет ряд функций: рассмотрения и разрешения уголовного дела, воспитания и перевоспитания граждан, оказания предупредительного, профилактического воздействия и др. Все эти функции взаимно связаны, тесно переплетены между собой, подчинены целям и задачам социалистического правосудия.

Судебному разбирательству дела в большинстве случаев предшествует предварительное расследование, проводимое в форме дознания

или предварительного следствия. Материалы такого расследования составляют основу судебного следствия и подлежат тщательной проверке и оценке. Однако они ни в какой мере не ограничивают суд. Судебное разбирательство – это новое, вполне самостоятельное исследование, задачей которого является всестороннее и полное выяснение обстоятельств дела, установление по нему объективной истины и постановление законного и обоснованного приговора. Поэтому суд не может ограничиться простой проверкой материалов предварительного расследования и никоим образом не связан пробелами, допущенными при его производстве. Наоборот, он обязан проявить собственную инициативу в отыскании новых, дополнительных доказательств, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его, но по каким-либо причинам обойденных органами предварительного расследования.

При недостаточной исследовательности дела суд вправе вызвать на судебное заседание новых свидетелей, истребовать дополнительные документы, назначить новую экспертизу, осмотреть место совершения преступления, а также произвести все другие процессуальные действия, необходимые для глубокого и всестороннего выяснения обстоятельств дела, постановления законного и обоснованного приговора.

Суд правомочен также возратить дело для дополнительного расследования, определив его характер и рамки, прекратить дело, если к тому имеются предусмотренные законом основания, вынести частное определение, обращающее внимание на допущенные при производстве дознания или предварительного следствия нарушения и т. п.

Судебное разбирательство является центральной стадией уголовного процесса, его важнейшим этапом, поскольку представляет собой основную правовую форму осуществления правосудия. В этом смысле все другие стадии процесса играют по отношению к судебному разбирательству вспомогательную роль. Те стадии, которые предшествуют судебному разбирательству, обеспечивают необходимые предпосылки для успешного его проведения. На последующих стадиях проверяются и исполняются принятые в судебном разбирательстве решения.

Установленный законом порядок судебного разбирательства создает максимальные процессуальные гарантии осуществления правосудия, благоприятные условия для разрешения всех задач этой стадии процесса. В судебном разбирательстве наиболее полно и развернуто осуществляются все принципы советского уголовного процесса, определяющие наиболее демократическое и рациональное построение уголовного судопроизводства, его подлинно народную сущность.

Судебное разбирательство как стадия уголовного процесса подразделяется на пять органически связанных и вместе с тем относительно самостоятельных частей, последовательно сменяющих друг друга:

1) подготовительную часть судебного заседания; 2) судебное следствие; 3) судебные прения; 4) последнее слово подсудимого; 5) вынесение приговора.

§ 2. Общие условия судебного разбирательства

Общие условия судебного разбирательства – это совокупность правовых правил и предписаний, которые действуют в течение всего судебного разбирательства, определяют существенные особенности этой стадии процесса, влияют на характер совершаемых процессуальных действий, на права и обязанности участвующих в судебном заседании лиц.

Общие условия судебного разбирательства опираются на основные принципы советского уголовного процесса, исходят из них, служат их последовательному и полному осуществлению. Одновременно они конкретизируют эти принципы, формулируют те положения, которые характерны для данной стадии процесса.

В частности, закон устанавливает, что в стадии судебного разбирательства, помимо общих принципов, действуют и специальные, свойственные этому этапу уголовного судопроизводства, принципы: непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства, равенство прав участников процесса.

Сущность *непосредственности* состоит в том, что суд, рассматривающий конкретное уголовное дело, обязан сам исследовать все доказательства по делу: допросить подсудимого, свидетелей, потерпевшего, заслушать заключение эксперта, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы (ст. 242 УПК). Эти доказательства должны быть почерпнуты из первоисточников. Использование производных доказательств допустимо лишь в случае, когда получение первоначальных доказательств невозможно или крайне затруднено либо они служат для проверки первоначальных доказательств. Свое решение судьи основывают исключительно на данных, исследованных в судебном заседании и лично ими воспринятых.

Из действия принципа непосредственности судебного разбирательства вытекает, что: а) суд не может основывать приговор на материалах предварительного расследования, если они не были предметом рассмотрения на судебном следствии; б) все судебные действия по конкретному делу должны производиться в присутствии всех судей, разбирающих данное дело; в) суд, рассматривающий уголовное дело, не вправе поручить производство по этому делу каких-либо действий другому суду или отдельному судье (за исключением случаев, указанных в ст. 20 УПК); г) каждое дело должно быть заслушано от начала до конца в одном и том же составе судей. Если кто-либо из судей лишен возможности

продолжать участвовать в судебном заседании, он заменяется другим, и слушание дела начинается сначала. Только в случае, если в зале судебного заседания присутствовал запасной народный заседатель, который, заменив выбывшего, не требует возобновления судебных действий, разбирательство дела продолжается (ст. 25 и 26 УПК).

Запасной народный заседатель может быть вызван по делу, требующему продолжительного времени для его разбирательства, когда не исключена возможность выбытия из процесса кого-либо из состава суда.

О присутствии в судебном заседании запасного народного заседателя должно быть объявлено участникам судебного разбирательства, которые могут заявить ему отвод.

Решение о замене выбывшего народного заседателя запасным формулируется в определении суда. После вынесения определения о замене выбывшего из состава суда народного заседателя запасным последнему должно быть разъяснено его право требовать возобновления судебных действий. В случае, если такое требование будет заявлено, оно подлежит обязательному удовлетворению. Закон разрешает замену в ходе судебного разбирательства только одного народного заседателя. В случае выбытия из состава суда председательствующего или двух народных заседателей разбирательство дела должно всегда начинаться с самого начала.

Строгое соблюдение принципа непосредственности судебного разбирательства повышает уровень и качество исследования собранных по делу данных, способствует критическому исследованию их, служит необходимым условием установления по делу объективной истины.

Непосредственность судебного разбирательства тесно связана с *устностью*, которая заключается в том, что рассмотрение дела в суде происходит путем заслушивания устных показаний и объяснений всех участвующих в судебном заседании лиц, путем устного обсуждения всех обстоятельств дела. В устной форме задаются все вопросы, возбуждаются ходатайства, ведутся судебные прения, высказывается последнее слово подсудимого. Имеющиеся в деле документы и принимаемые судом решения подлежат оглашению.

Закон регламентирует процедуру судебного заседания таким образом, чтобы все его участники и все присутствующие лица могли воспринимать на слух все сведения об исследуемых обстоятельствах дела, высказанные мнения, предложения, принятые решения, чтобы они могли правильно ориентироваться во всем происходящем на суде, следить за ним.

Устность судебного разбирательства находит отражение и в терминологии, употребляемой законом («слушание дела», «выслушивание» мнений, заключений, последнего слова, «оглашение» протоколов и др.). Устность в полном объеме осуществляется лишь в судебном

разбирательстве, так как на других стадиях процесса решения принимаются в большинстве случаев на основе изучения письменных материалов дела без устного их воспроизведения.

Устность является наиболее рациональным способом ведения судебного разбирательства, позволяющим обеспечить полное и непосредственное восприятие всего в нем происходящего всеми участниками процесса и присутствующими лицами, сделать на основе воспринятого правильные выводы.

Судебное заседание по каждому уголовному делу происходит *непрерывно*, кроме времени, назначенного для отдыха. Рассмотрение теми же судьями других дел ранее окончания слушания начатого дела не допускается, так как в противном случае имеется опасность утраты или ослабления воспринятых обстоятельств, что может привести к неправильным выводам (ст. 242 УПК).

Непрерывность служит быстрой судопроизводства, обязывая суд активно исследовать дело и разрешить его в сравнительно короткие сроки. Она способствует также более глубокому и целостному восприятию обсуждаемых на суде фактов и обстоятельств и принятию правильного решения.

Перерывы в судебном заседании возможны только для отдыха. Рассмотрение в перерывах судебного заседания других дел повело бы к тому, что суд оказался бы не в состоянии глубоко и сосредоточенно исследовать ни одно из этих дел. Поэтому суд не вправе до окончания слушания начатого дела рассматривать любое другое дело (уголовное или гражданское), независимо от того, на каком этапе оно рассматривается.

В судебном разбирательстве обвинитель, подсудимый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители пользуются *равными правами* по представлению доказательств, участию в их исследовании и заявлению ходатайств (ст. 243 УПК). Этим обеспечивается равная возможность для каждого участника процесса отстаивать свои права и законные интересы, обосновывать свои выводы и предложения. Особенно важно равенство в возможностях доказывания для подсудимого, который только при этом условии способен успешно опровергать необоснованное обвинение или доказывать обстоятельства, смягчающие вину.

Равенство прав участников судебного разбирательства является существенной предпосылкой правильного осуществления правосудия. Равноправие участников судебного разбирательства позволяет суду использовать их активность и заинтересованность в определенном исходе дела в целях его всестороннего и критического исследования. При противоположных позициях обвинения и защиты, гражданского истца и гражданского ответчика судебное разбирательство в известной мере

приобретает характер спора, судебного состязания, в ходе которого его участники объективно помогают суду установить истину, постановить законный и обоснованный приговор.

Однако наличие равных прав на представление доказательств, участие в их исследовании и заявление ходатайств не означает равенства процессуального положения участников судебного разбирательства, равенства их задач и обязанностей. Они различны и зависят от конкретного правового статуса участника процесса, выполняемых им функций, той роли, которую данный участник процесса играет в судебном разбирательстве.

Суд и председательствующий в судебном заседании. Суд является основным органом, деятельность которого определяет направление и исход уголовного процесса. Суду принадлежит функция окончательного решения дела по существу, оценка правильности и обоснованности требований и утверждений всех других участников процесса. Только суд может признать человека виновным и применить к нему предусмотренную законом меру наказания.

Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции производится в составе *судьи и двух народных заседателей*, которые пользуются равными правами с судьей при решении всех вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства и при постановлении приговора.

Руководит судебным заседанием *председательствующий*, на котором лежит обязанность принятия всех предусмотренных законом мер к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины, устранению из судебного разбирательства всего не имеющего отношения к делу и обеспечение воспитательного воздействия судебного процесса.

Руководящее положение председательствующего в судебном заседании выражается в том, что он в ходе судебного разбирательства возглавляет деятельность всех судей и ведет судебное заседание от его открытия до окончания. Председательствующий ставит на обсуждение судей все вопросы, подлежащие коллегиальному разрешению, и руководит совещаниями судей. Он объявляет все решения, принятые в совещательной комнате. Председательствующий обеспечивает совершение всех процессуальных действий в судебном заседании, следит за их проведением в той очередности и в таком порядке, которые установлены законом. Он разъясняет участникам судебного разбирательства и другим лицам их обязанности и права и следит за тем, чтобы эти права могли быть реально использованы.

Все участники судебного разбирательства обязаны строго соблюдать установленный в суде порядок и подчиняться указаниям председательствующего. В случае возражения кого-либо из лиц, участвующих

в судебном разбирательстве, против действий председательствующего эти возражения заносятся в протокол судебного заседания (ст. 244 УПК). Возложение на председательствующего обязанности по руководству судебным заседанием не означает, что он наделяется какой-либо единоличной властью. Он действует от имени суда, с его согласия, и любой вопрос, возникающий в ходе судебного разбирательства, в том числе и по поводу действий председательствующего, разрешается всем составом суда.

Участие подсудимого в судебном разбирательстве. Подсудимый является центральной фигурой судебного разбирательства, вокруг которой концентрируется внимание суда и других участников процесса. В силу персонального характера обвинения в совершении преступления судебное разбирательство происходит с участием подсудимого, явка в суд которого признается обязательной (ст. 245 УПК).

Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого допускается лишь в случаях, когда он находится вне пределов Союза ССР и уклоняется от явки в суд. В остальных случаях при неявке подсудимого судебное разбирательство откладывается. Суд вправе подвергнуть неявившегося подсудимого приводу, избрать в отношении его меру пресечения или изменить ее на более строгую (ст. 246 УПК).

Рассмотрение дела в отсутствие подсудимого в случаях, когда это по закону не допускается, влечет за собой обязательную отмену приговора.

Участие прокурора. Прокурор участвует в судебном разбирательстве в случае, когда это признано необходимым судьей или судом при предании обвиняемого суду, и также тогда, когда прокурор, направляя дело в суд, сообщил, что считает необходимым поддержание обвинения (ст. 230 УПК).

В соответствии с приказом Генерального Прокурора СССР от 25 августа 1967 г. «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел» прокуроры должны поддерживать государственное обвинение по всем делам о преступлениях, за которые может быть назначена смертная казнь, по делам об особо опасных государственных преступлениях, о преступлениях несовершеннолетних и делам, рассматриваемым судами в выездных сессиях, а также во всех случаях, когда постановлением судьи или определением распорядительного заседания суда будет признано необходимым участие прокурора в судебном процессе.

В остальных случаях решение вопроса о поддержании государственного обвинения принимается с учетом общественного значения рассматриваемого дела, его сложности и объема, степени опасности совершенного преступления, а также состояния преступности в данном городе или районе.

На прокуроре, выступающем в качестве государственного обвинителя, лежит основное бремя доказывания виновности подсудимого. Выполняя эту обязанность, он представляет суду доказательства, на которых основано обвинение, участвует в исследовании всех существенных для дела обстоятельств, дает заключения по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, заботится о полноте и доброкачественности доказательственного материала, высказывает свои соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого.

Поддерживая обвинение, прокурор руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела. Учитывая решающее значение судебного разбирательства, закон предусматривает возможность изменения позиции прокурора в соответствии с полученными в суде данными. Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения, изложив мотивы отказа. Отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого (ст. 247 УПК).

Прокурор вправе предъявить или поддержать предъявленный по делу гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов, а также прав граждан (ст. 247 УПК). При этом он не связан позицией гражданского истца ни в отношении размера иска, ни в отношении его доказанности.

Выступая в суде в качестве государственного обвинителя, прокурор не перестает быть представителем органа, осуществляющего надзор за законностью. Поэтому в случае нарушения закона в ходе судебного разбирательства он не может пройти мимо нарушения, с чьей бы стороны оно ни произошло и чьи бы интересы оно ни затрагивало. В отличие от других участников процесса, которые вправе обращать внимание суда на нарушение закона, ущемляющее их интересы, прокурор обязан делать это в интересах всех участников процесса.

То обстоятельство, что прокурор выступает в судебном заседании в качестве государственного обвинителя, не снимает с него обязанности осуществлять надзор за точным исполнением законов в судебном разбирательстве. Это входит составной частью в содержание государственного обвинения¹.

¹ См.: Басков В.И. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, с. 79–83; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, с. 218–226; Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971, с. 40–144 и др.

Но судебное разбирательство осуществляет суд, который сам обязан обеспечить точное исполнение законов и не допускать нарушений закона всеми участниками судебного разбирательства, в том числе и прокурором. Поэтому формы надзора прокурора за исполнением закона в данном случае по сравнению с досудебными стадиями существенно изменяются. Прокурор, подчиняясь процессуальному руководству суда, не принимает по делу решений, которые входят в компетенцию самого суда. Он вправе возбуждать ходатайства об устранении допущенных в суде нарушений закона, давать заключения по возникающим в суде вопросам, делать заявления.

В случаях, когда, по мнению прокурора, суд не устранил допущенного нарушения закона, он вправе требовать занесения своего заявления в протокол судебного заседания, а после вынесения решения принести кассационный или частный протест в вышестоящий суд, обосновав его соответствующими доводами.

Участие защитника. Закон предусматривает две формы привлечения защитника к участию в судебном разбирательстве: по соглашению и по назначению. Суд допускает защитника в процесс, если последний был приглашен обвиняемым, его законным представителем или другим лицом по поручению либо с согласия подсудимого. Суд назначает защитника, если об этом ходатайствует подсудимый, либо закон устанавливает обязательное участие защитника в судебном заседании (ст. 50 и 51 УПК).

Основное содержание процессуальной деятельности защитника в суде заключается в содействии суду в исследовании обстоятельств дела под углом зрения защиты прав и законных интересов подсудимого. Свои функции защитник осуществляет тем, что отыскивает и представляет суду данные, опровергающие обвинение или смягчающие вину подсудимого, возражает против действий, ограничивающих его права, предостерегает суд от неправильных выводов.

Для выполнения этой задачи защитник наделен необходимыми правами. В судебном заседании он принимает участие в исследовании доказательств, высказывает свое мнение по возникающим вопросам, заявляет ходатайства, излагает суду соображения по существу обвинения, относительно обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности подсудимого, о применении уголовного закона, о мере наказания и гражданско-правовых последствиях преступления (ст. 248 УПК).

Защитник обязан использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты, чтобы во время судебного разбирательства были выявлены и учтены судом все обстоятельства, свидетельствующие в пользу подсудимого, чтобы при постановлении приговора были

отброшены все недоброкачественные и недостоверные доказательства. Своей деятельностью защитник помогает суду правильно и объективно оценить собранные по делу данные, избежать возможной ошибки во вред подсудимому, вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

Обвиняемому предоставлено право не только иметь защитника, но и выбирать его по своему усмотрению. Если в процессе судебного разбирательства подсудимый выскажет свою неудовлетворенность качеством защиты и будет просить суд назначить ему более квалифицированного адвоката, это ходатайство должно быть удовлетворено.

При неявке защитника суд принимает меры к его замене. При невозможности заменить защитника в этом заседании суд выносит определение об отложении разбирательства дела. Защитник, не явившийся в судебное заседание, может быть заменен другим защитником, но лишь с согласия подсудимого.

В случае неявки защитника суд не вправе спрашивать согласие подсудимого на рассмотрение дела без участия защитника, так как отказ от защитника в такой ситуации будет вынужденным.

Участие общественных обвинителей и общественных защитников. По определению суда к участию в судебном разбирательстве уголовных дел могут быть допущены представители общественных организаций трудящихся в качестве *общественных обвинителей или защитников*.

Выступление в суде общественных обвинителей и защитников – одна из форм широкого привлечения советских граждан к осуществлению правосудия, к проведению активной работы по борьбе с преступлениями.

Общественные обвинители и защитники выделяются коллективами трудящихся или общественными организациями на демократической основе. Закон не ограничивает круг общественных организаций, представители которых могут выступать в качестве общественных обвинителей и защитников. Ими могут быть партийные, профсоюзные, комсомольские, кооперативные организации, добровольные общества, коллективы трудящихся по месту работы, учебы или жительства подсудимого или потерпевшего. Решение о выделении общественного обвинителя или защитника не может быть принято единолично руководителем учреждения, организации или предприятия, поскольку такое решение не выражает мнения коллектива.

На право участия в судебном разбирательстве представителю общественности выдается документ, который может быть оформлен в виде поручения, доверенности или выписки из решения общего собрания. В этом документе указывается, от имени какой организации выступает

общественный обвинитель или защитник, кому поручено выступление, по какому делу, в отношении какого подсудимого и на основании какого решения. Документ заверяется печатью общественной организации или предприятия (учреждения).

Общественная организация или коллектив трудящихся, выделившие общественного обвинителя или защитника, вправе отозвать его, если до рассмотрения дела в суде выявятся обстоятельства, изменяющие первоначальное мнение коллектива.

Подсудимый не может отказаться от общественного защитника, поскольку последний участвует в судебном процессе не по приглашению подсудимого, а по поручению общественной организации или коллектива трудящихся. Но он вправе ходатайствовать о недопущении в качестве общественного защитника данного лица и замене его другим.

Для выполнения своих задач общественный обвинитель и защитник наделены необходимыми правами. В соответствии со ст. 249 УПК общественный обвинитель принимает участие в исследовании доказательств, заявляет перед судом ходатайства и отводы, участвует в судебных прениях, излагая суду свое мнение о доказанности обвинения, общественной опасности подсудимого и содеянного им. Общественный обвинитель может высказать соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого и по другим вопросам. Он вправе отказаться от обвинения, если данные судебного следствия дают для этого основания.

Общественный защитник принимает участие в исследовании доказательств, заявляет перед судом ходатайства и отводы, участвует в судебных прениях, излагая суду свое мнение об обстоятельствах, влияющих на степень и характер ответственности подсудимого, о применении уголовного закона, а равно о возможности смягчения наказания подсудимому, условного его осуждения или освобождения от наказания с передачей на поруки той общественной организации или коллективу трудящихся, от имени которых защитник выступает.

Общественный обвинитель и общественный защитник вправе отстаивать свою собственную позицию по любому вопросу уголовного дела независимо от позиции участвующего в деле прокурора, защитника или других участников процесса. Это, однако, не исключает того, что прокурор и общественный обвинитель, защитник и общественный защитник должны стремиться к согласованию своих действий, объединять усилия для достижения общей цели.

Участие потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. В судебном разбирательстве принимают участие также *потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик* и их представители. Используя свои права, перечисленные в ст. 54, 55 и 57 УПК,

они отстаивают свои законные интересы, добиваются удовлетворения своих правопритязаний.

При неявке потерпевшего в судебное заседание суд решает вопрос о разбирательстве дела или отложении его в зависимости от того, возможны ли в отсутствие потерпевшего полное выяснение всех обстоятельств дела и защита его законных интересов.

При неявке потерпевшего по делам частного обвинения без уважительных причин дело прекращается. Однако по ходатайству подсудимого суд может рассмотреть дело по существу и в отсутствие потерпевшего (ст. 251 УПК).

При неявке гражданского истца или его представителя гражданский иск оставляется без рассмотрения. При этом за истцом сохраняется право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства. Если гражданский иск поддерживает прокурор, а также если суд признает это необходимым, гражданский иск рассматривается и при неявке гражданского истца. Суд вправе по ходатайству гражданского истца рассмотреть гражданский иск в его отсутствие.

Неявка гражданского ответчика или его представителя не останавливает рассмотрения гражданского иска (ст. 252 УПК).

В случае, когда обвиняемый, его защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, свидетель, эксперт не владеют языком, на котором ведется производство по уголовному делу, приглашается *переводчик*. При неявке переводчика в судебное заседание и невозможности его замены рассмотрение дела откладывается, а в отношении переводчика принимаются меры, указанные в ст. 253 УПК.

Пределы судебного разбирательства. В интересах установления истины и обеспечения права обвиняемого на защиту закон устанавливает, что разбирательство дела в суде производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду. Изменение обвинения в суде допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. По любым основаниям исключается возможность изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по своим фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения (ст. 254 УПК).

Таким образом, пределы судебного разбирательства в отношении круга лиц никаких изъятий не имеют. Суд может рассматривать дело и постановить приговор (обвинительный или оправдательный) только в отношении обвиняемых, преданных суду в установленном порядке, т. е. в отношении подсудимых.

Что касается содержания обвинения, то закон допускает возможность его изменения в судебном разбирательстве при соблюдении

следующих условий: а) если этим не ухудшается положение подсудимого и б) если при этом не нарушается его право на защиту.

Ухудшение положения подсудимого может произойти в случае расширения объема обвинения либо такого его видоизменения, которое способно повлечь за собой неблагоприятные для подсудимого правовые последствия: изменение квалификации преступления на более тяжкое, назначение более строгого наказания или более сурового режима его отбывания, признание лица особо опасным рецидивистом, исключение или ограничение возможности условно-досрочного освобождения или замены наказания более мягким и т. д.

При этом не имеет значения, действительно ли повлекло видоизмененное обвинение более тяжкие правовые последствия для подсудимого по сравнению с теми, которые могли наступить по первоначальному обвинению. Достаточно самого факта перехода к новому, более строгому обвинению, означающему выход за пределы судебного разбирательства.

Другим препятствием к изменению обвинения в суде является возможное нарушение права обвиняемого на защиту. Суд может постановить приговор по измененному обвинению лишь в случае, когда подсудимый имел возможность полностью использовать законные средства опровергать это обвинение и добиваться смягчения своей ответственности по нему. Если новое обвинение возникло лишь в судебном заседании, то, естественно, подсудимый не в состоянии воспользоваться принадлежащими ему правами для охраны своих законных интересов, для доказывания своей невиновности или меньшей степени ответственности.

Нарушение права подсудимого на защиту может возникнуть и в том случае, когда во время судебного разбирательства будет установлено, что фактические обстоятельства преступления, инкриминируемые подсудимому, существенно отличаются от тех, которые вменялись ему по акту предания суду. При этом не имеет значения, сопровождается ли изменение фактических обстоятельств обвинения изменением квалификации или нет.

Если новое обвинение существенно отличается по своему фактическому составу от того, по которому состоялось предание суду, то осуждение по нему не допускается, хотя бы оно и влекло за собой менее строгое наказание по сравнению с возможным по первому обвинению.

Если изменение обвинения не является существенным, не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту, оно допускается непосредственно в судебном заседании. В частности, суд может, не обращая дело к исследованию, произвести следующие изменения обвинения: а) применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, если новое обвинение по своим фактическим обстоятельствам не будет

отличаться существенно от первоначального обвинения; б) исключить часть обвинения в совершении некоторых преступлений; в) исключить отдельные эпизоды; г) исключить из квалификации преступления ссылки на отдельные статьи Уголовного кодекса без изменения фактического содержания обвинения; д) исключить отягчающие вину обстоятельства, предусмотренные ст. 38 УК.

Если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указывающие на совершение подсудимым преступления, по которому обвинение ему ранее не было предъявлено, суд, не приостанавливая разбирательства, заслушивает заключение участвующего в деле прокурора, возбуждает дело по новому обвинению и направляет необходимые материалы для производства дознания или предварительного следствия. Когда новое обвинение связано с первоначальным и раздельное их рассмотрение невозможно, все дело подлежит возвращению для дополнительного расследования (ст. 255 УПК). Аналогичное решение принимает суд при необходимости вменить в вину подсудимому дополнительные эпизоды предъявленного обвинения или применить закон, предусматривающий более тяжкое наказание.

В тех случаях, когда на судебном следствии будут установлены обстоятельства, указывающие на совершение преступления лицом, не привлеченным к уголовной ответственности, суд, заслушав заключение участвующего в деле прокурора, возбуждает в отношении этого лица дело и направляет необходимые материалы для производства дознания или предварительного следствия. Если вновь возбужденное дело находится в связи с рассматриваемым и раздельное их разбирательство невозможно, суд направляет все дело на дополнительное расследование.

В отношении свидетеля, потерпевшего, эксперта или переводчика, давших заведомо ложное показание, заключение или перевод, дело может быть возбуждено лишь одновременно с постановлением приговора (ст. 256 УПК).

Если в судебном заседании выяснилось, что обвиняемый, преданный суду по делу публичного обвинения, в действительности совершил преступление, дело о котором могло быть возбуждено только по жалобе потерпевшего, то в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда СССР суд может изменить обвинение и постановить обвинительный приговор лишь при наличии в деле жалобы потерпевшего или же устного заявления потерпевшего в судебном заседании о привлечении подсудимого к уголовной ответственности. В противном случае суд обязан прекратить дело¹.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973 гг. М., 1974, с. 584–585.

По общему правилу рассмотрение дела в суде производится лишь по тому обвинению, по которому состоялось предание обвиняемого суду. Поэтому в случаях, когда обвинение было изменено ранее в распорядительном заседании, суд не вправе восстановить обвинение, сформулированное в обвинительном заключении.

Отложение и приостановление разбирательства дела, направление его для дополнительного расследования, прекращение дела. При невозможности разбирательства дела вследствие неявки кого-либо из вызванных в судебное заседание лиц или в связи с необходимостью истребования новых доказательств суд откладывает рассмотрение дела и принимает меры к вызову не явившихся в судебное заседание лиц или истребованию новых доказательств. Отложение судебного разбирательства означает перенесение судебного заседания на другое время, которое указывается в решении суда. Отложенное дело слушается всегда с самого начала.

Если подсудимый скрылся от суда, заболел психическим или иным тяжким заболеванием, исключающим возможность его явки в судебное заседание, суд приостанавливает производство по делу соответственно до розыска или до выздоровления подсудимого. Если по делу предано суду несколько лиц, то суд приостанавливает дело только в отношении скрывшегося или заболевшего подсудимого и продолжает разбирательство дела в отношении остальных подсудимых (ст. 257). Но если раздельное разбирательство затрудняет установление истины, приостанавливается все производство по делу.

Розыск скрывшегося подсудимого поручается органам милиции, которым направляется копия определения суда об объявлении розыска с соответствующими данными о подсудимом.

При установлении в судебном разбирательстве обстоятельств, предусмотренных ст. 234, т. е. обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в суде в силу неполноты исследования или допущенных процессуальных нарушений, дело направляется прокурору для дополнительного расследования. В определении суда указывается, по каким основаниям дело возвращается на доследование и какие обстоятельства должны быть дополнительно выяснены (ст. 258 УПК).

Судебное разбирательство, как правило, заканчивается постановлением приговора. Однако, если во время судебного разбирательства будут выяснены обстоятельства, предусмотренные ст. 259 УПК, дело подлежит прекращению.

По всем вопросам, которые разрешаются судом во время судебного разбирательства, суд выносит определения. Они бывают двух видов: а) выносимые без удаления в совещательную комнату; б) выносимые в совещательной комнате.

Без удаления в совещательную комнату выносятся определения, не требующие особой мотивировки. Они принимаются после совещания судей непосредственно в зале судебного заседания, устно формулируются председательствующим и заносятся в протокол судебного заседания. С удалением в совещательную комнату принимаются определения по более важным и сложным вопросам, требующим подробного обсуждения и обоснования. Они излагаются в виде отдельных документов, подписываемых всем составом суда и прилагаемых к протоколу судебного заседания.

Согласно ст. 261 УПК определения о направлении дела на дополнительное расследование, о возбуждении дела по новому обвинению или в отношении нового лица, о прекращении дела, об избрании, изменении или отмене меры пресечения, об отводах и о назначении экспертизы выносятся судом в совещательной комнате.

Все иные определения могут по усмотрению суда в зависимости от обстоятельств дела выноситься либо в указанном порядке, либо путем совещания судей на месте. Вынесенные определения подлежат оглашению.

Распорядок судебного заседания. В течение всего судебного разбирательства в зале судебного заседания должен поддерживаться порядок, необходимый для успешного рассмотрения дела. Закон устанавливает правила поведения участвующих в судебном заседании и присутствующих в зале суда лиц и наделяет председательствующего и состав суда необходимыми правами по предупреждению и устранению возможных нарушений порядка.

Поддержание порядка во время судебного заседания возлагается на председательствующего. Все участники процесса и все присутствующие в зале судебного заседания граждане обязаны беспрекословно подчиняться его распоряжениям о соблюдении порядка в судебном заседании.

При входе судей все присутствующие в зале судебного заседания встают, после чего по приглашению председательствующего занимают свои места. Участники процесса обращаются к суду, дают показания и делают заявления стоя. Равным образом стоя произносятся судебные речи во время судебных прений. Отступление от этого правила может быть допущено с разрешения председательствующего лишь для тех, кто по состоянию здоровья лишен возможности соблюдать его. Лица, не достигшие шестнадцати лет, в зал судебного заседания не допускаются, за исключением случаев, когда они вызваны судом. Участвующие в деле прокурор и защитник обязаны присутствовать при оглашении приговора (ст. 262 УПК).

В случае нарушения порядка во время судебного разбирательства, а также при неподчинении распоряжениям председательствующего

к виновным в этом могут применяться меры процессуального принуждения. Эти меры различаются в зависимости от процессуального положения нарушителя и его отношения к делу. Закон предусматривает следующие виды мер, применяемых к нарушителям порядка в зале судебного заседания: предупреждение о возможности удаления из зала судебного заседания, удаление из зала заседания, штраф в размере до десяти рублей, сообщение в соответствующее учреждение или общественную организацию о допущенных нарушениях (ст. 263 УПК).

При нарушении подсудимым порядка во время судебного заседания, а также при неподчинении распоряжениям председательствующего последний предупреждает подсудимого о том, что при повторении этих действий он будет удален из зала заседания. При повторном нарушении порядка подсудимый по определению суда может быть удален из зала заседания, и разбирательство дела продолжается в отсутствие подсудимого. Однако приговор оглашается в присутствии подсудимого или объявляется ему немедленно после оглашения.

В случае неисполнения прокурором, общественным обвинителем, защитником или общественным защитником распоряжений председательствующего он делает им предупреждение. При дальнейшем неподчинении указанных лиц распоряжениям председательствующего слушание дела по определению суда может быть отложено, если нельзя без ущерба для дела заменить данное лицо другим. Одновременно суд сообщает об этом соответственно вышестоящему прокурору, президиуму коллегии адвокатов или общественной организации.

Гражданский истец, гражданский ответчик, потерпевший и их представители, эксперт и переводчик в случае нарушения ими порядка в судебном заседании или неподчинения распоряжениям председательствующего могут быть по определению суда удалены из зала заседания. Остальные лица, присутствующие в зале судебного заседания, в подобных случаях могут быть удалены по распоряжению председательствующего. Кроме того, на них может быть судом наложен штраф в размере до десяти рублей (ст. 263 УПК).

Протокол судебного заседания – весьма важный процессуальный документ. В нем отражается весь ход судебного разбирательства, все обстоятельства, установленные в суде, все сделанные на судебном заседании заявления и ходатайства, все действия суда и других участников процесса.

Ведение протокола судебного заседания является обязательным. Отсутствие в деле протокола судебного заседания или небрежное его составление, лишаящее вышестоящий суд возможности проверить правильность и обоснованность вынесенного приговора, признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим за собой непременно отмену приговора.

В соответствии со ст. 264 УПК в протоколе судебного заседания указываются: место и дата судебного заседания с обозначением времени его начала и окончания; наименование и состав суда, секретарь, прокурор, общественный обвинитель, защитник, общественный защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, эксперт и переводчик, если они участвуют в деле; рассматриваемое дело; данные о личности подсудимого, мера пресечения, избранная в отношении его; время вручения обвинительного заключения и других документов, предусмотренных законом. В протокол заносятся все действия суда в том порядке, в каком они имели место; заявления и ходатайства участвующих в деле лиц; определения, вынесенные судом без удаления в совещательную комнату; указание на вынесение определений в совещательной комнате; разъяснение другим участвующим в деле лицам их прав и обязанностей; подробное изложение показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей; заключение эксперта и ответы на предложенные ему дополнительные вопросы; результаты произведенных в судебном заседании осмотров и других действий по собиранию и исследованию доказательств; указание на факты, которые участвующие в деле лица просили занести в протокол; указание на факты нарушения порядка в зале судебного заседания, если они имели место, и на личность нарушителя; краткое содержание судебных прений и последнего слова подсудимого; указание об оглашении приговора и разъяснении порядка и срока его обжалования.

Если во время судебного разбирательства применялась звукозапись допроса, фонограмма этой записи прилагается к протоколу, в котором делается отметка о применении звукозаписи.

Протокол судебного заседания ведет секретарь, который лично отвечает за точное соответствие всех записей в протоколе тому, что происходило во время судебного разбирательства. Окончательная редакция протокола принадлежит председательствующему. Секретарь обязан выполнить указания председательствующего о внесении в него изменений и дополнений. В случае разногласий между председательствующим и секретарем судебного заседания о правильности записей в протоколе последний вправе приложить к протоколу свои письменные возражения вместе с черновиками, сделанными в ходе судебного заседания.

Для обеспечения полноты протокола может быть применено стенографирование. Но стенографическая запись выполняет техническую функцию. К делу она не приобщается (ст. 99 УПК).

Протокол судебного заседания должен быть изготовлен и подписан не позднее чем через трое суток по окончании судебного заседания, а по сложным делам – не позднее семи суток. Протокол подписывают

председатель и секретарь. Все внесенные в протокол изменения, дополнения и исправления должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц.

После подписания протокола прокурор, подсудимый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители могут знакомиться с ним и подавать свои замечания с указанием на допущенные неправильности или неполноту протокола. Председательствующий обязан обеспечить участникам процесса возможность ознакомиться с протоколом.

Замечания на протокол судебного заседания рассматриваются председательствующим, который в случае согласия с ними удостоверяет их правильность и приобщает к протоколу судебного заседания. При несогласии с замечаниями председательствующий выносит их на рассмотрение распорядительного заседания суда, причем председательствующий и хотя бы один из народных заседателей должны быть из числа судей, участвовавших в рассмотрении дела. В необходимых случаях вызываются лица, подавшие замечания на протокол. Рассмотрев замечания, суд выносит мотивированное определение об удостоверении их правильности либо отклонении. Замечания на протокол и определение суда приобщаются к протоколу судебного заседания (ст. 266 УПК).

§ 3. Подготовительная часть судебного заседания

Подготовительная часть судебного заседания заключается в совершении судом и другими участниками процесса процессуальных действий, имеющих целью проверить и создать необходимые условия и предпосылки для всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела. Эти действия производятся в определенной последовательности и зависят от характера разрешаемых вопросов.

Было бы ошибочным недооценивать эту часть судебного заседания и сводить ее только к процедурной стороне. От того, как будет проведена подготовительная часть, в какой мере полно и правильно будут разрешены все вопросы, в значительной степени зависит успешный исход предстоящего судебного разбирательства, охрана прав и законных интересов участников процесса, соблюдение установленных законом процессуальных гарантий. Всякого рода ошибки и нарушения, допущенные в подготовительной части судебного заседания, могут отрицательно сказаться на полноте и всесторонности рассмотрения дела, затруднить вынесение законного и обоснованного приговора.

Содержание и процессуальный порядок подготовительной части судебного заседания определены ст. 268–278 УПК.

В назначенное для слушания дела время председательствующий открывает судебное заседание и объявляет, какое дело подлежит рассмотрению суда. Секретарь докладывает о явке в суд прокурора, общественного обвинителя, подсудимого, защитника, общественного защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, свидетелей, экспертов, специалистов, переводчика. В случае неявки кого-либо из этих лиц секретарь сообщает о ее причинах (ст. 269 УПК).

Затем председательствующий разъясняет переводчику, если он вызван на судебное заседание, его обязанность переводить суду показания и заявления участвующих в деле лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, а этим лицам – содержание показаний, заявлений, документов, оглашенных на суде, речей и реплик, произносимых в судебных прениях, а также распоряжения председательствующего и решения суда. Переводчик предупреждается об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод (ст. 270 УПК).

Явившиеся свидетели до начала их допроса удаляются из зала судебного заседания. Назначение этого судебного действия состоит в том, чтобы создать условия для получения объективных показаний свидетелей. Суду важно получить показания свидетеля об обстоятельствах дела именно в том виде, в каком они запечатлелись в его сознании, без искажений, возможных под влиянием показаний других лиц, иных доказательств, обстановки разбирательства дела и т. п.

С этой целью закон обязывает председательствующего принимать меры к тому, чтобы допрошенные судом свидетели не общались с недопрошенными свидетелями. Эти меры могут состоять в помещении еще не допрошенных свидетелей в отдельную комнату, в недопущении бесед допрошенных свидетелей с недопрошенными во время перерывов в судебном заседании, в такой очередности допросов, которая исключает общение свидетелей во время судебного следствия. Следует также разъяснять допрошенным свидетелям, что они не должны до окончания судебного разбирательства по поводу данных ими показаний беседовать с недопрошенными свидетелями.

Иногда в ходе судебного разбирательства возникает необходимость допросить в качестве свидетеля лицо, не вызывавшееся на допрос и находящееся в зале судебного разбирательства. Пленум Верховного Суда СССР признал допустимость допроса таких лиц, если их показания важны для дела¹.

Удалив свидетелей, председательствующий путем опроса устанавливает личность подсудимого, выясняя его фамилию, имя, отчество, год,

¹ См.: Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1948, с. 163–164.

месяц, день и место рождения, место жительства, занятие, образование, семейное положение, а также иные сведения о нем, которые могут иметь значение для дела.

Председательствующий спрашивает подсудимого, вручена ли ему и когда именно копия обвинительного заключения, а также копия определения распорядительного заседания или постановления судьи, если последними при решении вопроса о предании обвиняемого суду изменены обвинение или мера пресечения или список лиц, подлежащих вызову в суд. По делам частного обвинения подсудимому вручается копия заявления потерпевшего и постановления судьи о предании его суду (ст. 239 УПК). В случае невручения или несвоевременного вручения указанных документов разбирательство дела откладывается, так как это лишает подсудимого возможности должным образом подготовиться к своей защите (ст. 272 УПК).

Затем председательствующий объявляет состав суда, сообщает, кто является прокурором, защитником, общественным обвинителем, общественным защитником, секретарем судебного заседания, экспертом, переводчиком, специалистом, разъясняет подсудимому и другим участникам судебного разбирательства их право заявить отвод судьям, секретарю судебного заседания, прокурору, эксперту, переводчику, специалисту. Если в судебном заседании присутствует запасной народный заседатель, председательствующий объявляет об этом. Запасному народному заседателю также может быть заявлен отвод. Основания для отвода определены ст. 27, 28, 42, 74 и 131 УПК.

Закон устанавливает следующую процедуру отвода. При наличии оснований к отводу судья обязан заявить самоотвод. Ходатайство участников судебного разбирательства об отводе судьи должно быть мотивированным, т. е. содержать указание на обстоятельства, служащие основанием к отводу. Отвод может быть заявлен до начала судебного следствия. Лишь в случае, если основания отвода стали известны лицу, заявляющему отвод, после начала судебного следствия, допускается отступление от этого правила. При заявлении отвода судье он вправе публично изложить остальным судьям свое объяснение по поводу заявленного ему отвода.

Отвод, заявленный одному судье, разрешается остальными судьями в совещательной комнате в отсутствие отводимого. При равенстве голосов судья считается отведенным. Отвод, заявленный двум судьям или всему составу суда, разрешается судом в полном составе простым большинством голосов. В таком же порядке рассматривается отвод, заявленный прокурору, переводчику, эксперту, секретарю судебного заседания, специалисту.

УПК БССР не содержит указания на возможность заявления отвода общественному обвинителю и общественному защитнику¹. Однако суд, решая вопрос о допуске общественного обвинителя и общественного защитника, заслушивает мнение участников судебного разбирательства и заключение прокурора, которые могут указать на обстоятельства, препятствующие допусшению данного общественного обвинителя или защитника к участию в судебном процессе.

Суд вправе отклонить ходатайство о допуске к рассмотрению дела общественного обвинителя или защитника, если оно возбуждено ненадлежащим коллективом или нет официальных документов, удостоверяющих факт возбуждения такого ходатайства, или когда нарушен порядок его возбуждения.

Характер функций, выполняемых в суде общественным обвинителем и общественным защитником при широком объеме их процессуальных прав, делает необходимым, чтобы к участию в судебном разбирательстве в качестве представителей общественности не допускались лица, заинтересованные в исходе дела или подлежащие допросу в качестве свидетелей и т. п.

По разрешению вопросов, связанных с отводами, председательствующий разъясняет подсудимому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям права, принадлежащие им на судебном разбирательстве. Это разъяснение должно быть полным, обстоятельным и сделано в понятной для перечисленных лиц форме (ст. 274, 275 УПК).

Председательствующий разъясняет эксперту его права и обязанности и предупреждает его об уголовной ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу заведомо ложного заключения (ст. 276 УПК).

Если в судебное заседание вызван специалист, то председательствующий разъясняет ему права и обязанности, а также предупреждает об ответственности за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей (ст. 276¹ УПК).

Важным моментом подготовительной части судебного заседания является выяснение и разрешение ходатайств, заявленных участниками судебного разбирательства. Председательствующий опрашивает прокурора, общественного обвинителя, подсудимого, защитника, общественного защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, имеются ли у них какие-либо ходатайства. Лица, возбудившие ходатайства, обязаны их обосновать (ст. 277 УПК).

¹ Такого рода нормы есть в УПК некоторых союзных республик. Так, УПК УССР (ст. 59, 61 и 287) предусматривает возможность отвода общественного обвинителя и общественного защитника. УПК Эстонской ССР (ст. 231) устанавливает возможность отвода общественного обвинителя.

Каждый участник судопроизводства заявляет ходатайства исходя из своих процессуальных интересов. Закон не содержит каких-либо ограничений в отношении характера и содержания возбуждаемых ходатайств. Они могут быть самыми разнообразными: а) о привлечении к исследованию на судебном следствии новых доказательств; б) о дальнейшем направлении дела; в) о привлечении или допущении новых участников процесса; г) о порядке ведения судебного заседания; д) об обеспечении прав, предоставленных участникам процесса, и др.

По поводу каждого ходатайства суд заслушивает мнение остальных участников судебного разбирательства и принимает решение. Если ходатайства касаются обстоятельств, имеющих значение для дела, они должны быть удовлетворены. Не служит препятствием к заявлению и удовлетворению ходатайства то обстоятельство, что оно уже было предметом рассмотрения в стадии предварительного расследования или предания суду.

В случае отклонения ходатайства суд обязан вынести мотивированное определение. Отказ суда в удовлетворении ходатайства не лишает лица права вновь заявить его в дальнейшем в зависимости от хода судебного разбирательства. В свою очередь, суд может пересмотреть свое решение и удовлетворить ранее отклоненное им ходатайство.

Суду принадлежит активная роль в исследовании доказательств по делу. Поэтому он вправе независимо от того, было ли заявлено ходатайство, вынести определение о вызове новых свидетелей, назначении экспертизы, истребовании документов и других доказательств, а также произвести необходимые процессуальные действия для всестороннего выяснения обстоятельств дела и вынесения правильного решения (ст. 277 УПК).

В практике судов имеют место случаи, когда ходатайства, заявленные участниками судебного разбирательства в подготовительной части судебного заседания, разрешаются не сразу, а оставляются «открытыми», с тем чтобы решение по ним было принято в последующем в зависимости от хода судебного следствия. Такого рода отсроченные решения не основаны на законе. Суд обязан разрешить ходатайства участников процесса непосредственно по их заявлению.

Закон четко регламентирует вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие вызываемых на судебное заседание лиц и о тех последствиях, которые при этом наступают.

Согласно ст. 278 УПК при неявке кого-либо из участников судебного разбирательства, а равно свидетеля, эксперта или специалиста суд заслушивает мнение подсудимого, его защитника, общественного защитника, общественного обвинителя, а также потерпевшего, гражданского

истца, гражданского ответчика или их представителей и заключение прокурора о возможности разбирательства дела и выносит определение.

Закон устанавливает на этот счет следующие правила. При неявке прокурора суд разрешает вопрос о возможности слушания дела в его отсутствие. Если суд признает участие прокурора необходимым, разбирательство дела откладывается. В случае неявки защитника и невозможности заменить его в этом заседании дело откладывается. Замена защитника допускается только с согласия подсудимого. При неявке общественного обвинителя или общественного защитника суд в зависимости от обстоятельств дела решает вопрос об отложении рассмотрения дела или его рассмотрении в их отсутствие.

Вновь вступившим в дело прокурору, общественному обвинителю, защитнику и общественному защитнику должно быть предоставлено время, необходимое для подготовки к участию в судебном разбирательстве.

О неявке прокурора или адвоката без уважительной причины суд ставит в известность соответственно вышестоящего прокурора или президиум коллегии адвокатов. О неявке общественного обвинителя или общественного защитника без уважительной причины суд сообщает общественной организации или коллективу трудящихся, их выделившим (ст. 250 УПК).

Решение вопроса о возможности слушания дела в отсутствие неявившихся свидетелей зависит от важности тех данных, которые они могут сообщить. Если показания неявившегося свидетеля касаются обстоятельств, не имеющих существенного значения, суд вправе приступить к рассмотрению дела без его вызова. При этом суд не может руководствоваться теми соображениями, что можно огласить имеющиеся в деле письменные показания неявившегося свидетеля, не прибегая к вызову последнего на судебное заседание. Такой подход к решению этого вопроса означал бы нарушение принципов устности и непосредственности и неизбежно повлек бы неполноту судебного следствия.

Закон не содержит указания на обязательность личного участия эксперта в судебном разбирательстве. Заключение эксперта, данное им при производстве дознания или предварительного следствия, может быть оглашено на судебном заседании. Однако в ряде случаев суд по собственной инициативе или по ходатайству кого-либо из участников процесса может признать участие эксперта в судебном разбирательстве дела необходимым и вызвать его на судебное заседание. Такая необходимость возникает: а) когда экспертиза при производстве дознания или предварительного следствия не производилась; б) когда заключение экспертов, данное во время предварительного расследования, вызывает сомнение или противоречит другим доказательствам, собранным по делу; в) когда

эксперты пришли к разным выводам и их нужно допросить, чтобы сопоставить и оценить высказанные точки зрения; г) когда участники процесса ходатайствуют о производстве повторной или дополнительной экспертизы.

В случае неявки эксперта, когда его участие в судебном разбирательстве было признано необходимым, судебное заседание откладывается.

Решение суда о возможности рассмотрения дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц не может быть условным, т. е. поставленным в зависимость от дальнейшего хода судебного процесса. Закон устанавливает, что при неявке кого-либо из участников судебного разбирательства, а равно свидетеля или эксперта суд выносит определение о продолжении разбирательства или об его отложении. Иного не предусмотрено. Поэтому встречающаяся иногда практика, когда при неявке отдельных свидетелей и экспертов судьи оставляют вопрос о возможности слушания дела в их отсутствие открытым до окончания судебного следствия, не основана на законе.

В случае необходимости отложить рассмотрение дела суд обязан до закрытия судебного заседания поставить перед участниками судебного разбирательства вопрос, не имеют ли они ходатайств по делу. Если такие ходатайства заявлены, они разрешаются (ст. 278 УПК).

По окончании подготовительной части судебного заседания председательствующий объявляет, что суд приступает к производству судебного следствия.

§ 4. Судебное следствие

Судебное следствие с полным правом может быть названо центральной частью судебного разбирательства. На судебном следствии продельвается основная работа по проверке материалов, собранных в ходе предварительного расследования, исследуются все вновь представленные доказательства и добываются новые. Именно здесь судьи непосредственно заслушивают показания свидетелей и подсудимых, заключения экспертов, проверяют весь доказательственный материал, собранный по делу, правильность и обоснованность предъявленного подсудимому обвинения. Только материалы судебного следствия могут быть использованы участниками процесса для выступления в прениях, а судом – для вынесения приговора. Содержание судебного следствия в значительной мере предопределяет как характер предстоящих судебных прений, так и правильное решение дела по существу.

Согласно ст. 279 УПК судебное следствие начинается оглашением обвинительного заключения. В случаях изменения обвинения в распорядительном заседании суда оглашается также определение

распорядительного заседания. Если предварительное следствие или дознание по делу не проводилось, судебное следствие начинается оглашением постановления судьи либо определения суда о предании суду либо изложением заявления потерпевшего.

Оглашение обвинительного заключения является необходимым требованием правильного и успешного проведения судебного следствия. Представляя собой процессуальный документ, в котором подведены итоги предварительного расследования дела, изложена сущность предъявленного подсудимому обвинения, обвинительное заключение нацеливает суд на выполнение необходимых процессуальных действий, четко определяет объем и пределы предстоящего судебного исследования. С другой стороны, присутствующие на суде граждане, не знакомые с делом, узнают содержание обвинения и получают возможность следить за судебным следствием, только прослушав обвинительное заключение. Вот почему обвинительное заключение должно быть прочитано на судебном заседании полностью и вслух. Недопустимы никакие сокращения, замена чтения обвинительного заключения его пересказом или оглашением только резолютивной части.

Если по делу предъявлен гражданский иск, то целесообразно огласить и исковое заявление. Хотя совершение этого действия УПК БССР не предусмотрено (в отличие, например, от УПК Азербайджанской, Молдавской и Узбекской ССР), оно необходимо для обеспечения последующего исследования обстоятельств дела, относящихся к гражданскому иску.

После оглашения обвинительного заключения председательствующий спрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение. Если по делу предано суду несколько лиц, то такой вопрос задается каждому из них. В необходимых случаях председательствующий разъясняет сущность обвинения. Такое разъяснение делается тогда, когда подсудимый заявил, что обвинение ему непонятно полностью или в какой-либо части, либо когда есть основания сомневаться в том, что подсудимый правильно понимает суть предъявленного обвинения.

Давая разъяснение содержания обвинения, председательствующий должен удостовериться, что подсудимому ясна не только фактическая сторона, но и юридическая оценка, квалификация вменяемого ему преступления. Поэтому разъяснение должно быть достаточно полным, учитывающим личность подсудимого, степень его развития и культурный уровень.

После этого председательствующий спрашивает подсудимого, признает ли он себя виновным. Если подсудимый, отвечая на вопрос о признании виновности, выскажет желание объяснить причины признания или отрицания вины, то председательствующий обязан предоставить

ему возможность мотивировать свой ответ. Затем суд переходит к определению порядка исследования доказательств. С этой целью суд заслушивает предложения прокурора, общественного обвинителя, подсудимого, защитника, общественного защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей о последовательности допроса подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертов и проверки других доказательств, обсуждает эти предложения и выносит определение о порядке исследования доказательств.

Установление наиболее целесообразного порядка исследования доказательств на судебном следствии имеет важное практическое значение: от него в значительной мере зависит четкость и полнота судебного следствия. Бессистемное и беспорядочное ведение судебного следствия способно осложнить и запутать рассмотрение дела. Вот почему необходимо, чтобы к началу судебного следствия суд, прокурор и защитник имели продуманный план исследования доказательств. Рекомендовать какой-либо определенный порядок судебного исследования, пригодный для всех случаев, нельзя. Он должен определяться с учетом конкретных особенностей и обстоятельств рассматриваемого дела, в интересах всестороннего, полного и объективного исследования, установления истины, постановления законного и обоснованного приговора.

Во многих случаях проверка и исследование доказательств на судебном следствии начинается с допроса подсудимого, после чего допрашиваются потерпевший, свидетели, заслушиваются заключения экспертов, совершаются другие процессуальные действия. Такой порядок имеет ряд преимуществ. Он обеспечивает осуществление подсудимым права на дачу показания в любой момент судебного следствия и позволяет провести глубокое и всестороннее судебное исследование.

Конкретные особенности уголовного дела могут потребовать и иной последовательности проверки доказательств. Иногда судебное исследование целесообразно начать с допроса потерпевшего, свидетелей, оглашения отдельных документов и т. д.

При наличии по делу нескольких подсудимых допрос следует начинать с тех подсудимых, которые признали свою вину. Если дело разделено на отдельные эпизоды, судебное следствие нужно строить так, чтобы сначала были проверены все доказательства, относящиеся к одному эпизоду, затем все доказательства, относящиеся к другому эпизоду, и т. д.

При решении вопроса о порядке судебного следствия важно установить не только ту или иную последовательность проверки отдельных источников доказательства, но и последовательность исследования доказательств в пределах одного источника, например порядок допроса нескольких свидетелей, потерпевших, подсудимых и т. д.

На практике иногда бывают случаи, когда прокурор и другие участники процесса, не обдумав вопроса о порядке судебного следствия, предлагают вести допрос обвиняемых, свидетелей, потерпевших в том порядке, в каком они указаны в списке, прилагаемом к обвинительному заключению. А в этот список они зачастую записываются в той последовательности, в какой были допрошены на предварительном следствии. Установление такого порядка исследования доказательств приводит к тому, что судебное следствие проходит бессистемно, затрудняется доказывание, затягивается проведение судебного следствия.

Предлагая тот или иной порядок допроса свидетелей, необходимо исходить из того, что сначала должны быть допрошены свидетели, показания которых имеют решающее значение для дела и относятся к основным моментам предъявленного обвинения, а затем уже все остальные свидетели. Кроме того, более полному выяснению обстоятельств дела способствует такой допрос свидетелей, при котором исследуемые события получают освещение в той последовательности во времени, в какой они имели место в действительности.

Следует отметить, что по вопросу о наиболее целесообразном порядке исследования доказательств на судебном следствии в процессуальной литературе существуют различные точки зрения. Одни авторы полагают, что в случае отрицания подсудимым своей вины производить допрос его в начале судебного следствия нежелательно, поскольку он почти ничего не дает для установления истины по делу. В случае же признания подсудимым своей вины допрос надо производить в начале судебного следствия. Сторонники иной точки зрения полагают, что и при отрицании вины подсудимым он должен быть допрошен в начале судебного следствия¹.

Думается, что здесь нельзя дать однозначного ответа. Правильное решение вопроса о моменте допроса подсудимого можно принять лишь в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела, его особенностей, с учетом мнения заинтересованных лиц, в том числе и самого подсудимого.

Допрос подсудимого. Подсудимый должен быть допрошен судом по всему обвинению, предъявленному ему при предании суду. В процессе допроса он реализует свое право давать объяснения по предъявленному ему обвинению, представлять доказательства.

Допрос подсудимого на судебном следствии является важным судебным действием. Правильно организованный и умело проведенный допрос подсудимого может дать в распоряжение суда очень ценный доказательственный материал. Путем допроса подсудимого суд и другие

¹ См.: Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 69–91; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 2, с. 274 и др.

участники процесса выясняют существенные для дела обстоятельства, проверяют правильность объяснений подсудимого, выясняют данные, характеризующие его личность. Допрос подсудимого служит также средством его защиты: он может приводить доказательства, опровергающие обвинение или смягчающие степень его вины и ответственности, высказывать соображения в свою пользу.

В соответствии со ст. 281 УПК допрос подсудимого на судебном следствии начинается предложением председательствующего дать показания по поводу предъявленного обвинения и известных ему обстоятельств дела, т. е. изложить свои показания в форме свободного рассказа.

Следует подчеркнуть, что допрос подсудимого на судебном следствии должен непременно начинаться его свободным рассказом. Давая показания в форме свободного рассказа, подсудимый может по собственному плану изложить суду все, что ему известно по делу, привести доводы и аргументы в свою защиту, дать объяснение своим действиям. Нельзя прерывать показания подсудимого, ставить ему встречные вопросы, если он не уклоняется от существа дела. Встречающиеся иногда попытки поскорее избавиться от свободного рассказа и перейти к постановке вопросов приводят к поверхностности судебного следствия, ослабляют воспитательное значение судебного процесса. Кроме того, не выслушав до конца объяснения подсудимого, нельзя правильно решить, какие вопросы ему следует предложить.

После изложения подсудимым показаний в виде свободного рассказа его допрашивают судьи, прокурор, общественный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители, защитник, общественный защитник, а также другие подсудимые и их защитники. Председательствующий устраняет вопросы, не относящиеся к делу. Судьи вправе предлагать подсудимому вопросы в любой момент судебного следствия (ст. 281 УПК).

УПК некоторых союзных республик устанавливают иную очередность участия в допросе подсудимого. Так, по УПК Украинской ССР (ст. 300) после свободного изложения подсудимым своих показаний первым его допрашивает прокурор, затем общественный обвинитель и другие участники судебного разбирательства. Судья и народные заседатели допрашивают подсудимого последними, хотя по ходу его допроса участниками судебного заседания они имеют право задавать подсудимому вопросы для уточнения и дополнения его ответов.

Необходимо подчеркнуть, что вопросы, задаваемые подсудимому любым участником процесса, должны быть целеустремленными, ясно и четко сформулированными, краткими и конкретными, логически последовательными, имеющими непосредственное отношение к рассматриваемому делу.

Допрос подсудимого производится, как правило, в присутствии других подсудимых по делу. Только в исключительных случаях, когда этого требуют интересы установления истины, по определению суда подсудимый может быть допрошен в отсутствие другого или других подсудимых. В этом случае после возвращения удаленного подсудимого в зал судебного заседания председательствующий сообщает ему содержание показаний, данных в его отсутствие, и предоставляет возможность задавать вопросы допрошенному подсудимому.

Закон устанавливает, что подсудимый вправе давать показания в любой момент судебного следствия (ст. 281 УПК). Это означает, что он может высказывать свои соображения, приводить доводы и аргументы в связи с показаниями других подсудимых, свидетелей, потерпевшего, заключением экспертов, оглашением документов, осмотром вещественных доказательств и т. д. Наличие у подсудимого такого права является важной гарантией защиты его законных интересов.

Придавая большое значение допросу подсудимого, вместе с тем нельзя превращать его в главный способ выяснения обстоятельств по делу, ибо показания подсудимого – это прежде всего показания заинтересованного лица, человека, которому грозит наказание. Поэтому, как бы ни был правдив и искренен подсудимый, он не может с безусловной объективностью и полнотой изложить все обстоятельства дела и вольно или невольно смягчает или обходит молчанием наиболее невыгодные для себя места.

В соответствии с принципом непосредственности суд обязан лично воспринять показания подсудимого, заслушав его. Оглашение на судебном заседании показаний подсудимого, данных им во время дознания или предварительного следствия, может иметь место по определению суда, вынесенному по собственной инициативе, или по ходатайству кого-либо из участников процесса лишь в следующих случаях: а) при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями, данными подсудимым на суде; б) при отказе подсудимого от дачи показаний на суде; в) когда дело рассматривается в отсутствие подсудимого. Это правило распространяется также на случаи оглашения показаний подсудимого, данных на суде (ст. 284 УПК).

Воспроизведение приложенной к протоколу допроса подсудимого звукозаписи его показаний допускается также лишь при наличии одного из указанных трех оснований. При этом воспроизведение звукозаписи может производиться только после оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе или в протоколе судебного заседания.

Установив наличие существенных противоречий в показаниях подсудимого, суд обязан выяснить, являются ли эти противоречия следствием ранее данных подсудимым показаний либо результатом их неточной

записи либо иных обстоятельств. Без такого выяснения и критической оценки суд не может использовать показания подсудимого для вынесения решения.

Допрос свидетелей. Допрос свидетелей – наиболее распространенное судебное действие. Именно путем допроса свидетелей суд зачастую получает основной объем доказательственной информации.

Перед началом допроса свидетеля председательствующий устанавливает личность свидетеля, разъясняет его гражданский долг и обязанность правдиво рассказать все известное ему по делу, предупреждает его об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, о чем отбирается подписка, которая приобщается к протоколу судебного заседания. Свидетелям, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, председательствующий разъясняет значение полных и правдивых показаний. Об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний они не предупреждаются (ст. 285 УПК).

Каждый свидетель допрашивается отдельно в отсутствие еще не допрошенных свидетелей. Совместный допрос нескольких свидетелей недопустим. Лишь в случае, когда необходимо произвести очную ставку или передопросить свидетеля, возможен допрос нескольких свидетелей одновременно.

В начале допроса председательствующий выясняет отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему и предлагает свидетелю сообщить все известное ему по делу. После изложения показаний в виде свободного рассказа его допрашивают судьи, прокурор, общественный обвинитель, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник, общественный защитник и подсудимый. Если свидетель вызван в судебное заседание по ходатайству одного из участников судебного разбирательства, этот участник задает вопросы такому свидетелю первым.

Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, в том числе о личности подсудимого, потерпевшего и о своих взаимоотношениях с ними (ст. 74 УПК). Председательствующий при допросе свидетеля устраняет вопросы, не имеющие отношения к делу, а также наводящие вопросы.

Допрошенные свидетели остаются в зале заседания и не могут удаляться до окончания судебного следствия без разрешения суда. В случае необходимости они могут быть подвергнуты дополнительному допросу. Суд может разрешить допрошенным свидетелям удалиться из зала судебного заседания ранее окончания судебного следствия не иначе как по заслушании мнений обвинителя, подсудимого, защитника, а также других участников судебного разбирательства.

Свидетель дает показания в устной форме по памяти. Прочтение свидетелем заранее написанных показаний не допускается. УПК разрешает свидетелю пользоваться письменными заметками при допросе на суде лишь в случаях, когда его показания относятся к каким-либо цифровым и другим данным, которые трудно удержать в памяти. Эти заметки должны быть предъявлены суду по его требованию. Свидетелю разрешается также прочтение имеющихся у него документов, относящихся к даваемому им показанию; эти документы предъявляются суду и по определению суда могут быть приобщены к делу (ст. 287 УПК).

Если свидетелю будет разрешено прочтение имеющихся у него документов, участники процесса вправе просить суд о предоставлении им возможности ознакомиться с этими документами.

В определенных случаях возможно оглашение на суде показаний, данных свидетелем при производстве дознания или предварительного следствия. Такое оглашение может иметь место: а) при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями свидетеля на суде; б) при отсутствии в судебном заседании свидетеля по причинам, исключающим возможность явки его в суд (ст. 289 УПК).

Оглашение показаний свидетеля производится по определению суда. Никто из участников процесса не вправе самостоятельно зачитывать их без разрешения суда.

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд особенностей в порядке допроса несовершеннолетних и малолетних свидетелей. Согласно ст. 288 УПК БССР при допросе свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и при допросе свидетелей в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет вызывается педагог. В случае необходимости вызываются также родители или иные законные представители несовершеннолетнего. Указанные лица могут, с разрешения председательствующего, задавать свидетелю вопросы.

Допрос несовершеннолетнего свидетеля, когда этого требуют интересы установления истины, может быть по определению суда проведен в отсутствие подсудимого. После возвращения подсудимого в зал судебного заседания ему должно быть сообщено показание свидетеля и предоставлена возможность задавать вопросы этому свидетелю.

Свидетель, не достигший шестнадцати лет, удаляется из зала судебного заседания по окончании его допроса, кроме случаев, когда суд признает необходимым дальнейшее присутствие этого свидетеля.

Допрос потерпевшего. Потерпевший допрашивается на судебном следствии по правилам, установленным для допроса свидетелей. Поскольку по УПК БССР потерпевший не удаляется из зала судебного заседания, его допрос производится ранее допроса свидетелей. В случае, когда по делу имеется несколько потерпевших, каждый из них

допрашивается в присутствии других. Последовательность допроса потерпевших определяется судом.

Участие потерпевшего в качестве гражданского истца или обвинителя по делу частного обвинения не исключает возможности его допроса на судебном следствии.

Очная ставка. В УПК БССР нет норм, регламентирующих проведение очной ставки на судебном следствии, хотя возможность проведения такого процессуального действия не исключается. Очевидно, что в таком случае следует руководствоваться правилами, установленными для производства очной ставки на предварительном следствии, скорректированными применительно к условиям судебного разбирательства.

Очная ставка в суде может быть произведена одновременно не более чем между двумя лицами, при наличии существенных противоречий в их показаниях, полученных ранее.

Если очная ставка производится между двумя лицами, взаимоотношения которых в суде не выяснялись (например, между двумя свидетелями), то председательствующий спрашивает, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой.

Очная ставка на судебном следствии производится в обстановке, когда оба допрашиваемых дали суду показания, но один из них не слушал показаний другого (свидетель, допрошенный последним). Проводить очную ставку между двумя подсудимыми или подсудимым и потерпевшим, все время находящимся в зале суда, не имеет смысла.

Лицам, вызванным на очную ставку, ставятся вопросы сначала судьями, а затем участниками судебного разбирательства в той последовательности, которая установлена для обычного допроса. Лица, между которыми производится очная ставка, также могут, с разрешения суда, задавать друг другу вопросы.

Производство экспертизы на суде. Экспертиза на судебном следствии производится в случаях, когда по делу во время судебного разбирательства возникают вопросы, требующие для своего разрешения специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Производство экспертизы на суде возможно независимо от того, назначалась ли она в процессе предварительного расследования.

Эксперт вызывается в судебное заседание на основании постановления судьи или определения распорядительного заседания суда в порядке ст. 230 УПК. Суд может принять решение о вызове эксперта также в ходе судебного разбирательства, назначив экспертизу своим определением.

В качестве эксперта на судебное заседание, как правило, вызывается то лицо, которое давало заключение при производстве дознания или предварительного следствия. Если же экспертиза во время предварительного расследования не проводилась либо имеющееся в деле

закключение вызывает сомнение и нуждается в проверке, а также если участие в судебном заседании эксперта, давшего заключение на предварительном следствии или дознании, невозможно, в суд вызывается другой эксперт.

Эксперт из зала суда не удаляется. Он участвует в исследовании обстоятельств дела, относящихся к предмету экспертизы. С разрешения председательствующего он может задавать вопросы подсудимому, свидетелям, потерпевшему об обстоятельствах, имеющих значение для дачи заключения, участвовать в осмотре вещественных доказательств, местности, помещений и т. п.

По выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для дачи заключения, председательствующий предлагает прокурору, общественному обвинителю, защитнику, подсудимому, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям представить в письменном виде вопросы эксперту. Эти вопросы оглашаются, и по ним заслушиваются мнения участников судебного разбирательства и заключение прокурора. Суд рассматривает эти вопросы, устраняет те из них, которые не относятся к делу или к компетенции эксперта, окончательно формулирует их и передает эксперту.

Для проведения экспертных исследований и составления заключения эксперту предоставляется необходимое время, помещение, оборудование и т. д. Если эксперт, ознакомившись с вопросами, найдет, что некоторые из них сформулированы недостаточно ясно или не относятся к его компетенции, он вправе заявить об этом суду и просить его изменить или отменить их.

На время производства экспертизы объявляется перерыв судебного заседания. Если же остались невыясненными некоторые обстоятельства, не имеющие отношения к предмету экспертизы, судебное следствие может быть продолжено. Эксперт дает заключение в письменном виде. Оно оглашается им в судебном заседании и приобщается к делу вместе с поставленными вопросами (ст. 291 УПК). После оглашения заключения эксперту могут быть заданы вопросы для разъяснения или дополнения заключения. Сначала их задают судьи, потом прокурор, общественный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник, общественный защитник и подсудимый (ст. 292 УПК).

Если экспертиза по делу проводилась несколькими экспертами, которые пришли к единому заключению, допросу подвергаются не все эксперты, а один из них по усмотрению суда. В случае разногласия между экспертами каждому из них могут быть заданы вопросы для разъяснения и уточнения сделанного им заключения. При недостаточной полноте или ясности заключения может быть назначена дополнительная

экспертиза, которая поручается тому же или другому эксперту. Если представленное заключение является необоснованным и вызывает сомнение в его правильности, возможно назначение повторной экспертизы, которая поручается другому эксперту (ст. 293 УПК).

Осмотр вещественных доказательств, местности и помещения. Оглашение документов. Все вещественные доказательства, представленные в судебное заседание, должны быть осмотрены судом и предъявлены прокурору, общественному обвинителю, подсудимому, защитнику, общественному защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям.

Осмотр вещественных доказательств возможен в любой момент судебного следствия как по инициативе суда, так и по ходатайству участников судебного разбирательства. В случае необходимости вещественные доказательства могут быть предъявлены свидетелям, эксперту и специалисту. Лица, принимающие участие в осмотре, могут обращать внимание суда на те или иные обстоятельства, связанные с осмотром и имеющие значение для дела. Их заявления подлежат занесению в протокол судебного заседания.

Вещественные доказательства, которые по какой-либо причине не могли быть доставлены в суд (из-за громоздкости, ветхости, нетранспортабельности и т. п.), осматриваются в случае необходимости всем составом суда по месту их нахождения.

В процессе осмотра вещественных доказательств суд и участники судебного разбирательства вправе пользоваться имеющимися в их распоряжении научно-техническими средствами (измерительными приборами, лупами, светофильтрами и т. п.).

Все действия, связанные с осмотром вещественных доказательств, и полученные данные фиксируются в протоколе судебного заседания.

Признав необходимым осмотреть какое-либо помещение или местность, суд производит осмотр всем составом в присутствии участников судебного разбирательства, а в случае необходимости – и в присутствии свидетелей, экспертов и специалиста.

По прибытии на место осмотра председательствующий объявляет о продолжении судебного заседания, и суд приступает к осмотру; при этом подсудимому, потерпевшему, свидетелям и эксперту могут быть заданы вопросы в связи с осмотром. Лица, присутствующие при осмотре, вправе обращать внимание суда на все то, что, по их мнению, может способствовать выяснению обстоятельств дела (ст. 296 УПК).

Осмотр местности или помещения производится судом в случаях, когда он не был произведен во время предварительного расследования либо произведен неполно, поверхностно, когда участники процесса дают разное толкование фактам и обстоятельствам, зафиксированным

в протоколе осмотра, либо в суде выявились новые обстоятельства, проверить которые можно только путем проведения судебного осмотра.

Ход осмотра помещения и местности и его результаты фиксируются в протоколе судебного заседания.

Документы, приобщенные к делу или представленные в судебное заседание, если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для дела, подлежат оглашению.

Оглашение документов может быть произведено в любой момент судебного следствия полностью или частично как по инициативе суда, так и по ходатайству кого-либо из участников судебного разбирательства.

По поводу сведений, содержащихся в документе, в необходимых случаях могут быть допрошены подсудимые, потерпевшие, свидетели, истребованы и проверены другие доказательства. В отдельных случаях в подтверждение сведений, содержащихся в документах, могут быть допрошены лица, от которых документы исходят.

Представленные в судебное заседание документы по определению суда могут быть приобщены к делу (ст. 295 УПК).

Во время судебного следствия могут быть проведены судебный эксперимент, предъявление для опознания и другие процессуальные действия с целью получения или проверки имеющих значение для дела доказательственных данных. УПК БССР не определяет порядок производства этих действий на судебном следствии, поэтому при их проведении следует руководствоваться правилами, установленными для предварительного расследования. При этом, конечно, следует учитывать особенности процедуры судебного разбирательства.

Окончание судебного следствия. После исследования всех имеющихся по делу доказательств председательствующий опрашивает прокурора, общественного обвинителя, подсудимого, защитника, общественного защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, желают ли они дополнить судебное следствие и чем именно.

Перечисленные лица могут просить суд о постановке свидетелям, потерпевшему, эксперту и подсудимому дополнительных вопросов, об истребовании и приобщении к делу новых документов, о вызове дополнительных свидетелей и совершении других процессуальных действий, направленных на выяснение обстоятельств, оставшихся недостаточно исследованными. Участники судебного разбирательства при наличии оснований, указанных в ст. 234 УПК, могут возбудить ходатайство о направлении дела для производства дополнительного расследования.

Поступившие ходатайства суд обсуждает и разрешает, о чем выносит определение. По разрешении их и выполнении необходимых

следственных действий председательствующий объявляет судебное следствие законченным.

Окончание судебного следствия означает, что представление и исследование новых доказательств, а равно обсуждение новых обстоятельств на последующих этапах судебного разбирательства не допускается. Если такая необходимость возникает, закон предусматривает возможность возобновления судебного следствия. Оно может иметь место в следующих трех случаях:

1) если участник судебного разбирательства во время судебных прений заявляет ходатайство о возобновлении судебного следствия в целях предъявления новых доказательств (ст. 298 УПК);

2) если подсудимый в последнем слове сообщает о новых обстоятельствах, имеющих существенное значение для дела (ст. 299 УПК);

3) если суд во время постановления приговора в совещательной комнате признает необходимым дополнительно выяснить какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 310 УПК).

О возобновлении судебного следствия суд выносит определение. После возобновления судебного следствия судебное разбирательство продолжается в общем порядке с того момента, когда было возобновлено судебное следствие.

Судебная речь

Публикуется по книге: Матвиенко, Е. А. Судебная речь : учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак. / Е. А. Матвиенко. – Изд. 2-е, доп. – Минск : Выш. шк., 1972. – 253 с.

Предисловие

Выступление в суде – один из наиболее сложных и ответственных моментов участия прокурора, защитника и других лиц в уголовном судопроизводстве. Пожалуй, никакой другой вид процессуальной деятельности не предъявляет к ним столько многообразных и разносторонних требований, не нуждается в столь тщательной и углубленной подготовке, как произнесение судебной речи.

Успешное выступление в суде невозможно без достаточного знания законов логики, психологии, педагогики, права. Они дают ключ к раскрытию социальной сути исследуемых событий, к выявлению внутренних причин и побудительных мотивов поступков, к определению наиболее целесообразных средств и методов воспитательного и предупредительного воздействия.

Особое место в овладении ораторским мастерством занимает знание основ судебной речи. Каждый выступающий с судебной трибуны должен иметь отчетливое представление о функциональном назначении, содержании, структуре и принципах построения судебной речи, о ее форме, композиции, стиле, технике и других компонентах. Без такого знания нельзя рассчитывать на произнесение сколько-нибудь

удовлетворительной обвинительной или защитительной речи, надеяться на достижение посредством ее процессуальных целей судебного разбирательства.

Умение выступать публично не приходит само собой. Ему нужно учиться настойчиво и упорно, постигая и совершенствуя приемы ораторского мастерства. Еще Демокрит утверждал: «Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться»¹.

Задача настоящего пособия – помочь студентам-юристам в овладении основами судебной речи, в приобретении необходимых знаний и навыков по ее составлению и произнесению. С этой целью в книге освещаются сущность и значение судебных прений, их порядок и пределы, правовое положение участников судебных прений, содержание, структура и принципы построения обвинительной и защитительной речей, язык, стиль и композиция судебной речи, подготовка прокурора и защитника к выступлению в суде. В пособии на конкретных примерах показываются наиболее целесообразные способы и методы конструирования отдельных частей речи, отмечаются те ошибки и упущения, которые нередко встречаются на практике, высказываются соображения и рекомендации, направленные на повышение идейного и профессионального уровня судебных прений.

По сравнению с первым изданием пособие значительно расширено. В нем более обстоятельно рассмотрены такие вопросы, как роль судебных прений в уголовном судопроизводстве, функции и полномочия участников судебных прений, основные требования, предъявляемые к форме судебной речи. Введены новые разделы, в которых анализируются этические основы судебных прений, особенности нравственно-психологической характеристики подсудимого в защитительной речи, содержание и объем подготовки прокурора и защитника к участию в судебном процессе.

Автор надеется, что предлагаемая книга будет полезна читателю, послужит ему подспорьем в освоении и совершенствовании столь многотрудного дела, как выступление с судебной речью.

Автор

¹ Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. М., 1935, стр. 211.

Глава I

Судебные прения и их роль в уголовном судопроизводстве

§ 1. Сущность и значение судебных прений

Судебное рассмотрение уголовного дела включает в себя в качестве самостоятельной составной части судебные прения, во время которых его участники подводят итоги судебного следствия, излагают свои выводы и предложения, формулируют свою окончательную процессуальную позицию. Выступая с речами, участники судебных прений подвергают тщательному анализу собранный по делу доказательственный материал, дают политическую и юридическую оценку вменяемого подсудимому преступления, высказывают суду свои соображения относительно правильности и обоснованности предъявленного обвинения, степени вины и ответственности подсудимого, характера и размера наказания, а также других вопросов, подлежащих решению суда.

Судебные прения имеют целью помочь суду и всем присутствующим на судебном заседании лучше разобраться в фактических и юридических обстоятельствах уголовного дела, уяснить их смысл и значение, сделать необходимые выводы. Непосредственное участие в судебных прениях прокурора, защитника и других лиц, освещение ими всех исследуемых по делу фактов с позиций обвинения и защиты способствует установлению объективной истины, служит одной из гарантий предупреждения судебных ошибок. Вот почему суд заинтересован в том, чтобы выслушать мнения участников судебных прений, обсудить их. Последние, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы высказать суду свои соображения, убедить его.

Судебные прения оказывают большое влияние на формирование внутреннего убеждения судей. В результате судебных прений, когда весь доказательственный материал, собранный по делу на предварительном следствии и в суде, подвергается юридическому анализу, когда все спорные вопросы дела становятся предметом живой дискуссии, когда каждый из участников процесса обосновывает свои требования и предложения и возражает против требований и предложений противной стороны, суду легче прийти к правильным выводам, постановить законный, обоснованный и справедливый приговор.

Конечно, внутреннее убеждение судей начинает складываться еще до начала судебных прений, во время судебного следствия. Выслушивая показания допрашиваемых лиц – подсудимого, потерпевшего, свидетелей, – знакомясь с заключением эксперта, изучая вещественные

и письменные доказательства, проводя другие судебные действия, направленные на выяснение обстоятельств дела, судьи получают представление о них, определяют к ним свое отношение. Но эти суждения и выводы не являются еще полными и окончательными. После завершения судебного следствия у судей всегда имеется потребность систематизировать полученные данные, осмыслить их, разобраться в том, что оказалось бесспорно установленным, что опровергнуто, какие обнаружены пробелы и упущения.

В этой аналитической работе большую помощь суду оказывают судебные прения. Подводя итоги судебного следствия, анализируя доброкачественность и объективную достоверность собранных по делу доказательств, оценивая их с позиции обвинения и защиты, участники судебных прений высказывают свои соображения относительно преступления и виновности подсудимого, формулируют свою позицию, объясняют, почему суд должен принять во внимание одни факты и отвергнуть другие, почему он должен положить в основу своего решения одни доказательства и признать несостоятельными другие. В речах участников судебных прений суд нередко находит ответы на свои сомнения, черпает доводы в подтверждение своих, быть может, еще не совсем четко оформившихся мыслей. Выслушав судебные речи, в которых участники процесса дают свое толкование фактическим обстоятельствам дела, излагают свое мнение о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения, приводят данные, характеризующие его личность, раскрывают подлинные мотивы совершенных подсудимым действий, судьи получают возможность более глубоко вникнуть в суть дела, расширить круг анализируемых явлений, тщательно взвесить все за и против и на основе такого исчерпывающего исследования принять правильное решение.

В ходе судебных прений судьи еще раз мысленно прослеживают все этапы процесса искания истины, как бы заново проходят путь формирования своего внутреннего убеждения. Это дает возможность им отчетливее увидеть его сильные и слабые стороны, проконтролировать обоснованность сделанных выводов. В результате судьи либо еще больше укрепляются в правильности своей позиции, либо вынуждены отказаться от нее и, опираясь на высказанные в судебных речах аргументы, внести соответствующие коррективы в свое представление о фактической и юридической сторонах рассматриваемого дела.

Судебные прения всегда носят характер открытой дискуссии, борьбы мнений. Здесь непосредственно сталкиваются различные точки зрения, различные оценки, одним доводам противостоят другие. В этих условиях суду легче установить истинность или ложность тех или иных фактов, определить их ценность и доказательственное значение, отбросить все ненужное, наносное, недостоверное.

Выступая по делу Муранова, обвинявшегося в умышленном убийстве своей жены, прокурор сказал: «Муранов решительно отрицает, что у него был умысел убить свою жену, что он носился с мыслью об убийстве. “Какая чудовищная напраслина! – возмущался здесь подсудимый. – У меня никогда и не возникало мысли об убийстве”. К счастью для правосудия, эти заверения Муранова об отсутствии умысла на убийство легко и убедительно опровергаются, и не кем иным, как самим Мурановым. Он сам уличает себя во лжи. Вот письмо. Оно было предъявлено Муранову, и он признал, что написал его. Читаю его: “Меня приводит в бешенство поведение Галины, я знаю, чем это кончится: я убью ее!” Слышите, Муранов? “Я знаю, чем это кончится: я убью ее!” Или заявите теперь, что это письмо не ваше, или не отрицайте больше вашего намерения убить свою жену».

Защитник подсудимого по поводу этого же обстоятельства заявил: «Если еще нужны доказательства, что у Муранова не было умысла убить свою жену, то достаточно вспомнить то письмо, которое показалось прокурору неопровержимой уликой. Кому адресовано письмо? Матери погибшей Галины. Когда оно написано? За два дня до ее смерти. Если бы Муранов в действительности замыслил убийство, да еще столь хитро и долго подготовляемое и настолько коварно осуществленное, чтобы можно было утверждать, что Галина покончила с собой, то стал ли бы он накануне убийства писать матери убитой, предвзяв ее, что готовится стать убийцей ее дочери? Писал – значит, не думал убивать. Писал – значит, давал волю минутному раздражению, зная, что оно никогда ни во что худое не превратится. Писал – значит, не убивал»¹.

Как видим, прокурор и адвокат говорили об одном и том же, но их подход, их оценка фактов совершенно различны. Ценность судебных прений в том и состоит, что они исключают однобокость в освещении выясняемых обстоятельств, предполагают столкновение мнений, противоборство сторон, в котором рождается истина.

Выступая в судебных прениях, прокурор, защитник и другие участники процесса используют те же факты, оперируют теми же данными, которые были предметом судебного следствия. Но каждый из них привносит в дело что-то свое, связывает добытые материалы в определенную логическую систему, по-своему осмысливает их, предлагает суду свои соображения. Последний учитывает эти соображения при вынесении решения.

В ходе исследования доказательств на судебном следствии судьи могут не обратить внимания на те или иные факты, не уловить их внутренней связи, наконец, просто забыть о них. Судебные прения позволяют

¹ См.: Я.С. Киселев. Защитительная речь советского адвоката в суде. В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Л., 1967, стр. 153–154.

восполнить этот пробел, не допустить того, чтобы при внесении решения что-то было упущено, не принято во внимание, обойдено.

Судебные речи обращены прежде всего к суду. Но, говоря для суда, обосновывая свою позицию, помогая суду глубже познать истину и вынести правосудный приговор, участники судебных прений не могут забывать о судебной аудитории, не учитывать ее.

Даже самый внимательный слушатель, не имеющий специальной юридической подготовки, далеко не всегда в состоянии самостоятельно разобраться во всех деталях судебного процесса, найти правильный путь в оценке многообразного, зачастую противоречивого доказательственного материала, понять, почему обвинение квалифицировано таким, а не иным образом. Судебные прения, где весь собранный по делу фактический материал подвергается всестороннему анализу, где участники процесса высказывают свои суждения по всем вопросам, подлежащим решению суда, помогают присутствующим на судебном заседании гражданам лучше разобраться в обстоятельствах дела, получить цельное представление о деянии подсудимого и его личности, сделать из результатов процесса правильные выводы.

В методической разработке Прокуратуры СССР «Методика подготовки и произнесения обвинительной речи на суде» справедливо указывается, что, «произнося свою обвинительную речь, прокурор должен понимать, что он говорит не только для суда, но и для всех присутствующих в зале суда. Обстоятельства, которые ясны суду, могут быть неясны присутствующим в суде гражданам. Если эти обстоятельства важны для дела, они должны быть освещены в речи прокурора так, чтобы была исключена всякая возможность неправильного понимания их кем бы то ни было»¹. Эти указания в полной мере относятся и к выступлениям других лиц.

Судебные прения – не состязание в красноречии прокурора и защитника, не риторический диспут. Они направлены на обеспечение полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, установление по нему истины, вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора.

Но значение судебных прений этим не исчерпывается. Ведя борьбу с преступлениями, применяя меры уголовного наказания, советский суд не только карает виновных, но и имеет целью их исправление и перевоспитание. Всей своей деятельностью он воспитывает граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития.

¹ Методика подготовки и произнесения обвинительной речи на суде. М., 1939, стр. 3–4.

Выполняя каждый раз конкретную задачу выявления и наказания лиц, виновных в совершении преступления, вскрывая причины преступления, суд одновременно проводит огромную массово-разъяснительную работу, мобилизуя присутствующих на борьбу с пережитками прошлого в сознании людей, на укрепление дисциплины и самодисциплины трудящихся, на создание атмосферы нетерпимости к правонарушителям.

Публичный характер судебной деятельности, ее конкретность и наглядность, глубокая нравственная направленность превращают судебные процессы в гигантскую культурную силу, делают их проводником социалистической законности и морали, важным рычагом переустройства общества на новых, коммунистических началах.

Не допускать нарушений установленного государством правопорядка, бороться с ними можно двумя способами – методом убеждения и методом принуждения. Особенностью нашего правосудия является то, что ему свойственно разумное сочетание обоих этих методов. Принуждая, советский суд убеждает, наказывая, – воспитывает как виновных в совершении преступления, так и всех присутствующих на суде граждан. На эту сторону судебной деятельности обратил внимание М.И. Калинин, который в своей речи, посвященной десятилетию Верховного Суда СССР, отметил, что «суд оказывает огромное влияние как на тех, кто привлекается к ответственности, так и на присутствующих. Судья, который хорошо, умело, по-партийному ведет дело, всегда сумеет обеспечить и хорошую аудиторию. Люди придут его слушать, учиться у него»¹.

Судебные прения, являющиеся составной частью судебного разбирательства, содействуют суду в осуществлении его воспитательных функций, служат важным средством идеологического воздействия. Именно в судебных речах наиболее ярко выявляется общественно-политическое значение дела, показывается тот вред, который причиняется обществу и государству преступными действиями, дается развернутая характеристика личности подсудимого, раскрываются причины и условия, способствовавшие совершению преступления, указывается на те уроки, которые должны быть извлечены из судебного процесса.

Глубоко продуманные, аргументированные судебные речи, произнесенные с судебной трибуны, в которых наглядно, образно, убедительно показывается вся мерзость и отвратительность совершенного преступления, дается его политическая и юридическая оценка, помогают подсудимому осознать содеянное им, изменить свое поведение, сделать необходимые выводы, а всем присутствующим в зале судебного заседания

¹ М.И. Калинин. Речь на торжественном собрании, посвященном 10-летию Верховного Суда СССР. В сб. «Советская прокуратура в важнейших документах». М., 1956, стр. 393.

понять важность неуклонного соблюдения требований закона и норм социалистической морали. Под влиянием судебных прений подсудимый мысленно еще раз оглядывает свой жизненный путь, продумывает и оценивает его, глубже чувствует допущенные ошибки и просчеты, проникается сознанием необходимости возвратиться к честной трудовой жизни, занять в ней достойное место. Именно поэтому, указывал М.И. Калинин, «в судебных органах, в особенности в народных судах, должны быть лучшие коммунисты, должны быть наши первоклассные ораторы, должны быть люди, которые великолепно понимают психологию массы»¹.

Но воспитательное значение судебного процесса, в том числе и судебных прений, не ограничивается лишь воздействием на подсудимого и граждан, присутствующих в судебном заседании. Оно значительно шире. Любое уголовное дело порождено жизнью, является его частицей. Оно не может оставлять безразличным, равнодушным значительный круг людей. Поэтому сам ход судебного разбирательства и его результаты привлекают к себе пристальное внимание, становятся известными многим лицам, получают широкий общественный отклик. Во многих случаях судебные процессы проводятся на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, клубных помещениях, что увеличивает приток трудящихся. В этих условиях каждое действие суда, каждое слово, сказанное прокурором и защитником в своих речах, приобретают важное общественное значение, оказывают большое влияние на формирование общественного мнения.

Умело проведенный судебный процесс, в котором шаг за шагом раскрывается вся неприглядная картина совершенного преступления, дается глубокая оценка личности виновного, неизбежно перерастает в серьезную и поучительную школу воспитания высоких нравственных качеств, уважения к советским законам и правилам социалистического общежития. Такой процесс учит людей жить и трудиться, мобилизует их на борьбу с преступлениями, служит важным средством пропаганды советского права и законодательства, средством формирования правосознания трудящихся.

В.И. Ленин, высоко оценивавший воспитательную роль судебной деятельности, подчеркивал, что «суд есть орудие *воспитания к дисциплине*»². Обращаясь к Д.И. Курскому, он писал: «Воспитательное значение судов громадно. Где у нас забота об этом? Где учет реальных результатов? Этого нет, а это азбука всей юридической работы»³. В.И. Ленин указывал на необходимость при рассмотрении каждого уголовного дела

¹ М.И. Калинин. О социалистической законности. М., 1959, стр. 161.

² В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 197.

³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 397.

«до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение», с тем чтобы «вынести из суда уроки общественной морали и практической политики»¹.

Важнейшим условием успешной борьбы с преступностью и ее искоренения является создание обстановки неотвратимости наказания, формирование всеобщего убеждения в непременной ответственности за совершенное преступление. Сознание того, что ни одно преступление не останется нераскрытым и ни один виновный не уйдет от заслуженного наказания, удерживает неустойчивых лиц от опрометчивых шагов, служит серьезным фактором предупредительного воздействия. В.И. Ленин, отмечая воспитательно-предупредительное значение судебного процесса, настоятельно требовал не оставлять рассмотрение дел «в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»².

Судебные прения, во время которых их участники подвергают глубокому и всестороннему анализу характер преступления, способ, цели и мотивы его совершения, показывают действительные причины и последствия преступных действий, обосновывают применение разумного наказания, на конкретных примерах убеждают присутствующих в необходимости активной борьбы с антиобщественными явлениями, способствуют достижению судом указанных В.И. Лениным целей.

§ 2. Порядок и пределы судебных прений

Судебные прения состоят из речей прокурора, общественного обвинителя, а также гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, защитника, общественного защитника и подсудимого, если защитник в судебном заседании не участвует. В предусмотренных законом случаях, о которых будет сказано ниже, в судебных прениях участвует также потерпевший либо его представитель.

Участники судебных прений произносят речи в перечисленном выше порядке. Если к прениям допущен потерпевший, он выступает первым, осуществляя функции частного обвинителя. Последовательность выступлений прокурора и общественного обвинителя, а также защитника и общественного защитника устанавливается судом по их предложению. Таким же образом определяется взаимная очередность выступлений, если в судебном разбирательстве уголовного дела участвуют несколько

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 407–408.

² В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 71.

защитников, несколько гражданских истцов, гражданских ответчиков или подсудимых.

При определении порядка судебных прений законодатель твердо и последовательно проводит тот принцип, что сначала произносятся речи, направленные против подсудимого, а затем в пользу его. Такой порядок уравнивает процессуальные возможности сторон, создает более благоприятные условия для отыскания объективной истины, усиливает процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов подсудимого.

Следует согласиться с проф. И.Д. Перловым, который считает, что по групповым делам, где между подсудимыми имеются противоречия и где защита одних подсудимых связана с определенным изобличением других, сначала должны выступать защитники, чьи речи могут повлечь ухудшение положения остальных подсудимых. Такая очередность дает возможность защитникам изобличаемых подсудимых реагировать не только на речь прокурора, но и на речи уже выступивших коллег, привести соответствующие доводы в пользу своего подзащитного¹.

В отличие от прокурора и защитника для гражданского истца, гражданского ответчика, потерпевшего, а также для подсудимого участие в судебных прениях является не обязанностью, а правом. Они могут выступить с судебной речью или отказаться от ее произнесения. Решение этого вопроса полностью зависит от их усмотрения. Они вольны распорядиться своим правом так, как считают это нужным, сообразуясь с конкретной обстановкой.

Закон не ограничивает продолжительности судебных прений определенным временем. Каждый участник процесса может выступать так долго, как это необходимо ему для обоснования своих выводов и предложений, для опровержения доводов и утверждений противной стороны. Вместе с тем закон устанавливает, что участники судебных прений не вправе в своих речах ссылаться на доказательства, не бывшие предметом исследования на судебном следствии, а также касаться обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу. В случае нарушения этого запрета председательствующий в судебном заседании вправе остановить выступающего и сделать ему замечание (ст. 298 УПК БССР и аналогичные статьи УПК других союзных республик).

Таким образом, по прямому предписанию действующего законодательства судебные прения не могут выходить за пределы: а) тех доказательств, которые исследовались в ходе судебного следствия; б) тех обстоятельств, которые важны для дела, имеют к нему непосредственное отношение.

¹ См.: И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 31.

Судебным прениям всегда предшествует судебное следствие. Оно по праву называется важнейшей, центральной частью судебного разбирательства. Именно на нем выявляются и тщательно проверяются все доказательства, выясняется их доброкачественность и объективная достоверность, под перекрестным огнем обвинения и защиты испытывается их истинность. Материалы судебного следствия служат основой для всех последующих этапов уголовного судопроизводства. Они же составляют ту базу, на которой могут развернуться судебные прения.

В силу принципа непосредственности участники процесса не вправе в своих речах ссылаться на данные, имеющиеся в их распоряжении или полученные в ходе предварительного расследования и содержащиеся в материалах дела, если они по каким-либо причинам не были подвергнуты проверке на судебном следствии. В тех случаях, когда участникам судебных прений для обоснования выдвигаемых положений необходимо предъявить или получить новые доказательства, они могут ходатайствовать о возобновлении судебного следствия.

Круг обстоятельств, которые могут быть затронуты участниками судебных прений в своих выступлениях, определяется предметом рассматриваемого дела. В общем виде перечень таких обстоятельств дан в статьях 61 и 62 УПК БССР. Согласно этим статьям по каждому уголовному делу исследованию подлежат: а) событие преступления во всех его фактических и юридических признаках; б) виновность обвиняемого; в) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; г) вид и размер ущерба, причиненного преступлением; д) причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Приведенный перечень не является исчерпывающим. Он содержит указание лишь на основные структурные группы фактических обстоятельств, нуждающихся в установлении по уголовному делу. Конкретизация их зависит от индивидуальных особенностей рассматриваемого дела, его специфических черт.

Критерием для решения вопроса о том, могут ли участники судебных прений в своих выступлениях касаться тех или иных обстоятельств, служит значение данных обстоятельств для обсуждаемого дела. Все, что необходимо участникам судебных прений для отстаивания своей позиции, что способствует всестороннему и полному освещению исследуемых фактов, что направлено на вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора, входит в предмет судебных прений. И наоборот, все, что выходит за эти пределы, признается не относящимся к делу, должно быть исключено из судебной речи.

Как отмечалось, председательствующий в судебном заседании наделен правом останавливать выступающего, если он затрагивает обстоятельства, не имеющие значения для дела. Разумеется, таким правом

он должен пользоваться осмотрительно, чтобы не помешать нормальному ходу судебных прений, не ущемить процессуальных прав их участников, не сузить пределов судебного исследования. Вместе с тем недопустимы случаи, когда председательствующий проявляет инертность, чрезмерно терпимо относится к неоднократным уклонениям от предмета судебных прений, не реагирует на них.

После произнесения речей все участники судебных прений могут выступить еще по одному разу с репликой по поводу сказанного в речах.

Реплики не являются обязательной составной частью судебных прений. Их может и не быть. Право на реплику должно использоваться лишь в тех случаях, когда в речи противной стороны содержатся извращения фактов, принципиально неверные утверждения, ошибочные суждения, искажения позиции, занимаемой другим участником судебных прений. Репликой можно воспользоваться и тогда, когда в основной речи оказались упущенными какие-то существенные обстоятельства или в связи с речами других участников процесса возникла необходимость привести дополнительные доводы, высказать дополнительные аргументы. По своему назначению реплика – это ответ на речи или реплику других участников процесса. Поэтому она не должна быть превращена ни в повторение, ни в продолжение основной речи.

Не могут получить поддержки такие случаи, когда отдельные прокуроры и адвокаты умышленно оставляют до реплик наиболее сильные и убедительные аргументы, рассчитывая на их эффект в завершающий момент судебных прений. Это приводит к тому, что центр тяжести судебных прений невольно переносится на реплики, во время которых возникает оживленная полемика. В конечном итоге такой прием, не давая никаких преимуществ выступающему, ведет к искажению нормального хода судебных прений, к ослаблению значения судебной речи, к понижению ее действенности.

Правом на реплику обладают все участники судебных прений, независимо от того, выступали они с речью или нет. Суд не может отказать в реплике на тех основаниях, что данный участник процесса не произносил судебной речи.

Реплика любого участника судебных прений не влечет автоматически реплики других лиц. Свое решение они соотносят с характером и содержанием высказанной реплики. При всех условиях право последней реплики всегда принадлежит защитнику, а в его отсутствие – подсудимому (ст. 298 УПК БССР).

§ 3. Этические основы судебных прений

Отправление правосудия – деятельность не только юридическая. Оно имеет отчетливо выраженный нравственный характер, нравственную

направленность. В его основе, помимо правовых предписаний, лежат глубокие морально-этические принципы, которые накладывают значительный отпечаток на весь строй уголовного судопроизводства, содержание его конкретных форм и институтов, на взаимоотношения, складывающиеся между участниками процесса в ходе расследования и разрешения уголовных дел.

Воздействие нравственных начал на отправление правосудия достигается двояким образом: путем все большего проникновения моральных категорий в сферу права, закрепления правил морали в правовых нормах, придания этим правилам обязательной юридической силы, а также путем непосредственного влияния этических требований, лежащих вне правового регулирования, на поведение и действия участников уголовного судопроизводства. Оба этих пути, выражая процесс сближения права и правовой деятельности с моралью, процесс взаимопроникновения и взаимонасыщения их, отражают общую тенденцию в развитии нашего общества, характеризующуюся возрастанием роли нравственных факторов во всех областях государственной и общественной жизни.

То обстоятельство, что уголовное судопроизводство имеет не только правовой, но и нравственный аспекты, пронизано нравственными началами, вызывает необходимость строгого соблюдения этических правил, составляющих в своей совокупности предмет судебной этики, ее главное содержание.

Судебная этика – это учение о нравственных основах следственной и судебной деятельности, ее моральных принципах и критериях. Представляя собой специальный раздел общетического учения, судебная этика формулирует те моральные требования, которые предъявляются к участникам уголовного судопроизводства, определяет совокупность норм их поведения, указывает на пределы нравственной дозволенности при совершении тех или иных процессуальных действий. Все положения судебной этики подчинены целям осуществления правосудия, проникнуты идеей социалистического гуманизма и справедливости, направлены на обеспечение высокой культуры следственной и судебной работы, на выполнение ее воспитательных функций¹.

Судебная этика не есть нечто обособленное, изолированное от общих принципов коммунистической морали. Наоборот, она тесно связана с этими принципами, исходит из них, конкретизирует и развивает их применительно к условиям уголовно-процессуальной деятельности.

¹ См.: И.Д. Перлов. Судебная этика. «Советское государство и право», 1970, № 12, стр. 105; Л.Д. Кокорев. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971, стр. 121–122; Л. Ароцкер. Судебная этика. «Социалистическая законность», 1969, № 9, стр. 32; А. Ратинов, Ю. Захарин. Следственная этика. «Социалистическая законность», 1970, № 10, стр. 36–37.

В судебной этике находят свое отражение важнейшие требования морального кодекса строителей коммунизма, сформулированные в Программе КПСС. Опираясь на эти требования, судебная этика вырабатывает правила, регулирующие отношения между органами и лицами при осуществлении правосудия, устанавливает нравственные обязанности, вытекающие из этих отношений.

По своему характеру судебная этика является разновидностью профессиональной этики – этики, связанной с определенной профессиональной деятельностью. Подобно тому как врачебная этика или этика ученого содержит комплекс моральных запретов и дозволений, обусловленных спецификой данной деятельности, судебная этика закрепляет нравственные основы отправления правосудия, соответствующие этому виду государственной деятельности. «...Каждый класс и даже каждая профессия, – указывал Ф. Энгельс, – имеют свою собственную мораль...»¹

Применительно к судебным прениям этические требования выражаются в добросовестном и ответственном отношении к выполнению своих обязанностей по подготовке и произнесению речи, в корректности поведения и взаимоотношений с другими участниками уголовного процесса, в недопустимости действий и высказываний, унижающих честь и достоинство участвующих в рассмотрении дела лиц. Необходимой составной частью этических основ судебных прений является вдумчивое, человеческое отношение к подсудимому и его судьбе, забота о законных интересах потерпевшего и других участников судопроизводства, искреннее и настойчивое желание найти правду, максимальная осмотрительность, исключающая возможность ошибки, необоснованных выводов и предложений².

Этические основы судебных прений предполагают объективность, принципиальность, строгость к самому себе и другим участникам процесса, нетерпимое отношение к любым нарушениям закона, а также отсутствие какой-либо предвзятости, тенденциозности, подозрительности, огульного недоверия. «В области судебного состязания, – писал А.Ф. Кони, – проведение в судебную жизнь этических начал тесно связано с разработкой того, что нравственно дозволительно или недозволительно в судебных прениях. Вот почему можно и даже должно говорить об этической подкладке судебного красноречия, для истинной ценности которого недостаточно одного знания обстоятельств дела, знания родного языка и умения владеть им и следования формальным указаниям закона»³. Чрезвычайно важно также критическое отношение к приемам судоговорения, оценка их с точки зрения нравственной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 298–299.

² См.: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 180.

³ А.Ф. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 66.

дозволительности, главным мерилom которой «могло бы служить то соображение, что цель не может оправдывать средства и что высокие цели правосудного ограждения общества и вместе с тем защиты личности от несправедливого обвинения должны быть достигаемы только нравственными способами и приемами»¹.

Особое значение среди этических начал уголовного судопроизводства приобретают нравственная сторона взаимоотношений участников судебных прений, их внутренняя культура и этика поведения.

Судебные прения носят, как правило, полемический характер. Выступая в суде, прокурор, защитник и другие участники процесса обосновывают свое толкование фактов, опровергают неправильные с их точки зрения доводы и соображения противной стороны, указывают на несостоятельность приводимых аргументов и т. д. При этом возможен острый полемический спор, активное отстаивание своей позиции. Но при всех обстоятельствах этот спор должен проходить корректно, по-деловому, в обстановке взаимного уважения. Недопустимо использовать судебные прения для ненужного препирательства, оскорбительных выпадов, мелочных придирок, взаимных упреков, попыток любыми средствами добиться успеха. Судебный поединок требует выдержки, спокойствия и честности. Как справедливо замечает Е. Адамов, сражаться нужно за истину, а не за положение победителя².

В судебной практике нередки случаи, когда участники процесса занимают прямо противоположные позиции, придерживаются взаимно исключающих взглядов, защищают различные точки зрения. Их полемика может быть достаточно энергичной, решительной, бескомпромиссной. Но пока она касается существа дела, остается спором по поводу выдвинутых доводов и утверждений, подчинена исканию истины, она вполне уместна и морально оправдана. Как только полемика выходит за эти пределы, переносится на личность противника, ведется грубо, нетактично, она теряет принципиальный характер, становится недопустимой. Безусловно прав В.Д. Гольдинер, отмечая, что, чем значительней расхождения, чем острее ведущийся спор, тем больше сдержанности и такта должны проявлять его участники, тем строже они должны относиться к своим словам и доводам, своим суждениям³.

Советскому уголовному судопроизводству чужды нравы буржуазных юристов, не стесняющихся в выборе способов и средств для достижения своих целей. В условиях социалистического правосудия совершенно недопустимы те методы, которые рекомендовал видный русский

¹ А.Ф. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 66.

² См.: Е. Адамов. Искусство убеждать и воздействовать. «Советская юстиция», 1966, № 6, стр. 18.

³ См.: В.Д. Гольдинер. Защитительная речь. М., 1970, стр. 166.

дореволюционный процессуалист проф. Л.Е. Владимиров. В пособии, составленном для адвокатов, он призывал защитников по уголовным делам «постоянно помнить, что судебный бой не есть академический спор и здесь целесообразно быть односторонним и пристрастным»: «...Будьте постоянно и неуклонно несправедливы к обвинителю... Рвите речь противника в клочки и клочки эти с хохотом бросайте на ветер. Противник должен быть уничтожен весь, без остатка... Нужно осмеять соображения обвинителя – осмеивайте их! Будьте беспощадны. Придирайтесь к слову, к опiske, к ошибке в слове... Это ведь не умственный диспут, а потасовка словами и доводами, потасовка грубая, как сама общественная жизнь людей»¹.

Даже если отбросить мифистический хохот, явно упомянутый здесь для красного словца, то и тогда моральная неприемлемость приведенной рекомендации очевидна. Ее автор совершенно откровенно, без всякой маскировки советует: не будьте слишком щепетильны, не стесняйтесь в выборе приемов и средств процессуальной борьбы; судоговорение – это не теоретический диспут, а грубая схватка противоборствующих сторон, во время которой излишни разборчивость и моральная чистоплотность.

Следует решительно предостеречь от попыток протащить в наш суд подобные приемы полемики. Мы должны культивировать среди советских юристов чувство взаимного уважения, понимание своей ответственности, честное и добросовестное отношение к своим обязанностям. Всякие схоластические споры, полемические излишества, проявление неуважения участников процесса друг к другу и в особенности к суду дискредитируют самих участников процесса, подрывают авторитет суда, снижают воспитательное значение судебной деятельности. Известный тезис К. Маркса «воспитатель сам должен быть воспитан»² в равной мере относится к судьям, прокурорам и адвокатам.

Справедливой критике подверглось поведение прокурора Л. и адвоката Т., которые, участвуя в судебном процессе, вели себя нетактично, допускали по отношению друг к другу грубости, обменивались колкостями. В обвинительной речи прокурор для обоснования выдвинутого положения сослался на показания одного свидетеля. Защитник, возражая прокурору, заявил, что он такого показания не слышал. Тогда прокурор, не утруждая себя поиском нужных доводов и аргументов, бросил реплику: если адвокат не слышит, то пусть обратится к врачу, а не выступает в суде. Адвокат в свою очередь, не желая оставаться «в долгу»,

¹ Л.Е. Владимиров. Пособие для уголовной защиты. СПб., 1911, стр. 169.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

заявил, что прокурор «позорит честь мундира»¹. Понятно, что подобная перебранка совершенно недопустима. Она вредит правосудию, дает пищу для ложного истолкования его сущности и форм проведения, вызывает отрицательную реакцию слушателей.

Участники судебных прений должны бережно относиться к достоинству друг друга, проявлять нетерпимость к высокомерию и зазнайству, строго соблюдать требования закона и норм морали.

Особо уважительным должно быть отношение участников судебных прений к суду. Они ни в коей мере не могут ставить под сомнение его достоинство и компетентность, выражать недоверие к нему, вступать с ним в пререкания, не подчиняться распоряжениям председательствующего, противопоставлять себя составу суда.

Только явным непониманием своих процессуальных прав и обязанностей, а также низкой общей и профессиональной культурой можно объяснить такой, например, факт, когда прокурор во время судебного заседания, обращаясь к суду, сказал: «Я делаю суду замечание и прошу задавать вопросы по существу»². Не прокурор, а суд руководит судебным заседанием. В обязанность суда, а не прокурора входит определение границ судебного исследования, решение того, что относится к делу, что нет. Поэтому замечание прокурора, высказанное в адрес суда, является совершенно неуместным. Оно находится в очевидном противоречии с предписаниями закона, регламентирующего процессуальные полномочия прокурора, а также с положениями судебной этики.

Большой сдержанностью, корректностью и уважительностью должно отличаться отношение судей, прокуроров и адвокатов к подсудимым, свидетелям, потерпевшим, экспертам, гражданским истцам, гражданским ответчикам и другим участникам уголовного судопроизводства. Недопустимы как бесцеремонное, грубое обращение с указанными лицами, третирование и запугивание их, высказывание по их адресу оскорбительных замечаний, так и откровенная фамильярность, панибратство, отступление от строгих правил процессуального регламента.

Участники судебных прений могут дать соответствующую характеристику подсудимому, потерпевшему, указать на те обстоятельства, в силу которых, по их мнению, не следует полагаться на показания этих лиц, либо, наоборот, подчеркнуть значение сообщаемых ими сведений, отметить их доказательственную ценность. Но во всех случаях это нужно делать спокойно, без крайностей, не выходя за рамки этически дозволенного.

¹ См.: «Социалистическая законность», 1957, № 11, стр. 19.

² См.: «Социалистическая законность», 1967, № 4, стр. 14.

Нельзя без нужды вторгаться в сферу личной жизни подсудимого, свидетелей, потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, копаться в данных, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, пытаться во что бы то ни стало выставить в неблагоприятном свете лицо, сообщаемое сведения, не согласующиеся с процессуальными интересами выступающего. Еще в большей мере непозволительны грубость, бестактность, унижение чести и достоинства участвующих в судебном процессе лиц.

Подлинное правосудие немислимо без высокой судебной культуры, которая, переплетаясь с этическими требованиями, не только предполагает безупречное поведение его участников, точное и неуклонное соблюдение ими предписаний закона, но и служит показателем их политической зрелости, их деловой квалификации, их нравственной дисциплины и достоинства. «Культура, – говорил М.И. Калинин, – нам нужна как воздух, во всем ее широком диапазоне, т. е. от элементарной, необходимой буквально каждому человеку, до так называемой большой культуры»¹. Овладеть такой культурой, непрерывно углублять ее – обязанность каждого, кто имеет отношение к судебной деятельности, участвует в судебном рассмотрении уголовных дел, выступает с судебной трибуны.

Разумеется, этические основы судебных прений не исчерпываются отмеченными моментами. Их содержание значительно шире и включает в себя ряд других положений, которые будут рассмотрены при характеристике отдельных участков судебных прений и анализе составных частей судебной речи.

¹ «Советская юстиция», 1965, № 7, стр. 1.

Глава II

Участники судебных прений.

Их процессуальное положение

§ 1. Прокурор, его полномочия и обязанности в суде

Прокурору принадлежит важная роль в уголовном судопроизводстве. Выполняя функции прокурорского надзора, он активно участвует в борьбе с преступностью. Вся его деятельность направлена на дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка, предупреждение и искоренение преступлений, охрану прав и законных интересов советских граждан, воспитание их в духе коммунистической сознательности.

Прокурорский надзор осуществляется во всех стадиях уголовного процесса, но формы его не одинаковы. Они изменяются в зависимости от содержания конкретной стадии процесса и тех задач, которые стоят перед прокурором на данном этапе уголовного судопроизводства.

В судебном разбирательстве уголовного дела прокурор участвует в качестве государственного обвинителя, поддерживая государственное обвинение. Обвинительная деятельность прокурора в суде называется государственным обвинением, а сам прокурор – государственным обвинителем потому, что эта деятельность осуществляется от имени государства и в целях обеспечения интересов общества и государства.

Поддерживая государственное обвинение в суде, прокурор участвует в исследовании доказательств, анализирует их под углом зрения обвинения, дает заключения по возникающим во время судебного разбирательства вопросам, представляет суду свои соображения по поводу правовой оценки вменяемого подсудимому деяния, высказывает суждения о мере наказания и разрешении вопросов, связанных с возмещением причиненного преступлением материального ущерба. Для этого прокурор использует все те процессуальные средства, которые представляет ему закон, руководствуясь стремлением к истине и опираясь на свое внутреннее убеждение, основанное на рассмотрении всех обстоятельств уголовного дела.

Поддержание обвинения в суде – работа исключительно важная, сложная и ответственная. Она требует от прокурора высокой культуры, умения глубоко разбираться в явлениях общественной жизни, хорошей профессиональной подготовки, принципиальности. В.И. Ленин, говоря о тех требованиях, которые предъявляются к прокурору-обвинителю, указывал, что он должен уметь «перед всеми разнести вдрызг, осмеять

и опозорить» нарушителя советских законов и вместе с тем «поставить обвинение разумно, правильно, в меру...»¹.

Задача прокурора по поддержанию государственного обвинения может считаться успешно выполненной только тогда, когда он помог суду глубоко разобраться в обстоятельствах рассматриваемого дела, доказал виновность подсудимого, убедил в этом лиц, присутствующих в зале судебного заседания, сделал правильные юридические и политические выводы.

В соответствии с Положением о прокурорском надзоре в СССР поддержание государственного обвинения в суде возложено на лиц, осуществляющих функции прокурорского надзора, т. е. прокуроров всех наименований, их заместителей и помощников. Не могут выступать в суде в качестве государственных обвинителей следователи, если они в это время не исполняют обязанностей прокурора, а также привлекаемые для выполнения отдельных поручений общественные помощники прокурора.

Направляя дело в суд, прокурор одновременно сообщает, будет ли он участвовать в судебном разбирательстве. В случае, если прокурор считает необходимым поддерживать обвинение, судья или суд в распорядительном заседании не вправе отказать ему в этом. Равным образом постановление судьи или определение распорядительного заседания об участии прокурора в судебном заседании обязательно для последнего (ст. 230 УПК БССР).

Согласно приказу Генерального Прокурора СССР от 25 августа 1967 г. «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел» прокуроры должны поддерживать государственное обвинение по всем делам о преступлениях, за которые может быть назначена смертная казнь, по делам об особо опасных государственных преступлениях, о преступлениях несовершеннолетних и делам, рассматриваемым судами в выездных сессиях, а также во всех случаях, когда постановлением судьи или определением распорядительного суда будет признано необходимым участие прокурора в судебном процессе. В остальных случаях решение вопроса о поддержании государственного обвинения принимается с учетом общественного значения рассматриваемого дела, его сложности и объема, степени опасности совершенного преступления, а также состояния преступности в данном городе или районе. Следует согласиться с В.И. Басковым, что, «поскольку областные, краевые суды, а также суды автономных, союзных республик рассматривают по первой инстанции дела об особо опасных преступлениях, прокуратура обязана обеспечить поддержание обвинения по всем этим делам»².

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 88.

² В.И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 14.

Видимо, было бы полезно законодательно определить круг тех случаев, когда участие прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел признается обязательным. Это исключало бы субъективизм и разноречивость при оценке необходимости выступления прокурора в судебном процессе.

Исследуя вопрос о поддержании государственного обвинения в суде, необходимо отметить, что сам термин «обвинение» имеет в теории и практике уголовного процесса несколько значений. Во-первых, под этим термином понимается содержание вменяемых лицу преступных деяний, зафиксированных в соответствующем процессуальном документе, т. е. совокупность установленных по делу и инкриминируемых обвиняемому преступных фактов, за которые он должен нести уголовную ответственность. Именно такое значение придается понятию обвинения, когда говорится о сущности предъявленного обвинения, об изменении и дополнении обвинения, об отношении обвиняемого к предъявленному обвинению и т. п. (ст. 143, 147, 149, 155 и др. УПК БССР). В юридической литературе подобное значение обвинения принято называть обвинением в материально-правовом смысле. Оно включает в себя круг фактических обстоятельств совершенного преступления (формулировку обвинения), правовую оценку (квалификацию) преступления и указание на лицо, которому оно вменяется. Во-вторых, под обвинением понимается процессуальная деятельность, направленная на изобличение лица, совершившего преступление, на доказывание его вины и ответственности. Содержанием этой деятельности является обнаружение, закрепление, проверка и использование доказательств, с помощью которых выявляется лицо, виновное в совершении преступления, выясняется степень его вины и ответственности, обосновывается вывод о необходимости применения наказания. Обвинение в таком значении называется обвинением в уголовно-процессуальном смысле.

Между указанными видами обвинения существует тесная связь. Обвинение в материально-правовом смысле формулируется в результате процессуальной деятельности и составляет ее предмет. В свою очередь, наличие предмета обвинения по конкретному делу предполагает существование обвинительной деятельности, определяет ее направление. Без обвинения нет обвиняемого, равно как без обвинительной деятельности не может быть обвинения в материально-правовом смысле¹. Поэтому нельзя согласиться с имеющимся в литературе мнением, что обвинение, как процессуальная функция, выражается только в поддержании

¹ См.: Ф.Н. Фаткуллин. Обвинение и изменение его в суде. Казань, 1963, стр. 33; А.Л. Ривлин. Понятие обвинения, его место в советском уголовном процессе. Сб. «Вопросы государства и права». М., 1970, стр. 260.

обвинения в суде, а на предварительном следствии не осуществляется¹. Обвинение в процессуальном и материально-правовом смысле возникает с момента вынесения органами расследования постановления о привлечении лица к уголовной ответственности и завершается вынесением приговора, вступающего в законную силу. Что касается поддержания обвинения в суде, то оно является лишь одной из конкретных форм, одним из предусмотренных законом способов реализации процессуальной функции обвинения.

Содержание обвинения, его пределы и методы осуществления могут изменяться на различных стадиях уголовного процесса, приобретать новые, характерные для данной стадии черты. Но само обвинение, появившись с момента привлечения лица в качестве обвиняемого, остается неизменным элементом уголовного судопроизводства. Оно – его движущая сила, его основа, на которой развивается уголовно-процессуальная деятельность².

В зависимости от того, кем обвинение поддерживается в суде, действующее законодательство различает следующие виды обвинения: государственное обвинение – осуществляемое прокурором; общественное обвинение – поддерживаемое представителями общественных организаций и коллективов трудящихся; частное обвинение – осуществляемое потерпевшим (лично или его представителем).

Поддержание в суде государственного обвинения является одной из основных функций прокурора, вытекающей из его обязанности по осуществлению надзора за социалистической законностью. Именно в этой форме достигается наибольшая эффективность в борьбе с правонарушениями уголовно наказуемого характера. Умело поставленное и хорошо организованное участие прокурора в судебном процессе способствует глубокому и всестороннему исследованию обстоятельств уголовного дела, отысканию объективной истины, вынесению законного и обоснованного приговора, воспитанию граждан в духе коммунистической сознательности.

На прокуроре, выступающем в суде в качестве государственного обвинителя, лежит основное бремя доказывания виновности подсудимого, привлеченного к уголовной ответственности и преданного суду. Выполняя эту обязанность, прокурор изобличает подсудимого в совершении

¹ См.: Р.Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, стр. 48; П.С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, стр. 55–60; И.Д. Перлов. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 16; и др.

² См.: В.М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М., 1971, стр. 44–62; Ф.Н. Фаткуллин. Изменение обвинения. М., 1971, стр. 19–27; С.А. Альперт, М.И. Бажанов. Законность и обоснованность актов обвинения в стадии предварительного расследования. «Правоведение», 1965, № 3, стр. 102.

инкриминируемого ему преступления, приводит доказательства в подтверждение его вины, заботится о полноте и доброкачественности доказательственного материала, высказывает суду свои соображения о квалификации обвинения и применении меры наказания.

Прокурор разоблачает все попытки подсудимого уйти от ответственности или уменьшить степень своей вины, выясняет перед судом факты, характеризующие личность подсудимого, раскрывает подлинные мотивы совершения преступления, показывает всю его гнусность и общественную опасность, анализирует обстоятельства, способствующие совершению преступления.

В силу требований закона прокурор может направить дело в суд только тогда, когда он на основе собранных по делу данных пришел к твердому убеждению в правильности и обоснованности предъявленного обвиняемому обвинения, когда у него не осталось никаких сомнений в виновности обвиняемого. Поэтому в судебном разбирательстве он выступает как обвинитель, занимает обвинительную позицию. Выполняя свои функции, прокурор отстаивает обвинительные выводы, сформулированные органом расследования, приводит доказательства в их подтверждение, настаивает на осуждении подсудимого и применении к нему заслуженного наказания. Будучи убежден в виновности подсудимого, он стремится убедить в этом суд и всех присутствующих в зале судебного заседания.

Но это, конечно, не означает, что прокурор во всех случаях должен непременно добиваться осуждения подсудимого, обвинять во что бы то ни стало. Советский прокурор, настойчиво и энергично добивающийся осуждения виновных, страстно и гневно изобличающий с судебной трибуны изменников родины, расхитителей народного добра, убийц и насильников, воров и хулиганов, мошенников и спекулянтов – этих носителей пережитков прошлого в сознании людей, должен всегда оставаться объективным в оценке фактов. Его основная задача – помочь суду разобраться в деле, правильно взвесить все его обстоятельства, вынести законный и обоснованный приговор. Советскому обвинителю глубоко чужд так называемый «обвинительный уклон», стремление обеспечить вынесение обвинительного приговора «несмотря ни на что», вопреки установленным на суде фактам. С задачами советской прокуратуры несовместимо применение таких приемов, как искусственный подбор доказательств, одностороннее и предвзятое их освещение, умышленное извращение фактов или замалчивание обстоятельств, говорящих в пользу подсудимого.

Выступая в суде как обвинитель, изыскивая данные обвинительного порядка, прокурор действует в интересах обвинения. Но правильно поняты интересы советского государственного обвинения состоят

в том, чтобы наказанию были подвергнуты только лица, действительно виновные в совершении преступления, и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Поэтому прокурор, осуществляя уголовное преследование, обязан подвергнуть на суде проверке и исследованию все обстоятельства дела, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, как отягчающие, так и смягчающие его вину, с тем чтобы помочь суду установить объективную истину и вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

Главное в деятельности прокурора – объективность, беспристрастность, строгая обоснованность фактами всех его выводов и предложений.

Прокурор не может игнорировать бесспорно установленные по делу данные, настаивать на той формулировке обвинения, по которой обвиняемый был предан суду, если материалы судебного следствия вносят в нее определенные изменения либо полностью опровергают предъявленное подсудимому обвинение. Прокурор поддерживает обвинение лишь в той мере, в какой оно соответствует материалам судебного следствия, внося в него необходимые коррективы, вытекающие из результатов судебного исследования.

Это положение со всей категоричностью подчеркнуто в методическом письме Прокуратуры СССР «Участие прокурора в судебном следствии», где говорится: «...прокурор на суде настаивает на обвинении, поддерживает его лишь в той мере, в какой данные судебного следствия подтверждают обвинение. Поэтому прокурор не может обвинять ради обвинения, обвинять во что бы то ни стало, вопреки тем данным, которые устанавливаются судебным следствием. Прокурор не может и не должен допускать искусственной, односторонней трактовки обстоятельств дела и игнорировать все те факты, которые говорят в пользу подсудимого»¹. Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа (ст. 247 УПК БССР).

Для советского прокурора непристойно становиться в положение чиновника, защищающего «честь своего мундира», отстаивающего формулировку обвинительного заключения вопреки бесспорно установленным на судебном следствии фактам. Следует помнить, что как поддержание прокурором обвинения, так и отказ от него, если для этого имеются основания, одинаково служат интересам государства, интересам правосудия. Несомненно прав проф. И.Д. Перлов, когда указывает, что «прокурор, требующий с судебной трибуны осуждения виновного,

¹ «Социалистическая законность», 1938, № 8, стр. 47.

и прокурор, отказывающийся с этой же трибуны от обвинения невиновного человека, в одинаковой мере защищает интересы государства. Гарантии прав личности не только не противоречат государственным интересам, но прямо из них вытекают. Вот почему государственный обвинитель, защищая интересы государства, вместе с тем охраняет и защищает права и законные интересы отдельных граждан и прежде всего права и законные интересы подсудимого по делу. Не сходя с позиций государственных интересов, прокурор выступает на судебной трибуне защитником прав и законных интересов личности, не забывая, что в их правильной защите заинтересовано Советское государство»¹.

Выполняя задачи обвинения, ведя решительную борьбу с преступлениями, прокурор должен уметь подняться над односторонностью обвинительного направления, уметь видеть за казенными листами судебного дела живых людей, их судьбы, уметь подчинить силу своего обвинительного пафоса общественному служению, стать глашатаем общественной правды.

На прокуратуре лежит большая доля ответственности за вынесение обоснованного и справедливого решения по делу, за обеспечение прав и законных интересов личности в судебном процессе, за ограждение невиновных от ответственности. «Работники советской прокуратуры, – указывал М.И. Калинин, – не должны забывать, что прокуратура выступает не только в качестве обвинителя против нарушителей советских законов, но она обязана также защищать советского гражданина, если он привлекается к судебной ответственности без достаточных оснований»². Подчеркивая эту же мысль, М.И. Калинин в своем выступлении, посвященном десятилетию Верховного Суда СССР, говорил: «Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невиновный не был привлечен к суду... Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которой каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которой каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный Советской властью прокурор»³.

Обвинительная деятельность прокурора в суде не является изолированной деятельностью, осуществляемой в отрыве от остальных функций прокурора. Выступая в качестве государственного обвинителя,

¹ И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 45.

² М.И. Калинин. Речь при вручении правительственных наград работникам прокуратуры. «Социалистическая законность», 1945, № 4, стр. 3.

³ М.И. Калинин. О социалистической законности. М., 1959, стр. 176–177.

поддерживая обвинение, прокурор не перестает быть блюстителем социалистической законности, охранителем общественных интересов. И если в ходе судебного разбирательства будет допущено то или иное нарушение закона, прокурор не может оставить его без внимания, с чьей бы стороны оно ни последовало и чьи бы интересы ни затрагивало. Прокурор обязан в таких случаях обратиться к суду с указанием на допущенное нарушение закона и просить устранения этого нарушения. В случаях, когда, по мнению прокурора, суд не устранил допущенного нарушения закона, прокурор вправе требовать занесения своего заявления в протокол судебного заседания, а после вынесения приговора или определения принести кассационный или частный протест, приведя в нем соответствующие мотивы.

Таким образом, прокурор, участвующий в судебном разбирательстве уголовного дела, является не только обвинителем, но и вместе с тем представителем органа, осуществляющего надзор за законностью. В его компетенцию входит не только поддержание обвинения, доказывание виновности подсудимого, но и принятие необходимых мер, исключающих возможность нарушения закона, материального или процессуального. В отличие от других участников процесса, которые вправе обращать внимание суда лишь на те нарушения закона, которые ущемляют их интересы, прокурор обязан делать это в интересах всех участвующих в процессе лиц. Но реагировать на нарушения закона, добиваться их устранения прокурор может только в установленном процессуальном порядке, в рамках процессуального регламента. Никакими дополнительными правами и преимуществами по сравнению с другими участниками процесса он в судебном заседании не обладает¹.

Ошибочным представляется утверждение, что соединение в одном лице функций обвинения и надзора за законностью снижает эффективность правоохранительной деятельности прокурора в суде, придает ей односторонний обвинительный характер. В этой связи высказывается предложение разделить указанные функции, возложив на прокурора только обязанность по надзору за соблюдением законности в суде². Такое предложение не имеет под собой убедительных оснований. Поддержание государственного обвинения в суде не противостоит функции

¹ См.: М.С. Строгович. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951, стр. 162–165; Р.Д. Рахунов и др. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963, стр. 11–13; В.П. Радьков. Социалистическая законность в советском уголовном процессе. М., 1959, стр. 170; Поддержание государственно-го обвинения в суде. Под ред. М.П. Малярова. М., 1970, стр. 7; и др.

² См.: И. Петрухин. Об эффективности прокурорского надзора в суде. «Социалистическая законность», 1969, № 6, стр. 35–36; Г.Н. Колбац. Эффективность прокурорского надзора за соблюдением законности в суде. «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 120–122.

надзора за законностью, а является одной из форм, одним из методов его осуществления. Путем поддержания государственного обвинения прокуроры борются с нарушениями советских законов, предупреждают их, требуют восстановления нарушенного права, добиваются наказания виновных¹.

Прокурор нужен в суде прежде всего как государственный обвинитель, как активный участник уголовного судопроизводства, представляющий в своем лице орган надзора за точным и неуклонным исполнением закона. Лишение прокурора права поддержания государственного обвинения, сведение его полномочий лишь к даче заключений по возникающим в суде вопросам не усилит, а снизит эффективность прокурорского надзора, ослабит его значение, выхолостит из прокурорской деятельности в суде реальное содержание. Этого допустить нельзя².

Участвуя в судебном рассмотрении уголовного дела, выполняя функции по надзору за законностью, следя за точным и неуклонным исполнением предписаний закона во время судебного разбирательства, прокурор обязан сам действовать в соответствии с законом. Будучи строг и требователен к соблюдению законов всеми участниками процесса, прокурор должен быть еще более строг и требователен к себе. Вся его деятельность, все высказывания и заявления должны быть проникнуты глубоким уважением к суду, направлены на укрепление авторитета суда.

Прокуратура СССР неоднократно обращала внимание прокуроров на это обстоятельство. В методическом письме Прокуратуры СССР «Участие прокурора в судебном следствии» говорилось: «Содействуя суду в правильном разрешении дела и обеспечивая неуклонное соблюдение всех требований закона, прокурор все свои действия на суде должен производить таким образом, чтобы всемерно укреплять авторитет суда в глазах граждан. Все выступления и высказывания прокурора на суде должны быть проникнуты уважением к суду. Совершенно недопустимыми должны быть признаны иногда имеющие место случаи, когда прокурор вступает с судом в пререкания, ведет себя по отношению к суду вызывающе и т. д.»³

¹ См.: Н.В. Жогин. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968, стр. 54; Р.Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, стр. 164; Б.А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, стр. 190.

² Правильные соображения об этом см.: В.Н. Шпилев. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, стр. 68–69; М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 2. М., 1970, стр. 235–236; С.А. Альперт. Об обоснованности обвинения в советском уголовном процессе. В сб. «Вопросы государства и права». М., 1970, стр. 267; В.М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М., 1971, стр. 127–144.

³ «Социалистическая законность», 1938, № 8, стр. 47–48.

Следует, однако, признать, что некоторые прокуроры не научились еще культурно, с достоинством, но вместе с тем скромно, без зазнайства держать себя на суде. Многие государственные обвинители перестают контролировать себя, как только во время судебного процесса возникают какие-либо осложнения, обнаруживаются расхождения в показаниях допрашиваемых лиц, выявляются трудности в отстаивании обвинительной версии. В таких случаях прокуроры нередко начинают грубить, бросают неуместные, бестактные реплики, нарушают процессуальный регламент.

В ходе судебного рассмотрения уголовного дела по обвинению Л. адвокат, участвовавший в процессе, представил суду справку. Объяснив, для чего этот документ нужен, он положил его на стол суда. Прокурор, выступавший по делу, без разрешения председателя взял справку со стола, ознакомился с ней и стал излагать свою точку зрения относительно представленного документа. Председатель совершенно справедливо попросил прокурора вернуть документ суду, считая нужным сначала ознакомиться с ним самому, а затем уже выслушивать заключение прокурора. Прокурор в ответ на это заявил: «Я не верну этой справки, пока не выскажу своего мнения о ней». В зале раздался смех. Председательствующий: «Товарищ прокурор, садитесь!» Прокурор: «Я знаю, когда мне садиться, и вы мне не указываете!» Председательствующий: «Товарищ прокурор, вы не подчиняетесь суду». Прокурор: «Я подчиняюсь советскому закону, а вы его нарушаете!» Ясно, что такое поведение прокурора недопустимо. Оно наносит ущерб и авторитету суда, и авторитету прокуратуры. Судебная аудитория весьма чутко реагирует на подобные факты, делает свои выводы.

В.И. Ленин, указывая на неразрывную связь культурности и законности, требовал научиться «бороться *культурно* за законность, ничуть не забывая границ законности»¹. Повышение общей и юридической культуры прокурорских работников он считал первейшим условием успешного выполнения ими своего служебного долга, залогом укрепления правопорядка, внедрения социалистической законности во всех сферах общественной жизни страны.

Деятельность государственного обвинителя по поддержанию обвинения складывается из трех основных частей: а) участия в подготовительной части судебного разбирательства; б) участия в проведении судебного следствия; в) выступления в судебных прениях.

Все эти виды деятельности прокурора взаимосвязаны, подчинены одной задаче, направлены на достижение единой цели и могут быть надлежащим образом осуществлены только при условии активного участия прокурора на всех этапах судебного рассмотрения уголовного дела.

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 465.

§ 2. Защитник, его функции и правовое положение в суде

Интересы социалистического правосудия требуют, чтобы осуждению и наказанию подвергались только лица, действительно виновные в совершении преступления, и только в меру их вины, чтобы невиновные были ограждены от неосновательного обвинения. В осуществлении этого требования важная роль принадлежит советской защите.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве является одним из важных средств обеспечения конституционного права обвиняемого на защиту. Прибегая к помощи защитника, обвиняемый получает возможность более полно и эффективно использовать всю совокупность принадлежащих ему процессуальных прав, активно участвовать в исследовании всех собранных по делу материалов, оспаривать и опровергать предъявленное ему обвинение или доказывать меньшую степень вины и ответственности.

Осуществляя свои процессуальные функции, защитник направляет свою деятельность на установление обстоятельств, говорящих в пользу подсудимого, на недопущение нарушений закона, ущемляющих права подзащитного, на анализ каждого доказательства, каждого довода и суждения, высказанного противной стороной, под углом зрения защиты. Этим он способствует более глубокому и всестороннему исследованию уголовного дела, отысканию по нему объективной истины, принятию законного и обоснованного решения.

Советское государство, заботясь об усилении борьбы с преступностью, о решительном искоренении преступлений, вместе с тем предусматривает необходимые гарантии против ошибочного обвинения и осуждения граждан, против назначения наказания, не соответствующего тяжести содеянного и личности виновного.

Было бы глубоким заблуждением думать, что представляемое подсудимому право на защиту, включающее участие защитника в уголовном судопроизводстве, носит частный характер, служит интересам самого подсудимого и не содействует правосудию. Обеспечивая справедливое отношение к подсудимому, не допуская нарушения его законных интересов, право на защиту не только не создает помех правосудию, но, наоборот, способствует улучшению деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, помогает им правильно разобраться в деле, глубже вникнуть в него, предостерегает от предвзятого, необъективного подхода к оценке собранных материалов, дает возможность избежать ошибок или своевременно исправить их, если они были допущены. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных

дел» со всей категоричностью подчеркнул, что право подсудимого на защиту «представляет собой одно из проявлений социалистического демократизма, важнейшую гарантию правосудия и необходимое условие успешной борьбы с преступностью»¹.

Для достижения целей уголовного судопроизводства в равной мере необходимы как квалифицированное обвинение, так и надлежащая защита. Только совокупная деятельность обвинителя и защитника, их целенаправленные усилия на выявление и анализ фактических данных, подкрепляющих занятую ими позицию, на обоснование выдвигаемых ими утверждений создают ту атмосферу, тот микроклимат, который необходим для глубокого исследования обстоятельств дела, для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве – это не какая-то особая привилегия, представленная подсудимому, а реализация одного из принципов процесса, конкретное проявление конституционного права обвиняемого на защиту. Используя все предусмотренные законом способы защиты, оспаривая обвинение, возбуждая ходатайства, приводя доводы и соображения в пользу подзащитного, оказывая ему юридическую помощь, защитник борется за правду и справедливость, содействует укреплению социалистической законности и правопорядка, является проводником коммунистических идей, взглядов, морали.

Прямой долг советского защитника – добиваться оправдания подсудимого, если виновность его с несомненностью не доказана; настаивать на смягчении наказания, если есть к тому убедительные мотивы; стремиться к недопущению отступлений от процессуального регламента, если они идут во вред подзащитному. Во всем этом не только забота об охране прав и личных интересов подсудимого, но и непосредственное служение обществу и государству, которые заинтересованы в том, чтобы правосудие осуществлялось на строгой почве закона, с соблюдением процессуальных гарантий, исключающих возможность судебной ошибки.

Следует отметить, что участие защитника в судебном процессе, способствуя более полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела, отысканию по нему объективной истины, вместе с тем ускоряет рассмотрение дела, поскольку защитник, руководя процессуальными действиями своего подзащитного, направляет их по законному руслу, устраняет из них все ненужное, лишнее, дисциплинирует поведение подсудимого, придает его ходатайствам, заявлениям, объяснениям строго целевой характер.

Защитник располагает также большими возможностями по предупреждению преступлений, по выявлению причин и условий, способствовавших

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970, стр. 255.

их совершению. Участвуя в судебном рассмотрении уголовного дела, защитник в пределах осуществляемых им функций выявляет те конкретные мотивы, которые определили поведение подсудимого, раскрывает те причины, которые вызвали у лица формирование антиобщественных взглядов и привычек, указывает на те обстоятельства, которые привели к зарождению у него преступного намерения и облегчили его осуществление. Он может возбудить перед судом ходатайство о вынесении частного определения в адрес тех организаций, учреждений, должностных лиц и отдельных граждан, чьи недоделки и упущения создали обстановку, способствовавшую совершению преступления¹.

Таким образом, защитник в советском уголовном процессе – это страж законных интересов подсудимого, его советчик. Одновременно он – служитель общества и государства, активный борец с преступностью, воспитатель высокого гражданского самосознания. В этом нет никакой раздвоенности, никакого противоречия. Защищая подсудимого, отстаивая его интересы, доказывая невиновность подсудимого либо меньшую степень его вины, защитник тем самым содействует торжеству законности, оказывает воспитательное воздействие на граждан, выполняет важную миссию общественного значения.

Эту истину приходится повторять потому, что среди определенной части населения, а также среди некоторых юридических работников все еще бытует неправильное представление о сущности защиты, ее роли в уголовном судопроизводстве, встречается обывательское отношение к адвокатам, непонимание общественного предназначения их деятельности.

Конечно, среди адвокатов, как, впрочем, и среди других категорий граждан, есть люди недобросовестные, беспринципные, корыстолюбивые. Но не они определяют лицо советской адвокатуры, многолетняя история которой дает прекрасные образцы благородного служения целям и задачам социалистического правосудия, делу коммунистического строительства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает две формы вступления защитника в судебное рассмотрение уголовного дела: по соглашению и по назначению. При добровольном соглашении защитник приглашается подсудимым или его законными представителями, а также другими лицами по поручению либо с согласия подсудимого. В случае просьбы последнего защитник может быть назначен судом через коллегия адвокатов (ст. 50 УПК БССР).

¹ См. об этом: М.П. Быков. Роль адвокатуры в предупреждении преступности. В сб. «Советская адвокатура. Задачи и деятельность». М., 1968, стр. 82; Н. Шарков. Содействовать предупреждению преступлений – долг советского адвоката. «Советская юстиция», 1963, № 18, стр. 22–23; Н. Кан. Адвокат – не только защитник. «Советская юстиция», 1968, № 14, стр. 14; И. Кукарский. Шире использовать возможности адвокатов в профилактике правонарушений. «Советская юстиция», 1965, № 11, стр. 3–5; и др.

Подсудимый имеет право не только иметь защитника, но и выбрать его по своему усмотрению. Никто не может навязать подсудимому в качестве защитника определенное лицо. Равным образом замена одного защитника другим возможна лишь по ходатайству подсудимого либо с его согласия.

В целях охраны интересов подсудимых, когда они нуждаются в дополнительных гарантиях защиты, закон предусматривает обязательное участие защитника на судебном разбирательстве по делам:

- а) в которых участвует прокурор или общественный обвинитель;
- б) немых, слепых, глухих и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту;
- в) несовершеннолетних;
- г) лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство;
- д) лиц, преданных суду за преступления, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь;
- е) лиц, между интересами которых имеются противоречия и хотя бы одно из них имеет защитника (ст. 51 УПК БССР).

Если в указанных случаях защитник не приглашен обвиняемым или его законным представителем, суд обязан обеспечить его участие в рассмотрении дела. Невыполнение этого требования является грубым процессуальным нарушением, которое влечет отмену приговора.

Иногда по ошибке смешивают понятия «защитник» и «адвокат», хотя они не тождественны. Защитник – это лицо, принявшее на себя функцию защиты прав и законных интересов обвиняемого по уголовному делу согласно ст. 49 УПК БССР, в качестве защитника допускаются адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций. По определению суда или постановлению судьи в качестве защитника могут быть допущены близкие родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица.

Наибольший удельный вес в осуществлении функции защиты по уголовным делам занимают адвокаты, т. е. члены специальной общественной организации – коллегии адвокатов, призванной оказывать юридическую помощь населению. Но адвокаты выступают в уголовном процессе не только в качестве защитников. Они могут принять на себя обязанности представителей потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

Представители профессиональных союзов и других общественных организаций (спортивных, кооперативных и т. п.) выделяются по просьбе обвиняемого или членов его семьи из числа работников этих организаций (например, юрисконсульт, сотрудник правового отдела). Такой представитель действует от своего имени. Он обладает такими же

правами и обязанностями, как адвокат. Его нельзя смешивать с общественным защитником, процессуальное положение которого иное.

Ближние родственники и законные представители обвиняемого, а также другие лица могут выступать в качестве защитников только по определению суда или постановлению судьи. Следовательно, они не могут участвовать на предварительном следствии. Перечень близких родственников и законных представителей дан в ст. 22 УПК БССР. Что касается «других лиц», то закон не содержит расшифровки этого понятия. Представляется, однако, что круг таких лиц не может быть беспредельным и требует определенного ограничения. Критерием для решения вопроса о допуске указанных лиц к осуществлению функции защиты должно явиться следующее: а) наличие особых отношений между подсудимым и лицом, приглашаемым в качестве защитника (например, близкие друзья, сослуживцы и т. п.); б) наличие у этого лица достаточных знаний для эффективной защиты подсудимого; в) наличие доверия суда к этому лицу.

Не могут выступать в качестве защитников лица, состоящие под следствием и судом; лица, имеющие судимость; несовершеннолетние; лица, страдающие физическими и психическими недостатками, которые могут повлиять на качество защиты; лица, исключенные из коллегии адвокатов за совершение проступков, несовместимых с профессией адвоката, а также бывшие судебно-прокурорские работники, уволенные из этих органов за неблагоприятные поступки и т. п. Поэтому допуск в качестве защитников лиц, именуемых в законе «другими лицами», передан на усмотрение суда или судьи.

Закон не устанавливает ограничения в числе защитников, могущих защищать одного подсудимого. При желании последний вправе пригласить себе нескольких защитников. В свою очередь, один защитник может вести защиту нескольких подсудимых, если интересы их не расходятся. В случае, когда интересы подсудимых противоречивы, каждый из них должен иметь отдельного защитника.

Основное содержание процессуальной деятельности защитника в суде заключается в содействии суду в исследовании обстоятельств дела под углом зрения защиты прав и законных интересов подсудимого. Участвуя в судебном разбирательстве, защитник выявляет и представляет суду доказательства, опровергающие обвинение или смягчающие ответственность подсудимого, приводит доводы и соображения, говорящие в его пользу, возражает против действий суда и других участников процесса, которые ущемляют принадлежащие ему права. Защитник обязан использовать все предусмотренные законом средства и способы защиты, чтобы во время судебного разбирательства были выявлены и учтены судом все обстоятельства, свидетельствующие в пользу подсудимого, чтобы при постановлении приговора были отброшены все

недоброкачественные и недостоверные доказательства. Своей деятельностью защитник помогает суду правильно и объективно оценить собранные по делу данные, избежать возможной ошибки во вред подсудимому, вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

Однако из того положения, что защитник помогает суду в отправлении правосудия, содействует ему в правильном разрешении уголовного дела, вовсе не следует, что он вправе предпринимать такие действия, которые могут быть использованы во вред подсудимому, что он может отыскивать и представлять доказательства, изобличающие подсудимого или отягчающие его вину. Всякое, хотя бы косвенное, содействие защитника осуждению своего подзащитного – грубое нарушение адвокатом своего профессионального долга, какими бы благовидными предложениями оно ни прикрывалось. Оно означает фактически, что защитник перешел на позиции обвинения, что у подсудимого стало два обвинителя и ни одного защитника.

Как правильно отмечает проф. М.С. Строгович, «для изобличения подсудимого, для доказывания его вины, для собирания обвинительных доказательств имеется достаточно средств у органов следствия и прокуратуры, которые располагают для этого широкими полномочиями. Для изобличения обвиняемого помощь адвоката государству вовсе не нужна. Государство уполномочивает адвоката на защиту, а не на что-нибудь иное. Адвокат нужен в уголовном процессе для защиты подсудимого от обвинения, а не для поддержания обвинения, в какой бы форме это поддержание ни производилось – в прямой или косвенной, в открытой или замаскированной»¹.

Защитник призван служить правосудию, помогать суду в справедливом разрешении уголовного дела. Но эта его помощь в отличие от помощи, оказываемой со стороны прокурора, носит односторонний характер: он отыскивает и обращает внимание суда только на обстоятельства, благоприятные для подсудимого, предпринимает действия, направленные на охрану его прав и законных интересов, доказывает необоснованность предъявленного подсудимому обвинения или меньшую степень его вины и ответственности, предостерегает суд от неправильных выводов и решений, идущих во вред подсудимому².

¹ М.С. Строгович. Процессуальное положение и процессуальные функции защитника. Сб. «Защита по уголовным делам». М., 1948, стр. 27–28.

² Явно ошибочным было утверждение проф. М.А. Чельцова, писавшего, что «защитник является помощником суда в установлении в всех обстоятельств дела, необходимых для постановления законного и обоснованного приговора» (см.: Адвокат в советском уголовном процессе. М., 1954, стр. 53). Впоследствии он отказался от этой точки зрения, правильно отметив, что помощь защитника суду «имеет односторонний характер», что «отыскание и представление суду доказательств, изобличающих обвиняемого или отягчающих его ответственность, не только не входят в обязанность защитника, но и являются нарушением его долга» (см.: «Защита в свете Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». В сб. «Судебные речи советских адвокатов». М., 1960, стр. 19).

Нужна ли суду такая помощь? Да, нужна. В силу возложенных на прокурора задач он в стадии судебного разбирательства обвиняет подсудимого, приводит доводы и доказательства в подтверждение его виновности; защитник, защищая подсудимого, оспаривает обоснованность предъявленного обвинения либо отстаивает меньшую степень его вины и ответственности, подвергает критическому разбору доказательства, выдвинутые прокурором; суд, пользуясь помощью участников процесса, получает возможность всесторонне подойти к материалам дела, изучить их с точки зрения обвинения и защиты, сделать правильные выводы и принять обоснованное решение. Таким образом, односторонняя деятельность адвоката способствует всестороннему исследованию обстоятельств дела, установлению по нему объективной истины.

Осуществляя защиту прав и законных интересов подсудимого, оказывая ему юридическую помощь, защитник занимает в уголовном судопроизводстве относительно самостоятельное процессуальное положение. Он не заменяет подсудимого, а действует наряду и одновременно с ним, обладая необходимыми процессуальными полномочиями. Защитник не связан полностью волей, позицией и отношением своего подзащитного к предъявленному обвинению, не может и не должен вопреки своему убеждению поддерживать его любые, в том числе и неосновательные, требования. Он сам определяет линию и тактику защиты в пределах предоставленных ему прав, сообразуясь с конкретными обстоятельствами дела и выполняемой им функцией.

Защитник выступает в суде не как представитель подсудимого, а как представитель защиты. Он говорит в суде не от лица подсудимого, а от своего имени. Поэтому он не может отождествлять свое процессуальное поведение с поведением своего подзащитного, слепо следовать его требованиям.

В борьбе против обвинения, в попытке уйти от грозящего наказания подсудимый может прибегнуть к любым средствам: лгать, изворачиваться, упорно отрицать свою бесспорно доказанную виновность в совершении преступления. Защитник же вправе использовать только законные и морально допустимые средства. Оставаясь верным задачам социалистического правосудия, он не может сходить с почвы фактов, установленных по делу, прибегать к уловкам и крюкотворству ради выгораживания своего подзащитного.

Однако наличие процессуальной самостоятельности защитника вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает, чтобы обвиняемый и защитник согласовывали свою защитительную позицию, предварительно договаривались о формах и методах ее осуществления. Недопустимо такое положение, когда подсудимый отрицает свою виновность, а защитник признает ее доказанной и приводит лишь обстоятельства, смягчающие

ответственность. Расхождение между защитником и его подзащитным по принципиальным вопросам возможно лишь тогда, когда оно заранее обусловлено, когда сам подсудимый выразил согласие на то, чтобы защитник придерживался в суде иной точки зрения в оценке всех или части обстоятельств дела.

Следует помнить, что в основе взаимоотношений между защитником и обвиняемым лежит доверие. Защитник, которому обвиняемый доверил свою защиту, не вправе обмануть этого доверия, использовать его во вред интересам подзащитного. В противном случае обвиняемые перестали бы обращаться к помощи защитников, отчего пострадали бы не только интересы самих обвиняемых, но и интересы правосудия.

Общим принципом защиты является позиционная солидарность защитника с подзащитным, наличие у них единой и согласованной защитительной позиции. Поэтому каждый защитник должен стремиться к выработке единой линии и тактики защиты, оговорить все принципиальные положения, согласовать совместные действия.

Отступление от этого принципа допустимо в тех случаях, когда подсудимый признает себя виновным, а защитник не усматривает бесспорных доказательств его вины. Такая ситуация возможна при ложном сознании подсудимого, вызванном различными обстоятельствами. Бывает, что подсудимый берет на себя вину за других лиц или заблуждается относительно факта преступления. Бывает, что он в силу стечения неблагоприятных обстоятельств не видит реальных перспектив для доказывания своей невиновности, теряет веру в справедливость правосудия, отчаивается и, не находя иного выхода из создавшегося положения, признает себя виновным в том, чего в действительности не совершал. Если защитник убежден в неосновательности привлечения подсудимого к уголовной ответственности или отсутствию достаточных доказательств для его осуждения, он принимает все предусмотренные законом меры к недопущению судебной ошибки во вред подзащитному, к ограждению его интересов. Такое расхождение в защитительных позициях вполне правомерно, поскольку оно основывается на предписаниях закона, обязывающих защитника выяснить все говорящее в пользу подзащитного, и ни при каких обстоятельствах не может привести к ухудшению его положения.

Иное дело, когда подсудимый отрицает свою виновность, оспаривает предъявленное ему обвинение, доказывает свою непричастность к совершенному преступлению. Здесь существенных расхождений в позициях защитника и подзащитного, за исключением заранее согласованных и прямо обусловленных случаев, быть не должно. «Признание адвокатом виновности подсудимого при отрицании последним своей вины, – справедливо отмечают авторы книги «Советский

адвокат», – следует рассматривать как нарушение профессионального долга, завуалированную форму отказа от защиты, а следовательно, грубое нарушение права на защиту»¹. Это положение разделяется многими советскими юристами².

Нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что защитник полностью независим от своего подзащитного и действует лишь по своему усмотрению, что он может признавать факты, отрицаемые подсудимым, соглашаться с доказанностью обвинения, хотя последний оспаривает его. «Если у адвоката отнять самостоятельность, – говорил Г. Яржец на научно-практической конференции в Ленинграде, – то он превратится в машину для защиты, запрограммированную подсудимым... У адвоката нельзя отнять право и на убеждение»³.

Разумеется, у защитника нельзя отнять ни процессуальную самостоятельности, ни права на убеждение. Защитник – не слуга подсудимого, безотказно выполняющий все его пожелания, не слепое орудие, используемое в борьбе против обвинения. Он свободен в выборе тактических и процессуальных средств защиты, сам определяет направление и методы защиты, руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, основанным на анализе обстоятельств рассматриваемого дела. Но защитник – не прокурор. Он не может переступить грань обязательной защиты, переходить на позицию обвинения, считать виновность подсудимого доказанной, если последний ее отрицает. Как правильно отмечает Э.Д. Синайский, «признавая своего подзащитного виновным, адвокат превращается сначала в судью, а затем в обвинителя. Такая трансформация приносит вред не только подсудимому, но и делу отправления правосудия»⁴.

Следует помнить, что убеждение защитника в виновности или невиновности подсудимого всегда носит субъективный характер и не застраховано

¹ Г.А. Гинзбург, А.Т. Поляк, В.А. Самсонов. Советский адвокат. М., 1968, стр. 8.

² См.: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 247–248; Э.Д. Синайский. Основные вопросы защиты в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1961, № 5, стр. 74; В.Н. Шпилев. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, стр. 80–84; Е. Зайцев. Вопросы морали в защите по уголовным делам. «Советская юстиция», 1963, № 22, стр. 13–15; Н.П. Кан. Некоторые вопросы адвокатской этики. В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Л., 1967, стр. 194; Я.О. Мотовиловкер. Показание и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 153; и др.

³ «Социалистическая законность», 1966, № 7, стр. 67. Упор на процессуальную самостоятельность и независимость защитника делают также: М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 104; В. Греков. Позиция адвоката в процессе должна быть основана на законе. «Социалистическая законность», 1965, № 10, стр. 55–56; Л. Ульянова. О процессуальном положении адвоката и его позиции по делу. «Социалистическая законность», 1966, № 3, стр. 60; И.Д. Перлов. Право на защиту. М., 1969, стр. 31; и др.

⁴ Э.Д. Синайский. Развитие этических начал в деятельности адвокатуры. Материалы к научно-практической конференции «Об эффективности судебной защиты». Л., 1966, стр. 81.

от ошибок. Окончательный вывод по этому вопросу делает суд после всестороннего и полного исследования материалов дела с учетом доводов обвинения и защиты. Поэтому какими бы убедительными ни казались защитнику улики против подсудимого, категорически отрицающего свою вину, защитник не вправе признавать обвинение доказанным и приводить лишь смягчающие вину обстоятельства, если такая позиция не была заранее обусловлена. В этих случаях защитник должен подвергнуть предъявленное обвинение критическому анализу, показать его слабые, уязвимые стороны и одновременно привести все, что говорит в пользу подсудимого, облегчает его участь, может послужить его оправданию или смягчению ответственности.

Процессуальная самостоятельность, как и процессуальная зависимость защитника от подсудимого, не является абсолютной. Совокупность представляемых законом защитнику прав для осуществления своих функций, для охраны законных интересов подсудимого определяет его процессуальную самостоятельность и в то же время обуславливает его связь с последним, ставит в определенную зависимость от него¹. Всякие попытки отделить защитника от подсудимого, нарушить правовые связи между ними, умалить значение доверия и взаимной согласованности их действий, подорвать принцип позиционной солидарности посягают на самые основы участия защитника в уголовном судопроизводстве, ведут к ослаблению процессуальных гарантий права обвиняемого на защиту.

Чтобы исключить возможность расхождения в суде по существенным моментам, касающимся защитительной позиции, защитник обязан во время подготовки к процессу изложить подсудимому свое отношение к собранным по делу фактическим данным, выслушать его мнение и доводы, наметить взаимоприемлемый план защиты, обсудить его, согласовать направление и методику защиты.

При возникновении разногласий защитник, будучи профессионально более подготовленным, должен убедить подсудимого в неразумности занятой им позиции, показать бесплодность его усилий, склонить его на верный путь. Разумеется, защитник должен именно убедить клиента, разъяснить ему несостоятельность его образа действий, а не принуждать его, не навязывать ему свою точку зрения, которая может оказаться ошибочной, недостаточно продуманной, поспешной.

Если договоренности достичь не удалось, если подсудимый настаивает на своей версии, которая не разделяется адвокатом, последний обязан разъяснить клиенту его право пригласить другого защитника. В случае,

¹ См.: П.С. Элькинд. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе. В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Л., 1967, стр. 36–41; Р.Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, стр. 211–212; и др.

когда подсудимый не отказывается от услуг данного адвоката, защитник обуславливает свое участие в процессе и выступление в судебных прениях на основе того убеждения, которое сложилось у него в результате глубокого и всестороннего изучения материалов дела. Иначе говоря, он может избрать иную линию защиты, расходящуюся с позицией подзащитного, только поставив его в известность об этом и получив на это прямое или молчаливое согласие. Но и в таком случае от защитника требуется большая сдержанность, такт и осторожность. Он не должен злоупотреблять полученным согласием, уличать и изобличать своего подзащитного, переходить в лагерь обвинения. Целя собственное убеждение, защитник обязан уважать и мнение других, тем более что отрицание подсудимым своей вины, приведение им доводов и соображений, опровергающих версию обвинения, является доказательством по делу, которое не может быть отвергнуто без достаточных оснований.

Закон устанавливает, что подсудимый вправе в любой момент производства по делу, включая судебные прения, отказаться от защитника, если он, по мнению подсудимого, не обеспечивает должной защиты или ведет ее в неправильном направлении, и пригласить себе другого защитника либо защищаться сам (ст. 52 УПК БССР). Адвокат таким правом не обладает. Он не может отказаться от принятой на себя функции защиты, передать ее другому лицу. Но он вправе в определенных случаях не принять на себя обязанностей защитника, если клиент требует применения незаконных методов защиты, пытается навязать адвокату неприемлемую для него позицию, ставит условием осуществления защиты использование недопустимых средств¹. Если же адвокат согласился быть защитником, он не может самовольно устранить себя от участия в процессе, оставить подсудимого без юридической помощи. Это противоречило бы духу и целям института защиты как важнейшего средства обеспечения прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве.

Необходимо иметь в виду, что задача защитника сводится не только к тому, чтобы защищать невиновных, ошибочно заподозренных в совершении преступления. Защитник в равной мере обязан защищать и таких лиц, вина которых доказана с несомненностью.

Конечно, легче и проще осуществлять защиту подсудимого в суде, если обвинение не доказано или доказано слабо, если расследование по делу проведено поверхностно и односторонне, а собранные материалы шатки и противоречивы. И наоборот, значительно труднее вести

¹ См.: А.М. Левин, И.А. Огнев, В.А. Россельс. Защитник в советском суде. М., 1960, стр. 103–104; Н.Н. Полянский. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927, стр. 41; Н.Г. Сидоренко. Профессиональная культура советского адвоката. В сб. «Советская адвокатура. Задача и деятельность». М., 1968, стр. 126; и др.

защиту, когда обвинение основывается на безупречно исследованных данных, когда личность подсудимого антипатична, а совершенное им преступление является тяжким. Но, как правильно подчеркивает проф. М.С. Строгович, «там, где защита наиболее трудна, она и наиболее нужна»¹. Нет таких уголовных дел, по которым добросовестный и активно участвующий в процессе защитник не смог бы найти доводов и соображений в пользу подсудимого, не становясь одновременно на путь искажения существа дела, умаления общественной опасности совершенного преступления, сознательного извращения и подтасовки фактов. Материалов для защиты не находит лишь тот защитник, который не умеет или не желает их искать².

Утверждения о том, что существуют такие дела, по которым нет защитительных моментов, имеют целью оправдать бездеятельность и безынициативность адвокатов, скрыть их профессиональную беспомощность. При добросовестном и кропотливом изучении дела, умелом и активном участии в исследовании доказательств, тщательном выяснении всех данных, относящихся к личности подсудимого, всегда найдутся основания для защиты.

Если адвокат убежден в невиновности подсудимого, он обязан добиваться полной его реабилитации. При бесспорности вины подсудимого может оказаться неправильной юридическая оценка (квалификация) совершенного преступления. Защитник должен требовать ее изменения. Если по делу привлечено несколько подсудимых, задача защитника – разграничить вину и степень ответственности в отношении каждого из них. Во всех случаях защитник обязан обратить внимание суда на смягчающие обстоятельства, просить о назначении такой меры наказания, которая соответствовала бы тяжести совершенного преступления и личности виновного.

...В суде рассматривается уголовное дело по обвинению Западинского и др. Для защиты это дело не назовешь легким. Западинский, бывший главный инженер строительной организации, вместе с группой преступников в течение ряда лет занимался систематическим хищением государственных средств. Будучи арестован по частному факту, Западинский подал в следственные органы пространное заявление, в котором подробно описал свою преступную деятельность и деятельность своих соучастников.

Адвокат Чижов, выступавший по делу в качестве защитника Западинского, использовал это обстоятельство в защитительных целях. Указав на необходимость строгой индивидуализации ответственности подсудимых, он, обращаясь к суду, сказал:

¹ М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 251.

² См.: Защита по уголовным делам. М., 1948, стр. 35.

«У вас может сложиться неправильное впечатление о каком-то главенстве Западинского, его доминирующей роли в рассматриваемом вами преступлении. Чего доброго, он может выглядеть в ваших глазах как слон среди мосек. Но все дело в том, что вы видите подсудимых в разных плоскостях, в разных планах и с разных точек зрения... О Западинском вы можете судить с точки зрения сделанного им саморазоблачения, с точки зрения того, что он сам рассказал о себе в объеме всей своей преступной автобиографии, не будучи приперт к стене доказательствами, а о других вы можете судить лишь с точки зрения того, что знал о них Западинский... Западинского вы видите в натуре, других – лишь в зеркале его саморазоблачения...

Когда Западинский перед судом давал свои объяснения, повторяя, может быть, с некоторыми уточнениями то же самое, что он говорил с начала до конца на предварительном следствии, будучи допрошен десятки раз, от вашего внимания не могло ускользнуть, что они звучали как пространный деловой доклад о преступной деятельности с приведением всех поражающих своим цинизмом расчетов и таких деталей, как организация арбитражей и третейских судов для разрешения споров о дележе добычи. Они звучали как речь человека, совершенно не тронутого стыдом, сожалением или раскаянием. Бесстрастно и деловито Западинский старался передать самую атмосферу преступления. Не прозвучало ни одного слова, которым бы он пытался смягчить свою вину или перевалить ее в чем-либо на другого. Да, из бездны падения он не простирал к вам рук в поисках снисхождения или в мольбе о пощаде. Он не упоминал, как некоторые, имени горячо любимой Родины и не профанировал это священное для нас слово. Он не хныкал, не размазывал по лицу слез.

В этом можно было бы усмотреть какую-то закоренелость, цинизм публичного самообнажения. Но не так все это, товарищи судьи!

Западинский сейчас, как и при составлении своего заявления в Прокуратуру СССР, находится в состоянии величайшего психического напряжения. Он подводит окончательные итоги своему прошлому до последней украденной или данной в виде взятки копейки... Ему нужно сейчас сказать перед судом всю правду, одну только правду...

А разве с точки зрения раскрытия преступлений не правильнее было бы сознавшемуся не под давлением улик, а добровольно сознавшемуся, разоблачившему себя без остатка и тем самым облегчившему раскрытие преступления, уделить особое место среди осужденных? Не будет ли целесообразнее не убивать веру в значение повинной, не смешивать в одну массу саморазоблачителей и изобличенных и не лишать стимула тех, кто становится на путь искреннего признания и изобличения своих соучастников?

Я отдаю себе отчет в том, что ценность сознания и саморазоблачения обладает относительным значением... Но в этом деле случилось так, что Западинский, отдав себя во власть правосудия, значительно помог разобраться в событиях и людях и его заявление стало отправным пунктом для исследования в целом...

В обиходе судебных работников бытуют такие ставшие давно привычными слова, как “чистосердечное признание”, “раскаяние” и т. п. Иной раз ухо как-то безразлично воспринимает их. А ведь за ними скрывается большое внутреннее содержание – тяжелое и горестное раздумье, переживания в часы бессонных ночей, большая внутренняя борьба... Именно такой содержательной представляется природа саморазоблачения Западинского.

Какие же мотивы двигали им? Какие расчеты? О чем он думал, когда писал свое заявление? Вред для него лично от таких признаний был несомненен, польза – весьма гадательна. Ведь он должен был понимать, что после сделанных признаний он на весь остаток своей жизни обрекает себя на исправительно-трудовой лагерь, прощается навсегда с семьей, женой и детьми. Он понимал, что следовательно не будет рассматривать такое разоблачение как счастливую находку, что каждое его слово будет протерто с песочком, что его десятки раз выведут на очные ставки с изобличенными им лицами, что он встретит яростное сопротивление своих бывших соучастников и друзей...

После всего этого он сгинет из окружавшего его мира, сопровождаемый отчаянием своей семьи, сожалением и недоумением тех, кто не знал оборотной стороны жизни инженера Западинского, проклятиями изобличенных им соучастников и негодованием тех, кто еще борется с разоблачениями Западинского.

Так почему же все-таки он это сделал? По долгу защитника я считаю необходимым представить вам свои соображения по этому вопросу.

Самый вызов и арест был грозным, предупреждающим сигналом. Он не мог не пробудить мысли и чувства, которые Западинский гнал от себя, находясь на свободе. Как человек не глупый, он, несомненно, заглядывал в будущее и досадливо спотыкался о простую, но тревожную мысль: “Сколько веревочке ни виться, а кончику быть”.

Он не мог не видеть, что, приняв участие в таком преступлении, с участием стольких лиц, он, в сущности, потерял власть над ним и возможность остановить его. Преступление уже двигалось силой инерции и сцеплением составляющих его элементов. В его методике выработался уже безотказный автоматизм. Целая колония паразитирующих брала взятки, как получают тантьему или стригут купоны, сдирала ее, как кожу, вымаливала ее. Все это копошилось в недрах гнойника, все это требовало есть-пить, все это при случае готово было пожрать друг друга...

Западинский не мог не понимать всю мерзость того, что творил он со своими соучастниками в то время, когда тысячи, десятки тысяч советских инженеров самоотверженным трудом создают новые материальные ценности, укрепляют мощь страны и способствуют росту благосостояния народа. Он, инженер Западинский (судя по некоторым впечатлениям и отзывам, инженер с большим кругозором и эрудицией), всегда видел, что всякое проявление творческой мысли, всякое продуктивное усилие, созидательный порыв советского инженера подхватываются миллионами людей, несут за собой и славу, и высокое признание, и крупное материальное поощрение. Он не мог не сопоставлять честь быть инженером нашей эпохи с презренным существованием отщепенца, живущего воровством, променявшего чистую и одухотворенную жизнь советского специалиста на так называемую “роскошную жизнь”, на ресторанно-пьяную сытость, на домашний уют с тумбочками “под красное дерево”.

И увидев все это в резких оглушительных контрастах, как при вспышках молнии, он почувствовал смертельную усталость от грязи, копившейся годами, непреодолимое отвращение к самому себе, жгучую потребность сорвать с себя маску и дать свободу проснувшейся и властно заговорившей совести...»

В заключение защитник, указав, что Западинскому предстоит долгий и трудный путь морального возрождения, просил суд учесть при назначении наказания смягчающие вину подсудимого обстоятельства¹.

Так защитник, не сходя с принципиальных позиций, не преуменьшая высоких нравственных требований, предъявляемых к советскому человеку, и не вымаливая у суда снисхождения, нашел в этом нелегком для защиты деле верный тон и правильный план организации защиты.

Прямой долг защитника – защита прав и интересов подсудимого. Однако защитник призывается для защиты не всяких, а лишь законных интересов подсудимого, причем эта защита должна осуществляться в рамках закона и в формах, предусмотренных законом. Она не может обращаться против общества и государства, создавать затруднения осуществлению правосудия. Приняв на себя функции защиты подсудимого, защитник не может ставить его интересы выше других интересов, в том числе и интересов правосудия, добиваться оправдания подсудимого любыми средствами и методами, не останавливаясь перед ложью, инсинуациями, сознательным извращением существа дела, опорочиванием других лиц. Защитник – общественный деятель, выполняющий функцию государственного значения. Осуществляя свои процессуальные обязанности, он не может исходить только из желаний подзащитного, слепо следовать его воле, поступать вопреки своей совести и убеждениям.

¹ См.: Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956, стр. 213–224.

А именно так ставится вопрос в буржуазной правовой литературе и практике буржуазной защиты. Наиболее прямолинейно и откровенно эта точка зрения сформулирована в выступлении английского юриста и политического деятеля XIX в. лорда Брума на процессе королевы Каролины, обвинявшейся королем Георгом III в прелюбодеянии.

«Есть многие люди, которым необходимо напомнить, что адвокат – во имя священной связи, соединяющей его с клиентом, – при исполнении своих обязанностей знает только одного человека в целом мире – своего клиента и никого другого. Служить этому клиенту всеми целесообразными средствами, охранять его, не стесняясь возможными последствиями для всякого другого (в том числе и для потерпевшего), а также и для самого себя, есть его высший, несомненнейший долг. Он не может отступить перед тревогой, страданиями, мучениями, гибелью, которые может принести другим. Нет, отделяя даже долг перед родиной от своего адвокатского долга, он обязан идти вперед, пренебрегая возможными последствиями своих действий, если, на его несчастье, судьба поставит интересы его клиента в противоречие с благом его отечества»¹. Смысл этой тирады предельно прост: если подсудимый нанял адвоката, заплатил ему деньги, адвокат обязан служить ему всеми правдами и неправдами, не гнушаясь никакими средствами и не заботясь о своем моральном и гражданском долге.

Советскому защитнику чужды такие приемы защиты. Он не может в угоду своему подзащитному оправдывать совершение преступления, лгать и фальсифицировать факты, настаивать на утверждениях, которые опровергаются материалами дела, предпринимать действия, направленные на умышленную затяжку производства по делу, сознательно вводить суд в заблуждение. Защитник не выгораживает подсудимого, а защищает его, причем защищает только законные интересы и только законными средствами. «С точки зрения советского закона и принципов социалистической нравственности, – говорил в своем выступлении на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва депутат Д. Расулов, – защитник не может вести себя так, чтобы любыми средствами и способами выгораживать своего подзащитного. Советский защитник должен служить большому, гуманному делу защиты социалистического общества, закона, правды и справедливости. Именно этим должна определяться линия его поведения при защите обвиняемого. Защита законных интересов и прав обвиняемого – вот что составляет задачу защитника, а не защита незаконных притязаний обвиняемого, неизбежно перерастающая в защиту преступления и преступника»².

¹ Р. Гаррис. Школа адвокатуры. СПб., 1911, стр. 168.

² Заседания Верховного Совета СССР пятого созыва (вторая сессия). Стенографический отчет. М., 1959, стр. 501–502.

Выступая против недобросовестной защиты, возражая против применения незаконных способов и приемов защиты, вместе с тем необходимо со всей отчетливостью указать на важность обеспечения подсудимого реальной и действенной помощью в судебном процессе. Будучи обязанным использовать все предусмотренные законом меры для охраны прав и законных интересов подсудимого, защитник при осуществлении своих функций должен быть активным, настойчивым, принципиальным. Участвуя в судебном разбирательстве, он должен решительно оспаривать необоснованное обвинение, отыскивать и представлять суду все говорящее в пользу подсудимого, возражать против действий, стесняющих его права. «Было бы глубокой ошибкой думать, что настойчивая, мужественная, решительная защита может вредить правосудию, ослаблять борьбу с преступлениями. Если обвинение действительно обоснованно, правильно, законно, оно выдержит борьбу с защитой. А если этого нет, защита поможет опровергнуть необоснованное обвинение, – и это послужит только на пользу правосудию, а не во вред ему»¹.

Защитник, который защищает подсудимого лишь формально, уклончиво, робко, который не использует всех указанных в законе средств и способов защиты, не полемизирует с прокурором, а поддакивает ему, – такой защитник не принесет пользы ни подсудимому, ни суду. Наиболее плодотворной, профессионально грамотной и политически зрелой будет такая защита, при которой защитник добросовестно представляет суду все доводы и аргументы, говорящие в пользу подсудимого, активно и последовательно отстаивает его законные интересы, не сходя при этом с принципиальных позиций служения интересам социалистического правосудия, интересам общества и государства.

§ 3. Общественный обвинитель и общественный защитник

Советское уголовно-процессуальное право, отражая общую тенденцию в развитии нашего государства, предусматривает многообразные формы привлечения трудящихся к отправлению правосудия. Одной из таких форм, наглядно выражающих демократический характер советского уголовного судопроизводства, является участие в судебном разбирательстве уголовных дел общественных обвинителей и общественных защитников.

Законодательное закрепление института общественного обвинения и общественной защиты, в основе которого лежит ленинское учение о неприменимом и постоянном приобщении широких масс трудящихся

¹ М.С. Строгович. О защитнике и о защитительной речи. В сб. «Защитительные речи советских адвокатов». М., 1966, стр. 7.

к управлению государством, к решению всех государственных вопросов, имеет своей целью повышение эффективности социалистического правосудия, усиление роли общественности в борьбе с преступностью, максимальное сближение суда с населением.

Главное в деятельности общественных обвинителей и защитников – поддержание обвинения или осуществление защиты по делу с позиций общественного мнения, выражение отношения коллектива, их пославшего, к преступлению и лицу, его совершившему. Выступая в судебном процессе, общественные обвинители и защитники дают социально-политическую оценку действий подсудимого, показывают тот вред, который принесли они обществу и государству, приводят данные, характеризующие личность подсудимого, обращают внимание на те обстоятельства, которые должны быть учтены судом при вынесении решения. Одновременно они вскрывают причины и условия, способствовавшие совершению преступления, указывают на пути и средства их устранения.

Участие общественных обвинителей и защитников в судебном рассмотрении уголовных дел содействует более полному и объективному их исследованию, помогает суду правильно применять уголовный закон и назначать виновным справедливое и соразмерное наказание, повышает воспитательное и предупредительное значение судебных процессов. То обстоятельство, что подсудимому приходится держать ответ не только перед судом, но и перед лицом своих товарищей, что к голосу прокурора и защитника присоединяется голос общественности, сурово осуждающей противоправные действия подсудимого и вместе с тем требующей разумного и обоснованного наказания, оказывает огромное влияние как на самого подсудимого, так и на присутствующих в суде граждан.

Общественные обвинители и защитники выделяются общественными организациями или коллективами трудящихся по месту работы, учебы или жительства подсудимого либо потерпевшего. Поскольку закон не предусматривает каких-либо ограничений, следует признать, что правом выдвижения общественных обвинителей и защитников пользуются любые общественные организации – партийные, комсомольские, профсоюзные, кооперативные, спортивные, различные научные, технические и оборонные общества, творческие союзы и иные надлежащим образом оформленные объединения трудящихся.

Решение о назначении общественного обвинителя или общественно-го защитника принимается общим собранием членов соответствующей общественной организации или коллектива трудящихся, а при невозможности или затруднительности созыва такого собрания – полномочным коллегиальным органом данной общественной организации (бюро,

советом, комитетом, правлением и т. д.)¹. Противоречат закону случаи, когда ходатайства об участии в судебном процессе общественного обвинителя или защитника исходят не от общественности, а от руководителей учреждений, предприятий, организаций. Решения, принятые единолично или в узком кругу, далеко не всегда выражают общественное мнение и могут быть продиктованы соображениями, не имеющими ничего общего со стремлением к правильному рассмотрению уголовного дела.

Выделению общественного обвинителя или общественного защитника обязательно должно предшествовать широкое и всестороннее обсуждение на собрании общественной организации или коллектива трудящихся совершенного лицом преступления, его тяжести и мотивов, а также данных, характеризующих личность подсудимого. В результате такого обсуждения выкристаллизовывается единое мнение коллектива, которое позволяет принять конкретное решение о направлении в суд общественного обвинителя либо общественного защитника.

Недопустимо одновременное выдвижение общественной организацией или коллективом трудящихся общественного обвинителя и общественного защитника по одному и тому же делу и в отношении одного и того же лица, поскольку такое выдвижение не будет отражать действительного мнения большинства членов данного коллектива и может дезориентировать суд относительно занятой им позиции. Это, однако, не исключает возможности одновременного участия в судебном процессе и общественного обвинителя, и общественного защитника, если они выделены коллективами разных учреждений, предприятий, организаций (например, по месту нынешней и прежней работы подсудимого или по месту работы подсудимого и потерпевшего и т. п.) либо когда по делу проходят несколько подсудимых, действия и личностные качества которых оцениваются общественностью не одинаково².

Очень важно, чтобы при решении вопроса о направлении в суд общественного обвинителя или общественного защитника были тщательно

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 5, стр. 29–30.

² Такой же точки зрения придерживаются: И.М. Гальперин, Ф.А. Полозков. Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 86; Л.М. Голубева. Участие общественности в осуществлении правосудия. Фрунзе, 1968, стр. 89; К.Ф. Гуценко. Общественное обвинение и общественная защита. В сб. «Формы участия общественности в борьбе с преступностью». М., 1963, стр. 174; В.И. Тонких. Общественный обвинитель и общественный защитник в суде. М., 1961, стр. 12; и др.

Иное мнение отстаивают: Л.И. Ураков. Общественное обвинение и общественная защита. М., 1964, стр. 84–85; Д.С. Карев. Общественные обвинители и общественные защитники. В сб. «Советская общественность на страже социалистической законности». М., 1960, стр. 160–164; И.И. Малхазов. Общественный обвинитель и общественный защитник в советском уголовном процессе. В сб. «Роль общественности в борьбе с преступностью». Воронеж, 1960, стр. 67; и др.

взвешены все обстоятельства, относящиеся к преступлению, и учтены все данные, говорящие за и против подсудимого. Недостаточная информация о деле или односторонний подход к ее оценке могут привести к ошибочным выводам, когда вместо общественного обвинителя рекомендуется общественный защитник и наоборот. Чтобы исключить подобного рода недоразумения, помочь формированию правильного общественного мнения, прокуроры, судьи, следователи, работники органов дознания должны позаботиться о представлении общественным организациям и коллективам трудящихся надлежащих сведений.

В большинстве случаев выдвижение общественных обвинителей и защитников происходит по инициативе общественных организаций и коллективов трудящихся, хорошо знающих подсудимого или потерпевшего и проявляющих интерес к их судьбе. Такая же инициатива может быть проявлена судом, прокурором, органами расследования. Не навязывая своего мнения, они вправе поставить перед соответствующей организацией или коллективом трудящихся вопрос о желательности участия в судебном процессе представителя общественности, разъяснив им их право выделить общественного обвинителя или защитника¹.

Нет оснований и для лишения адвоката возможности выступить с инициативой о привлечении к рассмотрению дела общественного защитника. Если по обстоятельствам дела адвокат приходит к твердому убеждению в необходимости участия в судебном процессе представителя общественности, он может довести до сведения общественной организации по месту работы, учебы или жительства подсудимого суть предъявленного ему обвинения и рекомендовать ей обсудить вопрос о выделении общественного защитника. Никакого нарушения профессионального долга со стороны адвоката в подобного рода действиях нет².

Выполнение функций общественного обвинения и общественной защиты – обязанность серьезная, ответственная. Она может быть доверена только людям достойным, обладающим высокими нравственными качествами, пользующимся большим авторитетом. Это должны быть наиболее передовые, политически зрелые, а также достаточно подготовленные для выступления в суде лица. Отсутствие необходимой требовательности при отборе кандидатов, поручение выступления в суде случайным людям дискредитирует идею общественного обвинения и общественной

¹ См.: Л.И. Ураков. Общественное обвинение и общественная защита. М., 1964, стр. 29–30; Л.М. Голубева. Участие общественности в осуществлении правосудия. Фрунзе, 1968, стр. 84; П.П. Якимов. Общественный обвинитель и общественный защитник. М., 1962, стр. 24; И.Д. Перлов. Общественное обвинение и общественная защита в советском уголовном процессе. Уч. зап. ВЮОН, вып. 11, 1961, стр. 114; и др.

² См.: А.Г. Поляк. Об участии общественных защитников в судебном процессе. «Советское государство и право», 1960, № 9, стр. 93.

защиты, вызывает критическое отношение со стороны граждан, причиняет вред воспитательному назначению судебных процессов.

На право участия в судебном рассмотрении уголовного дела представителю общественности выдается документ, который оформляется в виде поручения, доверенности или выписки из решения общего собрания. В этом документе указывается, от имени какой организации выступает данное лицо, по какому делу, в каком качестве и на каком основании. Документ подписывается правомочным лицом и заверяется печатью общественной организации либо соответствующего предприятия (учреждения).

Ходатайство общественной организации или коллектива трудящихся о допуске общественного обвинителя или общественного защитника к участию в процессе разрешается судом в распорядительном или судебном заседании до начала судебного следствия (ст. 230 и 249 УПК БССР)¹.

Ходатайство может быть отклонено, если судом будет признано, что оно исходит от органов и лиц, не имеющих на это права, либо полномочия выделенного лица неправильно оформлены. Отказ в ходатайстве возможен также по мотивам необходимости сохранения государственной тайны или неразглашения интимных сторон жизни подсудимого или потерпевшего, если последние настаивают на проведении закрытого судебного заседания. Не допускаются в качестве представителей общественности лица, которые подлежат допросу по данному делу либо находятся в близких, родственных или, наоборот, в неприязненных отношениях с подсудимым или потерпевшим, в силу чего они не могут проявить нужной объективности при выполнении своих обязанностей.

Нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые полагают, что компетенция суда в решении вопроса о допуске общественного обвинителя и общественного защитника к участию в рассмотрении дела сводится лишь к проверке правильности оформления их полномочий и выяснению характера данного им поручения². Как правильно отмечается в нашей литературе, допуск общественного обвинителя и общественного защитника в уголовный процесс не происходит автоматически. Решая этот вопрос, суд в каждом случае должен проверить, нет ли обстоятельств, препятствующих участию в деле общественного

¹ По УПК РСФСР и некоторых других союзных республик общественный обвинитель и общественный защитник могут быть допущены к участию в судебном разбирательстве постановлением судьи, вынесенным при предании обвиняемого суду. УПК БССР, как и УПК ряда других союзных республик, такого права судье не предоставляет.

² См.: Л.М. Голубева. Участие общественности в осуществлении правосудия. Фрунзе, 1968, стр. 92; Н.С. Алексеев. Общественное обвинение и общественная защита в советском суде. В сб. «Роль общественности в борьбе с преступностью». Воронеж, 1960, стр. 234; М.М. Выдря. Общественный обвинитель и общественный защитник. В сб. «Роль общественности в отправлении правосудия». Л., 1960, стр. 25–26; и др.

обвинителя или защитника¹. Если такие обстоятельства имеются, суд вправе отказать в допуске, о чем выносится мотивированное определение. Одновременно суд должен принять меры к тому, чтобы общественность выдвинула другого своего представителя.

По своему процессуальному положению общественный обвинитель и общественный защитник являются участниками уголовного судопроизводства и как таковые наделены широкими процессуальными правами.

Согласно ст. 249 УПК БССР и аналогичным статьям УПК других союзных республик общественный обвинитель вправе предъявлять доказательства, принимать участие в их исследовании, заявлять перед судом ходатайства и отводы, участвовать в судебных прениях, излагая суду мнение о доказанности обвинения, общественной опасности подсудимого и содеянного им. Общественный обвинитель может высказывать соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого и по другим вопросам дела.

Общественный защитник также вправе представлять доказательства, принимать участие в их исследовании, заявлять перед судом ходатайства и отводы, участвовать в судебных прениях, излагая суду мнение об обстоятельствах, влияющих на степень и характер ответственности подсудимого, о применении уголовного закона, а также о возможности смягчения наказания подсудимому, условного его осуждения или освобождения от наказания и отдачи на поруки той общественной организации или коллективу трудящихся, от имени которых общественный защитник выступает.

Общее направление деятельности общественного обвинителя и общественного защитника определяется мандатом общественной организации или коллектива трудящихся, их выделившего. Но в пределах этого мандата они обладают полной процессуальной самостоятельностью. Общественный обвинитель не связан позицией прокурора и вправе высказывать свою точку зрения по любому вопросу, подлежащему решению по делу. Равным образом общественный защитник не связан отношением к обвинению со стороны профессионального защитника и подсудимого и волен строить защиту по своему усмотрению. Это, конечно, вовсе не исключает того, что они должны стремиться к согласованным действиям, добиваться между собой тесного контакта, объединять свои усилия для достижения общей цели. Прокурор и адвокат, будучи профессионально более подготовленными, должны помогать своим общественным коллегам, консультировать их, оказывать

¹ См.: Д.С. Карев. Общественные обвинители и общественные защитники. В сб. «Советская общественность на страже социалистической законности». М., 1960, стр. 163; П.П. Якимов. Общественный обвинитель и общественный защитник. М., 1962, стр. 30; и др.

необходимое содействие в осуществлении ими своих процессуальных функций. Несомненно прав И.Д. Перлов, указывающий, что обвинение и защита всегда выигрывают, если прокурор и общественный обвинитель, адвокат и общественный защитник действуют при рассмотрении дела совместно и согласованно. Чтобы добиться такого единства, целесообразен взаимный обмен мнениями, уточнение своих позиций¹.

Общественный обвинитель и общественный защитник выступают в суде в соответствии с тем поручением, которое они получили от организации, выдвинувшей их, и тем убеждением, которое сложилось у них в результате рассмотрения дела.

Если на судебном следствии будут установлены данные, значительно расходящиеся с теми, на основании которых общественный обвинитель был направлен в судебное заседание, он вправе отказаться от поддержания обвинения (ст. 249 УПК БССР).

Общественному защитнику такое право не предоставлено. Участь результаты судебного следствия, он обращает внимание суда на все то, что свидетельствует в пользу подсудимого, что может облегчить его участь. Общественный защитник, как и его профессиональный коллега, ни при каких обстоятельствах не может перейти на позиции обвинения, превратиться в обвинителя или уклониться от выполнения своих защитительных функций².

Конечно, правовое положение и обязанности общественного и профессионального защитников не идентичны. Если профессиональный защитник участвует в судебном рассмотрении уголовного дела в порядке реализации конституционного принципа права обвиняемого на защиту, то участие общественного защитника опирается на общественное самосознание, служит проявлением общественной инициативы, выражением той оценки, которую получили преступление и лицо, его совершившее, в глазах общественности. Ходатайствуя о допущении в судебный процесс общественного защитника, общественная организация или коллектив трудящихся исходят из наличия в деле особых обстоятельств, дающих им моральное право поднять свой голос в защиту подсудимого, поручиться за него. Поэтому в случаях, когда до начала или во время судебного разбирательства вскроются такие факты, которые существенно изменяют первоначальное мнение коллектива, общественный защитник должен «довести до сведения соответствующей общественной организации о новых обстоятельствах и в зависимости от ее решения оставить

¹ См.: Комментарий к УПК РСФСР, изд. 2-е. М., 1965, стр. 357.

² См.: П.С. Элькинд. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения в связи с расширением участия общественности в борьбе с правонарушениями. «Советское государство и право», 1961, № 3, стр. 60; И.Д. Перлов. Общественное обвинение и общественная защита в советском уголовном процессе. Уч. зап. ВЮН, вып. 11. М., 1961, стр. 153; и др.

процесс или продолжать в нем участвовать»¹. Но сам общественный защитник, пока данное ему поручение не аннулировано, не может отказать от осуществления защиты, поскольку такой отказ, во-первых, являлся бы нарушением обязанностей, возложенных на него общественной организацией, и, во-вторых, фактически означал бы присоединение к позиции обвинителя, переход на его сторону, что недопустимо².

Выступая в судебных прениях, общественный обвинитель и общественный защитник подводят итоги судебного следствия, анализируют каждый со своей позиции установленные по делу факты и в соответствии с общественным поручением высказывают суду свои предложения.

Обычно в речи общественного обвинителя главное внимание уделяется раскрытию общественной опасности совершенного преступления, показу его аморального характера и тех вредных последствий, которые оно вызвало, указанию на необходимость применения строгих мер воздействия по отношению к виновному. Общественный защитник же делает упор на обстоятельства, положительно характеризующие подсудимого, приводит данные, смягчающие его вину, просит суд о снисхождении. Но общественный обвинитель и общественный защитник, как полноправные участники судебного разбирательства, вправе в своих выступлениях остановиться на анализе и оценке собранных по делу доказательств, высказать свое мнение об обоснованности или необоснованности предъявленного обвинения, правильности квалификации преступления, мере наказания и других правовых вопросах, возникающих по делу.

Речь общественного обвинителя и общественного защитника не должна носить общего, декларативного характера. Она будет убедительной только в том случае, если опирается на фактические данные, установленные в суде, если общественно-политическая оценка преступления тесно увязана с характеристикой подсудимого, с выяснением тех причин, которые привели его к совершению преступления.

Можно привести немало примеров ярких по форме и глубоких по содержанию выступлений общественных обвинителей и защитников,

¹ А.Г. Поляк. Об участии общественных защитников в судебном процессе. «Советское государство и право», 1960, № 9, стр. 93.

² Допускают возможность самостоятельного отказа общественного защитника от осуществления защиты: Л.И. Ураков. Общественное обвинение и общественная защита. М., 1964, стр. 63; Л.М. Голубева. Участие общественности в осуществлении правосудия. Фрунзе, 1968, стр. 107–108; И.М. Гальперин, Ф.А. Полозков. Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961, стр. 96–98; В. Божьев. Следует ли представителей общественности в суде делить на обвинителей и защитников. «Социалистическая законность», 1968, № 4, стр. 44–45; М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 2. М., 1970, стр. 242; и др.

которые привлекли к себе большое внимание, оказали существенную помощь суду в вынесении законного и обоснованного решения, способствовали усилению воспитательного и предупредительного значения судебного процесса. Сошлемся на один из них.

Подсудимый О. был привлечен к уголовной ответственности по обвинению в покушении на изнасилование и убийстве Вали А. В своей речи по этому делу общественный обвинитель сказал:

«Товарищи судьи! Я выступаю на данном процессе в роли общественного обвинителя по поручению коллектива, в котором работала убитая Валя А. Поэтому я буду говорить от имени нашего коллектива, от имени тех людей, которые провожали Валью А. в последний путь, глубоко сожалея о ее загубленной жизни.

По делу О. представлены обстоятельные материалы предварительного следствия: вещественные доказательства, заключения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз, заслушаны показания многочисленных свидетелей. Все эти доказательства подтверждают факт преднамеренного, злостного убийства.

Представленные материалы характеризуют О. как существо с узко ограниченным мышлением, лишенное широких общественных интересов. Это – тупица, живущий животной жизнью, стремящийся только к тому, чтобы выпить, поесть. Таков О., судьба которого столкнулась с жизнью Вали А.

Как развернулись события? В 8 часов вечера на дежурство заступает О. Он сильно пьян. От вахтера Х., которого он сменил, О. узнал, что в комнате № 102 осталась на работе одна девушка. К 9 часам вечера из корпуса ушли последние работающие. Во всем помещении остаются только двое: О. и его жертва Валя А.

Темные мысли и желания бродят в пьяной голове этого человекоподобного существа. Он входит в комнату, где работает Валя. Цель – удовлетворить свое животное чувство, совершить насилие над жертвой. Но здесь О. встретил решительный отпор со стороны девушки. Она сумела отстоять свою девичью неприкосновенность.

О. – человек развращенный, цинично и оскорбительно ведущий себя в отношении малознакомых и незнакомых женщин и девушек. Подобного рода насилие, как это неопровержимо доказано материалами следствия, он совершает не в первый раз, но все сходит ему с рук.

Боясь, что Валя А. будет жаловаться на него, О. решает разделаться с ней и скрыть совершенное преступление – попытку изнасилования. Осуществляя преступный замысел, О. берет в подвале железную трубу и ждет Валью в коридоре. В 10 часов вечера А. выходит туда. Там почти темно. Горит всего одна лампочка. Пьяный, озверелый палач ждет свою жертву. Увидев преступника, Валя пытается бежать от него, но О. настигает ее и ударяет железной трубой по голове.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, уже первый удар был смертельным, но, проявляя звериную жестокость, пьяный палач продолжает терзать свою жертву, нанося ей удар за ударом.

Так 10 марта закончила свой короткий жизненный путь Валя А.

Мы знаем ее как скромного труженика. Она только входила в жизнь, жадно тянулась к знаниям. Несмотря на свою молодость, она работала; имея среднее образование, продолжала учиться дальше. Из нее вырос бы хороший, полезный для нашего общества человек.

Смерть жестокая, бессмысленная глубоко потрясла наш коллектив. Весть о гибели Вали далеко разнеслась по всей области.

Убив Валью, О. стал скрывать следы убийства. Он поволок труп несчастной по лестнице на чердак, бросил его около вентиляционной установки. Сюда же он приносит все вещи Вали, упавшие в момент убийства: пальто, ботинок, сумочку, чертежи. Затем О. берет из шкафа уборщиц ведро, тряпку и соду, замывает кровавые следы преступления, тщательно моет руки и прячет оружие убийства – трубу – в снег.

С наглой хитростью О. рассчитывал, что никто не догадается искать труп в этом же здании. Сочтут, что девушка неизвестно где погибла, а он в следующее дежурство окончательно уничтожит следы убийства и перенесет труп в другое место.

Что же делает О. дальше. Спрятав на первый случай следы преступления, приведя себя в порядок, помыв руки, он звонит дежурящему рядом в другом здании своему приятелю вахтеру К. и приглашает его зайти выпить стопку перцовки. К. приходит. О. наливает водку в стаканы, они чокаются, желают здоровья и успехов друг другу, и О. с удовольствием выпивает.

До какой степени морального падения, потери человеческих чувств надо дойти, чтобы пить в тот момент, когда еще не остыл труп убитой им жертвы, спрятанной над его же головой. Как хотите, но О. нельзя назвать человеком. От него веет смертью. Его должно и нужно отнести к паразитам, с которыми общество ведет беспощадную борьбу.

В судебном деле имеются данные, которые говорят об умственной ограниченности подсудимого. Они говорят, что он неразвит, недалек, вспыльчив, скандален. Но ни одно из этих свойств ни в какой мере не оправдывает его.

Убийство подсудимый совершил в состоянии сильного опьянения. Пьянство, полное отсутствие самоконтроля – вот причины этого тягчайшего преступления.

О. до суда длительное время находился под наблюдением в Центральном научно-исследовательском институте судебной психиатрии им. Сербского. Экспертная комиссия в составе нескольких профессоров пришла к заключению, что О. следует считать вменяемым. Значит,

он не душевнобольной, значит, он должен нести полную ответственность за свои злодеяния.

Советские люди, успешно строящие коммунизм, стали образцом для человечества. Гений советского народа подчиняет себе силу атома, штурмует глубины космоса. Мы хотим, чтобы жизнь людей была прекрасной, яркой, полной блеска, ума, возвышенных чувств и мыслей. Мы хотим жить спокойно и счастливо, не бояться за жизнь наших детей, сестер, братьев. Мы не хотим, чтобы нам угрожали злодеи типа О.

Суровое наказание преступника есть высшее проявление гуманизма. Хирург, делающий операцию, причиняет тяжелые страдания больному, но спасает его и тем самым совершает глубоко гуманный поступок. Давайте же и мы будем безжалостно удалять болезни нашего общества. Поэтому от имени нашего коллектива, от всех тех людей, которые глубоко переживали гибель Вали А., я прошу приговорить О. за совершенные им тяжкие преступления к высшей мере наказания – к смертной казни¹.

Разумеется, приведенный пример нельзя канонизировать. Речь общественного обвинителя и общественного защитника не может быть подчинена какому-нибудь стандарту. Содержание речи, ее структура, круг вопросов, затрагиваемых в ней, обстоятельность их освещения зависят от существа дела, его особенностей, а также от характера того поручения, которое выполняет в суде представитель общественности.

§ 4. Иные участники судебных прений

Помимо прокурора, общественного обвинителя, защитника и общественного защитника, в судебных прениях участвуют также подсудимый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик или их представители. Каждый из них обладает определенными правами, отстаивает свои интересы, выполняет свойственные ему процессуальные функции, от которых зависят содержание и пределы его выступления в суде. Поэтому, видимо, есть необходимость хотя бы кратко остановиться на тех моментах, которые характеризуют процессуальное положение названных лиц, определяют их правовой статус как участников судебных прений.

Подсудимый – это главная фигура уголовного судопроизводства, вокруг которой сконцентрированы все усилия и сосредоточены все действия остальных его участников. Без подсудимого нет и самого судебного процесса, поскольку основным его содержанием является установление наличия или отсутствия преступления, виновности или невиновности привлеченного по делу лица, степени его ответственности.

В силу персонального характера обвинения рассмотрение дела в суде первой инстанции происходит с обязательным участием подсудимого.

¹ Л.И. Ураков. Общественное обвинение и общественная защита. М., 1964, стр. 102–106.

Разбирательство дела в его отсутствие допускается лишь в исключительных случаях, особо оговоренных законом¹.

Процессуальное положение подсудимого имеет специфические особенности. Они заключаются в том, что подсудимый выступает в суде одновременно в качестве субъекта прав, источника доказательственной информации и лица, к которому, возможно, будет применено наказание. С одной стороны, он – полноправный участник судебного разбирательства, субъект процессуальных отношений, с другой – лицо, действия и поступки которого, мотивы поведения и индивидуальные качества служат объектом исследования, предметом нелицеприятного обсуждения, от результатов которого зависит его судьба.

Советское процессуальное право, стремящееся к тому, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, наделяет подсудимого широкими правами, с помощью которых он отстаивает свои законные интересы. К числу таких прав подсудимого относится его право участвовать в судебных прениях, выступать по делу с судебной речью, если защитника нет в процессе в связи с тем, что он не был приглашен к участию в деле или был устранен во время судебного заседания до окончания судебного разбирательства.

Присутствие на судебном разбирательстве общественного защитника не препятствует произнесению подсудимым защитительной речи, поскольку на общественном защитнике в отличие от профессионального не лежит задача «использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь» (ст. 23 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик). Общественный защитник действует по уполномочию общественной организации или коллектива трудящихся, выражает их мнение и волю и никакой правовой обязанности по отношению к подсудимому не несет. Следовательно, его участие в судебном процессе не охватывает всех сторон защиты подсудимого и не лишает последнего права изложить перед судом все, что он считает нужным для обеспечения своих интересов.

Выступление подсудимого с защитительной речью не устраняет его права на последнее слово. От него зависит, объединить защитительную

¹ По УПК БССР заочное слушание дела возможно только тогда, когда подсудимый находится вне пределов Союза ССР и уклоняется от явки в суд (ст. 245). По УПК РСФСР и некоторых других союзных республик заочное разбирательство допускается также в случаях, когда по делу о преступлении, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, подсудимый ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие. Суд, однако, вправе признать явку последнего обязательной (ст. 246).

речь с последним словом или воспользоваться тем и другим. Подсудимый может в последнем слове восполнить то, что упустил в речи, привести дополнительные доводы и аргументы, возразить своим соучастникам и их защитникам, если он произносил защитительную речь раньше их.

Потерпевшим в уголовном процессе признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ст. 24 Основ уголовного судопроизводства). Тот факт, что в законе применительно к потерпевшему употреблен термин «гражданин», означает, что в качестве потерпевшего может выступать только физическое лицо.

Для признания лица потерпевшим достаточно наличия любого из указанных в законе видов вреда: морального, физического или имущественного. Суть физического вреда заключается в лишении человека жизни или причинении ущерба его здоровью путем нанесения телесных повреждений или воздействия на организм иным образом (отравления, облучения и т. п.). Физический вред сопровождается болью, мучениями, потерей трудоспособности, расстройством органических функций или интеллекта, увечьем, стойкой инвалидностью. Имущественный вред выражается в утрате или уменьшении материальных ценностей, а также в лишении или ограничении материальных благ, имеющих стоимостную оценку. Под моральным вредом понимается причинение человеку нравственных страданий, вызванных опорочением его чести и доброго имени, унижением его достоинства, причинением ему тяжелых душевных переживаний, внесением осложнений в семейную жизнь или общественное положение и т. п.¹

Не имеет юридического значения размер нанесенного лицу морального вреда, поскольку объективных критериев для его определения не существует. Решающим здесь является направленность умысла. Если преступление было направлено против данного лица, преследовало цель причинить ему вред – налицо правовые основания для признания такого лица потерпевшим. Если душевные переживания явились следствием преступления, обращенного против других лиц, оснований для признания лица потерпевшим нет. В тех случаях, когда лицу наносится физический или имущественный вред, признание его потерпевшим не зависит от того, на кого было направлено совершенное преступление, какие общественные интересы оно затрагивало. Важно, чтобы такой вред наступил.

Лицо может быть признано потерпевшим не только при оконченном преступлении, но и при покушении на него, когда по не зависящим

¹ См.: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 257.

от преступника обстоятельствам ожидаемый результат не наступил, хотя и была предпринята попытка достичь его (например, покушение на убийство, покушение на изнасилование и т. п.). Такое признание допустимо, если виновным были совершены конкретные действия, направленные на осуществление преступного намерения, и этими действиями поставлены под угрозу охраняемые уголовным законом интересы личности¹.

Преступное посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство граждан, их имущество и иные охраняемые законом блага, даже если оно не повлекло физического или имущественного ущерба, всегда вызывает глубокие душевные переживания, т. е. причиняет реальный моральный вред. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что при покушении на преступление, равно как и при неоконченном преступлении, правовых оснований для признания лица потерпевшим нет². Такое искусственное ограничение круга лиц, допускаемых к участию в уголовном процессе в качестве потерпевших, ничем не оправдано. Оно не имеет ни теоретической, ни практической базы.

По общему правилу потерпевшим считается лицо, которому преступлением причинен вред непосредственно. Если в результате преступления наступила смерть потерпевшего, его права как участника процесса переходят к близким родственникам или законным представителям погибшего. Естественно, что права потерпевшего предоставляются не всем близким родственникам и законным представителям, а одному из них по взаимному соглашению. Если такого соглашения достичь не удалось, вопрос о том, кто должен участвовать в процессе, решается по усмотрению следователя или суда³.

¹ См.: Л.Д. Кокорев. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964, стр. 9; Л.Д. Кокорев, Г.Д. Побегайло. Адвокат – представитель потерпевшего. Воронеж, 1969, стр. 7; М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 257; Советский уголовный процесс. Под ред. Д.С. Карева. М., 1968, стр. 82; и др.

² См.: В.М. Савицкий, И.И. Потеружа. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963, стр. 8–10; В.А. Дубринный. Потерпевший на предварительном следствии. Саратов, 1966, стр. 17–22; и др.

³ Вряд ли можно присоединиться к мнению тех юристов, которые считают, что при отсутствии взаимной договоренности между родственниками погибшего все они должны быть допущены к участию в производстве по делу в качестве потерпевших (см.: С.В. Бородин. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М., 1964, стр. 141–142; Л.Д. Кокорев, Г.Д. Побегайло. Адвокат – представитель потерпевшего. Воронеж, 1969, стр. 12). Такое суждение не имеет опоры в законе и не соответствует сложившейся следственной и судебной практике. Нет оснований и менять их, поскольку допуск в судебное заседание нескольких соперничающих между собой родственников потерпевшего явно нежелателен. Всякая коллизия между ними только осложняет производство по делу, затрудняет правильное его разрешение, вызывает ненужную затяжку судебного процесса.

Лицо, допущенное в уголовное судопроизводство вместо погибшего от преступления, занимает процессуальное положение потерпевшего. Оно действует в качестве потерпевшего, имеет его правовой статус в силу процессуального правопреемства¹. Юридическим основанием для такого правопреемства служит указание закона о том, что по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, правами последнего обладают его близкие родственники или законные представители (ст. 54 УПК БССР и аналогичные статьи УПК других союзных республик). Фактическим основанием правопреемства служит то соображение, что близкие родственники покойного являются пострадавшими от преступления в самом непосредственном значении: им причинен тяжелый моральный, а во многих случаях и материальный вред.

Оживленную дискуссию в юридической литературе вызвал вопрос о том, во всех ли случаях лицо, понесшее моральный, физический или имущественный вред от преступления, должно быть признано потерпевшим. Мнения разделились. Одни авторы допускают возможность непризнания лица в качестве потерпевшего в силу тех или иных обстоятельств², другие категорически отвергают это³.

Представляется, что нельзя полностью исключить те мотивы, которые могут препятствовать допуску пострадавшего от преступления к производству по делу в качестве потерпевшего. В частности, по нашему мнению, отсутствуют основания для признания лица потерпевшим, если это лицо понесло имущественный, физический или моральный вред:

а) от собственных противоправных действий, имеющих отношение к совершенному преступлению. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. «О судебной практике по делам

¹ На такой позиции стоит большинство авторов. См.: В.А. Стрёмовский. Участники предварительного следствия. Ростов, 1966, стр. 208; С.В. Бородин. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М., 1964, стр. 145; В.Н. Шпилев. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, стр. 98; В. Степанов, В. Шимановский. Процессуальное положение близких родственников лица, погибшего от преступления. «Социалистическая законность», 1970, № 1, стр. 56–57; В.П. Божьев. Представительство в уголовном процессе. Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 15, 1968, стр. 19; и др.

Существует и иная точка зрения, согласно которой близкие родственники погибшего от преступления рассматриваются как представители потерпевшего. См.: В.М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М., 1971, стр. 310–320.

² См.: В.А. Дубринный. Потерпевший на предварительном следствии. Саратов, 1966, стр. 35–36; А.Л. Цыпкин. К вопросу о защите прав личности в уголовном судопроизводстве. В сб. «Развитие прав граждан и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства». Саратов, 1962, стр. 280.

³ См.: Л.Д. Кокорев, Г.Д. Побегайло. Адвокат – представитель потерпевшего. Воронеж, 1969, стр. 9–10; Г. Шавгулидзе, Л. Тавлакадзе. Кто является потерпевшим от преступления? «Социалистическая законность», 1966, № 11, стр. 63.

о взяточничестве» (подтвержденном постановлением Пленума от 30 июня 1970 г.) указано, что взятокодатель, освобожденный от уголовной ответственности по причине вымогательства у него взятки или добровольного заявления о случившемся, «не может признаваться потерпевшим и не вправе претендовать на возвращение ему ценностей, переданных им в виде взятки»¹;

б) от действий соучастников преступления, объективно выходящих за пределы взаимообусловленного (например, двое угнали автомашину. Во время движения сидевший за рулем нарушил правила движения, произошла авария, в результате которой второй участник получил тяжкие телесные повреждения. Хотя он впоследствии был освобожден от уголовной ответственности, потерпевшим по делу он, конечно, быть признан не может);

в) в результате добровольного согласия на причинение вреда (например, обращение по поводу криминального аборта, прогноз которого был неблагоприятным);

г) в результате собственных действий пострадавшего, спровоцировавших причинение ему вреда (например, нанесение телесных повреждений нападавшему при превышении виновным пределов необходимой обороны).

Наделяя лицо правами потерпевшего, законодатель ставит его в условия наиболее благоприятные для защиты своих интересов, ибо в охране этих интересов видит одну из необходимых предпосылок укрепления законности и правопорядка. В то же время ему нет смысла ставить в привилегированное процессуальное положение лиц, права которых были нарушены противоправным поведением их самих. Такие лица, если они освобождены от уголовной ответственности, должны привлекаться к участию в процессе в качестве свидетелей.

Деятельность потерпевшего в суде по своему содержанию и направленности носит обвинительный характер. Выступая в качестве частного обвинителя или помогая прокурору в изобличении виновного, потерпевший осуществляет процессуальную функцию обвинения, является субъектом уголовного преследования. Как правильно отмечает М.С. Строгович, «потерпевший участвует в процессе для того, чтобы защищать свои интересы, нарушенные преступлением, для того, чтобы доказывать, что преступление было совершено, что этим преступлением ему причинен вред, что ответственность за преступление несет именно подсудимый. А это – обвинение, обвинительная деятельность»². Конечно, не исключены случаи, когда потерпевший по тем или иным соображениям

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970, стр. 472.

² М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 255.

пытается выгородить подсудимого, помочь ему избежать ответственности или уменьшить свою вину. Но не они определяют суть процессуальной функции, выполняемой потерпевшим. По верному замечанию В.М. Савицкого, дело не в конкретной позиции, занимаемой тем или иным участником процесса, а в целевом назначении предоставленных ему прав¹.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по-разному решает вопрос о степени участия потерпевшего в судебных прениях. Согласно УПК РСФСР, Армянской, Латвийской, Грузинской, Азербайджанской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР потерпевший может выступать в судебных прениях только по делам частного обвинения; согласно УПК БССР – по этой же категории уголовных дел при условии, что в процесс не вступил прокурор (ст. 298).

УПК Узбекской (ст. 276) и Литовской ССР (ст. 326) предусматривают возможность участия потерпевшего в судебных прениях во всех случаях, когда на судебном заседании не присутствует прокурор, а УПК Украинской (ст. 318) и Казахской ССР (ст. 278) – когда в процессе нет ни прокурора, ни общественного обвинителя. По УПК Эстонской ССР (ст. 256) потерпевший вправе выступать в судебных прениях по всем уголовным делам наравне с другими участниками судебного разбирательства.

Такая пестрота в законодательном решении данного вопроса не имеет под собой объективных оснований. Она не вызвана национальными или иными особенностями союзных республик. Равным образом неоправданным является столь значительное ограничение права потерпевшего на участие в судебных прениях, установленное уголовно-процессуальными кодексами большинства союзных республик.

В самом деле, если потерпевший наделен правом участвовать в исследовании доказательств, обжаловать вынесенный судом приговор, выступать с обоснованием своего мнения в суде кассационной инстанции, то непонятно, почему он лишен возможности изложить свои доводы и соображения во время судебных прений перед постановлением приговора. Нелогично и то, что, если потерпевшему будет нанесен имущественный ущерб, он вправе произнести судебную речь в качестве гражданского истца, а если ему будет причинен моральный или физический вред (скажем, тяжкие телесные повреждения, увечье, неизгладимое обезображение лица и т. п.), то он такой возможностью не обладает.

Вывод напрашивается сам собой. Потерпевший должен быть полностью уравнен в правах с другими участниками судебного процесса. Ему

¹ В.М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М., 1971, стр. 285.

следует предоставить право выступления в судебных прениях по всем уголовным делам¹.

Потерпевший может осуществлять свои полномочия в уголовном процессе как лично, так и через представителя. Действующее уголовно-процессуальное право различает две формы представительства: договорное (основанное на соглашении) и обязательное (выполняемое в силу предписаний закона).

В качестве представителей могут участвовать близкие родственники, адвокаты, представители профсоюзных и иных общественных организаций, а также другие лица, допущенные в процесс с разрешения следствия или суда (ст. 59 УПК БССР).

Потерпевший, воспользовавшийся помощью представителя, не лишается принадлежащих ему прав. Он может в любой момент производства по делу отказаться от представителя и сам защищать свои интересы.

Если потерпевшим является несовершеннолетний или лицо, которое в силу психических или физических недостатков неспособно самостоятельно реализовать свои права, в процессе должен участвовать их законный представитель. В качестве законного представителя выступают родители, усыновители, опекуны или попечители потерпевшего, а также представители учреждений и организаций, на попечении которых находится потерпевший (ст. 22 УПК БССР). Законное представительство в отличие от договорного носит не добровольный, а обязательный характер и имеет своей целью обеспечить защиту прав и интересов несовершеннолетних и иных недееспособных граждан, пострадавших от преступления.

Возможность заявления и совместного рассмотрения с уголовным делом гражданского иска, вытекающего из факта преступления, обусловливает появление в уголовном процессе гражданского истца и гражданского ответчика.

Согласно закону, гражданским истцом называется лицо (физическое или юридическое), понесшее материальный ущерб от преступления, предъявившее требование о его возмещении и допущенное к участию в уголовном судопроизводстве (ст. 55 УПК БССР).

Для признания лица гражданским истцом необходимо: а) чтобы материальный ущерб был причинен ему непосредственно; б) чтобы этот ущерб был реальным, действительным, а не проблематичным

¹ Предложение такого рода высказано во многих работах. См.: Л.Д. Кокорев. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964, стр. 59–62; М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 2. М., 1970, стр. 240; В.П. Божьев. Правовое положение представителя потерпевшего в уголовном процессе. В сб. «Советская адвокатура». М., 1968, стр. 121–122; В.М. Савицкий, И.И. Потеружа. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963, стр. 77–79; В.Н. Шпилев. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, стр. 107; Л.Д. Кокорев, Г.Д. Побегайло. Адвокат – представитель потерпевшего. Воронеж, 1969, стр. 60–61; и др.

или мнимым; в) чтобы ущерб наступил от конкретного преступления, а не от обстоятельств, с ним связанных.

Не подлежит рассмотрению в уголовно-процессуальном порядке гражданский иск о возмещении ущерба, вытекающего из договорных обязательств или иных гражданско-правовых сделок, а также в случае, когда между совершенным преступлением и наступившим вредом отсутствует прямая причинная связь. Нет оснований для допущения в процесс в качестве гражданского истца и удовлетворения притязаний лица, понесшего материальный ущерб от преступления, если это лицо лишилось имущества или ценностей, которыми оно обладало неправомерно.

Содержанием исковых требований, заявленных в уголовном процессе, т. е. предметом гражданского иска по уголовному делу, могут быть: а) имущественный ущерб, причиненный непосредственно преступными действиями виновного в момент их совершения (например, похищение, уничтожение, насильственное изъятие или повреждение каких-либо ценностей); б) материальные убытки, которые лицо несет или непременно должно понести в результате преступления (например, из-за снижения заработка или доходов потерпевшего в связи с причинением вреда его здоровью, повлекшего полную или частичную утрату общей или профессиональной трудоспособности); в) затраты, которые необходимы для устранения последствий преступления (на лечение, на погребение и т. д.).

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 23 октября 1963 г. «О судебной практике по искам о возмещении вреда» разъяснил, что виновный, помимо компенсации утраченного потерпевшим заработка, обязан возместить ему «фактически понесенные расходы на дополнительное питание, протезирование, санаторно-курортное лечение и другие расходы, если потерпевший, по заключению врачебной экспертизы, действительно нуждается в указанной помощи и не получает ее через соответствующие органы бесплатно»¹.

Не могут служить предметом гражданского иска моральный вред и упущенная выгода². Не допускается также предъявление в уголовном процессе встречных и регрессных исков.

Гражданский истец наделен в уголовном процессе широкими правами, объем и характер которых определяются выполняемой им функцией – защитой своих имущественных интересов. Он, в частности, вправе представлять доказательства, участвовать в их исследовании, заявлять ходатайства, поддерживать гражданский иск, выступать с речью во время судебных прений.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970, стр. 118.

² См. об этом: А.Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 38–44; П.П. Гуреев. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1961, стр. 16–20.

В своей речи гражданский истец, опираясь на собранные по делу данные, обосновывает заявленные им исковые требования, доказывает их правомерность. С этой целью он вправе касаться всех тех вопросов, от которых зависит судьба иска: имело ли место деяние, инкриминируемое подсудимому, является ли это деяние преступным, совершено ли оно подсудимым, виновен ли он в предъявленном обвинении, какой материальный ущерб причинен преступлением. Как правильно отмечает И.Д. Перлов, «поскольку основания обвинения и основания гражданского иска едины, то совершенно очевидно, что невозможно доказывать основания гражданского иска без того, чтобы одновременно не доказывать основания обвинения»¹.

Ст. 312 УПК БССР устанавливает, что суд принимает решение о гражданском иске в зависимости от доказанности его оснований и размеров. Юридическая обязанность доказать то и другое лежит на гражданском истце. Именно он должен привести необходимые данные, свидетельствующие о наличии преступления и причинении им материального ущерба, убедить суд в обоснованности своих правопритязаний.

По общему мнению, не имеют отношения к разрешению гражданского иска, а стало быть, выходят за пределы компетенции гражданского истца, вопросы о назначении наказания, его характере и условиях отбывания. Поэтому гражданский истец не должен затрагивать их в своем выступлении.

Спорным является право гражданского истца подвергать обсуждению и высказывать свои суждения о квалификации преступления.

И.Д. Перлов не признает за гражданским истцом такого права. Отметив, что «юридическая оценка преступления, как и мера уголовного наказания, относится к уголовно-правовым последствиям преступления» и потому «ни в какой мере не затрагивает судьбу гражданского иска», он приходит к выводу, что «гражданский истец, равно как и гражданский ответчик, не вправе касаться в своей речи вопросов, связанных с юридической оценкой (квалификацией) преступления»².

Такое утверждение представляется чрезмерно категоричным. Как уже отмечалось, правовым основанием для предъявления гражданского иска в уголовном процессе служит причинение материального ущерба совершенным преступлением. В порядке уголовного судопроизводства не могут быть рассмотрены и удовлетворены исковые требования, если они вытекают не из факта преступления, а из иных обстоятельств. Но преступление – это противоправное действие или бездействие, предусмотренное определенной нормой уголовного закона, имеющее четко обозначенный состав. Нет преступлений вообще, а есть конкретные преступления, подпадающие под признаки той или иной статьи Уголовного

¹ И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 177–178.

² Там же, стр. 177.

кодекса. Преступлений вне юридической оценки, т.е. вне правовой квалификации, не существует. Следовательно, чтобы доказать наличие преступления как правового основания для исковых требований, нужно определить его состав, сослаться на соответствующую статью Уголовного кодекса, убедить суд в том, что совершенное подсудимым деяние является уголовно наказуемым. И это еще не все. Как правильно отмечает А.Г. Мазалов, для гражданского истца во многих случаях далеко не безразлично, каким именно образом будет квалифицировано обвинение. Если, например, подсудимый будет признан виновным в хищении или ином корыстном преступлении, потерпевший получит возмещение ущерба в полном объеме. Если же подсудимый будет признан виновным в неосторожном причинении вреда, то суд вправе учесть материальное положение виновного, в результате чего возмещение ущерба может оказаться лишь частичным¹.

Это, конечно, не означает, что гражданский истец в своей речи должен непременно анализировать состав преступления, инкриминируемый подсудимому, высказывать свою точку зрения относительно юридической оценки (квалификации) вменяемого подсудимому деяния. Но нельзя и лишать его этого права, особенно в тех случаях, когда прокурор отказался от обвинения и законные интересы гражданского истца оказались под угрозой.

Гражданский иск, как правило, предъявляется обвиняемому. Он совершил преступление, он своими действиями причинил имущественный вред, он должен возместить его. Однако в ряде случаев материальную ответственность за причиненный ущерб несет не обвиняемый, а другие лица. Привлеченные к производству по делу в связи с заявленным гражданским иском, они именуются гражданскими ответчиками.

На основании ст. 26 Основ уголовного судопроизводства гражданскими ответчиками являются: а) родители, усыновители, опекуны и попечители – при причинении вреда несовершеннолетними; б) собственники или владельцы источника повышенной опасности – при нанесении вреда этим источником; в) учреждения и организации – в случае причинения вреда их работниками во время исполнения своих служебных обязанностей.

За имущественный ущерб, вызванный действиями несовершеннолетнего обвиняемого, не достигшего 15 лет, материальную ответственность в полном объеме несут его родители (усыновители) или опекуны (ст. 447 ГК БССР).

Несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет отвечают за причиненный ими вред на общих основаниях. При отсутствии у несовершеннолетнего имущества или заработка, достаточного для возмещения ущерба, последний должен быть покрыт его родителями (усыновителями) или попечителями, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Эта обязанность

¹ См.: А.Г. Мазалов. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967, стр. 143.

прекращается, когда причинивший вред достигнет совершеннолетия, а также в случае, когда у него до достижения 18-летнего возраста появится имущество или заработок, достаточные для возмещения вреда (ст. 448 ГК БССР). Таким образом, имущественная ответственность родителей (опекунов, усыновителей) за вред, причиненный преступным поведением несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет, является дополнительной, субсидиарной. Они несут ее не вместо несовершеннолетних, а наряду с ними¹.

Собственники или владельцы источника повышенной опасности обязаны возместить вред потерпевшему, причиненный этим источником. Они освобождаются от ответственности, если докажут, что источник повышенной опасности, с использованием которого совершено преступление, вышел из-под их ведения и распоряжения неправомерным путем или что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего (ст. 451 ГК БССР). Однако, как указал Пленум Верховного Суда СССР, если источник повышенной опасности выбыл из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц, но при наличии также виновного поведения владельца (например, в случае необеспечения надлежащей охраны источника повышенной опасности), то ответственность за причиненный вред может быть возложена как на лицо, использовавшее источник повышенной опасности, так и на его владельца с учетом конкретных обстоятельств².

Государственные учреждения несут имущественную ответственность за преступные действия должностных лиц только в том случае, если эти действия совершены в сфере административного управления и были связаны с исполнением административных функций (но не хозяйственных или технических).

С момента привлечения к делу гражданский ответчик получает право возражать против предъявленного иска, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства, выступать в судебных прениях (ст. 26 Основ уголовного судопроизводства). Эти права дают ему возможность активно участвовать в процессе, отстаивать свои законные интересы.

Гражданский ответчик обладает полной процессуальной самостоятельностью. Он не связан позицией и доводами других субъектов судебных прений, не зависит от них. Гражданский ответчик, так же как гражданский истец, может осуществлять все свои права как лично, так и с помощью представителя. В последнем случае представитель имеет те же права, что и гражданский ответчик.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970, стр. 117–118.

² Там же, стр. 112.

Глава III

Обвинительная речь прокурора

§ 1. Значение обвинительной речи и ее построение

Выступление прокурора с обвинительной речью является одним из наиболее ответственных этапов поддержания государственного обвинения в суде. Участвуя в судебных прениях, произнося обвинительную речь, прокурор излагает те окончательные выводы, к которым он пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела, подводит итог своей обвинительной деятельности.

Основная задача, стоящая перед прокурором в суде, – доказать факт преступления и виновность подсудимого, обосновать правильность предъявленного ему обвинения. С этой целью прокурор подвергает в своей речи тщательному и глубокому анализу весь доказательственный материал, собранный по делу, показывает несостоятельность выдвигаемой подсудимым версии. Оценивая с позиции обвинения имеющиеся в деле данные, отвергая все недостоверное и сомнительное, прокурор помогает суду установить истину, принять правильное решение.

Обвинительная речь рождается, как правило, в напряженной судебной борьбе. Подвергая всестороннему анализу фактические обстоятельства уголовного дела, критически оценивая каждое доказательство в отдельности и все в совокупности, полемизируя по отдельным вопросам с защитой, прокурор изобличает подсудимого, индивидуализирует его ответственность, выдвигает требование о мере наказания.

Но советский прокурор, участвующий в судебном процессе, не просто обвинитель, добросовестно исследующий фактические обстоятельства уголовного дела. Всякая обвинительная речь, независимо от характера рассматриваемого дела и его объема, представляет собой публичное, политическое выступление. Поддерживая государственное обвинение, прокурор выступает как активный борец с преступностью, как выразитель интересов общества и государства. В своей обвинительной речи прокурор обязан дать глубокую политическую и юридическую оценку совершенного преступления, вскрыть его причины, показать лицо преступника и тот путь, который привел его на скамью подсудимых. Используя судебную трибуну, прокурор разоблачает всю низость и гнусность совершенного преступления, подчеркивает его социальную опасность, разъясняет сущность советских законов, указывает на недопустимость их нарушения.

Судебные прения открывают перед прокурором широкий простор для правовой пропаганды, для формирования и закрепления социалистического правосознания граждан, повышения уровня их правовой культуры и правовой грамотности, воспитания у них уважения к законам

и правилам коммунистического общежития. Раскрывая на конкретных примерах смысл и направленность правовых актов, показывая их истинное назначение, прокурор содействует осознанию большой важности законов, пробуждает доверие к ним, внушает необходимость их строгого и неуклонного соблюдения.

Практика показывает, что, чем лучше граждане будут разбираться в нормах права, чем полнее они будут знать свои права и обязанности, тем активнее они будут участвовать в искоренении преступлений, тем настойчивее они будут бороться за претворение законов в жизнь. Вот почему прокурор, выступающий с судебной трибуны, никогда не должен забывать о своей роли пропагандиста советского права, воспитателя социалистической правовой идеологии. Каждая его речь должна расширять правовой кругозор слушателей, укреплять их чувство гражданственности, вызывать стремление к пополнению знаний.

Судебное выступление прокурора имеет большое общепредупредительное значение. Оно помогает созданию вокруг преступников атмосферы морального бойкота и презрения, содействует выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, мобилизует общественное мнение против правонарушителей. Глубокая по содержанию, хорошо аргументированная обвинительная речь западает в сознание слушателей, находящихся в зале судебного заседания, подготавливает судебную аудиторию к правильному восприятию и пониманию вынесенного судом приговора, повышает его убедительность.

Речь прокурора, как и вся его деятельность в суде, должна быть объективной, беспристрастной, основанной на достоверно установленных в судебном заседании фактах. В ней не терпимы никакие «натяжки», преувеличения, тенденциозность. Выступая в суде, произнося обвинительную речь, прокурор не может извращать обстоятельства дела, становиться на путь одностороннего их освещения, подгонять добытые данные под кажущуюся наиболее вероятной версию, строить свои выводы и предложения на основе личных симпатий и антипатий, вносить в судебный процесс элементы запальчивости и нервозности. Полная объективность, принципиальность, спокойствие и сдержанность – вот те неперемennые качества, которыми должен обладать прокурор.

Требование объективности предполагает необходимость вдумчивого и осмотрительного подхода к собранным по делу материалам, недопустимость вольного обращения с фактами, оценку их без всякого предубеждения. Тот, кто отказывается от подобного подхода, тот, по замечанию К. Маркса, «впадая в односторонность, отдается во власть недобрых чувств к отдельным лицам...»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 212.

Однако, будучи объективным и беспристрастным, прокурор не имеет права оставаться равнодушным, терпимым к преступлению. Он не может во имя ложно понятой «корректности и сдержанности» лишать свою речь обвинительной силы и гражданского пафоса, превращать ее в бесстрастный и скучный доклад. К истине ведет не мнимое беспристрастие и бездеятельность, а целеустремленное, глубокое, всестороннее и вместе с тем объективное исследование.

Обвиняя от имени государства, разоблачая лиц, совершивших преступление, прокурор обязан проявить необходимую энергию, настойчивость и активность. Его речь должна быть боевой, наступательной, бескомпромиссной, эмоциональной и вместе с тем предельно обоснованной, аргументированной, убедительной. Как справедливо отмечается в методическом пособии Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде», политическая заостренность и обвинительная направленность речи прокурора должны сочетаться с абсолютной точностью и полнотой в изложении обстоятельств дела, с анализом всех доказательств, как изобличающих подсудимого, так и говорящих в его пользу. Никакими ораторскими приемами, никакими общими рассуждениями нельзя заменить отсутствие в речи прокурора твердого фактического обоснования¹. Безусловно правы авторы работы «Государственный обвинитель в советском суде», указывающие, что «наступательность обвинительной речи не имеет ничего общего с крикливостью, фразерством, употреблением тех «громких и жалких» фраз, которым не место в советском суде»².

Сила прокурорской речи – в ее показательности, обоснованности, железной логике фактов. Если доводы и соображения обвинителя покоятся на прочном фундаменте доказательств, если в их основе лежат безупречные данные, то такая речь подчинит себе слушателей, убедит их. И наоборот, слова, не подкрепленные доказательствами, опирающиеся на недостоверные или сомнительные сведения, будут лишены убедительности, не смогут склонить суд и всех присутствующих на свою сторону. Как удачно заметил Е. Адамов, доказательства – это мускулы речи. Они делают речь сильной, придают ей убедительность³.

Но убедительность речи, сила ее доводов и аргументов не равнозначна категоричности утверждений. Как бы настойчиво прокурор ни утверждал, что то-то «бесспорно», «абсолютно», «несомненно», «непоколебимо» доказано, степень доказанности, а следовательно, и убедительности от этого не возрастает. Назойливая категоричность, не имеющая под собой объективных оснований, не увеличивает, а снижает доверие

¹ См.: «Социалистическая законность», 1938, № 10, стр. 20.

² Государственный обвинитель в советском суде. М., 1954, стр. 219.

³ См.: Е. Адамов. Искусство убеждать и воздействовать. «Советская юстиция», 1966, № 6, стр. 18.

к сказанному, заставляет усомниться в нем. Убедительность рождается из убежденности, а убежденность покоится не на голословных утверждениях, сколь бы энергичными они ни были, а на объективных фактах, доказательствах. В этом случае имеется полная аналогия с восточной мудростью: от того, что много раз скажешь «халва», во рту не станет слаще.

Одним из необходимых качеств обвинительной речи является ее конкретность. Прокурор всегда выступает в суде по конкретному уголовному делу. Поэтому его речь не может носить характера общих рассуждений, отвлеченных деклараций. Публично изобличая на суде виновных, выдвигая и обосновывая требование о применении к ним наказания, мобилизуя общественное мнение на борьбу с преступлениями, прокурор должен оставаться на почве конкретных фактов и обстоятельств, бывших предметом судебного исследования. Именно конкретность обвинительной речи, ее направленность против конкретных нарушений закона придают ей необходимую убедительность и политическую заостренность, превращают ее в эффективное средство воспитательного воздействия.

Содержание и структура обвинительной речи, ее построение не могут быть одинаковыми и неизменными для любого уголовного дела. Как не существует уголовных дел, абсолютно похожих друг на друга, так и не должно быть речей, полностью совпадающих между собой, копирующих друг друга. Содержание обвинительной речи, ее структура, последовательность изложения материала, соотношение отдельных частей, глубина анализа зависят от конкретных особенностей дела, его характера, имеющегося доказательственного материала, сложности фактических обстоятельств, личности подсудимого, а также индивидуальных черт оратора, его эрудиции и мастерства. «Сочинить такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи, – указывал В.И. Ленин, – есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»¹.

Судебная речь – дело творческое. Оно не терпит шаблона, трафарета, кустарщины. Поэтому при подготовке к выступлению в суде прокурор должен учитывать своеобразие рассматриваемого дела, уметь найти правильные пропорции различных частей речи, распределить весь материал в строгой логической последовательности.

Обвинительная речь прокурора строится по определенному плану. Наличие такого плана, учитывающего индивидуальные особенности дела, обеспечивает необходимую цельность, полноту и четкость речи. Наоборот, всякая бессистемность, хаотичность, неопределенность затрудняют правильное восприятие речи, снижают ее убедительность, умаляют воспитательное значение.

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 52.

Обычно обвинительная речь состоит из следующих элементов:

- а) вступительная часть;
- б) изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела);
- в) анализ и оценка собранных по делу доказательств;
- г) обоснование квалификации преступления;
- д) характеристика личности подсудимого и потерпевшего;
- е) соображения о мере наказания;
- ж) рассмотрение вопросов, связанных с возмещением причиненно-го преступлением материального ущерба;
- з) анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложений по их устранению;
- и) заключение¹.

Разумеется, это лишь примерная, ориентировочная схема построения обвинительной речи, которая должна быть наполнена живым, конкретным содержанием. Перечень составных частей речи, их последовательность и удельный вес могут и должны изменяться в зависимости от тех обстоятельств, о которых уже говорилось. Так, некоторые части речи могут вообще отсутствовать, если в этом нет необходимости (например, рассмотрение вопросов, связанных с возмещением материального ущерба, причиненного преступлением, когда такого ущерба не было), или быть изложены кратко, лаконично (например, в случаях, когда квалификация обвинения бесспорна). Заметное влияние на содержание и форму речи могут оказать конкретная ситуация, состав судебной аудитории и другие обстоятельства.

§ 2. Вступительная часть речи

Всякая речь должна иметь определенное начало. Умело построенное начало речи помогает установить необходимый психологический контакт со слушателями, настраивает их на определенный лад, создает

¹ Аналогичная схема обвинительной речи рекомендуется во многих работах. См.: В.И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 133–134; И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 49; Поддержание государственного обвинения в суде. Под ред. М.П. Малярова. М., 1970, стр. 11–12; и др.

Ряд авторов считает, что в интересах большей свободы прокуроров при построении обвинительной речи ее структуру не следует чрезмерно детализировать. Так, проф. М.С. Строгович предлагает следующую схему речи: а) общественно-политическая характеристика дела; б) анализ фактических данных дела, установленных судебным следствием, разбор проверенных на судебном следствии доказательств и выводы из них о событии и обстановке преступления и виновности подсудимого; в) уголовно-правовые выводы из фактических обстоятельств дела, т. е. квалификация преступления и указание подлежащей применению меры уголовного наказания. См.: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 2. М., 1970, стр. 311.

атмосферу непосредственности и откровенности, способствует лучше-му восприятию сказанного.

Не составляет исключения в этом отношении и обвинительная речь. Ее вступительная часть должна ввести слушателей в курс дела, заинтересовать их, привлечь их внимание, подготовить к правильному пониманию последующих частей речи. Вместе с тем она несет определенную смысловую нагрузку, содействуя формированию тех выводов, тех мыслей, которые собирается донести до слушателей прокурор.

Успех речи во многом зависит от умения выступающего найти взаимопонимание с аудиторией, установить с ней тесную связь, «чувствовать» ее. Только такая связь позволяет оратору чутко следить за состоянием аудитории, знать, доходит ли сказанное до слушателей, воспринимается ли ими, находит ли у них соответствующий отклик.

Речь произносится не в пустоте. Она живет и творится в общении со слушателями, набирает силу или увядает от их отношения к ней. Заложить основу доброго отношения нужно стремиться с первых слов речи, с ее вступительной части.

Но последняя имеет не только чисто техническое и эмоционально-психологическое значение. Вступительная часть речи должна нести знания. В ней прокурор излагает те исходные предпосылки, опираясь на которые он строит дальнейшее выступление, развивает мысли, формулирует выводы и предложения.

Таким образом, целевое назначение вступительной части обвинительной речи состоит в том, чтобы установить необходимый контакт с аудиторией, завоевать ее внимание, создать благоприятный микроклимат для произнесения речи, заложить фундамент основных выводов и предложений.

Способы и приемы построения вступительной части обвинительной речи разнообразны. Они зависят от характера рассматриваемого дела, состава судебной аудитории, навыков обвинителя и других обстоятельств.

Наиболее употребительны следующие приемы: а) оценка общественно-политического значения разбираемого дела; б) указание на характерные особенности дела; в) изложение программы выступления и др.¹

¹ Некоторые авторы все многообразие приемов построения вступительной части обвинительной речи сводят к оценке общественно-политического значения дела. См.: Ф.А. Томасевич. Методика подготовки и произнесения обвинительной речи. Саратов, 1962, стр. 13; И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 57; В.И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 133–134; М.П. Маляров. Речь государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1964, № 9, стр. 25–26.

С этим согласиться нельзя. Показ общественно-политического значения фактов, являющихся предметом судебного разбирательства, действительно очень важный и часто встречающийся, но вместе с тем не единственный способ построения вступительной части обвинительной речи.

Но какой бы прием ни был использован, очень важно, чтобы вступительная часть обвинительной речи была органически связана с последующими разделами речи, создавала для них правильный фон, служила отправной точкой для дальнейшего исследования фактических и юридических обстоятельств дела. Без этого она оказалась бы ненужной, излишней, механически привязанной к остальным разделам речи.

Оценка общественно-политического значения разбираемого дела

Во многих случаях обвинительная речь начинается показом общественно-политического и морально-этического значения исследуемых в суде фактов, указанием на тот общественный резонанс, который вызвало рассматриваемое в суде уголовное дело. Такой прием вполне закономерен. Ведь преступление по своей природе является общественно опасным деянием, наиболее острой формой нарушения советских законов, приносящей большой ущерб интересам общества и государства. Не существует таких уголовных дел, которые не имели бы общественно-политического значения, были бы безразличными с точки зрения общественных интересов.

Поэтому от прокурора требуется в каждом случае уметь выявить и наглядно показать общественно-политическую суть рассматриваемого в суде дела, приковать к нему внимание. Обвинительная речь прокурора является не только процессуальным средством изобличения преступника, но и острым оружием борьбы с пережитками прошлого в сознании людей, эффективным средством идеологического воздействия, воспитания в духе новой, коммунистической морали. «Нигде в практической жизни, – говорил М.И. Калинин, – нельзя так хорошо агитировать, как на судебных процессах... Судебный процесс есть тот постоянный конкретный случай, который берется прямо из жизни»¹.

Произнося обвинительную речь, анализируя собранные по делу данные, прокурор должен уметь поднять гнев народа против совершенного преступления и его исполнителей, помочь присутствующим в зале судебного заседания сделать из конкретных, фактических обстоятельств уголовного дела правильные политические выводы, вложить свой вклад в моральное возрождение подсудимых.

Примером удачного построения вступительной части обвинительной речи служит, по нашему мнению, речь прокурора М., выступавшего по уголовному делу, по которому несколько молодых людей обвинялись в совершении ряда разбойных нападений, хулиганстве и воровстве. Свою речь по этому делу прокурор начал так:

¹ М.И. Калинин. О социалистической законности. М., 1959, стр. 161.

«Товарищи судьи! Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание воспитанию подрастающего поколения. Только за последние годы принят ряд важнейших постановлений, свидетельствующих об исключительной заботе о детях и юношестве...

Юность – замечательная пора в жизни человека! Она полна смелых дерзаний, стремлений, творческих порывов. Юноши и девушки нашей страны самоотверженно трудятся в промышленности и на транспорте, в сельском хозяйстве и на строительстве. Везде они показывают замечательные образцы трудового героизма.

Это они освоили миллионы гектаров целинных и залежных земель, это они бурят нефтяные скважины, добывают уголь, плавят металл, осваивают космос.

Советская власть открыла перед молодежью широкую дорогу к науке, искусству, творческой деятельности. Миллионы молодых людей учатся в учебных заведениях, чтобы получить знания и успешно использовать их на благо своей Родины.

Молодые люди, сидящие на скамье подсудимых, также имели возможность пойти этой светлой дорогой. Но они избрали другой путь – путь преступлений. Ради выпивки, ради мнимого “веселья” они совершали разбойные нападения на честных советских людей, занимались воровством, устраивали поножовщину. Рюмка водки, бутылка вина – вот чем заполнен был их досуг, вот что заменяло им книгу, кино, театр, спорт и труд. А ведь, наверное, кто-нибудь из них читал замечательное произведение Николая Островского “Как закалялась сталь”. Как же он мог забыть вот эти волнующие строки: “Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое...”?

Позвольте теперь мне, товарищи судьи, изложить те конкретные факты преступной деятельности, в которых обвиняются подсудимые, и разобрать имеющиеся в деле доказательства их виновности»¹.

Гневом и болью звучат слова государственного обвинителя по делу Мотича (последний, будучи в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений ударом ножа в грудь убил ученика IX класса Клименок Володю):

«Товарищи судьи! 2 февраля 1969 года вечером на ул. Калинина г. п. Василевичи оборвалась жизнь ученика IX класса средней школы Володи Клименок, которому только сегодня исполнилось бы 16 лет.

Через два дня учащиеся Василевичской средней школы под красными знаменами Первомая выйдут на светлый праздник весны и труда. Но среди них не будет Володи Клименок. Из школьных колонн его вырвала подлая рука сидящего на скамье подсудимых убийцы – Мотича.

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

Общественный обвинитель – Владимир Александрович Яковенко – хорошо выразил чувства и мысли советских людей о тяжком преступлении, совершенном подсудимым. Мне, прокурору, поддерживающему обвинение от имени государства, остается полностью разделить то гневное и суровое осуждение преступника, которое было высказано представителем общественности.

Убийство несовершеннолетнего Клименок, убийство гнусное, наглое и беспричинное, взволновало весь Речицкий район. Оно вызвало возмущение и негодование всех честных людей. Об этом свидетельствует приложенный к делу протокол общего собрания рабочих и служащих совхоза п. Василевичи, многочисленные письма трудящихся.

Факт преступления был предметом специального рассмотрения партийных и советских организаций Речицкого района.

Убийство – тягчайшее преступление. Несмотря на общее сокращение преступности, столь опасные преступления, к сожалению, еще встречаются. Бывает, что разыгрываются страсти, накапливается старая неприязнь, обостряются какие-либо низменные чувства – в результате наступает трагическая развязка – убийство человека.

В данном случае убийство совершено беспричинно, из хулиганских побуждений.

Хулиган, да еще в нетрезвом состоянии, – опасный преступник. Его действия всегда направлены против людей, против общественного порядка, против коллектива. Еще более опасным является хулиганство, сопряженное с убийством.

Именно такое преступление совершил сидящий на скамье подсудимых Мотич»¹.

Краткой, но достаточно энергичной и выразительной была вступительная часть речи прокурора Бельничского района Могилевской области по делу Бельского, жителя поселка Крупской, который, будучи в пьяном состоянии, из хулиганских побуждений поджег дом своей тещи Короленок А.С., в результате чего сгорело несколько домов, и лишь с большим трудом удалось отстоять от огня другие. Это событие взволновало не только жителей поселка Крупской, но и расположенных рядом деревень.

На судебном процессе, проходившем в переполненном зале клуба совхоза «Эсьмоны», прокурор начал свою речь следующим образом:

«Товарищи судьи! Ушли в историю те времена, когда поджоги были способом разрешения социальных проблем, когда поджоги совершались по мотивам классовых противоречий, когда кулачье, выражая протест против Советской власти, ночью, с затаившейся злобой и ненавистью,

¹ Из выступления помощника прокурора Гомельской обл. М.А. Горячева (по материалам Прокуратуры БССР).

уничтожало общественное добро, имущество активистов, травило скот, сжигало посевы и т. д.

Сейчас в основе нашей жизни лежат совершенно другие принципы, принципы морального кодекса строителей коммунизма, провозглашенные Программой КПСС. Но, несмотря на то, что в нашей стране нет социальных корней, порождающих преступность, факты преступлений еще не изжиты. И хотя преступные действия, подобные совершенным в ночь на 17 мая 1965 г., становятся редким явлением, опасность их от этого не становится меньшей»¹.

Определенный интерес представляет в этом отношении начало вступительной речи главного обвинителя от США Джексона на Нюрнбергском процессе главных нацистских преступников:

«Господа судьи! Честь открывать первый в истории процесс по преступлениям против всеобщего мира налагает тяжелую ответственность. Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся.

Тот факт, что четыре великие державы, упоенные победой и страдающие от нанесенного им ущерба, удержали руку возмездия и передали своих пленных врагов на Суд справедливости, является одним из самых выдающихся примеров той дани, которую власть платит разуму.

Этот Трибунал, хотя он и представляет собой нововведение и эксперимент, не является результатом абстрактных рассуждений и не был создан для того, чтобы оправдать правовые теории. Это судебное разбирательство отражает практическое стремление 4 великих держав использовать международное право для того, чтобы противодействовать величайшей угрозе нашего времени – агрессивной войне. Здравый смысл человечества требует, чтобы закон не ограничивался наказанием мелких людей за совершенные ими незначительные преступления. Закон также должен настичь людей, которые приобретают огромную власть и используют ее преднамеренно и совместно для того, чтобы привести в действие зло, которое не щадит ни один домашний очаг в мире.

Такого рода грандиозных масштабов дело и передано вам на рассмотрение, господа судьи.

На скамье подсудимых сидит 20 морально сложенных людей. Упрекаемые унижением тех, которыми они руководили, почти в такой же мере, как и горем тех, на кого они напали, эти люди навсегда потеряли возможность лично творить зло.

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

Сейчас трудно заметить в этих жалких пленниках признаки той власти, при помощи которой они в качестве нацистских лидеров когда-то господствовали над значительной частью земного шара и наводили ужас на большую часть его населения. Их личная судьба не имеет большого значения для человечества.

Это судебное разбирательство приобретает такую важность только потому, что эти заключенные представляют в своем лице зловещие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах. Эти люди – живые символы расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости, порожденных властью. Это – символы жестокого национализма и милитаризма, интриг и провокаций, которые в течение одного поколения неоднократно повергали Европу в пучину войны, истребляя ее мужское население, уничтожая ее дома, ввергая ее в нищету. Они в такой мере приобщили себя к созданной ими философии и к руководимым ими силам, что проявление к ним милосердия будет означать победу и поощрение того зла, которое связано с их именами.

Цивилизация не может позволить себе какой-либо компромисс с социальными силами, которые приобретут новую мощь, если мы поступим двусмысленно или нерешительно с людьми, в лице которых эти силы продолжают свое существование»¹.

Очень жаль, что эти правильные и мудрые слова были быстро забыты многими руководителями западных стран, и прежде всего США, от имени которых выступал обвинитель.

При построении вступительной части обвинительной речи прокурору необходимо помнить, что выдвигаемые им общеполитические положения должны быть тесно, органически связаны с конкретными обстоятельствами рассматриваемого дела, исходить из них. Нужна не политическая «шапка» речи, не отвлеченный политический доклад, а яркий показ общественной вредности совершенного преступления, его недопустимости.

Между тем отдельные прокуроры вместо конкретного анализа и оценки общественно-политического значения фактов, служащих предметом судебного рассмотрения, нередко начинают свою речь пространными и общими рассуждениями о различных сторонах общественной и политической жизни советского народа, о внутреннем и международном положении нашей страны, ее успехах и достижениях и только где-то в конце вскользь упоминают о существе дела и его характере, о собранных по делу доказательствах. Таким прокурорам уместно напомнить требование В.И. Ленина к публичным выступлениям: «Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М., 1955, стр. 101–102.

строительства – этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее»¹.

Общественно-политическая оценка совершенного преступления, даваемая в обвинительной речи, должна звучать как изложение общегосударственных, принципиальных положений, помогающих уяснить то наиболее характерное, что есть в деле. Она должна представлять собой как бы общее введение к исследованию фактических обстоятельств дела, его логическую и социальную предпосылку.

Однако некоторые прокуроры строят вступительную часть своей речи до крайности примитивно.

Подсудимый Птицын обвинялся в совершении нескольких карманных краж. Прокурор К., поддерживавший государственное обвинение по этому делу, начал свою речь так:

«Товарищи судьи! Дело, которое мы с вами подробно исследуем в судебном заседании, по своему содержанию и материальному ущербу является незначительным, однако оно имеет общественно-политическое значение потому, что на скамье подсудимых находится Виктор Птицын!»² Такое вступление ничего, кроме недоумения, вызвать не может. Оно свидетельствует о непонимании прокурором сущности и назначения вступительной части обвинительной речи, а также о его полной профессиональной беспомощности.

Указание на характерные особенности дела

Одним из возможных приемов построения вступительной части речи является указание на различные особенности дела: фактического, юридического, общественно-политического, морально-этического или иного характера. Такой прием обладает рядом несомненных достоинств. Он позволяет акцентировать внимание на определенных обстоятельствах, выделить их, подчеркнуть их значение, помочь слушателям правильно оценить их.

Отталкиваясь от особенностей дела, учитывая их, прокурор соответствующим образом распределяет материал, находит нужные пропорции для его изложения, придает речи необходимую тональность и окраску.

Ученицы одной из средних школ г. Львова Бережная Светлана и Бережная Лариса, подпав под влияние грабителей-рецидивистов Цивина и Опрыска, вместе с последними совершили ряд квартирных краж и разбойных нападений на граждан города.

Во вступительной части обвинительной речи по этому делу прокурор сказал:

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 13.

² «Социалистическая законность», 1958, № 5, стр. 60.

«Товарищи судьи! Дело, которое Вами рассматривается на протяжении нескольких дней, имеет большое общественное значение. Оно заключается не только в том, что группа грабителей, среди которых имеются воры-рецидивисты, совершила в течение короткого времени ряд наглых нападений на граждан, но и в том, что среди участников этих разбойных нападений оказались девочки – ученицы 8-го класса средней школы, дети родителей, занимающихся педагогической, воспитательной работой.

Наш советский суд, призванный вести борьбу со всякими уголовными элементами, нарушающими социалистический правопорядок, не может рассматривать настоящее дело лишь в пределах чисто юридического анализа, не исследовав те причины, которые привели на скамью подсудимых наряду с грабителями-рецидивистами шестнадцатилетних девушек – учениц средней школы»¹.

Как видно из приведенного отрывка, прокурор обратил внимание суда и присутствующих на то особенное, специфичное, что характерно для данного дела, и тем самым predetermined направление и рамки своего выступления.

Следует еще раз подчеркнуть, что, используя в качестве приема построения вступительной части обвинительной речи указание на особенности рассматриваемого дела, прокурор должен показать действительные, а не мнимые особенности дела. При этом важны не любые особенности, а лишь те, которые имеют правовое значение, которые помогают сделать правильные выводы.

Один из прокуроров Башкирской АССР, выступая в суде по делу хулигана-убийцы Титенко, заявил, что отличительной особенностью данного дела является то, что «своими действиями Титенко подрывал общественный порядок на улице одного из самых старейших городов южного Урала – Белорецка, на металлургических заводах которого отливали пушечные ядра для войск Емельяна Пугачева».

Очень похвально, что прокурор интересуется историей своего края, знает ее. Но то обстоятельство, что в Белорецке когда-то отливались пушечные ядра для войск Емельяна Пугачева, разумеется, не имеет никакого отношения к характеристике общественной опасности действий обвиняемого.

Изложение программы выступления

Возможным приемом построения вступительной части обвинительной речи является изложение в ней программы выступления. Обвинитель начинает свою речь с указания, на каких вопросах он намерен

¹ Судебные речи прокуроров, сб. 1. М., 1956, стр. 207–208.

остановиться, какие тезисы обосновать, какие обстоятельства доказать, какие утверждения подсудимого опровергнуть.

Такого рода прием имеет определенные достоинства. Он придает речи строгую целенаправленность и конкретность, вносит в нее дух организованности, помогает слушателям лучше понять и оценить доводы обвинителя. Разумеется, это требует от прокурора тщательной подготовки, большой сосредоточенности, решительного исключения из речи всего того, что отвлекает внимание от главного, решающего.

По делу Петрова, обвинявшегося в убийстве гр-ки Красильниковой, прокурор начал свою речь прямо с перечисления тех обстоятельств, которые он как обвинитель считает нужным доказать и которые, по его мнению, в данном случае являются определяющими.

«Задачей обвинения, – сказал он, – является доказать, что 15 февраля с. г. подсудимый Петров из ревности убил связанную с ним интимными отношениями гр-ку Красильникову. Мы докажем также, что убийство это было совершено умышленно, по заранее обдуманному плану; что орудия преступления были заранее принесены убийцей на место преступления и что, совершив убийство, Петров предпринял затем ряд мер к сокрытию следов преступления, действуя и здесь расчетливо и обдуманно.

Приступая к выполнению этой части, я должен в кратких словах восстановить в памяти суда обстоятельства этого дела»¹.

Возможны такие случаи, когда в речи нет специальной вступительной части и она начинается непосредственно с изложения обстоятельств дела. Разумеется, это не означает, что в таких случаях должна отсутствовать общественно-политическая оценка дела, что прокурор свободен от показа общественной опасности совершенного преступления. Но делается это не в начале обвинительной речи, а в ходе изложения обстоятельств дела, при анализе доказательств, обосновании квалификации, характеристике подсудимого и т. д. Не столь важно, где дается общественно-политическая характеристика преступления: в начале, середине или даже в конце обвинительной речи. Это зависит от характера дела, его особенностей, от избранной прокурором системы расположения материала. Важно, чтобы эта характеристика была, чтобы дух непримиримости к преступлению, гневное осуждение его пронизывали всю речь, составляли ее социальный фон.

В апреле 1963 г. на вечере в школе № 187 г. Москвы выстрелом из пистолета был убит студент Кузьмин. Расследованием установлено, что убийство совершил из хулиганских побуждений, будучи в нетрезвом состоянии, Б. Жаворонков, ученик этой школы.

¹ Государственный обвинитель в советском суде. М., 1954, стр. 251–252.

Свою речь по делу прокурор начал так:

«Товарищи судьи! 10 апреля этого года в школе № 187 г. Москвы во время вечера самодеятельности выстрелом из пистолета был убит комсомолец Виктор Кузьмин, студент-дипломант Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, сын рабочего, член курсового бюро комсомола, агитатор, трудолюбивый, дисциплинированный, успевающий в учебе студент, уравновешенный, скромный юноша, хороший советский гражданин... Заканчивая институт, он изъявил желание поехать для работы на целинные земли в Казахстан. Его мечте не суждено было осуществиться. Внезапно его жизнь оборвала пуля Бориса Жаворонкова, подло, без всякого повода и причины убившего хорошего советского человека.

Картина этого преступления достаточно полно установлена доказательствами по делу...»

Излагая отдельные детали преступления, анализируя собранные по делу доказательства, прокурор говорит:

«Как могло случиться, что ученик нашей советской школы, вышедший, казалось бы, из хорошей семьи, дошел до того, что на безобидное замечание ответил выстрелом из пистолета...

Для того чтобы найти объяснение этому преступлению, чтобы понять причины такой необузданности Жаворонкова, необходимо обратить внимание на воспитание, которое он получил в семье и школе.

Советские люди прекрасно понимают, что укреплять семью, правильно воспитывать детей – моральный долг каждого советского гражданина. Общими трудами нашей партии, комсомола, пионерских организаций, родителей и школы за годы Советской власти выращены и воспитаны десятки миллионов честных советских людей. Их руками строилось социалистическое общество. Они сейчас строят коммунизм...

Но кое-где, к сожалению, прорастает порой плесень, которая до поры до времени прячется под покровом частной жизни какого-нибудь Жаворонкова, а затем вдруг, как гнойный нарыв, прорывается наружу.

Такая плесень выросла в квартире, где жил и воспитывался подсудимый. Родители Бориса Жаворонкова неправильно воспитывали своего сына, они сделали из него барчука, безотказно удовлетворяя все его прихоти и капризы»¹.

В этой речи прокурор, гневно осуждая совершенное преступление, нашел нужные слова для того, чтобы показать духовную пустоту и ничтожность подсудимого, показать те причины, которые в конечном итоге привели его на скамью подсудимых.

¹ Судебные речи прокуроров, вып. 1. М., 1958, стр. 5–9.

§ 3. Изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела)

Следующим элементом обвинительной речи, как правило, является изложение фактических обстоятельств совершенного преступления. В этой части речи обвинитель указывает, где, когда, каким путем, с помощью каких средств, с какой целью совершено преступление, каковы его результаты и последствия.

Значение этой части речи состоит в том, что она помогает восстановить в памяти присутствующих общую картину совершенного преступления, яснее представить главные его черты и тем самым подготавливает их к правильному восприятию и пониманию представляемых прокурором доказательств¹.

Изложение фактической стороны дела особенно необходимо в тех случаях, когда судебный процесс продолжался несколько дней и отдельные моменты стерлись в памяти слушателей, утонули в массе других впечатлений, не отложились четко в их сознании. Поэтому прокурор, прежде чем приступить к анализу доказательств, должен дать описание события преступления, ввести слушателей в курс дела, изложить свою концепцию фактической стороны совершенного преступления.

Разумеется, степень полноты изложения фабулы дела может и должна быть различной. В одних случаях фактические обстоятельства преступления излагаются обстоятельно, развернуто, в других кратко, в общих чертах. Все зависит от характера дела, его объема, сложности и других особенностей. Но несомненно и то, что в каждой речи обвинитель должен уделить определенное место изложению картины совершенного преступления, с тем чтобы, отталкиваясь от фактических обстоятельств преступления, дать общественно-политическую оценку деянию, проанализировать доказательства, обосновать правильность квалификации, выдвинуть соображения о мере наказания и т. д.

При изложении фактических обстоятельств уголовного дела не следует останавливаться на несущественных деталях и подробностях, загромождать речь длинными цифровыми выкладками, которые отражены

¹ В ряде работ, затрагивающих вопросы построения обвинительной речи, изложение фактических обстоятельств дела не выделяется в самостоятельный раздел, а объединяется с той частью речи, где происходит разбор и оценка доказательств. См.: И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 57; В.И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 133; Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. Под ред. А.Н. Мишутина. М., 1963, стр. 113.

С точки зрения теоретического анализа такое объединение вполне допустимо. В практическом же плане анализу и оценке доказательств всегда должно предшествовать указание того, что собирается прокурор доказать, в чем конкретно обвиняется подсудимый.

в заключении экспертов, повторять общеизвестные факты. Это утяжеляет обвинительную речь, снижает интерес к ней, утомляет слушателей.

Государственный обвинитель должен привести факты, относящиеся к событию преступления, такими, как они установлены на судебном следствии, без каких-либо искажений, точно и объективно.

Существует несколько способов изложения обстоятельств дела: хронологический, систематический, смешанный.

Суть хронологического способа заключается в том, что обвинитель излагает обстоятельства дела в той последовательности, в какой они устанавливались на следствии и в суде. При этом способе обвинитель как бы ведет слушателей по тому пути, который проделали органы расследования, и подводит их к тем выводам, которые были сделаны следствием. Такой способ изложения обстоятельств дела всегда связан с одновременным анализом доказательств, делает каждое утверждение обвинителя более обоснованным, убедительным.

По делу об убийстве гр-ки Долговой следствием было установлено, что убийство последней совершено Кузнецовым и Авдуловым по подстрекательству Берлина и Табидзе, которые хотели избавиться от Долговой, проживавшей с ними в одной комнате.

В своей речи прокурор изложил обстоятельства этого дела следующим образом:

«Товарищи судьи! 25 декабря прошлого года, вечером, между 11 и 12 часами граждане, проживающие в доме № 25 по Кропоткинской улице, были встревожены криками женщины. Через несколько минут на площадке лестницы между вторым и третьим этажом был обнаружен труп Долговой Лидии Иосифовны, проживающей в том же доме.

Как установлено осмотром трупа и судебно-медицинской экспертизой, Долговой был нанесен ряд сильных ударов ножом и смерть ее последовала от множества ранений в грудную клетку.

Расследование этого дела представляло большие трудности – неясны были мотивы убийства. Можно было думать, что убийство совершено с целью грабежа, так как исчезла сумка, находившаяся у Долговой в момент убийства, но вместе с тем на Долговой остались ценные вещи, которые вряд ли были бы оставлены грабителями, – золотые кольца и брошь, пальто и пр.

Показания соседей Долговой о неприязненных отношениях и частых ссорах между Долговой и ее племянницей Табидзе послужили основанием к тому, чтобы заподозрить Табидзе и ее мужа Берлина в причастности к убийству. У них был произведен обыск, который, однако, не дал каких-либо результатов. Они были допрошены. Берлин и Табидзе доказали свое алиби. Вечером, когда было совершено убийство, они находились безотлучно в семье родителей Берлина и там ночевали.

Вольдемар Берлин – студент полиграфического института, девятнадцати лет, и Валентина Табидзе – студентка института иностранных языков, двадцати лет, женаты недавно. Ряд свидетелей сообщили, что они сильно переживали постигшее их несчастье – убийство Долговой, которая всегда проявляла в отношении Табидзе материнскую заботу. Табидзе и Берлин, как самые близкие люди, организовали похороны Долговой; подавленные горем, они шли за гробом.

Все поведение их после убийства говорило за то, что Берлин и Табидзе непричастны к убийству Долговой.

Тем более не было оснований их подозревать, что допрошенный по делу свидетель Барамонов, проживавший в том же доме, что и Долгова, показал, что примерно в половине одиннадцатого вечера, незадолго до ее убийства, когда он поднимался по лестнице на третий этаж в свою квартиру, он видел на лестничной площадке второго этажа двух молодых людей, которые тихо разговаривали между собой. Площадка не была освещена, и поэтому описать наружность этих людей он не мог, но заметил, что один из них был одет в дубленый полушубок. Вероятно, эти люди и были убийцы.

Прошло несколько месяцев, преступники обнаружены не были, казалось, дело заглохло. Но нам, судебным и следственным работникам, хорошо известно, что трудно, я бы сказал, невозможно совершить преступление без того, чтобы не осталось следов, дающих возможность его раскрыть.

Там, где было совершено преступление, неизбежно остаются следы, различные вещественные доказательства, способные при достаточном внимании и умении следователя внести ясность в самое запутанное и загадочное дело. Так было и в данном случае. В конце марта текущего года была обнаружена пудреница, находившаяся в исчезнувшей сумке Долговой. Ключ для раскрытия преступления был найден, и вот – преступники перед Вами на скамье подсудимых...

На одном из рынков Москвы была задержана по подозрению в краже Нина Горчакова, которая продавала серебряную пудреницу. Пудреница была предъявлена Табидзе и сослуживице Долговой – Гриценко, которые опознали ее как принадлежавшую Долговой. По объяснению Горчаковой, пудреницу подарил ей знакомый Юрий Кузнецов, студент механического института.

Кузнецов был допрошен и показал, что пудреницу он нашел на улице. Обыском на квартире у Кузнецова в диване был найден штык-кинжал от винтовки. Были произведены обыски у ближайших друзей Кузнецова, с которыми он часто встречался и вместе выпивал, – у Авдулова Павла, студента педагогического института, и Тер-Арутюнянца Эдуарда, ученика 10-го класса средней школы. Авдулов, а затем Кузнецов признали, что они убили Долгову и забрали сумку, в которой была пудреница...

Показания Авдулова и Кузнецова в совокупности с другими доказательствами дают нам возможность восстановить обстоятельства подготовки убийства.

25 декабря прошлого года Берлин Вольдемар встречается со своим бывшим товарищем по школе Авдуловым. Берлин прямо спрашивает Авдулова, не согласится ли он убить тетку его жены Долгову, которая мешает им жить. Берлин говорил, что за это “дело” (убийство) заплатит. Авдулов не решает один на преступление, у него есть близкий товарищ Кузнецов, который только что от него уехал. Авдулов и Берлин догоняют Кузнецова на площади у Киевского вокзала. Происходит разговор, во время которого конкретизируется вопрос об оплате. По показаниям Кузнецова на предварительном следствии, цена убийства – двое золотых часов.

Кузнецов и Авдулов согласились убить Долгову. Берлин излагает свой план, инструктирует о месте убийства, времени, способе, об инсценировке ограбления, дает описание примет Долговой.

В тот же день план убийства, предложенный Берлиным, осуществляется.

Если Вы, товарищи судьи, восстановите в своей памяти то, что слышали здесь о событии 25 декабря, и на несколько мгновений перенесетесь своим воображением на место происшествия в дом на Кропоткинской улице, то Вам представится следующее.

Кузнецов и Авдулов, получив от Берлина кинжал, вечером в 10 часов занимают свои позиции на лестничной площадке. В ожидании своей жертвы они тихо разговаривают, курят. Они условились: Авдулов должен стоять впереди, и, если он скажет слово “Софа”, значит, идет Долгова.

Проходит женщина – не та, идет следующая – Долгова. Она спокойно поднимается по лестнице, она не ждет нападения. Авдулов узнает ее безошибочно по тому описанию, которое дал Берлин. Авдулов произносит роковое “Софа”, и рука убийцы Кузнецова вонзает нож в грудь Долговой. Долгова падает, но за первым ударом последовали 18 других. Со зверской жестокостью расправлялся со своей жертвой Кузнецов. Вы слышали заключение судебно-медицинского эксперта доктора Семеновского, который пришел к выводу, что удары были нанесены с большой силой, при этом пять из них – в область грудной клетки. Авдулов стоит рядом, затем он хватается сумку и спускается вниз, за ним следует Кузнецов. Они бегут не потому, что их охватил ужас от совершенного ими; они скрываются, чтобы не быть задержанными. Они отправляются домой к Авдулову, осматривают содержимое сумки, уничтожают ее, оставляют пудреницу. Совершив убийство, Кузнецов и Авдулов спокойно ложатся спать, и ничто не тревожит их сон. На следующий день Авдулов звонит Берлину о том, что “все в порядке”¹.

¹ Судебные речи прокуроров, сб. 1. М., 1956, стр. 163–168.

Суть систематического способа заключается в том, что обстоятельства дела излагаются в такой последовательности, в какой они имели место в действительности. Если при хронологическом способе показывается путь выяснения обстоятельств дела, то при систематическом способе показывается конечный результат этого исследования, т. е. обстоятельства совершенного преступления изображаются так, как они представляются обвинителю.

При таком способе изложения фактических обстоятельств рассматриваемого дела слушателям дается цельное представление о существе дела, намечается четкая граница предстоящего анализа доказательств. Недостаток этого способа заключается в том, что фактические обстоятельства совершенного преступления как бы обособляются от доказательств, изолируются от них.

Примером использования систематического способа изложения фактических обстоятельств дела в обвинительной речи может служить выступление прокурора Б. по делу, связанному с ограблением кассы троллейбусного депо:

«Товарищи судьи! Судебное следствие об ограблении кассы троллейбусного депо закончилось. Сейчас мне, как представителю государственного обвинения, предстоит подвести итоги той большой работы, которую проделали органы расследования и суд.

12 сентября этого года во втором часу ночи в кондукторском помещении троллейбусного парка происходила, как обычно каждую ночь в это время, сдача денежной выручки от продажи билетов. Кондукторы Трофимова, Колчанова и Теменькова подсчитывали деньги на столе, находившемся перед окном кассы, сличали вырученную сумму с количеством проданных билетов, а затем через окно передавали деньги кассиру.

Внезапно в помещение кондукторской вошли два вооруженных человека в масках. Один из них подошел к окну кассы и, угрожая кассиру Тимохиной пистолетом, передал ей мешок с требованием сложить в него деньги. Второй оттеснил кондукторов в угол, выключил свет и под угрозой оружия лишил их возможности сопротивляться... Совершив ограбление, преступники запретили всем находившимся в кондукторской в течение 15 минут выходить из помещения, а сами скрылись...

Обстоятельства дела говорят о том, что к ограблению кассы преступники готовились заранее и действовали по намеченному плану. Об этом свидетельствуют такие факты: ограбление кассы было совершено перед самым ее закрытием, т. е. в тот момент, когда кондукторы заканчивали сдачу денежной выручки, в кассе находилась наибольшая сумма денег, а возле кассы почти никого не осталось.

Поведение грабителей показывает, что им хорошо была известна обстановка в депо и кондукторской, в том числе и такие детали, которые

едва ли могли быть замечены людьми, впервые попавшими в незнакомое место.

Как утверждают свидетели, грабители вошли в кондукторскую смело и решительно, один из них прямо направился к кассе, а другой, не обращившись, протянул руку к стене, нашел выключатель и погасил свет...»¹

Очень часто изложение фактических обстоятельств уголовного дела в обвинительной речи сочетается с показом общественной опасности совершенного преступления, гневным осуждением лиц, ставших на преступный путь, раскрытием причин и условий, способствовавших совершению преступления. Такой прием усиливает воспитательное воздействие судебного процесса, повышает предупредительное значение обвинительной речи.

В уже упоминавшейся речи по делу Бельского прокурор, отметив общественное значение рассматриваемого дела, сказал:

«Обстоятельства этого дела таковы. 15 мая 1965 г. подсудимый Бельский вместе с другими помогал своему односельчанину перевозить дом. Хороший признак проявленного традиционного коллективизма. После окончания работы участники “голоки” распивали спиртные напитки, и Бельский, будучи равнодушным к бутылке с “белой головкой”, не устоял перед соблазном и, потеряв над собой власть и самообладание, выпил, как он заявляет, пять стаканов водки.

Доплетаясь в сильно опьяненном состоянии до своей деревни и обнаружив замок на дверях своего дома, он пошел к дому своей тещи Короленок Анастасии “выяснять отношения”. С криком “открывай, старая, я с тобой разберусь” он стал стучать в дверь. Короленок А., зная пьяный характер зятя, дверь ему не открыла, но сообщила, что ключи от дверей его дома лежат в условленном месте, что дети его спят в доме. Продолжая попытки проникнуть в дом, подсудимый разбил окно, а Короленок А., престарелая женщина, напуганная, босая, вылезла из окна с противоположной стороны и убежала к своему родственнику в другую деревню. Конечно, было бы лучше, и она теперь это понимает, сообщить о поведении зятя своему соседу Короленок Николаю, и, возможно, столь тяжких последствий не наступило бы. Но в тот момент на размышления были считанные секунды...

В пути Короленок Анастасия встретила возвращавшуюся домой дочь и рассказала ей о случившемся. В это время они увидели зарево пожара. Когда Короленок А. с дочерью прибежали на зарево, ее дом, а также дом соседа уже догорали.

После того как теща убежала из дома, Бельский нашел бутылку с керосином, облил им стену и крышу дома, поджег его, а сам, боясь людского

¹ Судебные речи прокуроров, вып. 1. М., 1958, стр. 72–74.

гнева, трусливо скрылся. В пьяном угаре и дикой злобе он не посчитался с тем, что рядом с домом Короленок А. находятся другие дома, в том числе его собственный, в котором находились его спящие малолетние дети. Он совершил преступление спокойно, с изуверским равнодушием.

Узнав о пожаре, собрались односельчане, которым с трудом удалось приостановить распространение пожара. Чужие люди взломали замок его, Бельского, дома и вынесли, спасая от пожара, его собственных детей.

Сейчас Бельский сидит на скамье подсудимых, опустив голову, съевшись, уклоняясь от суровых взглядов людей. Сегодня он все признает, пробует раскаиваться в надежде на снисхождение. Но в ночь с 15 на 16 мая он был совсем другим: потерявшим в пьяном угаре человеческий облик, не желающим считаться с элементарными правилами социалистического общежития»¹.

§ 4. Анализ и оценка собранных по делу доказательств

События и действия, составляющие предмет судебного исследования, всегда являются фактами прошлого по отношению к моменту судебного разбирательства и не могут быть непосредственно восприняты судом и всеми присутствующими в зале судебного заседания. Они устанавливаются посредством доказывания, с помощью доказательств. Вот почему анализ и оценка собранного по делу доказательственного материала занимает в обвинительной речи, как правило, центральное место, составляет ее наиболее сложную и ответственную часть.

Для государственного обвинителя совершенно недостаточно выдвинуть утверждение о наличии преступления и виновности подсудимого и без ссылок на доказательства ограничиться простым изложением фабулы дела. В основе обвинительной речи лежит необходимость доказывать и убеждать, склонять слушателей к отстаиваемой прокурором обвинительной версии. Но убедить судей и всех присутствующих в зале судебного заседания в обоснованности предъявленного подсудимому обвинения можно не общими и отвлеченными рассуждениями, как бы внешне красивы они ни были, а конкретным и тщательным разбором доказательств, анализом всех собранных по делу материалов. Понятно, что это требует большой и кропотливой работы, умения систематизировать имеющиеся в деле данные, обобщать их, правильно оценивать, с тем чтобы воссоздать общую картину совершенного преступления, показать роль и степень вины каждого из его участников, очертить пределы их ответственности.

Отдельные прокуроры вместо такой аналитической работы становятся на путь пересказа материалов дела, не критического их

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

воспроизведения. Они забывают, что прокурор – не рассказчик, не комментатор, а государственный обвинитель. От него требуется не пересказ, а отбор материала и квалифицированный его разбор. Именно анализ собранных данных, их истолкование дают возможность связать воедино разрозненные факты, помогают правильно представить исследуемое событие во всех его чертах, наполняют делаемые выводы и утверждения жизненной правдой.

А.Ф. Кони отмечал, что сами по себе доказательства еще ничего не доказывают. Это лишь отдельные кусочки, камешки, которые должны быть спаяны крепким «цементом мышления». Только тогда они образуют цельную картину, приобретают убедительность и доказательность.

Задача прокурора, выступающего в суде, в том и состоит, чтобы помочь слушателю проделать такую логическую работу, сопоставить между собой разрозненный доказательственный материал, отбросить все ненужное, лишнее, не относящееся к делу, прийти к обоснованным выводам.

Неправильно поступают те прокуроры, которые под предлогом «ясности» дела и «очевидности» виновности подсудимого уклоняются от разбора доказательств, заменяют его банальным утверждением, что «виновность подсудимого полностью доказана прошедшими перед судом доказательствами». Часто еще в судах можно встретить такое стандартное «обоснование» обвинения:

«Подсудимый виновным в предъявленном обвинении себя не признал, однако его виновность бесспорно установлена материалами судебного следствия – показаниями таких-то свидетелей и потерпевшего, заключением эксперта, вещественными доказательствами, имеющимися в деле». Ясно, что такой «анализ» доказательств ничего не дает, он никому не нужен.

В своей речи прокурор обязан систематизировать, сгруппировать все собранные по делу доказательства, дать им оценку с позиции обвинения. Он не может в обоснование своих выводов ссылаться на те или иные факты, принимаемые без доказывания за истинные, достоверные, и, наоборот, безмотивно отвергать другие как не соответствующие действительности. От прокурора требуется в каждом случае обосновать, почему он доверяет одним доказательствам и не доверяет другим, почему он считает одни доказательства существенными и бесспорными, а другие не имеющими значения для дела.

Подвергая анализу собранные по делу доказательства, государственный обвинитель не может быть односторонним, умалчивать о фактах, противоречащих отстаиваемой им версии. Если в деле имеются данные, не вписывающиеся в рамки предъявленного обвинения, прокурор обязан указать на них, дать им свое объяснение. Всякая попытка обойти

такие данные, умолчать о них принесла бы только вред обвинению, дала бы лишний «козырь» защите. В речи прокурора должны также найти отражение обстоятельства, говорящие в пользу подсудимого, смягчающие его вину и ответственность.

При анализе доказательств главное внимание обвинителя должно быть направлено на установление доброкачественности и достоверности собранных по делу материалов, на выяснение их доказательственной ценности.

Доказательства признаются доброкачественными, если они были получены из предусмотренных законом источников в установленном законом порядке и надлежащим образом процессуально оформлены. Достоверность доказательств означает их правильность, соответствие содержащихся в доказательстве сведений (информации) объективной действительности.

Доброкачественность доказательств – необходимое условие их использования. Признание доказательства недоброкачественным лишает его доказательственной ценности, устраняет из числа средств доказывания. Но доброкачественность доказательств, будучи необходимой предпосылкой их достоверности, еще не предопределяет безусловную истинность содержащихся в них сведений, поскольку на содержание и полноту этих сведений могут оказывать влияние иные обстоятельства. Так, достоверность свидетельских показаний может зависеть от того, является ли свидетель очевидцем преступления или показывает со слов других, имеются ли у него мотивы для дачи ложных показаний, какие были условия в момент восприятия свидетелем исследуемых событий, сколько времени прошло с момента восприятия до воспроизведения им воспринятых фактов и т. д. Объективная достоверность выводов эксперта во многом определяется качеством исходного материала, представленного для исследования, степенью совершенства методов исследования и применяемых для этого технических средств, уровнем развития науки на данном этапе и т. п.

Под углом зрения доброкачественности и достоверности должны пройти проверку все имеющиеся по делу доказательства. Только тогда они могут быть положены в основу выводов прокурора и суда, создать надежную базу для принятия правильного решения.

Внимательного подхода требуют к себе свидетельские показания – самый распространенный источник доказательств; без них практически нет ни одного уголовного дела. При анализе и оценке показаний свидетеля необходимо учитывать, заинтересован ли он в исходе дела, каковы его отношения с подсудимым и потерпевшим, что могло оказать влияние на формирование свидетельского показания на всех его этапах, от восприятия до воспроизведения, в какой мере сообщенные свидетелем

сведения согласуются с другими доказательствами, имеющимися в деле. В необходимых случаях прокурор может дать характеристику личности свидетеля, чтобы этим подкрепить доверие к сообщаемым им сведениям либо, наоборот, показать, что показания свидетеля не заслуживают доверия.

Одним из важных источников доказательств и одновременно средством защиты от предъявленного обвинения являются показания подсудимого. Они имеют доказательственное значение как в том случае, когда подсудимый признает свою вину, так и тогда, когда он отрицает ее. Советское процессуальное право твердо стоит на той позиции, что любое показание подсудимого, независимо от его характера, подлежит обязательной проверке и оценке в суде. Можно соглашаться или не соглашаться с подсудимым, считать его доводы убедительными или голословными, но нельзя игнорировать их, отвергать безмотивно.

Это прежде всего относится к прокурору. Если подсудимый отрицает свою виновность полностью или частично, а прокурор убежден в ее доказанности, он обязан подробно разобрать приводимые подсудимым объяснения, сопоставить их с другими доказательствами по делу, показать их несостоятельность, противоречивость или лживость. Не освобождается прокурор от необходимости дать анализ показаний подсудимого и в том случае, когда последний признает свою вину. Сознание подсудимого, как известно, не является бесспорным доказательством его виновности. В силу тех или иных причин оно может быть правдивым или ложным. Поэтому прокурор должен высказать свое отношение к сделанному признанию, показать, насколько оно согласуется с другими имеющимися по делу данными, соответствует им, подкрепляется иными фактами.

Среди доказательственного материала все больший удельный вес занимает экспертиза. Развитие науки и техники ведет к умножению и совершенствованию криминалистических средств и методов исследования, к расширению диапазона участия специалистов в уголовном судопроизводстве, к повышению научной объективности даваемых ими заключений. В силу закона выводы эксперта не являются обязательными для органов следствия и суда. Последние могут признать заключение эксперта правильным, обоснованным, полным либо усомниться в нем. Это налагает на прокурора обязанность дать в своей речи развернутый анализ тех выводов, к которым пришел эксперт. Такой анализ нужен как в случаях, когда прокурор считает эти выводы ошибочными, так и тогда, когда между прокурором и экспертом нет разногласий. Умелый анализ заключения экспертов в сопоставлении с другими доказательствами по делу делает выводы прокурора более убедительными, обоснованными, прочными.

Бывший председатель колхоза Сергиенко и его заместитель Чижов обвинялись в присвоении кооперативных средств. Анализируя доказательства виновности подсудимых, государственный обвинитель сказал:

«В числе источников доказательств по настоящему делу имеется также судебно-бухгалтерская экспертиза. Этой экспертизе государственное обвинение придает большое значение.

В таких делах, где учет и отчетность запутаны, где мы имеем хаос цифр, записей и документов, естественно искать помощи у бухгалтеров-экспертов, особенно тогда, когда в качестве таковых, как это имеет место в данном деле, мы встречаем крупных специалистов, известных своим серьезным отношением к делу. Мы тщательно изучили их письменные заключения и внимательно слушали их ответы на поставленные им вопросы. Все это показало, как много труда они вложили в изучение этого дела, разобрав не только бухгалтерские записи, но также все первичные документы, на основании которых и сделаны эти записи...

К каким же выводам пришли эксперты? Прежде всего эксперты единодушно признали, что некоторые денежные документы дважды проводились через бухгалтерию... Экспертиза выявила 12 таких двойных записей на сумму 3180 рублей.

Подсудимые пытаются объяснить эти двойные записи ошибками, которые являются следствием запутанности бухгалтерского учета. Однако вызывает недоумение, что запутанность бухгалтерского учета 12 раз почему-то приводила к таким ошибкам, которые были выгодны бывшим руководителям колхоза. Если бы дело действительно сводилось к простым, бесхитростным, «честным» ошибкам, мы имели бы хотя бы одну-две ошибки, которые шли бы вразрез с интересами подсудимых. Односторонний характер этих двойных записей опровергает объяснения подсудимых об их случайности и дает возможность видеть в этом не ошибки, а преступную систему...

Экспертиза затем установила, что колхозная торговля принесла колхозу только за второй квартал убыток на сумму 4467 руб. Подсудимые Сергиенко и Чижов объясняют этот убыток резким падением цен на ранние овощи: весенние месяцы обусловили якобы необходимость продажи колхозами товаров по пониженным ценам.

Экспертиза не приняла на веру эту внешне убедительную версию и, углубившись в расчеты по колхозной торговле, установила весьма любопытное обстоятельство: убыточные операции с ранними овощами приходится почему-то на те именно дни, когда реализацию овощей производили подсудимые Сергиенко и Чижов. Наоборот, в те дни, когда реализацию производили члены артели Николаев и Сергеев, колхозная торговля дала прибыль в сумме 1600 руб. Становится очевидным,

что убыток не является результатом падения цен на ранние овощи, а обусловлен другими причинами...»¹

Особенно тщательно должны быть проанализированы материалы дела в случаях, когда обвинение основано на косвенных доказательствах. Природа последних такова, что связь между отдельными доказательственными фактами и подлежащими установлению обстоятельствами не выступает так отчетливо, как в прямых доказательствах. Поэтому их труднее оценить, мимо них можно пройти, не придав им значения. Задача прокурора по таким делам состоит в том, чтобы связать воедино эти разрозненные факты, создать из них замкнутую цепь улик, с несомненностью доказывающих виновность подсудимого в предъявленном ему обвинении, исключаяющих всякую иную версию по делу.

При умелом использовании косвенных доказательств они способны устанавливать искомые факты с не меньшей очевидностью и убедительностью, чем прямые доказательства.

Рецидивист Н. был привлечен к уголовной ответственности за убийство спортсмена С. Подсудимый категорически отрицал свою виновность, ссылаясь на алиби. Прямых доказательств его виновности в деле не было. Прокурор, выступавший по делу в качестве государственного обвинителя, сосредоточил свое внимание на косвенных доказательствах.

«Убийство С., – сказал он, – последнее звено в цепи преступной деятельности Н. Рецидивист был убежден, что его преступление останется нераскрытым, а он сам безнаказанным. Поэтому слишком самоуверенными, я бы даже сказал нахальными, были его поступки, действия. Но они-то и оставили на месте преступления косвенные улики, которые замыкают круг доказательств его вины.

Что это за доказательства? На месте убийства, на рыхлой почве, были обнаружены следы ботинок 41-го размера, и с них сделаны слепки. Следы, как и предполагалось, принадлежали убийце. На подошвах ботинок по следам установлены характерные повреждения, о чем сделана соответствующая запись в протоколе осмотра места происшествия. А когда неделю спустя был задержан Н., на его обуви нашли точно такие же особенности, совпал и размер обуви. Криминалистическая экспертиза подтвердила идентичность следов на месте убийства и следов обуви, изъятой у Н. Значит, он находился на месте преступления. Вы слышали здесь объяснение подсудимого Н. Он говорил, что это случайное совпадение: у каждого могла оказаться обувь с подобными повреждениями.

Далее. Около трупа валялась пуговица от гимнастерки. Такой пуговицы на одежде убитого не было. Пуговица вырвана, как говорится,

¹ М.Л. Шифман. Речь прокурора. М., 1960, стр. 56–58.

с “мясом”, на ней остался кусок ткани. На квартире подсудимого при обыске обнаружена гимнастерка без пуговицы, которая также была вырвана с кусочком ткани. Свидетели показали, что на Н. была гимнастерка, когда он пришел в клуб, где между ним и С. затем произошла ссора. Он любил рядиться в форму демобилизованного воина, хотя никогда не служил в армии. Криминалистическая экспертиза установила, что найденная пуговица оторвана от гимнастерки, принадлежащей Н.

Это также говорит о том, что Н. был на месте преступления. Подсудимый и этот факт пытается объяснить случайным совпадением, дескать, много гимнастерок с оторванными пуговицами. Второе “случайное совпадение”!

Наконец, из тела убитого извлечена пуля, а неподалеку от трупа найдена стреляная гильза. Экспертиза определила характерные особенности пули и гильзы. Когда в кладовой у Н. обнаружили пистолет ТТ и произвели из него контрольный выстрел, оказалось, что обе пули и стреляные гильзы имели совпадающие признаки. Экспертиза дала категорическое заключение, что именно из данного пистолета был произведен выстрел в С. Этот, казалось бы, бесспорный факт подсудимый тоже наивно объясняет совпадением – есть же, мол, одинаковые пистолеты. Не слишком ли много “случайных совпадений”?

Подсудимый Н. показал, что он раньше С. покинул здание клуба и направился к своей знакомой К., у которой пробыл весь вечер. Вы слышали здесь объяснения К. По ее словам, Н. действительно приходил к ней, но это было после заводского гудка, а ночная смена на заводе начинается в двенадцать часов ночи. Убийство же совершено между десятью и одиннадцатью часами вечера. Свидетельнице К. показалось странным появление в ее доме в ту ночь Н., который давно порвал с ней всякие отношения. Она же видела у него пистолет и подтвердила, что на Н. была гимнастерка.

Таким образом, все улики указывают на то, что убийство С. совершено именно Н. И ему не поможет то безрассудное упорство, с каким он отрицает бесспорные факты, уличающие его в содеянном¹.

Об умелом использовании косвенных доказательств для установления таких обстоятельств уголовного дела, которые явились ключевыми в изобличении подсудимого, в доказывании его вины, свидетельствует следующий пример.

Подсудимый Кузин обвинялся в убийстве членов своей семьи: жены, сына, невестки – и нанесении тяжелого ранения полутораговой внучке. Отрицая свою виновность, Кузин выдвинул версию, что убийство было совершено в то время, когда он отсутствовал, – с 7 часов 15 минут

¹ «Социалистическая законность», 1966, № 1, стр. 73–74.

до 7 часов 50 минут утра. Естественно, что установление времени совершения преступления приобрело исключительное значение.

Поддерживая обвинение на суде, прокурор следующим образом анализировал доказательства, опровергающие алиби Кузина и устанавливающие время убийства:

«В 7 часов 50 минут утра во двор домовладения № 46 по улице Демонстраций вошел неожиданно рано вернувшийся с работы мастер-пилотубщик Петр Кузин.

Это время совершенно точно установлено показаниями соседки Кузина – свидетеля Т. Удивившись, что Кузин в это утро неожиданно рано возвращается домой, свидетель взглянула на настенные часы. “Было ровно без десяти минут восемь”, – так показала Т. на предварительном следствии и здесь на суде. Два других свидетеля, видевших возвращение Кузина, – В. и Г., – показывают: “Было около восьми часов утра”, но Т. поясняет, что в “Скорую помощь” она позвонила в 8 часов утра, а значит, Кузин вернулся раньше этого времени.

Как установлено показаниями трех свидетелей – В., Т. и Г., Кузин быстро шел по улице. Он явно торопился, но, подходя к дому, замедлил шаги, вошел во двор с достоинством и неторопливо, у крыльца зачем-то поиграл с собачонкой и только затем подошел к двери своей квартиры.

Кузин имел ключ от входной двери и обычно сам отпирал дверь, но здесь он начал громко стучать. Он стучал до тех пор, пока из соседней квартиры не выглянул один из жильцов К. Только после этого Кузин потянул к себе ручку двери и убедился в том, что дверь была открыта. Он вошел в квартиру и, как мы слышали из его показаний на суде, был “потрясен” открывшимся ему страшным зрелищем: в комнате, где жили его сын и невестка, на кресле, около кровати маленькой внучки, он застал неподвижно сидящую женщину. Кузин взял невестку за плечо, и та безмолвно упала. На полу в этой же комнате он нашел труп сына, зверски убитого, с головой, разможенной ударом тяжелого рашпиля. Кинувшись в соседнюю комнату, Кузин застал свою жену еще живой. Лежа поперек кровати, как говорит Кузин, она еще хрипела. Тогда, как утверждает Кузин, обезумев от горя, он кинулся на улицу и криком призвал на помощь посторонних.

Так говорит Кузин. Он говорит и о том, что не знает, кто совершил убийство; что когда он уходил из дома, то все домашние еще спали; что убийство могло быть совершено только во время отсутствия Кузина дома, а мы знаем, что Кузин отсутствовал не более 35–45 минут.

Так ли все это было? Я буду еще подробно говорить о Кузине, о его общественной и психической характеристике, о достоверности его показаний, но сейчас мне хотелось бы остановиться лишь на доказательствах, устанавливающих время совершения убийства, ибо прежде, чем

приводить иные доказательства виновности Кузина, нужно опровергнуть его алиби; нужно доказать, что в момент совершения преступления Кузин находился на месте происшествия.

Из показаний самого Кузина, подтвержденных другими доказательствами, показаний соседей и сослуживцев, справки о времени начала работы в артели мы знаем, что Кузин отсутствовал дома с 7 часов 15 минут до 7 часов 50 минут утра.

Между тем в результате исследования ряда других доказательств, прошедших перед нами на судебном следствии, можно считать вполне подтвержденным, что убийство семейства Кузиных произошло не в период между 7 часами 15 минутами и 7 часами 50 минутами, а ранее.

Что это за доказательства?

Врач “Скорой помощи” Б., прибывшая на квартиру Кузиных, как это видно из записи на карте вызова, в 8 часов 05 минут утра, обнаружила все трупы уже холодными. Из показаний Б. мы знаем, что в это время раны на трупах Валентина Кузина и Клавдии Кузиной уже подсохли. На основании этого Б. пришла к выводу, что смерть всех потерпевших наступила примерно между 6 и 7 часами утра.

Свидетель К., ранее также работавший на городской станции “Скорая помощь”, имеющий медицинское образование и большой профессиональный опыт, сказал, что кровь на скомканной простыне, лежавшей на полу, была “блеклой, сохлой”. По цвету крови К. сделал вывод, что убийство произошло не менее чем час тому назад.

В комнату Кузиных свидетель К. вошел не позже чем в 8 часов утра, до прибытия “Скорой помощи”. Таким образом, если бы убийство непосредственно предшествовало этому моменту, то следы крови на простыне не могли бы иметь такого вида, в каком застал их свидетель.

Свидетель Т., внимательно глядя в лицо Ольги Кузиной, обратила внимание на то, что кровь на лице у нее сгустилась, застыла и, как показывала здесь свидетель, “представляла собой как будто печенку”.

Наконец, установлены другие детали, подтверждающие, что убийство было совершено ранее 7 часов утра.

Ряд свидетелей – мать Ольги Кузиной, подруга убитой Клавдии Кузиной – гражданка С. и другие показывали, что маленькая Аллочка просыпалась всегда ровно в 6 часов 30 минут утра, в связи с чем домашние называли ее “часиками”. Когда девочка просыпалась, мать или бабушка брали ее к себе в кровать. В это же время вставал и Валентин Кузин, так как ровно в 8 часов утра он должен был быть на работе, а завод, где работал Валентин Кузин, находился от его квартиры на расстоянии примерно 30 минут ходьбы.

Между тем Аллочка в момент убийства находилась в своей кроватке, Валентин Кузин был обнаружен в нижнем белье. Ольга Кузина была

полуодета; это указывает на то, что она только что проснулась и не начала еще готовить завтрак.

Все эти детали свидетельствуют о том, что убийство совершено было не ранее 6 часов, но и не позднее 7 часов утра.

Так исследование доказательств, относящихся ко времени совершения преступления, приводит нас к выводу, что Петр Кузин, по его собственным словам, вышедший из дома в 7 часов 15 минут, возвратившийся в 7 часов 50 минут, в момент совершения убийства находился дома...»¹

Во многих уголовных делах, кроме показаний свидетелей, обвиняемого, потерпевшего и заключения эксперта, имеются вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы, удостоверяющие определенные факты и обстоятельства, установленные при производстве осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, опознания, следственного эксперимента и т. п. Весь этот доказательственный материал должен быть подвергнут прокурором тщательному анализу и осмыслению, разложен по полочкам, поставлен на свое место.

Советское законодательство требует строгой индивидуализации вины и ответственности каждого подсудимого. Поэтому прокурор в своей обвинительной речи обязан проанализировать весь имеющийся по делу доказательственный материал: а) в отношении каждого подсудимого, преданного суду; б) в отношении каждого эпизода преступления; в) в отношении каждого пункта обвинения. В тех случаях, когда уголовное дело является групповым или многоэпизодным, прокурор должен систематизировать доказательства, определенным образом сгруппировать их, распределить их применительно к исследуемым эпизодам или соучастникам преступления. Такая работа позволяет полнее выявить роль и степень виновности каждого из привлеченных по делу лиц, показать внутреннюю связь их поступков, дифференцировать их ответственность.

Может ли прокурор в своей речи, анализируя обстоятельства преступления, подвергая критическому разбору собранные по делу данные, опровергать доводы и аргументы подсудимого и его защитника, доказывать несостоятельность выдвигаемой ими версии? Иначе говоря, допустима ли полемичность в обвинительной речи, хотя представитель защиты еще не выступал в судебных прениях? Представляется, что исключить полностью использование полемических приемов в речи прокурора было бы неправильно.

Дело в том, что отношение подсудимого к предъявленному обвинению, его толкование фактов уже известно к моменту произнесения

¹ М.Л. Шифман. Речь прокурора. М., 1960, стр. 49–52.

обвинительной речи из показаний, данных им на судебном следствии, из тех заявлений и объяснений, которые он высказывает в связи с показаниями других лиц. Что касается защитника, то его позиция по делу также достаточно четко вырисовывается из характера вопросов, которые он задает допрашиваемым, из реплик и замечаний, которые он высказывает, из ходатайств, которые он заявляет на суде. Таким образом, у прокурора есть все основания изложить свое мнение по поводу отдельных защитительных тезисов, выдвинутых подсудимым и защитником в ходе судебного следствия, дать им свою оценку. Было бы неправильно оставлять без внимания явно наметившиеся защитительные мотивы, пытаться обойти их, делать вид, что их не существует. От этого убедительность обвинительной речи, обоснованность ее выводов, критический анализ собранных данных серьезно пострадали бы.

Разумеется, прокурор не должен пытаться предвосхитить речь защитника, опровергать то, чего он еще не говорил. Неуместны в выступлении прокурора такие выражения, как «в речи защитника мы услышим», «одной из тем защиты несомненно будет» и т. п. Но в речи прокурора вполне допустим такой, например, полемический оборот: «В ходе судебного следствия защита пыталась доказать алиби подсудимого. Посмотрим, насколько убедительны те данные, которые привлечены в подтверждение этого».

В практике государственных обвинителей можно найти немало примеров, когда в обвинительную речь вводятся полемические элементы, анализируются четко проявившиеся в ходе судебного следствия доводы.

Подсудимый Пасюкевич, будучи в нетрезвом состоянии и управляя технически неисправной автомашиной, совершил наезд на гр-на Подольяка, ехавшего в санной повозке. В результате наезда потерпевшему были причинены тяжкие телесные повреждения, от которых он через несколько дней скончался. Проанализировав условия и обстоятельства совершения преступления, прокурор сказал:

«Итак, произошла авария. Под колесами автомобиля лежит стонущий беспомощный человек. Что же делает подсудимый? Немедленно везет потерпевшего в больницу, оказывает ему помощь, сообщает о случившемся в органы милиции, как того требует элементарная гуманность и долг водителя? Ничего подобного, товарищи судьи! Как уже Вам хорошо известно, потерпевшего положили в автомашину и повезли его в канцелярию колхоза “Заветы Ильича”, где подсудимый хладнокровно заявил, что подобрал пьяного человека, который притворяется, что пострадал.

Так сказать о человеке, которого вытащили из-под обломков саней в тяжелом состоянии с переломом костей правой ноги! Разве чувства сострадания переполняли душу подсудимого, разве раскаяние и боль

за случившееся мучили его в тот момент? Конечно, нет. Цель – скрыться от возмездия, спрятать “концы в воду”, обвинить пострадавшего в его же страданиях – вот чем был одержим подсудимый...

Чем же можно объяснить и то, что подсудимый не сообщил о случившемся в органы милиции? Испуг, страх, шоковое состояние? Предположим, это естественное для человека, попавшего в подобную ситуацию, паническое состояние могло быть у подсудимого. Но проходит день, второй... а подсудимый молчит. Не слишком ли долго длится это “шоковое состояние”? А если учесть, что буквально через 10 минут после аварии подсудимый хладнокровно обвиняет самого потерпевшего в аварии, называя его пьяницей и притворой, то о каком шоковом состоянии может идти речь, да и было ли оно, хотя уважаемая защита все время настойчиво пытается акцентировать на этом Ваше внимание, товарищи судьи»¹.

В приведенном фрагменте речи налицо полемический оттенок, хотя прокурор не ставит своей задачей предугадать будущих возражений защиты, а говорит лишь о том, что уже вполне определилось, намечилось в процессе исследования доказательств по делу.

§ 5. Обоснование квалификации преступления

После того как фактические обстоятельства уголовного дела исследованы, прокурор должен обосновать квалификацию обвинения. Обосновать квалификацию обвинения – значит доказать правильность юридической оценки действий, вменяемых подсудимым, показать наличие в них необходимых признаков состава преступления, предусмотренного законом.

Разумеется, если квалификация обвинения бесспорна и прямо вытекает из обстоятельств дела, прокурору нет необходимости подробно останавливаться в обвинительной речи на анализе состава преступления. Он может ограничиться лишь некоторыми замечаниями на этот счет. В тех же случаях, когда квалификация преступления представляется спорной, когда приходится иметь дело со смежными составами или возникает необходимость разграничить форму вины, задача прокурора будет более сложной. Он обязан в таких случаях раскрыть содержание статьи Уголовного кодекса, которая предусматривает инкриминируемое подсудимому обвинение, обосновать правильность ее применения.

Для того чтобы квалификация была точной, чтобы она соответствовала закону, от прокурора требуется провести тщательный анализ элементов состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Выполняя эту задачу, прокурор

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

должен выяснить, на что было направлено преступление, какое действие или бездействие совершено подсудимым, каковы их последствия, имеется ли причинная связь между совершенными действиями и наступившим результатом и т. д. Столь же полно должны быть выяснены все обстоятельства, относящиеся к субъекту и субъективной стороне состава преступления: вменяемость субъекта, достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности, цель и мотив совершения преступления, форма вины и т. д.

Все элементы состава преступления одинаково важны. Только их совокупность дает основание для правильного вывода о применении соответствующей статьи Уголовного кодекса. Выпадение хотя бы одного из них исключает возможность правильной квалификации обвинения.

Анализируя юридическую сторону состава преступления, прокурор должен предложить суду ту квалификацию, которая нашла подтверждение в ходе судебного разбирательства, соответствует бесспорно установленным по делу фактам. Если же во время судебного заседания были установлены обстоятельства, вызывающие необходимость изменения первоначальной юридической оценки содеянного, прокурор обязан изложить в речи свои соображения по этому поводу, приведя соответствующие аргументы.

В суде рассматривалось уголовное дело, по которому три брата Белобородовы: Алексей, Николай и Иван – обвинялись в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений избили братьев Шерниных, разогнали молодежь, находившуюся в клубе, а затем, продолжая хулиганить, сели в сани и с криком «поедем убьем первого попавшегося» догнали по дороге гр-на Лопухова и начали его избивать. Подбежавший на помощь Лопухову Голяков был смертельно ранен Белобородовым Алексеем.

Касаясь вопроса квалификации обвинения, прокурор, выступавший в качестве государственного обвинителя, сказал:

«Органами предварительного следствия преступные действия Ивана и Николая Белобородовых квалифицированы по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, а также ст. 17 и п. “б” ст. 102 УК РСФСР. Вторая часть ст. 206 УК РСФСР, как известно, предусматривает ответственность за такие хулиганские действия, которые сопровождались буйством или бесчинством, упорно не прекращались или по своему характеру отличались цинизмом. В действиях подсудимых все эти квалифицирующие признаки налицо, поэтому я считаю квалификацию преступления Ивана и Николая Белобородовых по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР правильной. Что же касается обвинения их по ст. 17 и п. “б” ст. 102 УК РСФСР, то есть в соучастии в умышленном убийстве, то, на мой взгляд, достаточных оснований для обвинения в этом преступлении не имеется.

К такому выводу я пришел, исходя из того, что на трупе Голякова других телесных повреждений, кроме двух ножевых ран, нанесенных подсудимым Алексеем Белобородовым, не обнаружено. Следовательно, Иван и Николай его не избивали. Подсудимый Алексей Белобородов убил его прежде, чем Николай и Иван успели к нему присоединиться. Поэтому от обвинения подсудимых Ивана и Николая Белобородовых по ст. 17 и п. “б” ст. 102 УК РСФСР я отказываюсь.

Действия Алексея Белоборова квалифицированы по ч. 2 ст. 206 и п. “б” ст. 102 УК РСФСР. Такую квалификацию я считаю правильной.

Может возникнуть и другая точка зрения по поводу квалификации действий подсудимого, а именно – по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Поэтому я выскажу свои соображения и на этот счет.

В данном случае нельзя говорить о виновности Алексея Белоборова в нанесении Голякову тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть. Подсудимый Алексей Белобородов, судя по его действиям, вовсе не собирался ограничиться нанесением Голякову только телесных повреждений. Вспомним такой момент, когда он подбежал к Голякову, взял нож из кармана и раскрыл оба лезвия. Нанося Голякову удары ножом в голову и грудь, то есть в жизненно важные центры, Алексей предвидел возможность смертельного исхода. Следовательно, он должен нести ответственность за умышленное убийство, а не за причинение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть потерпевшего»¹.

Для правильности квалификации большое значение имеет установление цели и мотива совершения преступления. Будучи выражением субъективной стороны состава преступления, цель и мотив во многих случаях являются решающим признаком юридической оценки содеянного. Убийство из мести и убийство из корысти могут быть абсолютно идентичны по способу совершения, но всегда различны по субъективной стороне и поэтому квалифицируются по-разному.

Безмотивных поступков не бывает. Человек осознанно выбирает и направляет свое поведение, подчиняет его определенным целям и задачам. Осознание лицом своих действий – обязательный признак волевого поведения.

Выяснить подлинные мотивы совершения преступления нелегко. Это требует проникновения во внутренний мир человека, выявления его конкретных побуждений, их содержания, времени и причин возникновения, а также тех действий и последствий, в которых эти побуждения нашли свое объективное выражение. Исследование мотивов преступления предполагает установление нравственно-психических свойств

¹ Судебные речи прокуроров, вып. 1. М, 1958, стр. 44–45.

подсудимого, его интеллектуальных и волевых качеств, черт характера, социальной ориентировки.

Чтобы не было ошибки в квалификации, прокурор должен по любому делу, рассматриваемому судом, проанализировать цели и мотивы совершенного преступления, указать на их юридическую значимость и с учетом остальных обстоятельств дела сформулировать свои выводы относительно юридической оценки вменяемого подсудимому преступления.

...Овчинников, будучи в нетрезвом состоянии, затеял ссору со своей женой. Опасаясь быть избитой, как это случалось неоднократно, Овчинникова ушла к своей замужней дочери Анне Матвеевой. Вооружившись охотничьим ружьем, Овчинников подошел к дому, где проживала дочь, и произвел через окно два выстрела в сидевших там людей. В результате Овчинникова была убита, а дочь Анна и ее свекор ранены.

Переходя к вопросам квалификации обвинения по этому делу, прокурор сказал:

«Известную трудность представляет установление мотива убийства. Органы предварительного следствия предъявили Овчинникову обвинение в убийстве жены из хулиганских побуждений (п. “б” ст. 102 УК РСФСР) и способом, опасным для жизни многих людей (п. “д” ст. 102 УК РСФСР).

Овчинников отрицает хулиганство, выдвинув в качестве мотива убийства жены ревность. Эти объяснения подсудимого несостоятельны. Свидетели, работавшие вместе с Серафимой Овчинниковой и проживавшие по соседству, охарактеризовали ее как женщину хорошего поведения, тихую и очень болезненную, перенесшую тяжелую операцию. Никто из допрошенных свидетелей не замечал, чтобы Овчинникова встречалась с кем-либо из мужчин. Утверждение подсудимого, по заявлению свидетелей, является надуманным, клеветническим.

Нельзя согласиться и с версией о том, что убийство совершено из хулиганских побуждений, так как на судебном следствии не было добыто никаких данных, свидетельствующих о хулиганских намерениях.

В чем же действительная причина преступления, совершенного Овчинниковым?

Материалы судебного следствия приводят меня к убеждению, что одной из главных причин является религиозный фанатизм Овчинникова, ускоривший трагическую развязку.

Разберемся сначала в личности подсудимого, кто он такой? До 1960 г. Овчинников характеризуется положительно. Он был участником Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды и медалями. После приезда в Ленинград ему в курортной зоне выделили участок под строительство дома, предоставляли льготные путевки.

Однако начиная с 1960 г. Овчинников начал увлекаться религиозными верованиями. Он приобрел поминальник, стал записывать молитвы

и выучил их наизусть. Затем достал трехстворчатую карманную икону, которую носил всегда при себе; стал кропить детей, а также все предметы, находившиеся в доме, водой, которую называл “святой”, стал верить в колдунов и знахарей. На празднике у своей замужней дочери Марии Овчинниковой он заявил гостям, что он баптист.

Овчинников постепенно теряет интерес к семье, на производстве стал плохо относиться к работе, возненавидел людей. Всех домашних и соседей по поселку стал называть колдунами.

Чем больше Овчинников погружался в религиозный дурман, тем больше отгораживался от людей. Даже своих детей он называл колдунами и выгонял из дому, в том числе и малолетнюю дочь Лиду, которая из-за этого простудилась, заболела и частично лишилась слуха. Дети вынуждены были делать уроки у соседей и зачастую ночевать у них, так как, выпавшись днем, Овчинников ночью читал молитвы, избивал жену.

Изуверство неотделимо от религии. Овчинников издевался над членами своей семьи. Он обвинял жену в супружеской неверности, истязал ее, а сам склонялся к сожительству Кротову, Гусеву и других. Овчинников добивался, чтобы его жена Серафима стала верующей и ходила в церковь. Она отказалась от этого, и он стал ее избивать.

По объяснениям Овчинникова, он избивал жену с той целью, чтобы она “боялась его и слушалась”, иными словами, чтобы она выполняла его волю, ходила в церковь, молилась. Но она не подчинилась ему. Так вот в чем причина такого изуверского поведения Овчинникова – в церкви.

Овчинникову и ему подобным никто не запрещал и не запрещает верить в бога. Однако никто не давал ему права заставлять людей верить, преследовать их за атеизм. Свобода вероисповедания вовсе не означает свободу насильственной вербовки граждан в лоно церкви.

В процессе расследования Овчинников был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе, которая пришла к выводу, что в момент совершения преступления он был вменяем, находился в состоянии обычного алкогольного опьянения.

На основании изложенных данных прихожу к убеждению, что виновность Овчинникова доказана в том, что он совершил убийство своей жены на почве неприязненных с нею отношений, усилившихся в связи с религиозными настроениями подсудимого, и способом, опасным для жизни многих людей, т. е. в преступлении, предусмотренном п. “з” ст. 102 УК РСФСР. Обвинение подсудимого по п. “б” этой статьи в умышленном убийстве из хулиганских побуждений считаю не подтвердившимся в ходе судебного следствия»¹.

¹ Речи государственных обвинителей. М., 1964, стр. 42–45.

В судебной практике еще встречаются случаи, когда участвующие в процессе прокуратуры, не разобравшись в юридической стороне предъявленного подсудимому обвинения, высказывают неправильные суждения о квалификации обвинения, дезориентируя этим суд и присутствующих на судебном заседании граждан. Имеют место факты поддержания государственного обвинения при недоказанности вины подсудимого, по недостаточно исследованным, а иногда и вопреки установленным в судебном заседании данным.

Так, Минским областным судом в августе 1965 г. в г. Борисове рассматривалось с участием помощника прокурора города О. дело по обвинению Китановича и Журовского. Последние предавались суду за то, что 20 июня 1965 г. днем, в лесу, в районе поселка Печи, изнасиловали гр-ку К., после чего Китанович избил ее, а Журовский из сумки похитил деньги. Дело возбуждено по заявлению К., в котором указано, что в лесу на нее напали «неизвестные» и изнасиловали, избили, порвали одежду и забрали 23 руб. Уже при первом допросе выяснилось, что К. ранее была знакома с Китановичем, 20 июня днем в г. Борисове встретила с ним и Журовским, пила водку, а затем поехала в лес. Свидетели-очевидцы показали, что после совершения полового акта мужчина (Журовский) куда-то ушел. По какой причине возникла драка, они не знали. К. в судебном заседании пояснила, что в половое сношение она вступила добровольно, а драка возникла в связи с тем, что она заметила исчезновение денег и, не зная, кто их брал (деньги взял Журовский), упрекнула в этом Китановича. Несмотря на то что показания К. в суде подтвердились материалами дела, прокурор поддерживал обвинение Китановича и Журовского по ст. 115 ч. 3 УК БССР и просил осудить первого к 12 годам лишения свободы в ИТК строгого режима и второго – к 10 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Суд приговорил Китановича по ст. 115 ч. 3 УК БССР к 8 и Журовского к 5 годам лишения свободы. Одновременно Китанович осужден по ст. 110 ч. 1 УК к 1 году лишения свободы, а Журовский по ст. 141 ч. 1 к 2 годам лишения свободы.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 1 октября 1965 г. приговор в части осуждения Китановича и Журовского по ст. 115 ч. 3 УК отменен и дело в этой части прекращено за отсутствием состава преступления¹.

Требование прокурора о квалификации преступления должно быть всегда вполне определенным. Недопустима постановка так называемой альтернативной квалификации, т. е. такой, когда суду предлагается на выбор одна из нескольких норм уголовного закона. Такого рода

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

предложения означают отсутствие у прокурора убеждения в доказанности определенного состава преступления, свидетельствуют о его беспринципности. «Множественность квалификаций, – говорится в упоминавшемся уже методическом письме Прокуратуры СССР «Методика подготовки обвинительной речи на суде», – всегда только кажущаяся: одна из квалификаций является правильной, а все остальные – неправильными. Задача прокурора заключается в том, чтобы найти правильную квалификацию и показать суду неправильность всех других возможных в данном случае квалификаций»¹.

§ 6. Характеристика личности подсудимого и потерпевшего

Закон устанавливает, что при назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и другие обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность (ст. 36 УК БССР). Поэтому с целью индивидуализации наказания прокурор должен дать в своей речи обстоятельную характеристику подсудимого. Эта характеристика не может ограничиться теми сведениями, которые содержатся обычно в служебной характеристике. Она должна быть значительно шире и включать в себя данные о жизни и деятельности подсудимого в настоящее время и прошлом, о его поведении в семье и быту, об образе жизни и связях подсудимого, о состоянии его здоровья, о личных качествах и чертах характера и т. д. Используя эти данные, прокурор должен воссоздать перед судом общественно-политический облик подсудимого, показать его роль в преступлении, выяснить подлинные мотивы совершения преступления.

Совершенно правы авторы работы «Государственный обвинитель в советском суде», отмечающие, что «зрелость государственного обвинителя, его умение поддерживать обвинение в суде часто наиболее наглядно проявляется в том, насколько правильно, убедительно и доходчиво прокурор в своей речи дает характеристику подсудимым. Эта характеристика всегда должна быть построена на конкретных материалах дела, являться выводом из этих материалов, а не представлять собою голословные утверждения обвинителя о том, каким представляется ему подсудимый»².

Характеристика подсудимого должна содержать максимум информации. Давая ее, прокурор обязан осветить не отдельные теневые стороны из биографии подсудимого, а показать его во всей полноте жизненных

¹ «Социалистическая законность», 1938, № 10, стр. 24.

² Государственный обвинитель в советском суде. М., 1954, стр. 278.

обстоятельств, объяснить те причины, которые толкнули его на совершение преступления, выявить степень его социальной запущенности. Как правильно отмечает В. Стеценко, при назначении наказания суд не только карает преступника, но и в известной мере прогнозирует его дальнейшее поведение. Поэтому пределы исследования личности виновного не могут замыкаться теми ее свойствами и качествами, которые непосредственно проявились в преступном деянии¹. Они должны распространяться на психологические и социальные особенности подсудимого, которые позволяют судить о степени его общественной опасности, путях и перспективах его исправления.

При характеристике личности подсудимого от прокурора требуется максимальная объективность. Он обязан обратить внимание суда на обстоятельства как отягчающие, так и смягчающие ответственность подсудимого, говорящие в его пользу. Портрет, нарисованный прокурором, должен походить на оригинал, и при его исполнении нужно использовать всю палитру красок, а не только мрачные тона.

Давая политически острую характеристику личности подсудимого, государственный обвинитель не вправе прибегать к бранным эпитетам и грубым словам, допускать в обвинительной речи выражения и сравнения, оскорбляющие подсудимого, унижающие его честь и достоинство. «Пройтись за счет подсудимого, – писал А.Ф. Кони, – без сомнения, иногда бывает соблазнительно, особенно в тех случаях, когда обвинитель глубоко убежден в его виновности и возмущен его поступком... Но этому соблазну не следует поддаваться»². Стиль характеристики, ее язык, а также полнота должны находиться в зависимости от конкретных обстоятельств дела, его общественного значения и личности характеризуемого.

В речи по делу Якимова, обвинявшегося в совершении шести разбойных нападений на женщин с целью ограбления и изнасилования, прокурор сказал:

«Товарищи судьи! Прежде чем сформулировать свои требования о мере наказания, я хочу кратко охарактеризовать подсудимого, показать его моральный облик.

Ранее он был судим за спекуляцию и освобожден от наказания по амнистии. Однако из этого не сделал для себя никаких выводов. Уйдя с завода “Красный Октябрь”, где он работал после освобождения, стал заниматься разбоем.

Признание своей вины в судебном заседании Якимов силится избразить как раскаяние в совершенных преступлениях, как желание

¹ См.: В. Стеценко. Личность виновного и индивидуализация наказания. «Советская юстиция», 1968, № 15, стр. 11.

² А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 126.

чистосердечно все рассказать суду и тем самым освободиться от угрызений совести.

Но это далеко не так. Характерно в поведении Якимова то, что он не считает совершенные им преступления серьезными. “Разве я бандит?” – обиженно восклицает он. По его мнению, грабить людей, насиловать женщин под угрозой ножа – невинное занятие.

Когда ему был поставлен вопрос, почему он стал на путь грабежей и насилия, он тоном мальчика, совершившего невинную шалость, ответил: “Первый раз сошло, второй раз сошло, понравилось, значит, вот и продолжал дальше”.

Таким образом, перед нами не раскаявшийся человек, а опасный преступник, которого нужно изолировать от общества на длительный срок»¹.

При рассмотрении уголовного дела по обвинению Бельского в совершении поджога прокурор дал в своей речи следующую характеристику подсудимого:

«Бельский – молодой человек, ему лишь 33 года, женатый, но уже начавший губить свою жизнь чрезмерным употреблением спиртного. В этом он видел смысл жизни. “Только год мы жили хорошо, – говорит его жена Бельская Фекла, – а потом муж стал пьянствовать. Заработанные деньги пропивал. В пьяном виде учинял в семье скандалы, избивал меня и мать”. В 1962 г. Бельский, будучи в нетрезвом состоянии, пытался совершить поджог строений Короленок Анастасии, но его действия были предотвращены. Беспорядочное пьянство, аморальные проступки, совершение преступления стали возможными из-за их безнаказанности. В служебной характеристике Бельского очень скромно указано, что он “в быту неуживчив, склонен к употреблению спиртных напитков”. И хотя об этом было известно дирекции совхоза, профсоюзной организации, но его ни разу не вызывали на суд общественности, ни разу с него не спросили. А чувствуя безнаказанность, Бельский все больше распоясывался и дошел до совершения тяжкого преступления».

Отметив, что в совхозе «Эсьмоны» борьба с пьянством ведется совершенно неудовлетворительно, что дирекция и общественные организации не уделяют этому делу должного внимания, прокурор просил суд вынести по этому поводу частное определение и довести эти факты до сведения райкома партии².

Приведенные характеристики, конечно, нельзя признать образцовыми. В них есть свои недостатки и упущения. Но даже такого рода характеристики имеются не во всех речах. Отдельные прокуроры вовсе

¹ Судебные речи прокуроров, сб. 1. М., 1956, стр. 191–192.

² По материалам Прокуратуры БССР.

забывают привести данные, характеризующие личность подсудимого, либо ограничиваются самыми беглыми и общими замечаниями.

...В суде рассматривается уголовное дело по обвинению Гдалевича в изнасиловании нескольких несовершеннолетних и злостном хулиганстве. Гдалевич – молодой человек, рабочий Борисовского завода авто-тракторного оборудования. До этого он был дважды судим за хищение государственного и личного имущества, привлекался к административной ответственности за мелкое хулиганство.

Казалось бы, для прокурора по этому делу нет более важной задачи, чем нарисовать моральный облик подсудимого, показать всю глубину его падения, указать на обстоятельства, приведшие его к преступлению, вызвать своей речью гнев и возмущение общественности. Однако выступавший по этому делу в качестве государственного обвинителя прокурор сказал следующее:

«Существенное значение для правильного назначения наказания имеет характеристика личности подсудимого. Закон обязывает суд при назначении наказания учитывать как характер и степень общественной опасности совершенного преступления, так и личность виновного.

В уголовном деле имеется характеристика Гдалевича с места работы. В ней отмечено, что Гдалевич плохо вел себя в общественных местах, не выполнял норм выработки, принятые меры общественного воздействия в отношении его не дали положительных результатов. В характеристике также отмечено, что Гдалевич потерял такие черты советского человека, как честь, совесть и т. д.»¹

По такому острому уголовному делу прокурор, характеризуя личность подсудимого, не нашел ничего лучшего, как бесстрастно воспроизвести имеющуюся в деле стандартную служебную характеристику.

В ряде случаев перед обвинителем возникает необходимость дать характеристику не только подсудимому, но и потерпевшему. Такая характеристика (положительная или отрицательная) помогает лучше выяснить степень вины и ответственности подсудимого, показать тот вред, который причинен преступлением, способствует индивидуализации наказания.

§ 7. Соображения о мере наказания и разрешении вопросов, связанных с возмещением причиненного ущерба

После анализа фактической и юридической стороны рассматриваемого дела и характеристики личности подсудимого от прокурора требуется высказать свои соображения о мере наказания, подлежащей применению к подсудимому.

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

Закон устанавливает, что при определении наказания суд обязан учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность. Такая же обязанность лежит на прокуроре, обосновывающем свои предложения о мере наказания.

Хорошо известно, что уголовное наказание достигнет своей цели, приведет к желаемым результатам только тогда, когда оно справедливо, когда оно индивидуализировано. Как чрезмерно мягкое, так и чрезмерно суровое наказание одинаково вредны. Слишком мягкое наказание порождает чувство безответственности, ослабление самоконтроля, затрудняет перевоспитание виновного, поощряет неустойчивых лиц к совершению преступлений. Не лучше и чрезмерно суровое наказание. Оно вызывает у осужденного естественный внутренний протест, чувство допущенной несправедливости, состояние отчаяния и обреченности, что осложняет воспитательный процесс. Снижается и предупредительное значение такого наказания. Оно возмущает нравственное сознание людей своей жестокостью, вызывает у них сочувствие к осужденному, беспокойство за свою судьбу, отрицательное отношение к правосудию, неверие в него. Поэтому одной из необходимых предпосылок эффективности наказания является его соразмерность, продуманность, социально обусловленная целесообразность.

Пленум Верховного Суда СССР, указывая на необходимость правильного применения наказания, подчеркнул, что оно должно быть справедливым, индивидуализированным, разумным, максимально способствующим исправлению осужденного, возвращению его на путь честной трудовой жизни¹.

Выступая с обвинительной речью, высказывая соображения о мере наказания, прокурор обязан назвать вид наказания, его размеры или срок, а также условия отбывания. Свое мнение о мере наказания прокурор должен обосновать, привести в его подтверждение соответствующие аргументы. Недопустимо, когда прокурор требует меру наказания с «запросом», исходя из посылки: « Попрошу пять лет, суд даст три года ». Такой « торг с правосудием » создает впечатление о необъективности прокурора, его предвзятости, может вызвать неправильное представление о роли и задачах прокурора в суде.

В советской процессуальной литературе обсуждался вопрос о том, обязан ли прокурор по каждому уголовному делу называть не только вид, но и точный размер наказания. Мнения разошлись.

Одни процессуалисты (В.И. Басков, М.Л. Шифман, М.Я. Савицкий, Ф.А. Томасевич и др.) считают, что государственный обвинитель обязан

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1970. М., 1970, стр. 241.

во всех случаях точно обозначить конкретно определенный размер наказания и условия его отбывания¹. Другие придерживаются того взгляда, что от прокурора не следует требовать неперменного указания размеров наказания и что он в этом отношении должен обладать известным выбором².

«Государственный обвинитель – пишет И.Д. Перлов, – не может ограничиться общими рассуждениями по поводу меры наказания. Его соображения должны быть совершенно определенными. Но эта определенность применительно ко всем делам должна выражаться в обязательном указании рода основной и дополнительной меры наказания, которую он считает необходимым применить к подсудимому...

Что же касается размера наказания в пределах того или иного рода, то указание это зависит от конкретных особенностей каждого дела...

Стремление некоторых прокуроров по всем делам и во всех случаях предлагать точный размер наказания можно расценивать как ненужную и ничем не вызванную опеку над судом»³.

Конечно, нельзя полностью исключить такие случаи, когда прокурор, не называя точного размера наказания, просит определить его в пределах санкции статьи Уголовного кодекса или назначить «минимум санкции», «максимум санкции» и т. п. Но, как правило, прокурор должен четко сформулировать свои предложения в этой части: указать вид наказания, его сроки, условия отбывания.

Всякая неопределенность в этом отношении крайне нежелательна. Нельзя, чтобы прокурор с помощью туманных формулировок фактически уклонялся от изложения суду своего мнения по поводу меры наказания, маскировал отсутствие твердого убеждения. Прокурор обязан по каждому делу указать конкретно, какого наказания заслуживает подсудимый, и привести соответствующие доводы в обоснование своего предложения.

Недопустимо поступать так, как это сделал помощник прокурора Кореличского района К. Поддерживая обвинение по делу Друтько и Данильчик, обвинявшихся в совершении преступления, предусмотренного ст. 91 ч. 2 УК БССР, он заявил: «Считаю возможным определить

¹ См.: В.И. Басков. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968, стр. 166; М.Л. Шифман. Прокурор в уголовном суде. М., 1946, стр. 89; М.Я. Савицкий. Заметки об обвинительной речи прокурора. «Социалистическая законность», 1954, № 10, стр. 30; Ф.А. Томасевич. Методика подготовки и произнесения обвинительной речи. Саратов, 1962, стр. 36.

² См.: Государственный обвинитель в советском суде. М., 1954, стр. 284; И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 91–92.

³ И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 91–92.

Данильчик по ст. 91 ч. 2 УК БССР 2 года лишения свободы, но не возражаю, если наказание будет смягчено»¹.

Некоторые прокуроры из-за плохого знания законодательства и недостаточной подготовки к выступлению в суде высказывают соображения о применении наказания, явно расходящиеся с действующими нормами уголовного права. Так, помощник прокурора Гродненского района С., выступая по делу Говенко, обвинявшегося по ст. 207 ч. 2 УК БССР, просил осудить его с применением ст. 43 УК к 3 годам лишения свободы условно и «лишить прав вождения транспорта сроком на 3 года», хотя, согласно закону, при условном осуждении дополнительные наказания, за исключением штрафа, не допускаются².

Отдельные прокуроры некритически относятся к оценке материалов дела, высказывают соображения о мере наказания, явно не соответствующей тяжести совершенного преступления и личности подсудимого.

Тракторист Мироненко был привлечен к уголовной ответственности за то, что, работая в нетрезвом состоянии, выехал на тракторе на железнодорожный переезд, сломал шлагбаум и задавил находящегося там сторожа Л. Выступавший по делу в качестве государственного обвинителя помощник прокурора М. просил определить подсудимому наказание, не связанное с лишением свободы. Народный суд совершенно обоснованно приговорил подсудимого к 3 годам лишения свободы с запрещением управлять самоходными машинами сроком на 2 года. Гродненский областной суд приговор оставил в силе³.

В то же время имеют место случаи, когда прокуроры требуют неоправданно суровых мер наказания лицам, совершившим незначительные преступления, второстепенным участникам преступления при отсутствии вредных последствий и т. д.

Особенно много ошибок допускается в части определения вида исправительно-трудовой колонии. Часто прокуроры, указывая на необходимость применения в отношении подсудимого лишения свободы, не называют вида исправительно-трудовой колонии или называют его неправильно.

Некто Колбасич, ранее четыре раза судимый к лишению свободы за кражи и хулиганство, был освобожден в августе 1964 г. из колонии строгого режима, а в сентябре 1965 г. вновь предан суду по обвинению в злостном хулиганстве. Поддерживавший по этому делу государственное обвинение помощник прокурора Глубокского района М. просил суд определить подсудимому в качестве меры наказания лишение свободы с отбыванием в колонии усиленного режима. Между тем согласно

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

² Там же.

³ Там же.

закону лица, ранее судимые к лишению свободы, должны отбывать наказание в исправительно-трудовой колонии строгого режима. Если же прокурор считал необходимым назначение более мягкого режима, он обязан был привести соответствующие мотивы, чего в данном случае сделано не было¹.

Помощник прокурора Новобелицкого района Г., поддерживая обвинение в отношении несовершеннолетних Приходько и Семученко, просил суд определить им в качестве меры наказания лишение свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима, хотя по закону они должны отбывать наказание в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних².

Помощник прокурора того же района М., обвиняя несовершеннолетнего Рябко в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 141 УК, просил назначить ему наказание в виде лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии «детского типа», хотя таких не существует³.

Все эти примеры, количество которых можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что отдельные прокуроры плохо знают уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, не готовятся должным образом к выступлению в суде, не читают нормативного материала.

В тех случаях, когда преступлением причинен материальный ущерб, государственный обвинитель должен определить свое отношение к гражданскому иску. Он должен указать, установлен ли факт нанесения материального ущерба, кому этот ущерб нанесен и в каком размере, подлежит ли удовлетворению заявленный гражданский иск полностью или частично и в пользу кого. Если материальный ущерб вызван действиями нескольких подсудимых, прокурору необходимо указать форму их ответственности: солидарную, долевую или смешанную.

§ 8. Анализ причин и условий, способствовавших совершению преступлений

В условиях социалистического государства применение мер уголовного наказания никогда не рассматривалось как единственное средство борьбы с преступностью. Для того чтобы эта борьба была успешной, необходимо прежде всего предупреждать преступления, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению.

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

² Там же.

³ Там же.

Между понятиями «причины» и «условия, способствующие совершению преступления» существует близкая, тесная связь, хотя они и не совпадают.

Под причинами следует понимать различного рода факторы, вызывающие формирование у неустойчивых лиц преступных намерений. Причины преступности коренятся в чуждых нашему строю антиобщественных взглядах, привычках, настроениях, являющихся пережитками прошлого в сознании людей и поддерживаемых отдельными теневыми сторонами в нашем обществе.

Условия, способствующие преступлению, – это различного рода обстоятельства, благоприятствующие реализации преступного намерения и достижению его преступного результата¹. Они носят не социально обусловленный характер, а являются следствием определенных недоделок, недосмотра, упущений. К ним относятся, в частности, низкий уровень культурно-воспитательной работы среди населения, плохое воспитание детей в семье и школе, бездеятельность в области охраны общественного порядка, недостаточная борьба с пьянством, слабая трудовая дисциплина, недостатки в организации быта и отдыха трудящихся, в подборе и расстановке кадров, в учете и охране материальных ценностей, в контроле за техникой безопасности и т. п.

Закон рассматривает выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, в качестве неременной обязанности органов расследования и суда. Такая же обязанность лежит и на прокуроре. Участвуя в судебном разбирательстве, поддерживая государственное обвинение, он должен вскрыть корни совершенного преступления, показать его причины, выяснить конкретные условия, облегчившие зарождение и реализацию подсудимым преступного замысла.

По каждому уголовному делу, рассматриваемому судом, в речи прокурора должны быть указаны: а) обстоятельства, вызвавшие формирование у лица антиобщественной установки (условия нравственного формирования личности); б) обстоятельства, побудившие лицо к совершению данного преступления (та конкретная жизненная ситуация, которая вызвала решимость действовать определенным образом); в) обстоятельства, способствовавшие достижению преступного результата и сокрытию следов преступления; г) лица, ответственные за те

¹ Более подробно об этом см.: А.Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; Р.Д. Рахунов, И.Д. Якименко. Выявление судом причин и условий, способствовавших совершению преступления. М., 1967; В.Н. Кудрявцев. К вопросу об изучении причин преступности. «Советское государство и право», 1964, № 5; А.А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., 1965, стр. 125; В.Г. Танасевич. К теоретическим основам разработки мер предупреждения преступности. «Советское государство и право», 1964, № 6; А.Д. Бойков. Роль защитника в предупреждении преступлений. М., 1971; и др.

недостатки и упущения, которые привели к совершению преступления; д) меры, которые необходимо принять для устранения причин и условий, вызвавших совершение преступления.

Прокурор не может ограничиться механическим перечислением тех фактов, которые привели лицо к преступлению. Он обязан подвергнуть их глубокому анализу, дать им надлежащую оценку. В его обязанность входит также дифференцировать эти факты.

Применительно к подсудимому прокурор должен показать, как складывался его нравственный облик, какое влияние оказала на него внешняя среда, в результате каких воздействий формировались его антиобщественные взгляды и привычки, какие именно отрицательные черты личности подсудимого привели его на скамью подсудимых, совершал ли он противоправные и аморальные поступки в прошлом, как реагировали на них государственные органы и общественность и т. д. Может оказаться необходимым проследить, как складывались у подсудимого отношения в семье и на работе, условия его воспитания и культурный уровень, наличие дурного влияния со стороны и т. п.

Формирование личности, ее морали и жизненных принципов, равно как и проявление личностных качеств вовне, – сложный индивидуальный процесс. Под влиянием неблагоприятных факторов в нравственно-психологическом комплексе человека могут появиться определенные изъяны, закрепиться антиобщественные взгляды и привычки. Они не ведут автоматически к преступлению, не детерминируют его, но создают благоприятную почву для зарождения у лица преступного намерения. Чтобы такое намерение возникло, необходим соответствующий повод, т. е. наличие таких обстоятельств или такой ситуации, которые бы обусловили решимость лица совершить конкретное общественно опасное действие¹. Наконец, наступает последний этап – реализация преступного намерения, совершение преступления. Здесь могут действовать многие обстоятельства, способствующие совершению данного преступления, облегчающие реализацию преступного замысла.

Задача прокурора – проследить все эти этапы, выявить те конкретные факты, которые действовали на всем протяжении от появления антиобщественной установки личности до совершения конкретного преступления.

Но прокурор не может считать свою обязанность выполненной, если он лишь констатировал установленные в суде недостатки, приведшие к преступлению. Он должен указать на те меры, которые необходимо принять для устранения этих недостатков, для недопущения их впредь.

¹ См. об этом: В.Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., 1968; Г.Г. Зуйков. Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие мер к их устранению. М., 1964.

Он вправе возбудить ходатайство о вынесении частного определения в адрес тех лиц, которые своими действиями создали обстановку, способствовавшую совершению преступления, для привлечения этих лиц к уголовной, административной или дисциплинарной ответственности.

§ 9. Заключительная часть

Речь завершается заключительной частью, или концовкой. Она должна быть лаконичной, выразительной, политически заостренной. В ней в образной форме выражается основная мысль речи, ее лейтмотив.

Обвинители прибегают к самым разнообразным приемам завершения своей речи. В одних случаях государственный обвинитель может кратко сформулировать итоги судебного процесса, указать на те уроки, которые должны быть из него извлечены, на меры, которые необходимо принять для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступления. В других случаях прокурор подчеркивает значение приговора и ожидаемый от него результат в дальнейшем укреплении социалистической законности.

Речь по делу Западинского, Тумашевского и других, обвинявшихся в совершении хищения в особо крупных размерах, прокурор закончил следующими словами:

«Товарищи судьи! Больше месяца длится этот судебный процесс. Шаг за шагом, тщательно проверяя доказательства, мы продвигались по следам преступления, преследуя одну цель – восстановить перед судом истину, воссоздать с максимальной полнотой и добросовестностью картину преступления...

Свыше месяца мы, выполняя свой нелегкий, но почетный и необходимый обществу и государству служебный долг, заслушивали показания подсудимых, сопоставляли их с другими доказательствами, тщательно и кропотливо исследовали обстоятельства дела.

Исключительно большие масштабы преступной деятельности, ее особо злостный и общественно опасный характер, длительность преступлений заставляют прийти к выводу, что, для того чтобы быть справедливым, приговор по этому делу должен быть суровым.

И я убежден, что именно такой Ваш приговор будет встречен единодушным одобрением всех честных советских граждан. Именно такой и только такой суровый и справедливый приговор будет соответствовать интересам Советского государства»¹.

Исключительно эмоциональным, взволнованным было окончание обвинительной речи по делу Мотича, об обстоятельствах которого уже говорилось. Прокурор нашел проникновенные, идущие от самого

¹ Судебные речи прокуроров, сб. 1. М., 1956, стр. 57–58.

сердца слова, чтобы показать весь ужас содеянного подсудимым, возбудить гнев и презрение к нему:

«Товарищи судьи! Подсудимый совершил тяжкое преступление. Своей преступной рукой он остановил сердце молодого юноши. Юноши, еще не вступившего на порог самостоятельной жизни, который лишь мечтал ее построить, мечтал стать человеком и отдать своей Родине, своему народу все свои силы и знания.

Мы слышали здесь выступления свидетелей и представителей школы, которые исключительно положительно характеризуют потерпевшего, тепло отзываясь о нем.

Я позволю себе обратить Ваше внимание на последнее сочинение, которое Володя Клименок написал в школе за несколько дней до смерти. Оно озаглавлено “Моя мечта”. “Для чего человеку нужна мечта? – спрашивает он и отвечает: – Для того, чтобы легче было жить. Жизнь течет, но моя мечта не изменяется. Я хочу быть геологом, это мое призвание. Я любил в детстве ходить с отцом в лес, слушать пение птиц. Мне очень хочется больше узнать об этом, найти что-то новое. Какое бы это было счастье. Недаром в песне поется: “Кто весел – тот смеется, кто хочет – тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет”. Я буду геологом! А пока, пока надо серьезно учиться, овладеть тайнами науки. Они откроют для меня много нового, интересного, неизведанного”.

Вот о чем мечтал Володя. Но мечте его не суждено было сбыться. Убийца Мотич остановил его сердце.

Свое сочинение Володя Клименок закончил словами: “Пусть будет мир на земле, пусть всегда звенят детские голоса, пусть несутся в пространство космические ракеты”.

Володя был прав. Будет мир на земле, будут всегда звенеть детские голоса, будут взлетать в небеса ракеты. Этому отдают все свои силы наша партия, правительство, народ.

И чтобы осуществилась заветная мечта каждого юноши и девушки, надо очищать наше общество, нашу землю от всякой скверны, надо беспощадно наказывать каждого, кто подымет руку на самое дорогое, самое ценное для человека благо – его жизнь, дарованную ему природой только один раз»¹.

Отдельные судебные ораторы используют для заключительной части какие-либо особенности дела, эффективные сравнения, сопоставления. Так, по делу Емельянова, обвинявшегося в утоплении из ревности своей жены, покорной и безответной женщины, А.Ф. Кони сказал:

«Я нахожу, что подсудимый Емельянов совершил дело ужасное, нахожу, что, постановив жестокий приговор над своей бедной и ни в чем не повинной женой, он со всей строгостью привел его в исполнение.

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

Если вы... вынесете из дела такое же убеждение, как и я, если мои доводы подтвердят в вас это убеждение, то я думаю, что подсудимый услышит из ваших уст приговор, конечно, менее суровый, но без сомнения более справедливый, чем тот, который он сам произнес над своей женой»¹.

Заключительная часть обвинительной речи должна быть органически связана со всеми предшествующими частями речи, вытекать из них. Ее эмоциональная сила зависит не столько от яркости образов, сколько от идейного содержания, от того смысла, который в ней заключен. Неудачное завершение речи может испортить все впечатление о ней, снизить ее действенность.

Следует указать также, что не в каждой речи обязательна самостоятельная заключительная часть. По обычным, простым делам ее может и не быть. В таких случаях речь заканчивается изложением соображений прокурора о мере наказания.

§ 10. Подготовка прокурора к выступлению в суде

Качество обвинительной речи, ее обоснованность и убедительность находятся в прямой зависимости от степени подготовленности прокурора к участию в судебном процессе, от знания им рассматриваемого дела, от продуманности тех доводов, суждений и предложений, которые он выдвигает. Только тот, кто хорошо подготовлен к выступлению, кто находится во всеоружии фактов, в состоянии произнести глубокую по содержанию и безупречную по форме речь. Никакие надежды на опыт, находчивость, полемические способности не помогут, если прокурор отнесется к подготовке беззаботно, спустя рукава. Чем лучше прокурор подготовлен к выступлению, чем больше труда он вложил в предварительную работу, тем свободней и уверенней он будет чувствовать себя в суде, тем содержательней и выразительней будет его речь.

Процесс подготовки прокурора к участию в судебных прениях можно условно разделить на следующие три этапа: а) досудебный; б) во время судебного следствия; в) заключительный (непосредственно перед произнесением речи).

В досудебную часть подготовки входит прежде всего изучение материалов уголовного дела. Такое изучение предполагает тщательное, скрупулезное ознакомление со всеми имеющимися по делу данными, их осмысление и анализ. Прокурор должен составить себе отчетливое представление о фактической и юридической стороне предъявленного обвиняемому обвинения, о тех доказательствах, которые собраны по делу, о тех доводах и соображениях, которые обвиняемый приводит в свою защиту. Прокурор не может оставить без внимания ни одно

¹ А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 3. М., 1967, стр. 37–38.

обстоятельство, ни один факт, ни одну деталь, какими бы они ни казались на первый взгляд малозначительными. Все должно быть продумано, взвешено, учтено. Только при этом условии прокурор может считать себя застрахованным от всяких случайностей. Никакой поворот дела в судебном заседании не застанет его врасплох, не обезоружит, не ослабит силу его аргументов.

При изучении материалов уголовного дела и накоплении данных для выступления в суде не следует полагаться лишь на свою память. Все наиболее важные положения, выводы, доказательства необходимо выписать, систематизировать, сделать соответствующие заметки. Конспектирование дела должно быть достаточно полным, развернутым, содержащим всю нужную для поддержания обвинения информацию. Во многих случаях может оказаться полезным дословное воспроизведение отдельных мест из показаний обвиняемого, свидетелей, потерпевшего, заключения эксперта и других документов. Если по делу привлечено несколько обвиняемых или обвинение складывается из нескольких частей (отдельных преступлений или самостоятельных эпизодов), то различного рода выписки, пометки, замечания целесообразно сгруппировать применительно к каждому обвиняемому или в отношении каждой из составных частей обвинения.

В период досудебной подготовки к участию в процессе прокурор обязан внимательно изучить нормы уголовного и уголовно-процессуального права, а также материалы судебной практики по тем спорным вопросам, которые будут обнаружены в деле. С этой целью он должен обратиться к соответствующим законодательным актам, уяснить их, освежить в памяти руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР или союзной республики, дававшиеся по аналогичному поводу. В необходимых случаях прокурор обращается к монографической литературе, просматривает статьи, публикуемые в юридических журналах, знакомится с судебной практикой по отдельным категориям уголовных дел. Все это вооружает его необходимыми знаниями, позволяет квалифицированно отстаивать занимаемую позицию, обосновывать правильность даваемого им толкования закона и его применения.

Досудебная подготовка прокурора к участию в судебных прениях завершается работой над обвинительной речью. Последняя должна быть тщательно обдумана и написана полностью или в виде развернутых тезисов, подробного плана, детальных набросков.

Хотя в юридической литературе встречаются высказывания против предварительного составления речи¹, большинство авторов – опытных

¹ См.: М. Ажам. Искусство говорить публично. М., 1909, стр. 33; А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 152–155; Л.В. Владимиров. Пособие для уголовной защиты. СПб., 1911, стр. 186; и др.

судебных работников – считают письменную подготовку речи обязательной. «Знайте, читатель, – писал П. Сергеич, – что, не исписав нескольких сажен бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руках»¹. Все возражения против письменной работы над судебной речью П.Н. Обнинский удачно назвал «самонадеянным оправданием собственной лени»².

Прокурор не может, не вправе полагаться лишь на экспромт, рассчитывать на одно вдохновение. Импровизация, вдохновение – слишком ненадежная основа формирования речи. Они никогда не в состоянии заменить добросовестной предварительной подготовки, компенсировать отсутствие дисциплины мысли и продуманности суждений. Они всегда таят угрозу подвести самого опытного оратора, лишит его речь цельности и четкости, увести далеко в сторону от первоначально намеченных выводов, сделать речь поверхностной, малоубедительной. Как правильно отмечает Первый заместитель Генерального Прокурора СССР М.П. Маляров, «предварительная работа над речью, ее текстуальное изложение имеют то преимущество, что государственный обвинитель в процессе этой работы глубже осваивает материалы дела и таким образом получает возможность более свободно произносить речь»³.

Известно, что В.И. Ленин всегда заранее готовился к своим выступлениям, всесторонне обдумывал их, составлял развернутые наброски речей. Е.М. Ярославский, хорошо знавший В.И. Ленина, писал: «...Ленин очень тщательно готовился к речам, составлял конспекты очень точные – почти законченный скелет речи»⁴. Это же подтверждает Н.К. Крупская. Она отмечает, что В.И. Ленин «к каждому своему выступлению... тщательно готовился. Сохранилось множество конспектов ленинских выступлений... По этим конспектам мы видим, как он умел выпятить самое нужное, самое главное, иллюстрировать каждую мысль»⁵.

Разумеется, в зависимости от характера и сложности дела, состава аудитории, квалификации прокурора и других обстоятельств объем письменной подготовки речи может быть и бывает различным. В одних случаях составляется полный текст речи, законченный ее проект, в других ограничиваются развернутым планом, расширенными тезисами, тщательно проработанными набросками речи, отдельными ее фрагментами. Но во всех случаях такую заготовку речи следует рассматривать

¹ П. Сергеич. Искусство речи на суде. М., 1960, стр. 305.

² См.: М.Л. Шифман. Речь прокурора. М., 1960, стр. 27.

³ М.П. Маляров. Общие вопросы участия прокурора в суде в качестве государственного обвинителя. В сб. «Поддержание государственного обвинения в суде». М., 1970, стр. 15.

⁴ Е.М. Ярославский. Советы агитаторам. М., 1942, стр. 10.

⁵ Н.К. Крупская. Ленин как пропагандист и агитатор. М., 1957, стр. 6–7.

лишь как предварительный вариант, который затем будет дополняться, изменяться, уточняться, шлифоваться в ходе судебного разбирательства.

Судебное следствие – следующий этап в подготовке прокурора к выступлению с речью. Как уже отмечалось, судебное следствие является такой частью судебного разбирательства, на которой проверяются все обстоятельства дела, исследуются все имеющиеся по делу доказательства. От того, насколько полно и глубоко будет проведено судебное следствие, насколько тщательно и всесторонне будут исследованы все материалы, в значительной мере зависит как правильное разрешение дела по существу, так и достижение необходимого воспитательного и предупредительного воздействия судебного процесса.

Некоторые прокуроры ошибочно полагают, что их задача в суде должна сводиться в основном к произнесению обвинительной речи, и потому ведут себя на судебном следствии пассивно, равнодушно наблюдая за ходом судебного следствия, за тем, как судьи и защита допрашивают подсудимого, потерпевшего и свидетелей, исследуют другие доказательства. Между тем активное участие прокурора в судебном следствии является важнейшим условием успешного выполнения им своей обязанности по поддержанию государственного обвинения.

Обвинительная речь прокурора звучит убедительно только тогда, когда она основана на материалах судебного следствия, является логическим выводом из них, обобщает итоги судебного исследования. «Самая блестящая речь прокурора, – отмечает М.С. Строгович, – будет лишена всякого значения, всякого эффекта, если ей предшествовало бледное, поверхностное, бессодержательное судебное следствие»¹. По мере выяснения новых данных в процессе судебного следствия прокурор вносит в схему своей речи соответствующие коррективы, углубляет ее, оттеняет нужные психологические детали, придает речи большую убедительность, жизненную правдивость.

После окончания судебного следствия наступает заключительный этап в подготовке речи. На этом этапе прокурор еще раз до самых мелочей продумывает содержание и структуру речи, четко определяет все доводы и суждения, которые он намеревается высказать суду, отшлифовывает возникшие в ходе процесса отдельные мысли, образы, сравнения. Если такая работа требует дополнительного времени, прокурор вправе просить суд об объявлении перерыва для завершения подготовки к выступлению.

¹ М.С. Строгович. Уголовный процесс. М., 1946, стр. 408.

Глава IV

Защитительная речь

§ 1. Значение защитительной речи и ее построение

Речь защитника – это кульминационный момент его участия в судебном разбирательстве уголовного дела, важное средство осуществления им своей функции. В речи защитник подводит итог судебного следствия, анализирует с позиции защиты собранные по делу материалы, дает им политическую и правовую оценку, приводит доказательства, опровергающие предъявленное подсудимому обвинение либо смягчающие его вину, высказывает соображения относительно наказания и других вопросов, подлежащих решению суда.

Защитительная речь завершает ту большую и сложную работу защитника, которая направлена на охрану прав и законных интересов подсудимого, на обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы не допустить возможной ошибки во вред подсудимому, исключить привлечение к уголовной ответственности и осуждение невиновного. Защищая подсудимого, отстаивая его невиновность или меньшую степень ответственности, подвергая собранные по делу доказательства тщательному и придирчивому анализу, защитник помогает суду правильно оценить обстоятельства дела, отыскать истину, постановить законный и обоснованный приговор.

Советский суд, призванный вести активную и решительную борьбу с правонарушениями, глубоко заинтересован в том, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Интересы советской защиты не только не противостоят этим стремлениям суда, но полностью с ними совпадают. Поэтому выступление защитника, искренне и убежденно требующего оправдания невиновного или осуждения виновного только в меру его вины, с учетом всех установленных по делу смягчающих обстоятельств, находит понимание и поддержку со стороны судей. Они прислушиваются к доводам и аргументам защитника, взвешивают их, учитывают при постановлении приговора. И чем деловитее, содержательнее речь защитника, чем глубже и полнее в ней проанализированы обстоятельства дела, тем большее влияние оказывает она на выносимое судом решение.

Велико воспитательное значение защитительной речи. Выступая публично, подвергая критическому анализу обстоятельства уголовного

дела, давая ему общественно-политическую оценку, осуждая совершенное преступление, ссылаясь на те или иные законы, защитник использует судебную трибуну для пропаганды советского права, для утверждения принципов коммунистической нравственности.

Советский защитник призван служить большому, гуманному делу защиты социалистического общества, закона, правды и справедливости. Его речь, наполненная глубоким идейным содержанием, способствует формированию коммунистического мировоззрения, прививает уважение к правилам социалистического общежития, пробуждает добрые чувства и стремления. Правдивый голос защитника, настойчиво и последовательно отстаивающего законные интересы подсудимого и одновременно осуждающего все уродливое, отжившее, запрещенное, на конкретных примерах показывающего, что есть добро и что – зло, находит отклик у судебной аудитории, будит правовое сознание граждан, способствует формированию общественного мнения.

Нередко защитник, выясняя действительные мотивы совершенного преступления, стараясь психологически объяснить действия подсудимого, вынужден касаться вопросов, связанных с поведением человека в обществе, с требованием норм морали. Высказывая свои суждения об этих вопросах, защитник внедряет в сознание слушателей правильное представление о моральном облике советского человека, пропагандирует нравственные принципы морального кодекса строителей коммунизма.

Защитительная речь, как и обвинительная, должна быть строго обоснованной, убедительной, опираться на имеющиеся в деле доказательства. Советский защитник не может руководствоваться в своей деятельности известным афоризмом французских адвокатов: «Мы пришли в суд не для того, чтобы что-либо доказать, а лишь для того, чтобы показать, что прокурор ничего не доказал». Такая позиция неизбежно обрекает защитника на бездействие, пассивность, ограничивает его деятельность лишь негативной стороной.

В соответствии с действующим законодательством обязанность доказать на суде виновность подсудимого, обосновать правильность предъявленного ему обвинения лежит на прокуроре. Суд вправе вынести обвинительный приговор только при условии полной и несомненной доказанности виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении. Но это не освобождает защитника от необходимости доказывать выдвигаемые им положения, обосновывать приводимые им доводы и соображения, аргументировать свои выводы. Иначе все его утверждения останутся голословными, бездоказательными и не окажут влияния на формирование внутреннего убеждения судей, на вынесенное ими решение.

Конечно, защитник вправе требовать оправдания подсудимого не только тогда, когда им будут представлены убедительные доказательства, свидетельствующие о невиновности его подзащитного, но и тогда, когда в результате судебного разбирательства не будет добыто данных, с достоверностью подтверждающих наличие преступления и виновность подсудимого, когда, несмотря на все принятые меры, останутся серьезные сомнения в его виновности. Это со всей определенностью вытекает из презумпции невиновности и возложенных на защитника обязанностей. Если прокурор может настаивать на осуждении подсудимого только в случае, когда он твердо убежден в его виновности и эта убежденность опирается на имеющиеся в деле доказательства, то защитник вправе просить суд об оправдании и тогда, когда в результате судебного разбирательства у него не сложилось твердого убеждения в виновности подсудимого, остались определенные сомнения. Прокурор может утверждать лишь то, что доказано достоверно. Защитник вправе отрицать все то, что с несомненностью не установлено.

Однако это вовсе не означает, что участие защитника в исследовании доказательств носит только негативный характер, что на нем не лежит обязанность доказывать выдвигаемые им положения. А именно так ставят вопрос некоторые авторы.

В коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» А.Р. Ратинов и И.Л. Петрухин пишут: «Будучи обязаны участвовать в доказывании, адвокаты-защитники не несут обязанности обоснования своих выводов по делу. Они пользуются теми же привилегиями в доказывании, что и обвиняемый... Адвокат-защитник может ограничиться указанием суду обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, и не привести в их подтверждение никаких доказательств. Суд сам обязан обнаружить, истребовать и исследовать доказательства, на основании которых устанавливаются эти обстоятельства, если они действительно имеют значение для дела... Следовательно, одним лишь указанием таких обстоятельств защитник достигает цели, которую перед собой ставит, – доказывает невиновность обвиняемого»¹.

Аналогичное суждение высказано Я. Кульбергом: «Юридическая обязанность адвоката принимать участие в исследовании доказательств не означает, что он обязан опровергать обвинение... В отличие от процессуальной деятельности прокурора на адвокате не лежит бремя доказывания. Юридическая обязанность адвоката в процессе заключается в том, что он должен указать на недостаточность доказательств обвинения»².

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, часть общая. М., 1966, стр. 477–478. Этот же тезис почти дословно повторен на стр. 545–546.

² Я. Кульберг. Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе. «Советская юстиция», 1966, № 2, стр. 16.

Ошибочность приведенных высказываний состоит прежде всего в том, что их авторы обязанность доказывания сводят к обязанности опровергать обвинение, хотя между этими понятиями нет полного совпадения. Опровержение обвинения является лишь частным случаем доказывания и не исчерпывает его. Отстаивание защитником меньшей степени вины и ответственности подсудимого, оспаривание квалификации обвинения – это доказывание, и защитник обязан привести соответствующие доводы и доказательства в обоснование своих утверждений.

Во-вторых, нельзя отождествлять процессуальные обязанности защитника и подсудимого. Подсудимый в силу закона не несет правовой обязанности доказывать свою невиновность или обосновывать иные утверждения. Он может ограничиться простым отрицанием своей вины или вовсе отказаться от дачи показаний. Это его право. Защитник такой привилегией не обладает. Он не может уклониться от участия в исследовании доказательств, от выступления в судебных прениях, от анализа собранного по делу доказательственного материала. По прямому предписанию ст. 23 Основ уголовного судопроизводства «защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность». Все – значит и доказывание, ибо участие в исследовании доказательств, приведение доказательственных данных в подтверждение делаемых выводов и предложений являются важнейшим средством защиты.

Нельзя отрывать обязанность участия в доказывании от обязанности доказывания, так как одно предполагает другое. Защитник участвует в исследовании доказательств не ради самого исследования, а для того, чтобы с помощью полученных данных выполнять свои задачи. Поэтому если защитник обязан участвовать в доказывании (а это признается всеми авторами), то он обязан и доказывать, т. е. обосновывать доказательствами свои суждения, выводы и предложения, аргументировать их.

Защитник не может, не вправе ограничиться в своей речи голословным заявлением о невиновности подсудимого или меньшей степени его ответственности, не приведя в подтверждение этого заявления никаких доказательств, не сославшись на установленные по делу факты. Это было бы явным нарушением защитником своего профессионального долга, отступлением от требований закона.

Если защитник, выступая в суде, выдвигает какие-либо положения, то именно он, а не кто-нибудь другой должен обосновать их, доказать их состоятельность, привести в их подкрепление соответствующие доводы, сослаться на собранные по делу объективные данные. От голословных,

бездоказательных утверждений мало проку. Они не принесут пользы ни подсудимому, ни суду¹.

В подтверждение того мнения, что на защитнике не лежит обязанность доказывания в уголовном процессе, обычно приводят следующие аргументы:

а) защитник не несет такой обязанности потому, что не располагает достаточными средствами для отыскания и проверки доказательств;

б) ненадлежащее выполнение защитником своих обязанностей по доказыванию не влечет применения правовых санкций, а без санкций нет и обязанностей;

в) недоказанность утверждений, выдвигаемых защитником, не вызывает наступления неблагоприятных юридических последствий для подсудимого. Стало быть, сама обязанность теряет правовой характер².

Попробуем разобраться в этих аргументах.

Утверждение, что на защитника не возложена обязанность доказывания, так как он не обладает необходимыми процессуальными средствами собирания и исследования доказательств, несостоятельно. В силу закона защитник вправе через юридическую консультацию затребовать определенные материалы, документы, справки и просить их приобщения к делу. Он может также заявлять ходатайства перед следователем и судом об истребовании необходимых данных, вызове и допросе свидетелей, производстве других следственных действий, направленных на восполнение доказательственного материала или его проверку. Но главное не в этом. Доказывание не исчерпывается обнаружением и представлением доказательств. Оно включает в себя: а) собирание, исследование и оценку доказательств (процессуальный аспект доказывания) и б) логическое обоснование выдвинутого тезиса – обвинительного или оправдательного (логический аспект доказывания). Соотношение

¹ Тезис о том, что на защитнике лежит обязанность доказывания, разделяется многими советскими процессуалистами. См.: И.Д. Перлов. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М., 1957, стр. 102–103; А.М. Левин, П.А. Огнев, В.Л. Россельс. Защитник в советском суде. М., 1960, стр. 101–102; В.Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 72–73; В.А. Стремовский. Участники предварительного следствия. Ростов, 1966, стр. 168; В.Н. Шпилев. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, стр. 79; А.Л. Цыпкин. Право на защиту в советском уголовном процессе. М., 1960, стр. 67; и др.

² См.: В. Гольдинер. Процесс доказывания и обязанности защиты. «Советская юстиция», 1968, № 11, стр. 18; Я. Кульберг. Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе. «Советская юстиция», 1966, № 2, стр. 16–17; А.М. Ларин. О недопустимости перенесения обязанности доказывания на обвиняемого. «Советское государство и право», 1965, № 3, стр. 127; М. Розенберг. Роль защитника в доказывании по уголовному делу. «Социалистическая законность», 1968, № 6, стр. 43; В.Я. Вульф. Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе. Уч. зап. ВЮЗИ, вып. 14. М., 1962, стр. 231; и др.

этих аспектов доказывания на разных стадиях процесса неодинаково. В суде прокурор выполняет свою обязанность доказывания виновности подсудимого путем исследования доказательств, лежащих в основе обвинения (участвуя в судебном следствии), и обоснования перед судом обвинительного тезиса (участвуя в судебных прениях). Точно таким же образом защитник осуществляет свои защитительные функции. Закон гласит, что защитник и прокурор пользуются равными правами по представлению доказательств, участию в их исследовании и заявлению ходатайств (ст. 243 УПК БССР). Активное, целеустремленное использование этих прав – профессиональный долг и правовая обязанность защитника.

Нельзя согласиться и с утверждением, что ненадлежащее выполнение защитником обязанностей по доказыванию будто бы не влечет правовой ответственности. Следует иметь в виду, что обязанность доказывания по своей природе представляет разновидность общей юридической обязанности, содержание которой выражается в требовании совершать или не совершать определенные действия. Исполнение этой обязанности обеспечивается, во-первых, сознанием субъекта доказывания своего общественного и государственного долга и, во-вторых, возможностью применения правовых санкций – дисциплинарного или процессуального характера¹. Оба эти вида санкций могут быть применены к защитнику. Если он недобросовестно осуществляет свои функции, не принимает активного участия в исследовании доказательств, не заботится о выявлении важных с точки зрения защиты обстоятельств, а отделяется общими и бездоказательными рассуждениями, это может повлечь отказ подсудимого от защитника, а стало быть, и устранение его из процесса (процессуальная санкция) либо наказание в соответствии с Положением об адвокатуре (дисциплинарная санкция).

Не служит аргументом против признания за защитником обязанности доказывания выдвигаемых им положений и тот тезис, что недостаточная обоснованность этих положений якобы не вызывает неблагоприятных последствий для подсудимого. Действительно, если защитник не смог убедительно доказать невиновность подсудимого, это еще не значит, что последний будет непременно осужден. Невыполнение (или ненадлежащее выполнение) защитником, равно как и прокурором, своих процессуальных обязанностей по доказыванию из-за недобросовестности или недостаточной профессиональной подготовленности их восполняется активностью суда. Руководствуясь принципом всесторонности, полноты и объективности исследования, суд проверяет все обстоятельства дела, взвешивает их и на основании сложившегося убеждения постановляет приговор, независимо от того, какую позицию

¹ См.: Теория государства и права. М., 1965, стр. 399.

занимают другие участники процесса, какие доводы и соображения они выдвигают. Даже отказ прокурора от обвинения не является обязательным для суда.

Советское процессуальное право предусматривает достаточно надежные и многообразные гарантии установления истины по делу, которые друг друга дополняют, друг друга компенсируют.

Значит ли это, что бездеятельность защитника, его инертность не могут повлиять на решение дела, на судьбу подсудимого? Отнюдь нет. Всякая пассивность, невыяснение обстоятельств, благоприятных для подсудимого, всегда содержат потенциальную угрозу необоснованного осуждения или назначения наказания сверх меры вины. Уклоняясь от обязанности доказывания, т. е. от необходимости обосновывать доказательствами выдвигаемые в речи доводы и предложения, и ограничиваясь лишь заявлениями негативного порядка, защитник сознательно идет на риск исключения из сферы обсуждения суда обстоятельств, говорящих в пользу подсудимого, т. е. фактически оставляет последнего без надлежащей защиты. Активность и проницательность суда не всегда могут компенсировать бездеятельность защитника, его недобросовестность или профессиональную неполноценность. Кроме того, было бы неправильно обязанности, возложенные на защитника, принадлежащие ему в силу его процессуального статуса, перелгать на других лиц. Он должен выполнять их сам.

Из сказанного вытекают следующие выводы: а) защитник является субъектом доказывания. Его участие в исследовании доказательств, выявление и представление суду всего говорящего в пользу подсудимого составляют сердцевину его процессуальной деятельности; б) эта деятельность должна быть активной, энергичной, целенаправленной, подчиненной задаче охраны прав и законных интересов подсудимого; в) защитник не свободен от обязанности доказывания, обоснования доказательствами своих выводов и предложений по делу, он не пользуется теми же привилегиями в доказывании, что и подсудимый; г) защитник не вправе ограничиться в своей речи заявлением о невиновности подсудимого или меньшей степени его ответственности, не приведя в обоснование этого заявления никаких доказательств, не сославшись на установленные по делу факты.

В.И. Ленин никогда не брал под сомнение обязанность защитника обосновывать выдвигаемые им положения. «...Если бы я был адвокатом... – говорил он, – я был бы обязан доказывать»¹. Такая обязанность лежит на каждом адвокате, выступающем по уголовному делу в качестве защитника.

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 291.

Доказательность и убедительность защитительной речи находят-ся в прямой зависимости от результатов судебного следствия. Речь защитника будет обоснованной только тогда, когда она опирается на тщательно проверенные материалы дела, когда каждый довод подкреплён полученными на судебном следствии объективными данными. Поэтому одной из главных обязанностей защитника в суде является активное участие в исследовании всех доказательств по делу, в проведении допросов подсудимого, свидетелей, потерпевшего, осмотре вещественных доказательств и документов, проверке и оценке выводов экспертов и совершении других судебных действий, направленных на выявление фактов, имеющих значение для дела.

Неправы те защитники, которые во время судебного следствия ведут себя пассивно, возлагая все надежды на предстоящую защитительную речь. Речь защитника действительно важна, но она не приведет к желаемой цели, если будет лишена прочного фактического основания.

Общепринятых правил построения защитительной речи не существует. Попытки дать какую-то единую схему речи заранее обречены на неудачу. Выступление с защитительной речью – дело живое, творческое. Для защитительной речи еще в большей степени, чем для обвинительной, противопоказан шаблон, однообразие, заранее установленный трафарет.

Содержание и структура защитительной речи строго индивидуальны и зависят от результатов судебного следствия, избранной защитой позиции, характера предъявленного обвинения, особенностей доказательственного материала и других обстоятельств рассматриваемого дела. На построение защитительной речи сильное влияние оказывает обвинительная речь. Защитник выступает в суде после прокурора и поэтому не может не учитывать тех доводов и аргументов, которые приведены прокурором. Он обязан представить на рассмотрение суда свои доводы и соображения, привести свои аргументы. Вряд ли поможет правильному разрешению уголовного дела и своему подзащитному такой защитник, который, игнорируя результаты судебного следствия и доводы прокурора, будет строить свою речь, упрямо следуя заранее принятой схеме.

Из сказанного следует, что защитительная речь, как правило, должна носить полемический характер, быть органически связана с развернувшимися судебными прениями. Возражая против необоснованных утверждений прокурора, подвергая критическому анализу приведенные им доказательства, защитник отстаивает свою точку зрения, приводит контрдоказательства в подтверждение правильности своих суждений.

Конечно, это не означает, что речь защитника сводится лишь к ответу на обвинительную речь, что содержание последней обуславливает

и содержание первой. Защитительная речь носит самостоятельный характер. В ней защитник обязан подвергнуть детальному анализу все обстоятельства дела под углом зрения защиты подсудимого, привести все данные, говорящие в его пользу. В тех случаях, когда защитник выступает по групповому делу, он должен соотносить свою речь с речами своих коллег, чтобы исключить повторения, разграничить обязанности и т. д.

Однако то положение, что в построении защитительной речи недопустим какой-либо стандарт, вовсе не означает, что не существует некоторых общих требований, которым должна отвечать защитительная речь. Ее содержание и структура не могут быть произвольными. Они находятся в зависимости от тех задач, которые возложены на защитника в процессе, и тех конкретных особенностей дела, по которому он выступает. Поэтому нельзя согласиться с авторами книги «Защитник в советском суде» (книги в целом интересной и полезной), которые пишут: «Для содержания речей, их направленности, способов их построения никаких правил не установлено. Защитник может произносить речи и по содержанию и по форме так, как он это находит нужным»¹. Здесь авторы явно впадают в крайность, и рекомендуемая ими «полная свобода выбора формы и содержания речи»² некоторыми адвокатами понимается как возможность говорить во время судебных прений о чем угодно и как угодно, не заботясь о качестве защитительной речи и ее соответствии требованиям закона.

В основе построения защитительной речи всегда должна лежать главная идея, главный тезис защиты, от которых зависит содержание и структура речи, соотношение ее частей. Весь остальной материал группируется вокруг этой идеи, которая должна быть выражена предельно четко, полно и определено.

Исходя из конкретных обстоятельств дела, защитник может: а) оспаривать обвинение в целом, доказывая невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях состава преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого; б) оспаривать обвинение в отношении отдельных его частей; в) оспаривать

¹ А.М. Левин, П.А. Огнев, В.Л. Россельс. Защитник в советском суде. М., 1960, стр. 165. Целесообразность определенной структуры и плана защитительной речи отрицает также Р.Д. Рахунов. В рецензии на сборник речей советских адвокатов, изданный в 1957 г., он пишет: «В литературе нередко делались попытки разработать структуру защитительной речи. Выпущенный сборник разбивает всякие попытки стандартизировать речи защитников, установить для них определенный шаблон...» («Социалистическая законность», 1957, № 3, стр. 84). С такой точкой зрения согласиться нельзя. Наличие определенного плана защитительной речи вовсе не исключает ее индивидуального характера, не ведет непременно к шаблону и трафарету.

² Там же.

правильность квалификации, доказывая необходимость изменения предъявленного обвинения на статью Уголовного кодекса, влекущую более легкое наказание; г) обосновывать меньшую степень вины и ответственность подсудимого, приводя смягчающие его вину обстоятельства; д) доказывать невменяемость подсудимого, исключающую наступление уголовной ответственности.

Определив исходную позицию по рассматриваемому делу, защитник должен наметить круг вопросов, которые он намерен осветить в своей речи, определить их соотношение и удельный вес, поставить их в определенной логической последовательности. Отсутствие логической стройности в изложении материала, бессистемность и диспропорция его частей неизбежно затрудняют восприятие речи, уменьшают ее убедительность и доказательность, снижают воспитательное значение.

Как правило, в защитительной речи имеются следующие элементы: вступительная часть, анализ фактических обстоятельств дела, анализ юридической стороны предъявленного обвинения, характеристика личности подсудимого и заключительная часть. Конечно, это примерный перечень элементов речи. Содержание защитительной речи, соотношение ее частей, последовательность изложения материала должны быть строго индивидуальными и зависеть от тех обстоятельств, о которых уже говорилось.

§ 2. Вступительная часть защитительной речи

В защитительной речи, как и в любой другой, очень важно найти правильное начало, которое во многом влияет на ее дальнейший ход. Удачное начало защитительной речи заинтересовывает слушателей, создает атмосферу непринужденности, способствует лучшему пониманию сказанного. Чувствуя интерес к своей речи со стороны суда и присутствующих в зале судебного заседания, защитник освобождается от неизбежной в таких случаях скованности, его речь становится более свободной, полной, эмоциональной, приобретает необходимую четкость и стройность. Наоборот, неудачное начало речи, неверно избранный тон и темп ослабляют или даже гасят интерес к ней, вызывают чувство отчужденности, что, в свою очередь, может сильно затруднить дальнейшее произнесение речи, повлиять на ее полноту, целостность и убедительность. Вот почему нельзя согласиться с теми авторами, которые недооценивают значение вступительной части защитительной речи, сводят ее на нет.

В статье «Некоторые вопросы защитительной речи» проф. М.Л. Шифман, правильно подчеркивая, что тщательно продуманная линия защиты предопределяет удельный вес и пропорцию отдельных

разделов защитительной речи, пишет: «Однако при всех условиях вступительная и заключительная части речи не имеют самостоятельного значения – это только словесные орнаменты, призванные украсить защитительную речь, придать ей законченную форму»¹.

Разумеется, не следует преувеличивать значение вступительной части защитительной речи, но нельзя и сводить ее к словесному орнаменту, игнорируя смысловое содержание, смысловую нагрузку, которую несет эта часть речи.

Основная задача защитника при произнесении защитительной речи – убедить суд и всех присутствующих в зале судебного заседания в правильности даваемого им толкования фактов и обоснованности предлагаемого решения. Но, для того чтобы убедить своих слушателей, повлиять на них логикой доводов и суждений, нужно привлечь их внимание, заставить слушать и воспринимать сказанное. В этом отношении тщательно продуманное начало речи играет важную роль. Необходимо только, чтобы вступительная часть речи была органически увязана со всем ее содержанием, составляла ее неотъемлемую часть. Ведь суд ждет от защитника не общих фраз и отвлеченных рассуждений, а конкретного и делового анализа собранных по делу материалов, продуманных предложений.

Способы и приемы построения вступительной части защитительной речи различны. Защитительная речь может быть начата с оценки общественно-политического значения рассматриваемого дела, указания на его специфические особенности, изложения программы речи, приведения общих предпосылок для обоснования позиции, избранной защитой, отсылки к отдельным положениям, выдвинутым в речи прокурора, характеристики подсудимого и т. д.

Оценка общественно-политического значения дела

Было бы неправильно думать, что показ общественно-политического значения рассматриваемого дела составляет обязанность только прокурора и к защитнику не относится.

Защита – функция общественная. Она вытекает из задач социалистического правосудия, подчинена им. Выступая в суде, осуществляя свои процессуальные обязанности, защитник действует в интересах государства. Он не может быть безразличным, равнодушным к совершенному преступлению. Защищая права и законные интересы подсудимого, защитник одновременно высказывает свое отрицательное отношение к преступлению, осуждает его, показывает его общественную опасность. Речь защитника является профессионально грамотной и отвечает

¹ Сб. «Защита по уголовным делам». М., 1948, стр. 114.

своему назначению только тогда, когда в ней специальные задачи защиты подсудимого органически сочетаются с общими задачами социалистического правосудия, когда она проникнута глубоким пониманием общественной сути рассматриваемых явлений, способствует усилению воспитательного воздействия судебного процесса.

Давая оценку общественно-политического значения дела, защитник может солидаризироваться с прокурором или разойтись с ним, выделить и подчеркнуть те или иные обстоятельства, которые, по его мнению, наиболее ярко характеризуют общественно-политическую и морально-этическую сторону дела. Но во всех случаях защитник должен стоять на принципиальных позициях, рассматривая свою деятельность как служение социалистическому обществу, закону и справедливости. Он не может в угоду своему подзащитному добиваться вынесения для него благоприятного решения путем умаления общественной опасности совершенного преступления или оправдания его. Умный, добросовестный защитник всегда найдет достаточно веские и решительные выражения, чтобы осудить совершенное преступление, показать его общественную вредность и вместе с тем убедительно опровергнуть предъявленное подсудимому обвинение, если оно не доказано, или смягчить его, если оно доказано.

Нет таких уголовных дел, которые бы имели сугубо частный характер, так как каждое преступление затрагивает государственные и общественные интересы, направлено против социалистического правопорядка. Поэтому многие защитники начинают свою речь в суде указанием на общественно-политическую значимость рассматриваемого дела, на вызываемый к нему общественный интерес.

По делу врача Новинской, обвинявшейся в том, что она на почве зависти и мести облила едкой жидкостью в детской палате ребенка роженицы Малиновой, причинив ему неизгладимое обезображение лица и частичную утрату зрения, защитник построил вступительную часть речи следующим образом:

«Товарищи судьи! Дело, над рассмотрением которого вы трудитесь целую неделю, глубоко волнует нашу общественность. Волнение это вполне закономерно. Вопросам охраны детства и материнства в нашей стране уделяется исключительное внимание. У нас созданы все условия, обеспечивающие женщине здоровое материнство, проведение родов в больничных условиях...

Поэтому горестное событие, происшедшее шестого июля в одном из крупнейших учреждений республики – Киевском институте клинической медицины, – не могло не взволновать самые широкие круги нашей общественности. Как могло случиться, чтобы в детской палате образцового лечебного учреждения новорожденный был облит едкой

жидкостью, причинившей ему тяжелые ожоги, повлекшие частичную потерю зрения и неизгладимое обезображение лица?

Что произошло? Преступная ли небрежность медперсонала, тщательно скрываемая виновными из опасения тяжелой ответственности, или умышленное изуродование ребенка из низменных побуждений – преступление, чудовищное по своей жестокости?

Следственные органы без достаточных, с моей точки зрения, оснований исключили самую возможность преступной неосторожности в данном случае и с самого начала направили розыски по иному пути. По версии обвинительного заключения, это преступление совершено умышленно по мотивам зависти и мести врачом-экстерном Новинской, близкой подругой Малиновой.

Советский врач, избравший своей специальностью акушерство, т. е. ту область медицины, которая служит благородному делу помощи при родах и ставит своей целью обеспечить благополучное рождение здорового ребенка, обвиняется в совершении преступления, направленного на уничтожение или изуродование новорожденного, появившегося на свет при помощи этого же врача два дня назад. Советская женщина, сама молодая мать, обвиняется в умышленном обезображении новорожденного ребенка своей подруги.

Страшное обвинение, товарищи судьи! Моральное содержание этого обвинения неизмеримо тяжелее для Новинской, чем грозящее ей уголовное наказание. Для предъявления этого обвинения нужны безупречные доказательства, не оставляющие сомнения в виновности»¹.

И защитник переходит затем к анализу этих доказательств.

Вот другой пример. Во время возвращения с рыболовного промысла в Северной Атлантике потерпел крушение советский рыболовный траулер, который сел днищем на подводный камень у северо-восточной оконечности группы Шетландских островов. Судно затонуло, часть экипажа погибла. За действия, приведшие к кораблекрушению, к уголовной ответственности был привлечен капитан траулера Петилев.

Защитник начал свою речь принципиально и остро:

«Товарищи судьи! Гнетущей болью отзывается в сердце советского человека гибель судна, любого – гражданского или военного. Когда на войне, в морском сражении вместе с судном гибнет и экипаж, беззаветно выполняющий свой священный долг перед Родиной, мы склоняем свои головы перед героями, павшими смертью храбрых. Имена их овеваны славой, они живут веками в благодарной памяти народа. Другое дело – гибель гражданского судна в условиях мирного времени. Здесь обычно не ищут героев, здесь ищут виновных.

¹ Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956, стр. 43–44.

Так произошло и в этом деле, которое мы исследовали тщательно и напряженно, деле необычном как по трагизму событий, так и по своему общественному значению...

Погибло не только судно с 63 тоннами груза. В холодных водах Северной Атлантики нашли свою гибель двадцать два человека команды. Спаслись только три члена экипажа, в их числе и капитан Петиллов.

Человеческому сознанию трудно мириться с тем, что в наш век грандиозных успехов науки и техники, в век расщепления ядра атома и завоевания космоса судно может стать жертвой стихии и разбиться о подводные камни. Невольно возникает сомнение: не вызвана ли катастрофа неправильными действиями капитана, его бездействием или небрежным исполнением своих обязанностей?

И с чувством неясной, неотступной тревоги мы ловим себя на мысли: как же случилось, что тот, кто должен принять на себя наибольшую опасность, кто должен последним уйти с корабля, остался живым, а экипаж его погиб?

Многовековая история мореплавания, его законы и обычаи учат: при гибели судна и экипажа удел капитана только один – он делит участь экипажа и судна. И нельзя не ответить на вопрос, хотя никем не заданный, но перед всеми возникающий: не изменил ли капитан своему человеческому и служебному долгу, не подумал ли он о спасении собственной жизни, прежде чем спасти других? Вот тот вопрос, который тяжелым бременем ложится на сердце и сознание.

Да позволено мне будет здесь, с этой трибуны, выразить глубокую человеческую скорбь и сострадание осиротевшим детям, родителям, вдовам и близким погибших по поводу постигшего их горя. В расцвете лет ушли из жизни молодые, здоровые, полные сил, веры в свое будущее советские люди. Безутешны горе, переживания их родных. И я полагаю, что не оскорблю их чувства тем, что, опираясь на обстоятельства дела, защищаю Петилова, ибо именно эти обстоятельства глубоко убеждают меня в том, что не один Петиллов и менее всего Петиллов является виновником этой катастрофы»¹.

Показ общественно-политического значения рассматриваемого дела не может быть сведен к так называемой политической «шапке» речи, сделав которую, отдельные защитники считают себя в дальнейшем свободными от необходимости давать общественно-политический анализ фактических обстоятельств уголовного дела. Действительное идейное содержание защитительной речи обеспечивается не одной только вступительной частью, без которой можно нередко обойтись, а правильным политическим подходом к оценке рассматриваемых явлений, поступков,

¹ Судебные речи советских адвокатов. М., 1960, стр. 183–184.

действий людей. Нельзя механически отрывать вступительную (политическую) часть от остальных (юридических) разделов речи. Вся речь защитника должна быть пронизана партийным, политическим содержанием.

Я.С. Киселев приводит такой пример. Один ленинградский адвокат защищал подростка. Минут пятнадцать он вдохновенно говорил о том, как велико воспитательное значение школы, цитировал Горького и Макаренко, не обошел и Ушинского и, наконец, потрясая эрудицией, вспомнил Песталоцци. А после этого заметил: «...впрочем, к моему подзащитному это отношения не имеет, потому что он в школе не учится»¹.

Зачем же нужно было отнимать время у суда и присутствующих этими отвлеченными и бездумными рассуждениями?

Указание на специфические особенности дела

Одним из часто встречающихся приемов построения вступительной части защитительной речи является указание на специфические особенности рассматриваемого дела, его характерные черты. Эти особенности могут быть как фактического, так и юридического порядка и могут относиться к событию преступления, лицу, его совершившему, собранному по делу доказательственному материалу или ходу расследования преступления.

Подчеркнув эти особенности, обратив на них внимание суда, защитник переходит затем к анализу фактических данных.

Девятнадцатилетний Кулаков был предан суду по обвинению в покушении на убийство своей матери. Свою речь защитник начал так:

«Товарищи судьи! Дело, которое вы рассматриваете, только внешне выглядит простым. За трагическими событиями, происшедшими в семье подсудимого Кости Кулакова, скрываются нездоровые, запутанные жизненные отношения. Только разобравшись во всей их сложности, можно дать правильную оценку этим отношениям и последующим действиям подсудимого.

Вряд ли у кого-нибудь из присутствующих – независимо от того, обвинитель ли он, защитник или гражданин, находящийся в зале суда, – может быть иное отношение к делу, чем решительное осуждение преступления, совершенного Кулаковым, поднявшим руку на мать...

Однако наше возмущение не должно помешать осуществлению правосудия. Закон обязывает установить, что именно совершил подсудимый, почему он это совершил и какого заслуживает наказания. Я попытаюсь помочь вам в поисках ответа на эти вопросы.

¹ См.: Я.С. Киселев. Защитительная речь адвоката в суде. В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Л., 1967, стр. 164.

Но прежде чем приступить к выполнению этой задачи, необходимо обратить внимание на некоторые важные особенности дела.

Вокруг Кулакова в течение ряда лет была нездоровая обстановка. Он был одним из объектов длительной борьбы, которую вели его родители, состоявшие в разводе. К тому же в домашнюю жизнь Кулакова и личную жизнь его матери оказалось замешанным постороннее лицо – гражданин Крам, действия которого не всегда диктовались добрыми намерениями.

Этим объясняется, что преступление, совершенное Кулаковым, покрылось наслоениями, которые нам необходимо снять, чтобы добраться до сути дела. Надо проанализировать взаимоотношения, сложившиеся в семье Кулакова. Надо представить себе, какими мотивами руководствовались в своих действиях его родители и он сам. Надо вникнуть в психологию этого юноши для того, чтобы понять, почему те или иные его поступки, а также и преступление, им совершенное, могли быть превратно истолкованы и приобрести характер чуть ли не покушения на убийство, чего, конечно, в действительности не было».

Дальше защитник показывает, что у подсудимого не было умысла на убийство матери, что два удара поленом по голове, вызвавшие легкие телесные повреждения с расстройством здоровья, были нанесены подсудимым во время вспыхнувшей между ним и матерью ссоры¹.

В обсуждаемом плане заслуживает внимания и следующий пример. Подсудимые Каплан и Палатов обвинялись в том, что совместно похитили со склада районной конторы «Союзутиль», где они работали, две кипы ваты. Палатов признал себя виновным в хищении. Несмотря на такое признание, защитник считал, что подсудимые невиновны в предъявленном им обвинении. Эта особенность рассматриваемого дела и была отмечена во вступительной части защитительной речи:

«Товарищи судьи! Трудно ваше дело. Вы стремитесь постигнуть истину и для этого раскрываете внутренний смысл отражающихся в глубине процесса жизненных событий, развязываете их сложно сплетенные связи, проникаете в тайники человеческой души. А на пути много препятствий...

Вам нередко встречается обвиняемый, который искажает правду, скрывает ее, уходит от нее и хватается за ложь, как за спасательный круг, в тщетной попытке с ее помощью выплыть на берег.

Случается, что путь к истине вам преграждает обвиняемый, прячущийся за спиной невиновного или, что еще хуже, пытающийся взвалить на него тяжесть своей вины, или свидетель, который из сострадания или ненависти к обвиняемому подтасовывает, представляет в ложном свете факты.

¹ Судебные речи советских адвокатов. М., 1960, стр. 223–224.

Но бывают необыкновенные, даже удивительные препятствия, когда обвиняемый не совершил никакого преступления и, несомненно, лучший способ защиты для него – это правда, и вдруг неожиданно, вопреки своим интересам, ограниченный кругозором, оглушенный несчастьем, подавленный, растерявшийся и беспомощный, он все сплошь отрицает, изворачивается, скрывает правду, лжет, мешая суду вынести ему оправдательный приговор.

Это бывает редко, но именно так, товарищи судьи, случилось здесь»¹.

Разумеется, указывая на особенности дела, защитник должен отметить действительные, юридически значимые, а не выдуманные, не имеющие отношения к делу или не представляющие интереса с точки зрения его разрешения особенности.

Приведение общих предпосылок для обоснования позиции, избранной защитой

Возможным приемом построения вступительной части защитительной речи является изложение общих предпосылок для обоснования позиции, занятой защитой. Эти предпосылки могут быть теоретического, морально-политического, психологического или чисто житейского характера. Опираясь на них, исходя из них, защитник развивает главный тезис, стержневую идею защиты.

В судебном процессе по обвинению Геркина, обвинявшегося в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, защитник анализу фактических обстоятельств дела предпослал следующее вступление:

«Товарищи судьи! Когда конечные выводы обвинения и защиты поллярны, то, казалось бы, легко может возникнуть то недоумение, о котором еще в прошлом веке писал известный бельгийский юрист Пикар в своем “Парадоксе об адвокате”: по обе стороны судейского стола стоят два юриста, оба житейски и профессионально опытные, оба наделенные специальными познаниями, оба совершенно добросовестные, – почему же каждый из них искренне и убежденно по поводу одних и тех же фактов отстаивает взаимно исключающие взгляды?

Нетрудно понять, что такие вопросы носят риторический характер, что здесь делается попытка выдать за неразрешимую проблему то, что никакой проблемой не является. В самом деле, когда решается вопрос исключительного значения – вопрос о судьбе человека, то наше живое, горячее чувство справедливости настойчиво требует: судьба человека должна быть решена так, чтобы возможность ошибки была исключена, чтобы даже неточность не могла прокрасться в решение.

¹ В.Л. Россельс. Судебные защитительные речи. М., 1966, стр. 84–85.

А для этого есть только одно средство, другого не выдумаешь: ни одно доказательство, каким бы оно ни казалось убедительным, не должно приниматься на веру; оно должно подвергаться разумному и добро-совестному сомнению, каждое утверждение должно быть проверено, не скрыта ли в нем слабинка, – и только тогда его можно положить в основу решения, в основу приговора.

Пусть пройдут перед судом боевым порядком доводы обвинения, пусть защита противопоставит им все то, что может в пределах закона послужить на пользу подсудимому, и только тогда можно с удовлетворением сказать: суд получил возможность сделать разумный и справедливый выбор, возможность одностороннего разрешения дела исключена, для верного разрешения дела, как говорят математики, сделано все “необходимое и достаточное”.

В деле Геркина неизбежен спор между обвинением и защитой. Вступая в него, защита сознает, что судебный спор – не словесный поединок. Ведь решение дела зависит не от взлетов красноречия! Поэтому, возражая обвинению, я не стану словесным щитом заслонять доводы противника, я попытаюсь их представить в наиболее концентрированном, пожалуй, даже наиболее грозном виде. Пусть я буду избавлен от упреков, что, излагая доводы противника, уменьшаю подлинную их значимость»¹.

Отсылка к отдельным положениям, выдвинутым в речи прокурора

Нередки случаи, когда защитник начинает свою речь, как бы продолжая разговор, начатый прокурором, используя отдельные положения, отдельные суждения, содержащиеся в обвинительной речи. Такой прием вполне оправдан. Ведь защитник выступает в суде после прокурора. Его речь всегда должна быть связана с тем, что сказал государственный обвинитель, какие выводы и требования он сформулировал.

Свою речь по делу Яркова защитник начал так:

«Прокурор требует приговорить Яркова к расстрелу за те действительные тяжкие преступления, которые он совершил. Верно ли, что единственным ответом на то, что сделал Ярков, может быть только эта мера?

Нам, товарищи судьи, трудно уйти от чувства негодования, которое овладевает каждым из нас, когда мы узнаем про тяжкие преступления, совершенные этой шайкой. Мы содрогаемся, когда рисуем в своем воображении августовскую ночь в Подрезкове. В эту ночь грабители ворвались в комнату 86-летней Смирновой и потребовали, чтобы она указала, где спрятаны деньги. Ужас сковал сердце Смирновой, и она умерла.

¹ Судебные речи советских адвокатов. М., 1960, стр. 159–160.

Вольно или невольно, но они убили ее. Хотел или не хотел этого Ярков, но он был участником убийства.

Но мы, как судебные работники, обязаны тщательно проанализировать все обстоятельства дела, и тогда на вопрос, поставленный прокурором, последует иной ответ»¹.

Этот же мотив использован защитником в выступлении по делу Грачева, обвинявшегося в хищении социалистической собственности:

«Товарищи судьи! В обвинительной речи прокурора содержалось много нелестных эпитетов по адресу Грачева. Эпитеты – иногда полезная форма выражения мысли, но они не могут заменить необходимых для осуждения бесспорных доказательств виновности. В речи прокурора таких доказательств виновности Грачева не было.

В анализе имеющихся в отношении Грачева улик и доказательств, в их критической оценке защита и видит свою задачу»².

Большим своеобразием и яркостью отличается начало защитительной речи по делу Ковалева, обвинявшегося в доведении до самоубийства своей жены. Выступавший по этому делу один из лучших советских адвокатов Я.С. Киселев сумел вложить в краткую вступительную часть и озабоченность судьбой подсудимого, и сострадание к потерпевшей, и непримиримость к одностороннему освещению сложных обстоятельств дела, данному в обвинительной речи прокурора:

«Товарищи судьи! В одной средневековой легенде рассказывается о колоколе, обладавшем волшебным свойством: в его звоне каждый путник слышал тот напев, который ему хотелось услышать.

Как часто прения сторон напоминают этот колокол из легенды: одни и те же факты, одни и те же лица, но как по-разному, как несхоже они видятся обвинителю и защитнику.

Прав был товарищ прокурор, предсказывая в своей речи, что мы с ним будем по-разному, каждый по-своему объяснять ту большую и горькую беду, которая пришла в семью Ковалевых. Но по одному из самых центральных вопросов, по вопросу о том, что же побудило Нину Федоровну Ковалеву, молодую женщину, мать двоих детей, 4 августа в 5 часов пополудни распахнуть окно в своей квартире на пятом этаже, встать на карниз, постоять там несколько секунд, обернуться лицом к комнате, что-то крикнуть и затем метнуться вниз, чтобы разбиться о мостовую, – вот по вопросу, почему искала смерти Нина Федоровна, у обвинения и защиты нет расхождения. Колокол потерял свое волшебное свойство, и мы с товарищем прокурором отвечаем одинаково: глубокая семейная неурядица, мучительный разлад между мужем и женой – Николаем и Ниной Ковалевыми. Но так ответить – значит сделать только первый

¹ Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956, стр. 123.

² Там же, стр. 135.

и самый нетрудный шаг по длинному пути, конец которого приводит к решению дела.

Да, разлад был, он становился все глубже и грозил семье разрушением. Все это жестоко мучило Нину Федоровну. Но значит ли это, что и в развале семьи, и в трагическом конце, которым он завершился, виноват Николай Ковалев?

У товарища прокурора нет никаких сомнений, ему все предельно ясно: виноват Ковалев, только он, и никто иной!..

Я внимательно слушал обвинительную речь и ловил себя на мысли: как велико могущество слова! Как прихотливо, свободно и неожиданно оно меняет смысл и значение фактов.

До речи товарища прокурора мне казалось бесспорным, что в деле Ковалева в запутаннейший узел сплелись высокие и низкие чувства: любовь и ненависть, месть и прощение, зависть и великодушие. Мне казалось бесспорным: суду предстоит разобраться в многотрудной жизненной драме, тем более сложной, что и самим участникам ее далеко не все ясно.

Но вот прокурор произнес речь. И что же? Оказывается, никаких сложностей в деле нет и в помине. Оказывается, дело Ковалева не то чтобы ясное, оно прозрачное, истина сквозь него так и просачивает. И секрет превращения дела, в котором на каждом шагу возникают психологические загадки, в дело простейшее, как таблица умножения, раскрыт с покоряющей откровенностью: для этого достаточно было не покуситься на черную краску, рисуя облик Ковалева.

Непригляден, что и говорить, непригляден Ковалев, если смотреть на него глазами обвинителя. Если все то, что сейчас было сказано о Ковалеве, верно, то ведь он только по месту прописки – гражданин Советского Союза, только по дате на паспорте живет он в наше время, а по своему душевному складу Ковалев – современник, соратник, а пожалуй, и соавтор монаха Сильвестра, составившего “Домострой”. Выходит, заблудился Ковалев во времени и из шестнадцатого века по ошибке попал в наши дни.

Как видите, краски, которыми пользовался товарищ прокурор, не очень разнообразны, хотя густоты и сочности в них предостаточно. Но ведь давно известно, что одной краской, даже самой густой, очень трудно придать портрету жизненную достоверность. А правильно и точно разобраться в облике Ковалева необходимо, без этого нельзя разрешить дело.

Мне не кажется достоверной та характеристика, которая дана Ковалеву в речи прокурора. Между обвинением и защитой здесь неизбежен спор, спор большой и серьезный»¹.

¹ Я.С. Киселев. Судебные речи. Л., 1967, стр. 7–10.

§ 3. Анализ фактических и юридических обстоятельств уголовного дела

Основное содержание защитительной речи состоит в анализе фактических и юридических обстоятельств уголовного дела, в развернутой характеристике личности подсудимого и мотивов его поведения. Отправляясь от исходной защитительной позиции, защитник систематизирует и под углом зрения защиты оценивает собранные на судебном следствии данные, представляет суду свои соображения о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимому обвинения, его квалификации и мере наказания.

В зависимости от конкретных обстоятельств дела защитник может опровергать либо все обвинение в целом, либо его часть, обосновывать необходимость иной правовой оценки содеянного или отстаивать меньшую степень вины и ответственности подсудимого.

Подчинение приводимых доводов и аргументов определенной идее образует тематическую направленность речи, а та мысль, тот тезис, который отстаивается защитником, составляет тему речи. В защитительной речи может развиваться одновременно одна или несколько тем. В последнем случае одна из них всегда является главной, стержневой. Все остальные подчинены этой главной теме, дополняют ее, носят вспомогательный характер.

Выбор тематической направленности речи, определение круга вопросов, затрагиваемых в ней, не могут быть произвольными. Они зависят от содержания дела, полноты и качества собранного по нему доказательственного материала, отношения к обвинению подсудимого и защитника и других обстоятельств.

Основные процессуальные темы защиты подсказаны перечнем тех вопросов, которые подлежат разрешению судом при постановлении приговора. Сюда относится выяснение: 1) имело ли место деяние, инкриминируемое подсудимому; 2) содержит ли это деяние состав преступления; 3) каким уголовным законом оно предусмотрено; 4) совершил ли это деяние подсудимый; 5) виновен ли он в его совершении; 6) подлежит ли подсудимый наказанию; 7) какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбыванию (ст. 304 УПК БССР). Но какое бы тематическое направление ни приняла речь защитника, какие бы идеи в ней ни развивались, она во всех случаях должна быть строго обоснованной, аргументированной, опираться на достоверно установленные факты. Суд ждет от защитника не общих фраз и отвлеченных рассуждений, а точного и делового разбора материалов дела.

Мастерство защитительной речи, ее влияние на формирование внутреннего судебного убеждения заключается не в применении

каких-либо искусственных ораторских приемов, «бьющих на внешний эффект», а в скрупулезном, детальном анализе собранных по делу доказательств, в исчерпывающей характеристике личности подсудимого, в правильной юридической оценке фактов, являющихся предметом судебного разбирательства.

По каждому уголовному делу, рассматриваемому судом, необходимо прежде всего выяснить, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, достаточно ли оно подтверждено материалами дела. Если в результате судебного следствия будут установлены данные, ставящие под сомнение или полностью опровергающие наличие события преступления, это обстоятельство должно служить главным мотивом защитительной речи. В случаях, когда наличие самого деяния представляется бесспорным, усилия защитника сосредоточиваются на анализе признаков состава преступления. Опираясь на имеющиеся в деле данные, защитник доказывает отсутствие в действиях подсудимого установленных законом элементов состава преступления или обосновывает необходимость переквалификации обвинения на статью Уголовного кодекса, предусматривающую более мягкое наказание.

Поскольку все элементы состава преступления имеют одинаковое значение, отсутствие любого из них влечет оправдание подсудимого. К вынесению оправдательного приговора ведет также установление обстоятельств, исключающих противоправность и общественную опасность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость, невменяемость, малозначительность совершенного), отсутствие причинной связи между действием и наступившим результатом, недостижение лицом возраста, с которого начинается уголовная ответственность.

Для обоснования своих соображений о квалификации инкриминируемого подсудимому обвинения защитнику нередко приходится прибегать к сравнительному юридическому анализу, к сопоставлению смежных составов, предусмотренных различными нормами УК. Это дает возможность четко обрисовать границы каждого состава преступления, исключить судебную ошибку при квалификации обвинения. Разумеется, защитник сможет предложить правильное, а следовательно, и наиболее благоприятное для подсудимого применение закона только тогда, когда он сам хорошо знает законодательство, систематически изучает теорию и судебную практику, знакомится с ведомственными инструкциями и распоряжениями.

По делам, где основным предметом спора между обвинением и защитой является доказанность виновности подсудимого, главный упор в защитительной речи делается на разбор доказательств с целью показать непричастность подсудимого к совершенному преступлению либо отсутствия в его действиях (бездействии) предусмотренных законом форм

вины – умысла или неосторожности. В таких случаях от защитника требуется дать глубокий и всесторонний анализ установленных по делу фактов, сопоставить их между собой, систематизировать и на основе проделанной аналитической работы доказать несостоятельность выдвинутой прокурором обвинительной версии. При этом может оказаться необходимым исследовать каждое имеющееся по делу доказательство с точки зрения его доброкачественности и достоверности, доказать необъективность показаний свидетелей или вскрыть причину их добросовестного заблуждения, дать характеристику морального облика потерпевшего либо свидетелей, чтобы поставить под сомнение доказательную ценность сообщаемых ими сведений или, наоборот, вызвать доверие к ним, укрепить убеждение в их правильности.

Примером умелого анализа фактических обстоятельств уголовного дела может служить защитительная речь по делу Новинской, в которой защитник, отстаивая невиновность подсудимой, обстоятельно рассмотрел все собранные по делу данные, не оставив без внимания ни одного факта, ни одной детали.

Как уже упоминалось, Новинской было предъявлено обвинение в том, что она на почве зависти и мести облила едкой жидкостью новорожденного ребенка своей подруги Малиновой, причинив ему тяжкие телесные повреждения.

В своей речи защитник, отметив, что на судебном следствии не было добыто никаких данных, которые указывали бы на наличие неприязненных отношений между Новинской и Малиновой, сказал:

«Но обратимся теперь к тем косвенным доказательствам, которые, по мнению прокурора, изобличают Новинскую. Таких доказательств четыре.

Первое – Новинская после окончания родов Малиновой зашла в детскую палату и интересовалась, на какую кроватку положили ребенка. По мнению обвинителя, это обстоятельство свидетельствует о том, что Новинская уже тогда замыслила свое преступление.

Второе – 6 июля за час до события Новинская дважды заходила в детскую палату, хотя по роду своей работы она якобы не имела никакого отношения к детской палате, куда посторонним вход воспрещен. Это обстоятельство рассматривается как свидетельство подготовки Новинской к осуществлению преступного замысла.

Третье – Новинская вызвала старшую медсестру детской палаты Лавриненко на профсоюзное собрание, в результате чего детская палата осталась без присмотра и были созданы необходимые условия для выполнения преступления.

Наконец, четвертое, и последнее, доказательство – показания няни Березовой, утверждавшей, что при возвращении ее в детскую палату

она встретила выходявшую оттуда Новинскую и непосредственно вслед за этим обнаружила ожог на лице ребенка.

Как же выглядят эти грозные улики после тщательной их проверки на судебном следствии? Сохранили ли они какую-нибудь доказательственную силу?

Рассмотрим каждую из этих улик в отдельности.

Новинская действительно вскоре после окончания родов зашла в детскую палату и спросила медсестру, куда положили ребенка Малиновой. Мало того, она подошла к его кровати и внимательно его осмотрела. Мы тщательно исследовали причину этого посещения и установили, что оно было вызвано поручением самой роженицы. После тяжелых и продолжительных родов, во время которых возникла необходимость в наложении щипцов для извлечения ребенка, Малинова, едва оправившись от перенесенных страданий, спросила ассистировавшую при родах Новинскую о судьбе ребенка. Новинская ласково успокоила подругу, заверив ее, что ребенок жив и здоров, по ее просьбе пошла в детскую палату, чтобы еще раз в этом удостовериться. Совершенно естественно, что опознать ребенка среди десятка новорожденных, которых даже нумеруют, чтобы их не перепутать, Новинская не могла, вследствие чего спросила дежурную сестру, где стоит кровать с ребенком Малиновой. Убедившись, что ребенок находится в нормальном состоянии, Новинская вернулась к Малиновой и радостно ей об этом сообщила. Все это подтвердила нам сама Малинова.

Едва ли требуются дальнейшие объяснения этого посещения, воспринимаемого обвинением как разведка места будущего преступления.

Второй уликой обвинение считает двукратное посещение Новинской детской палаты в роковое утро 6 июля, особо подчеркивая, что Новинская по роду работы не имела якобы никакого отношения к детской палате и что вход посторонним туда категорически воспрещен.

Новинская действительно в это утро входила в детскую палату, и даже не два раза, а три. Однако установлено, что все эти посещения вызывались служебной необходимостью.

Утверждая, что по роду работы Новинская не имела никакого отношения к детской палате, составитель обвинительного заключения забыл, что при выписке из отделения матерей после родов возникает необходимость в получении разрешения педиатра выдать младенца по состоянию его здоровья. Как установлено показаниями главного врача свидетеля Гомоляко и заместителя заведующего отделением Годуновой, палатный врач перед выпиской должен посетить педиатра, большую часть времени находящегося в детской палате, и получить от него разрешение на выдачу ребенка.

Как установлено показаниями свидетелей Годуновой и Махновер, на 6 июля была назначена выписка двух родивших матерей – Долинской

и Махновер. Годунова лично поручила Новинской согласовать вопрос об их выписке с новым педиатром отделения врачом Фомченко. Свидетель Фомченко подтвердила, что Новинская действительно пришла к ней в детскую палату и что она после осмотра детей разрешила выписку Долинской, Махновер же рекомендовала задержать на один-два дня, так как пупок у ее девочки еще не присох. Свидетельница же Махновер показала, что переданное ей Новинской сообщение о том, что она не будет в этот день выписана, вызвало у нее бурную реакцию, чуть ли не истерику, так как за ней уже приехал муж, который в тот же день должен был отбыть в командировку. По этой причине она категорически настаивала на немедленной выписке и упросила Новинскую вторично переговорить с педиатром. Новинская исполнила ее просьбу и пошла снова к педиатру, однако уже не застала ее в детской комнате, так как Фомченко пошла в палаты к матерям. Вопрос о выписке Махновер был положительно решен только в середине дня.

Эти обстоятельства подтверждены не только показаниями перечисленных мною четырех свидетелей, но и документами – выписками из истории болезни обеих матерей.

Следователь недостаточно выяснил эти обстоятельства, но прокурор, участвовавший в судебном следствии, не мог их игнорировать. Тем не менее он продолжает считать посещение Новинской детской палаты в часы, предшествовавшие причинению ребенку ожогов, подозрительным, боясь, очевидно, потерять такую “ценную” улику.

Полная несостоятельность этой улики так же очевидна, как и несостоятельность первой.

Переходим к третьей улике – вызов Лавриненко на собрание.

На судебном следствии установлено, что собрание персонала было назначено на 8.30. Однако заведующий отделением Хатунцев, основной докладчик, запоздал, в связи с чем персонал после 10-минутного ожидания направился к своим рабочим местам. После прихода Хатунцева Годунова распорядилась созвать всех работников отделения в ординаторскую для проведения собрания. Так как Хатунцев в этот день назначил операцию, он торопил сотрудников. Врач-экстерн Новинская и сестра Гайдук, как младшие по возрасту и очень исполнительные, по общему отзыву, сотрудники, направились в палаты, созывая всех на собрание. В числе других позвали и старшую медсестру Лавриненко, ведавшую детской палатой...

Несмотря на то что изложенная мною последовательность событий точно воспроизводит показания допрошенных свидетелей и, следовательно, убедительно объясняет поведение Новинской, обвинитель, строго следуя схеме обвинительного заключения, продолжает рассматривать приглашение Лавриненко на собрание как доказательство умышленного

удаления Новинской персонала из детской палаты и создания ею условий для осуществления преступного намерения.

Таковы три первые улики. Ни одна из них в отдельности, ни все они в совокупности не создают доказательства виновности Новинской. Все перечисленные действия и поступки Новинской вызывались служебными соображениями и являются безразличными для решения вопроса о ее виновности.

Я перехожу к четвертой, и последней, улике – показанию няни Березовой, утверждавшей, что при ее возвращении в детскую палату, оставленную Лавриненко без присмотра, она встретила Новинскую, выходившую из детской палаты, а вслед за этим услышала плач ребенка и обнаружила следы ожога на его лице. По ее категорическому утверждению, она, ничего сама не предпринимая, немедленно вызвала Лавриненко и врачей, находившихся на собрании в ординаторской комнате, расположенной рядом с детской палатой. На эту часть показаний Березовой я обращаю особое внимание, товарищи судьи.

Показания Березовой хотя и не изобличают прямо Новинскую в инкриминированном ей деянии, однако представляли бы собой значительно более серьезное доказательство, чем уже рассмотренные улики, при непременно условии достоверности этих показаний.

Но в том-то и дело, что эти показания недостоверны и в самой существенной их части прямо опровергаются другими доказательствами по делу.

Новинская действительно во время собрания выходила из ординаторской вместе с врачом Бондарь. По объяснениям Новинской, подтвержденным Бондарь, она направилась в палату, где одна ее больная лежала с зондом. Поправив зонд у этой больной и взяв кровь для срочного анализа у другой больной, Новинская, возвращаясь в ординаторскую, по пути зашла в детскую палату, рассчитывая застать там педиатра Фомченко, не присутствовавшую на собрании, чтобы окончательно разрешить вопрос о выписке Махновер. Вновь не застав Фомченко, Новинская вернулась на собрание, но у дверей ординаторской встретила с врачом Бондарь, также возвращавшейся на собрание, и в течение 5–6 минут беседовала с ней о состоянии здоровья больной, лежавшей с зондом.

Эти обстоятельства Бондарь категорически подтверждает. Об этом же свидетельствует медсестра Амалина, находившаяся также в коридоре.

Вслед за тем Новинская и Бондарь вернулись на собрание. Их приход во время выступления Годуновой был замечен большинством присутствовавших на собрании сотрудников. По общему утверждению, с того момента, когда Новинская возвратилась на собрание, и до того, когда оно было внезапно прервано сообщением Березовой о несчастье в детской палате, прошло не менее 10–15 минут, в течение которых Новинская

больше не отлучалась с собрания. Это важнейшее обстоятельство подтвердили свидетели Хатунцев, Годунова, Бондарь, Амелина, Гайдук. Все они настаивают на том, что с момента возвращения Новинской и до вызова их в детскую палату прошло не менее 10–15 минут. Следовательно, учитывая 5-минутную беседу Новинской с Бондарь перед их возвращением на собрание и дальнейшее их пребывание в ординаторской в течение 10–15 минут, следует признать установленным, что интервал во времени между встречей Березовой и Новинской в дверях детской палаты и сообщением Березовой о происшедшем несчастье составляет минимально 15–20 минут.

Между тем Березова утверждает, что она услышала плач ребенка уже при входе в детскую палату и, сразу обнаружив ожог на лице ребенка, немедленно, ничего не предпринимая лично, побежала в ординаторскую, расположенную, как мы уже знаем, рядом с детской, с криком о помощи.

В этой части показания Березовой явно не соответствуют правде. Целевая направленность этих показаний Березовой слишком очевидна – ей во что бы то ни стало надо вас убедить в том, что несчастье с ребенком произошло в ее отсутствие, что она не может нести за него ответственность. Но из объективного сопоставления показаний всех остальных свидетелей с неопровержимостью вытекает, что роковое событие произошло именно тогда, когда в детской палате находилась одна Березова. Иначе невозможно объяснить то решающее обстоятельство, что о происшедшем несчастье Березова сообщила не ранее чем через 15 минут после ухода из детской Новинской.

Если бы ребенок был обожжен до возвращения Березовой в палату, она, немедленно обнаружив это, успела бы догнать Новинскую в коридоре. В этом случае не осталось бы времени ни для 5-минутного разговора Новинской с Бондарь у дверей ординаторской, ни для последующего ее пребывания на протяжении 10–15 минут на собрании. Березова, которая, по ее словам, бегом направилась в ординаторскую, неминуемо опередила бы спокойно шедшую туда Новинскую.

Следовательно, версия Березовой безусловно опровергается, и последняя, самая серьезная улика против Новинской следует судьбе трех ранее рассмотренных улик. Так распадается искусственная цепь улик, на которых строилось обвинение Новинской.

Самая возможность совершения этого преступления Новинской убедительно опровергается также ее поведением в это утро. Она спокойно занималась своей текущей работой, участвовала в обходе больных, занималась вопросами выписки Махновер и Долинской, выполняла все порученные ей процедуры. Никто из общавшихся с ней в это утро врачей и больных не обнаружил у нее никаких признаков волнения или возбуждения, которые неизбежно сопутствуют приготовлению к совершению

преступления, тем более столь ужасного. Невозможно себе представить, чтобы за 5 минут до приведения в исполнение преступного намерения Новинская могла спокойно зондировать больную в своей палате, брать кровь у другой, обсуждать на собрании текущие вопросы, а немедленно после совершения преступления, которое неизбежно должно было сейчас обнаружиться, нашла бы силы для спокойной беседы с Бондарь. Даже закоренелый преступник не смог бы проявить такой выдержки.

Но Новинская была спокойна в это утро, как всегда. Это тоже доказательство, но доказательство оправдательное в пользу обвиняемой»¹.

Выдвигая утверждение о невиновности своего подзащитного в совершенном преступлении, защитник не обязан искать виновного. Это задача прокурора. Однако аргументация защитника будет более убедительной, более весомой, если он, отрицая совершение преступления подсудимым, выдвинет и обоснует иную версию, даст свое объяснение исследуемым событиям.

В речи по делу Новинской защитник, проанализировав доказательства, свидетельствующие о непричастности подсудимой к совершенному преступлению, сказал:

«Я исчерпал все свои доводы в защиту Новинской, но я не выполнил бы до конца своей задачи, если бы не попытался ответить на волнующий всех вопрос: кто же виноват в ожоге ребенка Малиновой? Что же произошло в действительности в детской палате в те роковые минуты, когда там находилась одна Березова?

Конечно, нет оснований подозревать Березову в умышленном причинении ожогов ребенку. Вероятнее всего, эти ожоги произошли вследствие ошибки Березовой, тщательно ею скрываемой.

Мы установили на суде, что муж медсестры Лавриненко, ведавшей в этой смене детской палатой, – шофер, а шоферам для зарядки аккумуляторов часто требуется кислота. Не взяла ли Лавриненко для этой цели, пользуясь приятельскими отношениями, соляной кислоты в аптеке института? Не оставила ли она флакон с этой кислотой на том шкафчике, где обычно стояла бутылка с раствором борной кислоты для промывания детям глаз? Ведь она уже заканчивала свою смену и собиралась домой!

Мы знаем, что в это утро Малиновой еще не успели принести ребенка для кормления. Детей разносила по палатам Березова. Быть может, взяв ребенка Малиновой, чтобы отнести его к матери, Березова обнаружила, что глаза у ребенка плохо промыты. Ведь Малинова – не рядовая роженица, она врач этого же института! Не захотела ли Березова проявить особое внимание и промыть глаза ребенку? Не ошиблась ли она, приняв флакон с кислотой за борный раствор?

¹ Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956, стр. 47–54.

Вспомним находящийся в деле фотоснимок лица ребенка после ожога. На нем ясно видно, что центр ожога находится над переносицей, откуда едкая жидкость растеклась по глазам, закрыв навсегда один из них и оставив рубец на веках второго. Вспомним показания профессора Пхакадзе, который первым из хирургов осматривал ребенка непосредственно после ожога. Он утверждает, что по характеру ожога можно сделать вывод, что он произошел не оттого, что плеснули в лицо кислоту, а от вытирания ватой, намоченной в кислоте. Опытный врач Годунова, работающая десятилетия в акушерских отделениях, показала, что няни обычно промывают глаза новорожденным не так, как положено, – от периферии к переносице, а выжимают ватку над переносицей и затем проводят ею по глазам ребенка от центра к периферии.

Не произошло ли это и в данном случае? Ведь тех 15 минут, о которых я говорил, было более чем достаточно для того, чтобы скрыть следы допущенной ошибки и уничтожить и ватку, и флакон! Не более ли вероятен и правдоподобен такой ход событий, чем обвинительная версия о чудовищном злодеянии Новинской?

Конечно, это только предположение, недостаточное для выводов о том, что Березова и Лавриненко допустили преступную небрежность, но предположение значительно более обоснованное, чем то, на котором зиждется обвинение Новинской.

К несчастью, предварительное следствие по этому делу страдает невосполнимыми пробелами. И допущены они потому, что следователь нарушил основную заповедь – не увлекаться одной версией, не принимать поспешного решения, не упускать из поля своего зрения все другие возможные по обстоятельствам дела версии.

Приняв за основу показания Березовой без критической их оценки, сразу предположив умышленное преступление и заподозрив в нем Новинскую, следователь увлекся этой версией, оставив без тщательного исследования все обстоятельства дела и все иные возможные версии. Уделив все свое внимание слухам и сплетням, изучению личной жизни Новинской, чтению ее школьных дневников и давних писем, следователь забыл выполнить элементарные следственные действия, прямо предусмотренные законом.

Следователь, прибывший на место через час после событий, не произвел даже осмотра места происшествия. Не были изъяты лекарства и посуда, находившиеся в детской комнате, не было произведено личного осмотра рук и халатов обслуживающего персонала Лавриненко и Березовой, на которых могли остаться следы кислоты; отсутствует акт изъятия этих халатов, неизвестно, кем и когда собраны и изъяты ватки и тампоны, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, которые якобы находились в детской палате. Упущено все, что могло

пролить свет на действительные обстоятельства этого печального дела. Вот к чему ведет односторонность исследования дела!»¹

Иначе должна строиться защита в случаях, когда факт преступления и виновность подсудимого полностью доказаны материалами судебного следствия, когда между обвинением и защитой нет спора ни о квалификации преступления, ни по поводу обстоятельств, устраняющих противоправность или наказуемость вмененных подсудимому деяний. В этих случаях защитник, не пытаясь преуменьшить значение бесспорно установленных по делу фактов, должен перенести центр тяжести защиты на освещение обстоятельств, смягчающих вину и ответственность подсудимого, на выяснение условий, в которых совершено преступление, на выявление подлинных мотивов, толкнувших подсудимого на совершение преступных действий.

Такой путь защиты избрал адвокат И.Я. Нисневич по делу Шкатова, обвинявшегося в краже трех плащей типа «болонья». Отметив, что посяательства на личную собственность граждан вызывают законное возмущение, он сказал:

«Будучи защитником Шкатова, я, товарищи судьи, перед вашим уходом в совещательную комнату испытываю двойное чувство.

С одной стороны, налицо факты, вызывающие горькое сожаление по поводу того, что этот молодой человек, находящийся в начале жизненного пути, запятнал себя совершением неблагоприятных действий. С другой стороны, я не могу отрешиться от мысли, что наше отношение к Шкатову должно быть продиктовано не столько необходимостью подвергнуть его наказанию, сколько заботой о том, чтобы предотвратить дальнейшее его падение, вселить в него стремление стать честным советским человеком, убедить его в том, что перед ним не закрыты широкие жизненные горизонты, что он может занять в жизни прочное и достойное место.

Совершенное преступление неотвратимо влечет наказание. Но эта истина была бы беспредметной, если бы назначением наказания преследовалась только одна цель – воздание должного за совершенное преступление.

В центре внимания нашей деятельности должна быть поставлена глубокая озабоченность о судьбе человека, по тем или иным причинам ставшего правонарушителем. А если для нас очевидно, что совершенное преступление является следствием ударов, которые нанесены физически и духовно неокрепшему молодому организму течением тяжелых обстоятельств, если мы знаем, что этот молодой человек, словно в паутине, запутался в вихревом водовороте жизни, сказанное представляется тем более справедливым».

Защитник рисует дальше короткую, но грустную биографию подсудимого. Шкатов родился в трудовой семье. Когда ему было три года,

погиб при исполнении служебных обязанностей его отец. Еще через три года умерла мать. И вот совсем еще ребенком Слава оказался один на один с суровой действительностью. Конечно, Советское государство не оставило малыша в беде. Он был помещен в детский дом, где были созданы все условия, чтобы жить, учиться, приобретать знания. «Я уверен, – говорит защитник, – что Шкатов испытывает чувство благодарности к тем людям, которые на протяжении 8 лет заменяли ему родителей, учили видеть разницу между добром и злом, прививали ему высокое чувство гражданственности».

После окончания 8 классов Слава попадает в семью своего дяди. Здесь он был окружен заботой, к нему проявлялось горячее участие. Но в эту семью он пришел уже со сложившимися взглядами, привычками, наклонностями.

Привыкнув к общению с большим коллективом воспитанников детского дома, Слава не смог мириться с узкими рамками семейной ячейки, соотносить свое поведение с утвердившимся укладом жизни дяди. И его неудержимо влекло на улицу. К сожалению, он оказался неразборчивым в выборе друзей. Друзья Шкатова злоупотребляли его слишком развитым чувством товарищества и коллективизма. Вот почему эти в общем-то ценные качества оказались использованными во зло, привели к совершению недозволенных проступков, а затем и преступления.

Нет, однако, никаких оснований, продолжает защитник, считать подсудимого безнадежно испорченным и неисправимым. Лучшим свидетельством этому является его поведение на предварительном следствии и в суде, где он дал искренние и абсолютно достоверные показания. А ведь он мог отрицать отдельные эпизоды обвинения, выдвинуть любые другие версии, и их трудно, почти невозможно было бы опровергнуть. Но Шкатов показал себя правдивым человеком, горячо желающим положить конец своему преступному прошлому.

«О том, что Шкатов не утратил жизненной перспективы, – отмечает защитник, – свидетельствует его довольно продолжительная работа на заводе “Автопровод”, где он, начав разнорабочим, приобрел специальность слесаря и добросовестно исполнял возложенный на него круг обязанностей... Находясь под стражей около четырех месяцев, Шкатов продумал каждый шаг своей неустроенной жизни и пришел к выводу, что так дальше нельзя. Мы не ошибемся, если поверим ему. Вот почему я обращаюсь к вам с просьбой об определении Шкатову условной меры наказания»¹.

В групповых процессах возможны такие ситуации, когда интересы подсудимых противоречивы, когда защиту одного подсудимого нельзя

¹ Сборник защитительных речей адвокатов Белорусской ССР. Минск, 1968, стр. 53–57.

успешно осуществить, не выдвинув соображений обвинительного порядка против другого или других подсудимых. В таких случаях у защитника есть все моральные основания отстаивать законные интересы своего подзащитного путем приведения доводов и доказательств, изобличающих других подсудимых или отягчающих их вину. Но в подобных обстоятельствах исключительно важно чувство меры, стремление ограничить обвинительные действия защиты тем минимумом, который действительно необходим. Совершенно недопустимо такое положение, когда защитники превращаются в пристрастных и односторонних обвинителей, пытаются любой ценой переложить вину со своего подзащитного на других подсудимых или уменьшить ее за счет отягчения ответственности других. Даже при острых коллизиях между подсудимыми защитники не вправе бросаться в крайности, проявлять нетерпимость и раздражение, давать волю своему возмущению. Они обязаны соблюдать максимальный такт и уважительность, придерживаться строгих рамок делового спора, избегать без нужды ухудшения положения других подсудимых.

В одном процессе защитник, отстаивая меньшую степень вины и ответственности своего подзащитного, утверждал, что он был послушным исполнителем воли Е. – другого подсудимого по делу. Такая форма защиты, хотя она объективно и была направлена против Е., оправдывалась характером рассматриваемого дела. Однако в конце своей речи защитник заявил: «Если Вы, товарищи судьи, не осудите подсудимого Е. со всей строгостью закона, то это будет актом несправедливости!»¹ Ясно, что такое обращение адвоката к суду не вызывалось никакими практическими соображениями. Оно лежит за пределами нравственной дозволенности в деятельности защитника.

§ 4. Нравственно-психологическая характеристика личности подсудимого и мотивов его поведения

Преступление и лицо, его совершившее, неотделимы. В любом преступлении, представляющем собой конкретный волевой акт противоправного поведения, отчетливо проявляются индивидуально-психологические и социальные черты личности. Преступление как бы впитывает в себя то отрицательное, что есть в человеке, обнажает пороки в его нравственном формировании, раскрывает его антисоциальную установку, выявляет узость и односторонность его интересов, ограниченность и ущербность духовных запросов. В свою очередь, наличие преступления, его характер и направленность зависят от сложившихся у лица

¹ И. Никифоров. Защита при противоречивых интересах подсудимых. «Советская юстиция», 1964, № 4, стр. 13.

антиобщественных взглядов и привычек, от тех эгоистических намерений, которые лицо «вкладывает» в преступление, и тех целей, к которым оно стремится.

Поэтому правильное разрешение уголовного дела, определение наиболее целесообразных форм и средств правового воздействия на виновного невозможны без глубокого и всестороннего изучения личности подсудимого, выяснения всего комплекса социально значимых внутренних и внешних его свойств и качеств: характера, воли, интеллекта, потребностей, способностей, темперамента, наклонностей, эмоциональной зрелости и др. Бесспорно прав Я.С. Киселев, отмечающий, что, не поняв поведения подсудимого, не установив его подлинных мотивов, не раскрыв природы, характера и глубины связи между всей жизненной линией подсудимого и вменяемым ему преступлением, нельзя отыскать истины по делу, сделать по нему обоснованных и убедительных выводов, дифференцировать ответственность¹.

Суд интересует не только преступление и причастность к нему определенного лица, но и те причины, которые вызвали его совершение, те объективные и субъективные факторы, которые побудили человека нарушить закон, вступить в конфликт с ним, преступить грань дозволенного. Задача защитника – проанализировать все эти моменты под углом зрения защиты, раскрыть психологический механизм совершенного, показать, насколько отразились в преступном деянии стабильные нравственно-психологические и социальные черты личности подсудимого, в какой мере они характеризуют его жизненную ориентацию, его интересы и стремления. «Каждый, кому грозит осуждение, – справедливо отмечают авторы работы «Защитник в советском суде», – имеет право требовать, чтобы судьи знали, кто стоит перед ними»².

Обстоятельное освещение в защитительной речи личностных качеств подсудимого, его морально-психологического склада и индивидуально-характерологических свойств, а также содержания его действий и конкретной ситуации, в которой они имели место, исключительно важно для определения степени общественной опасности подсудимого, индивидуализации его ответственности, прогнозирования его исправления и решения других вопросов по делу. Только дав правильную оценку личности подсудимого, объяснив мотивацию его поступков, раскрыв круг его интересов и стремлений, показав сложный процесс взаимодействия внешних факторов и внутренних компонентов психики, обусловившей конкретное поведение, защитник может высказать обоснованные суждения о виновности или невиновности подсудимого и о степени его

¹ См.: Я.С. Киселев. Некоторые вопросы психологии в речи адвоката. Сб. «40 лет советской адвокатуры». Л., 1962, стр. 25.

² А.М. Левин, П.А. Огнев, В.Л. Россельс. Защитник в советском суде. М., 1960, стр. 186.

общественной опасности, если сам факт преступления и причастность к нему подсудимого находятся вне спора между обвинением и защитой.

Судебная практика выработала достаточно четкие критерии, позволяющие дифференцировать общественную опасность лица, привлеченного к ответственности по уголовному делу, и тем самым обеспечить назначение справедливого и соразмерного наказания. К числу таких критериев относятся прежде всего характер и тяжесть совершенного преступления, степень педагогико-социальной запущенности виновного, мотивы его преступного поведения, осознание и раскаяние в содеянном и др.

Личность человека, его внутренний мир проявляются вовне через деятельность, объективируются в конкретных поступках, действиях, которые позволяют познать истинные намерения лица, его характер, отношение к окружающему. В.И. Ленин, отмечая, что субъективное всегда опосредствуется объективным, выражается в нем, писал: «По каким признакам судить нам о *реальных* “помыслах и чувствах” *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, – а так как речь идет только об общественных “помыслах и чувствах”, то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*»¹.

В уголовно-правовой сфере личность человека опосредствуется преступлением, характеризуется им. Чем тяжелее преступление, тем выше степень общественной опасности лица, его совершившего; и наоборот, меньшее по своей тяжести преступление, как правило, означает и меньшую общественную опасность виновного.

Но преступление никогда не охватывает всех сторон личности подсудимого, не вписывает в себя весь комплекс присущих ему морально-волевых и интеллектуальных качеств. Многие свойства, характеризующие личность виновного, могут не проявиться в данном преступлении, причем по своей значимости они по-разному соотносятся с общественной опасностью лица: свидетельствуют о повышенной или пониженной ее степени либо нейтральны к ней. Кроме того, необходимо иметь в виду, что преступные действия находятся в неодинаковой социально-психологической связи с лицом, их совершившим. Они могут явиться следствием стойких, глубоко вошедших в социальную ткань человека антиобщественных взглядов и установок, а могут быть и результатом случайных, носящих временный, преходящий характер обстоятельств². Поэтому защитнику во многих случаях полезно рассмотреть исследуемые события сквозь призму личности подсудимого, показать его нравственные позиции, проследить процесс и условия их формирования,

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 423–424.

² См.: Н.А. Бушуев. Исправительные работы. М., 1968, стр. 83.

объяснить суду, почему его подзащитный оказался на скамье подсудимых, что привело его сюда.

Человек живет и действует не в вакууме. На его поступки влияют как внутренние, индивидуальные качества, привитые воспитанием и самовоспитанием, так и внешние, объективные обстоятельства, обусловленные социальной и биологической средой. «Человека создает природа, – говорил В.Г. Белинский, – но развивает и образует его общество»¹. Именно общественное бытие, условия социальной жизни, преломляясь через психику человека, опосредствуясь в ней, делают из него личность, придают ей определенный моральный и интеллектуальный облик.

Социально-психологическая структура личности человека достаточно сложна и многогранна. Она включает в себя целый ряд подструктур, различных сторон, свойств, качеств и их проявления². Применительно к подсудимому все они могут приобрести уголовно-правовое и криминологическое значение, быть предметом исследования и обсуждения в суде. Так, защитник в своей речи может сослаться на низкий культурно-образовательный уровень подсудимого, его умственную отсталость, отсутствие достаточного жизненного или профессионального опыта, повышенную возбудимость, подозрительность, внушаемость, наличие различного рода психических аномалий, затрудняющих оценку подсудимым своих действий или волевой контроль над ними, и т. д.

Большое значение с точки зрения защиты имеют те факты нравственно-психологического характера, которые прямо названы в законе в качестве смягчающих вину обстоятельств: совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости; совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств; совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего; совершение преступления несовершеннолетними; совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности; предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда; чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступления (ст. 37 УК БССР).

¹ В.Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956, стр. 26.

² См. об этом: Л.П. Буева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 27–28; А.Г. Ковалев. Психология личности. М., 1965, стр. 91; Н.С. Лейкина. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968, стр. 16; С.Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 307–308.

Определенное представление о личности подсудимого, стойкости его антиобщественных взглядов и установок и, следовательно, о степени социальной запущенности его может дать выяснение того, с какой настойчивостью подсудимый стремился к достижению преступного результата, какие препятствия он преодолел на своем пути. По общему правилу, чем решительнее и целеустремленнее действовал подсудимый, чем сложнее препятствия он преодолел, тем большую общественную опасность он представляет, тем в более энергичных мерах исправления и перевоспитания нуждается. Возможен и обратный вывод, справедливый в известных пределах: чем менее активным был подсудимый, чем больше колебаний и сомнений он проявил, чем проще и доступнее было совершение преступления, тем слабее выражены у такого подсудимого эгоистические начала, тем более благоприятна его характеристика¹.

Далеко не безразличны с точки зрения защиты и такие моменты, как состояние здоровья подсудимого, его возраст, прежние заслуги, отношение к труду, семейные, общественные и иные социальные связи, черты характера и т. п. Поэтому в обязанности защитника входит собрать и доложить суду все, что говорит в пользу подзащитного, что способно облегчить его участь. До наших дней остается верным замечание, высказанное А.Ф. Кони: «Закон требует, чтобы снисхождение было основано на обстоятельствах дела. Но из всех обстоятельств дела, конечно, самое главное – сам подсудимый. Поэтому, если в его жизни, в его личности, даже в слабостях его характера, вытекающих из его темперамента и его физической природы, вы найдете основание для снисхождения, – вы можете к строгому голосу осуждения присоединить голос милосердия»².

Узловое место в характеристике личности подсудимого, в оценке его общественной опасности занимает анализ мотивов совершенного преступления. Значение такого анализа предопределяется тем, что без выяснения мотивов нельзя правильно понять подлинный смысл действий человека, нельзя объяснить, почему он поступил так или иначе, какие цели он преследовал, к чему стремился.

Мотив – это непосредственная движущая сила человеческой деятельности, источник осознанного волевого поведения. Мотив лежит в основе любых охватываемых сознанием человека поступков, определяя их смысл, направленность и характер³. Исследование в суде мотивов преступления позволяет разобраться в тех побуждениях, которыми

¹ См.: А.Д. Бойков. Исследование защитником причин преступлений. В сб. «Советская адвокатура». М., 1968, стр. 100.

² А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 87.

³ См.: В.Н. Кудряцев. Причинность в криминалистике. М., 1968, стр. 134; А.И. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 301; и др.

руководствовался подсудимый, выявить его субъективное отношение к совершенным действиям и их последствиям, определить форму его вины. Без установления мотива преступления уголовное дело, по образному выражению В.Д. Спасовича, «точно статуя без головы, или без рук, или без туловища»¹. Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик включают мотив преступления в состав предмета доказывания по уголовному делу, требуют обязательного его выяснения. Это требование в одинаковой мере относится к прокурору, суду и защитнику.

Выступая в судебных прениях, осуществляя свои защитительные функции, опытные адвокаты довольно часто и не без успеха прибегают к методу психологического анализа, используя его как инструмент, позволяющий проникнуть в затаенные глубины человеческой души, распутать сложные сплетения жизненных обстоятельств, воссоздать целостную картину совершенного преступления, определить место и роль его участников. Это дает возможность найти ключ к объяснению происшедшего, раскрыть подлинные мотивы, толкнувшие виновного на противоправные действия, выявить источники этих мотивов.

Хорошей иллюстрацией к сказанному может служить защитительная речь по делу Левчинской, обвинявшейся в убийстве своего мужа Мохова из ревности.

«В деле, – сказал защитник, – имеется фотоснимок убитого Мохова. На этот снимок нельзя глядеть без содрогания. Ударами утюга раздроблены череп, глаза, нос. И это сделала Надежда Петровна Левчинская – хрупкая, слабая женщина, одаренный музыкант.

Чтобы совершить это страшное дело, чтобы так убить человека, какие нужны бури в человеческом сердце, какими должны быть необыкновенной силы побуждения? Обвинение нашло их и назвало: ревность! Это она толкнула Левчинскую на убийство.

Но, сказав “ревность”, обвинение остановилось на полдороге. К кому ревновала Левчинская? Что заставило ее 26 декабря, в день убийства, испытать такой непомерной силы взрыв ревности, который мог бы объяснить то, что она сделала?

Мы имели возможность проследить минуту за минутой за всеми событиями этого дня и убедились, что не только никакая женщина, но даже женское имя, даже тень женщины не прошла между Моховым и Левчинской.

Что же тогда вело рукой Левчинской, когда она электрическим утюгом иступленно дробила череп уже убитого ею Мохова? Левчинскую об этом незачем спрашивать. Она не скажет. Не потому, что не хочет,

¹ Судебные речи известных русских юристов. М., 1958, стр. 628–629.

не потому, что скрывает что-либо или замалчивает. Не скажет потому, что не может сказать, не умеет. Левчинская здесь давала вам объяснения, и вы помните, как она несколько раз прерывала свой собственный рассказ словами: «Боже мой, какая все это неправда». Не разобраться ей в том, что было у нее на сердце. Она только знает, что слова ее беспомощны, жалки и в них нет той правды, которую она ощущает, а выразить не может.

Я думаю, что вы мне позволите, товарищи судьи, свою задачу видеть не только в том, чтобы раскрыть перед вами подлинные мотивы преступления Левчинской, но и ей, этой глубоко несчастной женщине, объяснить, что же произошло в тот вечер, почему мирно стоявший до этого электрический утюг стал орудием кровавого дела...»

Проследив характер взаимоотношений, сложившихся между супругами, защитник ярко и убедительно показывает нарастание травмирующей ситуации, вызванной эгоистическим поведением потерпевшего. Подсудимой пришлось выслушивать от своего мужа незаслуженные оскорбления, упреки, угрозы оставить семью, терпеть его длительные исчезновения из дому. Тяжкие переживания выпали на долю подсудимой, когда она по настоянию мужа была вынуждена отдать своего старшего сына от первого брака на воспитание в другую семью.

Но кульминационного момента достигли ненормальные взаимоотношения в семье, когда во время ссоры Мохов крикнул: «Ты корми Сережу до года, ему нужно материнское молоко, потом я у тебя отберу сына, а тебя прогоню». Эти слова были так чудовищны и нестерпимы, что Левчинская не поверила им. Она цеплялась за хрупкую надежду, она сама себя убеждала: только в слепой ярости, только в разгуле дикой злобы, когда уже сам себя не понимаешь, можно такое сказать. И она простила ему. Простила, но не забыла, не могла забыть.

И когда через несколько дней, в совершенно спокойной обстановке, ничем не взволнованный, развалившись на диване с бокалом вина в руках, Мохов сказал Левчинской: «Я передумал, ты корми ребенка не до года, а до 10 месяцев, а потом убирайся вон со своим поскребышем, с Юркой», – она уже не смогла совладать с собой. Не помня себя, потрясенная тем, что ей мгновенно открылось с беспощадной ясностью, потрясенная и оскорбленная этим его холодным цинизмом, тупым и унижительным бессердечием, почувствовав, как у нее отобрано все, чем она жила, Левчинская, не помня себя, схватила электрический утюг, ударила им мужа, а потом била, била, пока сама не упала без чувств...

Отвергая вывод прокурора о мотивах преступления, совершенного Левчинской, защитник показывает, что не ревность, а грубость и жестокое оскорбление человеческого достоинства вызвали у подсудимой душевный взрыв, приведший к трагическому исходу. Суд согласился

с мнением адвоката, признав, что подсудимая совершила преступление в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения¹.

Преступные действия лица, как и результаты их, могут быть вызваны мотивами, неодинаковыми по своей природе. При совершении умышленного преступления направленность мотива и его характер совпадают с объективным развитием причинности, соответствуют ему. В неосторожном же преступлении, где само действие (бездействие) осознано субъектом, отражает его определенные намерения, объективное развитие событий и их последствия выходят за пределы этого намерения, не охватываются им. Если в умышленном преступлении содержание мотива непосредственно материализуется в преступном акте и его результатах, то в неосторожном преступлении между мотивами действия и наступившими последствиями происходит разрыв. Последствия оказываются не такими, какими их желало лицо, допустившее преступную небрежность или самонадеянность. Однако этот разрыв не устраняет мотивированности самих действий, поскольку безмотивных действий не существует. Следовательно, мотив действия в умышленном преступлении выступает как мотив совершения преступления. В неосторожном же преступлении мотив действия выступает в качестве мотива поведения, приведшего к преступному результату².

В основе умышленного преступления лежат, как правило, антиобщественные, эгоистические мотивы, хотя не исключены случаи, когда лицо действует из добрых намерений, применяя для их осуществления противоправные средства (например, дача взятки должностному лицу для получения внеплановых фондов, транспорта, лимитов и т. п.). Разумеется, полезность этих намерений является мнимой: они не могут быть признаны социально ценными, исключаящими ответственность. Но для дифференциации самой ответственности они имеют большое значение.

При совершении неосторожного преступления лицо может руководствоваться самыми различными побуждениями (одобряемыми, предосудительными или нейтральными), не предвидя наступления вредных последствий своих действий или легкомысленно рассчитывая их предотвратить. В неосторожном преступлении, как отмечалось, нет непосредственной связи между мотивом поведения и наступившим результатом. Однако характер и направленность этого мотива не могут быть

¹ См.: Судебные речи советских адвокатов. М., 1960, стр. 95–106.

² См. об этом: И.Г. Филановский. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970, стр. 48–49; М.С. Рашковская. Субъективная сторона преступления. М., 1961, стр. 24–25; Ю. Мельникова. Индивидуализация наказания с учетом обстоятельств, характеризующих личность подсудимого. «Советская юстиция», 1969, № 5, стр. 14; и др.

безразличны для определения пределов ответственности виновного лица и должны быть учтены защитником в его защитительной речи.

Мотив преступления – категория не статичная, а динамичная. Поэтому установление мотива преступления предполагает выяснение всего процесса мотивации лицом своих действий, всего психологического механизма правонарушения, начиная от зарождения преступного намерения до его реализации. В этот комплекс входят: конкретный повод возникновения мотива, борьба между разными мотивами, принятие решения, выбор средств для достижения преступного результата, возможные изменения в мотиве в ходе подготовки и осуществления преступления, а также поведение лица после его совершения¹. Неустановление любого из этих моментов – показатель неполноты исследования дела, а стало быть, и неполноты психологической характеристики личности подсудимого.

С точки зрения защиты важно не только раскрыть подлинные мотивы преступления, показать психологический механизм его совершения, но и обосновать отсутствие у подсудимого таких мотивов, доказать, что у него не было причин к совершению преступления, что его поведение не могло привести к преступным результатам.

Глубокая нравственно-психологическая характеристика личности подсудимого возможна только на базе тщательного изучения его биографии, отличительных свойств и качеств его характера, условий его воспитания, его трудовых, общественных, семейных и иных социальных связей. Защитник должен получить, систематизировать и изложить суду сведения о своем подзащитном в таком объеме, который давал бы представление не об отдельных чертах и сторонах его, а о личности в целом, во всей полноте ее индивидуально-психологических и социальных качеств, имеющих уголовно-правовое значение.

С этой целью защитник должен в своем выступлении нарисовать полный и жизненно правдивый портрет подсудимого, показать его моральный облик, раскрыть его внутренний мир, объяснить мотивы его поступков, указать, что в поведении подсудимого является случайным, ему органически не присущим, а что составляет главную основу его жизненной ориентации, выражает его социальное и нравственное кредо. Только такая характеристика – развернутая, обстоятельная, захватывающая глубинные пласты психологии человека, – дает надежные ориентиры для правильного решения вопроса о виновности и ответственности, для избрания необходимых средств исправления и перевоспитания подсудимого.

¹ См.: Б. Петелин. Мотивы и цели совершения преступления. «Социалистическая законность», 1968, № 10, стр. 44; С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 512–513.

§ 5. Заключительная часть

В заключительной части речи защитник подводит итоги проделанной им работы по анализу фактических и юридических обстоятельств дела, формулирует свои окончательные выводы, определяет свое отношение к подлежащим решению суда вопросам. В этой части речи защитник обращается к суду с просьбой об оправдании подсудимого, если его вина должным образом не установлена, либо назначении ему минимального срока наказания, предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса, либо о применении к нему условного осуждения и т. д. Защитник высказывает также свои соображения относительно заявленного гражданского иска по другим вопросам, важным с точки зрения интересов подзащитного.

Заключительная часть защитительной речи, как и обвинительной, должна быть краткой, четкой, образной; должна выражать главную идею защиты, ее основную мысль. В ней следует избегать повторений, возвращения к тому, что было уже сказано ранее. Вместе с тем заключительная часть речи должна быть органически связана с остальными частями речи, непосредственно вытекать из них, суммировать главные доводы, изложенные ранее.

...Несовершеннолетний Елисеев, подстрекаемый уже судимым за кражу Ковалевым, вместе с последним похитил из магазина 16 бутылок вина. По ошибке к ответственности был привлечен соученик Елисеева Дельников, который признал себя виновным. Как ни соблазнительна была перспектива избежать наказания, честность и чистая совесть взяли верх. Елисеев избрал тяжелый, но правильный путь добровольного признания. Завершая свою речь по этому делу, защитник сказал:

«Товарищи судьи! Своим поведением на предварительном следствии и в суде Елисеев ясно показал, что он полностью осознал содеянное им, что он искренне раскаялся. И мы можем быть абсолютно уверены, что на своем жизненном пути он споткнулся в первый и последний раз. Елисеев раскрыл перед вами всю душу. Он раскрыл ее широко, ничего от вас не утаив, ничего не исказив и не приукрасив.

Коллектив школы ходатайствует перед вами об оставлении Елисеева на свободе, об оставлении его в той же самой школе. Школа не считает его, как видите, таким человеком, которого обязательно надо изолировать от общества. Наоборот, в мужественном поступке Елисеева, в его готовности спасти невиновного и самому понести заслуженное наказание школа видит проявление самых лучших сторон характера Елисеева, а потому и просит вас о возвращении его обратно в школу.

Я уверен, товарищи судьи, что вы, как инженеры человеческих душ, вникнете в душу этого подростка, разделите мнение школьного

коллектива, согласитесь с тем, что я сказал в своей речи, и признаете возможным применить к Елисееву условное наказание»¹.

Иногда речь целесообразно закончить какой-нибудь яркой обобщающей фразой, передающей самую суть выдвигаемой защитником просьбы.

Выступая по делу Кудрявцевой, обвинявшейся в убийстве своего бывшего мужа, защитник следующим образом закончил свою речь:

«Товарищи судьи! Когда Кудрявцева приписывала себе самые низменные побуждения, то, может быть, она это делала не только из желания скрыть свои подлинные чувства к тому, кто был ее мужем. Может быть – и в это верится, – она измеряет свою вину такой строгой и большой меркой, что ей кажется недопустимым хоть как-нибудь бороться за смягчение своей участи.

Суд над собой не кончается вынесением приговора по уголовному делу. Суд над собой – дело трудное и нужное. Очень нужное. И для Кудрявцевой этот суд не скоро кончится. Чем дольше он будет идти, тем с большей, поистине беспощадной ясностью она станет понимать, в какой напрасный и ненужный спор она втянулась из-за прошлого, которого не было, из-за счастья, которое только померещилось, и как чудовищно этот спор она разрешила. Кудрявцева не искала снисхождения у вас, она не окажет его себе и в своем суде над собой. Если вы в это поверите, это даст вам право, товарищи судьи, быть снисходительными к ней»².

Разумеется, что в заключительной, как и во всех остальных частях защитительной речи, недопустимы шаблон, однообразие, а также дословное копирование уже известных по публикациям в печати речей.

§ 6. Подготовка защитника к выступлению в суде

Подготовительная работа защитника к участию в судебных прениях складывается из тех же этапов, что и аналогичная работа прокурора: досудебного, во время судебного следствия, заключительного (непосредственно перед произнесением речи)³.

Досудебная подготовка включает в себя: а) изучение материалов уголовного дела; б) ведение досье защитника; в) беседу с подзащитным; г) собирание дополнительных материалов для представления их суду; д) изучение законодательства, а также материалов судебной практики и юридической литературы по нужным вопросам; е) выработку линии защиты и составление плана защиты по делу; ж) составление письменного варианта или развернутых тезисов речи.

¹ Судебные речи советских адвокатов. М., 1960, стр. 67–70.

² Я.С. Киселев. Судебные речи. Л., 1967, стр. 45.

³ См. об этом § 10 гл. III настоящего пособия.

Исчерпывающее знание уголовного дела – одно из решающих условий успешного выполнения защитником своих функций. Только тщательное изучение всех собранных по делу материалов позволит защитнику свободно ориентироваться в них, выработать правильную защитительную позицию, определить наиболее эффективную линию и тактику защиты. И наоборот, недостаточно глубокое, поверхностное ознакомление с материалами дела может привести к неправильной оценке фактических обстоятельств, к выбору ошибочной защитительной позиции либо к беспомощности в отстаивании своей точки зрения, слабости в ее аргументации. Вот почему очень важно, чтобы при изучении дела не было пропущено ни одной детали, ни одного факта или документа, не осталось без внимания ни одно обстоятельство.

Ознакомление с делом должно носить критический характер, быть аналитическим. Такая аналитическая работа в оценке материалов дела должна идти в направлении: а) определения истинного значения каждого доказательственного факта в общей структуре дела, т. е. по отношению к сущности обвинения, личности обвиняемого и предполагаемой концепции защиты; б) отделения на этой основе главных фактов от второстепенных, частных; в) разграничения между бесспорно установленными и сомнительными, вероятными фактами путем проверки доброкачественности и достоверности доказательств, которыми эти факты подтверждаются; г) определения полноты исследования и обоснованности сделанных выводов¹.

Изучение данных предварительного расследования должно вестись защитником с карандашом в руках. Защитник обязан иметь собственное производство по делу (досье), в котором сосредоточиваются все заметки, выписки, наброски, копии основных процессуальных документов по делу или выдержки наиболее важных моментов из них. Эти материалы систематизируются, обдумываются, служат исходной базой для всех последующих действий защитника.

Кроме изучения уголовного дела, в досудебную часть подготовки адвоката к выступлению в процессе входит также проведение личной беседы (или бесед) с лицом, защиту законных прав и интересов которого он будет осуществлять. В ходе этой беседы адвокат подробно обсуждает с подсудимым все обстоятельства дела, уточняет неясные вопросы, выясняет данные о личности подзащитного, его отношении к предъявленному обвинению, наличие у него каких-либо сведений или документов, оправдывающих его или смягчающих ответственность и не нашедших отражения в материалах предварительного расследования. В беседе с подзащитным адвокат излагает свою точку зрения по делу, указывает, на чем она основана, согласовывает взаимоприемлемый план защиты.

¹ См.: В.Д. Гольдинер. Защитительная речь. М., 1970, стр. 149.

Если во время изучения дела или встреч с подзащитным выясняется, что имеются доказательственные данные, благоприятные для обвиняемого, но по каким-либо причинам не подвергавшиеся проверке и оценке в ходе предварительного расследования, адвокат должен принять меры к тому, чтобы они стали объектом судебного исследования. С этой целью он может получить по запросу юридической консультации или непосредственно через своего клиента необходимые документы и справки, ходатайствовать о допросе в суде свидетелей, просить о приобщении к делу вещественных доказательств, фотоснимков и т. п.¹

В процессе подготовки к участию в судебном рассмотрении уголовного дела защитнику следует просмотреть нормативный материал, касающийся разрешаемых вопросов, ознакомиться с судебной практикой по этим вопросам, публикуемой в специальных бюллетенях, юридических журналах и других изданиях. Полезно также проконсультироваться с соответствующими специалистами, обменяться мнениями с более опытными коллегами, заглянуть в юридическую литературу.

На основе критического изучения дела, анализа собранных доказательств, беседы с подсудимым, просмотра нормативного материала и справочной литературы у защитника складывается определенное представление об обоснованности сформулированного органами расследования обвинения, вырабатывается защитительная позиция, которая определяет направление и содержание всех его последующих действий, в том числе и защитительной речи. Разумеется, сложившееся мнение следует рассматривать лишь как предварительное, как рабочую гипотезу, которая может в дальнейшем уточняться или видоизменяться в зависимости от конкретных обстоятельств.

Исходя из наметившейся защитительной позиции, адвокат составляет план защиты. В нем должно быть предусмотрено: а) какие ходатайства необходимо заявить суду в целях обеспечения прав и законных интересов подсудимого; б) какие доказательства представить суду для обоснования невиновности или меньшей степени ответственности подзащитного; в) в какой последовательности и как провести допрос подсудимого, какие вопросы поставить ему; г) какие обстоятельства выяснить при допросе свидетелей, потерпевших, экспертов и исследовании других доказательств по делу.

Неотъемлемой частью досудебной подготовки защитника к выступлению в суде является работа над речью. Она заключается прежде всего в обдумывании всех элементов речи, в поисках наиболее убедительных доводов, аргументов, сравнений, сопоставлений. Защитник должен иметь отчетливое представление о том, что он собирается сказать суду

¹ См.: Г.А. Гинзбург, А.Г. Поляк, В.А. Самсонов. Советский адвокат. М., 1968, стр. 80.

и как он намеревается сделать это. Поэтому подготовка к выступлению должна включать в себя работу и над содержанием, и над формой речи.

Как бы ни относиться к известному спору о том, следует ли составлять полный текст речи, или можно ограничиться развернутым конспектом, подробным планом, тезисами или отдельными набросками, несомненным остается то, что хорошая речь – всегда плод упорного труда, глубоких раздумий, длительных поисков, многократных переделок и шлифовок. А это предполагает обязательную письменную подготовку, характер и полнота которой зависят от личностных качеств выступающего, его способностей, опыта и привычек.

Во время судебного следствия основное внимание защитника уделяется исследованию собранных по делу доказательств в плане выявления данных, говорящих в пользу подсудимого. По мере такого исследования защитник вносит в схему речи соответствующие дополнения, уточнения, поправки. Закрепляя отдельные мысли и образы, возникающие в ходе судебного разбирательства или навеянные какими-либо новыми фактами, отмечая нужные психологические детали, защитник углубляет свою речь, делает ее более убедительной, стройной, насыщает ее жизненными красками.

Завершающая часть работы по подготовке защитительной речи происходит во время выступлений других участников процесса: прокурора, общественного обвинителя, гражданского истца. Слушая их, защитник вносит последние поправки в схему речи, обдумывает контраргументы, отмечает те места из их выступлений, которые требуют дополнительного разъяснения, обоснования или опровержения.

Глава V

Основные требования, предъявляемые к форме судебной речи. Техника речи

§ 1. Значение формы судебной речи

Несомненно, что главным достоинством судебной речи является ее глубокое содержание. Выступая в судебных прениях, осуществляя свои процессуальные функции, прокурор, адвокат и другие участники процесса должны прежде всего заботиться о содержании речи, о том, чтобы она была обстоятельной, целеустремленной, отличалась богатством мысли, тщательным и всесторонним разбором доказательств, меткой и точной характеристикой, умелым правовым анализом.

Но мысль, содержание передаются в определенной форме. Между ними существует тесная, органическая связь и зависимость. Нельзя любую мысль изложить в любой форме. Каждому конкретному содержанию соответствует и наиболее характерная, присущая этому содержанию форма выражения.

«Наша задача, – говорил М.И. Калинин, – чтобы то, что мы говорим, было воспринято; восприятие же в значительной степени зависит от формы, в которую мы облачаем наши выступления»¹. Самая содержательная речь не достигнет поставленной цели, не произведет нужного впечатления, если она будет произнесена серым, казенным и непонятным языком, вяло и невыразительно. Вот почему успех выступления прокурора и защитника в суде, «отдача» их речи во многом зависит не только от того, что они скажут, какие соображения приведут, какие положения выдвинут, но и от того, как, в какой форме они сделают это, какие слова употребят.

Форма судебной речи является способом выражения ее содержания. Поэтому она должна быть неразрывно связана с содержанием, вытекать из него, быть им обусловлена. Подчеркивая это обстоятельство, В.Г. Белинский писал: «Когда форма есть выражение содержания, она связана с ним так точно, что отделить ее от содержания – значит уничтожить самое содержание; и наоборот: отделить содержание от формы – значит уничтожить форму»².

Глубоко заблуждаются те прокуроры, судьи и адвокаты, которые считают форму речи чем-то маловажным, второстепенным, не придают ей значения. Между тем практика показывает, что именно из-за пренебрежения к форме речи, нежелания или неумения работать над ней нередко

¹ М.И. Калинин. Избранные произведения. М., 1960, стр. 132.

² В.Г. Белинский. Мысли и заметки о русской литературе. Избр. соч. М., 1947, стр. 168.

значительно обесцениваются, сводятся на нет безупречные по содержанию судебные речи. Далеко не единичны случаи, когда грамотный, знающий дело человек, выйдя на трибуну, не может правильно изложить свои мысли, прибегает к помощи затасканных, примелькавшихся слов и оборотов, говорит скучно и невыразительно. Такое выступление не способно найти нужного отклика у слушателей, вызвать у них интерес, заставить их размышлять вместе с оратором над рассматриваемыми проблемами.

Речь – это способ материализации мысли, средство самовыражения. У лектора, докладчика, участника судебных прений нет иного способа передачи своих мыслей, доводов и соображений, кроме как посредством речи, путем публичного выступления. Отсюда – необходимость заботы о содержании и форме речи, об овладении ее техникой.

Каждый, кто выступает в суде, должен знать наиболее совершенные приемы построения речи, стремиться говорить ярко, образно, доходчиво и убедительно. Для судебной речи вовсе не безразлично, в какую форму будут облечены мысли выступающего, какие выражения им будут употреблены. Искусство судебной речи в том и состоит, чтобы судебный оратор в каждом конкретном случае умел находить для передачи своих мыслей и суждений самые тонкие, самые емкие и самые выразительные слова. В этом суть судебного красноречия, предполагающего единство содержания и формы, мысли и слова.

Разумеется, между содержанием речи и ее формой нет однозначной зависимости. Форма, как и содержание, определяется прежде всего предметом речи, ее темой, а также тем фактическим материалом, который лежит в ее основе. Кроме того, на выбор формы в значительной мере влияет состав слушателей, индивидуальный стиль оратора, его эрудиция и мастерство, а в некоторых случаях и конкретная ситуация.

Представляя собой способ осуществления процессуальных функций, отражая определенные стороны реальной действительности, судебная речь выступает как инструмент познания, как способ воздействия на суд и судебную аудиторию, как орудие общественной практики. И чем совершеннее форма речи, чем полнее и точнее она выражает ее суть, тем значимей сама речь, тем больше ее отдача. Вот почему нельзя пренебрегать формой речи, относиться к ней беззаботно, недооценивать ее. Единство формы и содержания, взаимосвязь и взаимоподчиненность всех элементов речи – необходимое условие ее целостности, гармоничности, глубины, эстетической привлекательности.

Последнее также не следует сбрасывать со счета. Человек по своей природе глубоко эстетичен, в нем сильно развито чувство прекрасного, он живо откликается и реагирует на все изящное, совершенное. Поэтому судебная речь, помимо смысловой точности, должна обладать

художественной выразительностью, быть яркой, впечатляющей, гармоничной. «Наилучший оратор тот, – писал Цицерон, – который своим словом научает слушателей и доставляет им удовольствие»¹. Речь неряшливая, тусклая, эстетически малопривлекательная вызывает у слушателей раздражение, отталкивает их, работает вхолостую. Забота об эстетической ценности судебной речи – не прихоть, не пустая выдумка, не дань моде. Как эстетика труда повышает его производительность, так и эстетика речи усиливает ее функциональное значение, увеличивает коэффициент полезного действия.

Требования, предъявляемые к форме судебной речи, достаточно многообразны. Вытекая из характера судебной речи как публичного выступления, как разновидности ораторского искусства, они вместе с тем отражают ее особенности, ее специфику. К числу таких требований относятся: ясность и точность речи, простота и выразительность, полнота и лаконичность, эмоциональность, грамотность, композиционная стройность и др.

§ 2. Ясность и точность речи

В основе судебной речи лежит стремление убедить слушателей, склонить их к своему мнению. Но сделать это можно только тогда, когда каждое слово выступающего будет правильно понято всеми присутствующими в зале суда, когда каждое положение, выдвигаемое в речи, будет сформулировано предельно четко, ясно и точно, когда мысль оратора подается в форме, доступной для понимания.

Ясность речи, говорил Аристотель, – ее главное достоинство, ибо, если речь не ясна, она не достигает своей цели². «Не ищите ничего, кроме ясности», – призывал Эпикур³. «Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль», – внушал своим ученикам К. Маркс⁴. На необходимость говорить «просто и ясно, доступным массе языком» неоднократно указывал В.И. Ленин⁵.

Ясность особенно важна для судебной речи. Право отличается обилием специальных терминов, выражений, конструкций, которые далеко не всегда понятны широкой аудитории, требуют разъяснения. Легко представить себе недоумение и замешательство слушателей, если на их голову посыпятся такие обычные для юристов и неизвестные для многих слова, как презумпция, виндикация, промульгация, превенция, диспозиция и т. п. Конечно, нельзя требовать полного исключения из речи

¹ Цит. по кн.: А.В. Толмачев. Об ораторском искусстве. М., 1963, стр. 39.

² См.: Сб. «Об ораторском искусстве», изд. 3-е. М., 1963, стр. 21.

³ Цит. по кн.: П. Сергеич. Искусство речи на суде. М., 1960, стр. 34.

⁴ В. Либкнехт. Воспоминания о Марксе. М., 1956, стр. 95–96.

⁵ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 92.

специальных терминов, устоявшихся выражений. От этого может пострадать точность. Но нельзя мириться и с тем, чтобы узкоспециальные слова, сугубо профессиональные обороты затемняли существо речи, затрудняли ее восприятие.

На суде от выступающего требуется не просто ясность, а максимальная, исключительная ясность и чистота речи, чтобы и судьи, и все присутствующие в зале судебного заседания понимали сказанное без особых усилий, без чрезмерного напряжения. Нельзя рассчитывать, указывал Квинтилиан, на непрерывное и пронизательное внимание слушателей, нельзя надеяться, что они «собственными силами рассеют туман речи, внесут свет своего разума в ее темноту»; напротив, речь должна быть настолько ясной, чтобы проникала в их душу, «как солнце в глаза»¹. Очень удачно эту же мысль выразил П. Сергеич: «Говорите не так, чтобы вас могли понять, а так, чтобы вас не могли не понять»².

Нужно учитывать различие в положении слушателей и читателей. Если последние, не уяснив смысла прочитанного, могут вернуться к оказавшемуся трудным для них месту, перечитать и обдумать его, то слушатели лишены такой возможности. Непонимание же какой-то части речи ведет к утрате целостности восприятия, влечет за собой непонимание и других мест речи. Поэтому участники судебных прений должны стремиться излагать свои мысли, доводы и суждения в ясной форме, не делать ставки на «волевого» слушателя.

Для того чтобы судебная речь была ясной, точной и понятной, от выступающего требуется глубокое знание предмета речи и хорошее знание языка.

Готовясь к выступлению в суде, прокурор и защитник должны досконально изучить дело, продумать его, отчетливо представить себе, о чем они будут говорить, какие доводы отстаивать. Если предмет речи хорошо усвоен, если прокурор и защитник находятся во всеоружии фактов, они без труда найдут ясные и точные слова для выражения своих мыслей. «Ясность языка, – писал В. Либкнехт, – результат ясного мышления, ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму»³. «Только точное знание, – справедливо отмечает П. Сергеич, – дает точность выражения... Неопределенность выражений обыкновенно бывает признаком неясного мышления»⁴.

Хорошо говорит лишь тот, кто твердо знает, о чем он будет говорить, кто четко представляет круг вопросов, подлежащих обсуждению, кто оснащен запасом мыслей и идей, доводов.

¹ Цит. по кн.: П. Сергеич. Искусство речи на суде. М., 1960, стр. 35.

² Там же.

³ В. Либкнехт. Воспоминания о Марксе. М., 1956, стр. 93.

⁴ П. Сергеич. Искусство речи на суде. М., 1960, стр. 45.

Но одного знания предмета речи еще недостаточно. Для того чтобы судебная речь была ясной, образной, доходчивой, необходимо хорошо знать свой родной язык, в совершенстве владеть им, обладать большим запасом слов. Поэтому неперменной обязанностью государственного обвинителя и защитника являются повседневная работа над языком, шлифовка его, изучение художественной литературы, публицистики, лучших судебных речей. Это значительно обогащает словарный фонд, помогает более широко использовать весь арсенал языковых средств, делает речь более точной, экономной, опрятной.

Выдающийся судебный оратор А.Ф. Кони настойчиво призывал любить и постоянно изучать величайшую святыню своего народа – его язык. «Нужно, – говорил он, – хорошо знать свой родной язык и уметь пользоваться его гибкостью, богатством и своеобразными оборотами... Пусть не мысль ваша ищет слова и в этих поисках теряет время и утомляет слушателей, пусть, напротив, слова покорно и услужливо предостоят перед вашею мыслью в полном ее распоряжении»¹.

Слово – основное оружие судебного оратора. Чем большим словарным запасом он обладает, тем легче ему в нужный момент подобрать самое точное, самое емкое слово. Поэтому вполне современно звучит совет П. Сергеича: «Старайтесь богатеть ежедневно»².

Беда многих наших прокуроров и адвокатов заключается именно в том, что они не умеют правильно выражать свои мысли, им не хватает для этого нужных слов и эту недостачу они пытаются компенсировать использованием в своих речах приевшихся, затасканных и маловыразительных фраз. Естественно, что такие речи оказываются примитивными, трафаретными и скучными. Они не могут увлечь слушателей, оказать на них необходимое воздействие.

§ 3. Простота и выразительность речи

Важнейшим требованием, предъявляемым к судебной речи, является ее простота. Каждый судебный оратор должен стремиться говорить просто, доходчиво, естественно. Чем мысль сложнее, глубже, значительней, тем более простой и доходчивой должна быть форма ее выражения. В простоте слова, говорил М. Горький, великая мудрость. Нет таких событий, фактов, явлений, которые нельзя было бы передать просто, доступно и ясно.

Простота речи – это ее естественность, непринужденность, легкость, отсутствие всякой напыщенности, ложной красоты, нарочитой усложненности. Для цельной, содержательной речи не нужны

¹ А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 142–144.

² П. Сергеич. Искусство речи на суде. М., 1960, стр. 43.

искусственные румяна. Истинную ценность представляют лишь те речи, в которых, по меткому замечанию А.Ф. Кони, «самые глубокие мысли сливаются с простейшими словами»¹. Откровенное намерение «произвести впечатление», явный расчет на красоту, выпренность, необычность речи неизбежно портят ее, лишают необходимой строгости и непосредственности, отдают фальшью.

Судебная речь – не место для словесных упражнений. В ней совершенно нетерпимы пустословие, высокопарность, кокетничанье словами, пустое фразерство. Никакими словесными ухищрениями, никакой словесной мишурой нельзя скрыть отсутствие зрелой мысли, скудость знаний, слабую подготовку к участию в процессе. Как правильно отмечают авторы книги «Защитник в советском суде», иной оратор сыплет как из рога изобилия красивыми фразами, вычурными выражениями, сложнейшими силлогизмами и сравнениями, но от всего этого хочется подальше уйти, потому что все это искусственно, все надуманно, все не нужно. И даже если в этой речи есть что-нибудь дельное, оно не вызовет сочувствия, даже это отвергнет раздраженный слушатель².

Судебная речь – одно из средств, которое помогает суду и всем присутствующим полнее и глубже уяснить материалы дела, сделать из них правильные выводы. Всякие словесные излишества, риторические нагромождения, красивые фразы, рассчитанные на легкий успех у аудитории, только затрудняют правильное восприятие сказанного, снижают интерес к речи, рожают у слушателей недоброжелательное отношение к оратору.

Желая добиться внешнего эффекта, «блеснуть ученостью», отдельные прокуроры и адвокаты без всякой надобности усложняют свою речь, оснащают ее непонятными терминами, мудреными выражениями, злоупотребляют иностранными словами. Они боятся говорить просто, непосредственно, поскольку им кажется, что в таком случае их речь будет недостаточно умной, впечатляющей. Таким прокурорам и адвокатам следует напомнить, что, чем меньше ими будет употреблено ненужных и сорных слов, чем проще и ясней будут выражены мысли, тем убедительней и действенней будет их речь. Сила судебной речи – в ее богатом содержании, простоте и ясности изложения, тесной взаимосвязи отдельных частей, неотразимой аргументации. Хороша лишь та речь, пафос которой составляет не мнимая многозначительность, не ложная патетика, а строгая доказательность, убедительность, железная логика фактов. Советскому прокурору и адвокату должны быть органически

¹ А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 124.

² См.: А.М. Левин, П.А. Огнев, В.Л. Россельс. Защитник в советском суде. М., 1960, стр. 177.

чужды всякое позерство, самолюбование, напускной пафос, погоня за красивой фразой ради фразы, дешевые риторические украшения.

В.И. Ленин, высоко ценя ораторское искусство, был непримиримым врагом всякого пустословия и краснобайства. Он решительно развенчивал пустозвонство, высмеивал «чесотку революционной фразы», боролся за чистоту языка. В 1917 году В.И. Ленин опубликовал в «Правде» специальную статью под характерным названием «О вреде фраз», в которой имеется примечательное обращение, полное сарказма: «Господа герои фразы! господа рыцари революционного краснобайства»¹. В.И. Ленин как никто умел говорить удивительно легко, просто и понятно о самых сложных вещах и явлениях. Каждое слово, каждая фраза в его выступлениях были глубоко продуманы, тщательно пригнаны, несли большую смысловую нагрузку.

В воспоминаниях о В.И. Ленине Клара Цеткин пишет: «Его доклад – мастерский образец искусства убеждать. Ни малейшего признака риторических прикрас. Он действует только силой своей ясной мысли, неумолимой логикой аргументации и последовательно выдержанной линией. Он кидает свои фразы как неотесанные глыбы и возводит из них одно законченное целое. Ленин не хочет ослепить, увлечь, он хочет только убедить. Он убеждает и этим увлекает. Не при помощи звонких, красивых слов, которые пьянят, а при помощи прозрачной мысли, которая постигает мир общественных явлений в их действительности и с беспощадной правотой вскрывает то, что есть»².

Однако требование простоты, естественности, отказ от ложной красивости не означает ставки на бедность и серость языка, на упрощенно-канцелярский стиль речи. Наоборот, судебная речь должна быть яркой, образной, выразительной. Умело и вовремя приведенное литературное сравнение, яркий образ, нужный эпитет, исторический пример, меткая пословица или поговорка оживляют речь, делают ее более доходчивой, мобилизуют воображение на помощь мысли.

Человеческое мышление по своей природе является предметно-образным. Люди воспринимают сказанное не столько по объективному содержанию информации, заключенной в нем, сколько через свое представление о нем, через его значение для себя. Общие доводы, отвлеченные суждения, не оживленные образным словом, лишенные предметно-наглядного характера, с трудом проникают в сознание слушателя, не затрагивают его воображение, не включают его мыслительную деятельность в активный процесс. Речь сухая, вялая, невыразительная навевает скуку, оставляет слушателей равнодушными к сказанному, не может держать их в состоянии сотворчества. И наоборот, яркая по форме,

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 231.

² Воспоминания о В.И. Ленине, т. 5. М., 1969, стр. 31–32.

образная речь заставляет сосредоточиться, вызывает определенные ассоциации, будит мысль.

В речи по делу Семеновых, обвинявшихся в том, что они, войдя в преступную связь с бухгалтером Любомудровым, оказали ему содействие в хищении тысячи рублей (в старом масштабе цен), адвокат В.Л. Россельс сказал:

«Товарищи судьи! Старый рабочий-слесарь Семенов никогда не забудет тот холодный декабрьский день, когда он встретил своего давнишнего знакомого, почтенного, уважаемого и занимающего, с его точки зрения, высокое положение главного бухгалтера главка Любомудрова.

Знакомство с Виктором Ивановичем Семенов ценил, оно казалось ему даже лестным...

Навсегда сохранится в памяти Семенова и просьба, с которой к нему обратился Любомудров. «Гавриил Борисович, – сказал он, – машинистка наша перепечатала для учреждения не входящую в ее обязанности работу, а уплатить ей, штатной машинистке, сверх заработной платы тысячу рублей как-то неудобно. Не поможете ли? Ведь это же совсем просто. Я выпишу по счету вашей жене деньги, вы с ее доверенностью их получите, передадите мне, а я – машинистке. Вот так приходится обходить бюрократические формальности», – вздохнул он.

Екнуло, сильнее забилося сердце у Семенова: «Хорошо ли?» Но тут же одумался: «В чем дело, в конце концов? Тысячу рублей получу, полностью отдам, и машинистка своего не потеряет. Что же тут плохого? Да и не кто-нибудь просит, а Виктор Иванович...» Согласился.

Разговор этот, как на камне высеченный, из памяти его не изгладился. Как обещал, так и сделал...

И только значительно позже, у следователя, Семенов узнал, что не было никакой работы, никакой машинистки, что старый знакомый, почтенный, уважаемый главный бухгалтер главка Виктор Иванович Любомудров обманул его и его жену...

И вот Семеновы, всю жизнь прожившие рука об руку и здесь сидящие рядом, поникшие и растерянные, с тоской внимают речи прокурора, искусно доказывающего, что обманувший Любомудров и обманутые им Семеновы связаны одним общим умыслом, направленным на хищение тысячи рублей, как будто у рыбака и трепещущей в его хитро сплетенной сети рыбы возможен общий умысел...

Такова горькая судьба этих неискушенных, слишком доверчивых людей, прошедших весь свой долгий путь по прямым и светлым дорогам жизни, не ведая о кривых и темных ее переулках, о звериных ее тропах, по которым бродят хищники»¹.

¹ В.Л. Россельс. Судебные защитительные речи. М., 1966, стр. 78–79.

Сказано, несомненно, очень ярко, образно, выразительно. Такая речь позволяет не только правильно понять, но и живо, почти осязаемо представить себе то, о чем говорится, что желает доказать выступающий.

Нередки случаи, когда один лишь яркий факт, удачное сравнение, уместно приведенный исторический пример, знакомый литературный или фольклорный образ делают доводы выступающего гораздо убедительнее, чем пространные рассуждения, сложные логические построения, замысловатые аргументы.

В Московском областном суде рассматривалось уголовное дело по обвинению К. в убийстве своей жены из хулиганских побуждений. Подсудимый утверждал, что преступление совершил под влиянием ревности. Следственные органы провели тщательную проверку личной жизни потерпевшей. Убитая оказалась безупречно верной женой. Ее поведение полностью исключало поводы для ревности мужа. Тем самым, по мнению органов следствия, опровергались ссылки подсудимого на ревность как на мотив преступления. Защитник, возражая против этого, сказал суду: «Ревность не нуждается в реальной почве, она может сама себя питать. Отелло убил Дездемону из ревности, более того – это классический пример убийства из ревности. Между тем Шекспир на всем протяжении пьесы показывает, что Дездемона была чиста, как ангел, перед своим подозрительным супругом. Можем ли мы по этой причине сказать, что Отелло совершил убийство из хулиганских побуждений?»

Впоследствии судья признался адвокату, что этот довод явился для суда решающим при квалификации преступления¹.

Значительно оживляет речь, делает ее более динамичной использование метких пословиц и поговорок, афоризмов, метафор, гипербола, аллегорий, перифраз, иносказаний и других языковых средств. Такие средства не только усиливают выразительность речи, но и полнее, нагляднее раскрывают ее предмет, помогают слушателям расширить круг анализируемых явлений, глубже проникнуть в их суть, выполняют функцию обобщения.

В выступлении по делу об убийстве Абушенко Веры, совершенном из религиозных побуждений и корысти особо жестоким, мучительным способом ее матерью Абушенко Евдокией и сожителем последней Влащенко Семеном, государственный обвинитель, заместитель прокурора Белорусской ССР П.В. Дудковский так охарактеризовал лживость и лицемерие религиозной морали, ее социальное зло:

«В течение веков люди мечтали о лучшей жизни. Не находя ее на земле, они создали в качестве своего идеала вымышленный рай. Представление о небесном рае возникло и завладело умами и сердцами людей

¹ См.: С. Ария. О культуре защитительной речи. «Советская юстиция», 1969, № 14, стр. 19.

на почве их безысходности и отчаяния. Оно было единственным, хотя и иллюзорным, утешением для тех, кто потерял всякую надежду добиться лучшей доли, разочаровался в попытках собственными силами разорвать цепи рабства и создать счастливую жизнь на земле.

Для советских людей те времена канули в вечность. Они не нуждаются в вымыслах и бесплодных мечтах о мифическом счастье. Они сами творцы действительного счастья – не в сказке, не в потустороннем мире, а здесь, на земле.

Каждый день советский народ одерживает замечательные победы в народном хозяйстве, экономике и культуре. Строятся новые города и села, новые школы, больницы, театры, жилые дома. Все это делается во имя благополучия советского человека, во имя удовлетворения его материальных и духовных потребностей.

Успехи коммунистического строительства, выдающиеся достижения в области науки, техники, завоевания космоса все больше и больше убеждают даже отсталых людей в том, что счастье состоит не в мечтах о несуществующем “царстве небесном”, а в активном переустройстве жизни, что оно может быть достигнуто не при помощи молитв, а целеустремленным творческим трудом.

Проповедуя ложную мысль о бренности всего земного, обещая “райскую жизнь” на небе после смерти, религия насаждает пессимизм и равнодушие к действительности, убивает активность в борьбе за лучшее будущее, сеет неверие в победу нового общественного строя. Своими призывами к уходу от общественных дел, которые именуются не иначе как “мирской суетой”, церковники и сектанты противодействуют воспитанию людей в духе коллективизма, заражают их ядом социального нигилизма.

Мы без предвзятости относимся к верующим людям, не навязываем им своих убеждений, не допускаем оскорбления их религиозных чувств. Но мы не можем оставаться безучастными к религиозным пережиткам, которые мешают нашему делу, нарушают общественную жизнь, коверкают судьбы людей.

Сегодняшний процесс со всей очевидностью, со всей остротой показал, что нельзя недооценивать опасности и живучести религиозной психологии, нельзя безразлично относиться к религиозному фанатизму, который нередко приводит к изуверству, насилию над личностью, тяжкому преступлению.

Вы слышали здесь из уст Абушенко Евдокии, которая вынуждена была признать, что она сама убила свою дочь, свою плоть и кровь, выношенную под сердцем. Убила, презрев все законы материнства, элементарные нормы человеческих взаимоотношений, не признав за своей взрослой 37-летней дочерью право на свободу убеждений, право жить и вести

себя так, как она считает нужным, общаться с неверующими, смотреть кино и телевидение, слушать передачи по радио. Убила для того, чтобы завладеть домом, построенным Верой на ее трудовые сбережения, ее руками с помощью Советской власти и односельчан.

Это тягчайшее преступление вызвало гнев и возмущение трудящихся, их справедливое негодование. Я полностью присоединяюсь к ним»¹.

Яркость и образность речи могут быть достигнуты также за счет специального подбора слов, умелого варьирования их смысловыми оттенками, продуманной организации речи, применения повторов, игры слов и т. п.

Не противопоказаны судебной речи и шутка, ирония, острое слово, юмор. Умелое и уместное использование их придают речи меткость, критическую заостренность, помогают говорящему убедить в своей правоте. Не случайно говорят, что «шутка – дело серьезное», «смешное убивает». Так, если подсудимый, свидетель или потерпевший говорят явную неправду, заведомо искажают факты, сообщают вымышленные сведения, вполне допустимо высмеять, изобличить их ложь, показать несостоятельность приводимых аргументов, надуманность утверждений.

В процессе по делу Закалинского и других государственный обвинитель, характеризуя подсудимого Эдельмана как шантажиста и вымогателя взяток, сказал:

«Сам Эдельман пытался нарисовать здесь совсем другую картину, в драматической форме повествуя о том, как соблазнил его Закалинский. Он утверждал, что до прихода Закалинского ничего не знал о возможности злоупотреблений в строительном цехе. Потом пришел к нему на квартиру Закалинский и стал подкупать Эдельмана.

Сначала Эдельман, якобы возмущенный, отказался, но Закалинский, уходя, сунул в карман его пальто пакет с деньгами. И вот бедный Эдельман остался один на один с пакетом денег, которые лежали в кармане его пальто. Всю ночь он не мог спать и, наконец, к концу этой бессонной ночи нашел правильное решение. Приняв первые пять тысяч рублей, Эдельман в следующий раз принял от Закалинского уже восемь тысяч...

Вряд ли стоит серьезно останавливаться на этих показаниях Эдельмана. Фактически дело обстояло, конечно, не так. Эдельман сам предложил определенные условия и полностью получил положенные ему 10 процентов»².

Тонкой иронией, уничтожающим юмором проникнута речь защитника по делу Иволгина, когда он показывал роль свидетеля Горского, оклеветавшего подсудимого, чтобы самому уйти от ответственности за присвоение денег, якобы переданных им в качестве взятки

¹ По материалам Прокуратуры БССР.

² Судебные речи прокуроров, сб. 1. М., 1956, стр. 36–37.

Иволгину – начальнику треста нежилых фонда – за предоставление последним помещения обществу слепых:

«Товарищи судьи! Обвинительное заключение в той его части, которая касается Иволгина, написано в том стиле, в каком обычно пишутся подобные документы: язык лаконичный, лишенный каких бы то ни было проявлений чувств и переживаний. И тем не менее автор обвинительного заключения, сохраняя стиль нетронутым, сумел нарисовать на редкость трогательную, просто даже умилительную картину сердечных мук и душевных подъемов свидетеля Горского...

Если обратиться не к словам, а к содержанию обвинительного заключения, то вот ведь как разворачивались события в грустной истории о злокозненном подсудимом Иволгине и добродетельном свидетеле Горском.

Обществу слепых нужно было помещение под мастерские. В этих мастерских слепые должны были трудиться, чтобы почувствовать себя полезными и нужными людьми. Кто не ощутит в себе острого желания помочь слепым? В тресте нежилых фонда было свободное помещение, пригодное для мастерских. Трест не только мог, но и обязан был сдать это помещение в аренду обществу слепых. Исполком Ленинградского городского Совета обязал удовлетворять нужды общества слепых в первую очередь. И все же бессердечный Иволгин, начальник треста, не предоставил помещения под мастерские.

О нужде общества слепых узнал Борис Борисович Горский. Он не имел никакого отношения ни к обществу слепых, ни к тресту нежилых фонда. Но разве на добрых чувствах должна стоять служебная печать? Борис Борисович Горский не мог оставаться равнодушным к страданиям обездоленных, и он решил вмешаться и исправить несправедливость. Конечно, делал он все это бескорыстно, даже не допуская и мысли о собственной выгоде. Он приносил на алтарь добрых чувств и свое время, и свой труд. Кто решится в этом усомниться?

Горский явился к Черноволенко, члену правления общества слепых, и предложил: «Поручите мне хлопотать о помещении, и оно будет вашим». При этом ничего худого, а тем паче противозаконного Горскому и в голову не приходило. Он свято и чисто верил в добрые начала в человеке, он верил, что придет к Иволгину, просветит его насчет того, как важно помочь слепым, и тот, конечно, растрогается и сдаст помещение в аренду.

Но, увы, этой беспорочной и чистой вере Бориса Борисовича Горского был нанесен жестокий удар. Сколько ни зывал он к добрым чувствам Иволгина, они в нем не пробуждались. Мало того, перед Горским во всей своей неприглядности раскрылась горькая правда: чтобы получить помещение, нужно не обращение к состраданию, а взятка. Борис Борисович был ошеломлен, – так он и сказал. Он был ошеломлен, но не обезоружен.

Ошеломлен, но не до такой степени, чтобы забыть о слепых. Ошеломлен, но не так, чтобы отступить. И Горский решает: он не пощадит себя, он подставит себя под удар, он пойдет на преступление, он даст взятку – но слепые получают мастерские. Если уж когда-то было решено, что “Париж стоит мессы”, то почему бы Горскому не решить, что и мастерские стоят взятки!

Горский возвращается к Черноволенко и излагает ему свой план: он, Горский, берет на себя самое трудное – передает взятку Иволгину; пусть Черноволенко возьмет на себя самое легкое, пусть он раздобудет деньги для взятки. Образ Черноволенко не напишешь акварелью. Мысль о взятке Черноволенко не пугает, его заботит другое: размер взятки. Но тут Горский непреклонен. Он заявляет, что Иволгин, правда, ничего не говорил ему о размере взятки, но он, Горский, паладин милосердия, не допустит, чтобы помещение не досталось слепым из-за скарденности Черноволенко. С яростью, которая объясняется, конечно, только бескорыстием и альтруизмом, Горский вступает в торг с Черноволенко и старается убедить его не скупиться – чем крупнее взятка, тем обеспеченнее успех. Горский побеждает в этом споре и получает 10 тысяч рублей¹. Эти деньги Горский передает Иволгину. Само собой разумеется, передает полностью, даже не помышляя о том, чтобы оставить себе хоть малую толику. Сама мысль о чем-нибудь подобном является кощунством, если дело касается Бориса Борисовича Горского.

Помещение предоставлено. Мастерские для слепых размещены. И тогда к Горскому приходит просветление. Он постигает, что давать взятки преступно, и его начинает мучить раскаяние. Совесть, “когтистый зверь, скребущий сердце”, не дает Горскому покоя. Только в плохих пьесах человек перековывается мгновенно. Но Горский не таков – его грызет совесть, он беспощадно корит себя и... молчит. Целый год молчит. Проходит второй год. Совесть, “заимодавец грубый”, все острее и сильнее донимает Горского. Борис Борисович мучается, терзается, но молчит. Вот и третий год проходит. Совесть не утихает, она бушует в Горском. А он все еще молчит. Борис Борисович, не мучайтесь, облегчите совесть, заговорите.

Наступает октябрь. Бороться с совестью Горский больше не в силах, и он является к следователю с повинной. Но добродетель всегда вознаграждается, и следователь разъясняет Горскому то, о чем он и не подозревал: что он освобождается от ответственности, так как добровольно заявил о взятке.

И вот про Бориса Борисовича Горского, про человека, измученного совестью, про жертву сердечных порывов, Иволгин решает сказать,

¹ В старом масштабе цен.

что он, Горский, клеветает и обманывает, что он, Горский, не только не передавал ему никаких денег, но просто-напросто сам все их прикарманил...

А вам, товарищи судьи, нужно решать, кто из них, подсудимый Иволгин или свидетель Горский, говорит правду».

Затем защитник, тщательно анализируя все собранные по делу данные, убедительно показывает, что никакой взятки не было, что, используя случай, Горский решил «подзаработать», а когда возникла угроза его разоблачения, он прибег к «добровольной» явке с повинной, чтобы, оклеветав Иволгина, самому уйти от ответственности¹.

Умение воспользоваться (именно воспользоваться, а не отделаться) шуткой, ироническим замечанием, саркастическим сравнением свидетельствует о свободе владения словом, остроте и живости ума, хорошей подготовке к выступлению. Такие речи вызывают повышенный интерес, приковывают внимание, заставляют слушателей активнее воспринимать сказанное.

К сожалению, многие наши прокуроры и адвокаты не заботятся о форме речи, не работают над ней, а, выступая в суде, говорят сухим, корявым, невыразительным и бесцветным языком. Это неизбежно навевает скуку, а скука убивает любую, даже правильную по содержанию речь.

А.Ф. Кони, предостерегая от соблазна красивой формы ради формы, от попыток порисоваться в суде, напустить изящного тумана, вместе с тем подчеркивал, что судебная речь должна быть образной, выразительной, гибкой, что ей «нужна яркая форма, в которой сверкает пламень мысли и искренность чувств»². Речь должна «глаголом жечь сердца людей», покорять их.

Но яркость, образность судебной речи – не самоцель, а лишь вспомогательное средство, способ выражения ее содержания. Стремление к выразительности речи, насыщение ее различного рода аллегориями, образами, сравнениями оправданно только тогда, когда оно выполняет строго определенную смысловую функцию, подчинено ей, а не превращается в пустую игру слов, в красоту ради красоты.

Выступая по делу Ахметова, обвинявшегося в хищении, адвокат Ленинградской областной коллегии Т. сказал: «Когда я подхожу к обвинению, как оно выразилось в обвинительном акте, поддерживаемом и здесь, на суде, во всей его целостности, я вижу здание с виду величественное, обширное, сложное, я вижу стиль и единство в деталях, я готов заподозрить даже и присутствие в нем художественной правды: здание готическое, зубчатые линии, как лес мачт Исаакиевского собора, бегут

¹ Я.С. Киселев. Судебные речи. Л., 1967, стр. 165–183.

² А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 148.

в небеса; на каждой остроконечности повисла улика против них, крупные доказательства в виде скульптурных фигур расположились в нишах здания»¹.

Другой защитник свою речь, не слишком обремененную доводами и аргументами, закончил следующими словами: «Товарищи судьи! Скоро наступит событие, фатально неизбежное, как рок: Вы провозгласите свой приговор. Подсудимая ждет его с тревогой и надеждой, заглушая горькие слезы еле сдерживаемых рыданий. В ее трепетном молчании – горе и скорбь ее судьбы, незатухающая боль той тяжелой драмы, что вошла в ее жизнь. Так не дайте же ей разувериться в торжестве Вашей справедливости, не обкрадите ее надежд, не бросьте в бездну отчаяния и безысходности, а взвесив все “за и против”, определите ей наказание адекватно содеянному»².

При внешней непохожести приведенных отрывков их объединяет явное желание авторов сработать на внешний эффект, полюбоваться собой, пококетничать «красотами стиля», логику фактов подменить броскими словами.

Судебная речь является разновидностью ораторского искусства. Как всякое искусство, она предполагает мышление образами, несет знания, возбуждает и развивает в людях чувство добра и правды, служит средством этического и эстетического воспитания. Но в отличие, скажем, от поэтического, актерского, изобразительного или иного художественного творчества главным в устной речи является мысль, идея в ее «чистом» виде, в понятийной сущности³. Поэтому любой ораторский прием, любой способ изложения мысли должны выступать не сами по себе, а быть органически слиты с содержанием речи, подчинены ее цели. Ради красивого слова, звонкой фразы, лишней цитаты нельзя жертвовать логикой изложения, смысловой точностью. Подсказать же, что можно использовать в речи, а что нельзя, должны здравый смысл, элементарный такт, эстетическое чутье, художественный вкус, профессиональная и нравственная требовательность.

§ 4. Эмоциональность речи

Помимо ясности, точности и выразительности, важно также, чтобы судебная речь была эмоциональной, страстной, взволнованной. Она должна будить не только мысль, но и чувства слушателей, вызывать у них определенную настроенность. Речь, составленная из одних рассуждений, холодная и бесстрастная, действует на слушателей поверхностно,

¹ «Советская юстиция», 1960, № 6, стр. 7.

² По материалам Министерства юстиции БССР.

³ См.: Г.З. Апресян. Ораторское искусство. М., 1969, стр. 37.

не убеждает. Выступая в суде, судебный оратор должен заразить слушателей своим волнением, воздействовать на их сознание посредством чувств, передать им свою убежденность.

Эмоциональное и рациональное не противостоят друг другу, а взаимно дополняют друг друга, образуют единое целое. Рациональное проявляется в эмоциональном, окрашено им. В свою очередь, эмоциональное служит средством познания, дает толчок к более полному восприятию и глубокому осмыслению тех или иных фактов, процессов, явлений. «Без “человеческих эмоций”, – указывал В.И. Ленин, – никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»¹.

Эмоциональная насыщенность, одухотворенность, приподнятость речи – не риторический прием, рассчитанный на внешнее впечатление невзыскательных слушателей, а необходимое ее качество, без которого воздействие речи, ее убедительность в значительной мере ослабляются.

Советская психология учит, что любое убеждение, готовность действовать сообразно с ним складываются и закрепляются не только потому, что они опираются на разум человека, но и потому, что они находят отклик и поддержку в его эмоционально-нравственной сфере, его чувствах, симпатиях и антипатиях.

Возможность сознательно возбуждать и направлять человеческие эмоции, вызывать определенную эмоциональную настроенность создает ту благоприятную эмоционально-психическую атмосферу, которая облегчает логический процесс, ускоряет его, придает мыслям и идеям выступающего большую выпуклость, рельефность. Речь эмоционально сильная слушается с повышенным интересом и вниманием, лучше и полнее воспринимается, быстрее находит путь к уму и сердцу слушателей. Поэтому явно обкрадывают себя те ораторы, которые не заботятся об эмоциональной стороне своих выступлений, глушат чувства, считают чуть ли не анахронизмом саму попытку воздействовать на чувства.

Понятно, что эмоциональная напряженность, эмоциональная окраска речи может и должна быть различной: сдержанной, скупой или, наоборот, повышенной, насыщенной. Все зависит от конкретных обстоятельств дела, от предмета речи. Так, в речи по делу об умышленном убийстве, где на первый план выступают личностные отношения и их нравственная оценка, где особое значение приобретает показ действительных мотивов, приведших к трагической развязке, вполне допустима и оправдана эмоциональная заостренность, отчетливое проявление оратором своих чувств: гнева, боли, возмущения, негодования или сострадания. И напротив, при рассмотрении, скажем, хозяйственного дела, где

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112.

главное внимание уделяется тщательному анализу различных документов, цифровых данных, оценке выводов экспертов, наиболее уместны спокойный, деловой тон, эмоциональная сдержанность. Но во всех случаях судебная речь не может быть полностью лишена ораторской взволнованности, эмоциональной настроенности.

Встречающийся иногда вопрос, к чему должна быть обращена речь – к разуму или чувствам слушателей, – в значительной мере носит схоластический характер. В человеческом познании все элементы психической сферы неразрывно слиты. Если мысли говорящего свежи и глубоки, если чувства сильны и искренни, они действуют одновременно и совместно и на сознание, и на чувства слушателя.

Явно заблуждаются те, кто думает, что современный человек стал менее эмоционален, впечатлителен и под предлогом понятливости слушателей, их интеллектуальной зрелости лишает свою речь эмоционального заряда, рассчитывает лишь на трезвый ум, рассудительность, здравый смысл. Такие ораторы сами усложняют свою задачу, добровольно отказываются от помощи надежного и испытанного союзника – эмоционального воздействия.

Однако обращение не только к разуму, но и к чувствам слушателей, стремление вызвать и соответственно направить определенные эмоции не должны иметь ничего общего с ложной патетикой, наигранной страстью, слезливой сентиментальностью. Нет ничего более противостественного, чем попытка превратить судебные прения в мелодраматический фарс, сыграть на эмоциях слушателей. Поэтому для судебного оратора особо важно выбрать правильный тон речи, строго соблюдать чувство меры, удерживаться от увлечений, пристрастности, односторонности, вольного обращения с фактами.

Настоящая, а не деланная взволнованность возможна лишь тогда, когда она искренна, когда выступающий сам глубоко верит в то, что он говорит, когда он понял и прочувствовал внутреннюю суть излагаемых фактов и явлений, когда слова и мысли им выношены, а не взяты напрокат. Никакой страстности, эмоциональной приподнятости не может быть, если выступающего не волнует то, о чем идет речь, если он относится к нему безразлично, равнодушно. «Плачь сам, если хочешь, чтобы плакал и я», – говорил Гораций. Всякая неискренность, наигранный пафос, риторическое ханжество будут немедленно почувствованы слушателями, отвергнуты ими. Если не верит своим словам говорящий, то как же поверят ему другие!

Примером глубокой взволнованности, эмоционального накала может служить речь адвоката Матлова, выступавшего в качестве представителя гражданского истца по делу Шелеховых, обвинявшихся в убийстве Н. Малкиной, труп которой был расчленен и по частям сброшен в Неву:

«Товарищи судьи! Предъявляя иск к Шелеховым, мои доверители меньше всего думали о материальной его стороне. Шелеховы могут быть спокойны: мы никогда не используем нашего права, если вы, товарищи судьи, его признаете.

Светлая память Наташи Малкиной – русской женщины, врача, патриота – слишком дорога нам, и мы не обменяем ее на исполнительные листы. Ее чистую кровь, пролитую в боях, Родина оценила высокими наградами – орденами Советского Союза. И за кровь ее, пролившуюся под ножом и топором убийц, нельзя заплатить рублями.

Нет, товарищи судьи, другие соображения руководили нами, и вы их поймете. Принимая непосредственное участие в рассмотрении дела, мы хотели оградить память погибшей Натальи Борисовны Малкиной от всякого рода клеветнических нападок и измышлений и помочь вам, судьям, разоблачить преступников и вынести справедливый приговор.

Мы испытываем не только огромное горе, но и охвачены глубоким гневом и возмущением. Если бы наша Наташа пала на поле боя в Отечественной войне, мы оплакали бы ее гибель, как и многих тысяч советских людей, и сохранили бы о ней светлую память, как о герое, отдавшем жизнь за Родину. Мы гордились бы такой смертью.

Но смерть бессмысленная, ненужная, от рук подлых убийц вызывает наш гнев и возмущение. Мы требуем не мести, а справедливости. А справедливым может быть лишь суровое осуждение убийц. Пусть непогребенные до сих пор останки несчастной Натальи Борисовны Малкиной сойдут, наконец, в могилу и найдут там вечный покой!»¹

С огромным душевным волнением, с гневом и болью говорил Н.В. Крыленко на процессе по делу правых эсеров о злодейских выстрелах эсерки Каплан во Владимира Ильича Ленина:

«Для истории мировой революции, для спасения русской революции этот трагический день является одним из самых тяжелых и самых опасных, которые когда-либо переживали русский рабочий класс и революция... О, если бы можно было хоть на одну секунду думать, что эти люди поняли хоть сейчас весь ужас того, что было совершено в этот день, ощутили хоть сегодня всю степень опасности, которой в этот день они подвергли Российскую революцию, русский рабочий класс и все его завоевания! Они бы поняли, что, если бы в борьбе, которую мы вели и ведем, в этой борьбе за спасение русской революции не было бы Владимира Ильича, не было бы его ясного ума, не было бы его железной воли, вся эта проклятая буржуазная сволочь терзала бы сейчас трупы тысяч русских рабочих и сотен тысяч русских крестьян... Ужас этого дня,

¹ Судебные речи советских адвокатов. М., 1960, стр. 137–138.

30 августа, мы чувствуем еще и теперь, так как результаты этого дня еще и теперь сказываются. В тот же момент трагедия была еще ужасней. Поняли ли они?! Я не могу больше об этом спокойно говорить...»¹

Но, заботясь об образности и эмоциональности судебной речи, нельзя впадать в другую крайность: пытаться отсуствие доказательств и аргументов подменять воздействием лишь на чувства слушателей, спекулировать на их эмоциях, демонстрировать свои переживания, говорить «со слезой». Всякие преувеличения, натяжки, стремление бить лишь на внешний эффект в большинстве случаев приводят к прямо противоположным результатам, могут обернуться неожиданной стороной.

А.П. Чехов с присущим ему тонким юмором изобразил подобный случай в небольшой зарисовке, которая так и называется: «Случай из судебной практики».

В одном из судов присяжных рассматривалось дело Сидора Шельмцова. Его обвиняли в краже со взломом, мошенничестве и проживании по чужому паспорту. Обвинял подсудимого молодой, недавно окончивший университет товарищ прокурора. В качестве защитника выступал знаменитый и популярный адвокат.

«Когда товарищ прокурора сумел доказать, что подсудимый виновен и не заслуживает снисхождения; когда он уяснил, убедил и сказал: “Я кончил”, – поднялся защитник. Все наострили уши. Воцарилась тишина. Адвокат заговорил, и... пошли плясать нервы N...ской публики!..

– Мы – люди, господа присяжные заседатели, будем же и судить по-человечески! – сказал между прочим защитник. – Прежде чем предстать пред вами, этот человек выстрадал шестимесячное предварительное заключение. В продолжение шести месяцев жена лишена была горячо любимого супруга, глаза детей не высыхали от слез при мысли, что около них нет дорогого отца! О, если бы вы посмотрели на этих детей! Они голодны, потому что их некому кормить, они плачут, потому что они глубоко несчастны... Да поглядите же! Они протягивают к вам свои ручонки, прося вас возвратить им их отца!..

В публике послышались всхлипывания... Заплакала какая-то девушка с большой брошкой на груди. Вслед за ней захныкала соседка ее, старушонка.

Защитник говорил и говорил... факты он миновал, а напирал больше на психологию.

– Знать его душу – значит знать особый, отдельный мир, полный движений. Я изучил этот мир... Изучая его, я, признаюсь, впервые изучил человека. Я понял человека... Каждое движение его души говорит за то, что в своем клиенте я имею честь видеть идеального человека...

¹ Н.В. Крыленко. Судебные речи. М., 1964, стр. 264–265.

Судебный пристав перестал глядеть угрожающе и полез в карман за платком... Прокурор, этот камень, этот лед, бесчувственнейший из организмов, беспокойно завертелся на кресле, покраснел и стал глядеть под стол... Слезы засверкали сквозь его очки.

“Было б мне отказаться от обвинения! – подумал он. – Ведь это такое фиаско потерпеть! А?”

– Взгляните на его глаза! – продолжал защитник (подбородок его дрожал, голос дрожал и сквозь глаза глядела страдающая душа). – Неужели эти кроткие, нежные глаза могут равнодушно глядеть на преступление? О, нет! Они, эти глаза, плачут! Под этими калмыцкими скулами скрываются тонкие нервы! Под этой грубой, уродливой грудью бьется далеко не преступное сердце! И вы, люди, дерзнете сказать, что он виноват?!

Тут не вынес и сам подсудимый. Пришла и его пора заплакать. Он замигал глазами, заплакал и беспокойно задвигался.

– Виноват! – заговорил он, перебивая защитника. – Виноват! Сознаю свою вину! Украл и мошенства строил! Окаянный я человек! Деньги я из сундука взял, а шубу краденую велел свояченице спрятать... Каюсь! Во всем виноват!»¹

§ 5. Полнота и лаконичность речи

Одним из неперменных условий судебной речи является ее полнота. Выступая в судебном процессе, подводя его итоги, государственный обвинитель и защитник должны дать глубокий и всесторонний анализ собранных по делу материалов, осветить в своей речи все существенные для дела обстоятельства, с тем чтобы присутствующие в зале судебного заседания получили о деле полное и правильное представление. Прокурор и защитник не вправе что-то обойти, что-то игнорировать, от чего-то уклониться, если это имеет значение для разрешения уголовного дела, если это важно для достижения целей правосудия. Всякая неполнота и поспешность речи, недостаточный анализ и оценка материалов дела в ней неизбежно приводят к тому, что речь оказывается поверхностной, слабо аргументированной, неубедительной.

Но полнота судебной речи заключается не в многословии, не в ее чрезмерной растянутости, громоздкости, а в ее содержательности, обстоятельности, завершенности. Поэтому наряду и одновременно с полнотой судебная речь должна быть краткой, лаконичной, экономной. «Краткость, – говорил А.П. Чехов, – сестра таланта».

Краткость речи заключается вовсе не в ее объеме и продолжительности произнесения, не в том, что она тезисообразна, скупа. Краткость – это отсутствие всего лишнего, второстепенного, засоряющего.

¹ А.П. Чехов. Собр. соч., т. 2. М., 1954, стр. 74–76.

«На суде, – отмечает А.Ф. Кони, – надо говорить все, что нужно, и только то, что нужно... Речь должна быть экономной, упругой»¹. Всякое пустословие, повторения, рассуждения о вещах, не относящихся к делу, расхолаживают слушателей, затрудняют правильное понимание речи.

Для того чтобы речь была краткой, лаконичной и вместе с тем обстоятельной, над ней нужно много и упорно работать. Надо решительно выбрасывать из речи все, что разжижает и засоряет ее, добиваясь максимальной точности, сжатости и экономности. Нужно научиться говорить так, как призывал Н.А. Некрасов: «Чтобы словам было тесно, а мыслям просторно».

Речь слишком долгая, заполненная излишними деталями и подробностями, среди которых теряется главное, утомляет слушателей, снижает их интерес к существу дела, ослабляет приводимые доводы. Так, один прокурор, явно затянувший свою обвинительную речь отвлеченными и маловразумительными рассуждениями, сказал: «Я чувствую, что суд недоволен моей речью и делает мне разного рода жесты; я прошу отдыха и воды – я устал»². Легко себе представить, как должны были устать от такой речи судьи и все присутствующие в зале судебного заседания и сколько воды содержалось в речи прокурора. В таких случаях уместно вспомнить слова Софокла: «Много говорить и много сказать – не одно и то же».

Несомненной ошибкой было бы считать, что, чем речь пространнее, длиннее, тем она солиднее, внушительнее. «Во многоглаголании, – говорит народная пословица, – несть спасения». Никакое обилие слов не в состоянии восполнить недостаток мыслей, компенсировать их незрелость. Поэтому не следует принимать всерьез совет Мефистофеля, которым он напустился на своего ученика: «Коль скоро недочет в понятиях случится, их можно словом заменить» (*Гёте*. *Фауст*). Это – лишь шутка, не более.

Если речь получается рыхлой, если в ней можно обойтись без тех или иных слов и суждений, загромождающих ее, откажитесь от них, без колебаний опустите их. Полнота судебной речи, столь нужная и обязательная, должна быть краткой, действительной, а не мнимой.

§ 6. Грамотность и культура речи

Уметь говорить грамотно и культурно – обязанность каждого. Для судебного оратора эта обязанность приобретает особое значение. Ведь любое выступление государственного обвинителя и защитника в суде носит публичный, политический характер, связано с отправлением правосудия. Поэтому оно должно быть безукоризненным в отношении

¹ А.Ф. Кони. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, стр. 137.

² Цит. по: А.Ф. Кони. Собр. соч., т. 4. М., 1967, стр. 156.

грамотности и чистоты стиля, отличаться высокой речевой культурой и вкусом.

От уровня грамотности и культуры речи во многом зависит ее точность, выразительность, логическая стройность, убедительность. Допущенные в речи лексические погрешности и несообразности, неправильные словосочетания, неверные обороты, нарушения требований грамматики и синтаксиса невольно искажают речь, затрудняют ее восприятие, лишают ее необходимой действенности.

Каждое слово, каждое выражение, использованное в речи, должно быть употреблено в точном соответствии с его смысловым значением, произнесено с соблюдением правил фонетики. Только в этом случае оно способно донести до слушателя мысли и доводы говорящего, выполнить свое информационное назначение.

Казалось бы, приведенные соображения бесспорны, элементарны, очевидны. Между тем многие речи наших прокуроров и адвокатов весьма уязвимы с точки зрения их грамотности, нередко содержат грубейшие грамматические и лексические ошибки, культура их очень низка.

Выступая по делу Грачева, обвинявшегося в хулиганстве, прокурор сказал:

«...На улице девушки играли в волейбол. Но Грачев со своей персоной решил внести свои коррективы в игру. Одна из девушек даже попыталась отвлечь Грачева от его намерений, но хулиган шел к своей цели. Отсюда начинается хулиганская оргия... У Грачева получилось как у дикарей. Только у дикарей существовала кровная месть, да во времена царизма на Кавказе. Но сейчас на Кавказе таких случаев нет, а если они встречаются, то за это жестоко наказываются виновные. А мы столкнулись с кровавой местью в центре нашей страны – в городе Саратове»¹.

Какая корявая, безграмотная и неряшливая речь! Вряд ли она завоевывает слушателей, вызовет у них желание размышлять над приведенными фактами, анализировать их.

А вот еще один образчик «ораторского искусства». Выступая по делу об убийстве работника милиции Ф., прокурор следующим образом характеризует потерпевшего:

«Стоит только хоть немного взглянуть, как часто в единственном числе милиционер, врзаясь в группу граждан, поднявших между собой скандал, без цели избивая друг друга, он без всяких слов из этой небулвующей группы находит себе сторонника, восстанавливает порядок, задерживает нарушителей, а пострадавшим, если таковые имеются, оказывает зависящую от него помощь».

¹ Методика подготовки и произнесения обвинительной речи. Саратов, 1962, стр. 40.

Неужели прокурор не нашел для характеристики погибшего несколько простых и человеческих слов вместо этой косноязычной мешанины?!

Нередко в выступлениях прокуроров и защитников можно встретить такие выражения: «свидетели в количестве трех», «проверкой установлено, что отсутствуют в наличии следующие товары», «у подсудимого была очень тяжелая семейная ситуация», «благодаря плохой охране подсудимые проникли в склад», «большую половину работы он выполнил сам», «большое значение играет» и т. п.

Нужно быть совершенно равнодушным к языку, не чувствовать и не понимать его, чтобы создать, например, такие косноязычные фразы: «разнообразя от нечего делать преступное поведение, подсудимый сопровождал рукоприкладство нецензурным содержанием»; «вылившись в хулиганство, пьянка переросла в дебош, сопряженный с уничтожением собственного имущества путем выкидывания из окна»; «перекупленный сервис перепродан обвиняемой как купленный за двойную цену»; «потерпевший систематически занимался изменой супружеской верности» и др. Слушая подобные выступления, невольно хочется крикнуть: «Да остановитесь же! Зачем так грубо коверкать наш прекрасный русский язык?! Право же, он этого не заслужил».

Обязательным условием грамотной и культурной речи является правильное произношение слов, строгая взыскательность к соблюдению правил фонетики. Всякие искажения в произношении слов, неправильные ударения производят отталкивающее впечатление, режут слух.

Судебные ораторы должны решительно избавляться от слов-паразитов: «так сказать», «значит», «в общем и целом», «более или менее», «и вот», «понимаете ли» и др. Слова эти – «костыли хромого оратора». Они засоряют речь, делают ее неопрятной, затрудняют правильное восприятие и понимание сказанного, убивают искренность.

Если выступающий заявляет, что он желает «конкретно показать, как мелкое самолюбие и частнособственническая корысть привели подсудимого к уворованию государственных средств, которое совершено им, так сказать, самым подлым, самым иезуитским образом – путем подделки документов», то нетрудно предсказать, что доверительного отношения между выступающим и аудиторией не возникнет. Тут действует железная закономерность: чем энергичнее оратор пытается скрыть свою неподготовленность к выступлению, ограниченность своего кругозора, тем отчетливее проявляется его беспомощность, скудость знаний, элементарная неграмотность, низкая речевая культура.

Нередко ошибки допускаются в результате непонимания природы устной речи, ее особенностей. В отличие от письма речь не имеет пространственной характеристики; она разворачивается во времени. Поэтому неграмотны, например, такие часто встречающиеся выражения:

«выше я уже говорил...», «ниже я еще коснусь...». В речи нет ни верха, ни низа. В ней можно сказать: раньше, позже, потом и т. п.

Не согласуются с нормами литературного языка и такого рода выражения: «позвольте мне буквально изложить эту мысль». Буквально можно процитировать, прочитать, перевести с другого языка. А изложить – значит пересказать, передать своими словами.

Часто выступающий, желая подчеркнуть какое-либо положение или показать особо доверительное отношение к слушателям, заявляет: «скажу честно», «говоря откровенно». А у слушателя невольно возникает мысль: «Разве до этого выступающий был нечестным или говорил неоткровенно?»

Подобные несуразности – результат небрежного или неумелого обращения со словом, следствие безответственного к нему отношения. А всякое невнимание к слову, беспечность в выборе средств выражения мыслей, недостаточная грамотность речи мстят за себя.

§ 7. Композиционная стройность речи

Любая речь состоит из слов, суждений, доводов, заключений. Они выражают ораторскую мысль, выявляют ее содержание. Но сами по себе указанные компоненты еще не образуют речи, а представляют лишь исходный материал для нее, словесное сырье. Чтобы построить речь, нужно этот материал соответствующим образом сгруппировать, привести в систему, расположить его в определенном порядке, добиться композиционной стройности и целостности. Без этого нельзя рассчитывать на успех. Всякая неупорядоченность речи, композиционная рыхлость непременно скажутся на ее содержании, затруднят ее понимание, осложнят путь к истине.

Для достижения композиционной четкости и стройности речи необходимы: а) строгая логическая последовательность изложения материала; б) связанность и соподчиненность всех частей речи; в) соразмерность их; г) внутренняя согласованность речи, отсутствие в ней каких-либо противоречий, расхождений, несоответствий; д) единство и законченность речи.

Композиционная выдержанность речи возможна лишь тогда, когда все доводы и суждения оратора тщательно продуманы, выверены, сведены к единому плану, когда они подчинены главной теме, составляющей ту основу, которая определяет внутреннюю логику речи, ее строй. Нужно, чтобы мысль не блуждала в хаосе беспорядочно разбросанных слов и суждений, а отчетливо вытекала из сказанного, чтобы каждая последующая мысль была связана с предыдущей, подкрепляла и развивала ее, служила опорой для следующей, чтобы переход от одного к другому был естественным, логически оправданным.

Никакой композиционной целостности не может быть, если мысль оратора скачет с предмета на предмет, если главное постоянно перебивается второстепенным, если изложение основного все время прерывается длинными и маловыразительными отступлениями, если существенное теряется в частностях, утопает в них. Такая речь не способна что-либо разъяснить, в чем-либо убедить. Она утомляет и раздражает слушателей, вызывает к себе недоброжелательное отношение.

Если в речи наряду с главной, узловым темой развиваются побочные, необходимо, чтобы они занимали подобающее им место, не заслоняли главного, были соподчинены ему.

Очень важно также, чтобы все элементы речи, все утверждения и соображения были взаимно согласованы, не содержали внутренних противоречий, не имели явных или скрытых расхождений, несоответствий. Всякая несогласованность, допущенная в речи, делает позицию выступающего уязвимой, ослабляет силу его доводов, зарождает недоверие к сказанному.

В суде рассматривается уголовное дело. Фактические обстоятельства его таковы. Подсудимый вместе с женой пришли в воскресный день в городской парк, где проходило массовое гулянье. Встретив знакомую супружескую пару, они вчетвером стали выпивать на лужайке парка. Во время выпивки между подсудимым и его женой возникла ссора, в ходе которой подсудимый нанес жене ножевое ранение в плечо, причинив ей легкое телесное повреждение. Действия подсудимого были квалифицированы по ст. 201 ч. 3 УК БССР как злостное хулиганство, совершенное в общественном месте с применением холодного оружия.

Прокурор, поддерживая предъявленное обвинение, просил суд назначить подсудимому наказание в виде трех лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Защитник подсудимого, заявив, что «у защиты нет расхождений с государственным обвинителем в части доказанности предъявленного обвинения и квалификации совершенного преступления», выразил свое несогласие с предлагаемой прокурором мерой наказания, считая ее слишком суровой, не соответствующей тяжести содеянного. В обоснование этого тезиса он привел следующие доводы: подсудимый не нарушал общественного порядка, так как выпивка и ссора произошли в стороне от аллей, где гуляли люди; подсудимый не ругался, не сквернословил; нанесение телесного повреждения было вызвано личными мотивами.

Независимо от того, насколько эти доводы являются обоснованными, они по существу означают несогласие защитника с предъявленным обвинением: если подсудимый не нарушал общественного порядка, если причиненное потерпевшей легкое телесное повреждение было вызвано личными мотивами, произошло на личной почве, то в действиях

подсудимого нет состава хулиганства, значит, его действия квалифицированы неправильно.

Так в речь защитника вкралось явное противоречие, в его суждениях возникла очевидная неувязка. А они нетерпимы в судебной деятельности, несовместимы с той ответственностью, которая лежит на участниках судебных прений.

Каждому, кто выходит на судебную трибуну, следует твердо помнить: речью должны управлять мысли, а не слова. Пусть не слова опережают мысль, а мысль диктует свою волю, определяет слова, расставляет их, как полководец солдат. Тогда будут обеспечены и глубокое содержание речи, и композиционная стройность, и завершенность ее.

§ 8. Стиль и техника речи

Оратор и его речь неотделимы. В речи всегда находят свое отражение не только знания, ум и культура оратора, но и его видение фактов, его манера мыслить и говорить, спорить и убеждать, строить и произносить фразы, придавать им необходимую гибкость, выразительность, смысловую законченность. Этот индивидуально конкретизированный способ выражения и передачи мыслей и составляет стиль речи.

Стиль – это своеобразное воплощение личности оратора, его опыта, эрудиции, темперамента, его творческой индивидуальности. Стиль характеризуется отношением оратора к фактам, к слову, его манерой изложения мыслей, подходом к выбору и использованию языковых средств.

Стиль охватывает все приемы и методы ораторского мастерства, весь арсенал употребляемых языковых средств. Но прежде чем эти приемы и методы станут «своими», они проходят через эмоционально-психическую структуру оратора, приобретают личностную окраску, как бы персонифицируются. Поэтому подлинный стиль всегда индивидуален, оригинален, неповторим.

Ораторский стиль можно рассматривать как синтез формы и характера речи, как совокупность индивидуализированных приемов построения и произнесения ее. Иначе говоря, ораторский стиль – это общее, пропущенное через индивидуальное и в силу этого ставшее своим, субъективным.

Значение стиля определяется тем, что он организует речь, обогащает ее, обеспечивает достижение единства содержания и формы. Тот факт, что речь не обезличена, не засорена штампами, не угнетена готовыми формулировками, потускневшими от долгого употребления, придает ей свежесть и живость, делает ее привлекательной.

Стиль речи не представляет собой чего-то неизменного, однообразного, косного. Помимо того что он непрерывно оттачивается и совершенствуется по мере накопления оратором опыта и знаний, он разнообразится

в зависимости от предмета речи и ее направленности, состава слушателей, эмоциональной атмосферы выступления и т. п. Нельзя, например, одинаково говорить о трагическом событии, вызвавшем большой общественный резонанс, причинившем непоправимый вред, и заурядном хищении магнитофона, совершенном подростком из озорства. Здесь нужны не только разные мысли и слова, но и различный тон речи, иные способы и приемы освещения фактов. «Истинно красноречив тот, – указывал Цицерон, – кто умеет говорить о будничных делах просто, о великих – величаво, о средних – стилем промежуточным между обоими»¹.

Каждый оратор должен стремиться говорить своим языком, вырабатывать свой стиль речи, искать свои приемы ораторского мастерства. При этом можно и нужно изучать чужие речи, анализировать их, перенимать все лучшее, ценное. Но ни в коем случае нельзя копировать эти речи, слепо подражать им, заимствовать из них. Не говоря уже об этической стороне дела, всякие попытки использовать чужие приемы, приспособить чужие слова нарушают общий строй речи, выдают ее «иностранное» происхождение.

В опубликованной речи адвоката в защиту подсудимого Горбачевского читаем:

«Нельзя не согласиться с тем, что такое преступление, как убийство отца, глубоко чуждо нашему советскому мировоззрению, противно самой человеческой природе и вызывает внутреннее возмущение у каждого человека. И когда, не зная подсудимого, не зная показаний свидетелей и обстоятельств данного дела, мы слышим, что сын убил отца, то невольно испытываем чувство глубокого негодования.

Должен прямо сказать, что именно эти чувства волновали и меня, когда я услышал об этом событии. Тем более я был взволнован, когда родственники подсудимого попросили меня взять на себя его защиту.

Но вот я приступил к изучению материалов дела, побеседовал с Горбачевским, и у меня пропало чувство взволнованности, его заменило чувство сочувствия моему подзащитному. Не случайно сегодня вы наблюдаете редкое явление: симпатии присутствующих в этом переполненном зале на стороне подсудимого.

Разве мыслимо, что в советской семье, на виду у широкой общественности жил человек с двойным лицом, который внешне был вежлив, требователен и принципиален, а в семье был садистом и деспотом, носителем самых тяжелых пережитков прошлого»².

Но ведь это очевидное подражание известной речи И.Д. Брауде в защиту московского школьника В. Абрамова³. Причем подражание явно

¹ Античные теории языка и стиля. М., 1936, стр. 276.

² Сборник защитительных речей адвокатов Белорусской ССР. Минск, 1968, стр. 29.

³ См.: Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956, стр. 25–26.

неудачное, поскольку при внешней схожести совершенных преступлений конкретное содержание их различно. Поэтому мысли, высказанные применительно к одной ситуации, звучат совсем неубедительно, даже фальшиво, применительно к другой.

Со стилем речи неразрывно связаны такие ее элементы, как интонация, темп, тон, поза, жесты, мимика и др. Их принято называть техникой речи. Это название в значительной мере носит условный характер, но безусловным является значение указанных элементов для самой речи.

Любая устная речь рассчитана прежде всего на непосредственное слуховое восприятие. Оно во многом зависит от тона, темпа, интонации речи, дикции оратора.

Интонация – это модуляционная окраска слов, изменение их тональности в зависимости от смыслового и эмоционального содержания мысли. Интонация выражает отношение оратора к сказанному, его душевное состояние, его настроенность. Только в конкретном интонационном звучании слово получает свой действительный смысл. Тот или иной интонационный оттенок может полностью изменить смысловое значение слова, придать ему совершенно другой характер. Вот почему важно уметь правильно пользоваться и распоряжаться интонационным богатством голоса, стремиться к единству мысли и ее звукового выражения.

Небезразличен для речи и темп. Плохо, когда речь произносится чересчур медленно, вяло, тягуче. Не лучше, когда она слишком быстрая, «пулеметная». В обоих случаях затрудняется восприятие сказанного, затемняется его смысл.

Характеру речи должен соответствовать тон ее: спокойный, сдержанный, деловой или взволнованный, страстный. В зависимости от смысла и значения сказанного тон речи может повышаться или понижаться, приобретать другой оттенок. Но при всех обстоятельствах речь должна произноситься ровно, без рывков и срывов, без чрезмерной аффектации.

Недопустимы в судебной речи раздражение, запальчивость, пренебрежительный тон. В равной мере противопоказаны ей угодливость, слащавость, подчеркнутое заискивание. Не годится для судебной речи и бесстрашие, монотонность, нарочитая расслабленность, безвольность. Наконец, плохое впечатление оставляет назидательный, поучающий, менторский тон. Выступающий должен обращаться к своим слушателям как спокойный и уважительный собеседник. Ничего не навязывая им, он как бы делится с ними своими мыслями и наблюдениями, выводами и соображениями, приобщает их к своим раздумьям.

Несколько замечаний относительно позы, жестов, мимики.

Поза судебного оратора должна быть простой, естественной, скромной. Во время речи следует избегать хождения, топтания на месте,

каких-либо покачиваний, кривляний. Судебная трибуна не терпит никакого актерства, никаких заранее отрепетированных театральных поз.

Взыскательно нужно относиться к жесту, к мимике. Они уместны лишь тогда, когда дополняют переживаемое оратором чувство, подчеркивают высказываемую мысль, оттеняют ее, усиливают смысловую емкость и эмоциональную выразительность сказанного. Нельзя, чтобы жесты, мимика заменяли язык слов, восполняли бедность речи: это свидетельствует о беспомощности и неподготовленности оратора.

До наших дней сохранил свое значение совет ораторам, содержащийся в Духовном регламенте Петра I: «Не надобно шататься вельми, будто в судне веслом гребет; не надобно руками сплескивать, в боки упираться, подсакивать, смеяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сия лишняя и неблагообразна суть и слушателей возмущает».

Жесты, поза, мимика – все это вспомогательные, сопутствующие элементы речи. Они должны использоваться лишь в той мере, в какой необходимы, и таким образом, чтобы не нарушать общей гармонии речи, органически входить в нее.

В заключение хочется отметить следующее. Быть выдающимся судебным оратором – удел не каждого. Для этого нужен талант, особый природный дар, постоянно развиваемый и шлифуемый. Но каждый прокурор и адвокат может и обязан научиться строить и произносить хорошую судебную речь: грамотную, содержательную, последовательную, композиционно четкую, доходчивую и выразительную. Для этого требуется только одно – тщательно и добросовестно готовиться к каждому выступлению, систематически работать над повышением своего ораторского мастерства, наращивать знания, расширять свой кругозор и эрудицию, быть взыскательным к себе.

Еще в древности говорили: «Поэтами рождаются, а ораторами становятся». Постичь искусство публичных выступлений, стать судебным оратором помогают знания и труд. Именно труд, настойчивый и упорный, служит ключом к овладению ораторским мастерством.

Литература¹

- К. Маркс. Дебаты по поводу закона о краже леса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3.
Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
В.И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.
В.И. Ленин. О демократизме и социалистическом характере Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36.
В.И. Ленин. О «двойном» подчинении и законности. Полн. собр. соч., т. 45.
В.И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36.
В.И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». Полн. собр. соч., т. 36.
В.И. Ленин. Случайные заметки. Полн. собр. соч., т. 4.
М.И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1958.
М.И. Калинин. О социалистической законности. М., 1959.
Н.К. Крупская. Ленин как пропагандист и агитатор. М., 1957.
В. Либкнехт. Воспоминания о Марксе. М., 1956.
Воспоминания о В.И. Ленине, т. 5. М., 1969.
Программа КПСС. М., 1961.
Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.

Аврах Я.С. Установление психологических особенностей обвиняемого при защите по уголовному делу. В сб. «Вопросы уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Казань, 1969.

Адамов Е.А. Выдающиеся русские ораторы. М., 1962.

Адамов Е.А. Искусство убеждать и воздействовать. «Социалистическая законность», 1963, № 12.

Адамов Е.А. О культуре речи юриста. «Советская юстиция», 1966, № 1.

Адвокат в советском уголовном процессе. М., 1954.

Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970.

Альперт С.А. Об обоснованности обвинения в советском уголовном процессе. В сб. «Вопросы государства и права». М., 1970.

Альперт С.А. Участники советского уголовного процесса. Харьков, 1965.

Апресян Г.З. Ораторское искусство. М., 1969.

Ария С. О культуре защитительной речи. «Советская юстиция», 1969, № 14.

Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.

Артемов В.А. Культура речи. М., 1966.

Архипов В. Прокурор поддерживает обвинение. «Социалистическая законность», 1963, № 12.

Басков В.И. Прокурор в суде первой инстанции. М., 1968.

Басков В. О чистоте языка юридических документов и публичных выступлений. «Социалистическая законность», 1965, № 1.

Басков В. Процессуальное положение прокурора в суде. «Советское государство и право», 1964, № 2.

¹ Поскольку настоящее пособие может быть использовано не только для учебных занятий, но и для других учебных и научных целей, в нем дается расширенный перечень литературы, относящейся к проблематике темы.

- Беляев В.П. О культуре устной речи. Пермь, 1963.
- Бойков А.Д. Роль защитника в предупреждении преступлений. М., 1971.
- Бойков А. Этические нормы деятельности советского адвоката. «Советская юстиция», 1966, № 10.
- Ватман Д., Кисенишинский М. Роль адвоката в осуществлении права обвинения. «Советская юстиция», 1962, № 8.
- Винокура П. Разногласия между адвокатом и подзащитным. «Радянське право», 1967, № 3.
- Вопросы защиты по уголовным делам. Л., 1967.
- Вульф В. Искусство судебной речи. «Социалистическая законность», 1967, № 7.
- Гаврилов О. Законы логики при оценке доказательств в речи государственно-го обвинителя. Уч. зап. ВЮЗИ, вып. 16. М., 1963.
- Гаврилов О. Судебные речи адвокатов. «Советская юстиция», 1960, № 6.
- Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962.
- Гальперин И.М., Полозков Ф.А. Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961.
- Гинзбург Г.А., Поляк А.Г., Самсонов В.А. Советский адвокат. М., 1968.
- Гольдинер В. Анализ доказательств и установление фактических обстоятельств в защитительной речи. «Советская юстиция», 1967, № 14.
- Гольдинер В. Защита при противоречивых интересах подсудимых. «Социалистическая законность», 1962, № 10.
- Гольдинер В.Д. Защитительная речь. М., 1970.
- Гольдинер В. Об этике в деятельности адвоката. «Советское государство и право», 1965, № 10.
- Гольдинер В. Подготовка адвоката к защитительной речи. «Советская юстиция», 1965, № 18.
- Гольдинер В. Произнесение защитительной речи. «Советская юстиция», 1966, № 14.
- Гольдинер В. Процесс доказывания и обязанности защиты. «Советская юстиция», 1968, № 11.
- Государственный обвинитель в советском суде. Под ред. В.А. Болдырева. М., 1954.
- Городисский М., Зимнер А. Подготовка к защите по уголовному делу. «Радянське право», 1966, № 2.
- Греков В. Позиция адвоката в процессе должна быть основана на законе. «Социалистическая законность», 1965, № 10.
- Давыдов П., Левин Ю. Обвинение в советском уголовном процессе. Уч. зап. Свердловск. юридич. ин-та, т. 6. Свердловск, 1958.
- Ефимов А.И. О культуре речи. М., 1956.
- Зайцев Е. Вопросы морали в защите по уголовным делам. «Советская юстиция», 1963, № 22.
- Защита по уголовным делам. М., 1948.
- Ибрагимов А. Речь государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1970, № 8.
- Каз Ц.М. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968.
- Кан Н. Адвокат – не только защитник. «Советская юстиция», 1968, № 14.
- Карев Д.С. Общественные обвинители и общественные защитники. В сб. «Советская общественность на страже социалистической законности». М., 1960.

Киселев Я.С. Защитительная речь советского адвоката в суде. В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Л., 1967.

Киселев Я.С. Некоторые вопросы психологии в речи адвоката. В сб. «40 лет советской адвокатуры». Л., 1962.

Кокорев Л.Д., Побегайло Г.Д. Адвокат – представитель потерпевшего. Воронеж, 1969.

Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971.

Кони А.Ф. Собр. соч., т. 1–6.

Кудрявцев П. Прокурор в суде первой инстанции. «Социалистическая законность», 1970, № 7.

Кукарский И. Взаимоотношения адвоката с составом суда и участниками процесса. «Советская юстиция», 1966, № 19.

Кукарский И. Шире и активнее использовать возможности адвокатов в профилактике правонарушений. «Советская юстиция», 1965, № 1.

Кульберг Я. Адвокат как субъект доказывания в уголовном процессе. «Советская юстиция», 1966, № 2.

Кульберг Я. Анализ мотива преступления в защитительной речи адвоката. «Советская юстиция», 1963, № 24.

Кульберг Я. Вопросы социалистической законности в защитительной речи адвоката. «Советская юстиция», 1962, № 8.

Кульберг Я. Исследование личности подсудимого в уголовной защите. «Советская юстиция», 1966, № 22.

Кульберг Я. Юридический анализ в защитительной речи адвоката. «Советская юстиция», 1965, № 2.

Левин А.М., Огнев Н.А., Россельс В.Л. Защитник в советском суде. М., 1960.

Либман С. Речь государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1970, № 8.

Любитов С. Речь адвоката в уголовном деле. «Радянське право», 1966, № 4.

Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М., 1967.

Максимов М. Язык судебных документов. «Советская юстиция», 1967, № 16.

Маляров М. Речь государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1964, № 9.

Матвиенко Е.А. Судебная речь. Минск, 1967.

Наникишвили Н. Позиция адвоката в уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1965, № 6.

Никифоров И. Защита при противоречивых интересах подсудимых. «Советская юстиция», 1964, № 4.

Осипов К. Методика защиты при сомнениях по поводу вменяемости обвиняемого. «Советская юстиция», 1964, № 17.

Осипов К. О культуре речи адвокатов. «Советская юстиция», 1968, № 12.

Островский Д. Этические начала защиты при противоречивых интересах у подсудимых. «Советская юстиция», 1961, № 3.

Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961.

Перлов И.Д. Право на защиту. М., 1969.

Перлов И.Д. Судебные прения и последнее слово подсудимого. М., 1957.

Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1953.

Петрухин И. Об эффективности прокурорского надзора. «Социалистическая законность», 1969, № 6.

Петрухин И. Правило об обязанности доказывания как гарантия истины в советском уголовном процессе. «Советская юстиция», 1965, № 18.

Поддержание государственного обвинения в суде. Под ред. М.П. Малярова. М., 1970.

Подкорытова А. Усилить работу адвокатов в профилактике преступлений. «Советская юстиция», 1964, № 11.

Полозов Г. Культура обвинительной речи. «Социалистическая законность», 1970, № 9.

Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

Полянский Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом. «Правоведение», 1960, № 1.

Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927.

Работа районного прокурора по борьбе с преступностью. Под ред. Вс. Панкратова. М., 1965.

Рагинский М.Ю. Воспитательная роль советского суда. М., 1959.

Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.

Рахунов Р.Д. [и др.]. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963.

Рахунов Р.Д., Якименко И.Д. Выявление судом причин и условий, способствовавших совершению преступлений. М., 1967.

Ривлин А.Л. Понятие обвинения, его место в советском уголовном судопроизводстве. В сб. «Вопросы государства и права». М., 1970.

Розенберг М. Роль защитника в доказывании по уголовному делу. «Социалистическая законность», 1968, № 6.

Розенталь Д.Э. Культура речи, изд. 3-е. М., 1964.

Савицкий В. Доказывание обвинения в суде. «Советская юстиция», 1970, № 23.

Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971.

Савицкий В. Прокурор и общественный обвинитель. «Социалистическая законность», 1963, № 10.

Савицкий В. Прокурор как государственный обвинитель. «Социалистическая законность», 1970, № 2.

Садовский И. Подготовка прокурора к участию в судебном разбирательстве по групповым и многоэпизодным делам. «Социалистическая законность», 1964, № 5.

Садовский И., Талинский Э. Особенности поддержания государственного обвинения по делам о хулиганстве. «Социалистическая законность», 1966, № 8.

Сапожников И. Эффективность поддержания государственного обвинения. «Социалистическая законность», 1968, № 8.

Саркисянц Г.П. Участие защитника в суде первой инстанции. Ташкент, 1965.

Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1960.

Синайский Э. Адвокат должен защищать. «Социалистическая законность», 1966, № 11.

Синайский Э. Основные вопросы защиты в уголовном процессе. «Советское государство и право», 1961, № 5.

Синайский Э.Д. Развитие этических начал в деятельности адвокатуры. В сб. «Об эффективности судебной защиты». Л., 1966.

Советская адвокатура. Задача и деятельность. М., 1968.

Соколов А., Цубин А., Ярженец Г. Роль и задачи адвокатуры в связи с дальнейшей демократизацией советского уголовного процесса. В сб. «Новое советское законодательство и адвокатура». М., 1960.

Солонин П., Сапожников И. Улучшить качество государственного обвинения. «Социалистическая законность», 1966, № 8.

- Степанов А., Толмачев А. Спутник оратора. М., 1966.
- Стецовский Ю. О праве обвиняемого на избрание защитника. «Социалистическая законность», 1968, № 3.
- Стецовский Ю. О процессуальной самостоятельности адвоката-защитника. «Советская юстиция», 1966, № 16.
- Стецовский Ю. Участие защитника в доказывании по уголовному делу. «Советская юстиция», 1967, № 6.
- Стремовский В. Адвокаты успешно выполняют свои задачи. «Советская юстиция», 1962, № 2.
- Стремовский В.А., Бергман М.П. Адвокат в советском уголовном процессе. Ростов, 1970.
- Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968; т. 2. М., 1970.
- Строгович М. О защитнике и о защитительной речи. В сб. «Защитительные речи советских адвокатов». М., 1956.
- Строгович М.С. Процессуальное положение и процессуальные функции защитника. В сб. «Защита по уголовным делам». М., 1948.
- Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
- Томасевич Ф.А. Методика подготовки и произнесения обвинительной речи. Саратов, 1962.
- Тонких В.И. Общественный обвинитель и общественный защитник в суде. М., 1961.
- Ульянова Л. О процессуальном положении адвоката и его позиции по делу. «Социалистическая законность», 1966, № 3.
- Ульянова Л.Г. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959.
- Ульянова Л. Участие прокурора в исследовании доказательств в судебном заседании. «Социалистическая законность», 1968, № 3.
- Ураков Л.И. Общественное обвинение и общественная защита. М., 1964.
- Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965.
- Федоров Л. Участие потерпевшего в судебных прениях. «Социалистическая законность», 1970, № 11.
- Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970.
- Финько В.Д. Государственное и общественное обвинение в суде. Харьков, 1966.
- Финько В.Д. Прокурор в судебном разбирательстве уголовных дел. Харьков, 1965.
- Формы участия общественности в борьбе с преступностью. М., 1963.
- Цыпкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1969.
- Чельцов М.А. К вопросу о процессуальном положении защитника-адвоката. Уч. зап. ВЮЗИ, вып. 14. М., 1964.
- Чельцов М.А. Некоторые вопросы защиты в свете основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. В сб. «Судебные речи советских адвокатов». М., 1960.
- Черкезия Л. Судья о речи государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1970, № 3.
- Шарков Н. Содействовать предупреждению преступлений – долг советского адвоката. «Советская юстиция», 1963, № 18.

- Шахов Д. О судебной этике. «Советская юстиция», 1965, № 1.
- Шелковкин Г. Подготовка речи государственного обвинителя. «Социалистическая законность», 1970, № 11.
- Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе. М., 1948.
- Шифман М.Л. Речь прокурора. М., 1960.
- Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970.
- Экемечи А. Воспитательное значение речи адвоката в суде. «Социалистическая законность», 1964, № 10.
- Элькинд П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе. В сб. «Вопросы защиты по уголовным делам». Л., 1967.
- Элькинд П.С. Участие общественности в борьбе с правонарушениями. «Советское государство и право», 1961, № 3.
- Якимов П.П. Задачи и функции общественных обвинителей и защитников. Сб. ученых трудов, вып. 8. Свердловск, 1968.
- Якимов П.П. Общественный обвинитель и общественный защитник. М., 1962.
- Якимов П. Подготовка и осуществление общественного обвинения и защиты в суде. «Советская юстиция», 1968, № 24.
- Якубович Н. Участие адвоката в доказывании по уголовному делу. «Социалистическая законность», 1963, № 11.
- Яструбецкий Я. Ознакомление адвоката с делом. «Советская юстиция», 1963, № 4.
-
- Защитительные речи советских адвокатов. М., 1956.
- Защитительные речи советских адвокатов, сб. 1, 2. М., 1957.
- Киселев Я.С. Судебные речи. Л., 1967.
- Крыленко П.В. Судебные речи. М., 1964.
- Речи государственных обвинителей. М., 1964.
- Речи государственных обвинителей. Минск, 1958.
- Речи советских адвокатов. М., 1968.
- Россельс В.Л. Судебные защитительные речи. М., 1966.
- Сборник защитительных речей адвокатов Белорусской ССР. Минск, 1968.
- Сборник речей государственных обвинителей. Минск, 1970.
- Судебные ораторы Франции XIX в. М., 1959.
- Судебные речи адвокатов Украинской ССР. Киев, 1959.
- Судебные речи известных русских юристов. М., 1957.
- Судебные речи прокуроров, вып. 1. М., 1958.
- Судебные речи прокуроров, сб. 1. М., 1956.
- Судебные речи советских адвокатов. М., 1960.
- Судебные речи советских обвинителей. М., 1965.

Приговор суда и его исполнение

Публикуется по книге: Матвиенко, Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко. – Минск : Выш. шк., 1968. – 179 с.

Глава I

Постановление приговора

§ 1. Сущность и значение приговора

Советский суд, являющийся органом социалистического правосудия, призван вести настойчивую и решительную борьбу с преступлениями, которые представляют собой наиболее тяжкий и опасный вид правонарушений. Эту свою обязанность он осуществляет путем судебного разбирательства уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, признанным виновными в совершении преступления. Решение по рассматриваемым вопросам суд формулирует в приговоре.

Судебный приговор – важнейший акт социалистического правосудия. В нем выражается отношение государства к тем общественным явлениям, которые попадают в сферу деятельности суда, дается общественно-политическая оценка совершенному преступлению и личности преступника.

Вскрывая в приговоре весь тот вред, который причиняется обществу и государству нарушениями законности и правопорядка, суд мобилизует трудящихся на борьбу с преступлениями, на создание обстановки нетерпимости к ним, на искоренение причин и условий, способствующих совершению преступлений.

С помощью судебных приговоров правосудие защищает от всяких посягательств советский государственный и общественный строй, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, политические, трудовые, жилищные и иные личные и имущественные права и интересы граждан СССР, а также охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий и общественных организаций.

Приговором суда решается судьба подсудимого. Проведя глубокое, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела, суд дает окончательный и категорический ответ на вопрос о том, виновен или не виновен подсудимый, и в случае признания его виновным определяет соответствующую меру наказания. При невиновности подсудимого суд оправдывает его и восстанавливает во всех правах, а также отменяет всякие ограничительные меры, если они применялись.

Приговор занимает особое место среди других процессуальных актов. Закон устанавливает, что лицо может быть признано виновным и подвергнуто уголовному наказанию не иначе, как по приговору суда. Именно приговор является тем основным процессуальным документом, которым уголовное дело разрешается по существу.

Все, что делается до вынесения приговора, имеет целью создание условий для его постановления. Все, что делается после вынесения приговора, направлено на проверку его законности и обоснованности, а также на обеспечение своевременного и правильного его исполнения.

Судебный приговор служит действенным средством осуществления задач, стоящих перед судом в борьбе с преступностью. Карая лиц, виновных в совершении преступления, приговор содействует укреплению социалистической законности и правопорядка, охраняет права и законные интересы советских граждан.

Но роль приговора этим не исчерпывается. Будучи важнейшим актом социалистического правосудия, он имеет исключительное воспитательное и предупредительное значение.

Приговор суда способствует искоренению пережитков прошлого в сознании людей, привитию им нового отношения к труду и общественному долгу, уважения правил социалистического общежития. Вынесенный с соблюдением закона, на основе глубокого и всестороннего исследования обстоятельств дела, в соответствии с высокими принципами коммунистической морали приговор воспитывает граждан в духе

преданности Родине и делу коммунизма, содействует формированию у них новых взглядов, понятий, привычек. Одновременно он оказывает серьезное предупредительное воздействие, удерживая неустойчивых в моральном отношении лиц от совершения преступления.

Следует отметить также, что судебный приговор является важным средством пропаганды советских законов, средством развития и укрепления социалистического правосознания трудящихся.

Применяя закон в процессе судебного рассмотрения уголовного дела, суд раскрывает его содержание и целенаправленность, воспитывает уважение к закону, наглядно показывает недопустимость его нарушения. Справедливый и обоснованный приговор, в котором правильно, на основе и в соответствии с действующим законодательством разрешены все вопросы, приобретает большой моральный авторитет, содействует развитию и укреплению правосознания широких трудящихся масс.

§ 2. Основные требования, предъявляемые к приговору суда

Большое общественно-политическое и процессуальное значение приговора определяет те высокие требования, которым он должен отвечать. В соответствии с задачами социалистического правосудия и действующим законодательством такими требованиями являются: законность, обоснованность, справедливость и мотивированность приговора.

Эти требования тесно связаны друг с другом, дополняют друг друга, характеризуют одно явление. Законным может быть только обоснованный приговор. В свою очередь, обоснованность приговора предполагает его справедливость и мотивированность.

Все эти требования суть различные стороны, различные свойства правосудного приговора. Вместе с тем они совпадают не полностью и имеют определенные особенности¹.

Законность приговора

Требование законности приговора вытекает из общего принципа социалистической законности, который пронизывает весь советский уголовный процесс и которому подчинены все его стадии и отдельные институты.

Приговор признается законным, если он вынесен в результате предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела,

¹ См. об этом: В.Я. Дорохов, В.С. Николаев. Обоснованность приговора. М., 1959, стр. 26–27; Э.Ф. Куцова. Советская кассация как гарантия законности правосудия. М., 1957, стр. 83–96; И.Д. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960, стр. 197; М.С. Строгович. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956, стр. 65–66; и др.

проведенных без нарушения закона, если он постановлен в порядке и условиях, предусмотренных законом, и если в нем правильно, т. е. в соответствии с нормами материального и процессуального права, разрешены все вопросы.

Это означает, что для признания приговора законным необходимо, чтобы предписания закона относительно процессуальной формы совершения следственных и судебных действий, компетенции органов, их производящих, обеспечения прав и обязанностей участников процесса были строго соблюдены на всех этапах уголовного судопроизводства, начиная от возбуждения уголовного дела и заканчивая вынесением приговора, включая правильное разрешение всех вопросов в самом приговоре. Нарушение любого из этих требований подрывает правосудность приговора и служит основанием для его обжалования или опротестования.

Так, не является законным приговор, в котором неправильно квалифицированы действия подсудимого или неправильно разрешен вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением. Равным образом не будет законным приговор, вынесенный с существенным нарушением норм уголовно-процессуального права, независимо от того, в какой момент производства по делу допущены эти нарушения: в процессе дознания, предварительного или судебного следствия либо при постановлении приговора.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 3 декабря 1962 г. специально подчеркнул, что «судебные работники должны всегда помнить, что они при рассмотрении дел решают судьбу человека и на них лежит особая ответственность за законность принимаемых решений, что случаи даже малейших нарушений закона подрывают авторитет судебных органов, воспитательное и предупредительное значение выносимых приговоров и решений. Отправление социалистического правосудия несовместимо с нарушением законности»¹.

Обоснованность приговора

Под обоснованностью приговора понимается соответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, достоверно установленным в судебном заседании с помощью судебных доказательств².

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 162.

² Аналогичные определения, с некоторыми различиями в формулировках, даны в ряде работ. См.: А.С. Кобликов. Судебный приговор. М., 1966, стр. 8; В.Я. Дорохов, В.С. Николаев. Обоснованность приговора. М., 1959, стр. 24; Уголовный процесс БССР. Минск, 1965, стр. 235; Комментарий к УПК РСФСР, изд. 2-е. М., 1965, стр. 428; Б.С. Тетерин. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 1959, стр. 6.

Для признания приговора обоснованным необходимо, чтобы: а) приговор был основан исключительно на доказательствах, имеющих-ся в деле; б) эти доказательства были глубоко, всесторонне и объективно исследованы непосредственно в судебном заседании; в) сделанные судом выводы соответствовали материалам дела и не содержали внутренних противоречий; г) установленные по делу факты отражали объективную истину; д) этим фактам давалась правильная общественно-политическая и правовая оценка.

Обоснованность приговора – это прежде всего его истинность, означающая достоверное установление фактических обстоятельств и правильность разрешения дела по существу. Приговор не будет обоснованным, если он не отражает объективной истины, содержит судебную ошибку. Равным образом приговор не является обоснованным, если суд хотя и осудил действительно виновного, но его решение не опирается на бесспорно установленные по делу факты.

Убеждение судей в виновности или невиновности подсудимого не может быть произвольным. Закон требует, чтобы оно было основано на доказательствах, глубоко, всесторонне и полно исследованных по делу, а не на предположениях, догадках и умозаключениях, не подкрепленных конкретными данными. Только судебные доказательства, тщательно собранные и объективно оцененные во всей их совокупности, могут служить исходным материалом для постановления приговора.

Закон содержит и другое важное требование, связанное с понятием обоснованности приговора: в основу приговора могут быть положены не любые доказательства, а лишь те, которые были предметом рассмотрения в суде (ст. 302 УПК БССР). Из этого требования вытекает, что при постановлении приговора суд не вправе использовать фактические данные, добытые при производстве дознания или предварительного следствия, если эти данные не были проверены и обсуждены на судебном следствии. Отступление от этого запрета, означающее нарушение принципа непосредственности судебного разбирательства, неизбежно приводит к неполноте и поверхностности исследования обстоятельств дела, а тем самым к вынесению необоснованного приговора. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении «О судебном приговоре» счел необходимым специально подчеркнуть, что в соответствии с законом приговор суда должен быть основан исключительно на доказательствах, имеющих-ся в деле и рассмотренных в судебном заседании. Поэтому данные, полученные на предварительном следствии, как бы они ни заслуживали доверия, подлежат обязательной проверке и исследованию в суде, и только такие данные могут быть положены в основу приговора¹.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 335.

Проверка на судебном следствии собранных по делу доказательств должна быть не формальной, а реальной, строгой и тщательной, чтобы исключить возможность вынесения приговора на основе недоброкачественных, сомнительных или недостоверных данных. Приговор может быть признан обоснованным только тогда, когда он опирается на факты бесспорно установленные, не вызывающие сомнений в своей истинности.

Непременным свойством обоснованного приговора является его определенность. В нем недопустимы альтернативные решения, внутренние противоречия. Выводы суда должны со всей логичностью вытекать из обстоятельств дела, соответствовать им.

Требование обоснованности приговора относится ко всему содержанию приговора и распространяется как на описательную, так и на резолютивную его части.

Справедливость приговора

Приговор суда должен быть не только обоснованным, но и справедливым. Под справедливостью приговора понимается установление действительной вины подсудимого и определение ему наказания в строгом соответствии с тяжестью совершенного преступления и его личностью.

При рассмотрении уголовного дела суд обязан выявить всех участников преступления, установить степень и характер их вины и ответственности, проанализировать данные, характеризующие личность каждого из подсудимых, наличие отягчающих или смягчающих вину обстоятельств и на основе этих материалов определить справедливое и соразмерное наказание.

Приговор не может быть признан справедливым, если назначенное наказание хотя и не выходит за пределы санкции статьи УК, по которой квалифицировано предъявленное обвинение, но вследствие чрезмерной мягкости или чрезмерной суровости явно не соответствует тяжести содеянного и личности виновного.

Приговор суда будет несправедливым и в тех случаях, когда по делу не были выявлены все участники преступления, а ответственность за его совершение целиком возложена только на некоторых из них.

Непременным условием назначения справедливого наказания является его индивидуализация.

Как указывает Пленум Верховного Суда СССР, при определении виновному вида и размера наказания и условий его отбывания суды должны строго соблюдать требования закона об индивидуализации наказания, учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, данные, характеризующие личность виновного, а также то, в какой мере он нуждается в исправлении и перевоспитании.

Особенно внимательно следует подходить к назначению мер наказания лицам, впервые совершившим менее опасные преступления, и несовершеннолетним¹.

Необходимо помнить, что эффективность наказания, его карательное и исправительное воздействие во многом зависят от справедливости вынесенного приговора. Если к осужденному без достаточных оснований применяется чрезмерно суровое наказание, это вызывает у него чувство протеста, ожесточает его, обрекает на пассивность и недоверие, затрудняет проведение с ним воспитательной работы. С другой стороны, если наказание является чрезмерно мягким, оно создает у осужденного чувство безнаказанности, порождает легкомысленное отношение к своим поступкам, что также не способствует выработке у него необходимых моральных качеств².

В каждом конкретном случае назначенное судом наказание должно быть разумным, целесообразным; оно должно максимально способствовать исправлению осужденного и возвращению его на путь честной трудовой жизни, а также оказывать воспитательно-предупредительное воздействие на других граждан.

Мотивированность приговора

Из требования обоснованности приговора вытекает необходимость его мотивировки. Мотивировать приговор – это значит привести те конкретные доказательства, которые положены судом в основу своего решения, указать, почему суд признал одни факты истинными, достоверными и отверг другие, обосновать юридическую квалификацию вменяемого подсудимому деяния и назначенное ему наказание, а в случае оправдания подсудимого – мотивы его оправдания.

Если обоснованность приговора заключается в наличии установленных и проверенных судом фактов, определяющих содержание приговора, то мотивировка приговора означает внешнее выражение этих фактов, изложение их в приговоре с целью обоснования тех выводов, к которым суд пришел в результате судебного рассмотрения уголовного дела.

Содержа в себе анализ и оценку собранных по делу доказательств, отражая логическую и правовую связь между выводами суда и имеющимися в деле материалами, мотивировка приговора содействует вынесению обоснованного приговора, делает его более убедительным, повышает его воспитательное и предупредительное значение.

Суд не сможет выполнить своей воспитательной миссии, не окажет необходимого воспитательного воздействия, если его выводы,

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 155.

² См.: И. Шмаров. Роль суда в достижении целей уголовного наказания. «Советская юстиция», 1965, № 20, стр. 24–25.

сформулированные в приговоре, не будут достаточно мотивированными, если они бездоказательно повиснут в воздухе. Каждый приговор должен быть настолько убедительным, настолько раскрывать обоснованность вынесенного в нем решения, чтобы мнение суда, выраженное в приговоре, разделялось всеми присутствующими в зале судебного заседания.

Конечно, убедительность приговора зависит прежде всего от его правильности по существу, от обоснованности принятого решения. Не может быть убедительным приговор, в котором неверно квалифицировано вменяемое подсудимому деяние или назначено явно несправедливое наказание, а также приговор, вынесенный в результате неполного, поверхностного и одностороннего исследования либо с грубым нарушением уголовно-процессуальной формы. Но не меньшее значение для повышения убедительности приговора имеет и его мотивировка. «Когда выносятся то или иное судебное решение, – говорил М.И. Калинин, – важно не только то, чтобы было правильно по закону, но важно, чтобы окружающая аудитория внутренне согласилась с приговором и сказала бы: правильно суд постановил»¹.

Мотивировке подлежат все выводы суда, содержащиеся в приговоре. Суд обязан мотивировать как фактическую, так и юридическую сторону обвинительного и оправдательного приговора, приведя те доказательства и доводы, на основании которых он пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого из подсудимых.

Требование мотивировки приговора повышает ответственность судей за принимаемые решения, предупреждает формализм, так как при изложении мотивов судьи вновь проверяют обоснованность и убедительность своих выводов.

Наличие мотивировки облегчает проверку законности и обоснованности приговора вышестоящими судебными инстанциями, так как, имея своим содержанием соображения суда по поводу отвергнутых или принятых доказательств, мотивировка приговора делает возможным проследить сложный мыслительный процесс, которым шел суд к принятому решению.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» по этому поводу говорится: «В приговорах должны быть приведены мотивы, на основании которых суд пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого подсудимого. При этом должны быть указаны конкретные доказательства, положенные судом в основу обвинения или оправдания подсудимого, с приведением мотивов, почему суд принял эти доказательства. Отвергая те или иные имеющиеся в деле доказательства в пользу обвинения подсудимого или его

¹ М.И. Калинин. О социалистической законности. М., 1959, стр. 161.

оправдания, суд должен в приговоре указать, почему именно эти доказательства им отвергнуты...

Указать судам на необходимость юридического обоснования приговора со ссылкой на соответствующие уголовные и уголовно-процессуальные законы. Обратить при этом особое внимание на квалификацию преступления с приведением в приговоре мотивов применения соответствующей статьи УК или иного уголовного закона»¹.

§ 3. Порядок постановления приговора

Постановление приговора – наиболее ответственный момент судебного рассмотрения уголовного дела, которым завершается судебное разбирательство, подводится итог судебного процесса. На вынесение законного и обоснованного приговора направлены все усилия органов расследования, прокуратуры, суда и других участников процесса.

К постановлению приговора суд приступает после тщательного и глубокого исследования всех обстоятельств уголовного дела на судебном следствии, выслушивания судебных прений и последнего слова подсудимого.

Процедура постановления приговора четко определена законом. Согласно ст. 300 УПК БССР суд, выслушав последнее слово подсудимого, немедленно удаляется в совещательную комнату, о чем председательствующий объявляет присутствующим в зале судебного заседания.

Необходимым условием вынесения приговора является тайна совещания судей. Ст. 303 УПК БССР устанавливает, что во время совещания судей в совещательной комнате могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу. Присутствие иных лиц не допускается. Это правило дает судьям возможность обсудить сложные вопросы, связанные с постановлением приговора, в спокойной обстановке, без какого-либо постороннего влияния. Тайна совещания судей выражается также и в том, что вся работа судей в совещательной комнате по постановлению приговора и высказанные при этом личные мнения отдельных судей разглашению не подлежат, они должны сохраняться в тайне.

Соблюдение тайны совещания судей тесно связано с конституционным принципом независимости судей и подчинения их только закону и является одной из гарантий, обеспечивающих осуществление этого принципа.

Нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора служит безусловным основанием к отмене приговора (п. 5 ст. 353 УПК БССР).

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 335.

Совещание судей при постановлении приговора проходит, как правило, непрерывно. Однако, если дело большое и сложное, судьи вправе с наступлением ночного времени объявить перерыв для отдыха.

Во время совещания и отдыха судьям запрещается обсуждать с другими лицами вопросы, относящиеся к рассматриваемому делу, а также разглашать суждения, имевшие место при обсуждении этих вопросов в совещательной комнате.

Закон устанавливает, что при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает следующие вопросы:

- 1) имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- 2) содержит ли это деяние состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено;
- 3) совершил ли это деяние подсудимый;
- 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;
- 5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;
- 6) какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбыванию подсудимым;
- 7) подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого и в каком размере, а также подлежит ли возмещению материальный ущерб, если гражданский иск не был предъявлен;
- 8) как поступить с вещественными доказательствами;
- 9) на кого и в каком размере должны быть возложены судебные издержки;
- 10) о мере пресечения в отношении подсудимого.

Если подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений или в совершении преступления обвиняется несколько подсудимых, суд разрешает эти вопросы применительно к каждому преступлению или в отношении каждого подсудимого в отдельности (ст. 304 УПК БССР).

Наличие установленного законом перечня вопросов, подлежащих разрешению, обуславливает полноту и всесторонность обсуждения обстоятельств дела при постановлении приговора, способствует организованности и целеустремленности совещания судей, а также единообразию судебной практики.

При обсуждении вопросов, подлежащих разрешению, суд прежде всего должен установить, произошло ли в действительности то событие, по поводу которого велось расследование и судебное разбирательство (убит ли потерпевший, похищены ли ценности, имеется ли недостача имущества и т. д.). Только при положительном ответе на этот вопрос можно переходить к разрешению следующих вопросов, так

как в противном случае обсуждение их становится бесполезным. Если нет деяния, то нет ни преступления, ни наказания.

Установив, что деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, имело место в действительности, суд приступает к разрешению юридической стороны этого факта, т. е. выясняет, является ли данное деяние преступным, а если является, то какой статьей Уголовного кодекса оно предусмотрено.

Для признания деяния преступным необходимо, чтобы оно предусматривалось соответствующей статьей Уголовного кодекса и было общественно опасным. При этом следует учитывать, что в ряде случаев то или иное действие или бездействие подсудимого хотя формально и подпадает под признаки какой-либо из статей Особенной части Уголовного кодекса, однако фактически не является преступлением в силу малозначительности и отсутствия вредных последствий (ч. 2 ст. 7 УК БССР) или в силу особых обстоятельств, исключающих противоправность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость). Отсутствие состава преступления следует констатировать и в случае, когда действия подсудимого подпадают под признаки, предусмотренные ч. 3 ст. 61 УК БССР. В указанных случаях должен последовать оправдательный приговор.

Придя к выводу, что деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, является преступным, суд должен квалифицировать его, т. е. установить соответствие данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом.

Квалификация преступления – это сложный процесс, состоящий из ряда моментов, основными из которых являются: установление наличия признаков, характеризующих данный вид преступления; установление объекта преступления и объективной стороны деяния; установление субъекта преступления и субъективной стороны состава преступления, т. е. формы вины преступника; установление причинной связи между действием или бездействием и наступившим результатом; проведение разграничения между смежными составами и т. п.

После того как суд придет к выводу, что само событие имело место и содержит состав преступления, предусмотренного определенной статьей УК, он должен решить: доказано ли, что это преступление совершил подсудимый. При положительном ответе на этот вопрос суд обязан указать в приговоре, какие конкретные действия совершены подсудимым, время, место и способ их совершения, а также иные обстоятельства, имеющие отношение к факту преступления¹.

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 2, стр. 26.

В случае если суд не добудет достаточных доказательств, подтверждающих, что преступление совершено подсудимым, должен последовать оправдательный приговор.

Признав, что преступное деяние совершено подсудимым, суд выясняет, виновен ли он в совершении этого деяния, т. е. есть ли в его действиях одна из предусмотренных законом форм вины – умысел или неосторожность, а если есть, то какая именно.

Подсудимому не могут быть вменены в вину факты, в отношении которых ранее было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении дела, если это постановление не было отменено прокурором в установленном порядке.

Уголовной ответственности подлежат вменяемые лица, достигшие определенного возраста. Поэтому суд, решая вопрос о виновности подсудимого, должен удостовериться, что последний достиг того возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Если во время дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства возникал вопрос о вменяемости подсудимого, суд обязан при постановлении приговора еще раз обсудить его. Признав, что подсудимый во время совершения общественно опасного деяния находился в невменяемом состоянии или после совершения преступления заболел душевной болезнью, лишающей его возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, суд выносит определение, руководствуясь правилами, изложенными в ст. 330 УПК БССР.

В тех случаях, когда вопрос о вменяемости впервые возник в совещательной комнате, суд выносит определение о возобновлении судебного следствия и назначает судебно-психиатрическую экспертизу. Если же проведение экспертизы потребует длительного времени и связано с выяснением новых обстоятельств, дело возвращается на доследование для производства необходимых следственных действий.

Признав подсудимого виновным, суд переходит к обсуждению следующего вопроса: подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное преступление, какое именно наказание должно быть ему назначено и подлежит ли оно отбыванию.

Признание подсудимого виновным не всегда влечет применение к нему уголовного наказания. Закон предусматривает ряд обстоятельств, исключающих наказуемость за совершенное преступление. К числу таких обстоятельств относятся: истечение сроков давности уголовного преследования, наличие акта об амнистии или помиловании, наличие вступившего в законную силу приговора, определения или постановления суда, а также неотмененного постановления органа дознания,

следователя, прокурора о прекращении дела в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности (ст. 5 УПК БССР).

Освобождение от наказания применяется и в тех случаях, когда лицо, совершившее преступление, к моменту рассмотрения дела в суде перестает быть общественно опасным в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду (ч. 2 ст. 48 УК БССР).

При определении вида и размера наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, исходит из характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, а также из обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Он учитывает также, что наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденного, оказание на него и других лиц предупредительного воздействия.

Если в результате судебного разбирательства по делу суд придет к выводу, что исправление лица, совершившего в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, он постановляет обвинительный приговор с применением к несовершеннолетнему одной из принудительных мер воспитательного характера, предусмотренных ст. 60 УК БССР.

Назначив подсудимому наказание, суд одновременно определяет, подлежит ли оно отбыванию.

Освобождение осужденного от отбывания наказания возможно: а) при наличии акта об амнистии; б) в случае применения условного осуждения; в) при зачете предварительного заключения, когда оно по своим размерам больше или равно назначенному наказанию.

Наличие акта об амнистии влечет освобождение осужденного от отбывания наказания в тех случаях, когда назначенное ему наказание не выходит за пределы максимального размера, влекущего применение амнистии. Если актом об амнистии предусматривается смягчение наказания, то в приговоре указывается назначенное наказание и то, которое подлежит отбывать осужденному после смягчения наказания в соответствии с актом об амнистии.

В тех случаях, когда суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, придет к убеждению о нецелесообразности отбывания осужденным назначенного ему наказания в виде лишения свободы или исправительных работ, он может постановить об условном неприменении к нему наказания с обязательным указанием мотивов условного осуждения (ст. 43 УК БССР).

При принятии решения об условном осуждении суд в соответствии со ст. 305 УПК БССР обсуждает вопрос о том, на кого возложить

наблюдение за условно осужденным и проведение с ним воспитательной работы. Если об условном осуждении имеется ходатайство общественной организации или коллектива рабочих, служащих, колхозников по месту работы виновного, суд может передать условно осужденного этой организации или коллективу для перевоспитания и исправления.

Применение условного осуждения имеет целью исправление и перевоспитание осужденного посредством сочетания мер государственного принуждения и общественного воздействия. Поэтому, вынося приговор об условном осуждении, суд обязан обсудить вопрос о принятии необходимых мер по обеспечению такого воздействия на условно осужденного.

Удовлетворяя ходатайство общественности о передаче условно осужденного для исправления и перевоспитания, суд должен разъяснить коллективу высокую моральную ответственность, которую он берет на себя за проведение воспитательной работы с условно осужденным, и оказывать коллективу необходимую помощь.

При отсутствии ходатайства общественной организации или коллектива трудящихся суд вправе ставить вопрос перед общественной организацией или отдельными лицами (из числа членов данного коллектива или общественной организации) об их согласии принять на себя обязанность по наблюдению за условно осужденным и проведению с ним воспитательной работы (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. «О судебной практике по применению условного осуждения»)¹.

Приняв решение по вопросам о виновности и наказании подсудимого, суд приступает к обсуждению, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в пользу кого и в каком размере, а также подлежит ли возмещению материальный ущерб, если гражданский иск не был предъявлен.

Возможность предъявления гражданского иска в уголовном процессе является одним из важных средств охраны социалистической собственности и имущественных прав граждан. Рассмотрение гражданского иска одновременно с уголовным делом существенно облегчает задачу лиц, понесших материальный ущерб от преступления, по возмещению этого ущерба. Эти лица освобождаются от уплаты государственной пошлины, пользуются содействием государственных органов в доказывании основания и размера иска, а также в его обеспечении. При таком рассмотрении дела суду не приходится дважды исследовать обстоятельства одного и того же правонарушения. В результате исключается

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 203.

возможность противоречий между приговором и решением суда, экономятся средства и время.

Основанием гражданского иска является факт причинения преступлением материального ущерба определенному лицу (физическому или юридическому). Поэтому в уголовном процессе не может быть рассмотрен гражданский иск, вытекающий не из факта причинения преступлением ущерба, а из других оснований (например, из договорных обязательств).

Предметом гражданского иска служат: а) непосредственный имущественный ущерб, причиненный преступлением; б) материальные убытки, которые лицо непременно должно понести в связи с совершенным преступлением (например, при причинении вреда здоровью потерпевшего, вызвавшего полную или частичную утрату общей или профессиональной трудоспособности, в связи с чем снижается заработок); в) затраты, которые необходимы для устранения последствий преступления (на лечение, на погребение и т. д.).

Не может рассматриваться в качестве предмета исковых требований имущественный ущерб, причиненный преступлением, если владение этим имуществом было неправомерным, а также так называемый моральный вред и упущенная выгода. Не допускается в уголовном процессе предъявление встречных исков.

При постановлении приговора суд в зависимости от доказанности оснований и размеров гражданского иска принимает одно из следующих решений: а) об удовлетворении предъявленного иска полностью или частично; б) об отказе в иске, если не установлено событие преступления или не доказано участие подсудимого в его совершении либо выясняется, что материальный ущерб возник не от преступных действий; в) об оставлении иска без рассмотрения, если подсудимый оправдан за отсутствием состава преступления.

В исключительных случаях, при невозможности произвести подробный расчет по гражданскому иску без отложения разбирательства дела, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать вопрос о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (ст. 312 УПК БССР). Невозможность произвести подробный расчет по гражданскому иску возникает в случаях, когда к моменту судебного разбирательства не определились все элементы, влияющие на размер причиненного потерпевшему материального ущерба (например, при причинении вреда здоровью потерпевшего).

Вынося решение об удовлетворении гражданского иска, суд должен указать в приговоре, на кого и в каком размере возлагается возмещение причиненного материального ущерба, в чью пользу должно быть

произведено взыскание. В тех случаях, когда материальный ущерб потерпевшему причинен действиями нескольких подсудимых, в приговоре должна быть определена форма гражданско-правовой ответственности (солидарная, долевая или смешанная).

Если гражданский иск не был предъявлен и ущерб, причиненный преступлением, не был возмещен, суд вправе при постановлении приговора разрешить вопрос о возмещении ущерба по собственной инициативе (ст. 56 УПК БССР).

Постановлению приговора, как уже отмечалось, предшествует совещание судей, которым руководит председательствующий. На совещании все вопросы должны быть обсуждены в той последовательности, в которой они перечислены в ст. 304 УПК БССР. При этом каждый вопрос должен быть сформулирован председательствующим в такой форме, чтобы на него мог быть дан либо утвердительный, либо отрицательный ответ.

Все вопросы решаются простым большинством голосов. Никто из судей не вправе воздерживаться от голосования. Председательствующий подает свой голос последним.

Совещание судей должно происходить таким образом, чтобы обеспечить полную свободу волеизъявления каждого судьи. Председательствующий или народный заседатель, оставшийся при особом мнении, вправе изложить его в совещательной комнате в письменном виде. Особое мнение при провозглашении приговора не объявляется, так как это было бы нарушением тайны совещания судей, но приобщается к делу.

Наличие особого мнения свидетельствует о существенном расхождении судей, постановивших приговор, в оценке обстоятельств дела. Поэтому, если данное дело не рассматривалось в кассационном порядке, судья обязан по вступлении приговора в законную силу направить дело председателю вышестоящего суда для ознакомления с ним и решения вопроса о принесении протеста в порядке надзора.

Если во время обсуждения в совещательной комнате вопросов, связанных с постановлением приговора, суд признает необходимым выяснить какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела, он возобновляет судебное следствие, о чем выносит определение.

Возобновление судебного следствия после удаления суда в совещательную комнату возможно при наличии следующих условий: а) если по делу остались невыясненными обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела; б) если эти обстоятельства могут быть установлены непосредственно в судебном заседании. В тех случаях, когда для выяснения указанных обстоятельств требуется производство дополнительного расследования, суд возвращает дело органу дознания или предварительного следствия.

Обсудив в совещательной комнате все вопросы, подлежащие разрешению, суд переходит к составлению приговора. Закон содержит достаточно полные и четкие правила, определяющие структуру, способ, язык и последовательность изложения приговора, т. е. его форму.

Форма приговора не является чем-то второстепенным, малозначительным. Она призвана наилучшим образом раскрыть его содержание, обеспечить наиболее точное, логичное, конкретное и объективное отражение в этом документе всех выводов и предписаний суда.

Соблюдение установленной законом формы приговора – необходимое условие его доброкачественности. Нарушение этой формы неизбежно ведет к искажению содержания приговора. Нельзя не согласиться с И.Д. Перловым, когда он пишет, что «самый правильный по существу приговор, в котором достигнута объективная истина, дана правильная политическая и юридическая оценка установленных судом фактов, назначена справедливая мера наказания, не достигнет своей цели, если он изложен с нарушением формы, предусмотренной процессуальным законом, неряшливо, небрежно и неграмотно»¹.

В соответствии со ст. 314 УПК БССР приговор излагается на том языке, на котором ведется судебное разбирательство. Он должен быть составлен в ясных и понятных выражениях, чтобы исключить возможность его различного истолкования и возникновения затруднений при приведении в исполнение.

Приговор должен быть написан рукой одного из судей, участвующих в его постановлении, и подписан всеми судьями. Изготовление приговора иным способом (например, написание на пишущей машинке) не допускается.

Каждый приговор, независимо от его вида, состоит из вводной, описательной и резолютивной частей. Содержание этих частей достаточно полно определено в ст. 315–319 УПК БССР.

По составлении приговор подписывается всеми судьями. Затем состав суда возвращается в зал судебного заседания и председательствующий или народный заседатель провозглашает приговор.

Провозглашение приговора – важное судебное действие, влекущее за собой ряд правовых последствий: а) приговор приобретает силу процессуального акта только после его провозглашения; б) с момента оглашения приговора начинает течь срок для кассационного обжалования и опротестования приговора (для осужденного, находящегося под стражей, – с момента вручения ему копии приговора); в) после провозглашения приговора суд, его постановивший, не вправе вносить в приговор

¹ И.Д. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960, стр. 95.

какие-либо изменения и дополнения; г) провозглашение приговора имеет воспитательное значение, а также служит средством контроля общественности за отправлением правосудия. Поэтому приговор должен быть прочитан весь – от начала до конца. Недопустимы никакие сокращения, оглашение лишь отдельных мест приговора или одной его резолютивной части.

§ 4. Законная сила приговора

Приговор суда, вступивший в законную силу, приобретает особое качество, заключающееся в том, что его выводы и предписания получают общеобязательный характер, т. е. становятся как бы законом для данного конкретного случая.

Будучи выражением силы закона, проявлением его непоколебимости, законная сила приговора способствует укреплению правопорядка, повышению авторитета суда и выносимых им решений, усилению борьбы с преступностью. Посредством законной силы приговора достигается стабильность приговоров, создается атмосфера определенности и последовательности при отправлении правосудия.

Именно в законной силе приговора реализуется воля законодателя по принуждению к определенному поведению конкретных лиц.

Приговор вступает в законную силу по истечении срока на кассационное обжалование и опротестование. В случае принесения кассационной жалобы или кассационного протеста приговор вступает в законную силу с момента вынесения вышестоящим судом определения об оставлении его в силе или внесении в него изменений. Это положение относится и к тем случаям, когда кассационная жалоба или протест были принесены в части приговора или в отношении некоторых из осужденных. Ст. 341 УПК БССР обязывает суд второй инстанции проверить каждое рассматриваемое дело в полном объеме независимо от доводов кассационной жалобы или протеста. Следовательно, приговор суда, обжалованный или опротестованный в части либо в отношении некоторых из осужденных, не вступает в законную силу в полном объеме до вынесения решения вышестоящим судом¹.

Иначе определяет момент вступления приговора в законную силу Я.О. Мотовиловкер. Правильно отметив, что ревизионный характер кассационного производства нельзя рассматривать в отрыве от принципа

¹ Эта точка зрения разделяется многими авторами. См.: А.Л. Цыпкин. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965, стр. 112–113; Комментарий к УПК РСФСР, изд. 2-е. М., 1965, стр. 501–503; И.Н. Рыжков. Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. М., 1965, стр. 5–6.

запрета преобразования к худшему, он пишет: «Из ст. 332 УПК РСФСР следует, что суд проверяет дело в полном объеме лишь в отношении всех осужденных, а не оправданных... Следовательно, необоснованный и неопротестованный приговор в части оправдания не может быть поколеблен кассационной инстанцией в ревизионном порядке, даже если дело будет подвергнуто пересмотру по одному из предусмотренных законом оснований.

Поэтому если подсудимый обжаловал приговор в части обвинения, по которому он судом признан виновным, а в части обвинения, по которому подсудимый оправдан, приговор не обжалован и не опротестован, то в части оправдания приговор вступает в законную силу не по рассмотрении дела вышестоящим судом, а по истечении срока на кассационное обжалование или опротестование»¹.

Это утверждение является ошибочным. Оно основано на неверной посылке, что необжалованный и неопротестованный в части оправдания приговор не может быть отменен или изменен кассационной инстанцией в ревизионном порядке. Между тем, если при проверке приговора, которым часть подсудимых осуждена, а часть оправдана либо подсудимый в части обвинения осужден, а в части оправдан, суд второй инстанции устанавливает наличие предусмотренных ст. 353 УПК БССР безусловных кассационных оснований (например, незаконный состав суда, нарушение тайны совещательной комнаты и др.), он отменяет весь приговор целиком, в том числе и в части оправдания, хотя приговор суда в этой части не был обжалован или опротестован. Суд может также в ревизионном порядке изменить основания оправдания подсудимого на более благоприятные. Из этого следует, что, если приговор суда был обжалован в кассационном порядке хотя бы частично, он вступает в законную силу целиком только после рассмотрения дела кассационной инстанцией.

Приговоры, не подлежащие кассационному обжалованию или опротестованию, вступают в законную силу с момента их провозглашения.

Приговор вступает в законную силу как в резолютивной, так и в описательной части. Одновременно силу закона приобретают и мотивы приговора, которые находятся в неразрывной связи с принятым судом решением. Не случайно законодатель установил, что мотивы приговора могут быть обжалованы наравне с решением вопроса о виновности или невиновности подсудимого, квалификации преступления, назначении меры наказания и др. (ст. 334 УПК БССР).

Юридическое значение вступившего в законную силу приговора заключается в его обязательности, исключительности, неизменности

¹ Я. Мотовиловкер. Установление момента вступления приговора в законную силу. «Советская юстиция», 1964, № 5, стр. 3.

и преюдициальности¹. Эти качества приговора являются неизменными и не могут быть поколеблены в процессе его исполнения.

Обязательность приговора выражается в непременном и безусловном исполнении его всеми органами и лицами, которым он адресован. Эта обязательность вытекает из того положения, что приговор суда, являющийся важнейшим актом социалистического правосудия, выносится именем государства и по вступлении в законную силу приобретает столь же обязательный для исполнения характер, как и закон. Ни одно государственное или общественное учреждение, предприятие и организация, должностное лицо или гражданин СССР не могут игнорировать факта постановления приговора, отказаться от его исполнения. Равным образом они обязаны оказывать необходимую помощь и содействие тем органам, которые призваны осуществлять фактическое исполнение приговора.

Закон не устанавливает каких-либо различий и преимуществ в степени обязательности приговоров, вынесенных судами разных наименований. Поэтому все приговоры, независимо от того, каким судом и где они постановлены, обладают одинаковой степенью обязательности и подлежат исполнению на всей территории СССР.

Исключительность приговора – это такое его свойство, в силу которого не допускается (исключается) возможность вторичного рассмотрения уголовного дела в суде в отношении того же лица и по тому же обвинению, по которому имеет вступивший в законную силу приговор либо определение или постановление суда о прекращении дела.

Правило об исключительности приговора нашло свое нормативное выражение в п. 9 ст. 5 УПК БССР, который устанавливает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению, если в отношении лица по тому же обвинению имеется вступивший в законную силу приговор – обвинительный или оправдательный. Это правило имеет целью устранить конкуренцию приговоров, исключить такое положение, когда по одному и тому же обвинению может быть вынесено несколько различных судебных решений.

¹ В советской процессуальной литературе по вопросу об основных чертах, характеризующих вступивший в законную силу приговор, высказаны различные точки зрения. Ряд авторов полагает, что такими чертами являются: обязательность, исключительность и неотменимость приговора. (См.: М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 425; И.А. Бушуев. Исправительные работы. М., 1959, стр. 106; и др.) А.Л. Цыпкин в число основных свойств приговора включает: обязательность, исключительность, неопровержимость и неизменность приговора. Из дальнейшего изложения, однако, видно, что понятия неопровержимости и неизменности приговора он отождествляет. (См.: А.Л. Цыпкин. Право на защиту в кассационном и надзорном порядке и при исполнении приговора. Саратов, 1965, стр. 114.)

Исключительность приговора составляет одну из процессуальных гарантий законных прав и интересов советских граждан. Суть этой гарантии – не быть судимым дважды за одно и то же преступление. Особенно важна такая гарантия для лиц, оправданных по суду, а также отбывших назначенное им наказание: они должны иметь уверенность, что не будут вторично привлечены к уголовной ответственности и осуждены за действия, которые уже были предметом рассмотрения суда.

Новое рассмотрение уголовного дела, по которому имеется вступивший в законную силу приговор, возможно только после отмены этого приговора в установленном законом порядке¹.

Неизменность приговора, вступившего в законную силу, означает недопустимость его отмены или изменения судом первой инстанции, а также ограничение тех условий, при которых уголовное дело может быть пересмотрено вышестоящим судом в порядке судебного надзора либо по вновь открывшимся обстоятельствам².

Неизменность приговора является выражением его стабильности и преследует цель обеспечить устойчивость принятого судом решения, без наличия которой эффективность приговора, его воспитательное и предупредительное воздействие были бы значительно подорваны.

Вместе с тем требование о неизменности приговора не может носить абсолютного характера и служить препятствием к устранению ошибок и недостатков, допущенных при постановлении приговора. Если приговор вынесен с нарушением закона, не отражает объективной истины, он должен быть незамедлительно исправлен.

Такое ограничение начала неизменности приговора вытекает из существа социалистического правосудия, которое не может мириться с фактом вступления в законную силу приговора, являющегося незаконным, необоснованным или несправедливым. Как правильно отмечает М.А. Чельцов, «советский законодатель, требующий, чтобы приговор отражал объективную истину, признает

¹ См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. М., 1964, стр. 10.

² Отдельные авторы это свойство приговора, вступившего в законную силу, именуют по-разному. М.А. Чельцов называет его *неотменимостью* приговора (см.: Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 425), А.Л. Цыпкин – *неопровержимостью* приговора (см.: Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965, стр. 116), Б.С. Тетерин – *стабильностью* приговора (см.: Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 1959, стр. 9), а авторы Комментария к УПК РСФСР (стр. 501) – *непоколебимостью* приговора.

Представляется, что эти термины не обладают каким-либо преимуществом по сравнению с термином «неизменность приговора», который наиболее точно и полно отражает существо обозначаемого явления.

неотменимость приговора лишь до того момента, пока не будет установлено его несоответствие объективной истине или требованиям закона. Если приговор не отвечает этим требованиям, нет основания считать его законом для данного дела. Напротив, он должен быть немедленно исправлен»¹.

Исправление приговора, вступившего в законную силу, производится путем пересмотра дела в порядке судебного надзора либо путем возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

В отдельных случаях приговор суда может быть подвергнут определенным уточнениям и дополнениям в процессе его исполнения, если такие уточнения и дополнения не затрагивают существа приговора².

Преюдициальность приговора – одно из специфических последствий вступления приговора в законную силу. Она состоит в придании обязательного значения выводам суда по данному делу для последующих дел (уголовных или гражданских) в пределах установленных приговором обстоятельств. Это означает, что выводы суда о наличии или отсутствии юридически значимых фактов, зафиксированные во вступившем в законную силу приговоре, становятся обязательными для всех других судов, если они касаются тех же фактов при рассмотрении иных судебных дел.

Преюдициальность приговора имеет своим правовым основанием презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора, сущность которой заключается в том, что факты, установленные таким приговором, признаются истинными до тех пор, пока обратное не доказано в установленном законом порядке.

Преюдициальное действие приговора распространяется прежде всего на судебное решение по гражданскому делу. В соответствии со ст. 21 Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик вступивший в законную силу приговор обязателен для суда, рассматривающего дело в порядке гражданского судопроизводства о гражданско-правовых последствиях, вытекающих из действий осужденного, в части того, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. В такой же степени вступивший в законную силу приговор обязателен для суда, рассматривающего другое уголовное дело.

Преюдициальным свойством обладает и судебное решение по гражданскому делу в отношении приговора суда по уголовному делу. Согласно ст. 28 УПК РСФСР вступившее в законную силу решение по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора и органов расследования

¹ М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 425.

² См. об этом гл. III настоящей работы.

по вопросу о том, имело ли место исследуемое событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого¹.

Это правило основано на том положении, что установление фактических обстоятельств в соответствии с объективной истиной составляет единую задачу как для суда, рассматривающего уголовное дело, так и для суда, разрешающего гражданское дело. Поэтому, если решением суда, вынесенным в порядке гражданского судопроизводства, подтверждается наличие определенного факта, события или действия, их существование признается без доказывания судом, рассматривающим уголовное дело.

¹ В УПК БССР такой нормы нет.

Глава II

Исполнение приговора – завершающая стадия уголовного процесса

§ 1. Сущность и значение стадии исполнения приговора

Для успешного осуществления задач социалистического правосудия важно не только вынести законный и обоснованный приговор, но и обеспечить его правильное и своевременное исполнение. Всякая волокита с обращением приговора к исполнению, неполное или неправильное его исполнение снижают воспитательное и предупредительное значение наказания, подрывают силу и авторитет судебных решений. И наоборот, быстрое, точное и безусловное исполнение приговора повышает его эффективность, способствует защите прав и законных интересов советских граждан, помогает формированию убеждения в неотвратимости наказания за совершенное преступление, содействует укреплению законности и правопорядка в стране.

Приговор выносится для того, чтобы он был исполнен. Именно в процессе исполнения приговора реализуется принятое судом решение о виновности или невиновности подсудимого, о применении к осужденному уголовного наказания, а также о возмещении причиненного преступлением материального ущерба. Без реального и обязательного исполнения приговора вся деятельность органов расследования и суда по раскрытию преступления, изобличению и наказанию виновных лиц была бы сведена на нет.

Несомненно правы авторы книги «Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел», когда пишут: «...успех борьбы с преступностью находится в прямой связи с реальным исполнением приговора. Только своевременное и правильное приведение в исполнение приговора обеспечивает достижение той цели, которая ставится перед советским правосудием»¹.

Исполнение приговора – последняя, заключительная стадия уголовного процесса, которой заканчивается производство по уголовному делу, завершается уголовный процесс. Исполнением приговора практически реализуются постановления суда, сформулированные в приговоре, проводятся в жизнь его предписания.

По своей правовой природе исполнение приговора является необходимой составной частью отправления правосудия, важным его этапом. Однако при этом надо учитывать, что не все действия, связанные

¹ Р.Д. Рахунов, И.Г. Сапожников, Л.М. Козак, М.Г. Коршик. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963, стр. 196.

с исполнением приговора, носят процессуальный характер. Сущность стадии исполнения приговора заключается в своевременном и правильном обращении приговора к исполнению, разрешении процессуальных вопросов, возникающих в ходе его исполнения, а также в осуществлении судебного контроля и прокурорского надзора за соблюдением законности при исполнении приговора¹. Что касается фактического исполнения приговора (в смысле организации отбывания наказания, поддержания режима и проведения политико-воспитательной работы в местах заключения, возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и т. д.), то оно выходит за рамки уголовного процесса и составляет деятельность специально на то уполномоченных административных органов и должностных лиц.

Активное участие в исполнении приговора принимают общественные организации и коллективы трудящихся. Они ведут наблюдение за поведением условно осужденных, проводят воспитательную работу с лицами, подвергнутыми наказанию, не связанному с лишением свободы, осуществляют шефство над местами заключения, помогают в трудоустройстве досрочно и условно-досрочно освобожденных и т. д. Эта их полезная и разносторонняя деятельность лежит вне пределов уголовного процесса, она не относится к стадии исполнения приговора.

Вместе с тем многие стороны общественной и административной деятельности, связанной с реализацией приговора, тесно переплетаются с деятельностью судебной и в ряде случаев носят уголовно-процессуальный характер. Так, если администрация места лишения свободы по согласованию с Наблюдательной комиссией или Комиссией по делам несовершеннолетних возбуждает перед судом вопрос о досрочном или условно-досрочном освобождении заключенного либо коллектив трудящихся ходатайствует о досрочном снятии судимости с осужденного и т. п., то их действия регламентируются уголовно-процессуальным правом и, следовательно, входят составной частью в уголовное судопроизводство.

Основным критерием для разграничения характера деятельности, связанной с исполнением приговора, служит, по нашему мнению, способ разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора. Все, что требует судебного рассмотрения, составляет деятельность процессуальную. Все, что в таком рассмотрении не нуждается, выходит за рамки правосудия.

¹ Помимо приговора, исполнению подлежат вступившие в законную силу определения и постановления суда. Поэтому употребляемый в настоящей работе термин «исполнение приговора» имеет собирательное значение: он включает в себя также исполнение определений и постановлений суда.

Процессуальная деятельность по исполнению приговора обладает всеми необходимыми признаками самостоятельной стадии уголовного процесса. Она имеет свои непосредственные задачи, специфичные для данного этапа производства по делу, свой предмет исследования, обусловленный характером тех вопросов, которые разрешаются судом при приведении приговора в исполнение. В этой деятельности участвует предусмотренный законом круг субъектов процесса, которые наделены для выполнения своих функций соответствующими правами и обязанностями. Между этими субъектами складываются особые, характерные для данной стадии процесса правовые отношения.

Определенные особенности имеет и процессуальный порядок, процессуальная форма рассмотрения вопросов, возникающих при исполнении приговора. Решения, принятые судом по поводу этих вопросов, обладают силой актов социалистического правосудия¹.

Отдельные советские процессуалисты, не отрицая того, что исполнение приговора является самостоятельной стадией уголовного процесса, пытаются ограничить содержание этой стадии, преуменьшить ее правовое значение. Так, проф. М.А. Чельцов в своем учебнике по уголовному процессу пишет: «Обычно принято считать, что исполнение приговора – самостоятельная стадия процесса. Однако исполнение приговора нельзя приравнивать к другим стадиям процесса. К моменту исполнения приговора задачи уголовного судопроизводства уже выполнены»². Такое утверждение является глубоко ошибочным. Оно игнорирует тот бесспорный факт, что задачи уголовного судопроизводства осуществляются на всех этапах производства по делу, в том числе и в стадии исполнения приговора.

Завершая процесс по конкретному уголовному делу, исполнение приговора оказывает значительное воздействие как на осужденного, так и на других лиц. Быстрое, точное и безусловное исполнение приговора способствует укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. Именно в процессе исполнения приговора наиболее полно раскрывается вся сила назначенного судом наказания,

¹ В прошлом предпринимались усилия представить исполнение приговора как деятельность непроцессуальную, выходящую за пределы уголовного судопроизводства. Так, А.Я. Вышинский утверждал, что исполнение приговора является актом внесудебного характера. Оно составляет компетенцию административных органов, которые руководствуются в своей деятельности правилами, находящимися вне уголовно-процессуального права. (См.: А.Я. Вышинский. Уголовный процесс. М., 1927, стр. 199.)

Это положение является глубоко ошибочным и вредным. Его целевое назначение – устранить суд от решения вопросов, связанных с исполнением приговора.

² М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 78.

наиболее ярко проявляется его карательная и воспитательная сущность.

С принятием нового уголовно-процессуального законодательства содержание стадии исполнения приговора все больше расширяется. Если раньше многие вопросы, связанные с отбыванием наказания (определение режима содержания осужденного к лишению свободы, перевод заключенных с одного вида режима на другой, досрочное освобождение в порядке зачета рабочих дней, перевод злостных нарушителей дисциплины из колонии в тюрьму и др.), решались администрацией исправительно-трудовых учреждений на основе положений исправительно-трудового права, то в настоящее время разрешение этих вопросов относится к компетенции суда в стадии исполнения приговора. Расширены полномочия суда и в части снятия судимости, рассмотрения ходатайств о включении времени отбывания исправительных работ в трудовой стаж, освобождения осужденных от отбывания наказания по болезни, передачи условно осужденных на перевоспитание и исправление общественной организации и коллективу трудящихся, если надлежащее ходатайство поступило от них в суд после вынесения приговора, и т. п.

Несомненно, что значительное расширение круга вопросов, решаемых в стадии исполнения приговора, требует решительного преодоления встречающейся еще иногда недооценки этой стадии, усиления научной разработки проблем, связанных с исполнением приговора¹. В юридической литературе было высказано мнение о том, что стадия исполнения приговора длится весь период от вступления приговора в законную силу и до момента отбытия осужденным наказания и погашения или снятия с него судимости. Такая точка зрения представляется ошибочной. Характерной особенностью стадии исполнения приговора является то, что она не носит непрерывного характера. Производство по делу в этой стадии процесса возбуждается по мере возникновения вопросов, связанных с исполнением приговора, и заканчивается их разрешением².

В соответствии со ст. 367 УПК БССР основным органом исполнения приговора является суд. На суд возложена обязанность обращения к исполнению обвинительных приговоров. Он непосредственно приводит в исполнение оправдательные приговоры, а также обвинительные приговоры без назначения наказания, с освобождением осужденного

¹ См.: И.Д. Перлов. Новый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР – важный этап в дальнейшем развитии советского уголовно-процессуального законодательства. М., 1960, стр. 18; Я.С. Аврах. Исполнение приговора по УПК РСФСР. В кн. «Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР». Казань, 1961, стр. 190; и др.

² См.: И.Н. Рыжкин. Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. М., 1965, стр. 9.

от наказания и приговоры об общественном порицании. В функцию суда входит разрешение всех процессуальных вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора. Кроме того, закон обязывает суд следить за тем, чтобы приговоры, определения и постановления суда были приведены в исполнение полно, правильно и в срок.

В случае возникновения обстоятельств, не зависящих от суда и препятствующих обращению приговора к исполнению (отказ места лишения свободы принять осужденного и пр.), суд должен немедленно довести это до сведения вышестоящего суда и соответствующего прокурора по надзору за местами заключения, которые обязаны принять необходимые меры¹.

Фактическое исполнение приговора зависит от вида и характера наказания, определенного судом, и производится следующими органами:

а) администрацией мест заключения (тюрем, исправительно-трудовых колоний и трудовых колоний для несовершеннолетних) – в отношении лишения свободы;

б) милицией – в отношении ссылки и высылки;

в) районными и межрайонными инспекциями исправительных работ – в отношении исправительных работ без лишения свободы, отбываемых по месту работы осужденного либо в иных местах, в районе жительства последнего;

г) судебными исполнителями – в части возмещения причиненного преступлением материального ущерба, взыскания штрафа и судебных издержек, а также в части конфискации имущества (совместно с финансовыми органами);

д) различными административными органами – в отношении запрета занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью, лишения воинских, специальных и других званий;

е) общественными и профессиональными организациями – по исправлению и перевоспитанию условно осужденных, а также лиц, взятых на поруки;

ж) командиром дисциплинарного батальона – при направлении в дисциплинарный батальон.

§ 2. Порядок обращения приговоров к исполнению

Установленный законом процессуальный порядок обращения приговоров к исполнению не одинаков. Он зависит от вида приговора, характера определенной судом меры наказания и некоторых других обстоятельств.

¹ См.: Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1957 гг. М., 1958, стр. 120.

На основании ст. 364 УПК БССР обвинительный приговор приводится в исполнение по вступлении его в законную силу. До вступления приговора в законную силу осужденный и другие лица, указанные в ст. 334 УПК БССР, вправе требовать его проверки в кассационном порядке.

Оправдательный приговор и приговор, освобождающий подсудимого от наказания, приводятся в исполнение немедленно по их оглашении. Если подсудимый находится под стражей, суд освобождает его из-под стражи тут же, в зале судебного заседания.

После вступления приговора в законную силу оправданному возвращаются все документы, вещи и иные ценности, изъятые у него во время расследования, отменяется арест, наложенный на его имущество. В соответствии с действующим законодательством ему компенсируется время прогула, вызванного необоснованным привлечением к уголовной ответственности, но не более чем за два месяца, независимо от того, связано ли преступление, в котором он обвинялся, с его работой¹.

Это правило не распространяется на лиц, признанных виновными, но освобожденных от наказания по обстоятельствам, предусмотренным п. 3 и 4 ст. 5 и ст. 311 УПК БССР (за истечением сроков давности уголовного преследования, вследствие акта об амнистии, а также в случае, когда к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным). Освобождение подсудимого от наказания по указанным основаниям не означает признания его невиновным. Поэтому, если в ходе расследования у него были изъяты какие-либо вещи, предметы и иные ценности, добытые преступным путем или предназначенные для преступных целей, они ему не возвращаются и в соответствии со ст. 81 УПК БССР обращаются в доход государства, о чем указывается в приговоре или выносится определение. Не компенсируется освобожденному от наказания и время вынужденного прогула в связи с отстранением его от работы по решению судебно-следственных органов или по инициативе администрации.

Такое различие в последствиях при вынесении оправдательного приговора и приговора без назначения наказания или с освобождением осужденного от отбывания наказания объясняется разной правовой природой этих актов.

Для обращения к исполнению обвинительного приговора судья или председатель суда направляет распоряжение об его исполнении вместе с копией приговора тому органу, на который возложена обязанность фактического исполнения приговора. В случае изменения приговора

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 64.

при рассмотрении дела в кассационном порядке к копии приговора прилагается копия определения кассационной инстанции¹.

Закон не устанавливает обязательной формы распоряжения судьи или председателя суда об исполнении приговора. Оно может быть составлено в виде отношения или препроводительного письма. Независимо от избранной формы в нем должно содержаться указание о наименовании суда, постановившего приговор, времени и месте вынесения приговора, фамилии, имени и отчестве осужденного, дате вступления приговора в законную силу; наименование органа, на который возложена обязанность исполнения приговора, и предписание о приведении его в исполнение.

При назначении наказания в виде лишения свободы суд посылает указанные документы по месту содержания осужденного. Если последний до вступления приговора в законную силу не находился под стражей, перечисленные документы направляются начальнику отделения милиции по месту нахождения осужденного. Он отдает распоряжение об аресте и направлении осужденного в ближайшую тюрьму, КПЗ или следственный изолятор.

В соответствии с положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительно-трудовых колониях и тюрьмах, как правило, в пределах области, края, республики по месту их жительства или по месту осуждения. Это правило создает благоприятные условия для сохранения и поддержания осужденными необходимых связей с их семьями, близкими родственниками, общественными организациями и коллективами трудящихся по месту прежней работы. Помимо усиления воспитательного воздействия на осужденного, такая связь облегчает решение проблемы трудоустройства, жилья и других вопросов после отбытия наказания.

Только в тех случаях, когда по условиям режима или в связи с другими обстоятельствами не представляется возможным обеспечить отбывание наказания заключенными по месту их жительства или по месту осуждения, они могут быть направлены для отбывания наказания

¹ В УПК БССР, как и в УПК других союзных республик, нет указания относительно срока обращения к исполнению обвинительных приговоров. Лишь УПК Казахской ССР (ст. 342) устанавливает, что приговоры подлежат обращению к исполнению в течение суток после вступления их в законную силу.

Отсутствие такого указания отрицательно сказывается на практике исполнения приговоров. Нередки случаи, когда обращение к исполнению обвинительных приговоров, особенно в отношении лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, задерживается на продолжительное время без каких-либо оснований. Вот почему было бы целесообразным включить в УПК БССР норму, устанавливающую предельные сроки, в течение которых суд обязан обратиться к исполнению обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

в исправительно-трудовые колонии и тюрьмы, расположенные на территории других областей, краев, республик.

В случаях, когда к моменту обращения приговора к исполнению выясняется, что осужденный к лишению свободы или ссылке скрылся и уклоняется от отбывания наказания, суд выносит решение об объявлении розыска, указывая одновременно, какая мера пресечения должна быть избрана при обнаружении разыскиваемого.

При назначении наказания в виде исправительных работ суд, вынесший приговор, посылает его копию и справку о вступлении приговора в законную силу в инспекцию исправительных работ по месту жительства осужденного. Последняя берет осужденного на учет и предлагает администрации по месту работы осужденного начать исполнение приговора.

Поскольку фактическое исполнение приговора в смысле удержаний из заработной платы, оказания воспитательного воздействия осуществляется администрацией и общественными организациями предприятий, учреждений по месту работы осужденного, было бы целесообразно копию приговора направлять непосредственно в их адрес.

Если осужденный к исправительным работам не имеет постоянного места работы, инспекция вызывает его и направляет на работы, производимые в районе жительства осужденного государственными органами или специально организуемые инспекцией. Лица, не явившиеся по вызову инспекции, могут быть подвергнуты принудительному приводу через органы милиции. Такой же порядок действует в отношении лиц, оставивших работу и в течение 15 дней после увольнения не поступивших на новую работу.

Для отбывающих наказание по месту работы исчисление сроков исправительных работ производится со дня начала отчислений из заработной платы. Отбывающим наказание на работах, организованных инспекцией, сроки начисляются со дня направления их на работу с зачетом времени, проведенного в пути. Исчисление сроков для колхозников производится не по трудодням, а по количеству проработанных дней.

Необходимым составным элементом исправительных работ является удержание из заработка осужденного в размере, установленном приговором суда. Процентные отчисления производятся со всей суммы заработка, начисленного за каждый проработанный месяц. Не распространяются удержания на компенсацию за неиспользованный отпуск до осуждения, командировочные суммы, пособия, получаемые в порядке социального обеспечения и социального страхования (по временной нетрудоспособности или пенсии), единовременные премии, не входящие в фонд заработной платы.

С колхозников удержания производятся в денежном и натуральном выражении со всего количества трудодней, выработанных ими во время отбывания наказания.

Для исполнения приговора, которым в качестве меры наказания избран штраф, суд выписывает исполнительный лист и передает его судебному исполнителю. В соответствии с инструкцией «О порядке исполнения судебных решений» судебный исполнитель посылает осужденному повестку и предлагает в семидневный срок внести сумму штрафа в местное отделение Госбанка. Произведя уплату, осужденный представляет квитанцию судебному исполнителю.

В случае отказа осужденного от добровольного погашения штрафа судебный исполнитель производит принудительное взыскание, руководствуясь положениями Инструкции о порядке исполнения судебных решений от 28 сентября 1939 г. и соответствующими статьями ГПК БССР.

При применении условного осуждения суд, передавший условно осужденного на исправление и перевоспитание общественной организации или коллективу трудящихся, направляет им копию приговора и осуществляет контроль за его исполнением.

В целях повышения воспитательного воздействия приговора (обвинительного или оправдательного) суд может направить его копию по месту работы, учебы или жительства осужденного.

Одним из видов наказания, предусмотренного советским уголовным законодательством, является общественное порицание. Согласно ст. 32 УК БССР общественное порицание заключается в публичном выражении судом порицания виновному с доведением об этом в необходимых случаях до сведения общественности через печать или иным способом (под иным способом понимается направление копии приговора по месту работы, учебы или жительства осужденного, объявление по радио, сообщение близким родственникам и т. д.).

Публичное выражение осужденному порицания от имени государства с последующим объявлением в печати и обсуждением его поведения на собраниях коллектива трудящихся и общественных организаций усиливает воспитательное и предупредительное воздействие общественного порицания. Только тогда, когда к отрицательной оценке суда прибавляется моральное осуждение общественности, воспитательное и предупредительное значение приговора с общественным порицанием может сказаться в полной мере. Вот почему доведение до сведения общественности о вынесении общественного порицания должно иметь место во всех случаях.

Следует признать правильным замечание М.Ю. Рагинского о том, что, хотя приговор суда оглашается публично после его вынесения, доведение общественного порицания до сведения общественности

через печать или иным способом является не оглашением приговора, а его исполнением. Поскольку всякий обвинительный приговор может быть обращен к исполнению по вступлении его в законную силу, постольку доведение приговора об общественном порицании до сведения общественности может иметь место только по вступлении его в законную силу.

Для исполнения приговора в части конфискации имущества или возмещения потерпевшему материального ущерба, причиненного преступлением, суд выписывает исполнительный лист, который направляется судебному исполнителю по месту нахождения имущества осужденного. Если имущество находится в разных местах или возмещение ущерба возложено на нескольких лиц, суд выписывает исполнительные листы для каждого судебного исполнителя или каждого осужденного в отдельности. К исполнительным листам прилагаются акты описи имущества.

Назначая дополнительное наказание в виде конфискации части имущества, суд должен точно указать, какая именно часть всего имущества или какие конкретные предметы подлежат конфискации. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по применению конфискации имущества» замена конфискации имущества денежной суммой, равной стоимости этого имущества, не допускается¹. В тех случаях, когда суд назначил частичную конфискацию имущества без точного указания конфискуемых предметов, осужденному или членам его семьи предоставляется право выбора имущества, которое они хотят оставить себе и которое может быть изъято. Желание указанных лиц должно быть удовлетворено, если оно не препятствует исполнению приговора.

При отсутствии у осужденного имущества, на которое может быть обращено взыскание, судебный исполнитель в соответствии с инструкцией «О порядке исполнения судебных решений» составляет акт о несостоятельности, который проверяется и утверждается судьей.

В тех случаях, когда после исполнения приговора о конфискации всего имущества будет обнаружено неконфискованное имущество подсудимого, приобретенное им до вынесения приговора или хотя бы и после этого, но на средства, подлежащие конфискации по приговору, суд, вынесший приговор, или суд по месту исполнения последнего рассматривает этот вопрос по представлению прокурора в порядке исполнения приговора и выносит определение об обращении конфискации на обнаруженное имущество, если по закону оно может быть конфисковано.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 194.

При исполнении приговоров, которыми, кроме конфискации имущества, предусматривается возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, взыскание производится в первую очередь для возмещения ущерба, а конфискация обращается на оставшуюся часть имущества, если оно по закону может быть конфисковано¹.

Органы, приводящие приговор в исполнение, немедленно извещают суд, постановивший данный приговор, о начале и об окончании его исполнения. Администрация места лишения свободы должна извещать суд о месте отбывания наказания осужденным, а также о его освобождении (ст. 367 УПК БССР)².

До обращения приговора к исполнению народный судья или председатель суда обязан предоставить близким родственникам осужденного, содержащегося под стражей, по их просьбе возможность свидания с ним (ст. 368 УПК БССР).

Право на свидание с осужденным, находящимся под стражей, возникает у близких родственников с момента оглашения приговора. Народный судья или председатель суда обязан предоставить им такое свидание. Закон не предусматривает каких-либо оснований для отказа близким родственникам в их просьбе о получении свидания с осужденным. Количество свиданий определяется положением о месте заключения осужденного.

Круг лиц, признаваемых близкими родственниками, определен ст. 22 УПК БССР. Все указанные в этой статье лица обладают правом обратиться с просьбой о предоставлении им свидания с осужденным. Решение вопроса о количестве близких родственников, могущих иметь свидание, определяется положением о месте заключения осужденного. Если просьба о свидании поступит от других лиц, судья или председатель суда с учетом конкретных обстоятельств дела может также разрешить им свидание с осужденным (например, если нет близких родственников).

На администрацию места заключения возложена обязанность поставить в известность семью осужденного, находящегося под стражей, о том, куда он направляется для отбывания наказания. При решении вопроса, кого из членов семьи извещать о месте отбывания наказания,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 сентября 1953 г. «О судебной практике по применению конфискации имущества» с изменениями, внесенными в него постановлением Пленума от 14 марта 1962 г. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 195.

² В отличие от УПК БССР УПК РСФСР не возлагает на администрацию места лишения свободы обязанности сообщить суду, постановившему приговор, об освобождении осужденного.

администрация места лишения свободы должна учитывать желание осужденного (ст. 368 УПК БССР).

Если обвинительный приговор не был своевременно приведен в исполнение, то по истечении сроков давности он считается утратившим силу и исполнению не подлежит. Это правило основано на том, что применение наказания спустя много лет после совершения преступления и вынесения приговора теряет свое воспитательное значение. За прошедшее время виновный мог значительно измениться, честно и добросовестно относиться к труду, т. е. перестать быть общественно опасным. Поэтому приведение в исполнение обвинительного приговора в таких случаях не соответствовало бы целям и задачам социалистического правосудия, противоречило бы гуманизму нашего права.

Ст. 47 УК БССР устанавливает следующие сроки давности исполнения обвинительного приговора: один год – при осуждении к наказанию не более строгому, чем исправительные работы или направление в дисциплинарный батальон; три года – при осуждении к лишению свободы на срок не свыше двух лет, к ссылке или высылке; пять лет – при осуждении к лишению свободы на срок не свыше пяти лет; десять лет – при осуждении к более строгому наказанию, чем лишение свободы сроком на пять лет.

Течение давности прерывается, если осужденный уклоняется от отбывания наказания или совершит до истечения срока новое преступление, за которое судом назначено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года, ссылки или высылки на срок не менее трех лет. Исчисление давности в случае совершения нового преступления начинается с момента его совершения, а в случае уклонения от отбывания наказания – с момента явки для отбывания наказания либо с момента задержания скрывающегося осужденного. При этом обвинительный приговор не может быть приведен в исполнение, если со времени его вынесения прошло пятнадцать лет и давность его не была прервана совершением нового преступления.

Вопрос о применении давности к лицу, приговоренному к смертной казни, разрешается судом в порядке исполнения приговора. Если суд найдет возможным применить давность, смертная казнь заменяется лишением свободы.

Надзор за исполнением приговора, а также определений и постановлений суда возложен на прокуратуру¹. Лица прокурорского надзора должны следить за тем, чтобы приговор суда был правильно и своевременно приведен в исполнение, чтобы не нарушались права и законные интересы осужденных. На обязанности прокурора лежит

¹ Ст. 23 Положения о прокурорском надзоре в СССР.

систематическая проверка законности действия органов и должностных лиц, осуществляющих исполнение приговора, а также рассмотрение жалоб и заявлений по поводу допущенных нарушений.

Для этой цели используются как методы общего надзора, так и методы, специфичные для данной стадии уголовного процесса: проверка по поступившим в прокуратуру уведомлениям, а также непосредственно в судах по конкретным уголовным делам (без производства ревизии) своевременности обращения приговоров и других решений суда к исполнению; проверка законности режима содержания осужденных в местах лишения свободы; проверка законности действий судебных исполнителей и инспекций исправительных работ; контроль за поведением условно осужденных и лиц, переданных на поруки для перевоспитания и исправления, с широким привлечением к этой работе общественности; участие прокурора в судебном рассмотрении вопросов, возникающих при исполнении приговоров; опротестование незаконных или необоснованных определений, вынесенных судом в порядке исполнения приговора, а также незаконных действий администрации мест лишения свободы или других органов, исполняющих приговор; возбуждение уголовного и дисциплинарного преследования против должностных лиц, допустивших нарушение закона при исполнении приговора, и др.

Указания прокурора, касающиеся соблюдения законности при исполнении приговоров и других решений суда, обязательны для органов и должностных лиц, приводящих их в исполнение.

Глава III

Процессуальные вопросы, разрешаемые судом при исполнении приговоров

§ 1. Круг вопросов, разрешаемых судом в стадии исполнения приговора

При обращении приговора к исполнению и в ходе его фактического исполнения может возникнуть ряд вопросов, требующих судебного разрешения. Эти вопросы многообразны. Они касаются порядка и сроков приведения приговора в исполнение, содержания приговора, его толкования, а также тех правовых последствий, которые из него вытекают.

В зависимости от характера этих вопросов их можно разделить на следующие основные группы.

1. Вопросы, связанные с обстоятельствами, препятствующими приведению приговора в исполнение. К ним относятся: отсрочка, рассрочка и приостановление исполнения приговора; неприведение приговора в исполнение ввиду истечения сроков давности, наличия акта об амнистии и т. п.

2. Вопросы, связанные с обстоятельствами, вызывающими необходимость замены назначенного судом наказания. Сюда относятся: замена неотбытой части наказания другим, более мягким; замена тюремного заключения отбыванием наказания в колонии и отбывание наказания в колонии тюремным заключением; замена определенного приговором суда наказания в случае уклонения осужденного от его отбывания; приведение приговора в соответствие с новым законом, имеющим обратную силу, и др.

3. Вопросы, касающиеся устранения всякого рода сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. Сюда относится большая группа вопросов, связанных с восполнением пробелов и исправлением дефектов, допущенных при постановлении приговора.

4. Вопросы, связанные с досрочным и условно-досрочным освобождением, а также с освобождением осужденных от отбывания наказания по болезни¹.

5. Иные вопросы процессуального характера, возникающие в ходе исполнения приговора. Сюда относятся: определение наказания по совокупности

¹ Из-за ограниченности объема книги, а также учитывая, что вопросы об условно-досрочном освобождении и освобождении осужденного от наказания по болезни нуждаются в самостоятельном исследовании, они в настоящей работе не рассматриваются.

неисполненных приговоров, досрочное снятие и погашение судимости, рассмотрение ходатайств о включении времени отбывания исправительных работ в трудовой стаж и др.¹

В стадии исполнения приговора суд может принять решение как отягчающее, так и смягчающее положение осужденного. Но он не вправе входить в обсуждение вопросов о виновности или невиновности осужденного, квалификации преступления, правильности назначенного наказания, удовлетворении или изменении размеров гражданского иска, освобождении осужденного от возмещения причиненного им материального ущерба и других вопросов, затрагивающих существо приговора. Подобные вопросы могут быть рассмотрены лишь в порядке судебного надзора либо при новом судебном разбирательстве после отмены приговора.

В частности, суд в стадии исполнения приговора не может определять вид исправительных работ, если он не был указан в приговоре. Наделение суда таким правом означало бы, что он может в порядке исполнения приговора решать вопрос о виде наказания и тем самым подменять приговор, что совершенно недопустимо. Поэтому нельзя согласиться с Г. Сыздыковым, который пишет: «Закон предоставил суду право самому определять, как отбывать осужденному исправительные работы. Поэтому, на наш взгляд, если суд не указал, к какому виду исправительных работ приговорен осужденный, это не должно влечь отмену приговора: данный вопрос должен быть разрешен в соответствии со ст. 357 и 358 УПК Казахской ССР путем вынесения дополнительного определения»².

Если стать на эту точку зрения, то придется признать, что суд в порядке исполнения приговора может устанавливать вид лишения свободы (тюремное заключение или отбывание в исправительно-трудовой колонии), определять процент удержания из заработной платы при назначении исправительных работ без лишения свободы и т. п. Между тем решение этих вопросов выходит за пределы компетенции суда в порядке исполнения приговора и составляет исключительную прерогативу суда первой инстанции.

¹ Попытка систематизировать вопросы, разрешаемые судом в стадии исполнения приговора, была предпринята впервые И.Н. Рыжковым. Он предложил разделить все вопросы на три группы: а) вопросы, касающиеся пробелов в приговоре; б) вопросы, связанные с обстоятельствами, которые препятствуют исполнению приговора; в) вопросы, связанные с обстоятельствами, которые влекут изменение приговора. (См.: И.Н. Рыжков. Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. М., 1965, стр. 10–11.) Эта классификация, правильная в принципе, не охватывает, однако, всего многообразия вопросов, возникающих при исполнении приговоров.

² Г. Сыздыков. За правильное применение и исполнение исправительных работ. «Социалистическая законность», 1964, № 5, стр. 47.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 22 декабря 1964 г. «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговора» указал, что отдельные суды в нарушение закона устраняют в порядке исполнения приговора грубые дефекты и пробелы, допущенные при вынесении приговора. В числе таких нарушений он назвал определение вида исправительных работ без лишения свободы¹.

Аналогичный запрет относится и к назначению дополнительных наказаний. Суд определяет вид и сроки дополнительного наказания (равно как и основного) только в приговоре и не может сделать это путем вынесения определения в порядке, установленном для исполнения приговора.

Отдельные суды нарушают это правило. Народным судом Судогородского района Владимирской области Слепова осуждена по ч. 1 ст. 156 УК РСФСР к одному году исправительных работ по месту работы с удержанием из зарплаты 15 % с лишением права занимать должности в торговых предприятиях и предприятиях общественного питания, связанные с материальными ценностями. Определением этого же суда установлен срок дополнительного наказания в виде пяти лет.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев материалы дела по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР, указала: «Суд не вправе был дополнительным определением устанавливать срок лишения права занимать должности в торговых предприятиях, так как размер наказания как основного, так и дополнительного в соответствии со ст. 315 УПК РСФСР устанавливается судом при постановлении приговора. В связи с этим определение народного суда подлежит отмене, а приговор изменению»².

А вот другой пример. Городищев, освобожденный от отбывания наказания условно-досрочно, обратился в Московский городской суд с заявлением, в котором просил не приводить в исполнение приговор в части конфискации имущества и от конфискации его освободить. Суд рассмотрел это заявление в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, и в удовлетворении ходатайства отказал.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, признав решение Московского городского суда правильным по существу, вместе с тем указала, что он неосновательно рассмотрел ходатайство Городищева в порядке исполнения приговора. Поскольку осужденным ставился вопрос об изменении приговора, в частности об освобождении

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 4, стр. 10.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 11, стр. 9–10.

от дополнительного наказания, его ходатайство надлежало рассмотреть в порядке судебного надзора¹.

§ 2. Отсрочка, рассрочка и приостановление исполнения приговора

Приговор суда, вступивший в законную силу, подлежит немедленному и обязательному исполнению. Чем меньше разрыв во времени от вынесения до исполнения приговора, тем сильнее его воспитательное и предупредительное воздействие, выше его эффективность. Поэтому недопустимо какое-либо промедление с исполнением приговора, задержка его обращения к исполнению.

Это положение не исключает, однако, возможности и целесообразности в необходимых случаях отсрочить, рассрочить или приостановить исполнение приговора. Советское законодательство, предусматривая строгие меры борьбы с преступлениями, вместе с тем не может допустить причинения осужденному дополнительных страданий, если в силу определенных обстоятельств немедленное исполнение приговора повлекло бы для него или его семьи тяжкие последствия или поставило бы их в крайне затруднительное положение. Чуткое отношение к человеку, присущее советскому обществу, не теряет своего значения и применительно к осужденному. Поэтому при наличии уважительных обстоятельств закон допускает возможность отсрочить, рассрочить или приостановить исполнение приговора.

Отсрочка исполнения приговора

Под отсрочкой исполнения приговора понимается временное отложение приведения приговора в исполнение. Поскольку отсрочка исполнения приговора является исключением из общего правила, она допустима только по основаниям, прямо предусмотренным законом.

Согласно ст. 369 УПК БССР отсрочка в исполнении приговора может быть предоставлена лицам, осужденным к лишению свободы, ссылке, высылке или исправительным работам без лишения свободы, в случаях:

- а) тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания, – до его выздоровления;
- б) беременности осужденной – на срок не более одного года после родов;
- в) когда немедленное отбывание наказания может повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи ввиду пожара или иных стихийных бедствий, тяжелой болезни или смерти единственного трудоспособного члена семьи или других исключительных

¹ См.: «Советская юстиция», 1961, № 1, стр. 31.

обстоятельств, – на срок, установленный судом, но не более трех месяцев¹.

Особый вид отсрочки предусмотрен ст. 44 УК БССР. Согласно этой статье в военное время исполнение приговора к лишению свободы, вынесенного в отношении военнослужащего или военнообязанного, подлежащего призыву или мобилизации, может быть судом отсрочено до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию. Если осужденный проявит себя стойким защитником социалистической Родины, то по ходатайству соответствующего военного командования суд может освободить его от наказания или заменить наказание другим, более мягким.

Применение отсрочки исполнения приговора в военное время с направлением осужденного в действующую армию имеет целью предоставить осужденному возможность принять участие в защите Отечества и искупить свою вину перед Родиной. Кроме того, этим закрывается лазейка, которую могли бы использовать отдельные лица для уклонения от воинской обязанности, выполнение которой в условиях военного времени связано не только с определенными тяготами и лишениями, но и с опасностью для жизни и здоровья.

Применение отсрочки исполнения приговора на период военных действий является правом, а не обязанностью суда. Решая этот вопрос, суд исходит из того, можно ли осужденному доверить оружие и не будет ли оно использовано во вред государству. Если такая опасность имеется, отсрочка не допускается.

Приняв решение о предоставлении отсрочки исполнения наказания, суд указывает об этом в приговоре. Одновременно с основным наказанием суд вправе отсрочить исполнение и дополнительных наказаний.

После окончания военных действий в случае отсутствия условий, предусмотренных ч. 2 ст. 44 УК БССР, отсрочка исполнения приговора заканчивается и осужденный направляется для отбывания наказания. При наличии указанных условий суд может освободить осужденного от наказания, снизить срок лишения свободы или заменить наказание более мягким как после, так и до окончания военных действий².

Опыт Великой Отечественной войны показал, что подавляющее большинство осужденных, к которым была применена отсрочка исполнения приговора, проявили в боях с врагом мужество и отвагу, за что были освобождены от отбывания наказания со снятием судимости.

¹ По УПК Украинской ССР (ст. 405) отсрочка исполнения приговора при наличии указанных обстоятельств возможна до одного года, а по УПК Эстонской ССР (ст. 330) и Киргизской ССР (ст. 336) – до шести месяцев. Однако вряд ли такое увеличение сроков имеет достаточно серьезные основания.

² См.: Комментарий к УК БССР. Минск, 1966, стр. 109–110.

Вопрос об освобождении от наказания или замене его другим, более мягким, рассматривается судом по месту службы осужденного в Советской Армии, а в отношении лиц, демобилизованных из армии, – по месту жительства последних.

В законе не содержится указаний относительно круга лиц, правомочных возбудить перед судом ходатайство об отсрочке исполнения приговора. Представляется, что в силу ст. 48, 53 и 369 УПК БССР таким правом наделены осужденный, его близкие родственники и законные представители, а также защитник.

Об отсрочке исполнения приговора может ходатайствовать орган, в обязанности которого входит фактическое исполнение приговора, если в момент обращения приговора к исполнению будут установлены обстоятельства, вызывающие необходимость отсрочки.

Правом обратиться в суд с представлением об отсрочке исполнения приговора обладает прокурор. Это его право вытекает из лежащей на нем обязанности осуществлять надзор за точным и неуклонным соблюдением законности в уголовном процессе, принимать необходимые меры для обеспечения законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Суд, независимо от наличия ходатайства или представления прокурора, может во всех случаях по собственной инициативе рассмотреть вопрос об отсрочке исполнения приговора, если в деле имеются данные, свидетельствующие об основаниях для отсрочки.

В советской процессуальной литературе высказано мнение, что правом ходатайствовать об отсрочке исполнения приговора пользуются также общественные организации и коллективы трудящихся¹. Хотя это утверждение вряд ли имеет достаточно твердую опору в действующем законодательстве, несомненно, что наделение общественных организаций и коллективов трудящихся таким правом способствовало бы более широкому участию общественности в стадии исполнения приговора и тем самым правильному разрешению вопросов, возникающих в этой стадии уголовного процесса.

В целях обеспечения единообразия судебной практики, усиления гарантий прав осужденного, а также расширения форм участия общественности в уголовном судопроизводстве было бы желательно, чтобы круг лиц, правомочных ходатайствовать перед судом об отсрочке исполнения приговора, был определен в УПК.

Лица, возбуждающие ходатайство об отсрочке исполнения приговора, обязаны представить суду необходимые материалы, свидетельствующие

¹ См.: И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 60; Р.В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964, стр. 54; Комментарий к УПК РСФСР, изд. 2-е. М., 1965, стр. 513; и др.

о наличии предусмотренных законом оснований к отсрочке. Суд, получив такие материалы, должен тщательно проверить их и с учетом имеющихся в его распоряжении данных принять решение.

В случае ходатайства об отсрочке исполнения приговора по мотивам болезни осужденного суд выясняет, является ли эта болезнь тяжелой и в какой мере она служит препятствием для отбывания назначенного наказания. Сведения о характере заболевания суд черпает из представленных ему медицинских документов, надлежащим образом удостоверенных. В этих документах должны быть отражены: диагноз заболевания, его течение, возможная продолжительность, а также вид лечения, в котором нуждается осужденный. При возникновении сомнений относительно правильности диагноза, полноты и обоснованности сделанных выводов либо подлинности представленного осужденным документа о состоянии его здоровья суд вправе назначить производство судебно-медицинской экспертизы¹.

Предоставив отсрочку исполнения приговора в связи с тяжелой болезнью осужденного, суд должен периодически осведомляться о состоянии его здоровья. По выздоровлении осужденного приговор обращается к исполнению.

В случае беременности осужденной, что должно быть удостоверено справкой медицинского учреждения, суд выносит решение об отсрочке исполнения приговора на весь период беременности и на срок не более года после родов. Если суд откажет осужденной, имеющей ребенка, в предоставлении отсрочки, приговор приводится в исполнение.

Следует, однако, согласиться с И.В. Михайловской, которая считает, что приговор к лишению свободы в отношении женщины, имеющей ребенка в возрасте до одного года, может быть обращен к исполнению лишь в том случае, когда она не является кормящей матерью². Иначе это может нанести серьезный ущерб здоровью ребенка.

При решении вопроса об отсрочке исполнения приговора в связи с исключительными обстоятельствами, предусмотренными п. 3 ст. 369 УПК БССР, необходимо иметь в виду, что перечень этих обстоятельств, указанный в настоящей статье, не является исчерпывающим. Суд вправе признать заявленные ходатайства уважительными и отсрочить исполнение приговора во всех тех случаях, когда из материалов дела и заявленного ходатайства видно, что немедленное обращение приговора к исполнению поставило бы осужденного или его семью в крайне тяжелое положение.

¹ Более подробно об этом см. в гл. IV.

² См.: И. Михайловская. Отсрочка исполнения приговора по состоянию здоровья осужденного. «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 20.

Так, народным судом Советского района г. Минска признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 104 УК БССР к двум годам лишения свободы Штанюк М.Н. Последний обратился в суд с заявлением об отсрочке исполнения приговора, ссылаясь на то, что на его иждивении находится 80-летняя больная мать, которую ему нужно устроить в дом инвалидов, так как кроме него за ней ухаживать некому. Суд удовлетворил ходатайство осужденного, отсрочив исполнение приговора на один месяц¹.

Народный суд Слуцкого района Минской области предоставил отсрочку исполнения приговора сроком на три месяца осужденной к лишению свободы Дубровской на том основании, что она мать-одиночка, имеет малолетнего ребенка, который в настоящее время болен, и осуществлять уход за ним, кроме осужденной, некому².

В обоих случаях суд поступил правильно, в соответствии с законом, поскольку немедленное исполнение приговора могло бы вызвать тяжелые последствия для членов семей осужденных.

Ознакомление с материалами судебной практики показывает, что отдельные суды необоснованно отказывают в ходатайстве об отсрочке исполнения приговора, хотя к этому имеются уважительные обстоятельства.

Приговором народного суда Березовского района Брестской области от 24 октября 1963 г. Герасимович Ф.П. признан виновным и осужден по ч. 2 ст. 87 УК БССР к одному году шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима. Осужденный просил отсрочить исполнение приговора на три месяца, ссылаясь на то, что он в настоящее время проходит курс профилактического лечения. Из представленной им справки, подписанной главным врачом Ивацевичского тубдиспансера, видно, что Герасимович состоит на учете в диспансере с диагнозом «хронический диссеминированный туберкулез легкого в стадии уплотнения» и нуждается в профилактическом лечении весной и осенью. Несмотря на указанные обстоятельства, суд в ходатайстве осужденного отказал, указав в своем определении от 16 декабря 1963 г., что это ходатайство не основано на законе³.

С другой стороны, имеются случаи, когда суды подходят к решению вопроса об отсрочке исполнения приговора без достаточной строгости и предоставляют отсрочку в исполнении приговора при отсутствии к тому законных оснований либо по недостаточно проверенным материалам⁴.

¹ Из архива народного суда Советского района г. Минска.

² Из архива народного суда Слуцкого района Минской области.

³ Из архива народного суда Березовского района Брестской области.

⁴ См.: Р.Д. Рахунов и др. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963, стр. 201–202.

Уголовно-процессуальное законодательство большинства союзных республик запрещает применение отсрочки исполнения приговора в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, и особо опасных рецидивистов¹. УПК БССР (равно как и УПК РСФСР, Казахской и Таджикской ССР) такого запрета не содержит и допускает возможность отсрочки исполнения приговора независимо от того, за какое преступление осужден обвиняемый. Однако при решении вопроса о предоставлении отсрочки суд должен учитывать все обстоятельства дела, в том числе тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, вид и размер назначенного наказания и др.²

Как уже отмечалось, предоставление отсрочки исполнения приговора при наличии указанных в законе условий является не обязанностью, а правом суда. Суд не автоматически штампует определение, а, взвесив все имеющиеся в его распоряжении данные, принимает решение, не допуская как необоснованной отсрочки исполнения приговора, ведущей к затяжке его реализации, так и безмотивного отказа в отсрочке, ущемляющего законные интересы осужденного.

Приняв решение об отсрочке исполнения приговора, суд вправе применить к осужденному одну из предусмотренных законом мер пресечения (исключая, разумеется, заключение под стражу). Это право вытекает из того, что избранная ранее в отношении подсудимого мера пресечения прекратила свое действие по вступлении приговора в законную силу. Поэтому суд, предоставив отсрочку исполнения приговора, может в необходимых случаях принять меры к тому, чтобы воспрепятствовать осужденному уклониться от отбывания наказания³.

По смыслу ст. 369 УПК БССР и аналогичных статей УПК других союзных республик исполнение приговора может быть отсрочено в отношении меры наказания при осуждении лица к лишению свободы, ссылке, высылке или исправительным работам без лишения свободы. Судебная практика пошла по пути расширительного толкования этой статьи и допускает отсрочку исполнения приговора в части удовлетворения гражданского иска и иных имущественных взысканий, определенных приговором⁴.

¹ См.: УПК УССР (ст. 405), Узбекской (ст. 338), Азербайджанской (ст. 381), Грузинской (ст. 373), Литовской (ст. 406), Молдавской (ст. 341), Латвийской (ст. 362), Киргизской (ст. 366), Армянской (ст. 359), Туркменской (ст. 371), Эстонской (ст. 330) ССР.

² Аналогичные соображения высказаны М.С. Строговичем (Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 521), Э.Ф. Куцовой (Исполнение приговора. М., 1961, стр. 17), И. Михайловской (Отсрочка исполнения приговора по состоянию здоровья осужденного. «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 19) и др.

³ Аналогичную точку зрения разделяют И.Д. Перлов (Исполнение приговора. М., 1963, стр. 61), Э.Ф. Куцова (Исполнение приговора. М., 1960, стр. 17) и др.

⁴ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 1, стр. 31–32; «Советская юстиция», 1959, № 4, стр. 92; Комментарий к УПК РСФСР. М., 1965, стр. 511–512; и др.

Верховный Суд СССР распространил действие указанной статьи на все виды имущественных взысканий с военнослужащих рядового состава срочной службы, осужденных к направлению в дисциплинарный батальон.

Учитывая сложившуюся судебную практику, которая представляет обоснованной, было бы целесообразно внести в УПК соответствующие уточнения.

В судебной практике возник вопрос: может ли суд отсрочить исполнение приговора после того, как он был обращен к исполнению, иначе говоря, допускается ли перерыв в исполнении приговора во время отбывания осужденным наказания. Закон не содержит прямого ответа на этот вопрос. Нет единства мнений по этому вопросу и в уголовно-процессуальной литературе.

Проф. М.А. Чельцов, отметив в учебнике «Советский уголовный процесс», что «практика допускает... применение отсрочки не только до момента фактического обращения приговора к исполнению, но и в стадии исполнения»¹, не высказал своего отношения к этой практике.

Правильной такую практику признает Я.С. Аврах. Он допускает возможным прервать исполнение приговора во время его фактического отбывания независимо от избранной меры наказания².

Отрицательно относится к этому проф. И.Д. Перлов. «Отсрочить исполнение приговора, – пишет он, – можно лишь до момента обращения его к исполнению. После приведения в исполнение приговора возможно только приостановление исполнения приговора компетентными лицами и в установленном законом порядке... Советскому уголовному процессу в настоящее время не известен институт перерыва отбывания наказания»³. Указав далее, что в практике судов иногда еще встречаются случаи, когда отсрочка исполнения приговора дается и после приведения приговора в исполнение, проф. И. Д. Перлов считает такую практику необоснованной⁴.

Представляется, что решение данного вопроса не может быть однозначным и зависит от характера и вида назначенного судом наказания. Если осужденный отбывает наказание, связанное с лишением свободы, то перерыв в исполнении приговора не допускается. Если наказание не связано с лишением свободы, то при наличии серьезных оснований суд может удовлетворить ходатайство осужденного и отсрочить исполнение приговора, хотя он уже обращен к исполнению.

¹ М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс, изд. 4-е. М., 1962, стр. 479.

² См.: Я.С. Аврах. Исполнение приговора по УПК РСФСР. В сб.: «Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР». Казань, 1961, стр. 193.

³ И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 59.

⁴ Там же.

В народный суд Минского района с просьбой об отсрочке исполнения приговора обратился Васильев И.Д., осужденный по ст. 168 УК БССР к одному году исправительных работ с отбыванием наказания по месту работы и удержанием 20 % заработка. Рассмотрев материалы дела, суд установил, что у осужденного на иждивении находятся жена и трое малолетних детей. После начала отбывания наказания у него в результате пожара сгорело все имущество. Учитывая, что дальнейшее отбывание наказания с удержанием части заработка может тяжело сказаться на материальном положении семьи, суд в соответствии с п. 3 ст. 369 УПК БССР отсрочил исполнение приговора сроком на три месяца¹.

Климович В.С., осужденная по ч. 1 ст. 87 УК БССР к одному году исправительных работ по месту работы, обратилась в народный суд г. Бреста с ходатайством предоставить ей отсрочку исполнения приговора на два месяца. Суд установил, что осужденная, отбыв частично наказание, ушла в декретный отпуск, по окончании которого получила от администрации разрешение на дополнительный неоплачиваемый отпуск сроком на два месяца. Принимая во внимание, что трудовое законодательство допускает предоставление после декретного отпуска дополнительного неоплачиваемого отпуска сроком до трех месяцев, суд удовлетворил ходатайство осужденной, отсрочив ей отбывание наказания на два месяца².

В указанных случаях суд фактически не отсрочил, а прервал исполнение приговора, причем необходимость такого перерыва вызывалась уважительными обстоятельствами.

Несомненный интерес представляет вопрос о том, вправе ли суд по истечении срока, на который было отсрочено исполнение приговора, вновь предоставить осужденному отсрочку. Большинство авторов отвечает на него положительно, хотя их ответы не идентичны.

«Если основания, – пишет И.Д. Перлов, – по которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора, продолжают действовать или появились новые основания, то суд по истечении срока первой отсрочки может рассмотреть вопрос о новой отсрочке...

Разумеется, что первая и повторная отсрочки могут иметь место в пределах тех максимальных сроков, которые предусмотрены законом (не более чем на один год после родов и не более чем на три месяца в случаях, когда немедленное отбывание наказания может повлечь за собой тяжкие последствия для осужденного или его семьи)»³.

Аналогичной точки зрения придерживаются авторы книги «Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел».

¹ Из архива народного суда Минского района Минской области.

² Из архива народного суда г. Бреста.

³ И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 60–61.

«Поскольку в законе, – пишут они, – по этому вопросу не содержится никаких ограничений, следует признать, что суд с учетом всех обстоятельств дела, а главное, с учетом новых оснований, представленных осужденным, может в отдельных случаях вторично на некоторое время (в пределах, установленных законом) предоставить осужденному отсрочку»¹.

Характерным для приведенных высказываний является то, что их авторы, допуская возможность повторной отсрочки исполнения приговора, ставят при этом ограничительное условие: общий срок задержки приведения приговора в исполнение не должен превышать максимальных размеров, установленных законом для отсрочки.

Не связывают предоставление повторной отсрочки с указанным условием В.Г. Гинцбург и А.А. Тарасов. В своей книге «Прокурорский надзор за исполнением приговоров» они пишут: «Предоставление судом отсрочки исполнения приговора не лишает осужденного права после окончания срока предоставленной отсрочки возбудить вторично этот вопрос, который разрешается на общих основаниях»².

Представляется, что эта точка зрения является правильной. В самом деле, нельзя лишить осужденного права вторично обратиться в суд с ходатайством об отсрочке исполнения приговора, а суд при наличии достаточно серьезных к тому оснований – удовлетворить это ходатайство только по той причине, что лимит срока отсрочки уже исчерпан. Такое решение вопроса носило бы чисто формальный характер. Оно не вытекает из духа советского уголовно-процессуального законодательства.

Например, осужденный после пожара, вызвавшего бедственное материальное положение семьи, получил отсрочку в исполнении приговора сроком на три месяца (максимальный размер). По истечении этого срока обрушилось другое стихийное бедствие – наводнение, которое еще больше ухудшило положение семьи. Разумеется, в таких исключительных случаях суд вправе предоставить повторную отсрочку исполнения приговора, хотя максимальный размер отсрочки был уже исчерпан в первый раз.

Обращение к судебной практике подтверждает высказанное положение.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда своим определением от 3 сентября 1964 г. отказала в отсрочке исполнения приговора Чибисовой, осужденной по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР к лишению свободы с конфискацией имущества. Осужденная признана

¹ Р.Д. Рахунов, И.Г. Сапожников, Л.М. Козак, М.Г. Коршик. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963, стр. 202.

² В.Г. Гинцбург, А.А. Тарасов. Прокурорский надзор за исполнением приговоров. М., 1957, стр. 18.

виновной в том, что, работая рецептором филиала аптеки № 189 Мосгораптекоуправления и используя свое служебное положение, систематически занималась хищением медикаментов и аптекарских товаров, причинив совместно с другими лицами ущерб государству на сумму 4204 руб.

В заявлении Чибисовой содержалась просьба отсрочить обращение приговора к исполнению, так как она беременна.

Судебная коллегия Московского городского суда отклонила ходатайство осужденной, сославшись на то, что ранее ей уже предоставлялась отсрочка в исполнении приговора в связи с беременностью. Вторая просьба Чибисовой свидетельствует о том, что она, совершив тяжкое преступление, фактически уклоняется от отбывания наказания.

Отменяя это определение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «Из представленных Чибисовой документов усматривается, что она имеет беременность около трех месяцев. При таких обстоятельствах отказ Московского городского суда Чибисовой в отсрочке исполнения приговора по тем мотивам, что ей уже предоставлялась отсрочка, следует признать неправильным»¹.

Нет единогласия в советской процессуальной литературе и по вопросу о моменте принятия судом решения об отсрочке исполнения приговора.

По общему правилу, ходатайства о предоставлении отсрочки рассматриваются в стадии исполнения приговора, т. е. после того, как приговор вступил в законную силу². Однако в практике судов встречаются случаи, когда необходимость отсрочки обращения приговора к исполнению выясняется уже в ходе судебного разбирательства (например, при беременности осужденной, наличии особых обстоятельств и др.). Может ли суд в таких случаях отсрочить исполнение приговора, не дожидаясь вступления его в законную силу?

Утвердительно отвечает на этот вопрос М.А. Чельцов, Я.С. Аврах, И.В. Михайловская, В.Я. Дорохов, В.С. Николаев и другие, которые полагают, что при установлении в судебном разбирательстве обстоятельств, влекущих отсрочку приведения приговора в исполнение, решение об отсрочке должно быть указано в приговоре суда³.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 2, стр. 15.

² Исключением является применение отсрочки исполнения приговора в отношении военнослужащих или военнообязанных на период военных действий. В таких случаях об отсрочке указывается в приговоре суда.

³ См.: М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1961, стр. 479; И. Михайловская. Отсрочка исполнения приговора по состоянию здоровья осужденного. «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 20; Я.С. Аврах. Исполнение приговора по УПК РСФСР. В кн.: «Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР». Казань, 1961, стр. 194; В.Я. Дорохов и В.С. Николаев. Обоснованность приговора. М., 1959, стр. 16.

Иной точки зрения придерживается И.Д. Перлов. «Пока приговор не вступил в законную силу, – пишет он, – не возникает вопроса об обращении его к исполнению. Было бы неправильно при постановлении приговора одновременно решать вопрос об отсрочке его исполнения»¹. В подтверждение своей мысли И.Д. Перлов указывает на то, что предоставление отсрочки до вступления приговора в законную силу является преждевременным: приговор может быть обжалован или опротестован в кассационном порядке, отменен или изменен, и в связи с этим отпадает надобность в отсрочке его исполнения².

С доводами И.Д. Перлова нельзя согласиться. В самом деле, если во время судебного разбирательства будут выяснены обстоятельства, вызывающие необходимость отсрочки исполнения приговора, суд не может оставить эти обстоятельства без внимания, игнорировать их. Установив наличие предусмотренных законом оснований к отсрочке исполнения приговора, суд должен принять соответствующее решение, не ожидая, пока приговор вступит в законную силу. При таком подходе устраняется неизбежная волокита и исключается ненужная трата времени и сил со стороны суда и других участников процесса, так как отпадает необходимость вторичного проведения судебного заседания в порядке исполнения приговора для рассмотрения вопроса об отсрочке. Заинтересованные лица получают возможность обжаловать в кассационном порядке не только приговор суда по существу, но и одновременно его решение в части, касающейся исполнения приговора. В свою очередь, кассационная инстанция может в одном судебном заседании проверить как законность и обоснованность вынесенного приговора, так и убедительность тех мотивов, по которым его исполнение было отсрочено.

Кроме того, оставление судом первой инстанции неразрешенным вопроса об отсрочке исполнения приговора при наличии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости такой отсрочки, может вызвать у присутствующих на суде граждан чувство недоумения и неудовлетворенности. Не будучи осведомленными в юридических тонкостях, они воспримут вынесенный приговор как чрезмерно суровый, несправедливый. Это неизбежно влечет за собой снижение воспитательного и предупредительного значения судебного разбирательства, ослабление его эффективности³.

Из сказанного следует, что при установлении на судебном разбирательстве обстоятельств, вызывающих необходимость отсрочки исполнения приговора, переносить рассмотрение этого вопроса на специальное

¹ И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 58.

² Там же, стр. 59.

³ См.: И. Михайловская. Отсрочка исполнения приговора по состоянию здоровья осужденного. «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 20.

заседание нецелесообразно. Суды могут разрешить указанный вопрос во время вынесения приговора, отразив свое решение непосредственно в приговоре или отдельном определении. Разумеется, отмена приговора в кассационном порядке влечет за собой и отмену решения суда в части, касающейся отсрочки его исполнения.

Рассрочка исполнения приговора

При назначении наказания в виде штрафа его уплата может быть отсрочена или рассрочена судом на срок до шести месяцев, если немедленное внесение определенной судом суммы является для осужденного непосильным (ст. 369 УПК БССР). Различие между отсрочкой и рассрочкой уплаты штрафа состоит в том, что при отсрочке исполнения приговора время уплаты штрафа отодвигается на какой-то срок, но вся сумма штрафа взыскивается одновременно в полном объеме. При рассрочке же осужденный выплачивает штраф по частям в размерах и в сроки, определенные судом.

Отсрочка и рассрочка штрафа допустимы, когда осужденный в состоянии его уплатить, но в силу сложившихся обстоятельств не может сделать этого в данный момент. Если осужденный вообще лишен возможности уплатить штраф, это основание для замены наказания либо для пересмотра приговора в надзорном порядке.

Исчисление сроков отсрочки и рассрочки уплаты штрафа производится не с момента вынесения приговора, а с момента вступления его в законную силу.

В случае уклонения осужденного от уплаты штрафа и невозможности его взыскания суд может постановить о замене штрафа исправительными работами без лишения свободы (ст. 30 УК БССР). Решение принимается в порядке, предусмотренном ст. 373 УПК.

Приостановление исполнения приговора

Помимо отсрочки и рассрочки исполнения приговора, уголовно-процессуальное право предусматривает также возможность приостановления исполнения вступившего в законную силу приговора, определения и постановления суда, если имеются достаточно серьезные основания предполагать, что указанные судебные акты являются незаконными и подлежат отмене или изменению в надзорном порядке.

В отличие от отсрочки и рассрочки исполнения приговора приостановление производится не судом, а единоличным распоряжением управомоченного на то лица. Поскольку приостановление исполнения приговора, определения и постановления суда носит исключительный характер, законодатель наделяет правом приостановления ограниченный круг лиц.

Согласно ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 381 УПК БССР Генеральный Прокурор СССР, Председатель Верховного Суда СССР, их заместители, Главный военный прокурор и Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР в соответствии с их компетенцией могут приостановить до разрешения дела в порядке судебного надзора исполнение опротестованного приговора, определения и постановления суда.

Прокурор Белорусской ССР и Председатель Верховного Суда БССР вправе приостановить исполнение опротестованного приговора, определения и постановления любого суда Белорусской ССР, кроме постановления Пленума Верховного Суда БССР¹.

По прямому указанию ст. 48 Основ уголовного судопроизводства СССР и соответствующих статей УПК союзных республик приостановить исполнение в порядке судебного надзора можно лишь опротестованный приговор, определение или постановление суда. Это означает, что дать распоряжение о приостановлении исполнения приговора и других судебных решений уполномоченное на то лицо может либо одновременно с принесением протеста в порядке надзора, либо после принесения протеста, но до рассмотрения дела надзорной инстанцией.

Такое требование закона имеет целью обеспечить, чтобы приостановление исполнения приговора имело место лишь при наличии достаточно серьезных к тому оснований. Прежде чем приостановить исполнение приговора, необходимо истребовать дело, тщательно его изучить и, придя к выводу о незаконности или необоснованности вынесенного решения, опротестовать его. Как показывает практика, приостановление исполнения приговора по одной лишь жалобе заинтересованного лица в момент истребования дела во многих случаях оказывалось необоснованным и впоследствии отменялось².

В этой связи нельзя не отметить, что некоторыми советскими процессуалистами высказана по данному вопросу иная точка зрения. Так, проф. М.С. Строгович пишет: «Хотя в статье 27 Положения о прокурорском надзоре в СССР прямо говорится о приостановлении опротестованного приговора или определения, но, как нам кажется, эту статью следует толковать расширительно в том смысле, что исполнение

¹ По УПК РСФСР (ст. 372) правом приостановления исполнения приговора, определения и постановления суда наделены также заместители Прокурора РСФСР и Председателя Верховного Суда РСФСР.

Как правильно отмечает И.Д. Перлов, такое расширение круга лиц, пользующихся правом приостановления исполнения судебных решений, вступивших в законную силу, хотя и оправдано практически (ввиду большого объема работы в республике), не согласуется со ст. 48 Основ уголовного судопроизводства и ст. 27 Положения о прокурорском надзоре в СССР (см.: И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1962, стр. 65).

² См.: В.И. Шинд. Рассмотрение уголовных дел президиумами судов. М., 1960, стр. 72.

приговора может быть приостановлено не только при принесении протеста, но и при истребовании дела, до того, как будет решен вопрос о принесении протеста. В ряде случаев необходимость приостановления приговора возникает именно в этот момент, чтобы не допустить приведения в исполнение явно незаконного и необоснованного приговора»¹.

Отстаивая свою точку зрения в «Курсе советского уголовного процесса», изданном уже после принятия Основ уголовного судопроизводства СССР, проф. М.С. Строгович указывает: «Приостановление исполнения приговора может быть произведено в тот момент, когда по истребованному делу принесен протест, а также и в более ранний момент – при истребовании дела, если из самого текста приговора и представленных при жалобе в порядке надзора материалов достаточно ясно видна неправильность еще не приведенного в исполнение приговора, вследствие чего само приведение этого приговора в исполнение было бы нарушением законности»².

Приведенные М.С. Строговичем доводы в подтверждение своей точки зрения не являются убедительными. Вряд ли можно серьезно утверждать, что обоснованный вывод о неправильности приговора, а следовательно, и о необходимости приостановления его исполнения можно сделать только на основе жалобы заинтересованного лица и представленных им материалов, без тщательного изучения всего уголовного дела. При этом необходимо иметь в виду, что приговор ранее проверялся кассационной инстанцией и она не могла пройти мимо «ясно видной» неправосудности приговора. Кроме того, нельзя добиваться укрепления законности путем отступления от прямых указаний закона.

Приостановление исполнения приговора, определения или постановления суда может последовать как в тех случаях, когда они еще не были обращены к исполнению, так и тогда, когда они уже исполняются. Если возможность приостановления исполнения приговора и других судебных решений в первом случае не вызывает сомнений, то вопрос о том, может ли быть приостановлено исполнение приговора, уже обращенного к исполнению, т. е. возможен ли перерыв исполнения, является предметом оживленной дискуссии.

Одни процессуалисты (М.С. Строгович, В.Г. Гинцбург, А.А. Тарасов, М.М. Гродзинский, Л.М. Козак, А.Я. Грун, Р.Д. Рахунов и др.) признают

¹ М.С. Строгович. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М., 1956, стр. 272. Аналогичное высказывание содержится в работе М.М. Гродзинского «Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе» (М., 1953, стр. 91).

² М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 531.

допустимость и целесообразность такого приостановления¹. «При решении этого вопроса, – пишут авторы книги «Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел», – следует исходить из основного соображения: ни один осужденный не должен отбывать наказание, если из материалов дела усматривается, что он осужден незаконно. Установив это, соответствующий прокурор (или председатель суда) должен приостановить исполнение приговора независимо от того, начал ли осужденный отбывать наказание»².

Против приостановления исполнения приговора, по которому осужденный отбывает наказание, высказался В.И. Шинд. Анализируя правовые условия опротестования вступившего в законную силу приговора, он пишет: «...приостановление исполнения приговора в виде перерыва исполнения является неправильным. Перерыв исполнения представляет собой прекращение исполнения судебных решений, вступивших в законную силу, на определенное время. Другими словами, лицо, отбывающее наказание по приговору суда, освобождается от дальнейшего отбывания наказания по единоличному распоряжению соответствующего должностного лица до рассмотрения протеста надлежащим судом. Таким образом, решение суда, принятое коллегиально и имеющее силу закона, фактически отменяется, пусть даже на время, единоличным действием прокурора или председателя суда. Вряд ли это можно признать правильным.

Кроме того, перерыв исполнения приговора или определения ставит суд перед совершившимся фактом и поэтому оказывает давление на судей. Если осужденный был освобожден из мест лишения свободы в результате приостановления исполнения приговора, то, рассматривая протест, суд не может не учитывать этого обстоятельства»³.

Хотя приведенные соображения не лишены известного основания, они не согласуются с действующим законодательством. В настоящее время УПК одних союзных республик прямо предусматривают возможность приостановления исполняемого приговора, включая случаи, когда осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы⁴; УПК других союзных республик, хотя и не содержат аналогичных правил, вместе с тем не устанавливают каких-либо ограничений в праве соответствующих должностных лиц на приостановление исполнения приговора. Поэтому указанные лица мо-

¹ См.: М.С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 531; В.Г. Гинцбург и А.А. Тарасов. Прокурорский надзор за исполнением приговоров. М., 1957, стр. 20; Комментарий к УПК РСФСР, изд. 2-е. М., 1965, стр. 545; Р.Д. Рахунов. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., 1956, стр. 55; и др.

² Р.Д. Рахунов, И.Г. Сапожников, Л.М. Козак, М.Г. Коршик. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963, стр. 251.

³ В.И. Шинд. Рассмотрение уголовных дел президиумами судов. М., 1960, стр. 72–73.

⁴ См.: УПК Эстонской (ст. 343), Армянской (ст. 369), Казахской (ст. 365), Латвийской (ст. 337), Азербайджанской (ст. 406), Киргизской (ст. 382), Туркменской (ст. 383) ССР.

гут приостановить исполнение приговора как в тех случаях, когда он еще не был обращен к исполнению, так и тогда, когда он уже исполняется. Разумеется, что приостановление исполнения приговора, уже обращенного к исполнению, в особенности если это связано с освобождением осужденного из-под стражи, возможно только при наличии исключительных обстоятельств, в случаях, не терпящих отлагательства.

Приостановление исполнения приговора может относиться как к приговору в целом, так и к какой-либо его части (например, к конфискации имущества или взысканию по гражданскому иску).

Не допускается приостановление исполнения оправдательного приговора, а также приговора, освобождающего подсудимого от наказания. Равным образом не может быть приостановлено исполнение определения и постановления суда о прекращении уголовного дела или об освобождении осужденного от наказания.

Процессуальный порядок приостановления исполнения приговора и иных судебных решений регламентирован действующим законодательством недостаточно полно. Некоторые указания содержатся лишь в УПК Казахской (ст. 365), Армянской (ст. 369), Эстонской (ст. 343), Латвийской (ст. 377), Туркменской (ст. 383) и Киргизской (ст. 382) ССР.

С учетом правил, зафиксированных в этих статьях УПК, в настоящее время сложился следующий порядок приостановления исполнения приговора.

Ознакомившись с истребованным в порядке судебного надзора делом и признав необходимым приостановить исполнение приговора, соответствующее должностное лицо дает о том письменное распоряжение суду, постановившему приговор¹. Получив такое распоряжение, суд задерживает обращение приговора к исполнению. Если же приговор уже обращен к исполнению, суд направляет копию постановления о приостановлении исполнения тем органам, которые осуществляют фактическое исполнение приговора. Указанные органы обязаны немедленно приостановить исполнение приговора впредь до окончания производства в порядке судебного надзора.

Если осужденный отбывает наказание в виде лишения свободы, лицо, приостанавливающее исполнение приговора, принимает меры к освобождению осужденного и, в случае необходимости, избирает меру пресечения. УПК ряда союзных республик содержат оговорку, что эта мера пресечения не должна быть связана с содержанием под стражей².

¹ Встречающиеся иногда в судебной практике случаи приостановления исполнения приговора и других судебных решений до принесения протеста, в момент истребования дела, не основаны на законе.

² См.: УПК Казахской (ст. 365), Латвийской (ст. 377), Киргизской (ст. 382), Туркменской (ст. 383) ССР.

В УПК большинства союзных республик нет указания относительно формы, в которой дается распоряжение о приостановлении исполнения приговора, определения или постановления суда. Лишь УПК Казахской (ст. 365), Латвийской (ст. 377), Азербайджанской (ст. 406), Киргизской (ст. 382), Армянской (ст. 369), Туркменской (ст. 383) и Эстонской (ст. 343) ССР устанавливают, что приостановление исполнения приговора и иных судебных актов осуществляется путем вынесения постановления.

Такое правило является целесообразным, и его следует распространить на все союзные республики. Требование о вынесении мотивированного постановления не только обеспечило бы необходимое единообразие в порядке приостановления приговоров, определений и постановлений суда, но и содействовало бы большей продуманности принимаемых решений¹.

Распоряжение о приостановлении исполнения приговора и других судебных решений действует до разрешения дела в порядке судебного надзора или до отмены этого распоряжения тем же должностным лицом, которое приостановило исполнение.

§ 3. Замена и изменение наказания

При наличии предусмотренных законом условий суд может в стадии исполнения приговора заменить назначенное осужденному наказание либо внести изменения в характер его отбывания.

Наделение суда таким правом вызвано практической потребностью добиться наиболее рационального использования применяемого наказания для достижения максимального воспитательного и предупредительного воздействия, а также необходимостью обеспечить реальное исполнение каждого приговора, вступившего в законную силу. Так, если осужденный к лишению свободы, исправительным работам, ссылке, высылке или направлению в дисциплинарный батальон примерным поведением и честным отношением к труду докажет свое исправление, то суд наряду с досрочным и условно-досрочным освобождением может заменить ему неотбытую часть наказания более мягким. Если осужденный уклоняется от отбывания наказания или по каким-либо причинам не в состоянии отбывать назначенное ему наказание, суд должен заменить это наказание таким из числа предусмотренных законом, чтобы осужденный не остался безнаказанным.

¹ О желательности, чтобы приостановление исполнения приговора оформлялось процессуально, в виде постановления, писал Р.Д. Рахунов. (См.: Р.Д. Рахунов. Пересмотр приговоров и определений в президиумах судов. М., 1956, стр. 56.)

Важно, однако, подчеркнуть, что замена наказания в стадии исполнения приговора не является средством исправления ошибок, допущенных при постановлении приговора. Суд вправе заменить наказание или изменить характер его отбывания только при условии, если вынесенный приговор является законным и обоснованным, но в процессе его исполнения возникли обстоятельства, требующие соответствующей замены или изменения наказания. В тех случаях, когда при исполнении приговора будут обнаружены ошибки относительно квалификации преступления, определения меры наказания, разрешения гражданского иска и других вопросов, ставящих под сомнение правосудность приговора, они могут быть исправлены лишь в порядке судебного надзора либо при новом судебном разбирательстве, проводимом после отмены первоначального приговора.

Замена и изменение наказания в стадии исполнения приговора возможны в нескольких формах: а) замена неотбытой части наказания другим, более мягким; б) замена тюремного заключения содержанием в исправительно-трудовой колонии и отбывания наказания в колонии тюремным заключением; в) замена исправительных работ и штрафа другими мерами наказания; г) изменение наказания в связи с обратной силой нового закона; д) изменение наказания в связи с принятием акта об амнистии.

Некоторые советские процессуалисты отрицают правомерность изменения наказания в стадии исполнения приговора. Я.О. Мотовиловкер, касаясь этого вопроса в своей докторской диссертации, пишет: «Проанализировав различия (по субъекту, объекту, условиям деятельности, основаниям и последствиям) между изменением приговора в части наказания вышестоящим судом и разрешением вопросов, связанных с исполнением приговора, автор приходит к выводу, что в стадии исполнения приговора не может быть речи об изменении приговора в части назначенного наказания»¹. Аналогичные соображения высказаны И.Д. Перловым².

Вероятно, здесь происходит смешение разных понятий. Разумеется, суд не вправе в порядке исполнения приговора вносить в него изменения в целях устранения ошибок, допущенных при его вынесении, относительно характера и размера наказания. Это выходит за пределы полномочий суда в данной стадии процесса. Но если в ходе исполнения приговора возникли обстоятельства, которые вызывают необходимость изменения назначенного ранее наказания (например, принятие нового закона, смягчающего ответственность, издание акта об амнистии),

¹ Я.О. Мотовиловкер. Вопросы теории и практики советского уголовного процесса. Автореф. доктор. дис. М., 1966, стр. 33.

² См.: И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 17–18.

то при наличии прямого указания в законе суд может и должен внести соответствующие изменения.

Замена неотбытой части наказания другим, более мягким

Наряду с условно-досрочным освобождением закон предусматривает возможность замены неотбытой части наказания более мягким, если осужденный к лишению свободы, исправительным работам, ссылке, высылке или направлению в дисциплинарный батальон примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление (ст. 51 УК БССР). Замена неотбытой части наказания более мягким, как и условно-досрочное освобождение, является видом поощрения и служит важным стимулом к быстрейшему исправлению осужденного.

Для замены неотбытой части наказания более мягким необходимы те же основания, что и для условно-досрочного освобождения: а) фактическое отбытие осужденным не менее половины или двух третей назначенного срока наказания; б) исправление осужденного, доказанное его примерным поведением и честным отношением к труду (ст. 51 УК БССР).

Некоторые авторы полагают, что для замены неотбытой части наказания более мягким в отличие от условно-досрочного освобождения не требуется полного исправления осужденного. «Такая замена, – пишет Г.А. Кригер, – допускается в тех случаях, когда лицо хотя полностью и не исправилось, но твердо встало на путь исправления»¹.

Развивая это положение, Ю.М. Ткачевский пишет: «Если процесс исправления или перевоспитания еще не завершен, но осужденный добросовестно работает и примерно ведет себя, то ради доверия, поощрения его лучших побуждений и стараний подчас желательно применить замену неотбытой части наказания другим, более мягким. Однако такая замена возможна лишь в тех случаях, когда суд твердо уверен, что лица, к которым применяется указанный институт, не совершат вновь преступления»². Аналогичной точки зрения придерживаются авторы Научно-практического комментария к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик³.

С этой точкой зрения нельзя согласиться.

Во-первых, она содержит явное противоречие: как суд может быть твердо уверен в том, что лицо, к которому применяется замена

¹ Г. А. Кригер. Наказание и его применение. М., 1962, стр. 61.

² Ю. Ткачевский. Замена неотбытой части срока наказания более мягким наказанием. «Социалистическая законность», 1961, № 5, стр. 26–27; см.: Его же. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962, стр. 93.

³ См.: Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1960, стр. 105.

неотбытой части наказания более мягким, не совершит вновь преступление, если процесс исправления и перевоспитания этого лица еще не завершен? Во-вторых, указанная точка зрения идет вразрез с законом, который не делает различия в основаниях условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким. В соответствии с действующим уголовным законодательством и то и другое может быть предоставлено только исправившимся.

Подчеркивая эту мысль, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 11 октября 1965 г. указал: «Ряд судов неправильно применяют к осужденным, не доказавшим своего исправления, замену неотбытой части наказания более мягким наказанием, ошибочно полагая, что такая замена возможна в отношении осужденных, которые лишь становятся на путь исправления, но окончательно еще не исправились. Между тем закон предъявляет одинаковые требования как для применения условно-досрочного освобождения, так и для замены неотбытой части наказания более мягким... Условно-досрочное освобождение от наказания, равно как и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, является актом поощрения и может быть применено только к тем осужденным, которые примерным поведением и честным отношением к труду доказали свое исправление»¹.

Наличие различных видов поощрения, применяемых к осужденным, позволяет суду более индивидуализированно подходить к их выбору и принимать решение, учитывающее всю совокупность обстоятельств: характер совершенного преступления и степень участия в нем осужденного, соблюдение им режима, установленного в исправительно-трудовом учреждении, выполняемую работу и отношение к ней, повышение производственной квалификации, участие в общественной жизни коллектива, отношение к общеобразовательной подготовке и т. п. Взвесив указанные обстоятельства, суд может освободить осужденного от отбывания наказания условно-досрочно либо заменить неотбытую часть наказания более мягким, если придет к выводу, что такая мера поощрения будет более эффективной, чем условно-досрочное освобождение².

Особенно полезной может оказаться замена наказания более мягким при кратких сроках лишения свободы. Ввиду непродолжительности исправительно-трудового воздействия на осужденного его исправление в ряде случаев нуждается в дальнейшем закреплении и завершении.

Замена неотбытой части наказания более мягким означает не сокращение срока отбывания наказания, а замену вида наказания на другой, более мягкий. Например, лишение свободы может быть заменено ссылкой, высылкой, исправительными работами, запрещением занимать

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 6, стр. 6–7.

² См.: Там же, стр. 8.

определенную должность или заниматься определенной деятельностью, общественным порицанием. Ссылка может быть заменена любым из перечисленных выше наказаний, кроме лишения свободы, и т. д.

При замене неотбытой части наказания более мягким суд руководствуется перечнем наказаний и их последовательностью, установленной ст. 21 УК БССР. В этой статье наказания расположены начиная от наиболее тяжкого и заканчивая наиболее мягким.

Выбирая наказание взамен неотбытого, суд может применить любое из перечисленных в ст. 21 УК БССР более мягких наказаний. Не допускается лишь замена лишения свободы штрафом (ст. 30 УК БССР) и замена неотбытой части лишения свободы или исправительных работ условным осуждением. Определение конкретного вида наказания вместо неотбытого зависит от усмотрения суда, который выносит решение с учетом всех обстоятельств дела.

Замена неотбытой части наказания более мягким означает смягчение участи осужденного. Поэтому размеры вновь избранной меры наказания не могут быть более продолжительными, чем неотбытая часть с учетом коэффициента замены, и не должны превышать предельного срока, установленного для данного вида наказания. Так, при замене лишения свободы исправительными работами новое наказание не может быть назначено на срок свыше одного года и в общей сложности не должно превышать более чем в три раза неотбытый срок лишения свободы¹. Недопустима, например, замена двух месяцев лишения свободы на девять месяцев исправительных работ. В результате такой замены положение осужденного не облегчится, а заметно ухудшится.

Решая вопрос о замене неотбытой части наказания более мягким, суд может одновременно освободить осужденного от дополнительных наказаний в виде ссылки, высылки или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 51 УК БССР).

Замена неотбытой части наказания более мягким может быть применена также к лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет.

Несовершеннолетние гораздо быстрее и легче поддаются исправительно-трудовому воздействию, чем взрослые, поэтому замена им наказания более мягким (как и досрочное освобождение) имеет ряд особенностей.

Во-первых, такая замена является безусловной и применяется по отбытии осужденным не менее одной трети срока наказания независимо от характера совершенного им преступления и прежних судимостей.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 467.

При замене несовершеннолетнему неотбытой части наказания более мягким не допускается применение ссылки и высылки. Равным образом осужденному, не достигшему 16 лет, лишение свободы не может быть заменено исправительными работами, поскольку трудовое законодательство не разрешает прием таких лиц на работу.

Во-вторых, при установлении факта исправления несовершеннолетнего, помимо примерного поведения и честного отношения к труду, должно учитываться также его добросовестное отношение к учебе, стремление приобрести специальность и повысить свой общеобразовательный уровень.

Замена тюремного заключения содержанием в исправительно-трудовой колонии и отбывания наказания в колонии тюремным заключением

Согласно ст. 23 УК БССР осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительно-трудовой колонии или в тюрьме, о чем указывается в приговоре суда.

Исправительно-трудовые колонии являются основным видом исправительно-трудовых учреждений. В них содержится большинство осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия. Тюремное заключение – более суровый вид лишения свободы. Оно может быть назначено на весь срок наказания или часть его особо опасным рецидивистам, лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, а также лицам, осужденным к лишению свободы на срок не менее пяти лет за совершение тяжких преступлений, перечисленных в ч. 4 ст. 23 УК БССР.

Если осужденный к тюремному заключению отбудет не менее половины назначенного срока, то при условии примерного поведения тюремное заключение может быть заменено ему содержанием в исправительно-трудовой колонии. Вид колонии определяется судом в соответствии с Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах союзной республики и постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1961 г.¹

Лицам, злостно нарушающим режим, установленный в исправительно-трудовой колонии, отбывание наказания может быть по назначению суда заменено тюремным заключением продолжительностью не свыше трех лет с отбыванием оставшегося срока наказания в исправительно-трудовой колонии (ст. 23 УК БССР).

Перевод осужденного на тюремное заключение является крайней мерой. Он возможен лишь тогда, когда, несмотря на все принятые меры

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 213.

дисциплинарного и административного воздействия, заключенный продолжает злостно нарушать режим, установленный в исправительно-трудовой колонии. Это положение специально подчеркнуто Пленумом Верховного Суда СССР, который в своем постановлении от 3 июля 1963 г. указал судам на необходимость при рассмотрении материалов о замене лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии тюремным заключением тщательно выяснять, исчерпаны ли в отношении заключенного все меры воздействия, предусмотренные Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства охраны общественного порядка союзной республики. При определении срока тюремного заключения суд в каждом конкретном случае должен учитывать личность осужденного и характер допущенных им нарушений.

Одновременно Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что допускаемая законом (ст. 23 УК БССР) замена тюремного заключения содержанием в колонии не распространяется на лиц, которым тюремное заключение назначено за злостное нарушение режима, установленного в исправительно-трудовой колонии¹.

Перевод осужденного из колонии в тюрьму за допущенное нарушение режима содержания представляет собой меру взыскания. Поэтому такой перевод не может сопровождаться удлинением установленного приговором срока наказания. Увеличение общего размера наказания возможно лишь по приговору суда первой инстанции за совершение нового преступления. Вот почему нельзя согласиться с М.А. Ефимовым, предлагающим установить такой порядок, при котором время пребывания в тюрьме лицу, переведенному из исправительно-трудовой колонии за злостное нарушение режима, не засчитывалось бы в срок отбывания наказания².

Замена тюремного заключения отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии, а равно замена отбывания наказания в колонии тюремным заключением производится судом по представлению Наблюдательной комиссии при исполнительном комитете районного, городского Совета депутатов трудящихся или по представлению администрации исправительно-трудового учреждения, согласованному с Наблюдательной комиссией³.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 227.

² См.: М.А. Ефимов. Некоторые вопросы кодификации советского исправительно-трудового законодательства в свете решений XXII съезда КПСС. В сб.: «XXII съезд КПСС и вопросы государства и права». Свердловск, 1962, стр. 516.

³ По УПК РСФСР (ст. 364), Украинской ССР (ст. 410) и ряда других союзных республик согласования представления администрации исправительно-трудового учреждения с Наблюдательной комиссией не требуется.

Представляется, что решение этого вопроса, данное в УПК БССР (ст. 371), Азербайджанской (ст. 389), Латвийской (ст. 369), Киргизской (ст. 373) и Армянской (ст. 367) ССР, является предпочтительным.

В случае отказа суда в замене тюремного заключения лишением свободы в исправительно-трудовой колонии повторное рассмотрение представления по этому вопросу может иметь место не ранее чем по истечении шести месяцев со дня вынесения определения об отказе (ст. 372 УПК БССР)¹.

Повторное представление Наблюдательной комиссии или администрации исправительно-трудовой колонии, согласованное с Наблюдательной комиссией, о замене осужденному отбывания наказания в колонии тюремным заключением этим сроком не связано. Если осужденный после рассмотрения дела судом продолжает злостно нарушать установленный в исправительно-трудовой колонии режим, то Наблюдательная комиссия или администрация колонии по согласованию с Наблюдательной комиссией вправе вновь возбудить ходатайство о переводе осужденного в тюрьму, независимо от срока, истекшего после отказа суда.

Перевод заключенных из одного вида колоний в другой, как правило, не допускается. Однако в отдельных случаях по представлению администрации исправительно-трудовой колонии особого режима суды могут своим определением переводить в колонии строгого режима заключенных, отбывших в колониях особого режима не менее половины срока наказания, при условии их примерного поведения и добросовестного отношения к труду². Такая льгота не применяется автоматически ко всем осужденным, находящимся на особом режиме. Ее нужно заслужить хорошим поведением и добросовестным отношением к поручаемым обязанностям.

Возможен также перевод по определению суда в исправительно-трудовые колонии-поселения для дальнейшего отбывания наказания из исправительно-трудовых колоний общего, усиленного и строгого режимов осужденных, твердо вставших на путь исправления и зарекомендовавших себя в местах лишения свободы примерным поведением, честным отношением к труду, участием в общественной жизни своего коллектива, работе самодеятельных организаций и отбывших предусмотренную законом часть срока наказания³.

Закон не содержит запрета на перевод в колонию-поселение лица, признанного особо опасным рецидивистом, переведенным для отбывания

¹ По УПК некоторых союзных республик этот срок дифференцирован. Так, согласно ст. 376 УПК Грузинской ССР, ст. 362 УПК Армянской ССР, ст. 334 УПК Эстонской ССР и др. повторное рассмотрение представления о замене тюремного заключения в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, возможно не ранее чем по истечении одного года со дня вынесения определения об отказе, а в отношении остальных осужденных – не ранее шести месяцев. УПК Украинской (ст. 410) и Казахской (ст. 354) ССР устанавливают для всех категорий осужденных годичный срок.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 215–216.

³ См.: СЗ БССР, 1964, № 23, стр. 475–476.

наказания в ИТК строгого режима, при условии, если это лицо отбыло две трети назначенного по приговору наказания, но не менее пяти лет и твердо встало на путь исправления.

Определением Пермского областного суда отказано в переводе Арчибасова в исправительно-трудовую колонию-поселение.

Заместитель Прокурора РСФСР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР протест об отмене указанного определения.

Судебная коллегия, рассмотрев дело, установила:

«Арчибасов был судим в 1946 году по ч. 3 ст. 167 УК РСФСР 1926 года, второй раз – в 1954 году за разбой и изнасилование к 15 годам лишения свободы. Он признан особо опасным рецидивистом.

Отказ в переводе Арчибасова в исправительно-трудовую колонию-поселение суд мотивировал тем, что осужденный совершил тяжкие преступления и признан особо опасным рецидивистом.

Судебная коллегия нашла определение областного суда подлежащим отмене.

За время нахождения в местах лишения свободы Арчибасов не допускал нарушений режима, в связи с чем он в 1962 году был переведен с особого режима на строгий.

В исправительно-трудовой колонии строгого режима Арчибасов проявил себя с положительной стороны: производственные нормы выполнял на 100–115 %, принимал активное участие в общественной жизни коллектива. За хорошую работу и примерное поведение ему объявлено 19 благодарностей.

В соответствии с действующим законодательством лица, содержащиеся на строгом режиме, могут быть переведены в колонии-поселения независимо от признания их особо опасными рецидивистами и тяжести совершенных преступлений.

Из материалов дела видно, что Арчибасов твердо встал на путь исправления.

Ходатайство администрации места заключения о переводе Арчибасова в колонию-поселение было поддержано Наблюдательной комиссией.

При таких обстоятельствах отказ суда в переводе Арчибасова в колонию-поселение является неправильным»¹.

Направляя осужденного в колонию-поселение, суд не вправе освободить его от отбывания дополнительного наказания, назначенного по приговору суда, так как направление в колонию-поселение является не видом освобождения от наказания, а изменением порядка его отбывания.

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 12, стр. 7.

Определением областного суда Еврейской автономной области Смирнов, судимый к десяти годам лишения свободы со ссылкой на пять лет, переведен из исправительно-трудовой колонии в колонию-поселение на неотбытый срок – 2 года 9 месяцев и 19 дней с освобождением от дополнительной меры наказания. Отменяя определение в части освобождения Смирнова от дополнительной меры наказания, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «Смирнов из назначенного судом срока лишения свободы отбыл более двух третей и зарекомендовал себя с положительной стороны. В связи с этим суд в соответствии с действующим законодательством вправе был направить его в колонию-поселение.

Однако суд незаконно освободил Смирнова от дополнительной меры наказания – ссылки, назначенной ему по приговору суда. Действующее законодательство не предоставляет суду права при решении вопроса о направлении лица в колонию-поселение освобождать его от дополнительной меры наказания»¹.

Несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, направляются для отбывания наказания в трудовые колонии для несовершеннолетних. После достижения осужденным 18-летнего возраста он по представлению администрации трудовой колонии, согласованному с Комиссией по делам несовершеннолетних, переводится судом в исправительно-трудовую колонию общего или усиленного режима. Вид колонии определяется с учетом степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и его поведения в трудовой колонии для несовершеннолетних².

В судебной практике имеют место случаи, когда суды, назначив несовершеннолетнему лишение свободы, указывают в приговоре вид исправительно-трудовой колонии, в которую они должны быть помещены после достижения 18-летнего возраста³. Это недопустимо, так как суд в таких случаях как бы заранее предопределяет успех или неудачу исправительного воздействия на несовершеннолетнего.

Не допускается перевод осужденных, достигших 18-летнего возраста, для дальнейшего отбывания наказания из трудовой колонии для несовершеннолетних в исправительно-трудовую колонию строгого режима. Это сделано, во-первых, для того, чтобы избежать отрицательного влияния на молодых заключенных со стороны неоднократно судимых. Во-вторых, такой перевод противоречил бы принципу гуманизма, присущего советскому уголовному и исправительно-трудовому праву. Как правильно отмечает Ю.М. Ткачевский, «молодые осужденные более

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 6, стр. 11.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 221.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 5, стр. 11.

восприимчивы к исправительно-трудовому воздействию, и поэтому их перевоспитание может быть успешно проведено без применения средств и правил, установленных в исправительно-трудовых колониях строгого режима. Водворение молодых заключенных с неустановившимся, неуравновешенным характером в среду лиц, которые осуждены не в первый раз, в ряде случаев может повлечь крайне отрицательные последствия»¹.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» рекомендовал судам при решении вопроса о переводе лиц, достигших 18-летнего возраста, из трудовой колонии для несовершеннолетних в исправительно-трудовую колонию в каждом конкретном случае, с учетом характера преступления, срока фактического отбытия наказания, данных, свидетельствующих о его исправлении, обсуждать вопрос о возможности внесения представления в соответствующий суд об изменении в порядке надзора приговора в части меры наказания до фактически отбытого им срока.

В целях закрепления результатов исправления и перевоспитания и завершения школьного и профессионально-технического обучения суды могут также по представлению администрации и Комиссии по делам несовершеннолетних признавать нецелесообразным перевод осужденных, достигших 18-летнего возраста, из трудовой колонии для несовершеннолетних в исправительно-трудовые колонии, если к отбытию остался небольшой срок наказания. При решении этого вопроса суды должны учитывать все данные о поведении такого заключенного за период пребывания в трудовой колонии для несовершеннолетних и его влияние на содержащихся в этой колонии других несовершеннолетних².

Все вопросы, связанные с изменением вида исправительно-трудового учреждения, разрешаются судом по месту отбывания осужденным наказания с соблюдением процессуальных правил, предусмотренных ст. 377 УПК БССР.

Замена исправительных работ и штрафа другими мерами наказания

В соответствии со ст. 27 УК БССР исправительные работы без лишения свободы отбываются либо по месту работы осужденного, либо в иных местах в районе жительства осужденного.

¹ Ю.М. Ткачевский. Определение вида исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы. «Советское государство и право», 1963, № 2, стр. 133. См. также: Н. Стручков. Правильно определять вид колонии. «Советская юстиция», 1966, № 17, стр. 11; И. Дашкевич. Не допускать нарушений закона при определении вида исправительно-трудовой колонии. «Советская юстиция», 1963, № 18, стр. 14; и др.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 314.

При уклонении лица от отбывания исправительных работ по месту работы суд заменяет неотбытый срок их исправительными работами в иных местах, определяемых инспекцией исправительных работ. В случае уклонения от отбывания исправительных работ в иных местах в районе жительства осужденного суд заменяет неотбытую часть их лишением свободы из расчета один день лишения свободы за три дня исправительных работ (ст. 28 УК БССР).

Замена исправительных работ по месту работы непосредственно лишением свободы не допускается¹.

Не предусматривает закон и возможности замены исправительных работ, отбываемых в иных местах в районе жительства осужденного, исправительными работами по месту работы осужденного. Такая замена может быть произведена лишь вышестоящим судом при пересмотре приговора в порядке судебного надзора.

Непременным условием замены исправительных работ является установление факта *уклонения* осужденного от отбывания наказания. Под уклонением понимается умышленное неисполнение осужденным исправительных работ без уважительных причин: самовольное оставление места работы с целью избежать отбывания исправительных работ, длительная или систематическая неявка на работу, несмотря на предупреждение органов, ведающих исполнением исправительных работ, отказ от выполнения порученной работы и т. п.²

В судебной практике имеют место случаи, когда установленные законом основания и порядок замены исправительных работ нарушаются. Так, народным судом Тазавского района Ямало-Ненецкого национального округа Чалова признана виновной и осуждена за совершенное преступление к одному году исправительных работ по месту работы. Отбыв из назначенного срока два месяца, Чалова выбыла в неизвестном направлении. По этим основаниям народный суд вынес определение

¹ Приговором Тимирязевского районного народного суда г. Москвы Степанов осужден по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР к одному году исправительных работ по месту работы с удержанием из зарплаты 20 %.

Отдел исправительных работ направил в народный суд материал о замене Степанову порядка отбывания исправительных работ, так как осужденный злостно уклоняется от отбывания наказания.

Народный суд вынес определение, которым заменил Степанову назначенное наказание на 4 месяца лишения свободы и взял его под стражу в зале суда.

Отменяя это определение, Президиум Московского городского суда указал: «Замена Степанову назначенного наказания сразу на лишение свободы произведена с нарушением требований закона. В соответствии со ст. 28 УК РСФСР народный суд мог заменить на лишение свободы назначенное наказание в случае уклонения осужденного от отбывания наказания по указанию органов, ведающих его применением, чего в данном случае не было». («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 2, стр. 16.)

² См.: Комментарий к УК БССР. Минск, 1966, стр. 78.

о замене Чаловой неотбытого наказания – десяти месяцев исправительных работ по месту работы – лишением свободы на тот же срок. Отменяя это определение как вынесенное с нарушением закона, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала:

«В случае уклонения лица от отбывания исправительных работ по месту работы суд может заменить их исправительными работами в местах, определяемых органами, ведающими применением этого наказания. Замена исправительных работ лишением свободы может быть произведена судом лишь в тех случаях, когда осужденный уклоняется от отбывания исправительных работ, назначенных на общих основаниях.

Кроме того, суд неправильно произвел замену неотбытого наказания из расчета один день исправительных работ на один день лишения свободы, поскольку такая замена должна производиться из расчета три дня неотбытого срока исправительных работ на один день лишения свободы.

При новом рассмотрении дела суду надлежит также выяснить вопрос, действительно ли Чалова уклонялась от отбывания наказания или же только переменила свое местожительство по какой-либо причине»¹.

Рассмотрение вопроса о замене осужденному исправительных работ другими мерами наказания должно проводиться с вызовом осужденного на судебное заседание. Заочное рассмотрение такого вопроса не допускается.

Если во время отбывания наказания осужденный будет признан нетрудоспособным, то в соответствии со ст. 27 УК БССР исправительные работы заменяются ему штрафом или общественным порицанием. Встречающиеся иногда в судебной практике случаи замены исправительных работ условным осуждением не основаны на законе.

Замена исправительных работ штрафом или общественным порицанием, а равно замена исправительных работ по месту работы исправительными работами, отбываемыми в иных местах в районе жительства осужденного, или замена исправительных работ лишением свободы производится судом по представлению органа, ведающего исправительными работами.

При замене исправительных работ лишением свободы по основаниям, предусмотренным ст. 28 УК БССР, осужденные направляются для отбывания наказания в исправительно-трудовые колонии. Вид колонии определяется судом в соответствии с Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах и постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1961 г.²

¹ «Советская юстиция», 1961, № 1, стр. 30.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 213.

Если лицо, которому исправительные работы заменены лишением свободы, не отбывало ранее наказания в местах заключения, то оно направляется в исправительно-трудовую колонию общего режима. В случае, когда это лицо в прошлом уже отбывало лишение свободы, суд, с учетом личности виновного, характера и степени общественной опасности совершенного преступления и других обстоятельств дела, может назначить ему любой вид колонии (кроме особого режима).

Журнал «Советская юстиция», давая консультацию по вопросу, какой вид исправительно-трудовой колонии может быть назначен лицу в случае замены ему исправительных работ лишением свободы, если это лицо в прошлом отбывало лишение свободы, пишет: «Если суд за совершенное преступление назначил виновным исправительные работы, то это само по себе свидетельствует не об опасном характере совершенного преступления. Поэтому представляется, что лицам, которым исправительные работы заменены лишением свободы в порядке ст. 28 УК РСФСР, независимо от того, что они ранее отбывали наказание в местах лишения свободы, следует назначать исправительно-трудовую колонию общего режима, тем более что в этом случае лицо отбывает краткосрочное лишение свободы (не более четырех месяцев) и нецелесообразно назначение колонии со строгим видом режима»¹.

С этой рекомендацией согласиться нельзя. Злостное уклонение от отбывания исправительных работ лица, уже судившегося ранее к лишению свободы, свидетельствует о повышенной общественной опасности этого лица. Поэтому направлять его для отбывания наказания в исправительно-трудовую колонию общего режима, где оно может оказать разлагающее влияние на других заключенных, явно нецелесообразно.

Призыв осужденного к исправительным работам в Советскую Армию или Военно-Морской Флот является обстоятельством, препятствующим исполнению приговора. Учитывая это обстоятельство, Пленум Верховного Суда СССР указал, что лица, осужденные к исправительным работам, по призыве их в Советскую Армию или Военно-Морской Флот освобождаются со дня призыва от отбывания наказания, о чем судом, постановившим приговор, выносится определение в порядке исполнения приговора².

Штраф, назначенный судом в качестве основной или дополнительной меры наказания, должен быть внесен осужденным в установленный законом срок. В случае неуплаты штрафа в указанный срок он взимается в принудительном порядке путем обращения взыскания на имущество осужденного и его заработную плату. Предметы, на которые не может

¹ «Советская юстиция», 1965, № 10, стр. 31.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 191.

быть обращено взыскание по исполнительным документам, не подлежат изъятию в счет погашения штрафа (приложение № 1 к ГПК БССР).

При невозможности взыскания штрафа ввиду уклонения осужденного от его уплаты суд вправе заменить штраф исправительными работами без лишения свободы из расчета один месяц исправительных работ за десять рублей штрафа. Однако, независимо от размеров штрафа, срок исправительных работ, заменяющих штраф, не может превышать одного года. Замена штрафа лишением свободы не допускается (ст. 30 УК БССР).

Если неуплата штрафа вызвана отсутствием у осужденного заработка и имущества, на которое может быть обращено взыскание, судебный исполнитель в соответствии со ст. 112 Инструкции о порядке исполнения судебных решений составляет об этом акт, который служит основанием для рассмотрения вопроса о замене штрафа другим наказанием (например, общественным порицанием)¹.

Уголовный кодекс РСФСР (ст. 32), а также уголовные кодексы ряда союзных республик предусматривают в качестве одной из мер наказания обязанность загладить причиненный вред². Исполнение этой обязанности состоит в непосредственном устранении причиненного вреда своими силами или в возмещении материального ущерба своими средствами, если размер ущерба не превышает ста рублей, либо в публичном извинении перед потерпевшим или членами коллектива в форме, установленной судом. Если осужденный в указанный законом срок не выполнил обязанности загладить причиненный вред, суд вправе заменить назначенное наказание исправительными работами, или штрафом, или увольнением от должности, или общественным порицанием. В этом случае, а также если материальный ущерб причинен на сумму свыше ста рублей, возмещение причиненного ущерба потерпевшему производится в порядке гражданского судопроизводства.

Изменение наказания в связи с принятием новых законов, имеющих обратную силу

На основании ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 6 УК БССР) преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния. В случае принятия нового закона, устраняющего наказуемость или смягчающего ответственность, он имеет обратную силу, т. е. распространяется также на деяния, совершенные до его издания.

Исходя из указанного правила все лица, ранее осужденные за действия, которые по новому уголовному закону не признаются преступными,

¹ См.: Инструкция о порядке исполнения судебных решений. М., 1952, стр. 31.

² В УК БССР аналогичной статьи нет.

подлежат освобождению, а находящиеся в производстве органов расследования и суда уголовные дела этой категории – прекращению¹.

Следует оговориться, что прекращение уголовных дел в связи с обратной силой нового закона не означает реабилитацию лиц, в отношении которых дело прекращено. Поэтому оно не влечет для них тех правовых последствий, которые вытекают из акта прекращения дела за отсутствием состава преступления или за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления либо вынесения оправдательного приговора².

При принятии закона, являющегося более мягким по сравнению с ранее действующим, приговор суда в отношении осужденных лиц приводится в соответствие с новым законом³. Для этого назначенное ранее наказание снижается до максимального размера, предусмотренного новым законодательным актом.

В случаях, когда назначенные по приговору конфискация имущества или штраф не были исполнены, а по новому законодательству такие меры наказания за совершенное осужденным преступление не предусмотрены, приговор в этой части не подлежит исполнению. Если же приговор в части указанных мер наказания был исполнен, изъятное имущество и деньги возврату не подлежат⁴.

Принимая закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий ответственность за определенные категории преступлений, законодатель может ограничить сферу обратной силы такого закона.

При введении в действие Уголовного кодекса БССР 1960 г. Президиум Верховного Совета БССР указал, что допускаемое этим кодексом смягчение наказания не распространяется на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при смягчающих обстоятельствах, хищение государственного и общественного имущества в крупных размерах и разбой, а также на особо опасных рецидивистов, если приговоры в отношении этих лиц вступили в законную силу до 1 апреля 1961 г., т. е. до введения в действие

¹ См.: Ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 13 марта 1961 г. «О порядке введения в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Белорусской ССР». СЗ БССР, 1961, № 8, ст. 56.

² См.: В. Кудрявцев. Обратная сила нового Уголовного кодекса. «Советская юстиция», 1961, № 3, стр. 4.

³ Более мягким признается закон с меньшим максимальным размером основного наказания или при одинаковых размерах с меньшим минимальным пределом санкций. При равных основных наказаниях более мягким считается закон: а) не предусматривающий применения дополнительного наказания; б) с более мягким видом дополнительного наказания; в) с более низким максимальным или минимальным сроком одноименных дополнительных наказаний (см.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1966, стр. 17).

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. «Советская юстиция», 1965, № 3, стр. 30.

Уголовного кодекса БССР¹. Аналогичное положение содержалось в ст. 2 Закона об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г.², Указе Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1959 г. «О порядке введения в действие Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления»³, а также в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 января 1961 г. «О порядке введения в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР»⁴.

В связи с вопросами, возникшими в судебной практике при применении указанных нормативных актов, Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением № 19 от 22 декабря 1964 г. разъяснил, что «по смыслу статьи 2 Закона СССР от 25 декабря 1958 года “Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик” и соответствующих статей постановлений Президиума Верховного Совета СССР о мероприятиях, связанных с введением в действие новых уголовных и уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, установленные в них ограничения в части смягчения наказания осужденным за особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного и общественного имущества в крупных размерах и разбой распространяются на лиц, преступные деяния которых и по новому законодательству квалифицируются по статьям об ответственности за перечисленные преступления, и не относятся к осужденным, отбывающим наказание:

- ☛ за умышленное убийство из мести или ревности либо при других отягчающих обстоятельствах, квалифицированное по ст. 136 УК РСФСР 1926 года и соответствующим статьям ранее действовавших уголовных кодексов других союзных республик, если в совершенном преступлении отсутствуют отягчающие обстоятельства, предусмотренные статьей 102 УК РСФСР 1960 года и соответствующими статьями действующих уголовных кодексов других союзных республик;
- ☛ за нарушение правил безопасности движения автотранспорта, повлекшее смерть потерпевшего, квалифицированное как умышленное убийство, если это деяние по нормам действующего уголовного законодательства рассматривается как нарушение

¹ См.: Ст. 4 Указа от 13 марта 1961 г. «О порядке введения в действие Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Белорусской ССР». СЗ БССР, 1961, № 8, стр. 56.

² См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 1.

³ См.: «Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 7.

⁴ См.: «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1961, № 2.

правил безопасности движения автотранспорта (статья 212 УК РСФСР 1960 года и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик);

- за разбой, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или угрозой применения такого насилия, если это деяние по нормам действующего уголовного законодательства рассматривается как грабеж (статьи 90 и 145 УК РСФСР 1960 года и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик);
- за соучастие в особо опасных государственных преступлениях, бандитизме, умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах, хищении государственного или общественного имущества в крупных размерах, разбое, если это деяние по нормам действующего уголовного законодательства рассматривается как заранее не обещанное укрывательство (статьи 88² и 189 УК РСФСР 1960 года и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

Действия лиц, отбывающих наказание за перечисленные преступления, подлежат перекалфикации на соответствующие статьи действующего уголовного законодательства со снижением наказания до максимальных пределов, указанных в этих нормах. Однако при этом срок наказания не может быть выше установленного в приговоре суда¹.

Одновременно Пленум Верховного Суда СССР указал, что перекалфикация преступления и смягчение наказания не допускаются в отношении особо опасных рецидивистов и лиц, которые в период отбывания наказания не встали на путь исправления².

Приведение в соответствие с действующими уголовными кодексами союзных республик квалификации преступлений и мер наказания в отношении лиц, указанных в настоящем постановлении, производится по представлению администрации исправительно-трудового учреждения определением суда, вынесшего приговор, а при упразднении этого суда – иным равным ему либо вышестоящим судом с участием прокурора в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 369 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик), а также законодательными актами, которыми определен порядок применения новых УК союзных республик, а в случаях пересмотра дела в порядке судебного надзора – определением или постановлением соответствующего суда³.

¹ См.: «Советская юстиция», 1965, № 3, стр. 30.

² Там же.

³ Там же.

Несмотря на четкость указаний, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г., отдельные суды при решении вопросов, связанных с обратной силой нового УК, допускают явные ошибки.

По приговору народного суда Минского района от 2 августа 1960 г. Давидович осужден по ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к восьми годам лишения свободы за то, что он по предварительному сговору с осужденным Иваненко в июне 1960 г. с применением физического насилия совершил разбойные нападения на граждан Горелик и Таболо. Определением народного суда Минского района от 8 июня 1965 г. действия Давидовича переквалифицированы на ч. 2 ст. 143 УК БССР с оставлением меры наказания по приговору.

Отменяя это определение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР указала:

«Как видно из материалов дела, во время разбойного нападения потерпевшему Таболо были нанесены твердым предметом удары по голове, вследствие чего он с 12 по 24 июня 1960 года находился на стационарном лечении в больнице. Таким образом, Давидовичем совместно с Иваненко было совершено разбойное нападение, соединенное с насилием, опасным для здоровья потерпевшего. Эти действия Давидовича и по новому Уголовному кодексу БССР должны рассматриваться как разбой.

Согласно же постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 19 от 22 декабря 1964 года “О судебной практике” по применению ст. 2 Закона СССР от 25 декабря 1958 года “Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик” подлежат переквалификации на статьи нового уголовного законодательства лишь те действия осужденного, ранее квалифицированные как разбой, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия, которые по нормам действующего уголовного законодательства рассматриваются как грабеж.

Поскольку и по новому Уголовному кодексу БССР действия Давидовича должны рассматриваться как разбой, то нарсуд неправильно переквалифицировал его действия на ч. 2 ст. 143 УК БССР 1960 года.

В связи с этим определение нарсуда подлежит отмене, а представление исправительной трудовой колонии по этому вопросу – отклонению»¹.

Аналогичную ошибку допустил народный суд Ленинского района г. Минска по делу Голтер².

Встречаются ошибки и иного рода, когда суды отказывают в приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом, имеющим

¹ Определение Судебной коллегии Верховного суда БССР от 14 июля 1965 г., дело № 965.

² См.: Там же, дело № 975.

обратную силу, по тем мотивам, что назначенное осужденному наказание не превышает максимального предела санкции нового закона. Таков отказ не является обоснованным, так как для осужденного имеет значение не только размер наказания, но и квалификация преступления, поскольку это может быть связано с возможностью или невозможностью условно-досрочного освобождения, признания в будущем особо опасным рецидивистом и т. п.

По приговору народного суда г. Могилева от 23 июня 1960 г. Томашев А.К. осужден по ст. 22 УК БССР и ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к семи годам лишения свободы, по ст. 2 ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» с применением ст. 51 УК БССР к трем годам лишения свободы, а по совокупности – к семи годам лишения свободы.

Определением народного суда Ленинского района г. Могилева от 4 февраля 1966 г. оставлено без удовлетворения ходатайство администрации места лишения свободы, в котором ставился вопрос о приведении приговора в отношении Томашева в соответствие с УК БССР 1960 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР, удовлетворяя протест заместителя Прокурора БССР об отмене этого определения и направлении ходатайства администрации места лишения свободы на новое рассмотрение, указала:

«Из имеющихся в деле данных, осужденный Томашев администрации исправительно-трудового учреждения характеризуется положительно. Действия, за которые он осужден как за разбой, по новому УК БССР расцениваются как грабеж. При таких условиях суд в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 27 декабря 1964 года обязан был произвести переквалификацию.

Доводы суда о том, что назначенное Томашеву наказание за каждое преступление не превышает пределов санкции соответствующих статей УК БССР 1960 года и поэтому ходатайство администрации исправительно-трудового учреждения о переквалификации действий Томашева с разбоя на грабеж не подлежит удовлетворению, являются неосновательными. Этим ущемляются права осужденного, так как к лицам, отбывающим наказание за разбой, условно-досрочное освобождение не применяется, а к осужденным за грабеж – применяется»¹.

Для того чтобы суд мог разрешить вопрос о приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом, он должен располагать

¹ По материалам Верховного Суда БССР.

необходимыми данными: копией приговора, характеристикой осужденного из места заключения и др. Отсутствие таких данных в момент рассмотрения дела может повлечь за собой принятие неверного решения.

Приговором народного суда г. Астрахани от 3 марта 1956 г. Тамбовцев осужден по ст. 2 ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к 15 годам лишения свободы.

Президиум Астраханского областного суда постановлением от 1 февраля 1965 г. действия Тамбовцева в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. «О судебной практике по применению ст. 2 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. “Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик”» переqualificировал на ч. 1 ст. 145 УК РСФСР 1960 г., наказание определил в виде семи лет лишения свободы и за отбытием такового осужденного из-под стражи освободил.

Отменяя это постановление по протесту заместителя Прокурора РСФСР, Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала: «Президиум областного суда, решая вопрос о применении к Тамбовцеву названного постановления Пленума Верховного Суда СССР, не истребовал на него характеристику из места лишения свободы: между тем указанный вопрос не мог разрешаться судом без характеристики на заключенного. В соответствии с п. 3 упомянутого постановления Пленума смягчение наказания не допускается в отношении лиц, которые в период отбывания наказания не встали на путь исправления.

Как видно из представленной администрацией исправительно-трудовой колонии характеристики, Тамбовцев являлся злостным нарушителем режима, на путь исправления не встал. Поэтому у суда не было оснований снижать Тамбовцеву наказание»¹.

§ 4. Исполнение приговора при наличии других неисполненных приговоров

Необходимость решения вопросов, связанных с исполнением приговора при наличии других неисполненных приговоров, возникает в тех случаях, когда выясняется, что в отношении осужденного имеется несколько вступивших в законную силу приговоров, о чем не было известно суду, постановившему последний по времени приговор. Такое положение может создаться при несвоевременном раскрытии всех совершенных лицом преступлений и рассмотрении дел об этих преступлениях разными судами.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 12, стр. 3.

Согласно ст. 375 УПК БССР при установлении, что в отношении осужденного имеется несколько не приведенных в исполнение приговоров, о чем не было известно суду, постановившему последний по времени приговор, этот суд или одноименный суд по месту исполнения приговора обязан вынести определение о применении к осужденному наказания по совокупности указанных приговоров, руководствуясь ст. 39 и 40 Уголовного кодекса БССР.

В силу ч. 3 ст. 39 УК БССР, если осужденный совершил все преступления до вынесения приговора по первому делу, суд назначает наказание по совокупности путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения наказаний в пределах санкций статьи, предусматривающей более строгое наказание. В тех случаях, когда наказание по одному из приговоров было отбыто полностью или частично, этот срок засчитывается в общий срок наказания, установленного по совокупности.

Приведенная норма УК выгодно отличается от ранее действовавшего уголовного законодательства, допускавшего при совокупности преступлений применение только принципа поглощения наказаний, так как создает более благоприятные условия для индивидуального подхода к решению вопроса об определении наказания по совокупности. Учитывая тяжесть совершенных преступлений, степень общественной опасности личности виновного и другие обстоятельства дела, суд может либо ограничиться поглощением менее строгого наказания более строгим, либо признать необходимым определить наказание по совокупности путем полного или частичного сложения назначенных ранее наказаний.

Это положение особенно важно для определения наказания по совокупности в стадии исполнения приговоров. Как справедливо отмечают многие авторы, совокупность совершенных обвиняемым преступных действий всегда должна рассматриваться как единое целое, характеризующее собой повышенную степень общественной опасности обвиняемого¹. Закон прямо устанавливает, что совершение одним лицом нескольких преступлений является обстоятельством, отягчающим его ответственность (ст. 34 Основ уголовного законодательства СССР). Поэтому, назначая наказание за каждое преступление, входящее в совокупность, суд должен исходить из их единства, с тем чтобы самое строгое наказание отражало степень общественной опасности всей совокупности

¹ См.: Д.М. Яковлев. Совокупность преступлений. М., 1960, стр. 94–97; В. Соловьев. Назначение наказаний по совокупности преступлений. «Советская юстиция», 1962, № 7, стр. 10; Н. А. Стручков. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1957, стр. 86–87; Б.М. Леонтьев. Определение наказаний по нескольким приговорам. В сб.: «Применение наказания по советскому уголовному праву». М., 1958, стр. 199–202; А. Михайлов. Назначение наказания по совокупности при осуждении к исправительным работам. «Советская юстиция», 1966, № 7, стр. 13; и др.

в целом. Нельзя правильно определить ответственность обвиняемого, совершившего несколько преступлений, если при назначении наказания за каждое преступление брать его отдельно, вне связи друг с другом, без учета повышенной общественной опасности и лица, и деяния¹.

Но в случаях, предусмотренных ст. 375 УПК БССР, как раз возникает подобная ситуация: суды, выносившие приговоры, не знали о наличии совокупности и, естественно, не могли учесть этого обстоятельства при определении характера и размера назначаемого наказания. Если ограничить право суда, рассматривающего дело в порядке исполнения приговора, применением только принципа поглощения наказания, то это фактически лишает его возможности правильно оценить все совершенные преступления в их совокупности и установить справедливое наказание².

В соответствии со ст. 39 УК БССР при назначении наказания по совокупности суд может к основному наказанию присоединить любое из дополнительных наказаний, предусмотренных статьями закона, устанавливающими ответственность за те преступления, в совершении которых лицо было признано виновным. Если по вынесенным приговорам назначено несколько однородных дополнительных наказаний, то наиболее тяжкое из них поглощает остальные. В тех случаях, когда дополнительные наказания разнородны, любое из них или все они могут быть присоединены к основному наказанию. Например, за одно преступление назначена конфискация имущества, а за другое – лишение специального звания. Окончательно в качестве дополнительной меры наказания суд может назначить и то и другое. При этом следует подчеркнуть, что, определяя окончательное наказание по совокупности неисполненных приговоров, суд вправе присоединить к основному наказанию лишь те дополнительные наказания, которые были указаны в приговорах за отдельные преступления. Суд не может назначить дополнительное наказание, хотя и предусмотренное соответствующей статьей УК, но не избранное судом первой инстанции, рассматривавшим дело по существу.

Независимо от того, определяется ли окончательная мера наказания путем полного или частичного сложения наказаний либо путем

¹ По этим соображениям нельзя согласиться с авторами Научно-практического комментария к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые рекомендуют при назначении наказания за совокупность преступлений вначале как бы отвлечься от факта совершения лицом нескольких преступлений и за каждое преступление назначить наказание, соответствующее его характеру и опасности, а уже затем определить наказание по совокупности, руководствуясь принципом поглощения или сложения. См.: Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1960, стр. 132.

² Аналогичные соображения высказаны В. Соловьевым в статье «Назначение наказания по совокупности преступлений» («Советская юстиция», 1962, № 7, стр. 10).

поглощения менее строгого наказания более строгим, суд засчитывает в окончательный срок время уже отбытого наказания. Этот срок исчисляется с момента, когда осужденный фактически начал отбывать наказание. Если наказание по одному из приговоров отбыто полностью, суд вычитает его из общего наказания, определенного по совокупности, и указывает, что осталось отбыть.

При применении принципа сложения наказаний суд не вправе выйти за пределы максимума санкции той статьи Уголовного кодекса, которая предусматривает более строгое наказание. При этом сложению подлежат наказания, первоначально назначенные по исполняемым приговорам, а не их неотбытая часть.

В случае определения окончательного наказания по принципу сложения сослаться на статью УК, в пределах санкции которой наказание избрано, не требуется¹.

Если преступления совершены лицом, не достигшим совершеннолетия, общий срок наказания в виде лишения свободы не может превышать десяти лет, хотя бы санкция статей, устанавливающих ответственность за эти преступления, предусматривала наказание до пятнадцати лет². При этом следует иметь в виду, что уголовно-правовые последствия, вытекающие из факта совершеннолетия, наступают для лица не в день, когда ему исполнилось 18 лет, а начиная со следующих суток³.

Возможно такое положение, когда осужденный, отбывая наказание по одному из приговоров, был освобожден условно-досрочно или в силу акта об амнистии. Возникает вопрос: как должен поступить суд, определяющий наказание по совокупности? Должен ли он из общего срока наказания вычесть весь срок, указанный в приговоре, или только время, фактически отбытое осужденным?

Основываясь на сущности условно-досрочного освобождения и акта об амнистии, а также учитывая, что освобожденный по указанным обстоятельствам считается отбывшим наказание, следует признать, что при определении наказания по совокупности суд должен зачесть осужденному весь срок, назначенный приговором, по которому он отбывал наказание. В противном случае условно-досрочное освобождение от наказания или применение акта об амнистии могло привести к ухудшению положения осужденного, поскольку при определении наказания по совокупности ему будет зачтен не весь срок, указанный в приговоре, а лишь фактически отбытая его часть. Это противоречило бы целям и задачам условно-досрочного освобождения и амнистии и было бы явной несправедливостью по отношению к осужденному.

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1962, № 4, стр. 43.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 2, стр. 10.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 7, стр. 7.

Такого взгляда придерживается и судебная практика. В определении по делу Щ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отмечала, что «в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года “Об амнистии” Щ. было сокращено наказание наполовину, и за отбытием срока наказания он был освобожден из-под стражи со снятием судимости. Это обстоятельство не может ухудшить его положение и лишить его предоставленного законом права на зачет реально отбытого наказания»¹.

Иные правила установлены для назначения наказания по совокупности в случаях, когда новое преступление совершено осужденным после вынесения приговора за предыдущее преступление, но до полного отбытия наказания по нему. В этих случаях суд на основании ст. 40 УК БССР к наказанию, назначенному по последнему приговору, присоединяет полностью или частично неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. Общий срок наказания не должен превышать максимального срока, установленного для данного вида наказания.

Закон специально оговаривает, что предельный срок лишения свободы составляет десять лет, а за преступления, по которым действующее законодательство допускает назначение лишения свободы на срок более десяти лет, – не свыше пятнадцати лет.

Указанные предельные сроки относятся к размеру назначаемого судом наказания. Что касается времени фактического отбывания наказания, то оно может превышать эти сроки, поскольку при совершении нового преступления к наказанию, назначенному за него, присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору. Например, лицо, осужденное к 8 годам лишения свободы, за три года до освобождения совершило новое преступление, за которое суд определил 13 лет лишения свободы. Присоединив к 13 годам неотбытое наказание, суд устанавливает общий срок лишения свободы в 15 лет. Всего же за оба преступления виновный должен отбывать 20 лет.

Если возникает необходимость в сложении разнородных наказаний, то действуют следующие правила. При сложении наказаний в виде лишения свободы и содержания в дисциплинарном батальоне одному дню лишения свободы соответствует один день содержания в дисциплинарном батальоне. При сложении наказания в виде лишения свободы и наказаний в виде ссылки, высылки или исправительных работ одному дню лишения свободы соответствуют три дня ссылки, высылки или исправительных работ. Приговоры, по которым лица осуждены к лишению свободы и штрафу, а также к исправительным работам и штрафу, приводятся в исполнение самостоятельно.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 6, стр. 20.

В случае определения наказания по принципу сложения, когда одним из приговоров предусмотрены исправительные работы, а другим – ссылка или высылка, замена их между собой производится из расчета один к одному. При этом ссылка является более строгой мерой наказания, чем высылка и исправительные работы.

При сложении исправительных работ с разными размерами удержания из заработной платы сложению подлежат лишь сроки отбывания наказания. Что касается процентов удержания, то они остаются раздельными для каждого из этих сроков¹.

Совершение нового преступления лицом, уже осужденным, свидетельствует о повышенной опасности этого лица, его явном нежелании стать на путь исправления, а также о необходимости применения к нему более строгих мер воздействия. Вот почему закон предусматривает в таких случаях применение только принципа сложения наказаний за совершенные преступления, что усиливает предупредительное значение наказания, повышает действенность судебного приговора.

Использование принципа поглощения наказания допустимо лишь в тех случаях, когда ни полное, ни частичное присоединение наказаний фактически невозможно, так как назначенная по последнему приговору мера наказания является максимальной либо неотбытая часть наказания превышает максимальный срок, установленный для данного вида наказания.

Приговором Кемеровского областного суда от 17 февраля 1959 г. Павленко осужден по ч. 1 ст. 73 УК РСФСР редакции 1926 г. к пяти годам лишения свободы, а с присоединением части из неотбытого наказания по ранее вынесенному приговору к 20 годам лишения свободы.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев данное дело, установила: «Павленко признан виновным в том, что он, отбывая наказание за ранее совершенное преступление, оказал представителям администрации сопротивление, сопряженное с насилием.

Вина Павленко материалами дела доказана. Действия его квалифицированы правильно. Что же касается указания суда о присоединении срока из неотбытого наказания, то приговор в этой части подлежит изменению. Как видно из дела, приговор по настоящему делу вынесен в период действия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Суд же вопреки требованиям ст. 6 и 36 Основ уголовного законодательства допустил превышение максимальных сроков лишения свободы.

¹ См.: А. Грун. Назначение наказания по совокупности. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 4, стр. 46; В. Михайлов. Назначение наказания по совокупности при осуждении к исправительным работам. «Советская юстиция», 1966, № 7, стр. 13; и др.

К моменту вынесения приговора Павленко по предыдущему приговору не отбыл 19 лет и четыре месяца лишения свободы. Поскольку неотбытая часть наказания по предыдущему приговору превышала максимальный срок лишения свободы, установленный ст. 23 Основ уголовного законодательства, суд не вправе был определять Павленко к отбытию более 19 лет и четырех месяцев лишения свободы.

В данном случае суд должен был наказание по настоящему приговору поглотить предыдущим приговором и исчислить срок отбытия наказания с момента избрания меры пресечения в связи с совершением последнего преступления, т. е. с 10 декабря 1958 г.»¹.

Если суд принял решение о частичном присоединении наказания, неотбытого по предыдущему приговору, общий срок наказания, определенный по совокупности, при всех условиях не может быть меньшим, чем неотбытая часть по первому приговору. В противном случае совершение осужденным нового преступления привело бы не к усилению назначенного ему наказания, а к смягчению его, что недопустимо.

Несмотря на бесспорный характер указанного требования, отдельные суды нарушают его.

Так, приговором Верховного Суда Якутской АССР Пеунов осужден по ч. 2 ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к шести годам лишения свободы, по ст. 19 УК РСФСР и ч. 1 Указа от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» к десяти годам лишения свободы и по совокупности преступлений к десяти годам лишения свободы с поглощением неотбытой части наказания по предыдущему приговору. Пеунов признан виновным в том, что, отбывая наказание в местах заключения, он, будучи расконвоированным, проник в квартиру гражданки М. и похитил носильные вещи. Застигнутый на месте преступления хозяйкой, Пеунов, угрожая ножом, пытался ее изнасиловать.

Отменяя этот приговор, Президиум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении указал:

«Признав обвинение Пеунова доказанным, суд вместе с тем неправильно разрешил вопрос о назначении ему наказания по совокупности приговоров.

Согласно ст. 36 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в случае, если осужденный после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания совершил новое преступление, суд к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично присоединяет неотбытую часть наказания по предыдущему приговору.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 7, стр. 10–11.

При сложении наказаний в порядке, предусмотренном названной статьей Основ, общий срок наказания не должен превышать максимального срока, установленного для данного вида наказания. В частности, при сложении наказаний в виде лишения свободы общий срок наказания не должен превышать десяти лет, а за преступления, по которым законом допускается назначение лишения свободы на срок более десяти лет, не должен превышать пятнадцати лет.

Следовательно, исходя из смысла ст. 36 Основ поглощение неотбытой осужденным части наказания по предыдущему приговору допустимо, лишь когда ни полное, ни частичное присоединение ее в силу закона невозможно. Такое положение может иметь место, если срок аналогичного наказания, назначенный по новому приговору, является максимальным для данного вида наказания, а также если лишение свободы избирается в высших пределах, указанных в части второй названной статьи Основ.

Как усматривается из материалов дела, Пеунов в прошлом был осужден по ст. 593 УК РСФСР 1926 года к наказанию на срок более десяти лет лишения свободы. Назначенный по этому приговору срок лишения свободы Пеунов отбыл не полностью. Последним приговором он осужден к десяти годам лишения свободы.

Таким образом, при вынесении приговора по настоящему делу суд в соответствии с законом был обязан присоединить неотбытую Пеуновым часть наказания по предыдущему приговору, полностью или частично, к мере наказания, назначенной ему по последнему приговору. Неправильный подход суда к определению в данном случае меры наказания привел к тому, что наказание, назначенное Пеунову по совокупности приговоров – десять лет лишения свободы, оказалось меньшим, чем неотбытая им часть наказания по предыдущему приговору – 11 лет 4 месяца 21 сутки лишения свободы»¹.

Такую же ошибку допустил Свердловский областной суд по делу Е.²

Говоря о назначении наказания по правилам, предусмотренным ст. 40 УК БССР, следует отметить, что ее применение возможно при условии, когда новое преступление совершено осужденным после вынесения приговора за предыдущее преступление (во время отбывания наказания либо до начала его отбывания). Поэтому указанное правило не может быть распространено на случаи, когда виновный совершает новое преступление во время нахождения под стражей в качестве меры пресечения в связи с производством расследования по первому преступлению. Ошибки такого рода иногда встречаются в судебной практике³.

¹ «Советская юстиция», 1966, № 12, стр. 29–30.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 4, стр. 47.

³ См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. II, стр. 12–13.

Нельзя признать обоснованным и утверждение некоторых авторов, считающих, что применение правил, предусмотренных ст. 40 УК БССР и аналогичных статей УК других союзных республик, возможно лишь тогда, когда новое преступление совершено осужденным после вступления первого приговора в законную силу¹. Закон не содержит такого ограничения. Нет необходимости и вводить его. Тот факт, что после вынесения приговора (независимо от того, вступил он в законную силу или нет) лицо совершает новое преступление, свидетельствует о повышенной общественной опасности этого лица, о том, что оно игнорирует решение суда и не желает порывать с преступным прошлым. Поэтому к нему должны быть применены более строгие меры воздействия.

Если к моменту определения наказания по совокупности неисполненных приговоров был принят новый уголовный закон, имеющий обратную силу, то сложение назначенных наказаний производится лишь после приведения их в соответствие с новым законом. Это правило распространяется и на те случаи, когда осужденный был условно-досрочно освобожден или безусловное наказание заменено ему условным.

По приговору народного суда г. Орши от 25 ноября 1960 г. Горнак в числе других осужден по ст. 1 ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» к шести годам лишения свободы. За аналогичное преступление он же 5 ноября 1956 г. по ст. 1 ч. 2 названного Указа был приговорен к шести годам лишения свободы. 4 ноября 1959 г. освобожден досрочно с заменой неотбытого наказания условным сроком на два года. В силу ст. 36 Основ уголовного законодательства СССР суд присоединил неотбытые по предыдущему приговору два года лишения свободы и общий срок наказания Горнаку определил в восемь лет лишения свободы.

При приведении приговора в соответствие с новым УК БССР 1960 г. народный суд г. Гродно своим определением от 29 июня 1961 г. переqualificировал действия осужденного со ст. 1 ч. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» на ст. 141 ч. 2 УК БССР, по которой назначил ему пять лет лишения свободы. В соответствии со ст. 40 УК БССР к назначенному наказанию суд присоединил неотбытые по предыдущему приговору (5 ноября 1956 г.) два года лишения свободы и окончательно назначил осужденному семь лет лишения свободы.

¹ См.: М.А. Шнейдер. Назначение наказания по советскому уголовному праву. М., 1957, стр. 77; Н.А. Стручков. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1957, стр. 118; Б.М. Леонтьев. Определение наказания по нескольким приговорам. В кн.: «Применение наказания по советскому уголовному праву». М., 1958, стр. 209.

Рассмотрев 2 августа 1966 г. протест заместителя Председателя Верховного Суда БССР на это определение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР указала:

«Материалами дела виновность осужденного Горнака в инкриминируемых ему действиях полностью доказана и обвинение квалифицировано правильно. Однако в части присоединения осужденному неотбытого наказания определение народного суда г. Гродно подлежит частичному изменению.

Из материалов дела видно, что Горнак был арестован 20 октября 1956 г., освобожден из мест заключения 4 декабря 1959 г. Следовательно, из начисленных ему судом 6 лет лишения свободы он отбыл 3 года 2 месяца 14 дней, после чего был досрочно освобожден, а неотбытое им наказание – 2 года 9 месяцев 16 дней – назначено условным с 2-летним испытательным сроком.

Не отбыв испытательного срока, Горнак совершил новое преступление, когда уже вступил в действие новый УК БССР 1960 года.

По новому закону совершенное ранее Горнаком преступление квалифицируется ст. 141 ч. 2 УК БССР, которая предусматривает максимальное наказание 5 лет лишения свободы.

Поэтому народный суд г. Гродно должен был неотбытое Горнаком наказание вначале привести в соответствие с УК БССР редакции 1960 года и только после этого присоединить неотбытую им часть наказания.

Поскольку Горнак отбыл 3 года 2 месяца 14 дней, суд мог присоединить ему 1 год 9 месяцев 16 дней (5 лет минус 3 года 2 месяца 14 дней), а не 2 года, как это было сделано судом».

По этим основаниям Судебная коллегия Верховного Суда БССР определение народного суда г. Гродно от 29 июня 1961 г. в отношении Горнака изменила: к назначенному ему наказанию в пять лет лишения свободы присоединила 1 год 9 месяцев 16 дней и окончательную меру наказания установила в 6 лет 9 месяцев и 16 дней лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима¹.

Сходное правило действует при замене неотбытой части наказания более мягким в порядке, предусмотренном ст. 51 УК БССР. Поскольку такая замена носит безусловный характер, постольку к наказанию, назначенному за совершение нового преступления, может быть присоединена не неотбытая часть, установленная первоначально по приговору суда, а неотбытая часть наказания, замененного впоследствии на более мягкое².

¹ По материалам Верховного Суда БССР, дело № 803. См. также: Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Хованского («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 6, стр. 12); по делу Абдулина («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1956, № 6, стр. 10–11) и др.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 10, стр. 17.

Не допускается присоединение к наказанию, назначенному по приговору суда, исправительных работ, наложенных на лицо в качестве меры административного взыскания за совершенное им административное правонарушение. Указанные меры воздействия носят иной правовой характер и ни сложению, ни замене не подлежат. Однако отдельные суды забывают об этом различии.

Приговором Междуреченского городского народного суда Кемеровской области Павленко осуждена по ст. 186 УК РСФСР к одному году лишения свободы. В соответствии со ст. 41 УК РСФСР к данной мере наказания присоединены исправительные работы, назначенные Павленко по постановлению народного суда, и окончательно определено ей к отбытию один год четыре месяца лишения свободы.

Заместитель Прокурора РСФСР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР протест об исключении из приговора указания суда о присоединении четырех месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия, рассмотрев дело, нашла протест обоснованным.

Павленко, будучи высланной на три года на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», злостно уклонялась от работы. В связи с этим она постановлением суда была подвергнута одному году исправительных работ.

Павленко к работе не приступила и с места поселения скрылась, но через десять дней была задержана. Вина Павленко в совершении побега материалами дела доказана, и действия ее квалифицированы правильно.

Однако суд необоснованно применил к ней ст. 41 УК РСФСР, присоединив к уголовному наказанию административную меру, назначенную осужденной в соответствии со ст. 5 Указа от 4 мая 1961 г.

Ссылка народного суда и Президиума областного суда на ст. 28 УК РСФСР является неправильной, так как данная статья предусматривает замену исправительных работ лишением свободы в отношении лица, уклоняющегося от исправительных работ, назначенных приговором суда. По данному же делу исправительные работы назначены не по приговору и не в соответствии с какой-либо действующей нормой УК РСФСР, а по постановлению суда и на основании ст. 5 названного Указа. Таким образом, в данном случае исправительные работы являются мерой административного воздействия.

К мере же административного воздействия не может быть присоединена по правилам ст. 41 УК РСФСР мера наказания, назначенная по приговору суда¹.

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 4, стр. 12.

При назначении наказания по совокупности неисполненных приговоров срок отбывания исчисляется с момента задержания лица и заключения его под стражу в качестве меры пресечения за совершение последнего по времени преступления.

В связи с тем что в судебной практике имели место случаи исчисления сроков отбывания наказания с момента вынесения приговора за новое преступление, Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением от 21 декабря 1964 г. указал на ошибочность такой практики¹. Такое же указание содержится в постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР от 27 января 1965 г. по делу Курьянова².

Принимая решение об исполнении приговора при наличии нескольких неисполненных приговоров, суд, кроме определения наказания по совокупности, может столкнуться с рядом других вопросов: о признании лица особо опасным рецидивистом; об определении вида исправительно-трудового учреждения, где осужденный должен отбывать наказание; об изменении режима содержания и др.

Признание лица особо опасным рецидивистом связано со значительными правовыми последствиями, резко ухудшающими положение осужденного: возможно усиление наказания за совершенное преступление, если сам факт совершения преступления особо опасным рецидивистом служит квалифицирующим обстоятельством, повышается максимальный предел наказания, не применяются условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким и т. д. Поэтому закон устанавливает, что признание особо опасным рецидивистом может иметь место только по приговору суда (ст. 24 УК БССР).

Некоторые суды в нарушение требования закона признают лицо особо опасным рецидивистом не по приговору, а путем вынесения определения в порядке, установленном для разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора³. Это недопустимо, так как превышает компетенцию суда в стадии исполнения приговора.

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 января 1961 г. признание лица особо опасным рецидивистом по определению суда возможно лишь в отношении заключенных, осужденных до введения в действие нового УК РСФСР 1960 г., если это необходимо для квалификации нового преступления, совершенного во время отбывания наказания, или для приведения ранее назначенной

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 30–31.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 6, стр. 9.

³ См.: «Социалистическая законность», 1963, № 11, стр. 48; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 4, стр. 13–14.

осужденному меры наказания в соответствие с новым Уголовным кодексом¹.

Что касается определения вида исправительно-трудовой колонии, где осужденный должен отбывать наказание, то решение этого вопроса входит в компетенцию суда в стадии исполнения приговора. Вынося определение о назначении наказания по совокупности, суд вправе избрать соответствующий режим отбывания наказания, руководствуясь Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах союзной республики и постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1961 г. «О порядке определения судами вида исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы»².

При этом необходимо иметь в виду следующее: если лицо осуждено по нескольким приговорам к лишению свободы за преступления, совершенные до вынесения первого приговора, то при отсутствии других судимостей вид исправительно-трудовой колонии определяется по правилам, установленным для лиц, осужденных к лишению свободы впервые, т. е. назначается общий или усиленный режим.

Это же правило распространяется на осужденных, совершивших новое преступление после вынесения приговора за предыдущее преступление, но до начала отбывания наказания по нему.

В тех случаях, когда осужденный к лишению свободы совершает новое преступление в период отбывания наказания, суд, определив наказание по совокупности, решает, подлежит ли это наказание отбыванию в исправительно-трудовой колонии, где раньше содержался осужденный, либо он должен быть переведен в колонию другого вида с более строгим режимом³.

При назначении наказания по совокупности приговора суд не вправе определять тюремное заключение, если оно не было предусмотрено ни по одному из приговоров, входящих в совокупность⁴. Равным образом при сложении наказания по нескольким приговорам суд не может назначить тюремное заключение на срок, превышающий размер, установленный по последнему приговору, если по ранее вынесенным приговорам тюремное заключение не назначалось или было отбыто.

Приговором Кировского областного суда Иванченко, неоднократно судимый, в последний раз – в 1956 г. за разбой к 15 годам лишения свободы, осужден по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы, а с присоединением части из неотбытого наказания по прежнему

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1961, № 4, стр. 9.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 213.

³ Там же, стр. 215.

⁴ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 4, стр. 9–10.

приговору – к 15 годам лишения свободы с отбыванием первых семи лет в тюрьме.

В кассационном порядке приговор не обжаловался.

Заместитель Прокурора РСФСР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР протест о сокращении срока тюремного заключения до четырех лет.

Проверив материалы дела, Судебная коллегия протест удовлетворила и указала следующее: «Иванченко обоснованно осужден по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. В части же назначения ему тюремного заключения на срок в виде семи лет приговор подлежит изменению.

Исходя из содержания ст. 24 УК РСФСР лишение свободы в виде заключения в тюрьме может быть назначено осужденному только в пределах срока наказания, определенного судом по последнему приговору, если по ранее вынесенным приговорам тюремное заключение не назначалось или было уже отбыто»¹.

Большие расхождения в теории и на практике вызвал вопрос о том, в каком порядке должно определяться наказание по совокупности приговоров, если осужденный совершает однородное или не менее тяжкое преступление во время отбывания наказания, либо в течение испытательного срока при условном осуждении, либо после условно-досрочного освобождения, но до истечения неотбытой части наказания, а суд, постановивший последний по времени приговор, не произвел необходимого сложения наказаний. Вправе ли в таком случае суд присоединить неотбытую часть наказания к вновь назначенному в порядке исполнения приговора или это составляет исключительную компетенцию суда первой инстанции?

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 3 декабря 1962 г. по этому поводу указал: «В тех случаях, когда в нарушение ст. 38 и 44 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик наказание, назначенное условно по предыдущему приговору, или часть наказания, не отбытая в связи с условно-досрочным освобождением, не были присоединены полностью или частично к наказанию за вновь совершенное преступление, присоединение наказания возможно только при новом рассмотрении дела после отмены приговора по протесту или по жалобе потерпевшего, внесенным по этим мотивам, если иное не предусмотрено в республиканском законодательстве»².

По смыслу приведенного постановления Пленума присоединение неотбытой части наказания в порядке исполнения приговора, если это прямо не предусмотрено законодательством союзной республики,

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 12, стр. 4.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 226.

не допускается. В случаях, когда вопреки требованию закона суд не произвел присоединения наказания, это можно сделать только путем проведения повторного судебного разбирательства, после отмены приговора в надзорном порядке.

Такой же позиции придерживается Л.Н. Смирнов¹.

Однако ни в постановлении Пленума Верховного Суда СССР, ни в статье Л.Н. Смирнова не содержится достаточно убедительных аргументов в пользу предлагаемого решения.

В самом деле, если суд, постановивший последний по времени приговор, тщательно исследовал все обстоятельства дела и в новой проверке они не нуждаются, если правовая оценка совершенного преступления не вызывает сомнений, а назначенное за него наказание является правильным, то зачем же отменять приговор и проводить новое судебное разбирательство? Что нового оно дает? И почему в случаях, когда суд, постановивший последний по времени приговор, не знал о существовании других неисполненных приговоров, наказание по совокупности устанавливается определением суда, а если знал – обязательно приговором? В этом нет логики. Поэтому мы считаем, что если суд допустил ошибку и не присоединил к вновь назначенному наказанию неотбытую часть по предыдущему приговору, то эта ошибка может и должна быть исправлена в порядке исполнения приговора².

Именно так решается этот вопрос по законодательству Украинской (ст. 412 УПК) и Эстонской ССР. Ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Эстонской ССР гласит: «Если при вынесении приговора, которым лицу было назначено наказание, осталось неприсоединенным или непоглощенным назначенное предыдущим приговором и неотбытое наказание, то суд, вынесший последний приговор, или одноименный с ним суд по месту исполнения приговора выносит определение о порядке отбывания всех неотбытых наказаний».

Возражая против наделения суда правом присоединять неотбытую часть наказания путем вынесения определения, некоторые практические работники ссылаются на то, что у суда есть выбор по своему

¹ См.: «Социалистическая законность», 1961, № 4, стр. 18.

² А. Грун, поддерживая мысль о допустимости определения наказания по совокупности в порядке исполнения приговора и в тех случаях, когда суду, вынесшему последний приговор, было известно о существовании в отношении осужденного другого неисполненного приговора, справедливо замечает: «В самом деле, если уж законом допускается назначение наказания по совокупности приговоров дополнительным определением, то с принципиальной точки зрения безразлично, почему оно не было назначено при вынесении приговора – по недосмотру суда или в результате отсутствия сведений о предыдущем приговоре». (А. Грун. Исправление недостатков в приговорах суда. «Советская юстиция», 1964, № 11, стр. 12.) Аналогичные соображения высказаны И.Д. Перловым (см.: Исполнение приговора. М., 1963, стр. 203) и др.

усмотрению присоединить неотбытое наказание к вновь назначенному полностью или частично. Такой выбор, по их мнению, суд может сделать лишь в результате судебного разбирательства, когда имеющиеся по делу материалы подвергаются необходимому исследованию.

С приведенными соображениями нельзя согласиться. Конечно, суд обязан при определении наказания по совокупности взвесить все собранные по делу данные и на их основе принять решение. Но почему суд не может сделать этого в порядке исполнения приговора?

Как правильно отмечает И.Д. Перлов, во время судебного заседания, проводимого с участием прокурора, осужденного и других лиц, суд имеет полную возможность выяснить все интересующие его обстоятельства путем анализа вынесенных приговоров и иных данных и на основе этого анализа вынести обоснованное определение относительно того, следует ли полностью или частично присоединить неотбытое наказание к вновь назначенному. Процессуальный регламент, установленный для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, в полной мере позволяет сделать это¹.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. суды, решая вопрос о том, следует ли присоединить наказание за новое преступление полностью или частично и в каких пределах, обязаны учитывать тяжесть ранее и вновь совершенного преступления, данные о личности виновного и всю совокупность обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. При этом следует иметь в виду, что окончательная мера наказания во всяком случае не может быть меньшей, чем та, которая была назначена условно, или та часть наказания, которая не отбыта в связи с условно-досрочным освобождением.

В случаях, когда ранее вынесенным приговором лицо было осуждено за совокупность преступлений, одно из которых является однородным, равным по тяжести или менее тяжким по сравнению с новым преступлением, к наказанию, назначенному по новому приговору, должна быть присоединена та мера наказания, которая была определена по первому приговору окончательно за совокупность совершенных преступлений. Разумеется, что при этом общий срок наказания не должен превышать максимального срока, установленного для данного вида наказания².

Если лицо, осужденное к лишению свободы или исправительным работам условно, в течение испытательного срока совершит новое однородное или не менее тяжкое преступление, за которое суд назначил наказание в виде штрафа, вынесенное ранее условное наказание переводится в безусловное и обращается к реальному исполнению. Поскольку сложение штрафа с лишением свободы или исправительными работами

¹ См.: И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 203.

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 225.

невозможно, эти наказания в соответствии со ст. 40 УК БССР исполняются самостоятельно.

Приговором народного суда Гродненского района от 14 апреля 1964 г. Яколцевич (осужденный 8 мая 1962 г. по ч. 1 ст. 155 с применением ст. 43 УК БССР к одному году лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком) признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 155 УК БССР с применением ст. 42 УК БССР к 36 рублям штрафа в доход государства с присоединением неотбытой меры наказания по приговору от 8 мая 1962 г.

Президиум Гродненского областного суда постановлением от 5 октября 1964 г. изменил приговор народного суда и определил Яколцевичу меру наказания в виде 30 рублей штрафа в доход государства и одного года лишения свободы условно с трехлетним испытательным сроком.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР от 5 января 1965 г. протест заместителя Председателя Верховного Суда БССР, в котором ставился вопрос об отмене постановления Президиума Гродненского областного суда, отклонен.

Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда БССР, Пленум Верховного Суда БССР указал, что, согласно ст. 43 УК БССР, если при назначении наказания в виде лишения свободы или исправительных работ суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, придет к убеждению о нецелесообразности отбывания виновным наказания, он может постановить об условном неприменении наказания к виновному. В этом случае суд постановляет не приводить приговор в исполнение, если в течение определенного судом испытательного срока осужденный не совершит нового однородного или не менее тяжкого преступления. Следовательно, если лицо, осужденное условно к лишению свободы или исправительным работам, в течение испытательного срока совершит новое однородное или не менее тяжкое преступление, то приговор об условном осуждении приводится в исполнение. Такие последствия наступают как в случае, когда в силу ст. 40 УК БССР производится сложение наказания, так и в случаях, когда приговор приводится в исполнение самостоятельно.

Поскольку Яколцевич ранее был осужден к лишению свободы условно и в течение испытательного срока совершил однородное преступление, за которое суд назначил наказание в виде штрафа, то ранее состоявшийся приговор об условном осуждении к лишению свободы подлежит приведению в исполнение.

Так как назначенные наказания не могут быть сложены, то в соответствии со ст. 40 УК БССР приговор народного суда Гродненского района от 8 мая 1962 г. и приговор народного суда Гродненского района от 14 апреля 1964 г. подлежат исполнению самостоятельно¹.

¹ По материалам Верховного Суда БССР.

В заключение следует отметить, что вынесение определения о применении к осужденному наказания по совокупности неисполненных приговоров не означает аннулирования самих приговоров. Таким путем устанавливается лишь общий размер наказания, подлежащего отбыванию. Что касается выводов суда, содержащихся в каждом приговоре, относительно виновности осужденного, квалификации совершенных им преступлений, ответственности за причиненный материальный ущерб и т. д., то они сохраняют свое самостоятельное значение. Поэтому, если любой из приговоров, входящих в совокупности, будет впоследствии отменен или изменен, остальные остаются в силе и подлежат дальнейшему исполнению.

§ 5. Разрешение всякого рода сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора

Вынося приговор, суд обязан изложить его полно, четко и понятно, чтобы в процессе исполнения не возникло каких-либо неясностей и затруднений. Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит детальные указания о том, что должно быть отражено в приговоре, какие вопросы надлежит разрешить в нем. Несмотря на это, в судебной практике встречаются случаи, когда в приговорах из-за небрежности или недостаточной квалификации отдельных судей допускаются различного рода неточности и упущения, неясные и спорные положения, которые нуждаются в разъяснении.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 22 декабря 1964 г. «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговоров» особо обратил внимание на то обстоятельство, что отдельные суды вследствие невнимательного отношения к составлению такого важнейшего процессуального документа, каким является судебный приговор, не всегда ясно решают все вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора, или решают их не в полном объеме либо вовсе оставляют без разрешения. Это приводит к необходимости специального рассмотрения в порядке, предусмотренном ст. 368 и 369 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик по устранению недостатков и сомнений, возникающих в процессе исполнения приговора, что, естественно, влечет задержку его исполнения, а иногда и нарушение закона¹.

Действующее уголовно-процессуальное право не раскрывает достаточным образом содержание и характер тех сомнений и неясностей, которые суд вправе разрешать в порядке исполнения приговора. Ст. 376 УПК БССР (и соответствующие статьи УПК других союзных

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 9–10.

республик), в которой говорится об устранении всякого рода сомнений и неясностей, возникающих при приведении приговора в исполнение, формулирует лишь общее правило, не детализируя его.

Представляется, что применяемый законом термин «устранение сомнений и неясностей» включает в себя: а) разъяснение и уточнение отдельных положений приговора; б) восполнение допущенных пробелов; в) исправление явных дефектов приговора¹.

В порядке исполнения приговора могут быть устранены не любые сомнения и неясности, возникшие в результате недостатков приговора, а лишь такие, решение которых не затрагивает основного существа дела и не влечет ухудшения положения осужденного². Если допущенные при постановлении приговора ошибки и упущения носят существенный характер, т. е. касаются вопросов виновности, квалификации преступления, вида и размера наказания, возмещения причиненного ущерба, установления фактических обстоятельств дела и т. п., то они могут быть исправлены лишь вышестоящим судом в кассационном или надзорном порядке.

Дать исчерпывающий перечень случаев, когда суды вправе в процессе исполнения приговора устранять обнаруженные в нем дефекты и пробелы, невозможно. Хорошим ориентиром в этом отношении служит постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г., согласно которому к компетенции судов в стадии исполнения приговора относится разрешение следующих вопросов, имеющих целью разъяснение, уточнение, исправление и дополнение вынесенного приговора.

1. Применение акта об амнистии, если он ошибочно не был применен при рассмотрении дела в суде первой или второй инстанции.

Необходимость применения акта об амнистии в порядке исполнения приговора возникает прежде всего в тех случаях, когда суд первой инстанции, вынося приговор, не учел этого акта, а кассационная инстанция не устранила допущенной ошибки.

Решение вопросов, связанных с применением акта об амнистии в порядке исполнения приговора, производится и тогда, когда положение этого акта лишь частично распространяется на лиц, отбывающих наказание (например, только на часть преступлений, входящих в совокупность). В таких случаях суд рассматривает материалы дела и выносит определение о приведении приговора в части назначенного осужденному наказания в соответствие с актом об амнистии.

¹ Аналогичные соображения высказаны И.Д. Перловым (см.: Исполнение приговора. М., 1963, стр. 69; Комментарий к УПК РСФСР. М., 1965, стр. 531).

А. Грун считает, что устранение сомнений и неясностей при исполнении приговора выражается в разъяснении, уточнении и дополнении судебных решений (см.: А. Грун. Исправление недостатков в приговорах суда. «Советская юстиция», 1964, № 11, стр. 12).

² См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 10.

При применении акта об амнистии в стадии исполнения приговора могут решаться вопросы не только об основном, но и о дополнительных мерах наказания.

2. Зачет предварительного заключения в срок отбывания наказания, если такой зачет не произведен приговором суда либо допущена неточность при его исчислении.

Согласно ст. 45 УК и 317 УПК БССР суд, постановивший обвинительный приговор, обязан зачесть время, проведенное обвиняемым в предварительном заключении, в срок отбывания наказания из расчета день за день при осуждении к лишению свободы или направлению в дисциплинарный батальон и день за три дня – при осуждении к исправительным работам, ссылке или высылке.

В случае применения акта об амнистии зачет предварительного заключения производится в счет наказания, оставшегося после сокращения назначенного судом срока в соответствии с актом об амнистии.

Предварительным заключением признается любой вид лишения свободы, примененный к лицу, совершившему преступление, до постановления приговора. Сюда относится содержание под стражей в порядке меры пресечения или задержания, включая время, проведенное обвиняемым, находящимся под стражей, или задержанным в лечебном учреждении на излечении.

Как предварительное заключение в срок отбывания наказания засчитывается время, проведенное военнослужащим под арестом в дисциплинарном порядке на гауптвахте за деяние, которое впоследствии повлекло за собой предание суду, равно как и время содержания на гауптвахте военнослужащего, осужденного к направлению в дисциплинарный батальон, до вступления приговора в законную силу¹.

Аналогичное правило установлено применительно к лицам, подвергнутым аресту, исправительным работам или штрафу в административном порядке, за деяния, за которые они впоследствии привлечены к уголовной ответственности.

Как указал Пленум Верховного Суда СССР, если постановление народного судьи о наложении административного взыскания за мелкое хулиганство отменено ввиду того, что в действиях нарушителя содержится состав преступления, то при последующем вынесении по делу обвинительного приговора отбывтый по прежнему постановлению срок ареста или исправительных работ засчитывается в срок отбывания уголовного наказания, назначенного приговором суда².

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 188.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 5, стр. 17.

Зачету подлежит также взысканный в административном порядке штраф, если виновный по приговору суда подвергается штрафу¹.

Помимо предварительного заключения, в срок отбывтия наказания засчитывается время нахождения осужденного в психиатрическом лечебном учреждении, если в ходе судебного разбирательства он подвергался освидетельствованию на предмет выяснения вменяемости; время применения принудительных мер медицинского характера, если впоследствии лицо будет признано вменяемым, а также время пребывания осужденного в лечебном учреждении во время отбывания наказания (ст. 374 УПК).

3. *Устранение ошибок, допущенных в приговоре при написании фамилии, имени, отчества и иных биографических данных осужденного.*

Иногда суды вследствие невнимательного отношения к составлению приговора допускают искажения фамилии, имени, отчества, года и места рождения, наличия судимостей и других биографических данных осужденного, что вызывает затруднения при исполнении приговора. Если личность осужденного установлена с несомненностью, а судом допущена лишь простая описка при изложении вводной, описательной или резолютивной части приговора, она может быть исправлена без обращения дела на новое рассмотрение в порядке, установленном для исполнения приговора.

Липецкий областной суд осудил Александра Федоровича Протасова, но в резолютивной части приговора ошибочно назвал его Федором Алексеевичем. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, считая, что ошибка в написании имени и отчества осужденного в приговоре является безусловным основанием для отмены приговора, отменила приговор и направила дело на новое рассмотрение.

Президиум Верховного Суда РСФСР отменил определение коллегии и направил дело на новое кассационное рассмотрение, указав в своем определении: «По данному делу личность подсудимого была установлена с достаточной полнотой. То обстоятельство, что по небрежности председательствующего вместо имени и отчества осужденного в резолютивной части приговора были написаны имя и отчество потерпевшего, не может быть признано доказательством неполного установления личности подсудимого.

Сам осужденный в своей кассационной жалобе не отрицал, что суд разбирал дело именно о нем. Описку, допущенную судом, следовало исправить в порядке, предусмотренном ст. 368 и 369 УПК РСФСР»².

Встречаются и более сложные случаи. Народный суд Советского района г. Ростова приговорил Захаревич Н.С. по ст. 1 Указа Президиума

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 6, стр. 13.

² «Советская юстиция», 1964, № 11, стр. 15.

Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества» к двум годам лишения свободы. Осужденная была признана виновной в том, что, работая продавцом магазина № 13 Ростпромторга, присвоила 9300 руб. государственных средств (в старом исчислении). При обращении приговора к исполнению выяснилось, что осужденная еще до совершения преступления вступила в зарегистрированный брак и приняла фамилию мужа – Кривошеина. Однако это обстоятельство по недосмотру органов следствия и суда не нашло отражения в материалах дела. Поэтому суд вынужден был вынести специальное определение в порядке исполнения приговора о признании Захаревич Н.С. и Кривошеиной Н.С. одним и тем же лицом¹.

Обладая правом устранять в порядке исполнения приговора безусловные и очевидные ошибки в написании фамилии, имени, отчества и изложении других биографических данных осужденного, суд в то же время не вправе в указанном порядке устанавливать личность осужденного. Это может быть сделано лишь в стадии предварительного расследования или судебного разбирательства.

По приговору Красноярского краевого суда Иванов, он же Ионин и Беликов, ранее неоднократно судимый, признан особо опасным рецидивистом и осужден по ст. 77¹ УК РСФСР.

В связи с тем что осужденный на предварительном и судебном следствии утверждал, что он – Синчук, и сообщил о себе некоторые другие сведения, его заявление после вступления приговора в законную силу было проверено и оказалось обоснованным.

Определением Красноярского краевого суда, вынесенным в порядке ст. 368 и 369 УПК РСФСР, Иванов, он же Ионин и Беликов, признан еще и Синчуком.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР изменила это определение и признала осужденного не Ивановым (он же Ионин и Беликов), а Синчуком Иваном Николаевичем, 1928 г. рождения.

Президиум Верховного Суда РСФСР отменил все состоявшиеся по делу судебные решения и направил дело на дополнительное расследование, указав в своем постановлении следующее: «Из материалов дела видно, что ни органы предварительного следствия, ни суд не выяснили должным образом личность обвиняемого. В деле нет документов, удостоверяющих его личность. При допросе в качестве обвиняемого Иванов заявил, что его настоящая фамилия – Синчук, и сообщил о себе другие данные. Такое же заявление осужденный сделал и в судебном заседании. Однако в нарушение ст. 271 УПК РСФСР суд не принял мер к установлению личности подсудимого.

¹ Из архива народного суда.

В кассационной жалобе осужденный вновь утверждал, что его фамилия и некоторые другие данные о личности отражены в деле неправильно, так как не установлены достаточно полно. В соответствии со ст. 342 и 343 УПК РСФСР приговор, основанный на неполных материалах предварительного или судебного следствия, в частности если не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого, не может быть признан правильным и подлежит отмене.

Вместо направления дела на дополнительное расследование краевой суд в порядке, предусмотренном ст. 368 и 369 УПК РСФСР, вынес определение, которым уточнил данные о личности осужденного. Между тем в порядке, предусмотренном ст. 368 и 369 УПК РСФСР, могут быть разрешены вопросы и неясности, возникшие во время приведения приговора в исполнение. Личность же подсудимого должна быть установлена в стадии предварительного следствия и в судебном заседании¹.

4. Устранение описок и арифметических ошибок, допущенных при изложении приговора, если они очевидны и исправление их не может вызвать сомнение.

Наиболее типичным видом таких описок является неправильное указание в приговоре, определении или постановлении суда даты их вынесения. Обычно такие описки встречаются в начале года или месяца, когда судьи механически указывают в судебном документе предшествующий год или месяц. Если дата рассмотрения уголовного дела и вынесения решения в протоколе судебного заседания отмечена правильно и участниками судебного разбирательства не оспаривается, то допущенная описка может быть исправлена в порядке, предусмотренном ст. 377 УПК БССР.

Аналогичным образом устраняются арифметические ошибки, вкравшиеся в судебное решение при исчислении суммы причиненного ущерба, зачете наказания и т. п.

Так, приговором народного суда Минского района 31 мая 1963 г. Романюк был осужден по ч. 1 ст. 151 и ст. 203 УК БССР к исправительным работам сроком на один год с удержанием 20 % в доход государства. Этот приговор был отменен Президиумом Минского областного суда за мягкостью назначенного наказания. 9 сентября 1963 г. народный суд Ленинского района г. Минска осудил Романюка к одному году лишения свободы.

Однако при исчислении меры наказания, связанной с лишением свободы, суд не полностью учел отбытый срок наказания по приговору народного суда Минского района.

Из имеющейся в деле справки, выданной 24 декабря 1963 г. геолого-гидрологической экспедицией, видно, что с осужденного Романюка

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 6, стр. 9–10.

произведено удержание за 22 рабочих дня. Из справки, выданной автоколонной № 2415-Г от 24 декабря 1963 г., усматривается, что с Романюка за июль, август, сентябрь, октябрь 1963 г. произведено удержание за 82 рабочих дня. Таким образом, осужденный Романюк фактически отбыл 104 дня исправительных работ.

По приговору же народного суда Ленинского района г. Минска в счет отбытия наказания ошибочно зачтено только 3 месяца исправительных работ, т. е. 90 дней, а не 104 дня.

В связи с допущенной ошибкой народный суд Ленинского района г. Минска своим определением от 4 января 1964 г. постановил зачесть осужденному Романюку в счет отбытия наказания 104 дня исправительных работ и считать подлежащим отбытию с соответствующим перерасчетом 10 месяцев и 26 дней лишения свободы¹.

Поскольку эта ошибка носит очевидный арифметический характер и правовые основания ее устранения содержатся в самом приговоре, она должна быть исправлена в порядке, установленном для разрешения вопросов, возникших в процессе исполнения приговоров.

Как правильно отмечает А. Грун, при выяснении пределов прав суда на устранение описок и ошибок, вкравшихся в приговор суда, решающее значение должны иметь не формальные соображения. В тех случаях, когда недостаток судебного решения не касается его существа, а является чисто технической опиской, его можно и должно исправить в порядке исполнения приговора².

Незнание компетенции суда в стадии исполнения приговора порождает иногда принятие неправильных судебных решений.

По приговору народного суда Октябрьского района г. Минска от 7 октября 1963 г. Якимов осужден по ст. 120 УК БССР к одному году и шести месяцам лишения свободы. К этому наказанию суд присоединил неотбытые осужденным по предыдущему приговору 2 месяца и 13 дней лишения свободы.

Однако при сложении наказания суд допустил арифметическую ошибку, указав, что окончательная мера наказания составляет 1 год 7 месяцев и 13 дней лишения свободы.

Впоследствии судья обнаружил свою ошибку и единолично внес в приговор исправление, указав, что отбытию подлежит 1 год 8 месяцев и 13 дней.

Рассмотрев 7 марта 1964 г. дело по протесту Председателя Верховного Суда БССР, в котором отмечалось, что судья не вправе был лично вносить в приговор исправление, поскольку этим усиливалось наказание,

¹ Из архива народного суда Ленинского района г. Минска.

² См.: А. Грун. Исправление недостатков в приговорах суда. «Советская юстиция», 1964, № 11, стр. 14.

Президиум Минского областного суда постановил приговор народного суда изменить и окончательной мерой наказания осужденному считать 1 год 7 месяцев и 13 дней¹.

5. Определение судьбы вещественных доказательств, если она не решена приговором суда.

Вынося приговор, суд обязан указать в нем, как поступить с вещественными доказательствами, имеющимися по делу. При этом он руководствуется ст. 81 УПК, устанавливающей перечень тех мер, которые принимаются в отношении вещественных доказательств.

Если по каким-либо причинам судьба вещественных доказательств в приговоре не была определена, суд может устранить этот пробел путем вынесения определения в порядке исполнения приговора.

Так, народным судом Смольнинского р-на г. Ленинграда Коган и Ананьев осуждены по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР. Они признаны виновными в том, что украли два колеса с автомашины гр-на Журкина. Погрузив колеса на мотоцикл, принадлежащий Когану, они пытались скрыться, но были задержаны. Похищенное у них изъято и возвращено потерпевшему, а на мотоцикл Когана наложен арест.

При вынесении приговора вопрос о судьбе мотоцикла разрешен не был. Поэтому суд вынес определение, которым снял арест с мотоцикла.

Президиум Ленинградского городского суда отменил приговор и определение народного суда по тем основаниям, что, решая судьбу мотоцикла, народный суд не учел, что он является орудием преступления и в соответствии со ст. 86 УПК РСФСР подлежит конфискации. Одновременно Президиум указал, что вопрос о вещественных доказательствах, каковым в данном случае является мотоцикл, может быть разрешен лишь при постановлении приговора, а не путем вынесения дополнительного определения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала это указание Ленинградского городского суда неправильным и отменила его².

Говоря о праве суда решать вопрос о судьбе вещественных доказательств в порядке исполнения приговора, необходимо отметить, что такое решение может быть принято только тогда, когда судьба вещественных доказательств не была определена приговором. Если при постановлении приговора в нем были установлены меры, принимаемые в отношении вещественных доказательств, суд не вправе изменить свой приговор в этой части путем вынесения дополнительного решения³.

¹ По материалам Верховного Суда БССР.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 8, стр. 11–12.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 2, стр. 11.

6. *Определение размера и распределения судебных издержек, если эти вопросы не получили разрешения в приговоре суда.*

В соответствии со ст. 104 УПК БССР судебные издержки возлагаются на осужденных или принимаются на счет государства.

Они состоят из сумм, выплачиваемых органами дознания, предварительного следствия и судом свидетелям, потерпевшим, понятым, экспертам и переводчикам в связи с их расходами на проезд и по найму жилого помещения в размере, предусмотренном законодательством, а также из сумм, выплаченных неработающим свидетелям, потерпевшим и понятым в связи с отвлечением их от обычных занятий; из сумм, израсходованных на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств; из иных расходов, понесенных при производстве по данному делу, к которым, в частности, относятся расходы, понесенные при производстве судебно-следственных экспериментов.

В судебные издержки по уголовным делам не включаются: сохраняемый в соответствии с законом средний заработок по месту работы за лицом, вызванным в качестве свидетеля, потерпевшего, эксперта, переводчика и понятого, за все время, затраченное им в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд; суммы, выплачиваемые эксперту или переводчику за исполнение ими обязанностей в суде или органах предварительного следствия и дознания в порядке служебного задания; канцелярские и почтовые расходы, связанные с производством данного дела в органах предварительного следствия и в суде (п. 8 и 9 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «Об устранении недостатков в практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и судебных издержек по уголовным делам»)¹. Не относятся к судебным издержкам также расходы, связанные с проездом к месту рассмотрения дела состава суда, секретаря и прокурора².

При признании подсудимого виновным суд вправе взыскать с него судебные издержки в полном объеме или частично как в тех случаях, когда он подвергается наказанию, так и тогда, когда он освобождается от наказания.

В случае прекращения дела или оправдания подсудимого, а также при несостоятельности лица, на которое возложено возмещение судебных издержек, они принимаются на счет государства.

Если по делу признаны виновными несколько подсудимых, судебные издержки взыскиваются в долевом порядке с учетом вины, степени ответственности и имущественного положения каждого из осужденных.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 106.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 4, стр. 12.

При частичном оправдании подсудимого с него могут быть взысканы судебные издержки лишь за те расходы, которые понесены в связи с выяснением обстоятельств, вмененных ему в вину.

7. Определение вида исправительно-трудовой колонии лицам, осужденным к лишению свободы, если в приговоре вид колонии не определен.

Для улучшения воспитательной работы с заключенными и ограждения впервые осужденных от вредного влияния лиц, неоднократно совершавших преступления и отбывавших наказание в местах лишения свободы, закон предусматривает раздельное содержание заключенных в зависимости от характера и тяжести совершенных ими преступлений, а также от их личности. С этой целью организовано четыре вида исправительно-трудовых колоний: общего, усиленного, строгого и особого режима.

Определение вида колонии, в которой лицам, осужденным к лишению свободы, надлежит отбывать наказание, производится судом при вынесении приговора. Если в приговоре по ошибке этого не было сделано, вид колонии устанавливает суд, постановивший приговор, или суд по месту исполнения приговора путем вынесения определения в порядке исполнения приговора.

Определяя вид исправительно-трудовой колонии, суды в соответствии с Положением об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах союзной республики и постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1961 г. обязаны исходить из следующего:

а) исправительно-трудовые колонии общего режима являются, как правило, местом отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных впервые за менее опасные преступления;

б) исправительно-трудовые колонии усиленного режима являются, как правило, местом отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных впервые за тяжкие преступления;

в) исправительно-трудовые колонии строгого режима являются местом отбывания наказания в виде лишения свободы для осужденных два раза и более к лишению свободы, но не признанных особо опасными рецидивистами;

г) исправительно-трудовые колонии особого режима являются местом отбывания наказания в виде лишения свободы для особо опасных рецидивистов, а также для лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы.

Осужденные к лишению свободы женщины отбывают наказание в исправительно-трудовых колониях общего режима, за исключением тех, которые признаны судом особо опасными рецидивистками и должны содержаться в колониях строгого режима¹.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 214.

Как указал Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 31 июля 1961 г., при назначении осужденным вида исправительно-трудовой колонии судам надлежит строго соблюдать индивидуальный подход, учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления, обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, личность виновного, его прошлую преступную деятельность и отбывание наказания в местах лишения свободы.

В отдельных случаях суд с учетом названных обстоятельств может назначить осужденному менее строгий или более строгий вид колоний, чем тот, который должен быть применен по общему правилу (кроме колонии особого режима), приведя в приговоре мотивы принятого решения¹.

Это положение относится только к судам первой инстанции. Если вид исправительно-трудовой колонии устанавливается в порядке исполнения приговора в связи с тем, что при постановлении приговора суд ошибочно не указал в нем вид колонии, то он может определить осужденному лишь исправительно-трудовую колонию по общему правилу или с более мягким режимом и не вправе назначить ее с более строгим режимом по сравнению с тем, который должен быть применен по общему правилу².

Как отмечает проф. Н.А. Стручков, анализ судебной практики по определению вида исправительно-трудовой колонии позволяет сделать вывод, что среди мотивов, обуславливающих назначение более мягкого режима, встречаются следующие обстоятельства: осознание осужденным общественной опасности совершенного преступления и раскаяние в содеянном; положительная характеристика виновного по месту работы до ареста; состояние здоровья осужденного; молодой или, наоборот, преклонный возраст подсудимого; малозначительность совершенных действий; наличие у осужденного большой семьи; тяжелые условия, в которых воспитывался осужденный; большой срок, который прошел с момента освобождения от наказания, отбывавшегося за ранее совершенное преступление.

Отмеченные обстоятельства не являются равнозначными для решения рассматриваемого вопроса. Действительно, осознание общественной опасности совершенного преступления и раскаяние в содеянном, малозначительность совершенных действий, большой срок, который прошел с момента освобождения от наказания, отбывавшегося за ранее совершенное преступление, характеризуют личность осужденного и свидетельствуют о том, в каком карательном и воспитательном воздействии он нуждается. Поэтому их следует принимать во внимание

¹ См.: Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 220.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 1, стр. 11.

при определении вида режима исправительно-трудовой колонии. Что касается других обстоятельств, то они сами по себе не характеризуют личность осужденного и могут приниматься во внимание лишь в совокупности с иными фактами, имеющими более существенное значение.

Среди мотивов, обуславливающих назначение более строгого режима, встречаются следующие обстоятельства: совершение с точки зрения фактических обстоятельств дерзкого, или циничного, или иным образом характеризующего опасность субъекта преступления; длительность совершения преступлений; связь с уголовными элементами и усвоение их взглядов; стремление оказать отрицательное влияние на других лиц¹.

При решении вопроса об определении вида исправительной колонии лицам, ранее отбывавшим наказание в местах лишения свободы, могут быть приняты во внимание и прежние судимости, которые к моменту рассмотрения дела сняты или погашены в установленном порядке.

С правовой стороны это положение находит свое обоснование в том, что прежняя судимость, снятая или погашенная в установленном порядке, не может учитываться при квалификации преступления, признании особо опасным рецидивистом и т. п., но она может и должна рассматриваться как обстоятельство, характеризующее личность виновного. Если лицо, несмотря на проявленную к нему гуманность (амнистия, досрочное освобождение, досрочное снятие или погашение судимости), вновь встало на путь совершения преступления, оно должно отбывать наказание в колониях с более строгим режимом.

Приведенное положение имеет свое обоснование и с фактической стороны.

Нельзя забывать, что лица, неоднократно судимые, могут оказать разлагающее влияние на заключенных, впервые оказавшихся в местах лишения свободы. Поэтому не учитывать этот факт только по тем соображениям, что с указанных лиц судимость снята, было бы неправильно².

Именно этим руководствовался Пленум Верховного Суда СССР, указавший в своем постановлении от 31 июля 1962 г., что «при решении вопроса о назначении вида исправительно-трудовой колонии лицам, в прошлом отбывавшим наказание в местах лишения свободы, судимость с которых снята либо погашена, суды не могут исходить из факта погашения их прежней судимости, а должны учитывать в совокупности все данные о личности осужденного, а также характер и тяжесть совершенного преступления»³.

¹ См.: Н. Стручков. Правильно определять вид колонии. «Советская юстиция», 1966, № 17, стр. 11.

² См.: В. Вакуленко. Определение вида исправительно-трудовой колонии осужденным к лишению свободы. «Советская юстиция», 1962, № 1, стр. 12.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 220.

Из приведенной части постановления видно, что Верховный Суд СССР, допуская возможность учета прежней судимости (снятой или погашенной), вместе с тем предостерегает от формального подхода к решению вопроса о виде исправительно-трудовой колонии. Взятый сам по себе факт отбывания лишения свободы много лет тому назад еще не служит основанием для обязательного направления осужденного в колонию строгого режима.

Так, Дадов, прежде судимый, был приговорен судом к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима, поскольку он уже находился в местах заключения.

Отменяя приговор суда в части определения вида колонии, Президиум Верховного Суда РСФСР отметил: «Осужденный отбывал наказание 20 лет тому назад, находился в местах заключения непродолжительный срок, имеет преклонный возраст. При таких условиях у суда не было оснований применять лишение свободы в колониях строгого режима»¹.

Не может считаться также безусловным основанием для назначения колонии строгого режима при повторном осуждении факт нахождения лица в местах заключения до пересмотра дела в порядке судебного надзора, если в результате такого пересмотра назначенное ему наказание в виде лишения свободы было заменено условным. Признав необходимым направить осужденного для отбывания наказания в исправительно-трудовую колонию строгого режима, суд должен мотивировать свое решение².

С соответствующей мотивировкой суд может назначить отбывание наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима лицу, вторично осужденному, если в первый раз он был приговорен к исправительным работам, которые заменены ему в связи со злостным уклонением от их отбывания лишением свободы.

Равным образом основанием для определения исправительно-трудовой колонии строгого режима при повторном осуждении может служить отбывание несовершеннолетним по достижении 18 лет части наказания в исправительно-трудовой колонии для взрослых (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 декабря 1965 г. «Об устранении недостатков в деятельности судов по борьбе с рецидивной преступностью»)³.

Назначение вида исправительно-трудовой колонии в порядке исполнения приговора возможно не только в тех случаях, когда суд при вынесении приговора не указал в нем режима отбывания наказания, но и тогда, когда приговор суда в части определения вида колонии

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1964, № 12, стр. 11.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 9, стр. 9–10.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 1, стр. 14.

отменен кассационной или надзорной инстанцией по мотивам мягкости избранного режима с направлением дела в этой части на новое рассмотрение¹.

Народным судом Кормянского района Гомельской области Конухов П.И. осужден по ч. 1 ст. 106 УК БССР к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК общего режима. Конухов признан виновным в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, нанес два удара топором по голове Конухову Григорию, причинив ему тяжкие телесные повреждения.

Рассмотрев дело по протесту прокурора, в котором ставился вопрос об отмене приговора в части определения осужденному режиму исправительно-трудовой колонии, Президиум Гомельского областного суда установил, что вина Конухова в предъявленном обвинении доказана полностью, его действия квалифицированы по ч. 1 ст. 106 УК БССР правильно и мера наказания избрана в соответствии с содеянным. Однако вид колонии, в которой осужденный должен отбывать наказание (общего режима), определен судом неправильно, так как Конухов совершил тяжкое преступление и согласно положению об исправительно-трудовых колониях и постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 19 июня 1961 г. он должен отбывать меру наказания в ИТК усиленного режима. Если суд считал необходимым назначить Конухову отбывание наказания в ИТК общего режима, он в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР обязан был в приговоре указать мотивы применения такого вида колонии, чего судом не сделано.

По этим основаниям Президиум областного суда приговор народного суда Кормянского района в части определения режима исправительно-трудовой колонии отменил и дело направил для рассмотрения в народный суд Чечерского района².

Проведение нового судебного разбирательства по такому делу с вызовом свидетелей и потерпевшего, с исследованием всех собранных по делу доказательств было бы явно нецелесообразным. Определить вид исправительно-трудовой колонии, в которой осужденный должен отбывать наказание, может с успехом суд в порядке исполнения приговора.

Одновременно следует указать, что суд не вправе самостоятельно изменять приговор в отношении назначения вида исправительно-трудовой колонии (в сторону усиления или смягчения режима), если он не был отменен в установленном порядке³.

По УПК РСФСР вопрос об изменении назначенного судом вида исправительно-трудовой колонии разрешается определением районного

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 221.

² Из архива Гомельского областного суда.

³ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 8, стр. 16.

(городского) народного суда по месту отбывания наказания, независимо от того, каким судом был вынесен приговор (ст. 368).

УПК БССР такого ограничения не содержит. Согласно ст. 376 этот вопрос может быть разрешен либо судом, постановившим приговор, либо одноименным судом по месту исполнения приговора. Вышестоящий суд, отменяя приговор в части назначения вида исправительно-трудовой колонии, одновременно решает, куда направить дело для рассмотрения.

Судебное рассмотрение, проводимое для определения вида исправительно-трудовой колонии, должно проходить с соблюдением всех процессуальных правил, установленных в стадии исполнения приговора. В частности, на заседание суда, как правило, вызывается осужденный. Если по каким-либо причинам вызов невозможен или затруднителен, суд обязан уведомить осужденного о рассмотрении дела. Невыполнение этого требования является грубым нарушением прав осужденного и влечет отмену определения.

Приговором Московского городского суда осужденным Бокштейну, Осипову и Кузнецову определено отбывать наказание в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Президиум Верховного Суда РСФСР при рассмотрении данного дела в порядке надзора приговор в части вида исправительно-трудовой колонии отменил и дело в этой части передал на новое рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР. После этого определением судебной коллегии Московского городского суда осужденным Бокштейну, Осипову и Кузнецову определено отбывать наказание в исправительно-трудовой колонии особого режима.

Рассмотрев дело по частной жалобе адвоката, в которой говорилось о допущенном Московским городским судом нарушении процессуального регламента, ущемляющем законные интересы осужденных, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «В соответствии со ст. 369 УПК РСФСР такого рода дела рассматриваются с участием прокурора. В судебное заседание, как правило, вызывается осужденный. Из этого следует, что закон допускает в отдельных случаях возможность рассмотрения дела без вызова осужденного. Однако при решении вопроса о назначении осужденному исправительно-трудовой колонии с более строгим режимом, чем первоначально назначенный по приговору, суд должен поставить в известность осужденного о рассмотрении дела в порядке ст. 369 УПК РСФСР, чтобы гарантировать его право на защиту.

В данном же случае суд при рассмотрении дела в порядке ст. 369 УПК РСФСР никого из осужденных в судебное заседание не вызывал и не поставил их в известность о новом рассмотрении дела.

Тем самым осужденные Бокштейн, Осипов и Кузнецов были лишены возможности представить суду свои соображения по рассматриваемому

вопросу, хотя бы в письменной форме, а также возбудить ходатайства, гарантирующие их право на защиту.

Кроме того, в жалобе приведены довольно веские доводы, оспаривающие правильность назначения осужденным исправительно-трудовой колонии особого режима».

По указанным основаниям Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР определение Московского городского суда отменила и дело передала на новое рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР¹.

Суд вправе в порядке исполнения приговора рассмотреть, помимо перечисленных, следующие вопросы:

а) об отмене меры пресечения в случаях, когда при оправдании подсудимого или осуждении его с освобождением от наказания в приговоре суда не указано об отмене меры пресечения;

б) об отмене мер обеспечения гражданского иска или конфискации имущества, если при вынесении оправдательного приговора или отказе в иске либо неприменении конфискации приговором эти меры не отменены;

в) о зачете отбытого наказания при назначении наказания по совокупности нескольких приговоров, если такой зачет не произведен приговором суда либо произведен неточно;

г) об оплате труда защитника, участвовавшего в деле по назначению суда, если этот вопрос не разрешен одновременно с вынесением приговора;

д) о судьбе детей осужденного, оставшихся без надзора, и передаче их на попечение родственников либо других лиц или учреждений в случаях, когда суд по ошибке не решил эти вопросы при вынесении приговора;

е) об освобождении имущества от ареста в случаях, когда арест наложен на имущество, на которое по закону не допускается обращение взыскания, либо на имущество, не принадлежащее подсудимому, при отсутствии спора о принадлежности этого имущества;

ж) об уточнении должности или вида деятельности, если в приговоре суда при назначении меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью неточно определены должность или вид деятельности. Например, лицо было осуждено к лишению права занимать должности в торговых организациях. Суд в порядке исполнения приговора может конкретизировать это наказание: «не связанные с материальной ответственностью».

Кроме того, суды в порядке ст. 377 УПК БССР могут устранять иные неясности, возникшие после вынесения приговора в связи с изменением обстоятельств и условий к моменту его исполнения. В частности, к таким вопросам относятся:

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 11, стр. 9–10.

а) неприведение приговора в исполнение в части конфискации имущества, если актом об амнистии или помиловании осужденный полностью освобожден от наказания и если ко дню издания акта об амнистии или помиловании приговор в части конфискации не был приведен в исполнение;

б) обращение конфискации на дополнительно обнаруженное имущество осужденного, приобретенное до вынесения приговора и подлежащее по закону конфискации, а также на имущество, приобретенное хотя и после вынесения приговора, но на денежные средства или за счет имущества, подлежащего конфискации по приговору¹;

в) уточнение перечня вещей и предметов, подлежащих конфискации по приговору суда, если в приговоре сделано указание на конфискацию части имущества, принадлежащего осужденному;

г) возвращение удержанных сумм с осужденного к исправительным работам, если приговор впоследствии отменен вышестоящим судом и дело производством прекращено после частичного или полного отбытия осужденным исправительных работ, а также поворот исполнения приговора в части имущественных взысканий по другим основаниям;

д) передача условно осужденного на перевоспитание и исправление общественной организации или коллективу трудящихся, если надлежащее ходатайство от них поступило в суд после вынесения приговора.

Как видно из приведенного, компетенция суда по разъяснению различного рода неясностей и сомнений, возникших в процессе исполнения приговора, а также по восполнению допущенных пробелов и исправлению дефектов приговора в порядке, предусмотренном ст. 377 УПК БССР, достаточно широка. Однако она не безгранична. Ее рамки четко ограничены тем положением, что в порядке исполнения приговора могут быть устранены лишь такие его недостатки, которые не колеблют существа самого приговора и не влекут ухудшения положения осужденного.

Между тем изучение материалов судебной практики показывает, что отдельные суды при рассмотрении вопросов в стадии исполнения приговора нередко выходят за пределы своих полномочий и разрешают такие вопросы, которые относятся исключительно к компетенции суда первой инстанции или ведению вышестоящих судов: устанавливают испытательный срок при условном осуждении, разрешают гражданский иск по существу, определяют солидарную или долевую ответственность осужденных при удовлетворении гражданского иска, устанавливают процент

¹ В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по применению конфискации имущества» обращение конфискации на дополнительно обнаруженное имущество осужденного возможно лишь тогда, когда по приговору конфискации подлежит все имущество. Это недопустимо, если конфискация установлена в отношении определенного имущества или определенной части имущества, прямо указанной в приговоре. (См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1964, стр. 195.)

удержания из заработной платы осужденного к исправительным работам, устанавливают срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, дополнительно конфискуют имущество осужденного, не указанное в приговоре, и т. д.¹

Явным превышением полномочий суда в стадии исполнения приговора является назначение наказания за каждое преступление в отдельности, если в приговоре суда при наличии совокупности преступлений указана лишь окончательная мера наказания. Примеры такого рода имеются в судебной практике.

Приговором Некоузского районного народного суда Ярославской области от 10 июня 1965 г. Смирнов и Левашов осуждены по ч. 2 ст. 89 и ч. 1 ст. 96 УК РСФСР к двум годам лишения свободы.

18 июня 1965 г. народный суд вынес по делу в порядке ст. 368 УПК дополнительное определение, которым установил наказание за каждое преступление в отдельности.

Отменяя этот приговор и определение, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала:

«При рассмотрении данного дела народным судом допущено грубое нарушение ст. 315 УПК РСФСР, согласно которой наказание во всех случаях должно быть обозначено таким образом, чтобы не возникло при исполнении приговора никаких сомнений относительно вида и размера наказания, назначенного судом.

Из приговора усматривается, что народный суд, признав Смирнова и Левашова виновными по ч. 2 ст. 89 и ч. 1 ст. 96 УК РСФСР, наказание им по каждой статье не назначил.

После вынесения приговора (спустя десять дней) народный суд вынес дополнительное определение, которым определил Смирнову и Левашову по ч. 1 ст. 96 УК РСФСР наказание в виде шести месяцев исправительных работ по месту работы с удержанием из зарплаты 20 % в доход государства.

При вынесении этого определения народный суд неправильно сослался на ст. 368 УПК РСФСР, регламентирующую вопросы, связанные с приведением приговора в исполнение.

За совершенное преступление суд может назначить лицу наказание согласно ст. 303 УПК РСФСР только по приговору, вынесенному после рассмотрения дела в судебном заседании.

Судебная коллегия по уголовным делам Ярославского областного суда вместо отмены приговора народного суда оставила его без изменения. Не исправил ошибку, допущенную народным судом, и Президиум Ярославского областного суда»².

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1965, стр. 533.

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 6, стр. 8–9.

Если суд в описательной части приговора указал на необходимость признания лица особо опасным рецидивистом, а в резолютивной части не изложил своего решения по этому вопросу, лицо нельзя считать особо опасным рецидивистом. Допущенная судом ошибка не может быть исправлена без отмены приговора, поскольку внесение в приговор поправки изменяет его по существу и ухудшает положение осужденного¹.

Не вправе суд, вынесший приговор, решать в порядке исполнения приговора и вопрос об освобождении осужденного от возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Это прерогатива вышестоящего суда.

Однако отдельные суды принимают к своему производству такого рода заявления осужденных и рассматривают их в порядке, установленном для исполнения приговора.

Приговором Московского областного суда от 7 июля 1953 г. Сукач осужден за хищение государственного имущества к 10 годам лишения свободы со взысканием солидарно с другими осужденными в возмещение причиненного ущерба 3411 руб.

Назначенное наказание Сукач отбыл. В возмещение ущерба с него взыскано 1103 руб.

Ссылаясь на состояние своего здоровья и материальное положение, Сукач обратился в областной суд с заявлением, в котором просил освободить его от дальнейшего возмещения материального ущерба. Московский областной суд, рассмотрев его заявление, вынес в порядке ст. 368 и 369 УПК РСФСР определение об отказе Сукачу в просьбе.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по жалобе Сукача, просившего отменить определение областного суда и освободить его от дальнейшего возмещения ущерба, указала: «Вопросы, касающиеся существа приговора, в том числе и гражданского иска, не могут рассматриваться в порядке, предусмотренном ст. 369 УПК РСФСР. Решение этого вопроса не входит в компетенцию суда, вынесшего приговор. Данный вопрос подлежит рассмотрению в порядке надзора вышестоящим судом.

Обсуждая в порядке ст. 369 УПК РСФСР вопрос об изменении приговора в части гражданского иска, областной суд нарушил требования ст. 374 УПК РСФСР. В соответствии с требованиями названной статьи вступившие в законную силу приговоры областных судов могут быть пересмотрены лишь Верховным Судом РСФСР».

В связи с изложенным Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определением от 16 сентября 1966 г. отменила определение областного суда и производство по делу прекратила².

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 10, стр. 12.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 3, стр. 7.

Глава IV

Порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора

§ 1. Назначение дела к слушанию

Производство по делу в стадии исполнения приговора начинается с принятия судом ходатайства или представления соответствующих лиц о рассмотрении вопросов, возникших в процессе исполнения приговора, и назначения затем дела к слушанию.

До вынесения дела на судебное заседание судья совершает ряд подготовительных действий, целью которых является обеспечение необходимых условий и предпосылок для своевременного и правильного разрешения поставленных вопросов. Судья обязан, в частности, проверить: а) правомочен ли суд на рассмотрение заявленного ходатайства или представления; б) исходит ли это ходатайство или представление от надлежащих лиц; в) имеются ли в наличии все необходимые для рассмотрения в судебном заседании материалы.

При решении вопроса о назначении дела к слушанию судья должен прежде всего выяснить, относится ли рассмотрение заявленного ходатайства или представления к компетенции суда в стадии исполнения приговора либо оно подведомственно другим органам или подлежит разрешению в ином порядке (например, административном, надзорном и т. п.).

В тех случаях, когда заявленное ходатайство выходит за пределы компетенции суда, судья возвращает заявителю его документы, разъясняя одновременно, куда следует обратиться за разрешением поставленных вопросов. Если ходатайство подведомственно судебным органам, судья выясняет, какой именно конкретный суд должен его рассмотреть.

В соответствии со ст. 376 УПК БССР вопросы об отсрочке исполнения приговора, о неприведении приговора в исполнение по основаниям, указанным в ст. 47 УК БССР, о замене штрафа и исправительных работ без лишения свободы иными мерами наказания, о сокращении испытательного срока при условном осуждении, об изменении или прекращении применения к душевнобольным принудительных мер медицинского характера, о продлении или прекращении принудительного лечения в отношении алкоголиков и наркоманов, а также всякого рода сомнения и неясности, возникающие при приведении приговора в исполнение, разрешаются судом, постановившим приговор.

Если приговор приводится в исполнение вне района деятельности суда, постановившего приговор, эти вопросы разрешаются одноименным судом, т. е. судом равной компетенции, а при отсутствии в районе

исполнения приговора одноименного суда – вышестоящим судом. В этом случае копия определения направляется суду, постановившему приговор.

Вопросы об освобождении от отбывания наказания по болезни, об условно-досрочном или досрочном освобождении от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием, о замене тюремного заключения отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии и отбывания наказания в исправительно-трудовой колонии тюремным заключением разрешаются определением районного (городского) народного суда по месту отбывания наказания, независимо от того, каким судом был вынесен приговор.

Указанные вопросы не могут быть предметом обсуждения суда, рассматривающего дело в кассационном или надзорном порядке. Разрешение этих вопросов составляет исключительную компетенцию судов, осуществляющих производство в порядке исполнения приговора.

В судебной практике встречаются случаи, когда отдельные суды вопреки положениям закона пытаются разрешать вопросы, связанные с исполнением приговора, при рассмотрении дела в кассационном или надзорном порядке.

Томским областным судом Чернощук осуждена по ч. 3 ст. 92 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы с лишением права занимать должности, связанные с материальной ответственностью, в течение пяти лет.

В кассационной жалобе на приговор суда адвокат ходатайствовал о снижении Чернощук наказания и об отсрочке исполнения приговора на период кормления ею ребенка.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматривавшая дело в кассационном порядке, признав, что оснований к снижению назначенного осужденной наказания не имеется, одновременно правильно указала: «Что касается просьбы адвоката об отсрочке исполнения приговора в отношении Чернощук, то этот вопрос в соответствии со ст. 368 УПК РСФСР разрешается судом, постановившим приговор»¹.

По приговору Сердобского районного народного суда Пензенской области от 28 октября 1961 г. Голубев осужден по ч. 3 ст. 90 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы.

Отбывая наказание за это преступление, Голубев пытался совершить побег, за что был осужден Свердловским областным судом 31 августа 1962 г. по ст. 15 и ч. 1 ст. 188 УК РСФСР к двум годам тюремного заключения. Неотбытое наказание по приговору Сердобского районного народного суда было частично присоединено к последнему приговору,

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 4, стр. 10.

и определено к отбытию 15 лет лишения свободы, из них первые два года – в тюрьме.

Президиум Пензенского областного суда, рассмотрев дело 21 мая 1964 г., действия Голубева переqualificировал с ч. 3 на ч. 2 ст. 90 УК РСФСР и определил ему наказание в виде семи лет лишения свободы, присоединив наказание по приговору Свердловского областного суда. Окончательное наказание Голубеву президиум определил в десять лет лишения свободы с содержанием первых двух лет в тюрьме.

Рассмотрев дело по протесту заместителя Прокурора РСФСР, судебная коллегия нашла постановление президиума областного суда в части присоединения наказания, назначенного Свердловским областным судом, неправильным. В своем определении она указала: «Согласно ст. 41 УК РСФСР суд может присоединить к наказанию, назначенному по новому приговору, полностью или частично неотбытое наказание по предыдущему приговору. Президиум же областного суда вносил изменения в первый приговор и не вправе был определять наказание по совокупности приговоров.

В соответствии со ст. 367 УПК РСФСР определение о применении к осужденному наказания по всем приговорам должен вынести суд, постановивший последний по времени приговор, или суд по месту исполнения приговора»¹.

Если в процессе подготовки материалов дела судья придет к выводу о некомпетентности данного суда в рассмотрении заявленного ходатайства, он возвращает это ходатайство заявителю с указанием, в какой именно суд следует обратиться, или направляет материалы дела непосредственно в надлежащий суд с уведомлением об этом заявителя.

Важным подготовительным действием, связанным с назначением дела к слушанию, является проверка права лица на обращение в суд с ходатайством или представлением по поводу вопросов, относящихся к исполнению приговора. Не каждому лицу такое право предоставлено. В зависимости от характера вопроса, возникшего в процессе исполнения приговора, закон дифференцирует круг лиц, обладающих правом на возбуждение ходатайства². Поэтому судья в каждом случае обязан проверить, исходит ли заявленное ходатайство или представление от надлежащего лица (физического или юридического). Если лицу, обращающемуся в суд, такое право не предоставлено, судья отказывает в приеме материалов. Следует согласиться с Р.В. Литвиновым, который считает, что такой отказ должен быть оформлен путем вынесения мотивированного постановления³.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 3, стр. 7–8.

² См. об этом гл. III.

³ См.: Р.В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964, стр. 77.

Не менее важным подготовительным действием, совершаемым судьей, является проверка наличия и полноты материалов, необходимых для рассмотрения дела в судебном заседании. Судья должен выяснить, представлены ли в суд требуемые документы, правильно ли они оформлены, содержатся ли в них нужные сведения. В случае, когда окажется, что для разрешения поставленных вопросов имеющихся материалов недостаточно, судья вправе потребовать от заявителя их пополнения. Он может также по своей инициативе запросить необходимые документы из соответствующих учреждений, организаций, предприятий.

Проверка наличия и полноты материалов, проводимая судьей в порядке подготовки к судебному заседанию, не должна превращаться в единолично проводимое исследование с оценкой всех собранных данных по существу и принятием решения. Это – прерогатива суда.

Убедившись, что имеются все основания для рассмотрения заявленного ходатайства или представления в судебном заседании, судья назначает дело к слушанию, т. е. определяет время и место разбирательства дела, круг лиц, которые должны быть вызваны в суд, и др.¹

§ 2. Процессуальный порядок рассмотрения судом вопросов исполнения приговора

Все вопросы, связанные с исполнением приговора, разрешаются судом в судебном заседании, проводимом коллегиально в составе судьи и двух народных заседателей.

Поскольку производство в стадии исполнения приговора является частью уголовного судопроизводства, оно строится на основе общих принципов советского уголовного процесса (независимости судей и подчинения их только закону, гласности, устности, обеспечения права обвиняемого на защиту, национального языка судопроизводства и др.) с учетом специфических особенностей, характерных для данной стадии процесса.

Рассмотрение дел по поводу возникших при исполнении приговоров вопросов осуществляется в открытом судебном заседании. Закрытое

¹ В законе не содержится указания относительно сроков рассмотрения дел в стадии исполнения приговора. Отсутствие такого указания порождает иногда волокиту с разрешением вопросов, возникающих при исполнении приговора, ущемляет права осужденных, а в отдельных случаях дает возможность лицам, осужденным к наказанию, не связанному с лишением свободы, злостно уклоняться от его отбывания.

Поэтому установление твердых сроков рассмотрения дел в стадии исполнения приговора было бы желательным. Оно, несомненно, способствовало бы укреплению законности в этой стадии процесса.

В юридической литературе такие предложения уже высказывались. См.: Р.В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964, стр. 81; И.А. Бушуев. Исправительные работы. М., 1959, стр. 133; и др.

разбирательство допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 13 УПК БССР.

Гласное проведение судебного заседания повышает воспитательное значение принятого судом решения, служит одним из важных средств общественного контроля за отправлением правосудия. Пленум Верховного Суда СССР, проявляя заботу об эффективности судебной деятельности, связанной с исполнением приговора, в постановлении от 4 марта 1961 г. «О судебной практике по условно-досрочному освобождению осужденных от наказания» рекомендовал судам в целях усиления воспитательного воздействия на других осужденных производить рассмотрение дел об условно-досрочном освобождении, как правило, с выездом в исправительно-трудовые учреждения¹.

Это указание имеет более общий характер. Оно в полной мере относится и к рассмотрению дел о замене отбывания наказания в колонии тюремным заключением, об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства и др.

В судебном заседании по разрешению вопросов, возникших при исполнении приговора, обязательно участие прокурора (ст. 377 УПК БССР). Будучи представителем органа, осуществляющего надзор за законностью, прокурор содействует суду в вынесении правильного решения. Одновременно он следит за строгим соблюдением установленного законом процессуального регламента судебного разбирательства, вскрывает ошибки и нарушения, допущенные органами, на которые возложено фактическое исполнение приговора.

На судебном заседании прокурор может заявлять ходатайства и отводы, принимать участие в исследовании имеющихся доказательств, задавать вопросы осужденному, свидетелям, специалистам и другим лицам, вызванным на заседание. По всем вопросам, обсуждаемым судом, прокурор дает заключение. Оно должно быть обоснованным, аргументированным, убедительным. Рассмотрение дела без участия прокурора – грубое процессуальное нарушение, которое влечет отмену вынесенного решения. При неявке прокурора суд откладывает слушание дела и принимает меры к его явке.

Согласно ст. 377 УПК БССР в судебное заседание по разрешению вопросов, относящихся к исполнению приговора, как правило, вызывается осужденный. Закон не уточняет, в каких случаях слушание дела возможно в отсутствие осужденного. Представляется, что последнее допустимо в тех случаях, когда об этом ходатайствует сам осужденный или когда он уклоняется от явки в суд, а при рассмотрении дел об освобождении

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963. М., 1964, стр. 212.

осужденного от отбывания наказания по болезни – когда его явка в судебное заседание невозможна по состоянию здоровья¹.

Личное участие осужденного в судебном рассмотрении вопросов, касающихся его непосредственно, является важной гарантией надлежащего осуществления осужденным предоставленных ему прав, а с другой стороны, одним из условий всестороннего исследования материалов дела. Вот почему следует отдать предпочтение нормам УПК Литовской (ст. 414), Киргизской (ст. 372), Латвийской (ст. 374) и Эстонской (ст. 336) ССР, которые предусматривают обязательный вызов осужденного в судебное заседание².

Отмечая, что заочное рассмотрение ходатайств в стадии исполнения приговора ведет к поверхностному исследованию обстоятельств дела, снижает воспитательное значение судебной процедуры, Р.В. Литвинов полагает, что суд обязан не только вызвать осужденного в судебное заседание, но и обеспечить условия его своевременной явки³. Такая рекомендация представляется заслуживающей внимания.

Осужденный, как участник процесса, пользуется необходимыми правами для защиты своих законных интересов. Он может заявлять отводы, возбуждать ходатайства, представлять доказательства, давать объяснения, задавать вопросы другим лицам и т. п. Суд обязан разъяснить осужденному его права и обеспечить возможность их осуществления (ст. 60 УПК БССР).

Важной процессуальной гарантией прав осужденного является участие защитника в судебном заседании. Отстаивая права и законные интересы осужденного, защитник способствует полному, всестороннему и объективному исследованию материалов дела, вынесению законного и обоснованного решения.

Большинство УПК союзных республик содержит норму, предусматривающую возможность участия защитника в судебном заседании

¹ Нельзя согласиться с авторами Научно-практического комментария к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, которые считают, что суд может рассмотреть дело без вызова осужденного, если «...по мнению суда, участие осужденного представляется излишним или же вызов этот практически весьма затруднен». (См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, изд. 2-е. М., 1965, стр. 535.)

Такая трактовка допускаемой законом возможности рассмотрения дела в отсутствие осужденного является чрезмерно широкой. Она может привести к необоснованному ущемлению процессуальных прав осужденного.

² Эта точка зрения поддерживается многими советскими процессуалистами. См.: Б.А. Филимонов. Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. М., 1965, стр. 52–53; П. Лупинская, И. Сперанский. Порядок разрешения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора («Социалистическая законность», 1967, № 2, стр. 38); и др.

³ См.: Р.В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964, стр. 96.

при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, если об этом ходатайствует осужденный¹. Хотя в УПК БССР нет прямого указания о допуске защитника в стадию исполнения приговора, право осужденного иметь защитника на этом этапе производства по делу представляется бесспорным. Оно вытекает из ст. 48 УПК БССР, действие которой распространяется и на стадию исполнения приговора.

Несомненно права те авторы, которые считают, что не существует каких-либо оснований для устранения защитника от участия в судебном разбирательстве вопросов, связанных с исполнением приговора².

В зависимости от особенностей рассматриваемого дела уголовно-процессуальное право устанавливает дополнительный круг лиц, которые вызываются в судебное заседание.

Так, при разрешении судом вопроса об освобождении осужденного по болезни или помещении его в больницу обязательно присутствие представителя врачебной комиссии, давшей заключение. При рассмотрении судом вопроса об условно-досрочном или досрочном освобождении от наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким, а равно замене тюремного заключения отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии и отбывания наказания в исправительно-трудовой колонии тюремным заключением вызывается представитель учреждения, на которое возложено исполнение приговора, а также приглашается представитель Наблюдательной комиссии при исполнительном комитете районного, городского Совета депутатов трудящихся.

В тех случаях, когда дело рассматривается судом по представлению Комиссии по делам несовершеннолетних, суд извещает эту Комиссию о времени и месте рассмотрения ходатайства.

Если рассматривается вопрос, касающийся исполнения приговора в части гражданского иска, на судебное заседание вызывается гражданский истец. Однако неявка последнего, как и неявка осужденного, не приостанавливает рассмотрения дела (ст. 377 УПК БССР).

Исходя из общих начал уголовного судопроизводства и правил, предусмотренных ст. 377 УПК БССР, процедура разбирательства дела в стадии исполнения приговора выглядит следующим образом.

В назначенное для слушания дела время председательствующий открывает судебное заседание, объявляет, какое дело слушается, выясняет,

¹ См.: УПК Украинской (ст. 411), Узбекской (ст. 345), Грузинской (ст. 380), Эстонской (ст. 336), Киргизской (ст. 372) ССР и др.

² См.: А.Л. Цыпкин. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965, стр. 143–145; И.Д. Перлов. Исполнение приговора. М., 1963, стр. 20–22; Р. В. Литвинов. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964, стр. 89; Э.Ф. Куцова. Исполнение приговора. М., 1960, стр. 6.

Не признает права на защиту в стадии исполнения приговора М.Я. Савицкий («Советское государство и право», 1950, № 1, стр. 55).

кто из вызванных в судебное заседание лиц явился. Затем он объявляет состав суда, разъясняет участникам процесса их права, выясняет, имеются ли ходатайства, а также заявления об отводе. При поступлении ходатайств и отводов суд их разрешает.

Рассмотрение дела начинается с доклада председательствующего, который излагает существо вопроса, подлежащего разрешению, указывает на те мотивы, которые приводятся в обоснование заявленного ходатайства или представления, а также доводит до участников судебного заседания содержание иных документов, имеющихся в деле.

Председательствующему могут быть заданы вопросы. После ответов на них суд переходит к заслушиванию объяснений явившихся в судебное заседание лиц (осужденного, его защитника, гражданского истца, представителя органа, осуществляющего фактическое исполнение приговора, представителей общественных организаций и др.). В необходимых случаях суд может вызвать и допросить свидетелей, истребовать дополнительные документы, назначить производство экспертизы (например, для устранения сомнения в правильности медицинских документов при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора по состоянию здоровья осужденного).

Все факты, относящиеся к разрешаемым вопросам, должны быть тщательно и всесторонне исследованы. В результате такого исследования каждое обстоятельство, имеющее значение для дела, должно быть установлено с достоверностью. Суд может положить в основу своего решения только факты, истинность (достоверность) которых не вызывает сомнения.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением А.Л. Ривлина и А.Л. Цыпкина, которые считают, что в стадии исполнения приговора принцип объективной истины не находит применения¹. Свое утверждение они обосновывают тем, что требование истинности относится только к установлению виновности или невиновности обвиняемого и назначению наказания. Это заблуждение. Разрешая любой вопрос, суд обязан установить фактические обстоятельства дела в полном соответствии с действительностью, т. е. отыскать объективную истину. В стадии исполнения приговора суд также обязан установить истинность каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию, проверить достоверность каждого факта, имеющего значение для вынесения решения. В этой стадии процесса к доказыванию предъявляются такие же требования, как и в других стадиях уголовного судопроизводства.

¹ См.: А.Л. Ривлин. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958, стр. 12; А.Л. Цыпкин. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965, стр. 120.

Для установления интересующих суд обстоятельств могут быть использованы все средства доказывания, предусмотренные ст. 63 УПК БССР. При этом каждое доказательство, которым располагает суд, должно быть проверено и оценено им с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и доказательственного значения.

После исследования всех материалов дела суд заслушивает заключение прокурора. Тот факт, что прокурор выступает последним, дает ему возможность учесть при даче заключения все собранные по делу данные, проанализировать их и изложить суду свой мотивированный вывод о том, как должны быть разрешены рассматриваемые вопросы.

Деятельность суда по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, завершается вынесением определения. Последнее составляется в совещательной комнате, куда суд удаляется после заслушивания заключения прокурора, подписывается составом суда и оглашается в судебном заседании.

Определение суда, как и всякое судебное решение, должно быть законным, обоснованным и мотивированным.

Сущность мотивировки заключается в анализе заявленного ходатайства или представления и обосновании принятого решения. Суд должен указать в определении, почему он пришел к тем или иным выводам, что лежит в основе его решения об удовлетворении ходатайства или отказе в нем. Вынесение безмотивных определений снижает их воспитательное и предупредительное значение, а также затрудняет проверку законности и обоснованности таких определений вышестоящим судом.

Пленум Верховного Суда СССР в руководящем постановлении от 4 марта 1961 г. указал: «Определения о применении условно-досрочного освобождения или об отказе в этом должны быть мотивированы и содержать подробное обоснование выводов, к которым пришел суд в результате рассмотрения представлений»¹. Это требование Пленума Верховного Суда СССР в равной мере относится ко всем решениям, принятым в стадии исполнения приговора.

Определение суда, вынесенное по вопросам, связанным с исполнением приговора, может быть обжаловано или опротестовано в кассационном порядке, за исключением случаев, указанных в п. 3 ст. 340 УПК БССР. Что касается опротестования таких определений в надзорном порядке, то применительно к ним действует общее правило: пересмотр определений в порядке судебного надзора в сторону ухудшения положения осужденного допускается лишь до истечения года с момента вступления их в законную силу.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963. М., 1964, стр. 212.

Показательно в этом отношении постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1963 г. по делу Назаренко, который Кустанайским областным судом был осужден к длительному сроку лишения свободы.

Отбывая наказание в исправительно-трудовой колонии, Назаренко страдал полипозом желудка, в связи с чем он был оперирован. 7 февраля 1961 г. специальная медицинская комиссия исправительно-трудовой колонии, обследовав Назаренко и изучив историю болезни, пришла к заключению, что он страдает неизлечимым тяжелым недугом – лимфоидным раком желудка. В связи с этим Кустанайский областной суд в соответствии со ст. 352 УПК Казахской ССР, рассмотрев представление начальника ИТК и председателя Наблюдательной комиссии, 15 февраля 1961 г. досрочно освободил Назаренко от дальнейшего отбывания наказания, как страдающего неизлечимым недугом.

По инициативе прокуратуры Кустанайской области судебно-медицинские эксперты произвели дополнительную проверку материалов обследования Назаренко, истории его болезни и пришли к выводу, что диагноз «рак желудка» неправилен. Они установили, что у Назаренко во время операции фактически был обнаружен полипоз желудка со злокачественным перерождением, что в перечень тяжких неизлечимых недугов, дающих основание для досрочного освобождения, не входит. В связи с этим заместитель Прокурора Казахской ССР внес в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР протест на определение Кустанайского областного суда от 15 февраля 1961 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР 12 сентября 1962 г. протест отклонила, сославшись на пропуск годичного срока, установленного ст. 362 УПК Казахской ССР.

Определение Судебной коллегии Верховного Суда Казахской ССР, а также определение Кустанайского областного суда от 15 февраля 1961 г. были отменены постановлением Президиума Верховного Суда Казахской ССР.

Рассматривая протест на это постановление, вынесенный Председателем Верховного Суда СССР, Пленум нашел, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

«Отменяя определение Кустанайского областного суда от 15 февраля 1961 г. о досрочном освобождении осужденного Назаренко, как страдающего неизлечимым недугом, а также последующее определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР, Президиум Верховного Суда республики в постановлении от 1 декабря 1962 г. указал, что ссылка Судебной коллегии Верховного Суда Казахской ССР на то, что протест на определение Кустанайского областного суда от 15 февраля 1961 г. был принесен прокурором с пропуском годичного срока, установленного ст. 362 УПК Казахской ССР, является

необоснованной, поскольку "...это требование закона нельзя перенести на порядок разрешения вопросов, связанных с порядком исполнения приговоров".

Этот довод Президиума Верховного Суда Казахской ССР нельзя признать правильным.

В соответствии со ст. 48 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 362 УПК Казахской ССР) пересмотр в порядке судебного надзора обвинительного приговора, определения и постановления суда по мотивам мягкости наказания или необходимости применения к осужденному закона о более тяжком преступлении, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении дела допускается лишь в течение одного года по вступлении их в законную силу.

Из этого следует, что Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 362 УПК Казахской ССР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик устанавливают общее положение, что любые приговоры, определения и постановления суда не могут быть опротестованы или пересмотрены в порядке судебного надзора в сторону ухудшения положения осужденных по истечении года с момента вступления их в законную силу. Это положение в равной мере относится и к определениям суда о досрочном освобождении заключенных по болезни, которые в сторону ухудшения положения заключенных могут быть опротестованы и пересмотрены в порядке судебного надзора лишь с соблюдением установленного упомянутым законом годичного срока со дня вступления их в законную силу»¹.

Советское общество и государство глубоко заинтересованы в поддержании строгого правопорядка и законности, ликвидации преступности и устранении всех причин, ее порождающих.

Необходимость дальнейшего укрепления социалистической законности и усиления борьбы с правонарушениями настоятельно требует улучшения практики исполнения приговора и более активной научной разработки вопросов, относящихся к этой стадии процесса.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 5, стр. 8–9.

Литература

- Уголовно-процессуальный кодекс БССР: комментарий. Минск, 1963.
- Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1966.
- Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1965.
- Законодательство об уголовном судопроизводстве Союза ССР и союзных республик, т. I и II. М., 1963.
- Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963. М., 1964.
- Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. М., 1964.
- Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения. Л., 1963.
- Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962.
- Гальперин И.М., Полозков Ф.А. Участие общественности в советском уголовном процессе. М., 1961.
- Гинцбург В.Г., Тарасов А.А. Прокурорский надзор за исполнением приговоров. М., 1957.
- Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора. М., 1959.
- Евтеев М.П. Погашение и снятие судимости. М., 1964.
- Кобликов А.С. Судебный приговор. М., 1966.
- Куцова Э.Ф. Исполнение приговора. М., 1960.
- Литвинов Р.В. Рассмотрение судом вопросов исполнения приговоров. Воронеж, 1964.
- Перлов И.Д. Исполнение приговора. М., 1963.
- Перлов И.Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960.
- Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
- Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963.
- Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.
- Стручков Н.А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., 1957.
- Уголовный процесс БССР. Минск, 1965.
- Филимонов Б.А. Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. М., 1965.
- Формы участия общественности в борьбе с преступностью. М., 1963.
- Цыпкин А.Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965.
- Ширшиков А.М. Исполнение судебных решений. М., 1966.
- Аврах Я.С. Исполнение приговоров по УПК РСФСР. В кн.: «Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР». Казань, 1961.
- Крахмальник Л. Об ответственности за уклонение от исправительных работ. «Советская юстиция», 1965, № 16.
- Лупинская П., Сперанский И. Порядок разрешения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора. «Социалистическая законность», 1967, № 2.
- Михайловская И. Отсрочка исполнения приговора по состоянию здоровья осужденного. «Советская юстиция», 1967, № 2.

Статьи

Уголовный процесс

Публикуется по статье: Матвиенко, Е. А. Уголовный процесс / Е. А. Матвиенко // Очерки истории государства и права БССР : в 2 вып. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1969. – Вып. 2. – С. 65–70.

Уголовно-процессуальное законодательство БССР в период социалистического строительства развивалось в соответствии с общими экономическими и политическими задачами, стоящими перед страной. Новые условия и связанные с ними новые задачи требовали дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства, демократизации его форм.

К 1935 году на территории Белоруссии действовал Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1927 года в редакции 1932 года. За 1932–1934 годы был принят ряд законодательных актов, содержащих важные нормы процессуального характера. Особенно значительные изменения в уголовно-процессуальное право были внесены постановлением ЦИК и СНК БССР от 22 октября 1934 года «Об изменении и дополнении Уголовно-процессуального кодекса БССР».

Это вызвало необходимость переиздания Уголовно-процессуального кодекса и приведения его в соответствие с новым законодательством. В 1935 году УПК БССР был переиздан. В него вошли все изменения и дополнения, принятые после 1932 года. Основные из них следующие.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1927 года не содержал четких указаний о порядке возбуждения уголовного дела и его процессуальном оформлении в случаях, когда предварительное следствие по делу не являлось обязательным, а также в случаях, когда следователь получал

материалы от органов дознания. Это вызывало разноречивую практику в следственной практике.

Новая редакция статьи 96 УПК БССР устраняла этот недостаток и устанавливала единый порядок возбуждения уголовного дела. В соответствии с этой статьей органы дознания и следователь при наличии данных о совершении преступления обязаны составлять мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела, которое представляется на утверждение прокурора. Дальнейшее производство по делу возможно только после утверждения постановления прокурором. Однако в отдельных случаях, когда необходимо срочно приступить к расследованию, а представить постановление на утверждение прокурора невозможно, допустимо проведение неотложных следственных действий (допросов свидетелей и подозреваемых, обысков, выемок, осмотров и др.) при условии представления прокурору постановления о возбуждении уголовного дела в трехдневный срок.

Процессуальный порядок дознания был в значительной мере приближен к процессуальным формам предварительного следствия. Статья 101 УПК БССР распространяла на дознание большинство норм, относящихся к предварительному следствию. При окончании дознания по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, материалы дознания должны были быть представлены обвиняемому для ознакомления. Если обвиняемый указывает на обстоятельства, имеющие значение для дела и ранее не исследованные, орган дознания обязан был дополнить расследование.

Статья 105 УПК БССР предусматривала, что дознание по делу, по которому собраны необходимые материалы, свидетельствующие о совершении кем-либо преступления, заканчивается вынесением мотивированного постановления о предании обвиняемого суду. При этом дела о преступлениях, влекущих по закону наказание до трех лет лишения свободы, направлялись органами дознания непосредственно в суд; по делам с санкцией Уголовного кодекса свыше трех лет весь материал с постановлением о предании суду посылался прокурору для утверждения этого постановления и дальнейшего направления в суд. При выяснении обстоятельств, предусмотренных статьями 4 и 4а УПК БССР, дело подлежало прекращению. Если дознанием получены данные, по которым необходимо предварительное следствие, орган дознания обязан был передать все материалы следователю, не ожидая окончания сроков, установленных для производства дознания.

Надзор за производством дознания возлагался на прокурора. Последний имел право знакомиться со всеми материалами дознания, давать указания, обязательные для органов дознания, разрешать жалобы на их действия. Следователь был полностью освобожден от функции

надзора и контроля за дознанием, которые он имел по УПК БССР 1927 года.

На основе постановления ЦИК и СНК БССР от 22 октября 1934 года в УПК БССР были снова введены исключенные ранее меры пресечения (личное и имущественное поручительство, залог) и отменено поручительство общественных организаций. Соответственно УПК БССР был дополнен статьями 150–156, регламентирующими основания и порядок избрания новых мер пресечения.

Сохранив прежние сроки проведения дознания и предварительного следствия, УПК БССР в редакции 1935 года дифференцировал их в зависимости от избранной меры пресечения: по делам обвиняемых, содержащихся под стражей, срок дознания определялся в 20 дней, а предварительного следствия – один месяц; по остальным делам – до двух месяцев. Вышестоящий прокурор мог продлить расследование мотивированным постановлением на один месяц. Дальнейшее продление сроков расследования допускалось лишь с разрешения прокурора республики.

Постановлением ЦИК и СНК БССР от 22 октября 1934 года предусматривалось дальнейшее усиление гарантий обвиняемого при окончании предварительного следствия.

Статья 207 УПК БССР в новой редакции обязывала следователя во всех случаях сообщать обвиняемому об окончании предварительного следствия, разъяснять ему право на ознакомление с делом, предоставлять возможность обвиняемому ознакомиться с ним и спросить, чем он может дополнить следствие.

В связи с расширением функций прокуратуры в области судебного надзора значительная часть норм, содержащихся в постановлении ЦИК и СНК БССР от 22 октября 1934 года, была направлена на регламентацию прокурорского надзора за органами дознания и предварительного следствия. В УПК БССР 1935 года эти нормы составили самостоятельную XIX главу.

Прокурору были предоставлены широкие полномочия. По делам, поступившим к нему от следователя или органов дознания, он мог возвратить дело на доследование с указанием обстоятельств, подлежащих выяснению, прекратить или приостановить производство по делу, утвердить обвинительное заключение или постановление о предании суду, изменить и составить новое, решить вопрос о мере пресечения.

Значительному изменению подверглись нормы, регулирующие порядок предания суду. Были введены распорядительные заседания суда по делам, по которым обязательно предварительное следствие, а также по ряду других дел, перечисленных в статье 236 УПК БССР. Кроме того, народный судья имел право внести в распорядительное заседание любое иное дело.

По уголовным делам, по которым предварительное следствие не проводилось, вопрос о предании суду разрешался народным судьей единолично. Судья мог признать расследование достаточным и назначить дело к слушанию, прекратить его, если имелись основания, направить дело для дополнительного расследования, назначить или изменить обвиняемому меру пресечения.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 мая 1935 года «О предоставлении органам главного управления пожарной охраны НКВД СССР права производства расследования по делам о пожарах и нарушениях противопожарных правил» была дополнена статья 97 УПК БССР, содержащая перечень органов дознания. В этот же перечень были включены органы государственной санитарной инспекции.

В соответствии с новой Конституцией СССР, которая отнесла законодательство о судостроительстве и судопроизводстве к компетенции высших органов власти Союза ССР, Верховный Совет СССР принял 16 августа 1938 года закон «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик». В этом законодательном акте, кроме положений, определяющих организационное построение судебной системы, содержалось значительное число норм процессуального характера.

Статья 27 закона о судостроительстве устанавливала, что все уголовные дела, поступившие в суд с обвинительным заключением, утвержденным прокурором, рассматриваются в подготовительном заседании суда. Суд проверяет полноту и правильность проведенного следствия, соответствие выводов обвинительного заключения собранным по делу материалам. При несогласии с обвинительным заключением суд вправе возвратить дело на доследование либо прекратить его, если имеются для этого законные основания. Суду было предоставлено также право решать вопросы о мере пресечения, об обязательности участия в судебном разбирательстве защитника и прокурора.

Порядок предания суду, определенный законом о судостроительстве, действовал до принятия Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик в 1958 году.

Важную роль сыграл закон о судостроительстве в развитии системы обжалования и пересмотра приговоров. Статьи 15 и 16 закона определили основные принципы кассационного и надзорного производства, круг лиц, имеющих право на обжалование и опротестование приговоров, а также права и полномочия вышестоящих судов при пересмотре приговоров.

С принятием закона о судостроительстве были упразднены пленумы и президиумы краевых, областных и верховных судов союзных и автономных республик. В силу этого областные, краевые и верховные суды автономных республик лишались права рассматривать дела в порядке

судебного надзора, а верховные суды союзных республик – давать руководящие указания и разъяснения по вопросам судебной практики. Особое место в руководстве судебной деятельностью занял Пленум Верховного Суда СССР.

В 1939 году на основании указа Президиума Верховного Совета БССР от 10 июля «Об изменениях в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах БССР» из УПК БССР были исключены нормы, регламентирующие порядок досрочного и условно-досрочного освобождения осужденных из мест заключения. С этого времени досрочное освобождение осуществлялось преимущественно по зачетам рабочих дней, а также на основании актов об амнистии или помиловании.

Такая недооценка досрочного и условно-досрочного освобождения вела к игнорированию важнейших принципов исправительно-трудовой политики и означала по существу нарушение требований социалистической законности.

Поскольку к 1940 году накопилось значительное количество изменений и дополнений к УПК БССР, обусловленных принятием Конституции БССР 1937 года, закона о судостроительстве и других законодательных актов, в 1940 году было осуществлено новое переиздание УПК БССР.

Особое место в истории уголовного процесса рассматриваемого периода занимают постановления ЦИК БССР «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс» от 5 декабря 1934 года и 9 октября 1937 года, воспроизводящие положения общесоюзных законов от 1 декабря 1934 года и 14 сентября 1937 года.

Этими законодательными актами предусматривался особый порядок расследования и рассмотрения уголовных дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти, а также дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях.

В соответствии с постановлением ЦИК БССР от 5 декабря 1934 года следствие по делам о террористических организациях и террористических актах должно было заканчиваться в срок не позднее десяти дней. Обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде. Дела слушались без участия сторон. Кассационное обжалование приговора, как и подача ходатайств о помиловании, не допускалось. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Принятие этих законов, вводивших значительные ограничения процессуальных прав граждан и отступления от демократических форм судопроизводства, привело к нарушению социалистической законности в период культа личности И.В. Сталина.

Об Уголовно-процессуальном кодексе Белорусской ССР

Публикуется по статье: Матвиенко, Е. А. Об Уголовно-процессуальном кодексе Белорусской ССР / Е. А. Матвиенко // Об уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик : сб. ст. / под ред. и с введ. Д. С. Карева. – М., 1962. – С. 126–144.

Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР принят Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 г. и введен в действие с 1 апреля 1961 г.¹

Новый Уголовно-процессуальный кодекс БССР, разработанный в полном соответствии с Основами уголовного судопроизводства СССР и другими общесоюзными законодательными актами, отражает те глубокие изменения, которые произошли во всех областях экономической, политической и культурной жизни республики. В нем нашли свое конкретное выражение задачи социалистического правосудия периода развернутого строительства коммунистического общества. Все положения кодекса направлены на дальнейшее укрепление социалистической законности и правопорядка, усиление охраны прав и законных интересов советских граждан, повышение воспитательной роли уголовного процесса, совершенствование форм и методов борьбы с преступностью.

Уголовно-процессуальный кодекс построен в строгом соответствии с последовательным развитием стадий уголовного процесса, с тем порядком, в котором осуществляется производство по уголовным делам.

¹ До этого в Белорусской ССР действовал Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1927 года.

Весь нормативный материал размещен в 7 разделах, 34 главах и 399 статьях.

По сравнению с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР система Уголовно-процессуального кодекса БССР имеет следующие отличия:

а) в Уголовно-процессуальный кодекс БССР включен ряд глав, которые не содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР: глава 2 – «Суд и подсудность», глава 3 – «Прокурор», глава 4 – «Следователь и лицо, производящее дознание»;

б) нормы, регулирующие производство по применению принудительных мер медицинского характера, разбиты в Уголовно-процессуальном кодексе БССР на две отдельные главы: глава 22 – «Особенности предварительного следствия по делам о невменяемых и лицах, заболевших душевной болезнью после совершения преступления», находящаяся в разделе «Дознание и предварительное следствие», и глава 29 – «Производство по применению принудительных мер медицинского характера», находящаяся в разделе «Производство в суде первой инстанции»;

в) нормы, предусматривающие особенности по делам несовершеннолетних, а также регламентирующие производство по наложению денежных взысканий и штрафов, в самостоятельные главы не выделены;

г) глава 9 «Возбуждение уголовного дела» выделена в Уголовно-процессуальном кодексе БССР в самостоятельный раздел. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР эта глава находится в разделе «Возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие». Поскольку возбуждать уголовное дело могут не только органы дознания и предварительного следствия, но также суд и судья единолично, выделение норм, регламентирующих основания и порядок возбуждения уголовного дела, в самостоятельный раздел вполне оправданно;

д) глава 12 УПК БССР называется «Привлечение в качестве обвиняемого и допрос обвиняемого». В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР она именуется «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого». Думается, что название, принятое Уголовно-процессуальным кодексом БССР, является более точным, так как предъявление обвинения лишь составная часть привлечения лица в качестве обвиняемого.

Характерной чертой нового Уголовно-процессуального кодекса БССР является дальнейшая демократизация уголовного судопроизводства, расширение прав и процессуальных гарантий, предоставляемых участникам процесса. Закон возлагает на суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, обязанность не только разъяснить всем участвующим в деле лицам их права, но и обеспечить возможность реального осуществления этих прав (ст. 60).

Центральное место среди участников процесса занимает обвиняемый. Уголовно-процессуальный кодекс уделяет много внимания

обеспечению обвиняемого всеми необходимыми средствами для активного участия в производстве по делу, для отстаивания своих прав и законных интересов.

Расширены пределы участия и повышена роль защитника в процессе. В соответствии с Основами он допускается к участию в деле с момента окончания предварительного следствия, а по делам о преступлениях несовершеннолетних и лиц, имеющих физические и психические недостатки, не позволяющие им осуществлять свое право на защиту, – с момента предъявления обвинения.

По просьбе обвиняемого участие защитника обеспечивается следователем или судом. В тех случаях, когда участие избранного обвиняемым защитника невозможно в течение длительного срока, следователь и суд вправе предложить обвиняемому пригласить другого защитника или назначить ему защитника через коллегия адвокатов (ст. 50).

Новый Уголовно-процессуальный кодекс БССР значительно расширил случаи обязательного участия защитника по уголовным делам. Согласно ст. 51 УПК участие защитника в судебном разбирательстве признается обязательным по делам, в которых участвует прокурор (участие общественного обвинителя в судебном разбирательстве не влечет по УПК БССР обязательного участия в процессе защитника); немых, слепых, глухих и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту; несовершеннолетних; лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство; лиц, между интересами которых имеются противоречия или хотя бы один из них имеет защитника; лиц, преданных суду за преступления, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь.

По делам несовершеннолетних, а также лиц, имеющих физические и психические недостатки, участие защитника обязательно и на предварительном следствии.

Статья 53 УПК БССР перечисляет права и обязанности защитника в процессе. Недостатком этой статьи является отсутствие указаний, аналогичных ст. 51 УПК РСФСР, о правах защитника в случаях, когда он допущен к участию в деле с момента предъявления обвинения. Поскольку допущение защитника на предварительное следствие с момента предъявления обвинения является нововведением, отсутствие четкой регламентации его прав и обязанностей на этом этапе производства по делу может вызвать нежелательные затруднения и разноречивость в следственной практике.

Осуществление защиты по уголовному делу не должно вызывать неблагоприятных последствий для подзащитного. С этой целью, а также для укрепления доверия между обвиняемым и защитником

Уголовно-процессуальный кодекс БССР запрещает допрашивать защитника в качестве свидетеля об обстоятельствах дела, которые стали ему известны от подзащитного (ст. 66).

В уголовно-процессуальных кодексах ряда союзных республик принята несколько иная формулировка.

Так, согласно ст. 66 УПК РСФСР защитник обвиняемого не может быть допущен в качестве свидетеля об обстоятельствах дела, которые стали известны ему в связи с выполнением обязанностей защитника. Следует признать, что эта формулировка является более предпочтительной. Она полнее и точнее определяет круг тех сведений, относительно которых защитник не может быть допрошен в качестве свидетеля.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР, воспроизведя положение Основ о потерпевшем, конкретизирует формы его участия в процессе. Согласно ст. 133 УПК БССР следователь, установив, что преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред гражданину, по собственной инициативе или на основании заявления этого лица выносит постановление о признании его потерпевшим, о чем сообщает последнему. При допросе или явке потерпевшего следователь разъясняет его права, а в случае признания его и гражданским истцом – права гражданского истца. Об этом делается отметка в протоколе допроса или на постановлении о признании потерпевшим.

Вызов и допрос потерпевшего производятся по правилам, установленным для свидетелей. Потерпевший может давать показания об известных ему обстоятельствах дела, о своих взаимоотношениях с обвиняемым, а также об имеющихся в деле доказательствах (ст. 69). Эти показания являются источником доказательств и подлежат обязательной проверке и оценке.

Сходный порядок установлен для признания лица гражданским истцом, а также для привлечения в качестве гражданского ответчика.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс БССР в отличие от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не включает в число участников процесса подозреваемого и переводчика. Нет в Уголовно-процессуальном кодексе БССР и определения подозреваемого. О том, кто признается подозреваемым, можно судить лишь на основании анализа ст. 85, 119 и 120 Уголовно-процессуального кодекса БССР.

Определенной неполнотой страдает ст. 120 УПК БССР, регламентирующая порядок вызова и допроса подозреваемого. В ней отсутствует указание, аналогичное ст. 123 УПК РСФСР, предусматривающее, что перед допросом подозреваемому должны быть разъяснены его права и объявлено, в совершении какого преступления он подозревается.

Наличие такого упущения может привести к ущемлению нрав, предоставленных подозреваемому.

Что касается переводчика, то он не может считаться участником процесса в том смысле, в каком этот термин употребляется Основами. Поэтому Уголовно-процессуальный кодекс БССР совершенно обоснованно не включил его в число участников процесса.

Глава 6 Уголовно-процессуального кодекса БССР посвящена доказательствам. В ст. 63 воспроизводится текст статьи 16 Основ уголовного судопроизводства СССР, по смыслу которой доказательствами по делу являются определенные факты, фактические данные, почерпнутые из указанных в законе источников.

Однако эта четкая и правильная мысль проводится в Уголовно-процессуальном кодексе БССР непоследовательно. Так, в ст. 82 УПК доказательствами названы протоколы следственных и судебных действий, а в ст. 83 – документы.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР дает определение предмета показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. Не касаясь показаний всех названных лиц, остановимся лишь на показаниях подозреваемого.

Согласно ст. 70 УПК БССР подозреваемый вправе давать показания по поводу обстоятельств, послуживших основанием для его задержания или применения к нему меры пресечения, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу.

Формулировка этой статьи выгодно отличается от ст. 76 УПК РСФСР, в которой выражение «применение к нему меры пресечения» заменено словами «заключения под стражу». Дело в том, что в соответствии со ст. 33 Основ к подозреваемому может быть применена любая мера пресечения, а не только заключение под стражу. Поэтому нельзя ограничивать содержание показаний подозреваемого только обстоятельствами, послужившими основанием к его заключению под стражу.

В Уголовно-процессуальном кодексе БССР большое внимание уделено участию общественности в уголовном судопроизводстве. Так, в числе поводов к возбуждению уголовного дела предусмотрено сообщение профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин, товарищеских судов и других общественных организаций (п. 2 ст. 105 УПК БССР). Статья 124 говорит о том, что следователь и орган дознания при производстве расследования могут широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и изобличения лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

В отношении лиц, совершивших малозначительные или не представляющие особой общественной опасности преступления, допускается прекращение уголовного дела с направлением материалов на рассмотрение товарищеского суда либо передача виновного на поруки коллективу

трудящихся или общественной организации для воспитания и исправления, если об этом имеется ходатайство (ст. 208). По этим же основаниям возможно направление материалов в товарищеский суд или передача виновного на поруки для исправления и перевоспитания без возбуждения уголовного дела (ст. 6).

Следует отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе БССР не содержится статей, аналогичных ст. 6, 7, 9 УПК РСФСР. О возможности прекращения уголовного дела на предварительном следствии с применением мер общественного воздействия говорится в ст. 208 УПК БССР, которая отсылает к ст. 48–50 УК БССР. При этом УПК не предусматривает необходимости утверждения прокурором постановления следователя или лица, производящего дознание, о прекращении уголовного дела с применением мер общественного воздействия, как это имеет место в УПК большинства союзных республик. Прекращение уголовного дела в распорядительном заседании суда регулируется ст. 236 УПК БССР. Что касается судебного разбирательства, то в Уголовно-процессуальном кодексе БССР нет нормы, которая регламентировала бы прекращение уголовного дела в суде с применением мер общественного воздействия. Это, несомненно, пробел в законодательстве.

Одной из форм привлечения общественности к отправлению правосудия является участие в судебном разбирательстве общественных обвинителей и общественных защитников, процессуальное положение которых определено ст. 249 УПК БССР. Согласно этой статье общественный обвинитель и общественный защитник вправе принимать участие в исследовании доказательств, заявлять перед судом ходатайства и отводы, участвовать в судебных прениях, высказывать соображения по поводу применения уголовного закона и меры наказания в отношении подсудимого и по другим вопросам дела.

При перечислении прав общественного обвинителя и общественного защитника в суде УПК БССР (ст. 249), в отличие от ст. 250 УПК РСФСР, не указывает на их право представлять доказательства. Такое ограничение прав общественного обвинителя и общественного защитника вряд ли имеет достаточные основания.

В Уголовно-процессуальном кодексе БССР содержатся также нормы, предусматривающие участие общественности в задержании лиц, совершивших преступления, в исполнении приговоров, в решении вопросов о досрочном и условно-досрочном освобождении осужденных и др. Это создает благоприятные условия для успешной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда в борьбе с преступностью.

Применительно к отдельным стадиям уголовного процесса необходимо указать на следующие особенности Уголовно-процессуального кодекса БССР.

В соответствии с Основами Уголовно-процессуальный кодекс БССР устанавливает две формы расследования: предварительное следствие и дознание. Функциями дознания наделены: органы милиции, командиры воинских частей и начальники военных учреждений, органы государственной безопасности по делам, отнесенным к их ведению, начальники исправительно-трудовых учреждений, органы государственного пожарного надзора и органы пограничной охраны (ст. 115).

В основу разграничения подследственности между органами дознания и предварительного следствия положены степень общественной опасности совершенного преступления и сложность в производстве расследования. Дела о наиболее важных и сложных по своему характеру преступлениях, перечень которых дан в ст. 123 УПК БССР, отнесены к компетенции следователя; расследование остальных преступлений возложено на органы дознания.

Статья 118 УПК БССР устанавливает срок производства дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, – десять суток со дня возбуждения дела. По делам, по которым предварительное следствие не обязательно, дознание должно быть закончено не позднее одного месяца со дня возбуждения уголовного дела, включая в этот срок составление обвинительного заключения либо постановления о прекращении или приостановлении дела.

Впервые в УПК БССР (ст. 125) включена норма, согласно которой предварительное следствие по большим и сложным делам может быть поручено нескольким следователям под руководством одного из них.

Некоторые особенности имеет порядок разрешения отвода следователя и лица, производящего дознание.

При наличии оснований для отвода следователь или лицо, производящее дознание, направляет прокурору заявление об отводе или самоотводе, который обязан рассмотреть и разрешить его в течение двадцати четырех часов (ст. 47). Таким образом, в отличие от УПК РСФСР (ст. 130) Уголовно-процессуальный кодекс БССР не устанавливает срока, в течение которого заявление об отводе должно быть направлено прокурору, и уменьшает срок для его разрешения. Не требует УПК БССР и объяснений от следователя по поводу заявленного отвода.

Расширена возможность соединения и выделения уголовных дел. В отличие от ранее действовавшего законодательства новый Уголовно-процессуальный кодекс БССР не содержит ограничений в отношении соединения в одно производство нескольких дел по обвинению одного лица в совершении нескольких преступлений. Выделение дел допускается только в случаях, вызываемых необходимостью, если это не отразится на всесторонности, полноте и объективности исследования и разрешения дела (ст. 126).

В Уголовно-процессуальном кодексе БССР получил разрешение вопрос о процессуальном оформлении отказа обвиняемого от подписи после предъявления ему обвинения. Согласно ст. 147 в случае отказа обвиняемого от подписи следователь удостоверяет на постановлении о предъявлении обвинения, что обвиняемому текст постановления объявлен.

Аналогичным образом регламентирован вопрос об удостоверении факта отказа обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или другого лица от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия (ст. 139).

Эти вопросы, хотя и имеют технический характер, вызывали на практике определенные затруднения и путаницу.

Если при производстве предварительного следствия возникнут основания для изменения предъявленного обвинения или для его дополнения, следователь обязан предъявить обвиняемому новое обвинение и допросить его по этому обвинению. Если в ходе предварительного следствия обвинение в какой-либо части не нашло подтверждения, следователь своим постановлением прекращает дело в этой части, о чем объявляет обвиняемому (ст. 155).

Характерной особенностью нового Уголовно-процессуального кодекса БССР является детальная регламентация производства и оформления важнейших следственных действий: обыска, выемки, осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента, опознания, очной ставки и др.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс БССР не предусматривает в числе следственных действий так называемого воспроизведения показаний на месте преступления или вывода обвиняемого на место происшествия.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс БССР вносит изменение и в решение вопроса о приостановлении предварительного следствия. Помимо известных прежнему законодательству оснований для приостановления предварительного следствия, он предусматривает еще одно – неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В тех случаях, когда по делу привлечено несколько обвиняемых, а основания для приостановления относятся не ко всем обвиняемым, следователь вправе выделить и приостановить дело в отношении отдельных обвиняемых (ст. 194).

Если неизвестно место нахождения обвиняемого, следователь принимает необходимые меры к его розыску (ст. 195). Он может поручить производство розыска органам дознания. Новым является правило, согласно которому розыск может быть объявлен как во время производства

предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением.

Порядок окончания предварительного следствия строится в соответствии с теми правами, которыми закон наделил участников уголовного процесса (ст. 199).

Особенностью Уголовно-процессуального кодекса БССР является и то, что после производства дополнительных следственных действий следователь обязан ознакомить обвиняемого и его защитника не со всеми материалами, как это предусмотрено УПК РСФСР (ст. 204) и некоторых других союзных республик, а лишь с дополнительно собранными материалами. На следователя возлагается также обязанность предоставить потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику или их представителям возможность ознакомиться с дополнительно собранными материалами в пределах, определенных ст. 199.

При обнаружении обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, следователь выносит мотивированное постановление о прекращении уголовного дела. Это постановление может быть обжаловано заинтересованными лицами прокурору (ст. 209). В отличие от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и некоторых других союзных республик Уголовно-процессуальный кодекс БССР не устанавливает сроков, в пределах которых возможно такое обжалование.

Прекращенное уголовное дело при наличии к тому оснований может быть возобновлено прокурором. УПК БССР следователю такого права не предоставляет.

Применительно к мерам пресечения Уголовно-процессуальный кодекс БССР имеет следующие особенности. В числе мер пресечения не предусматривается залог. Право поручительства предоставлено не только общественным организациям, но и коллективам трудящихся (ст. 84). В силу ст. 94 при избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны сообщить об этом по месту работы и семье обвиняемого.

Воспроизведя положения общесоюзного закона о единоличном и коллегиальном порядке предания обвиняемого суду, Уголовно-процессуальный кодекс БССР детально регламентирует практическую сторону этой стадии процесса.

Согласно ст. 223 УПК БССР в случаях несогласия судьи с выводом обвинительного заключения, а также при необходимости изменить меру пресечения, избранную в отношении обвиняемого, дело подлежит рассмотрению в распорядительном заседании суда. Участие прокурора в нем обязательно (ст. 226). При этом независимо от оснований внесения дела в распорядительное заседание суд обсуждает все вопросы, подлежащие разрешению в стадии предания суду.

Закон разделяет эти вопросы на две группы: 1) характеризующие достаточность оснований для предания обвиняемого суду (ст. 224); 2) связанные с подготовкой к предстоящему рассмотрению дела в судебном заседании (ст. 230).

В отличие от УПК других союзных республик по УПК БССР в распорядительном заседании должен быть решен вопрос: «предъявлено ли обвинение по всем деяниям и привлечены ли все участники преступления» (п. 3 ст. 224).

Некоторое своеобразие имеет ст. 230 Уголовно-процессуального кодекса БССР. В отличие от УПК РСФСР (ст. 228) она относит разрешение вопроса о допуске общественного обвинителя или общественного защитника к участию в судебном разбирательстве, а также о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании только к компетенции распорядительного заседания.

При разрешении вопросов, связанных с преданием суду, судья или суд обязаны рассмотреть поступившие ходатайства. При этом они вправе вызвать для дачи объяснений лицо или представителя организации, заявивших ходатайство (ст. 225).

В случае заявления ходатайства общественной организацией или коллектива трудящихся о допуске их представителя к ознакомлению с материалами дела до судебного заседания судья после проверки полномочий представителя вправе разрешить ему ознакомиться с материалами дела (ст. 238). УПК ряда союзных республик такого права не предусматривают.

Детально регламентирует Уголовно-процессуальный кодекс БССР общие условия и процессуальный порядок судебного разбирательства. В соответствии с Основами оно строится на началах гласности, устности, непосредственности и других демократических принципах советского уголовного процесса.

Разбирательство дела в суде первой инстанции происходит с обязательным участием подсудимого. Заочное рассмотрение дела допускается лишь в случаях, когда подсудимый находится вне пределов Союза ССР и уклоняется от явки в суд (ст. 245).

Уголовно-процессуальный кодекс БССР не содержит правила, имеющегося в УПК РСФСР (ст. 246), согласно которому допускается заочное рассмотрение дела в случаях, когда за совершенное преступление не может быть назначено лишение свободы и подсудимый ходатайствует о разбирательстве дела в его отсутствие.

Рассматривать уголовное дело могут лишь судьи и народные заседатели, избранные в состав данного суда. Ст. 23 УПК БССР определяет составы судов всех инстанций. В отличие от УПК РСФСР (ст. 61) Уголовно-процессуальный кодекс БССР не указывает, что отвод судье должен быть заявлен до начала судебного следствия (ст. 29).

Закон четко определяет содержание и процедуру составных частей судебного разбирательства. Закрепляя сложившуюся практику, Уголовно-процессуальный кодекс БССР устанавливает, что допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, экспертов и других лиц на судебном следствии ведется вначале судьями, а затем остальными участниками процесса. Подсудимому предоставлено право давать показания и объяснения по поводу исследуемых обстоятельств в любой момент судебного следствия (ст. 281). В целях обеспечения потерпевшему возможности активно участвовать в исследовании всех обстоятельств дела он не удаляется из зала судебного заседания и допрашивается ранее свидетелей.

Последовательность выступлений в судебных прениях государственного и общественного обвинителя, а равно последовательность выступлений защитника и общественного защитника устанавливается судом по их предложению.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР предусматривает участие потерпевшего в судебных прениях только при рассмотрении дел частного обвинения, если в производство по делу не вступил прокурор (ст. 298).

Уголовно-процессуальный кодекс БССР не содержит нормы, аналогичной ст. 298 УПК РСФСР, согласно которой участникам судебного разбирательства предоставляется право по окончании судебных прений, но до удаления суда в совещательную комнату предложить суду в письменном виде свою формулировку решения по существу обвинения.

Необходимо отметить и некоторые особенности Уголовно-процессуального кодекса БССР, относящиеся к постановлению приговора.

Статья 262 устанавливает, что участвовавшие при рассмотрении дела прокурор и защитник обязаны присутствовать при оглашении приговора.

Статья 322 УПК возлагает на председательствующего обязанность разъяснить осужденному или оправданному после провозглашения приговора порядок и срок его обжалования.

Интересное правило содержится в ст. 313 УПК, которая предусматривает, что, если гражданский иск не был предъявлен и ущерб, причиненный преступлением, не был возмещен, суд вправе при вынесении обвинительного приговора постановить о принятии мер обеспечения иска, о чем сообщает заинтересованным лицам либо организации. Если на протяжении шести месяцев со дня вступления приговора в законную силу потерпевшим не будет заявлен иск в порядке гражданского судопроизводства, то принятые судом меры по обеспечению гражданского иска теряют силу.

Имеются особенности и в производстве по наложению денежных взысканий и штрафов. В отличие от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который устанавливает единый порядок решения судом

вопросов о наложении денежных взысканий и штрафов, Уголовно-процессуальный кодекс БССР предусматривает два различных порядка. Согласно ст. 263 УПК БССР определение о наложении штрафа за нарушение, допущенное в судебном заседании, выносится судом, рассматривающим дело в том же судебном заседании. В остальных случаях этот вопрос решается судом в судебном заседании с вызовом лица, на которое может быть наложено денежное взыскание. Неявка вызванного лица без уважительных причин не останавливает рассмотрения дела (ст. 267).

Приговор суда, не вступивший в законную силу, может быть обжалован и опротестован в кассационном порядке в течение семи суток со дня провозглашения приговора, а осужденным – в тот же срок со дня вручения ему копии приговора. Дополнительные кассационные протесты и жалобы и письменные возражения на них могут быть поданы в кассационную инстанцию до начала рассмотрения дела (ст. 337). О принесении протеста или подаче жалобы суд первой инстанции извещает осужденного, оправданного и других участников процесса, интересов которых касается жалоба или протест (ст. 336).

По истечении срока, установленного для обжалования, суд, постановивший приговор, направляет дело с поступившими жалобами и протестом в кассационную инстанцию и одновременно извещает заинтересованных лиц о дне слушания дела (ст. 339). Кроме того, не позднее чем за трое суток до рассмотрения дела в помещении суда второй инстанции вывешивается объявление с указанием времени рассмотрения (ст. 342).

В отличие от УПК РСФСР (ст. 336) УПК БССР не делает никаких ограничений в извещении участников процесса о времени рассмотрения дела кассационной инстанцией.

Впервые в Уголовно-процессуальный кодекс БССР включено правило, регламентирующее обращение к исполнению определения кассационной инстанции.

В отличие от УПК РСФСР (ст. 354), установившего единый порядок обращения к исполнению определений суда второй инстанции, УПК БССР дифференцирует его в зависимости от характера вынесенного определения.

Согласно ст. 362 УПК БССР определение об оставлении приговора без изменений или об изменении приговора не позднее пяти суток после его вынесения направляется вместе с делом, кассационной жалобой или протестом и дополнительно представленными материалами для исполнения суду, постановившему приговор. Определение об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия вместе с делом направляется не позднее трех суток прокурору, а в случаях направления дела для рассмотрения со стадии предания суду или судебного следствия – суду, которому передано дело

на новое рассмотрение. Копия определения в этих случаях направляется суду, постановившему приговор.

Для успешного осуществления задач социалистического правосудия важное значение имеет правильное и своевременное исполнение приговора. Поэтому новый Уголовно-процессуальный кодекс БССР, в отличие от ранее действовавшего, уделяет большое внимание регламентации вопросов, связанных с исполнением приговоров.

Согласно ст. 367 УПК БССР обращение к исполнению приговора, определения и постановления возлагается на суд, вынесший решение. Распоряжение об исполнении приговора посылается судьей или председателем суда вместе с копией приговора тому органу, на который возложена обязанность фактического исполнения приговора.

Органы, приводящие приговор в исполнение, немедленно извещают суд, постановивший приговор, о приведении его в исполнение. Администрация места лишения свободы должна извещать суд, вынесший приговор, о месте отбывания наказания осужденным, а также о его освобождении. По УПК РСФСР последнее в обязанность администрации места лишения свободы не вменяется.

Новым является положение Уголовно-процессуального кодекса БССР о предоставлении близким родственникам осужденного, содержащегося под стражей, возможности свидания с ним, а также о возложении на администрацию места заключения обязанности поставить в известность семью осужденного о том, куда он направляется для отбытия наказания (ст. 388).

Восстановлены в Уголовно-процессуальном кодексе БССР нормы, регламентирующие порядок досрочного и условно-досрочного освобождения от наказания, а также замены наказания более мягким. Согласно ст. 371 досрочное и условно-досрочное освобождение осужденного, а равно замена неотбытой части наказания более мягким производятся судом по представлению Наблюдательной комиссии при исполкоме районного, городского Совета депутатов трудящихся или по представлению администрации исправительно-трудового учреждения, согласованного с Наблюдательной комиссией, а в отношении несовершеннолетних и по ходатайству комиссии по делам несовершеннолетних.

Указывая на особенности главы «Исполнение приговора» УПК БССР, отметим, что в нее включена ст. 379, предусматривающая порядок рассмотрения судом ходатайств о включении времени отбывания исправительных работ в трудовой стаж. В УПК РСФСР такой статьи нет.

Пересмотр приговоров, вступивших в законную силу, осуществляется в порядке судебного надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Статья 280 УПК БССР перечисляет лиц, обладающих правом принесения протеста в надзорном порядке, и указывает их компетенцию.

Своеобразие этой статьи состоит в том, что она в отличие от УПК РСФСР и уголовно-процессуальных кодексов некоторых других союзных республик не предоставляет Председателю Верховного Суда СССР и его заместителям право принесения протеста на определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР.

Дело по протесту на вступивший в законную силу приговор, определение или постановление рассматривается надзорной инстанцией в судебном заседании не позднее пятнадцати суток, а Пленумом Верховного Суда Белорусской ССР – не позднее месячного срока с момента поступления дела с протестом.

Суд, рассматривающий дело в порядке судебного надзора, в необходимых случаях вправе вызвать в судебное заседание осужденного (ст. 386). Указания возможности вызова в судебное заседание защитника Уголовно-процессуальный кодекс БССР не содержит.

Советское законодательство всегда с большой чуткостью и осмысленностью подходило к вопросу о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних. Вслед за Уголовным кодексом, который основной упор в борьбе с преступлениями несовершеннолетних делает на применение мер предупредительного и воспитательного характера, Уголовно-процессуальный кодекс БССР предусматривает ряд положений, устанавливающих дополнительные гарантии при расследовании и судебном рассмотрении этой категории дел.

В Уголовно-процессуальном кодексе БССР нормы, относящиеся к расследованию и рассмотрению дел о преступлениях несовершеннолетних, не выделены в особый раздел, как это сделано в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. Они размещены по отдельным главам кодекса в соответствии с последовательностью производства по уголовному делу.

Согласно ст. 123 УПК БССР по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, независимо от характера преступления обязательно производство предварительного следствия. Если такое дело было возбуждено органом дознания, последний обязан немедленно сообщить об этом прокурору и по выполнении неотложных следственных действий передать его следователю. В Уголовно-процессуальном кодексе БССР, в отличие от одноименных кодексов ряда союзных республик, нет специальной нормы, рекомендующей выделять материалы дела в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление вместе со взрослыми, в отдельное производство.

Впервые уголовно-процессуальное законодательство БССР устанавливает особенности пределов доказывания по делам несовершеннолетних (ст. 151).

Учитывая возраст и иные особенности несовершеннолетних, УПК БССР предусматривает специальные виды мер пресечения: отдача

под присмотр родителей, опекунов или попечителей, а к несовершеннолетним, воспитывающимся в детских учреждениях, – отдача под присмотр администрации этих учреждений (ст. 84 и 97).

Наличие специальных мер пресечения не исключает возможности применения к несовершеннолетним всех остальных мер пресечения. Хотя в Уголовно-процессуальном кодексе БССР нет нормы, аналогичной ст. 393 УПК РСФСР, бесспорно, что задержание и заключение под стражу несовершеннолетнего может иметь место только в крайних случаях.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР не предусматривает обязательного участия педагога в допросах несовершеннолетнего обвиняемого. Вопрос о его приглашении решается следователем (ст. 150). Кодекс не делает различия в порядке приглашения педагога в зависимости от возраста несовершеннолетнего и степени его умственного развития, как это имеет место в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР и некоторых других союзных республик.

В целях усиления воспитательного воздействия судебного разбирательства дела о несовершеннолетнем о времени и месте рассмотрения дела суд извещает школу или иное учебно-воспитательное учреждение, в котором учился несовершеннолетний, а также общественные организации по месту его учебы или работы. В случае необходимости суд вправе вызвать в судебное заседание представителей этих организаций, а также представителей общественных организаций по месту работы родителей, опекуна или попечителя подсудимого (ст. 283).

Если в результате судебного разбирательства суд придет к выводу, что исправление лица, совершившего в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, он выносит обвинительный приговор с применением к несовершеннолетнему одной из предусмотренных УК БССР (ст. 60) принудительных мер воспитательного характера (ст. 307). Поскольку в этих случаях вопрос о виновности подсудимого решается утвердительно и речь идет лишь об освобождении его от наказания, суд выносит обвинительный приговор с изложением в нем собранных по делу доказательств и мотивов применения меры воспитательного характера.

Иное решение вопроса дано в УПК РСФСР. Согласно ст. 402 суд в таких случаях выносит не обвинительный приговор, а определение о прекращении уголовного дела и применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного характера. Прекращение уголовного дела, естественно, не влечет судимости. Вынесение же обвинительного приговора с освобождением от наказания влечет судимость. Представляется, что решение, данное в УПК РСФСР, является более правильным.

Спорные вопросы относимости и допустимости судебных доказательств

Публикуется по статье: Матвиенко, Е. А. Спорные вопросы относимости и допустимости судебных доказательств / Е. А. Матвиенко // Вопросы государства и права : сб. ст. : в 2 вып. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1969. – Вып. 1. – С. 196–203.

Чтобы правильно разрешить уголовное дело, его необходимо всесторонне и полно исследовать. С этой целью органы расследования и суд обязаны собрать, проверить и оценить все доказательства, относящиеся к делу, установить по нему объективную истину. Относящимися к делу признаются такие доказательства, посредством которых прямо или косвенно подтверждаются существенные для дела обстоятельства. Круг этих обстоятельств определяется предметом доказывания, хотя им и не исчерпывается¹.

Относимость – это объективное свойство доказательств, означающее их способность освещать имеющие значение для дела факты. Эта способность выражается в возможности извлечь из доказательства определенные сведения, определенную информацию, на основе которых

¹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. Общая часть. М., 1966, стр. 285.

органы расследования и суд смогут сделать достоверный вывод относительно подлежащих разрешению фактов¹.

Такое понимание сущности относимости доказательств разделяет не всеми процессуалистами. Р.С. Белкин, возражая против определения относимости доказательств как их способности непосредственно или опосредствованно устанавливать имеющие значение для дела факты, пишет: «Способность есть потенциальная возможность, но еще не действительность. Возможность может стать действительностью, но может ею и не стать, поэтому нельзя оперировать термином “способность”: доказательство именно потому и является относящимся к делу, что им устанавливается истина, а не потому, что истина может быть им установлена»².

С таким утверждением согласиться нельзя. Относимость доказательств не гарантирует неперменного установления истины. Она лишь содержит такую возможность. Реализация этой возможности, превращение ее в действительность зависят от субъективных качеств следователя, прокурора и судей, от их знания, опыта и профессиональной подготовки. Пользуясь заключенной в доказательстве информацией, они могут прийти к правильным выводам, отражающим объективную истину, но могут сделать и ошибку, приняв за истину то, что ею фактически не является. От этого свойство относимости доказательств не изменится. Оно носит объективный характер и не зависит от того, смогли или не смогли органы расследования воспользоваться тем зарядом информации, который несет в себе доказательство, удалось им или не удалось превратить содержащуюся в доказательстве возможность установления истины в действительность.

Относимость доказательств – это не «проявление их свойства подтверждать или опровергать существенные для дела обстоятельства»³, как пишет Р.С. Белкин, а само свойство доказательств, означающее их способность освещать подлежащие установлению по делу факты. Проявление этой способности, ее реализация — дело органов расследования и суда. От них зависит, в какой мере они воспользуются указанным свойством доказательства, сумеют ли реализовать его для достижения

¹ Нельзя согласиться с С.Л. Перцовским, который под относимостью доказательств понимает их способность освещать основные факты по делу (см.: С.Л. Перцовский. Относимость доказательств в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дис. Харьков, 1951, стр. 5). Такое ограничение понятия относимости доказательств не имеет под собой достаточных оснований. Доказательства признаются относящимися, если с их помощью можно выяснить любое обстоятельство, имеющее значение для правильного разрешения уголовного дела. Важно лишь, чтобы это обстоятельство не выходило за пределы предмета доказывания по данному делу.

² Р.С. Белкин. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, стр. 72. По существу, этой же точки зрения придерживается В. Д. Арсеньев (см.: Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 105).

³ Р.С. Белкин. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966, стр. 71.

объективной истины. Сами по себе доказательства ничего не устанавливают и устанавливать не могут. Они несут лишь определенный объем информации, с помощью которой можно подтвердить или отвергнуть существенные для дела обстоятельства.

Относимость доказательств определяется наличием связи между доказательством и доказываемым (искомым) фактом, в силу чего первый служит процессуальным средством установления последнего. Доказательства, с помощью которых выясняются существенные для дела обстоятельства, признаются относящимися к делу. И наоборот, фактические данные, которыми не устанавливаются и не опровергаются какие-либо обстоятельства, подлежащие доказыванию, являются не относящимися к данному делу.

При различном содержании доказательств связь их с подлежащими установлению фактами всегда выступает в качестве необходимого элемента самих доказательств. Эта связь — важнейший признак, или, как удачно выразился В.Д. Арсеньев, критерий относимости доказательства к уголовному делу¹. Если такая связь налицо, доказательство используется в качестве средства доказывания искомых фактов. Если такой связи нет, доказательство теряет свое значение, так как перестает быть способным устанавливать имеющие значение для дела обстоятельства.

Говоря о том, что решающим в определении относимости доказательств является их связь с доказываемыми (искомыми) фактами, необходимо иметь в виду, что формы этой связи могут быть самыми различными: причинно-следственная, функциональная, условно-обусловленная, пространственная и т. д.

Неправы те авторы, которые все многообразие такой связи сводят лишь к одной из возможных форм: причинно-следственной. Так, в своей работе «Теория улик» М.П. Шаламов пишет: «...доказательственный факт и устанавливаемое им положение будут либо следствием одной причины или причинами, имеющими одно следствие»².

Несомненно, что связь между доказательствами и доказываемыми фактами обрисована здесь упрощенно, неполно. Во-первых, сама по себе причинная связь — явление сложное. В зависимости от свойств материальных объектов и условий их взаимодействия связь между ними может не вмещаться в обычные рамки отношений: данная причина — обязательно определенное следствие. Для доказывания факта, что потерпевший убит из пистолета, мало установить причинную связь: выстрел — смертельное ранение. Здесь может быть типичная логическая ошибка: после этого — по причине этого, потому что при выстреле из пистолета возможен промах, неполное сгорание пороха, одновременный выстрел из пистолета другого участника преступления и т. д.

¹ В.Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 104.

² М.П. Шаламов. Теория улик. М., Госюриздат, 1960, стр. 19.

Очевидно, что даже в таком простейшем случае для характеристики относимости доказательств одной причинной связи недостаточно. Более того, эта связь представляется неравнозначной для всех. Например, судебно-медицинский эксперт в качестве причины смерти потерпевшего выделил бы не выстрел, а, скажем, грубое нарушение вещества головного мозга. С другой стороны, в чистом, изолированном виде причину и следствие можно получить лишь в процессе логического анализа или при эксперименте. В объективной действительности же всегда имеет место цепь причин и следствий. Чем сложнее явление, к числу которых следует отнести и уголовно наказуемое деяние, тем длиннее цепь причинно-следственных связей.

В уголовных делах отдельные звенья причин и следствий могут быть так отдалены от факта преступления, что создают иллюзию неотносимости их к данному делу. Если для определения относимости пользоваться только критерием причин и следствий, то легко исключить из дела такие доказательства, которые хотя и весьма отдалены от предмета доказывания, но в действительности имеют к нему прямое отношение.

Но главное не в этом. Хотя причинность, казуальность, является наиболее универсальной формой связи явлений, она не исчерпывает всех возможных форм связи, свойственных действительности. Как указывал В.И. Ленин, причинность есть «лишь малая частичка всемирной связи»¹.

Поэтому и относимость доказательств определяется не одной лишь причинно-следственной связью.

Например, факт алиби не находится в причинной зависимости с совершением преступления и виновностью обвиняемого. Однако он бесспорно находится в связи с рассматриваемым делом. Здесь связь выступает в форме связи явления с условием и выражается в том, что для наступления определенного результата необходимы определенные условия.

Во многих случаях помимо установления причинной связи (а зачастую и для ее установления) необходимо разрешить вопрос об отношении (связи) тождества-различия. В приведенном примере с убийством потерпевшего из пистолета гарантией безошибочности выводов будет исследование пули и обнаруженного пистолета с целью решения вопроса о том, из этого ли оружия послана извлеченная из тела пуля.

Зачастую бывает необходимым исследовать функциональную связь явлений, характеризующую закономерную, временную и пространственную их зависимость, а также связь части и целого. Типичными примерами первого типа связи будет разрешение задачи о непременном следовании одного процесса за другим, скажем, о возможности самопроизвольного выстрела (без нажатия на спусковой крючок), второго – принадлежность целому частей трупа, принадлежность пули и гильзы к одному патрону и т. д.

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 144.

Существенное значение для доказывания искомых фактов может иметь исследование связи преобразования, т. е. исследование таких свойств материальных вещей и явлений, которые не воспринимаются непосредственно из-за ограниченности наших органов чувств. Затруднительно, например, определить относимость к делу фальшивого документа, если не видно первоначальных записей; она может быть определена после того, когда с помощью научно-технических средств будут обнаружены следы фальсификации.

Наконец, в процессе доказывания зачастую исследуется субстанциональная связь, характеризующая сущность вещей (явлений) и их свойства. Примерами установления такой связи будет биологическая и химическая экспертизы, исследующие неизвестные вещества и смеси с целью выявления их природы и свойств. Подчеркивая важность анализа связи между доказательством и доказываемым фактом как необходимого условия раскрытия истины по делу, вместе с тем нельзя преувеличивать значение этой стороны процесса доказывания, придавать ей преобладающий характер.

В этом плане весьма сомнительным представляется утверждение В.Д. Арсеньева о том, что «связь доказательств с искомым фактом составляет основной элемент содержания доказательств»¹. Здесь налицо явное смещение акцентов. Содержанием доказательств является не их связь с искомыми фактами, а та информация, которая в этих доказательствах заключена и с помощью которой органы расследования и суд устанавливают наличие или отсутствие имеющих значение для дела фактов, принимают правовое решение относительно этих фактов. Связь же доказательств с искомыми фактами – это признак относимости доказательств, т. е. свидетельство того, что данное доказательство может быть использовано по делу.

Сущность и значение правила об относимости доказательств в том и состоит, что оно ограничивает круг фактического материала, подлежащего исследованию, сосредотачивает внимание органов расследования и суда только на данных, имеющих значение для дела, облегчает установление истины, а следовательно, и вынесение законного и обоснованного решения.

Несостоятельной является рекомендация, во избежание утраты доказательств, собирать и исследовать «на всякий случай» все, что попадает в сферу действий следователя или лица, производящего дознание². Такая рекомендация нацеливает работников следствия не на продуманный отбор доказательств в соответствии с правилами об их относимости, а на бессистемное, хаотическое натаскивание фактов в надежде выделить из них нужные, имеющие отношение к делу. Проведение расследования по такому принципу, помимо опасности затерять важные для дела

¹ В.Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 104.

² В. Громов. Следственная практика в примерах. М., 1948, стр. 30.

данные в массе ненужных, собранных на всякий случай материалов, неизбежно повлечет за собой увеличение сроков расследования, бесцельную трату сил и средств, искусственное усложнение дела, что затруднит отыскание по нему объективной истины.

В соответствии с законом доказательствами по уголовному делу признаются определенные фактические данные, понимаемые как сведения о фактах, и устанавливаемые по делу факты (доказательственные факты), с помощью которых подтверждаются или опровергаются существенные по делу обстоятельства.

Правила об относимости доказательств касаются лишь самих доказательств, т. е. фактических данных, почерпнутых из процессуальных источников, и не распространяются на эти источники. Применительно к ним действуют правила о допустимости, целевое назначение которых – обеспечить доброкачественность источников получения доказательств¹.

Суть этих правил заключается в том, что доказательства могут быть почерпнуты только из предусмотренных законом источников, отвечающих указанным в законе требованиям. Данные, полученные иным образом (с грубым нарушением процессуальной формы или внепроцессуальным путем), доказательственного значения не имеют.

Между относимостью и допустимостью доказательств имеется тесная связь. Она выражается в том, что относящиеся к делу факты могут быть использованы в качестве доказательств только тогда, когда они получены из надлежащих источников. Признание какого-либо источника недопустимым автоматически исключает возможность использования тех данных, которые в нем содержатся, независимо от их характера. В свою очередь, признание доказательства не относящимся к делу лишает источник его получения доказательственной ценности, дезавуирует его.

Наличие тесной связи между относимостью и допустимостью доказательств не дает, однако, оснований для отождествления их, для подмены одного другим, как это делают некоторые авторы². Относимость и допустимость – самостоятельные процессуальные правила, характеризующие различные стороны процесса доказывания.

¹ Аналогичного взгляда придерживаются Л.Г. Ульянова (см.: Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, стр. 21); Я.О. Мотовиловкер (Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962, стр. 92); авторы «Теории судебных доказательств в советском уголовном процессе». М., 1966, стр. 269–274 и др.

Не разделяет этого взгляда В.Д. Арсеньев, который считает, что правило об относимости доказательств в равной мере применяется как к доказательствам, так и к источникам доказательств (см.: Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 112).

² М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 152.

Изменение обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции

Публикуется по статье: Матвиенко, Е. А. Изменение обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции / Е. А. Матвиенко // Ученые записки. Серия юридическая / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1955. – Вып. 25. – С. 159–175.

В процессе исследования доказательств на суде могут выявиться новые факты и обстоятельства, которые не были известны предварительному следствию и которые так или иначе изменяют фактический и юридический состав предъявленного подсудимому обвинения или круг тех лиц, которые должны нести ответственность за совершенное преступление. В этих случаях суд оказывается перед необходимостью в определенном, установленном законом порядке изменить первоначально предъявленное подсудимому обвинение и привести его в соответствие с результатами судебного следствия.

В советской процессуальной литературе вопросу об изменении обвинения уделено сравнительно мало внимания. Между тем он представляет значительный интерес как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Решение его есть по существу разрешение той коллизии, которая довольно часто возникает при рассмотрении в суде уголовного дела.

В чем сущность этой коллизии?

Интересы социалистического правосудия требуют, чтобы по каждому уголовному делу, разбираемому в суде, были установлена объективная истина и в точном соответствии с законом вынесен правильный и обоснованный приговор. Но установить истину суд сможет только в том случае, если, с одной стороны, ему будет предоставлена возможность свободного искания ее, а с другой стороны, если при этом будут полностью соблюдены процессуальные права участников разбирательства.

Это означает, что при рассмотрении каждого уголовного дела суд должен подвергнуть самому тщательному и всестороннему исследованию весь фактический материал, имеющийся по делу, и вынести свой приговор на основе данных этого исследования, не будучи связанным фактическим и юридическим изображением их в обвинительном заключении. Естественно, что при этом суд в ряде случаев сталкивается с необходимостью выходить в своем исследовании за рамки предъявленного обвинения и изменять его в зависимости от результатов судебного следствия.

Но, предоставляя такие права суду, закон должен обеспечить подсудимому возможность подготовиться к защите и избавить его от всех тех случайностей, которые могут быть вызваны изменением первоначально предъявленного обвинения. Только при соблюдении этих условий можно говорить об отыскании по делу объективной истины.

Истина не может быть установлена, если суд будет вынужден исследовать только тот круг фактов и обстоятельств, которые указаны в обвинительном заключении, и проверять только те доказательства, которые представлены в его подтверждение. Истина не может быть установлена, если суд будет обязан своим приговором ответить только на те вопросы, которые поставлены в обвинительном заключении, и оставит без внимания все те, которые возникли в ходе судебного следствия.

Но истина не будет обнаружена и тогда, когда суду будет предоставлена неограниченная возможность изменять предъявленное подсудимому обвинение и производить исследование, не считаясь с рамками этого обвинения. Это привело бы к существенному ущемлению процессуальных прав подсудимого, лишило бы его возможности соответствующим образом подготовиться к своей защите и осветить все вновь возникшие обстоятельства в их истинном виде.

Отсюда возникает указанная проблема. Решить ее – значит установить, может ли суд, и если может, то в каких пределах, выходить в своем исследовании за рамки предъявленного обвинения и отражать в своем приговоре вновь установленные факты. Решить этот вопрос – значит определить границу допустимых изменений, в пределах которой суд,

не нарушая прав подсудимого на защиту, может свободно делать выводы из данных судебного следствия с тем, чтобы установить по делу истину.

Как же решается этот вопрос советским уголовно-процессуальным правом, процессуальной теорией и судебной практикой?

Согласно ст. 311 УПК РСФСР¹ разбирательство уголовного дела в суде производится лишь в отношении лиц, преданных суду до открытия судебного заседания, и притом только в отношении первоначально предъявленного обвинения. В ходе судебного следствия судом должно быть проверено именно то обвинение, которое сформулировано в обвинительном заключении, утвержденном в подготовительном заседании. Суд может осудить только тех лиц, которые были преданы суду в установленном законом порядке и соответствующим образом могли подготовиться к своей защите.

Вменение подсудимому иных деяний, кроме тех, которые изложены в обвинительном заключении, значительное изменение фактического состава и юридической формулировки предъявленного обвинения, а также привлечение в ходе судебного следствия к уголовной ответственности новых лиц, не преданных до этого суду, было бы существенным нарушением прав подсудимого на защиту, недопустимым ограничением его процессуальных гарантий.

Однако судебное следствие не является простым повторением предварительного расследования. Как правильно отмечает проф. С.А. Голунский, это – новое, вполне самостоятельное исследование, проводимое другим органом, в другой обстановке и на иных началах, чем это было сделано на предварительном следствии². Оно имеет своей задачей тщательно проверить и оценить весь доказательственный материал, собранный по делу во время предварительного следствия, и исследовать все новые обстоятельства, выявленные непосредственно в ходе самого судебного разбирательства. Естественно, что во время судебного следствия, когда все доказательства по делу проверяются и оцениваются в условиях состязательной борьбы сторон, когда доказательства исследуются непрерывно одно за другим, когда суд имеет возможность сопоставлять их между собой, уточнять и выяснять разные несогласия и противоречия между ними, могут выясниться новые обстоятельства, которые существенным образом изменяют выводы предварительного следствия. Эти изменения могут касаться как фактического состава, так и той юридической оценки, которую получило инкриминируемое подсудимому преступление в обвинительном заключении.

¹ По УПК БССР ни нумерация, ни содержание соответствующих статей не отличаются от УПК РСФСР. Поэтому при ссылках на статьи УПК РСФСР имеются в виду и соответствующие статьи УПК БССР.

² С.А. Голунский. Судебное следствие как важнейшая часть уголовного процесса. «Социалистическая законность», 1938, № 5, стр. 32.

Суд не может вынести приговор хотя и соответствующий первоначально предъявленному обвинению, но не отвечающий обстоятельствам дела, выясненным на суде. Суд не выполнит своей задачи – установить по делу истину, если он будет связан рамками, определенными обвинителем. Суд не достигнет своей цели: наказать виновного и оправдать невинного, если он будет принужден исследовать только тот круг фактов, который указан в обвинительном заключении.

Отсюда напрашивается единственный вывод: если во время судебного следствия будут обнаружены новые обстоятельства, которые не были известны на предварительном следствии и, следовательно, не могли быть соответствующим образом отражены в обвинительном заключении, суд может и должен, опираясь на материалы судебного следствия, изменить первоначально предъявленное подсудимому обвинение, приведя его в соответствие с результатами судебного следствия. И лишь это новое обвинение должно стать предметом дальнейшего судебного разбирательства. Но пределы такого изменения обвинения, его основания и сам порядок дальнейшего движения дела должны быть строго регламентированы законом.

Советскому процессуальному праву известен институт изменения предъявленного обвинения. Действующий УПК РСФСР содержит ряд указаний, регламентирующих различные случаи изменения в суде первоначально предъявленного обвинения. Эти изменения могут быть произведены как в отношении предмета обвинения, так и в отношении круга обвиняемых. Рассмотрим все эти случаи.

1

На судебном следствии может обнаружиться, что подсудимый, кроме рассматриваемого, совершил еще и другое преступление, не указанное в обвинительном заключении. При этом возможны два случая: а) когда новое преступление по своему характеру не связано с тем, которое инкриминируется подсудимому по обвинительному заключению, и б) когда новое преступление находится в тесной связи с рассматриваемым делом.

В зависимости от этого действующий УПК различным образом регламентирует подобные случаи.

Согласно ст. 312 УПК РСФСР суд, обнаружив во время судебного следствия совершение подсудимым нового преступления, не связанного с тем, о котором слушается дело, и влекущего для подсудимого более тяжкое наказание, чем оно могло быть назначено по первоначальному обвинению, должен вынести определение о выделении по новому обвинению отдельного дела, а слушающееся дело довести до конца и постановить по нему приговор.

В тех случаях, когда новое преступление не влечет за собой повышения наказания и обвинение в этом преступлении достаточно доказано материалами судебного следствия, суд может, не возбуждая нового уголовного дела, установить в своем приговоре наказание и по этому новому преступлению (ч. 1 ст. 312 УПК).

Если же новое преступление находится в тесной связи с первоначальным и раздельное рассмотрение их невозможно, то при необходимости дополнительного расследования суд приостанавливает слушание дела и направляет его на доследование и дальнейшее рассмотрение в общем порядке (ч. 2 ст. 312 УПК).

В таком общем виде этот порядок не вызывает особых возражений. Однако формулировка первой части ст. 312 УПК, содержащая правило, согласно которому новое обвинение, не связанное с первоначальным и не влекущее повышения наказания подсудимому, может быть рассмотрено одновременно с ранее предъявленным обвинением без направления дела в этой части для расследования, не может быть признана удачной.

Во-первых, при обвинении подсудимого в совершении еще одного преступления, помимо того, которое вменяется ему по обвинительному заключению, налицо уже совокупность составов преступления, которая, как правило, влечет за собой более тяжкое наказание, чем оно могло быть по первоначальному обвинению. Во-вторых, как правильно отмечал проф. Н. Полянский¹, положение обвиняемого отягчается не только размером грозящего ему наказания, но и самим свойством нового обвинения. Присоединение к рассматриваемому обвинению другого, сравнительно менее важного по размеру наказания может резко усилить отрицательную характеристику подсудимого и сыграть определенную роль при назначении наказания. В-третьих, признание подсудимого виновным в преступлении, за которое он не был предан суду, не оказывая влияния на размер наказания, может иметь большое значение для подсудимого впоследствии в случае предъявления ему нового обвинения по подобному преступлению, которое будет расцениваться уже как рецидив, как квалифицированный состав. Наконец, подсудимый должен иметь возможность оспаривать новое обвинение на тех же основаниях и с теми же правами, которые предоставлены ему при обычном порядке рассмотрения дела. Нет никаких оснований лишать его этих прав только потому, что новые обстоятельства выяснились на судебном следствии.

Кроме того, нужно иметь в виду, что устанавливаемое ст. 312 УПК РСФСР правило, разрешающее суду рассматривать одновременно с первоначальным обвинением не связанное с ним новое обвинение,

¹ Н. Полянский. Новая редакция УПК 1925, стр. 42–43.

находится в несомненном противоречии со ст. 117 УПК РСФСР, согласно которой в одном производстве могут быть объединены дела только в тех случаях, когда совершенные преступления либо однородны, либо связаны между собой единством намерения.

Следовательно, и с этой стороны указанный порядок не может быть признан правильным.

Поэтому в советской процессуальной литературе общепризнанным является, что при выяснении на судебном следствии новых обстоятельств, указывающих на совершение подсудимым еще одного или нескольких преступлений, не связанных с тем, по поводу которого слушается дело, суд обязан выделить новое обвинение в отдельное дело, независимо от того, окажет ли оно свое влияние на увеличение наказания или нет¹.

Подобным образом решен этот вопрос в УПК Украинской ССР, ст. 290 которого гласит: «Суд, обнаружив во время судебного заседания совершение подсудимым, кроме преступления, составляющего предмет рассматриваемого дела, еще другого, не связанного с первоначальным, выносит определение о возбуждении уголовного дела по новому обвинению, направляя новое дело в общем порядке, и продолжает рассмотрение первоначального дела».

Наша судебная практика усвоила именно этот порядок дальнейшего судебного разбирательства, и обычно при обнаружении в суде данных, свидетельствующих о совершении подсудимым нового преступления, не связанного с тем, о котором слушается дело, суд выделяет по нему материалы в отдельное дело, а рассматриваемое дело доводит до конца.

Следует признать, что этот порядок является наиболее правильным и полностью отвечает целям и задачам нашего социалистического правосудия. В подготавливаемом УПК СССР по этому вопросу должны быть внесены соответствующие коррективы.

2

На судебном следствии могут выясниться новые обстоятельства, которые ведут к изменению первоначальной формулировки обвинения и тем самым юридической оценки (квалификации) вменяемого подсудимому преступления.

Эти изменения могут выразиться в следующем:

1. В суде будут установлены или, наоборот, опровергнуты обстоятельства, являющиесяотягчающими, квалифицирующими признаками того же самого преступления (в смысле его фактического состава), которое инкриминируется подсудимому по обвинительному заключению.

¹ См., например: Советский уголовный процесс, под ред. проф. Д.С. Карева, 1953, стр. 267; М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс, 1951, стр. 344.

Например, подсудимый К. обвиняется в совершении умышленного убийства. Однако во время судебного следствия выясняется, что в действительности убийство совершено не с умыслом, а по неосторожности. В данном случае установленные на судебном следствии обстоятельства, устраняя квалифицирующие признаки инкриминируемого преступления, изменяют юридическую оценку (квалификацию) предъявленного обвинения (вместо ст. 136 ст. 139 УК РСФСР), не изменяя, однако, характера самого преступления.

2. В суде могут быть установлены новые обстоятельства, которые существенным образом изменяют характер предъявленного обвинения, в силу чего подсудимый должен нести ответственность за преступление иного состава, чем оно было сформулировано в обвинительном заключении.

Например, органами предварительного следствия Д. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». В процессе судебного разбирательства суд нашел предъявленное Д. обвинение недоказанным и вынес оправдательный приговор. Однако суд тем же приговором признал Д. виновным по ч. 1 ст. 58–176 УК Грузинской ССР (нарушение трудовой дисциплины на транспорте)¹. В данном случае происходит изменение не только квалификации инкриминируемого преступления, но и существенным образом меняется фактический состав предъявленного обвинения.

3. Наконец, в суде могут быть установлены или, наоборот, отвергнуты отдельные эпизоды инкриминируемого преступления в пределах одного и того же состава преступления.

Все указанные случаи изменения обвинения регламентируются действующим УПК РСФСР в ст. 313. Согласно этой статье при обнаружении в суде новых обстоятельств, требующих изменения первоначальной формулировки обвинения или квалификации его, устанавливается следующий порядок дальнейшего движения дела: а) если новое обвинение предусматривает более тяжкое наказание, чем оно было возможно по первоначальному обвинению, и если при этом будет заявлено ходатайство какой-либо из сторон, суд приостанавливает слушание дела и направляет его для доследования, предъявления нового обвинения, составления нового обвинительного заключения и производства всех дальнейших действий в общем порядке (ч. 1 ст. 313 УПК РСФСР); б) если же новая формулировка обвинения повышения наказания не влечет, то суд, не откладывая дела, должен довести его до конца и постановить приговор согласно новой формулировке обвинения (ч. 2 ст. 313 УПК РСФСР).

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 6, стр. 26.

Устанавливая это правило, законодатель исходил из того, что изменение обвинения в сторону увеличения наказания всегда отягчает положение подсудимого, затрагивает его права на защиту. Поэтому суд, придя к выводу о необходимости указанного изменения, должен вынести о том специальное определение и, отложив слушание дела, направить его для дополнительного расследования и предъявления нового обвинения¹.

Это требование закона нашло свое отражение в судебной практике Верховного суда СССР. Отменяя приговор по делу Дмитриева, Судебная коллегия Верховного суда СССР в своем определении указала: «Суд не вправе без передачи дела на новое расследование изменять квалификацию преступления на закон, влекущий более тяжкое наказание, чем закон, по которому подсудимый предан суду»². Аналогичные определения имеются по делу Симоняна³, по делу Арбузова и Глубоковских⁴ и др.

Необходимость направления дела в органы предварительного расследования для перепредъявления обвинения возникает не только тогда, когда меняется квалификация преступления на статью УК, предусматривающую более высокую санкцию, но и тогда, когда изменяется формулировка обвинения в пределах одной статьи УК, если это изменение влечет более тяжкое наказание.

Показательно в этом отношении постановление Пленума Верховного суда СССР по делу С. и Л.⁵

С. и Л. были преданы суду по ст. 59³ УК РСФСР. В обвинительном заключении указывалось, что преступная группа действовала «во главе с Л.» и что С. принял участие «в группе Л.». Однако суд, основываясь на материалах судебного следствия, изменил роли подсудимых по сравнению с обвинительным заключением и приписал руководящую и организующую роль С. Не передавая дела на доследование, суд постановил приговор, в котором назначил С. более тяжкое наказание, чем Л.

В своем постановлении по делу Пленум Верховного суда СССР указал, что хотя такое изменение обвинения и не влечет применения к подсудимому С. иной статьи Уголовного кодекса, тем не менее оно является

¹ В отличие от УПК РСФСР и других союзных республик УПК Украинской ССР устанавливает альтернативный порядок дальнейшего движения дела: суд либо приостанавливает слушание дела и направляет его для производства дополнительного расследования в общем порядке, либо назначает его к новому слушанию, не ранее, однако, трех суток с момента приостановления дела вручив подсудимому копию определения об изменении формулировки обвинения (ч. 1 ст. 291 УПК УССР).

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР за 1944 г., стр. 186.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 3, стр. 26.

⁴ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1953, № 2, стр. 13.

⁵ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947, вып. VI.

нарушением ст. 313 УПК РСФСР, так как оно сопровождалось установлением таких серьезныхотячающих обстоятельств, которые могли повлечь и фактически повлекли применение к подсудимому более тяжкого наказания. На этом основании приговор суда был отменен, и дело направлено для производства дополнительного расследования и предъявления нового обвинения.

Как явствует из смысла ст. 313 УПК РСФСР, закон ставит направление дела на доследование при изменении обвинения в сторону отягчения в зависимость от ходатайства какой-либо из сторон. Если стороны такого ходатайства не заявляют, суд может довести рассмотрение дела до конца и постановить по нему приговор¹.

Однако в настоящее время это правило, несомненно, устарело и не может быть признано целесообразным.

Дело в том, что предъявление более тяжкого обвинения, как уже было отмечено, всегда осложняет положение подсудимого, затрудняет его защиту. Не только сам подсудимый, но даже опытный и квалифицированный защитник далеко не всегда сможет сразу же по выяснении новых обстоятельств исчерпывающе определить их значение по делу и решить вопрос о целесообразности заявления ходатайства о его приостановлении и направлении на дополнительное расследование. Кроме того, вновь выясненные на суде факты сами нуждаются в тщательной проверке и влекут за собою проведение ряда следственных действий, которые трудно, а иногда и невозможно провести в том же судебном заседании.

Поэтому при обнаружении новых обстоятельств, дающих основание для изменения обвинения в сторону отягчения положения подсудимого, суд должен во всех случаях приостановить разбирательство дела и направить его для дополнительного расследования вне зависимости от того, было ли заявлено о том ходатайство сторон или не было.

В нашей процессуальной литературе неоднократно и справедливо отмечалось, что идти на какие-то соглашения по этому вопросу со сторонами, в частности испрашивать согласие подсудимого на более тяжкое его обвинение, было бы недопустимым процессуальным средством, так как подобного рода соглашения могут привести к вынесению неправильного и необоснованного приговора, не отражающего фактических обстоятельств дела².

¹ По УПК Украинской ССР суд обязан разъяснить подсудимому его право ходатайства об отложении дела и продолжает слушание дела только при отсутствии такого ходатайства или при отсутствии возражения прокурора (ч. 1 ст. 291 УПК УССР).

² М. Бажанов. Изменение формулировки обвинения в стадии судебного разбирательства. «Социалистическая законность», 1953, № 3, стр. 32; М.С. Строгович. Уголовный процесс, 1946, стр. 114.

Верховный суд СССР неуклонно отменял и отменяет приговоры нижестоящих судов всякий раз, когда они вынесены с изменением первоначально предъявленного обвинения в сторону отягчения, независимо от того, было ли заявлено в суде ходатайство о направлении дела на доследование или нет. Так, в постановлении по делу Сергиенко Пленум Верховного суда СССР указывал: «Считая, что в действиях подсудимого имеются признаки статьи УК, влекущей более суровое наказание по сравнению с той, по которой он был предан суду, суд обязан передать дело на новое рассмотрение»¹.

В тех случаях, когда в процессе судебного следствия будут установлены новые обстоятельства, смягчающие первоначально предъявленное обвинение и требующие его изменения на статью, предусматривающую более мягкое наказание, суд не выносит отдельного определения, а лишь указывает в своем приговоре основания, вызвавшие соответствующее изменение обвинения, и определяет наказание согласно новой статье УК (ч. 2 ст. 313 УПК РСФСР). При этом суду нет надобности специально указывать в приговоре об оправдании подсудимого по первоначальному обвинению и тут же признавать его виновным по новому обвинению, так как первоначальное обвинение не отпадает, а лишь видоизменяется.

Верховный суд СССР неоднократно указывал на недопустимость вынесения в одном приговоре по одному и тому же обвинению одновременно двух решений: оправдательного и обвинительного. В частности, такое указание содержится в определении Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР от 14 ноября 1939 г. по делу Крелизного. Гражданин Крелизный, обвинявшийся в хищении одного рулона линолеума и некоторого количества мануфактуры, был предан суду по закону от 7 августа 1932 г. Во время судебного следствия суд признал Крелизного виновным в предъявленном ему обвинении, но пришел к заключению о необходимости переквалифицировать его действия на ст. 162 УК РСФСР. Однако вместо того, чтобы указать в приговоре на переквалификацию преступления по избранной судом статье УК, суд вынес подсудимому оправдательный приговор по обвинению в преступлении, предусмотренном законом от 7 августа 1932 г., и одновременно по тому же преступлению признал его виновным и назначил наказание по пункту «д» ст. 162 УК РСФСР. Иными словами, по одному преступлению суд в одном приговоре вынес по существу два приговора – оправдательный и обвинительный. Железнодорожная коллегия Верховного суда отменила этот приговор суда и направила дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства².

¹ Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, 1948, стр. 252.

² Там же, стр. 316–317.

В этой связи нельзя не отметить той ошибочной рекомендации, которую дала редакция «Социалистической законности» по этому вопросу на страницах журнала. Отвечая на вопрос народного судьи 2-го участка Октябрьского района г. Свердловска, редакция под рубрикой «Юридическая консультация» указывает: «При изложении резолютивной части приговора в случаях, когда действия подсудимого переквалифицируются на другую статью уголовного закона, подсудимого следует оправдать по той статье, которая ему была вменена в обвинительном заключении»¹. Несомненно, что такая рекомендация, расходящаяся с требованием уголовно-процессуального права и судебной практикой Верховного суда СССР, ничего, кроме путаницы, принести не может.

Иначе решается вопрос в тех случаях, когда предъявленное подсудимому обвинение сложное, т. е. тогда, когда подсудимому по обвинительному заключению инкриминируется совершение двух или нескольких преступлений. В этих случаях суд, найдя обвинение в одном из этих преступлений недоказанным и признавая доказанным обвинение в других преступлениях, обязан специально оговорить в своем приговоре об оправдании подсудимого по тому преступлению, обвинение в котором не нашло своего подтверждения на судебном следствии.

Подчеркивая именно этот момент, Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР в своем определении по делу Корчагина отмечала: «В случае предания суду по обвинению в двух или нескольких преступлениях суд, признав недоказанным обвинение в одном из этих преступлений и признавая доказанным обвинение в других преступлениях, обязан в приговоре указать не только на доказанность обвинения в этих преступлениях, но и об оправдании подсудимого по тому преступлению, которое суд признал недоказанным»².

Во всех остальных случаях, когда во время судебного следствия выясняются обстоятельства, не изменяющие юридического состава предъявленного обвинения, а лишь дополняющие и уточняющие отдельные стороны его (например, обстоятельства, касающиеся времени или места совершения преступления и не влияющие на его состав), суд, не откладывая дела, доводит разбирательство до конца и выносит приговор, учитывая происшедшее изменение обвинения.

Это положение верно и в тех случаях, когда в процессе судебного следствия происходит уточнение размера похищенного в сторону некоторого его увеличения при условии, что такое увеличение не ведет к изменению состава преступления, не представляет собой отдельного эпизода и не может отразиться на размере наказания.

¹ «Социалистическая законность», 1952, № 5, стр. 93.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 9, стр. 44.

Например, обвиняемому кассиру инкриминируется присвоение 1400 руб. На судебном следствии в результате проведенной судебно-бухгалтерской экспертизы выясняется, что сумма присвоения первоначально была подсчитана неправильно и фактически исчисляется в 1600 руб. В данном случае нет необходимости направлять дело для перепредъявления обвинения, так как происходит не изменение обвинения, а лишь уточнение отдельных его моментов. Конечно, пределы такого уточнения ограничены. Однако право суда производить такие уточнения бесспорно.

Иной порядок дальнейшего движения рассматриваемого дела должен быть при установлении на судебном следствии новых эпизодов инкриминируемого преступления. В силу требований ст. 311 и 313 УПК РСФСР суд не вправе, не направляя дело на дополнительное расследование, включать в приговор такие эпизоды или такие преступные действия, которые не были указаны в обвинительном заключении и по которым требуется производство предварительного следствия. Вменение подсудимому таких действий является существенным нарушением права подсудимого на защиту и влечет за собой отмену приговора.

В определении по делу Елхова, приговор по которому был отменен Верховным судом из-за нарушения ст. 311 и 319 УПК Грузинской ССР, Судебная коллегия указывала: «Согласно обвинительному заключению, Елхову не было предъявлено обвинение в присвоении материальных ценностей на 920 руб. и по этому обвинению он суду предан не был. Обнаружив на суде обстоятельства, свидетельствующие о совершенном Елховым присвоении, суд в силу ст. 311 и 313 УПК Грузинской ССР был не вправе включать этот эпизод в свой приговор, поскольку изменение формулировки обвинения могло повлечь применение к Елхову более тяжкого наказания, и должен был направить дело на новое расследование»¹.

В тех случаях, когда выясненные на суде новые эпизоды не имеют существенного значения для дела, они могут быть просто опущены, так как направление всего дела на доследование является нецелесообразным.

Как видно из изложенного выше, действующий УПК не делает различия между случаями, когда в результате выяснения новых обстоятельств происходит существенное изменение обвинения и когда характер первоначально предъявленного обвинения не меняется. Ст. 313 УПК РСФСР, регламентирующая все указанные случаи изменения обвинения, устанавливает правило, согласно которому дальнейший ход разрешения

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1950, № 4, стр. 9.

уголовного дела зависит только от одного обстоятельства: влечет ли новая формулировка обвинения повышение наказания или не влечет.

Между тем практика показывает, что такое различие имеет важное значение. Для подсудимого вовсе не безразлично, каким образом меняется первоначально предъявленное ему обвинение. При изменении обвинения по роду инкриминируемого преступления изменяется не только юридическая квалификация обвинения, но и сущность его. В таком случае подсудимому по существу вменяется совершенно новое преступление с другим фактическим и юридическим составом. Поэтому такое изменение обвинения, даже если оно и не влечет повышения наказания, всегда осложняет положение подсудимого, затрудняет его защиту. Как правило, подсудимый в суде защищается не против карательной санкции закона, а против существа предъявленного обвинения, которое соответствующим образом изменяет размер грозящего наказания. Затруднения защиты, возникающие при изменении первоначального обвинения, зависят в первую очередь не от того, в какую сторону изменяется размер возможного наказания, а от того, насколько при этом меняется характер самого обвинения. Подсудимый и его защитник всегда смогут достаточно полно использовать свои права и быть готовыми к опровержению нового обвинения, если изменение касается лишь отдельных сторон ранее предъявленного обвинения и не изменяет его сущности. И наоборот, они могут оказаться в значительном затруднении, когда в результате изменения обвинения подсудимому будет вменено более легкое преступление, но совершенно иного состава, иного характера.

Поэтому в советской процессуальной литературе общепризнанным является, что при выяснении на судебном следствии новых обстоятельств, существенным образом изменяющих первоначально предъявленное обвинение, дело должно быть направлено на доследование, независимо от того, влечет ли новое обвинение повышение наказания или не влечет. Нет никаких оснований для иного решения этого вопроса¹.

3

Наша судебная практика, следуя указаниям Верховного суда СССР, также идет в этом направлении. Например, определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Д. и др.²

На судебном следствии может выясниться, что, кроме подсудимого, дело которого рассматривает суд, преступление было совершено также

¹ См.: М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс, 1951, стр. 343; Советский уголовный процесс, под ред. проф. Д.С. Карева. 1953, стр. 269; М. Бажанов. Изменение формулировки обвинения в стадии судебного разбирательства. «Социалистическая законность», 1953, № 3, стр. 36.

² См.: «Судебная практика Верховного суда СССР», 1952, № 6, стр. 26.

другими лицами, не привлеченными к уголовной ответственности. При этом возможны два случая: а) когда преступление, совершенное новыми лицами, не связано с рассматриваемым делом; б) когда обвинение новых лиц находится в прямой связи с рассматриваемым делом.

Действующий УПК РСФСР регламентирует оба эти случая следующим образом.

Суд, установив во время судебного заседания ряд обстоятельств, указывающих на совершение преступления кем-либо из лиц, не привлеченных по данному делу в качестве подсудимых, выносит мотивированное определение о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, выделяет материалы дела, относящиеся к этим лицам, и направляет их на расследование в общем порядке (ст. 315 УПК РСФСР)¹.

Если же обвинение вновь привлеченных лиц находится в тесной связи с разрешаемым делом и отдельное рассмотрение их невозможно, суд приостанавливает слушание дела и направляет его в полном объеме на дополнительное расследование (ст. 316 УПК). В обоих случаях суд обязан довести до сведения вновь привлеченных лиц содержание вынесенного определения, которое по своему процессуальному значению равносильно возбуждению уголовного преследования. При этом суд вправе избрать в отношении этих лиц необходимую меру пресечения.

Инициатива возбуждения перед судом ходатайства о привлечении к уголовной ответственности новых лиц принадлежит, как правило, прокурору. При отсутствии на судебном разбирательстве прокурора суд в силу ст. 96 УПК РСФСР возбуждает уголовное преследование по собственному почину.

В функции защитника не входит задача высказываться по вопросу о привлечении к уголовной ответственности новых лиц. Однако в тех случаях, когда положение подсудимого значительно облегчилось бы привлечением к ответственности новых лиц, на которых ложится часть вины за инкриминируемое подсудимому преступление, защитник вправе возбудить перед судом соответствующее ходатайство о направлении всего дела на дополнительное расследование с тем, чтобы оно в дальнейшем рассматривалось в полном объеме в отношении всех участников данного преступления.

В постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного суда СССР содержатся неоднократные указания на то, что рассмотрение дела в суде должно быть проведено таким образом, чтобы от ответственности не были необоснованно устранены лица, причастные

¹ В отличие от формулировки ст. 315 УПК РСФСР по ст. 293 УПК Украинской ССР суд, при наличии указаний на совершение преступления другими лицами, выносит определение не о привлечении их к уголовной ответственности, а о возбуждении против них уголовного дела.

к совершению преступления¹. При этом, решая вопрос о дальнейшем порядке рассмотрения дела, суд в первую очередь должен выяснить, в какой мере вопрос о виновности или степени ответственности подсудимого находится в зависимости от тех же вопросов в отношении вновь привлекаемых лиц. Если такая зависимость налицо, суд должен объединить дело и передать его на дополнительное расследование. Если такой зависимости нет и обвинение вновь привлекаемых лиц не может как-либо изменить обвинение остальных подсудимых, суд, вынося определение о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, доводит рассматриваемое дело до конца и постановляет по нему приговор.

В определении по делу М. Соколовской и А. Соколовского Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР указывала: «Считая, что в материалах дела имеются данные для привлечения к ответственности иных лиц, кроме преданных суду по настоящему делу, суд направляет дело на доследование в отношении всех лиц, как преданных суду, так и вновь выявленных, только в том случае, когда отдельное рассмотрение дела в отношении этих лиц может отразиться на правильности расследования и правильности приговора»².

Это правило сохраняет свою силу и в тех случаях, когда привлеченные по делу лица являются участниками одного и того же преступления. Очень показательным в этом отношении определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 18 января 1949 г. по делу Попова и др. По приговору Львовского областного суда Попов, Мамут и Бакулин были осуждены по ч. II ст. 70 УК УССР (хулиганство). Бакулин, Попов и Мамут признаны виновными в том, что они, находясь на вечере в нетрезвом состоянии, учинили там хулиганские действия.

Однако Верховный суд Украинской ССР, рассматривая дело в кассационном порядке, приговор областного суда отменил и дело о них направил на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для привлечения к уголовной ответственности других лиц, которые участвовали совместно с Бакулиным, Поповым и Мамут в совершении хулиганских действий.

Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила это определение Верховного суда УССР, указав, что, поскольку вина Бакулина, Попова и Мамут вполне доказана судебным следствием, направление дела в отношении их на дополнительное расследование не вызывается необходимостью. «Если Верховный суд УССР, – отмечает Судебная коллегия, – считал необходимым привлечь к ответственности других лиц,

¹ См., например: Определение ЖДК от 3 января 1949 г. по делу Александрова. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 3, стр. 25.

² Вопросы уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, 1948, стр. 441.

принимавших участие в хулиганских действиях совместно с Бакулиным, Поповым и Мамут, то, поскольку привлечение новых лиц не может повлиять на решение вопроса о виновности уже осужденных по делу, он вправе был вынести частное определение об этом, не отменяя приговора в отношении осужденных»¹.

Привлечение к уголовной ответственности новых лиц, помимо тех, которые были преданы суду, возможно также в случае обнаружения на суде факта лжесвидетельства со стороны кого-либо из допрошенных свидетелей.

Как известно, дача свидетельских показаний является не правом, а публично-правовой обязанностью всех граждан. Каждый гражданин, вызванный в суд в качестве свидетеля, обязан явиться и дать суду исчерпывающие и правдивые показания о всех известных ему фактах, относящихся к рассматриваемому делу. Закон устанавливает, что уклонение свидетеля от явки, а также дача заведомо ложных показаний являются такими действиями, которые преследуются в уголовном порядке (ст. 92 и 95 УК РСФСР).

В соответствии с этим требованием уголовного закона ст. 314 УПК РСФСР устанавливает, что суд, усмотрев в показаниях кого-либо из допрошенных свидетелей наличие лжесвидетельства, заносит показания этого свидетеля в протокол и, заслушав заключение прокурора, если он участвует в деле, выносит мотивированное определение о привлечении свидетеля к уголовной ответственности. Это определение суда, равнозначное по своему процессуальному значению возбуждению уголовного преследования, объявляется свидетелю и совместно со всеми материалами дела, относящимися к данному вопросу, направляется для дополнительного расследования, предания суду и рассмотрения в общем порядке отдельно от данного дела.

Поскольку ст. 95 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за дачу ложных показаний также и в отношении экспертов и переводчиков, то правила, установленные ст. 314 УПК РСФСР, относятся в равной мере и к ним.

При решении вопроса о привлечении свидетеля к уголовной ответственности за дачу ложных показаний суд должен учитывать два следующих весьма важных момента:

1. Согласно ст. 95 УК РСФСР уголовное преследование в отношении свидетеля может иметь место лишь в случае дачи им заведомо ложного показания. Между тем не всякое неправильное или ошибочное показание свидетеля может считаться ложным, за которое его надлежит привлечь к уголовной ответственности. Свидетель может давать

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949, № 2, стр. 46–47.

неправильные или неточные показания, которые являются результатом его добросовестного заблуждения. Только в тех случаях, когда суд приходит к убеждению, что свидетель сознательно, умышленно говорит неправду с целью ввести суд в заблуждение, он может по своему усмотрению или по ходатайству какой-либо из сторон возбудить уголовное преследование против этого свидетеля.

2. Привлечение свидетеля к уголовной ответственности за дачу ложных показаний, помимо самого факта привлечения к уголовной ответственности новых лиц, имеет также очень серьезные процессуальные последствия для дальнейшего разбирательства дела. В силу такого привлечения показания данного свидетеля исключаются из числа доказательств, представленных по рассматриваемому делу. Кроме того, вынося определение о возбуждении уголовного преследования, суд тем самым отвергает ту версию, в пользу которой были даны показания свидетеля.

Поэтому определение о привлечении свидетеля к уголовной ответственности за лжесвидетельство должно, как правило, выноситься не на судебном следствии, а по окончании его, одновременно с вынесением приговора, когда суд располагает всеми доказательствами по делу и может оценить показания этого свидетеля не изолированно, а в свете всех других материалов дела. Такой порядок, с одной стороны, предотвращает возможность преждевременного и ошибочного вынесения определения о возбуждении уголовного преследования, а с другой стороны, устраняет опасность оказания нежелательного воздействия на еще не допрошенных свидетелей, которое может иметь место при вынесении определения на судебном следствии в момент допроса свидетелей.

Так решаются советским уголовно-процессуальным правом, судебной практикой и процессуальной теорией основные вопросы, связанные с изменением обвинения и привлечением к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции.

Строгое соблюдение указанных правил является важным условием правильного разрешения уголовных дел, а тем самым и правильного осуществления задач советского социалистического правосудия.

К разработке вопросов, связанных с исполнением приговоров

Публикуется по статье: Матвиенко, Е. А. К разработке вопросов, связанных с исполнением приговоров / Е. А. Матвиенко // Советское государство и право. – 1959. – № 9. – С. 94–97.

До настоящего времени в процессуальной литературе недостаточно разработаны вопросы, связанные с исполнением приговоров, несмотря на всю их практическую значимость.

Особое значение исследование этих вопросов приобретает в связи с происходящей сейчас кодификацией законодательства союзных республик. Правильная регламентация вопросов, относящихся к исполнению приговоров, будет способствовать дальнейшему укреплению социальной законности, ликвидации тех недостатков, которые имеют место при исполнении приговоров.

Не имея возможности остановиться на всех вопросах, связанных с исполнением приговора, мы в настоящей статье сделаем попытку рассмотреть наиболее важные из них и указать на те изменения и дополнения, которые, по нашему мнению, следует внести в будущее законодательство.

Исполнение приговора – завершающая стадия уголовного процесса. Сущность ее состоит в своевременном и правильном обращении приговора к исполнению и разрешении процессуальных вопросов, возникающих при исполнении приговора. Этим очерчиваются правовые рамки

данной стадии процесса. Что касается деятельности органов и лиц, осуществляющих фактическое исполнение приговора (в смысле организации отбывания лишения свободы, режима и внутреннего распорядка в местах заключения, материального и культурного обеспечения заключенных, порядка удержаний из заработной платы и т. д.), то эта сторона деятельности выходит за пределы уголовного процесса и регулируется нормами других отраслей права (исправительно-трудового, административного, гражданского и т. д.).

Своевременное и точное исполнение приговора является необходимым условием успешного осуществления задач социалистического правосудия. Эффективность приговора, его воспитательное значение зависят не только от того, насколько сам приговор законен и обоснован, но и от того, насколько быстро и точно он будет приведен в исполнение.

Законодательством союзных республик установлен различный порядок обращения приговоров к исполнению. Он зависит от видов приговора и характера определенной судом меры наказания. Общие положения, характеризующие этот порядок, содержатся в ст. 53 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Положения этой статьи должны служить основой для регламентации порядка обращения приговора к исполнению в УПК союзных республик.

Представляется, что в будущих УПК союзных республик необходимо воспроизвести некоторые нормы, содержащиеся в действующих УПК, которые оправдали себя на практике.

В частности, в ст. 170 УПК Туркменской ССР содержится интересное правило, согласно которому приговор, предусматривающий общественное порицание, должен быть в обязательном порядке оглашен на ближайшем собрании предприятия, учреждения, цеха, совхоза, колхоза и т. п. и опубликован в местной печати (стенгазете, многотиражке, районной газете и т. д.) не позднее 10 дней после получения копии приговора. Эта норма, значительно повышающая воспитательное значение общественного порицания, должна быть воспринята УПК других союзных республик.

Следует также признать целесообразным включение в УПК союзных республик статьи, предусматривающей, что органы, на обязанности которых лежит приведение приговора в исполнение, должны сообщать суду о начале и об окончании исполнения приговора. Это облегчило бы надзор суда и прокуратуры за правильностью и своевременностью исполнения приговора.

По нашему мнению, следует сохранить и законодательно закрепить в УПК союзных республик порядок обращения к исполнению приговора, предусматривающего смертную казнь. Дело, по которому вынесен

такой приговор, должно быть в обязательном порядке рассмотрено Верховным судом союзной республики или Верховным судом СССР (по принадлежности), независимо от обжалования или опротестования приговора. Осужденному к смертной казни должно быть предоставлено право в течение 3 суток после того, как ему стало известно об оставлении приговора в силе, подать ходатайство о помиловании. Подача такого ходатайства должна приостанавливать исполнение приговора до окончания рассмотрения вопроса о помиловании.

При обращении приговора к исполнению и в ходе его исполнения может возникнуть ряд вопросов процессуального характера, требующих своего разрешения. Рассмотрим некоторые из них.

Ст. 456 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик предусматривают ряд оснований, по которым исполнение приговора может быть отсрочено. Судебная практика показывает, что эта статья УПК нуждается в определенных коррективах.

Прежде всего, установленная законом отсрочка исполнения приговора в случае беременности осужденной до двух месяцев после родов является недостаточной. Довольно часто и по истечении двух месяцев после родов мать и ребенок находятся в таком состоянии, которое исключает возможность обращения приговора к исполнению. В будущих УПК необходимо либо увеличить этот срок, либо предоставить суду право вторично обсуждать вопрос об отсрочке исполнения приговора.

Необходимо также установить предельный срок отсрочки исполнения приговора по тем мотивам, что немедленное отбывание наказания может повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного и его семьи. Отсутствие такого срока вызывает ряд нежелательных последствий: необоснованную оттяжку исполнения приговора, различные злоупотребления и т. д. Наиболее целесообразным, по нашему мнению, следует считать 3-месячный срок.

Кроме того, ст. 456 УПК следует дополнить указанием о том, что отсрочка исполнения приговора не допускается в отношении осужденных за особо тяжкие преступления. Мы считаем необходимым перечень таких преступлений указать в законе.

Порядок исполнения приговоров при наличии других неисполненных приговоров регламентируется ст. 465 УПК РСФСР. По смыслу этой статьи при наличии в отношении осужденного нескольких приговоров, вступивших в законную силу, наказание по совокупности определяет суд, выносящий последний по времени приговор, руководствуясь нормами уголовного права. Однако закон не содержит ответа на вопрос о том, кем и в каком порядке должно определяться наказание по совокупности,

если к моменту вынесения последнего приговора суду не было известно о существовании других неисполненных приговоров, вступивших в законную силу.

По мнению М.А. Чельцова, суд в таких случаях должен постановить дополнительный приговор, в котором и определить наказание по совокупности¹. С этой точкой зрения согласиться нельзя. Советский уголовный процесс не знает дополнительных приговоров, и нет никакой необходимости вводить их. Вынесение таких приговоров противоречило бы сущности и задачам стадии исполнения приговоров.

В случаях, когда в отношении осужденного имеется несколько приговоров, не приведенных в исполнение, о чем не было известно суду, постановившему последний по времени приговор, этот или одноименный суд по месту исполнения наказания должен вынести определение, в котором на основании ст. 35 и 36 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующих статей УК союзных республик назначить наказание по совокупности всех неисполненных приговоров.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, регулирующих вопросы, связанные с исполнением приговора в части гражданского иска и других гражданско-правовых последствий. Между тем в практике исполнения приговоров такие вопросы возникают довольно часто. Укажем на некоторые из них: а) о порядке исполнения приговора в части гражданского иска и взыскания судебных издержек в случаях, когда у осужденного не оказывается необходимых средств и имущества; б) о порядке исполнения приговора в части гражданского иска после отбытия осужденным наказания или его досрочного освобождения, если установленная судом сумма не была взыскана полностью; в) об уменьшении суммы взыскания с осужденного по гражданскому иску ввиду нереальности его исполнения.

Своевременное и полное исполнение приговора в части гражданского иска является необходимым условием борьбы с преступлениями, важным средством охраны государственной и общественной собственности, а также имущественных прав граждан. Однако реальное исполнение приговоров в этой части далеко не всегда обеспечивается. Это происходит потому, что многие суды и судебные исполнители не принимают активных мер к розыску имущества осужденного, допускают медлительность, а иногда и волокиту при взыскании причиненного ущерба. В результате имущества, на которое могло быть обращено взыскание, не оказывается или оказывается гораздо меньше, чем было в свое время описано следственными органами. Следственные органы

¹ См. М.А. Чельцов. Советский уголовный процесс, Госюриздат, М. 1961, с. 421–422.

часто с большим запозданием налагают арест на имущество обвиняемого, не принимают необходимых мер по обеспечению его сохранности, в связи с чем обвиняемый успевает скрыть или реализовать имеющееся у него имущество. Отдельные суды к исполнительным листам о взыскании ущерба не приобщают копий актов описи имущества. Это приводит к тому, что судебные исполнители лишаются возможности проверить наличие описанного имущества и принять меры к розыску недостающего.

Если у осужденного не окажется средств и имущества, на которое может быть обращено взыскание, судебный исполнитель составляет акт о несостоятельности, который в соответствии со ст. 112 Инструкции «О порядке исполнения судебных решений» должен быть проверен и утвержден судьей.

В юридической печати уже отмечалось, что порядок составления акта о несостоятельности и порядок его утверждения, определяемый указанной инструкцией, во многом несовершенен и нуждается в изменении¹.

Отсутствие у осужденного к моменту вступления приговора в законную силу имущества и средств, достаточных для удовлетворения гражданского иска, не служит основанием для освобождения его от возмещения причиненного ущерба. Этим необоснованно ущемлялись бы законные интересы потерпевшего. Поэтому и при отсутствии у осужденного к моменту вынесения приговора достаточного имущества должно производиться взыскание в пользу гражданского истца.

Согласно ст. 112 Инструкции «О порядке исполнения судебных решений» суд, убедившись в невозможности произвести полное взыскание за счет имущества осужденного, направляет исполнительный лист начальнику соответствующего места заключения для последующего взыскания из заработка осужденного. Если гражданский иск не будет полностью удовлетворен за счет отчислений из заработка осужденного, то по отбытии последним наказания исполнительный лист направляется по новому месту жительства и работы освобожденного для производства дальнейших удержаний.

Следует подчеркнуть, что направление исполнительного листа по месту отбывания осужденным наказания может иметь место лишь после того, как будет произведено взыскание за счет имеющегося имущества. До обращения взыскания на имеющееся имущество суд не вправе направить исполнительный лист по месту отбывания

¹ См. Чулимков. Инструкция о порядке исполнения судебных решений не обеспечивает возмещения ущерба от растрат и хищений государственного и общественного имущества («Социалистическая законность», 1954, № 6, стр. 79).

наказания, независимо от причин, по которым такое взыскание не было произведено.

Освобождение осужденного от наказания по амнистии, помилованию или в силу условно-досрочного освобождения также не снимает с последнего обязанности возместить причиненный ущерб, если об этом специально не оговорено в акте об амнистии или помиловании. Поэтому при досрочном освобождении осужденного по указанным основаниям, если к этому времени присужденная сумма взыскана не была, исполнительный лист направляется по месту работы или жительства освобожденного для производства дальнейших удержаний. Такой порядок полностью оправдал себя, и его следует нормативно закрепить в УПК.

В судебной практике встречаются случаи, когда исполнение приговора в части гражданского иска является нереальным из-за чрезмерно большой суммы взыскания, определенной судом, или вследствие того, что исполнение приговора в этой части вызвало бы самые тяжелые последствия для осужденного и его семьи.

Советское право, защищая законные интересы потерпевшего и устанавливая меры борьбы с преступностью, не может односторонне подходить к принципу незыблемости судебного приговора, заботясь только о поддержании авторитета суда и не учитывая тех последствий, которые могут при этом наступить. Формализм в исполнении приговора также чужд советскому праву, как и в решении всех других вопросов. Поэтому закон предоставляет надзорной инстанции право в необходимых случаях уменьшать размер взыскания по гражданскому иску, установленному судом.

Однако такой порядок нельзя признать совершенным и единственно возможным. Дело в том, что для разрешения вопроса об уменьшении суммы взыскания с осужденного довольно часто требуется произвести определенное исследование, допросить свидетелей, истребовать и обсудить документы и т. д. Надзорная инстанция этого не может сделать. Она не вправе принимать на себя функции суда первой инстанции. Кроме того, следует учитывать, что надзорный порядок рассмотрения дела является исключительным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему мы считаем, что возможность разрешения этого вопроса должна быть предоставлена также судам в порядке исполнения приговора. Проверив и проанализировав все обстоятельства дела, суд может выяснить, насколько обоснованным является ходатайство осужденного, и постановить правильное решение.

Все вопросы процессуального характера, возникающие при исполнении приговора, должны разрешаться судом, постановившим данный приговор. Если приговор приводится в исполнение вне района

деятельности суда, вынесшего его, эти вопросы подлежат разрешению одноименного или вышестоящего суда по месту исполнения приговора. В этом случае копия определения должна быть направлена суду, вынесшему приговор.

Рассмотрение вопросов, возникающих в процессе исполнения приговоров, должно производиться судом в судебном заседании с обязательным участием прокурора. На заседание суда вызывается осужденный, которому следует предоставить право пригласить себе защитника. Если будут рассматриваться вопросы, касающиеся исполнения приговора в части гражданского иска, в судебное заседание должен быть вызван также гражданский истец. Однако неявка указанных лиц не приостанавливает рассмотрения дела. Для разрешения всех вопросов, связанных с исполнением приговора, необходимо истребование судебного дела.

Особый порядок должен быть установлен УПК союзных республик для рассмотрения вопросов о досрочном и условно-досрочном освобождении осужденных из мест заключения. В юридической печати, а также в выступлениях депутатов Верховного Совета СССР при обсуждении проектов Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и т. д. были подвергнуты резкой и обоснованной критике серьезные недостатки в законодательстве и практике досрочного освобождения, особенно путем зачета рабочих дней. Справедливое возмущение вызывал тот факт, что многие опасные преступники, рецидивисты, осужденные судом к длительным срокам лишения свободы, отбывали лишь незначительную часть наказания и, возвратившись досрочно из заключения, вновь совершали тяжкие преступления.

При подготовке и утверждении Основ уголовного законодательства эта критика была учтена. Согласно ст. 44 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик условно-досрочное освобождение может применяться только к тем осужденным, которые своим примерным поведением и честным отношением к труду доказали свое исправление и фактически отбыли не менее половины назначенного срока наказания. К лицам, осужденным за особо опасные государственные и другие тяжкие преступления, условно-досрочное освобождение может быть применено после фактического отбытия не менее двух третей назначенного судом срока. К особо опасным рецидивистам условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким не применяются.

Детально регламентируют Основы уголовного законодательства и основания досрочного и условно-досрочного освобождения лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет.

Важность изложенных правил требует и особого процессуального порядка их применения. Основные положения, определяющие этот порядок, содержатся в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения судами дел о досрочном и условно-досрочном освобождении из мест заключения» от 21 апреля 1955 г. и в постановлении Президиума Верховного суда СССР от 14 февраля 1959 г. В соответствии с указанным Постановлением дела об условно-досрочном освобождении рассматриваются по представлению администрации мест заключения народными судами или вышестоящими судами по месту исполнения приговора. Положениями о наблюдательных комиссиях, утвержденными советами министров союзных республик, право входить с ходатайствами в судебные органы о досрочном и условно-досрочном освобождении осужденных предоставлено также наблюдательным комиссиям.

Представление администрации места заключения или ходатайство наблюдательной комиссии о досрочном и условно-досрочном освобождении рассматривается в судебном заседании без истребования судебного дела. Заседание суда происходит с участием прокурора, с вызовом представителя администрации места лишения свободы и, как правило, осужденного.

Разрешая вопрос о досрочном и условно-досрочном освобождении, суд обязан тщательно взвесить все обстоятельства, проверить, насколько доказано исправление осужденного, в какой мере он осознал совершенное преступление и раскаялся в нем, и с учетом личности осужденного вынести определение. При рассмотрении дела суд не может ограничиться сведениями, полученными лишь от администрации места заключения. В необходимых случаях он должен вызывать и допросить свидетелей (мастеров производства, педагогов и др.), истребовать дополнительные документы, чтобы выяснить, что представляет собой заключенный, действительно ли он твердо встал на путь исправления.

Было бы неправильно полагать, что одно лишь отсутствие у заключенного дисциплинарных взысканий и выполнение им установленных норм выработки служат достаточным основанием для досрочного освобождения его от наказания. Формальный подход к применению норм о досрочном и условно-досрочном освобождении, без учета характера совершенного преступления, личности осужденного и степени его исправления, может привести и приводит к неосновательному освобождению лиц, совершивших тяжкие преступления, рецидивистов и т. д., что фактически означает ослабление борьбы с преступностью и не может способствовать достижению превентивной цели наказания.

Следует отметить, что нормы, регламентирующие порядок разрешения вопросов о досрочном и условно-досрочном освобождении,

исключены из УПК большинства союзных республик. Между тем по своему содержанию эти нормы имеют процессуальный характер, относятся к стадии исполнения приговора и должны быть включены в УПК.

Немногие затронутые в статье вопросы, возникающие в процессе обращения приговора к исполнению и в ходе его исполнения, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что их дальнейшее изучение и широкое обсуждение принесло бы несомненную пользу и способствовало как устранению имеющихся в судебной практике недостатков, так и успешной работе по кодификации уголовно-процессуального права.

Библиографический список трудов Е.А. Матвиенко, опубликованных в настоящем издании

1. Матвиенко, Е. А. Судебное следствие в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Матвиенко Евгений Александрович ; Ин-т права Акад. наук СССР. – М., 1951. – 27 с.
2. Уголовный процесс БССР : учеб. пособие для юрид. вузов / С. П. Бекешко, Н. Н. Гапанович, А. С. Кобликов, И. М. Мартинович, Е. А. Матвиенко [и др.] ; под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Минск : Выш. шк., 1979. – 543 с. (гл. V; § 1–4 гл. VI; § 1–4 гл. XII).
3. Матвиенко, Е. А. Судебная речь : учеб. пособие для юрид. ин-тов и фак. / Е. А. Матвиенко. – Изд. 2-е, доп. – Минск : Выш. шк., 1972. – 253 с.
4. Матвиенко, Е. А. Приговор суда и его исполнение / Е. А. Матвиенко. – Минск : Выш. шк., 1968. – 179 с.
5. Матвиенко, Е. А. Уголовный процесс / Е. А. Матвиенко // Очерки истории государства и права БССР : в 2 вып. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1969. – Вып. 2. – С. 65–70.
6. Матвиенко, Е. А. Об Уголовно-процессуальном кодексе Белорусской ССР / Е. А. Матвиенко // Об уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик : сб. ст. / под ред. и с введ. Д. С. Карева. – М., 1962. – С. 126–144.

7. Матвиенко, Е. А. Спорные вопросы относимости и допустимости судебных доказательств / Е. А. Матвиенко // Вопросы государства и права : сб. ст. : в 2 вып. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1969. – Вып. 1. – С. 196–203.
8. Матвиенко, Е. А. Изменение обвинения и привлечение к уголовной ответственности новых лиц в суде первой инстанции / Е. А. Матвиенко // Ученые записки. Серия юридическая / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1955. – Вып. 25. – С. 159–175.
9. Матвиенко, Е. А. К разработке вопросов, связанных с исполнением приговоров / Е. А. Матвиенко // Советское государство и право. – 1959. – № 9. – С. 94–97.

Научное издание

Наследие права

МАТВИЕНКО Евгений Александрович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Ответственный за выпуск
Е. С. Стрига

Редакторы
В. Л. Ксюк, Е. С. Шагун

Компьютерная верстка
О. П. Карасюк

Подписано в печать 29.08.2025. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,52. Уч.-изд. л. 28,35. Тираж 300 экз. Заказ 1999.

Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/531 от 27.06.2018.
Ул. Ф. Скорины, 40, к. 328 (адм. корп.), 220141, г. Минск.

Общество с ограниченной ответственностью «Поликрафт».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/14 от 21.11.2013.
Ул. Кнорина, 50, корп. 4, к. 401А, 220103, г. Минск.